Лев Клейн
библиотека журнала
КУЛЬТУРОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ
неприкосновенный запас
МУКИ НАУКИ
Ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автору этой книги всегда было тесно внутри какой-то одной, отдельно взятой гуманитарной дисциплины, равно как и внутри той или иной научной догмы. Начав с полевой археологии, выдающийся ученый Л.С. Клейн (р. 1927) много времени и сил посвятил теоретическим проблемам, связанным в основами археологического знания. В студенческие годы выступил с докладом, критикующим господствовавшее тогда «новое учение о языке» Н.Я. Марра. В середине 1960-х инициировал новый раунд в споре о роли норманнов в становлении древнерусской государственности, выступив с «антипатриотичных» на тот момент «норманнских позиций». В середине 1980-х обратился к изучению «Илиады», поставив под сомнение как авторское единство этого текста, так и признанное со времен Г. Шлимана расположение древней Трои. Многолетние занятия археологией и культурной антропологией, вопросами этногенеза и становления гуманитарных наук, академические штудии и преподавательская деятельность обрели в последние годы еще одну форму – интеллектуальную публицистику, предметом которой стало практическое существование научного знания. В собранных здесь эссе наука обретает почти утраченный ныне голос, не желая растворяться в хоре государственного и церковного патриотизма, разноголосице псевдонаучных разысканий и административных императивах академического начальства.

- Лев Клейн
  - От автора. Наука in vivo
  - I. Наука и власть
    - 1. Экспертиза разумности
    - 2. Возвышение Европы и притязания Евразии
    - 3. Донос на аспиранта
    - 4. Язык сфинксов, или Мысли между строк
    - 5. Фасады города и византийские эмали
    - 6. Лохи из Петербурга
    - 7. Несколько слов об амфорах и архарах
    - 8. Ученые как класс
    - 9. Куда ведет проспект Сахарова?
    - 10. Кому из ученых на Руси было жить хорошо – и когда?
    - 11. Указующий перст глазами следующего поколения
  - II. Разгром Академии

- 1. Нужна ли России Академия наук
- 2. Судьба Академии, судьба страны
- 3. Наука и империя
- 4. В университеты хочешь? Не хочешь?
- 5. Рецепт реформы

○ III. Money, money, money…
- 1. Генералы науки
- 2. Гранты и гаранты
- 3. Процессия к Высокому Столу
- 4. Мое золотое время
- 5. Мой большой саббатикал
- 6. Сан-Суси без короля
- 7. Неприличный анекдот
- 8. Чаепитие в Кембридже
- 9. Разорванный договор

○ IV. Образование
- 1. Азы науки и университеты
- 2. Стек
- 3. Кадровая политика
- 4. Проблемный семинар
- 5. Перелом
- 6. Смена поколений и проблема преемственности
- 7. От шпаргалки до мигалки
- 8. Документ о культуре и дух культуры

○ V. Brain drain
- 1. Храм науки и хлам науки
- 2. Ave Caesar!
- 3. Почему я не уехал?

○ VI. Наука и религия
- 1. Парадокс в названии
- 2. Верующий ученый
- 3. А индекс Хирша ни при чем
- 4. Божество и убожество
- 5. Дурные числа и златые горы
- 6. Икона И. Кона
- 7. Одинокий воитель
- 8. Популярно о Библии
- 9. О боге Одине и стеариновой свечке
- 10. Казус: археология для православных
- 11. Есть ли боги у животных?
- 12. Благая весть от диакона
- 13. О правах эмбрионов
- 14. Дилемма Веркора

- 15. Вечен ли свет жизни?
- VII. Ученый и публикации
  - 1. Коллективный организатор?
  - 2. Невидимая литература
  - 3. Пять барьеров к признанию
  - 4. Об индексе Хирша и проделках с ним
  - 5. Три шара и антиглобализм
  - 6. Поздравление с оговоркой (автор – издатель – читатель)
  - 7. «Проблема решаема», но не решается. К обсуждению издательской проблемы
  - 8. Прелестное письмо Руснауки
  - 9. Туда, где цветут цитроны, или Дискурс об открытом доступе
  - 10. Кто автор? Драма соавторства
- VIII. Наука и публика
  - 1. Поп-наука
  - 2. Доклад для домработницы
  - 3. Интерпретация популяризации
  - 4. Археология: разговор с народом
  - 5. Ровесники, пишите мемуары!
  - 6. Загадка Льва Гумилева
  - 7. Трезво о Льве Гумилеве: ответ критикам
  - 8. Письмо с того света
  - 9. Трипольское зеркало
  - 10. Варяги, антинорманизм и час истины
  - 11. Любители в роли экспертов
  - 12. Воинствующий дилетантизм на экране
  - 13. О норманнах, славянах и ариях…
  - 14. Фингал под левым глазом
  - 15. Археологи против черных
- IX. Научная этика
  - 1. Плагиат глазами гипроскептика
  - 2. Ариец Буровский и плагиат
  - 3. Имитация работы и плагиат как ржавчина
  - 4. Открытый лист
  - 5. Диссертация для хорошего человека
  - 6. Диссертации без обмана. Переписка с мастером
  - 7. Махинации с диссертациями и смысл жизни
  - 8. Остепененный бандит
  - 9. Липовые академии
  - 10. Под оксфордской мантией
  - 11. О светилах и «неграх»

- 12. Два скандала в археологии
- 13. Где же Шлиман?
- 14. Симулякры
- 15. Жертвоприношение и обрезание глазами скептика (культура, религия, Интернет и коммунизм)

- X. Историческая перспектива
  - 1. В чем научность науки? Гуманитарий – это ученый?
  - 2. Назад в Ренессанс?
  - 3. Гомерическая история: очарование героического эпоса
  - 4. Теория реставрации и новоделы
  - 5. Что за комиссия, Создатель…
  - 6. Петрики наступают на историю, или Мемориальные законы
  - 7. Всерьез о судьбах марксизма
  - 8. Царь недавно и встарь
  - 9. Приглашение к застою
  - 10. Дурной сон (почти антиутопия)
  - 11. Мораль Прыгунова, или Уроки истории остаются невыученными
  - 12. О некоторых исходных понятиях
  - 13. «Прекрасная эпоха»
  - 14. Аналогия
- XI. Этничность
  - 1. Этнос не по Гумилеву
  - 2. Евреи и казаки
  - 3. Работа по-английски?
  - 4. Самый умный народ и русофобия
  - 5. Сами с усами (к спору о варягах)
  - 6. Ярость синих и зеленых. Фанаты и наука
  - 7. Странная любовь, патриотизм!
  - 8. Сенсация Тягнибеды
  - 9. Этнографическая наука и национальный вопрос
  - 10. Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат…
  - 11. Четырнадцать евреев?
  - 12. Великороссия и Россия – что больше?
  - 13. Преимущества русского народа
- XII. Личное
  - 1. Итоговый обзор
  - 2. Последний выбор
- Алексей Ельяшевич[93]

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107

Лев Клейн
Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль

От автора. Наука in vivo

Ученые, работающие в точных науках, нередко прибегают к опытам и наблюдениям in vitro – в стекле: в колбах, пробирках, под объективом микроскопа, в специальных установках – вплоть до синхрофазотрона и коллайдера (которые уже in vitro можно назвать с большой дозой условности). Только так обеспечивается чистота эксперимента или наблюдения. Значительно реже ученые выходят за пределы чистого экспериментирования – в окружающую жизнь. Тогда говорят, что они исследуют свой предмет in vivo – в жизни. Работающим в социальных и гуманитарных науках почти все время приходится наблюдать свои объекты in vivo. Поэтому точности там достичь труднее. И уж если испытывают, то режут по живому.

Сама наука исследуется точными методами – это науковедение. Но за пределами его остаются многие стороны научной жизни – прежде всего все, что касается психологии и поведения ученых, разные аспекты взаимоотношений науки с культурой, властью, проблемы этики и так далее. Их культурологическое изучение – на грани между точным и гуманитарным знанием и наиболее открыто публицистическому освещению. Более того, такая публицистика часто становится делом самих ученых, потому что это проблемы, больно затрагивающие их гражданские и личные интересы.

В предлагаемой книге собраны мои публицистические статьи о научной жизни. В основном это статьи из всероссийской газеты ученых «Троицкий вариант». Газета с таким странным названием лет двадцать была печатным органом Троицкого наукограда под Москвой, а с весны 2008 года стала всероссийской. В ней печатаются сами ученые и журналисты, пишущие о науке. Газета регулярно выходит два раза в месяц, публикуясь не только в бумажном варианте, но и в Интернете. Время от времени она проводит опросы известных ученых по тому или иному вопросу. Мои ответы редакции понравились, и мне предложили вести в газете постоянную колонку. Мои заметки стали регулярно появляться в «колонке Льва Клейна» и временами вне ее. Так на старости лет я стал колумнистом, а для нынешней книги начал регулярно накапливаться материал.

Разумеется, я писал о том, что близко и знакомо лично мне. Но поскольку я более полувека – в науке, а работал я не только в археологии, но и в ряде смежных наук (истории, филологии, культурной антропологии) и очень много занимался теорией и историей своих наук, то мои соображения могут быть интересны

широкому кругу ученых. Некоторые же проблемы, затронутые мною, явно волнуют всех ученых. Вопрос только в том, удалось ли мне интересно поставить эти проблемы. Но об этом не мне судить.

В конце каждой статьи, помещаемой здесь, приведена ссылка на номер и дату выпуска газеты «Троицкий вариант» или (в редких случаях) на другое издание, где впервые напечатан данный текст, или указано, что текст прежде не печатался.

Апрель 2016

I. Наука и власть

1. Экспертиза разумности

У нас есть один нечаянный гений – это Черномырдин. Он то и дело непроизвольно выдавал гениальные афоризмы. Самый замечательный из них: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

В нашей жизни остро не хватает научного подхода: сначала делаем дело (поворачиваем реки, меняем экономику отсталых народов, усиливаем вертикаль власти), а потом думаем. В основном над тем, почему «получается как всегда». Почему реки затопляют самые плодородные земли, отсталые народы спиваются, а из-под вертикали власти вылезает гидра коррупции. Проблема научной экспертизы – одна из тех, где наука прямо соприкасается с задачами общества, с его выживанием. Но наука в нашей стране подогнута под власть и хиреет на глазах – какой экспертизы ждать от сервильной и хилой науки?

Ведущие ученые в области физматнаук решили, что спасение науки – дело рук самих ученых, и начали создавать корпус экспертов, альтернативный Академии наук, ВАКу, РФФИ. В октябре 2007 года был выдвинут проект «Корпус независимых экспертов», который привлек многих и тотчас начал осуществляться. К середине 2008 года уже получены первые результаты – отобраны эксперты по физике твердого тела. Эксперты отбирались методом «снежного кома». В качестве первых были выбраны ученые, имеющие лучшие импакт-факторы в Web of Science и работающие в области физики condensed matter. А уж они кооптируют других, другие – третьих и так далее. Снежный ком катится, обрастает, пока не достигнет нужной величины. Этот проект – исключительно частная независимая негосударственная инициатива[1].

Неожиданно и я оказался экспертом – не по физике сгущенной материи, конечно, а скорее по природе сгущенной гуманитарности. От менеджера сайта scientific.ru Наталии Деминой в том же 2008 году я получил вопросы: «Как Вы думаете, насколько серьезна для социогуманитарных наук в России проблема научной экспертизы? Возможно ли расширение этого проекта на область социогуманитарных наук, в частности на археологию, историю, филологию, антропологию? Поможет ли метод „снежного кома“ выбрать настоящих экспертов в российских социогуманитарных науках? Какие трудности такого проекта Вы заранее предвидите? Кто мог бы стать первыми выборщиками?»

Что я мог бы ответить? Да и вправе ли я отвечать? И хочется,

и колется.

К выбору независимого корпуса рефери для гамбургского счета я, конечно, в принципе отношусь сугубо положительно. У каждого ведь есть круг личностей, на которых он в своей деятельности, во всех поступках ориентируется, кому безоговорочно доверяет. Психологи называют такой круг лиц референтной группой. Собрать такую коллективную референтную группу – очень заманчиво. Но каждый с удовольствием включил бы в такой корпус свою личную референтную группу. А это крайне субъективное дело. Разумеется, создавать такую группу можно только внутри каждой науки, для этой дисциплины. Создавать общий корпус по социогуманитарным дисциплинам значило бы строить корпус экспертов-дилетантов.

Название «Корпус независимых экспертов» меня смущает. Каковы функции такого корпуса? Кто будет обращаться к ним за экспертизой? Ведь это прерогатива властей, а власти к «независимым экспертам» обращаться не будут. И признавать будут вряд ли. Нашим властям нужны «зависимые». Ведь Общественная палата задумана именно как такая общественная экспертиза, но ее первоначальным выборщиком назначил себя глава государства. Снежный ком хочет катить только он сам. Другая экспертиза ему не угодна, конкурентов он не потерпит. Я имею в виду конкурентную экспертизу. А если экспертиза никого ни к чему не обязывает, то она не экспертиза.

Процедура выбора тоже смущает. Ведь итоги выборов по принципу «снежного кома» целиком зависят от первоначального ядра. А это ядро наметить трудно. Индекс цитируемости в авторитетнейших мировых журналах по гуманитарным наукам в широком масштабе (как и по некоторым точным) в мире не налажен. В науках с большим давлением вненаучных факторов (типа нашей российской науки) цитируемость в большой мере будет зависеть от административного поста автора и его личных связей.

Вообще все показатели, как только становятся формальными, сталкиваются с большой вероятностью просчета. Стоит мне только представить себе выборы по какому-то определенному показателю (ученая степень, премии, количество работ, количество ссылок и так далее), я сразу же вижу, кто, какие деятели пройдут по этому показателю первыми, и соображаю, что это не те, кому бы я мог больше всего доверять. Для меня наибольший авторитет определяется содержанием и качеством работ, а это очень редко совпадает с какими-то формальными показателями. Например, крупнейшим специалистом по бронзовому веку Европейской части России у нас и за рубежом

бесспорно признается В.С. Бочкарев, степеней и званий не имеющий никаких и очень скупо печатающийся. Да и вообще тут возможны разные оценки.

Далее, ни талант, ни заслуги не гарантируют способности объективно и разумно судить о работах других ученых. Поэтому-то нередко наиболее крупные ученые вовсе не оказываются ни наилучшими педагогами, ни наиболее успешными организаторами. Например, англичанин Гордон Чайлд плохо читал лекции, мало копал, никогда не работал в музее, но для первой половины XX века его признают наиболее влиятельным археологом мира. Это ведь все разные способности. Так что наилучшими рефери окажутся те, у кого наилучшие способности быть рефери. А как их найти?

Наконец, для хорошей экспертизы нужен доступ к обширной информации, часто также требуются средства и инструментарий, не говоря уже о затратах времени. Кто это все обеспечит «корпусу независимых экспертов»? Кто будет оплачивать экспертизу?

Очевидно, что наибольшие перспективы создания такой группы имеются в том случае, если ее потребителями будут СМИ. Но тогда и успех будет зависеть от поискового таланта, опыта и кругозора тех деятелей СМИ, которые за это возьмутся, от их удачного выбора, от средств, которые они сумеют мобилизовать. И от готовности использовать такую экспертизу всерьез. Чтобы все не завяло на корню.

PS (2013 год). Мое предвидение оправдалось. Наибольший авторитет в гуманитарных науках приобрели ученые и издатели, связанные со СМИ: М.С. Гельфанд, инициатор «Корчевателя», и С.Б. Пархоменко, связанный с «Антиплагиатом» и «Диссернетом».

А как было бы здорово иметь по каждой науке круг безусловно общепризнанных экспертов, независимых и уважаемых властью! Независимых, но признаваемых и уважаемых – в этом главное. Иначе будет «как всегда».

Октябрь 2008, не публиковалось

2. Возвышение Европы и притязания Евразии

Без нормального общения между странами наука развиваться не может. Английский археолог-марксист Гордон Чайлд, которого называют лучшим археологом мира первой половины XX века, считал, что со свободной циркуляции знаний, со странствующих мастеров началось возвышение Европы над остальными частями света. Запертые наглухо двери и форточки СССР были одной из причин его отставания и краха.

Пожилые ученые помнят, как трудно было добывать «не ту» литературу (оседавшую в спецхранах) и – еще труднее – продвигать свои работы за рубеж. Приходилось преодолевать бесчисленные рогатки, проходить разные комиссии, обсуждения, получать бесчисленные подписи и печати. Даже для отправки маленькой заметки – том документации, от дюжины до полутора десятков подписей и печатей. Времени и сил это все отнимало уйму. Наши работы всегда и всюду опаздывали. Но многих еще больше сдерживал страх. Академик Б.Б. Пиотровский говаривал мне: «Вы слишком много публикуетесь на Западе. Вас посадят» (посадили, но много позже). На деле, если личных врагов не было, все сводилось к формальностям, а так как комиссий было много, то представители первой надеялись на последующие проверки, а последующие полагали, что если первая ничего не заметила, то крамолы и нет.

Я честно проходил все комиссии, но лишь с некоторыми показательными работами. Все остальное отправлял в обход. Писал длинное письмо, скажем, чикагскому редактору, которое начиналось со слов Dear Sir и кончалось сакраментальным Sincerely yours, а между ними шел собственно текст статьи или ее первая часть. Отдельным письмом шла библиография с тем же обрамлением и зачином: «Вы просили меня перечислить». На всякий случай уведомил о своих проказах своего научного руководителя – тогдашнего директора Эрмитажа М.И. Артамонова. Он лукаво ухмыльнулся и тихонько сказал: «А знаете, я делаю то же самое».

Когда напечатанных за рубежом работ у меня стало очень много, меня вызвали в первый отдел ректората (пожилые помнят, что такое первый отдел) и незнакомый чиновник «оттуда» сказал: «У вас очень много публикаций на Западе. Все ли они прошли положенное оформление?» – «Все», – соврал я. «У Вас сохранились документы?» – «Нет, конечно. Ведь вся процедура секретна, я же

не имею права оставлять себе хоть что-то». Больше меня не тревожили.

Я не считал, что, обманывая эту администрацию, я поступал нечестно. Я отстаивал свои гражданские права и престиж государства. Западногерманский профессор Иоахим Вернер из Мюнхена подшучивал надо мной: «Вот Вы такой видный теоретик страны свободного труда, а не можете послать мне трех строк без проверки и разрешения, не говоря уж о том, чтобы приехать в гости. Вы привязаны, как цыпленок, за ножку на веревочке. А я в стране угнетения пишу, что хочу и кому хочу, езжу куда захочу и когда захочу. Вот и к Вам приехал». Ответить-то было нечего. Было больно и унизительно чувствовать себя на привязи и под глупым надзором.

Какое счастье, что я дожил до времени, когда обо всем этом можно публично вспоминать.

Но вот уже немало лет во главе страны стоят люди из того самого ведомства, которое осуществляло этот надзор. Конечно, они могли перестроиться и извлечь опыт из недавней истории. Но похоже, что их навыки и стиль работы остались прежними и они хотят восстановить прежний страх во человецех.

Когда я читаю сейчас одну за другой публикации о судах над учеными по обвинению в шпионаже в пользу Китая или Южной Кореи, Англии или США, то думаю о том, что, конечно, военные и экономические государственные тайны нужно беречь. И продажность ученых вещь – возможная, особенно учитывая их нищенскую зарплату. Но почему такие дела и процессы пошли косяком именно в эти годы? Сутягин, Данилов, Бабкин, Кайбышев, Решетин, Коробейников, Пасько и так далее. Почему хватают ученых и не имевших доступа к секретных данным? Почему судят и сажают за обмен с заграницей открытыми данными и обработку общеизвестных фактов? Почему список засекреченных данных сам засекречен – как же тогда ученым знать, о чем можно говорить в процессе научных контактов, а о чем нельзя? Почему вводят засекреченность и задним числом? Кто из них действительно виноват – как это узнать при нашем «басманном правосудии»? Какова вообще истинная цель всей кампании?

Стиль заразителен. И вот уже дугинский «Союз евразийской молодежи» подал заяву на директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова: мол, его международный мониторинг – это затея разведки США. Так что уже не только ФСБ ловит ученых. Впрочем, кажется, А.Г. Дугин – сын генерала спецслужб. Конечно, сын за отца не отвечает, но иногда воспитание сказывается. Так сказать, семейная традиция…

Сам Тишков печально констатирует: в Москве его объявляют американским агентом, а в Эстонии и Грузии – русским шпионом. Невольно вспоминается старая идея Республики Ученых – не оттуда ли он заслан во все означенные государства? Но стоило бы вспомнить и то, что наибольших успехов добиваются те страны, которые воспринимают граждан этой республики, Республики Ученых, как своих целителей, учителей и пророков, а не как опасных и чуждых колдунов, обнажающих тайные язвы.

№ 8 (27), 28 апреля 2009

3. Донос на аспиранта

Когда я был аспирантом, в обком КПСС на меня поступил донос: у меня слишком много печатных работ. Аспиранту не положено столько, и эта чрезмерность свидетельствует о моих дурных качествах: пронырливости, беспринципности, тщеславии и корыстолюбии. Можно ли такого человека держать в аспирантуре? Между тем работы были в основном безгонорарными, но обвинение в пронырливости, беспринципности и тщеславии мне было нечем парировать.

Членом партии я никогда не был, но меня вызвали в партбюро истфака и потребовали письменное объяснение, зачем я так много и продуктивно работаю. Заяву мне отказались показать (автор доноса мне остался неизвестен). Я написал объяснение 17 ноября 1960 года и сдал его главе партбюро, а копию отдал помощнику ректора, с которым был знаком, и он тотчас положил ее на стол ректора.

Как раз незадолго до того в своем выступлении перед профессурой наш харизматический ректор (Ленинградского государственного университета) Александр Данилович Александров говорил, что, так как в году 12 месяцев, то университетский преподаватель должен за год сдавать в печать минимум 12 работ, а если он работает с меньшей производительностью, то его надо немедленно выгонять. Все, конечно, поняли, что это фигуральное выражение, но что оно содержит ясную мысль, ясное требование, совершенно противоположное установке партбюро на скромность и смирение. Секретарь партбюро был вызван на ковер и увидел ректора в его знаменитом состоянии крайнего гнева – с раздутой грудью и оскалом. Мне не пришлось сокращать свою производительность.

Но какою действительно должна быть производительность аспиранта, научного работника, преподавателя университета и – главное – по каким показателям ее оценивать? Во всех личных делах отделов кадров и в научных характеристиках неизменно фигурирует количество работ, а в некоторых шибко прогрессивных канцеляриях даже учитывают объем (листаж) каждой работы и всех работ за год. Существуют и нормативы – сколько авторских листов должен выдать за год младший научный, сколько старший, сколько ассистент, доцент, сколько профессор. Но при некоторой изворотливости нетрудно и количество и объем работ раздуть до любых размеров без малейшего воздействия на их ценность и даже с отрицательным воздействием – кому нужны повторяющие одно и то же пухлые

книги и статьи?

В моду вошли индексы цитирования. Это уже получше. Но, во-первых, эти индексы показывают нечто с большим запозданием – по ним можно судить, были ли ценными работы в основном пятилетней давности. Во-вторых, подсчет делается лишь в некоторых науках. А в-третьих, тут хороша лишь международная цитируемость, поскольку на отечественной сказываются привходящие факторы, сильно искажающие истинную влиятельность работ: стремление многих авторов угодить начальству ссылочками, групповая солидарность, да и просто недооценка рядовыми пользователями выдающихся произведений. В англоязычной же литературе сказывается пренебрежение к литературе немецкоязычной, не говоря уж о славянских языках. А кто ссылается на справочные и учебные издания?

Вот и оказывается, что самыми надежными оказываются оценки и советы знатоков-экспертов. Но и тут много трудностей. Во-первых, как отобрать их самих? Во-вторых, как обеспечить объективность их суждений? – они же подвержены личным и групповым симпатиям и антипатиям, да и вряд ли знают абсолютно все в своей отрасли. И как сделать их заключения доказательными и убедительными для тех, о ком нужно судить, и для их товарищей? Чтобы решения администратора – кого уволить, кого оставить, кого поощрить – получили всеобщую апробацию и одобрение общественности.

На деле этого идеального средства не существует. Опытный и знающий администратор науки действует по своей интуиции, используя все существующие показатели произвольно – как временную опору, а затем – методом проб и ошибок – подбирает оптимальный штат. Кто талантлив и производителен, обычно видно сразу, но ошибки возможны, и по-настоящему это выясняется постепенно, так что приходится кого-то подводить к увольнению, кого-то выдвигать на руководящие места, формируя коллектив.

И еще. Очень много значит обстановка в научном коллективе. Один и тот же человек в одной среде показывает блестящие качества, а в другой никнет и увядает. Показательно повсеместное отставание провинциалов.

Атмосфера доносов и партийного руководства отнюдь не способствовала процветанию науки. Наука пробивалась сквозь них. Это относится не только к компартии, а ко всякой партии, прошлых времен и нынешних. А в общем, конечно, много работ лучше, чем мало. Если, конечно, они не пустые, не бесцветные и не списаны с чужих. В последнем случае «донос» был бы уместен.

4. Язык сфинксов, или Мысли между строк

Поэт, лишь ты единый в силе
Постичь ужасный тот язык,
Которым сфинксы говорили
В кругу драконовых владык.

Н. Гумилев.
Естество

Остроумцы и церберы

Из почти шестидесяти лет моей жизни в науке более сорока прошло в тоталитарном обществе. Идеология нещадно давила и корежила науку. Некоторые дисциплины были просто запрещены (генетика, кибернетика, социология, политология, сексология, в сущности и культурная антропология), другие должны были непременно подтверждать установки марксизма или по крайней мере не противоречить ему. Сопротивление этой системе подавления не исчезало. На прямые политические выступления решались немногие. А вот исподтишка, украдкой, так чтобы не слишком высовываться, помаленьку – такое подспудное сопротивление, при Сталине все же едва ли возможное, в последующее время развернулось и все ширилось.

В науке это приняло специфический характер. Как-никак ученые обладали некоторыми преимуществами перед партийной бюрократией. Они всегда и везде отличаются интеллектом, остроумием, солидарностью и тайным чувством превосходства над администрацией. Вот и научились общению через головы идеологических церберов, научились использовать даже навязанные сверху тексты. Научились вписывать свое содержание между строк и читать между строк.

Родился странный язык – понятный только для посвященных, а посвященными были практически все в науке (в каждой отдельной отрасли). Этот язык был доступен даже недругам, но они ничего не могли поделать с этой нахальной речью. Это был код, который было нетрудно расшифровать, но разоблачить кодирование было очень трудно. Когда введены драконовские законы и властители стали драконами, ученые непременно начинают говорить языком сфинксов – загадками.

В обиходе существует традиционное название для такого языка – Эзопов язык. Эзоп – древнегреческий сочинитель басен. Неизвестно, исторична ли личность Эзопа – раба, умеющего выставить на истинный свет пороки властителей так, чтобы обвинить его вроде было бы не в чем. Под Эзоповым языком понимается всякое иносказание, замаскированная мысль. Да, конечно, повествование между строк – это вроде бы разновидность Эзопова языка, но уж очень специфическая разновидность. Не осмеяние властителей его цель, даже не критика их, а выживание науки, поставленной в зависимое положение.

Не менее полувека мы пользовались этим языком. Мы писали на нем свои работы и радовались, когда читали тексты, на нем написанные. Мы показывали друзьям избранные места и восхищались мастерством и изобретательностью авторов. Но за рубежами страны, видимо, никто, как надо, не понимал написанные на нем сочинения, а ныне и у нас появилось поколение, которое не умеет на нем читать. Машут рукой: а, это всё была пропаганда, всё макулатура. Так уж и всё? Те и другие становятся в тупик при виде, скажем, яростной советской критики случайных и малозначительных западных авторов или дореволюционных фигур – критики, осуществленной отнюдь не завзятыми приверженцами режима. Смысл этого от нынешних читателей ускользает.

И, боюсь, скоро настанет время, когда научную литературу уходящей эпохи не будет понимать по-настоящему никто. Чтобы этого не случилось, чтобы не исчезло искусство чтения между строк научных сочинений завершившейся эпохи, я попытался сформулировать некоторые его приемы – элементы кода. Я опубликовал их в своей книге «Феномен советской археологии» в 1993 году, но хоть книга известна всем археологам и переведена на английский, немецкий и испанский, в России она издана малым тиражом – в тысячу экземпляров и вне археологии не известна. Поэтому я повторю здесь вкратце этот перечень. У меня преобладали, конечно, археологические примеры, но каждый пожилой ученый сможет подставить на место археологии свою науку. Для иллюстрации же я часто брал свои собственные работы – не потому, что я смелее или хитрее других, а просто потому, что они под рукой, а кроме того, мне не придется строить догадки о вложенном в них смысле.

Итак, вот эти приемы.

1. Фигура умолчания. Мы давно уже были приучены советскими газетами читать в них не только то, что они декларируют. Но и то, о чем они молчат: из этого мы заключали,

кто арестован или впал в немилость, кто из властителей заболел и тому подобное. Вот и в сочинениях коллег мы улавливали, что означает их молчание о том или ином аспекте их темы. И мы понимали: молчит – значит сказать то, что хотел бы, не может, а сказать то, что допустимо, не хочет. У нас молчание – отнюдь не знак согласия, а, наоборот, знак отвержения. Так, профессор А.В. Арциховский в годы господствовавшей и навязанной всем «теории стадиальности» академика Н.Я. Марра не упоминал ни Н.Я. Марра, ни его теории. Не ссылался на это имя, сердито молчал. Понимали: не признает учения о стадиальности, но сказать ничего не может – будет тотчас выброшен из науки. Ведь теория Марра считалась «железным инвентарем марксизма». Высказался только тогда, когда запрет на критику стадиальности был снят. Точно так же старый археолог С.И. Руденко, открыватель скифских погребений Пазырыка на Алтае в вечной мерзлоте, молчал всю жизнь о марксизме. Молчал до ссылки, молчал в ссылке, молчал после возвращения, хотя публиковался тогда уже много. Есть и другие молчальники.

«Вслушивайтесь в тонкие еле слышные голоса молчания» (Свами Шивананда «Семадхи-Йога»).

2. Выплата дани *(кесарево кесарю, или: мухи отдельно, котлеты отдельно).* Некоторые ученые почитали за лучшее не лезть на рожон: раз положено декларировать свою лояльность ссылками на классиков марксизма, значит, надо это делать. Но порядочность и уважение к науке не позволяли им смешивать то, что для них оставалось несовместимым. Вот они и проводили очень наглядную сепарацию: в начале публикации (или в самом конце) одна-две цитаты, поклон-другой режиму, а затем – вне всякой связи с ними – собственно содержание работы. Примеров – легион, приводить их незачем. Ограничусь воспоминанием студенческих лет: один наш профессор начинал свои лекции так: «Маркс говорил по нашей теме то-то, Ленин – вот что. А теперь приступим к делу…»

Как ни странно, применение этого приема находим и в статье 1953 года академика Б.А. Рыбакова, позже главы советской археологии. Статья называлась «Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина». В начале статьи идет ряд пассажей о сногсшибательных лингвистических откровениях гениального вождя и учителя, а затем вне всякой связи с ними – изложение собственных идей автора по проблемам археологии. Неужто и первые персоны советской науки имитировали марксизм? Каких только открытий не сделаешь при внимательном изучении научной литературы этих семи десятилетий!

3. Неожиданные пробелы. Этот прием близок предшествующим, однако он, с одной стороны, менее резок, а с другой – несколько опаснее. Автор, применяющий его, не избегает идеологической тематики – в частности, говорит о марксизме в науке, но в этой речи искушенный читатель скоро замечает существенные пропуски, недостачи, которые придают содержанию очень свежий и интересный нюанс. Если в полемике с западными учеными выдвигались только свои, оригинальные аргументы и не применялись стандартные аргументы нашей пропаганды, избегались идеологические штампы, то можно было руку положить на отсечение, что автор в них и ей не верит.

После публикации в СССР и за границей моих работ о марксизме в археологии меня, хотя я и не был членом партии, вызвал к себе секретарь партбюро факультета, «новист» (специалист по новой истории), и задал каверзный вопрос: «Скажи, пожалуйста, почему ты всегда упоминаешь нашу идеологию только как марксизм? Ни разу ведь не употребил двойной термин: марксизм-ленинизм!» В ответ я мог бы сослаться на один-два случая, когда по моим статьям проехался этот сакраментальный тандем, но было бы несложно установить, что исправление внесено редакцией (были и мои авторские пассажи, но когда речь шла о ленинских позициях). Поэтому я пояснил свое словоупотребление тем, что марксизм – широкое понятие, оно охватывает и ленинизм, что при Марксе и Энгельсе, о которых я писал, ленинизма еще не было, и тому подобное. Но секретарь покачал головой: «Не приемлешь ты ленинизм и хочешь, чтобы внимательный читатель это понял. Хочешь декларировать свою свободу от марксистско-ленинской партийности. Юридически такое толкование недоказуемо, но знай, что все это, где надо, учитывается». А я и дальше продолжал пользоваться своей терминологией, потому что для меня это был вопрос принципиальный. Многие читатели, судя по их реакции, это понимали – и единомышленники, и противники.

4. Лукавый талмудизм. Спекулируя на пиетете блюстителей идеологии к марксистскому Священному Писанию, свободомыслящие авторы научились (тут лучше сказать: насобачились) пользоваться тем же оружием, что и противник, – марксистским начетничеством. Поскольку у классиков можно найти цитату на любой случай и на любой вкус, притворные начетчики завзято оперировали текстами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, цинично имитируя марксистский талмудизм. И доказывали, что хотели, что нужно (ради истины), если даже это весьма расходилось… нет, не обязательно с марксизмом, но с принятой на данный период идеологической догмой.

Правда, на это искусство существовало противоядие: ученым сразу же приводили возражение, что классик имел в виду не то, что цитата вырвана из контекста. Но ведь на деле контекст далеко не всегда так уж отличался от цитаты – можно было и контекст привлечь, дать ему нужное толкование. Словом, можно было спорить.

Так, когда нашу университетскую группу обвинили (не без некоторого резона) в норманизме, мы предъявили цитату из Маркса, которая показывала, что основоположник марксизма признавал огромную роль норманнов в создании русского государства. И показали, что цитата эта искажена как раз в советских учебниках.

Общеизвестно, с каким старанием партийные идеологи проводили идеологизацию и политизацию науки, в частности археологии. Но в статье 1968 года о взглядах Маркса и Энгельса я доказывал с текстами в руках, что основоположники марксизма считали изучение первобытного прошлого далеким от политики, стало быть, что политизация этой науки неправомерна.

На дискуссии по палеоэкологии геоморфолога П.М. Долуханова (ныне живет в Англии) упрекали в географическом детерминизме, который противоречит марксизму. В ответ Долуханов прочел пространную цитату о важном значении географической среды. «Этот автор – явный противник марксизма!» – вскричали его оппоненты. «Но это Ленин», – мягко поправил их Долуханов.

5. Безымянная цель. Советская жизнь характеризовалась многочисленными табу. К числу самых сильных принадлежал неписаный запрет на критику маститых, находящихся у власти или в фаворе. Ни один редактор не пропустил бы такой критики. Критиковать неприкосновенного?! Не подлежали критике, соответственно, и концепции, близкие к взглядам такой персоны. Но нашлось средство обходить и этот запрет. Просто надо было критиковать взгляды, не называя персону. Так, в 1949 году, когда я, тогда студент, готовился выступить с докладом в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР и намеревался представить подробное опровержение теории академика Н.Я. Марра, то есть предполагал критиковать «железный инвентарь марксизма», мой наставник профессор М.И. Артамонов, директор Эрмитажа, наказал мне: фамилию академика вообще не произносить – иначе сгонят с трибуны. Излагать только суть дела. Все отлично поймут, что за учение имеется в виду. Доклад состоялся. Последствия все равно были, но не сразу и не самые тяжкие.

Нередко используется глухая отсылка: приводится название

журнала и страницы, но фамилия не называется. Не поленишься, заглянешь в указанный журнал – найдешь фамилию критикуемого автора, поймешь, на кого замахнулся критик. Примеры слишком многочисленны, чтобы их стоило приводить.

6. Жарко́е под шубой. Один из способов обойтись без называния имен, но так, чтобы было ясно, против кого направлена критика: избирается такое упоминание ученого, что он на первый взгляд не виден. Например, когда его высказывание приведено в пересказе другого исследователя (в рецензии, в разделе критики и так далее). В книге «Археологическая типология», отправляемой в Оксфорд в конце 1970-х, я позволил себе язвительное замечание в адрес академика Б.А. Рыбакова. Оно вряд ли прошло бы в рукописи, предназначенной к публикации за рубежом. Однако критикуемое высказывание было мною скрыто за инициалами, к тому же не самого академика, а автора отчета о конференции, на которой академик выступал. Специалистам этого было достаточно.

Разновидностью этого приема было протаскивание запрещенного «острого» автора под мягким соусом. Когда в социалистической Чехословакии после разгрома «социализма с человеческим лицом» вышла книга Яр. Малины «Археология: как и почему?» (1975), ближайшие сотрудники знали, что у книги есть еще один автор – Зденек Вашичек, но ему дорога к публикациям была закрыта: он участвовал в создании «человеческого лица». Редакторы обошли это препятствие так: хотя на обложке и в тексте книги Вашичек не упоминается, в указателе его фамилия была помещена и напротив нее были указаны страницы его «присутствия»: 13–239, то есть весь том. Найти спрятанного соавтора внимательному читателю было нетрудно.

7. Подмена мишени. Вот еще один способ протащить в печать непозволительную критику. Для этого надо было отыскать среди западных авторов любого, пусть и совсем незаметного, но близкого по своим взглядам к тому ученому, который был неприкосновенным в СССР. И обрушиться на такого западного автора с критикой до полного удовлетворения. Все понимали, кто на самом деле имеется в виду.

Так, у меня не приняли в наши журналы резко критическую статью против миграционных построений профессора А.Я. Брюсова (младшего брата поэта и очень влиятельного археолога) о ямной и катакомбной культурах, совершавших у него фантастическое путешествие из наших степей в Центральную Европу – так Европа в бронзовом веке была у него вся завоевана «нашими»… ну если не предками, то предшественниками. Мою

статью не приняли, несмотря на старания моего шефа М.И. Артамонова и декана исторического факультета В.В. Мавродина. Тогда я сделал большую статью с критическим анализом концепции немецкого археолога-националиста Густава Косинны, методикой которого Брюсов, сам того не замечая, пользовался. Она и была напечатана.

8. Обстрел через прошлое. Это модификация предшествующего приема: мишень отыскивается не за границей, а в «проклятом прошлом». Недостатки прошлого бичевались зачастую со столь явным наслаждением, самозабвенно и сладострастно, что всякому становилось ясно: это прошлое не закончилось. У него есть живые и властные представители в современной советской действительности. Именно потому с таким ожесточением тянется у нас спор о грубейших пороках (или, наоборот, достоинствах) методики дореволюционного украинского археолога-дилетанта В.В. Хвойки, которому посчастливилось открыть важнейшие культуры, но который своими раскопками губил памятники, Спор вокруг имени Хвойки ведется прежде всего потому, что вульгарный автохтонизм его (стремление все вывести непременно из местных корней) стал влиятельной традицией в советской археологии. Да он и сейчас не умер.

9. Обходной маневр. Очень часто те взгляды, концепции, гипотезы, которые никак не удавалось обнародовать в своем научном учреждении или в своей отрасли науки, спокойно проходили в соседнем учреждении или в смежной отрасли науки. То, что в провинции считалось страшным покушением на основы, в столице принималось как вполне допустимая вольность (легкая фронда, оригинальничанье, свежесть идей). Столичные идеологи – обычно либеральнее. Наоборот, в столице быстрее и точнее распознавали действительную опасность для господствующей идеологии в том, что провинциальные блюстители чистоты легко могли прошляпить. Обвиненный в идеологической ереси автор, обратившись с докладом или рукописью в соседнее учреждение, мог найти там поддержку – оттого ли, что там меньше опасались пострадать из-за него (чужой ведь), или оттого, что там могли оказаться соперники его гонителей – эти, конечно, обрадуются возможности подложить им свинью.

А уж в смежной отрасли и вовсе вольготно: там марксистская идеология проявляется в других нормах, других запретах. Этим умело пользовался Л.Н. Гумилев: подвергшись гонениям в исторических науках, он нашел пристанище в географии – преподавал и печатался на географическом факультете Ленинградского университета, проповедовал свои еретические

идеи в Географическом обществе. В 1920-е годы известные историки, враждебные марксизму, Ю.В. Готье и С.А. Жебелев обосновались в археологии: марксизм пришел туда с запозданием.

Ну и конечно, при наличии связей с иностранными учеными и при некотором недостатке бдительности или компетентности в проверяющей инстанции (это не такая уж редкость) можно было отправить неугодную дома рукопись за рубеж. Правда, проверяющих инстанций была уйма (отправляя как-то работу за границу и собирая нужную документацию, я насчитал полтора десятка подписей), и многих это отпугивало. Но именно многочисленность инстанций парализовала их охотничий запал, избавляя от ответственности: начальные полагались на дальнейшую проверку, последующие – на предыдущую, никому неохота делать лишнюю и скучную работу.

Нередко я этим пользовался. Упомянутую работу о Косинне (с намеками на Брюсова), которую не удавалось поместить в каком-нибудь советском журнале, отправил в ГДР. В СССР я вряд ли мог бы тогда ее напечатать – уж очень прозрачна была ее направленность (и не только против Брюсова), а вот в ГДР статья, полученная от советского археолога («старшего брата»!), да еще против Косинны, сразу пошла в печать. Статья вышла в ГДР, открыла дискуссию, переведена на французский, а тридцать лет спустя напечатана и на русском.

Поступал я так и с другими статьями. «Панораму теоретической археологии» (с весьма откровенными оценками истории и современного состояния советской археологии) напечатали в США, Франции и Югославии (только сейчас печатается и на русском), статью же, расцененную дома как проявление норманизма, – в Норвегии. Подобные же штуки проделывал мой друг Герман Беренс в ГДР. Описывая эти свои штуки потом в книге, вышедшей уже в ФРГ, он называет их «методом Швейка» (Schweijk-Methode). Мне представляется, что этого названия больше заслуживает другой прием. Перейду к нему.

10. Истовость Швейка. Как известно, Швейк прикидывался простачком, чересчур пунктуально, прямолинейно и старательно выполняя требования и приказания начальства. Тем самым реализуя и показывая их абсурдность (на этом же основаны и «итальянские забастовки»). Советские ученые поступали так же. На моей памяти в конце 1940-х некоторые археологи говорили активистам теории стадиальности: Марр велик, упаси боже сомневаться, мы рады применить его гениальное учение – четырехэлементный анализ, принцип стадиальных

перевоплощений (скифов в готов, готов в славян), но покажите, как это делается!

Из воспоминаний студенческих лет: лекции по методике реставрации (NB!) археологических объектов читал нам старичок В.Н. Кононов. Читал по-старинке – излагал рецепт за рецептом. Ему порекомендовали предварить курс теоретико-идеологическим введением. На следующий год Кононов, придя на занятия, вытащил брошюру с перепечаткой знаменитой четвертой главы сталинского «Краткого курса» («О диалектическом и историческом материализме») и начал лекцию так: «В своем гениальном труде наш великий вождь и учитель говорит…» Тут лектор прочел сталинский пассаж о том, что в мире идет борьба между зарождающимся, новым, передовым, и загнивающим, отмирающим. Затем лектор завершил чтение собственным выводом: «Вот наша задача как раз и состоит в том, чтобы не дать этому отмирающему отмереть». Кононова попросили впредь читать без теоретического введения. Действительно ли он был так простодушен или себе на уме – это ведь и у Швейка не всегда понятно.

Согласно тогдашней марксистской догме, смена социально-экономических формаций осуществляется посредством революции, субъектом которой является угнетенный класс. Но как быть с рабовладельческой формацией? Восстания рабов происходили, но не свергли рабовладельцев, а смена формаций произошла иначе и гораздо позже. Как быть? Академик С.А. Жебелев, которого преследовали за участие в эмигрантском сборнике памяти графини П.С. Уваровой, решился на научную аферу. Из найденной при раскопках неопределенной надписи (знаменитый «декрет Диофанта») о локальном событии – перевороте (то ли дворцовом, то ли этническом) на Боспоре в Крыму – он вывел, притянув факты за волосы, концепцию о восстании рабов, которое покончило с Боспорским рабовладельческим царством (напечатана в 1932–1933 годах). «Открытие» было с ликованием подхвачено застрельщиками марксистской идеологизации истории и археологии (в частности, академиком Б.Д. Грековым). Говорят, Жебелев зло бормотал в кругу учеников: «Они хотели восстание, они его получили». Позже пузырь, конечно, лопнул (в советской литературе его раздавил профессор С.Я. Лурье). Говорят также, что перед смертью Жебелев каялся в этом поступке, считая его своим прегрешением. Роль Швейка ему не нравилась, и сыграл он ее от безысходности.

11. Показ под предлогом критики. Многие ученые понимали, что изоляция наносит советской науке колоссальный

ущерб, что необходимо знакомить широкие круги научной общественности с зарубежной классикой и с новейшим развитием научной мысли за рубежом. Но столпы режима и их идеологические церберы резонно видели в этом опасность для очага социалистической истины и строго блюли его чистоту, защищая от проникновения чуждых идей. Да и вообще от любой подозрительной (не апробированной, не переработанной, не пережеванной) информации. В основе этого запрета, надо признать, лежала тайная неуверенность в своих силах, в способности одолеть «потусторонние» идеи в честной борьбе. Лежал страх. Идеям был поставлен заслон. Из западных книг и статей переводились на русский язык лишь очень немногие – близко родственные по духу. Иностранными языками владели далеко не все, а зарубежные издания к тому же были для большинства труднодоступны (с ограниченным доступом), а то и находились в спецхранах, под замком.

Опечаленные этим ученые скоро нашли выход: когда критиковались западные концепции и их авторы, хоть что-то из критикуемого неизбежно воспроизводилось. Вот это и использовали. Под предлогом борьбы с буржуазной идеологией, под предлогом критики той или иной западной научной концепции можно было ее описать. Вступить в чисто научное обсуждение ее, в дискуссию по выдвигаемым проблемам – но при непременном условии: отпустить несколько «разоблачительных» и «ниспровергающих» фраз. Понимающий читатель пропускал эти фразы (иной раз вполне резонные), но внимательно читал изложение концепции и дискуссию вокруг нее. Такие работы пользовались в СССР большим спросом, особенно у молодежи.

Двухтомник А.Л. Монгайта «Археология Западной Европы» (1973–1974) посвящен описанию культур, но имеет обширное, на добрую сотню страниц, введение в различные теоретические концепции, а критическая часть в нем очень сжатая и умеренная. В последние годы жизни Монгайт был если не в опале, то во всяком случае не в чести. Сын его соавтора, Амальрика, стал прославленным диссидентом; Пруто-Днестровскую экспедицию его друга Г.Б. Федорова, ставшую прибежищем диссидентов, тряс КГБ; сам Монгайт участвовал в «неблаговидных» акциях – собирал подписи под протестами против притеснения интеллектуалов. Несомненно, что пафос «Археологии Западной Европы» был не в критике западных исторических теорий…

Концепцию эмигрировавшего М.И. Ростовцева подробно (хотя и с положенной ругательной критикой) излагали в своих работах Д.П. Каллистов (1949) и Т.В. Блаватская (1950).

12. Подражание соцреализму. На основе длительной

практики ученые подметили, что если настойчиво и громко декларировать какие-то постулаты и качества как «нашенские», социалистические, российские, тогда как на деле эти качества нам не присущи и эти постулаты далеки от реализации, то научная администрация оказывается в неудобном положении: ей приходится принимать меры, чтобы хоть как-то соответствовать объявленным качествам и постулатам. Проявлять полное лицемерие и принимать абсолютно нереальные похвалы она все-таки – по крайней мере, в научной среде – не может. Значит, при некоторых условиях стоит эти постулаты и качества декларировать – так сказать, авансом, давая понять, что аванс требует отработки.

Получается нечто вроде известных принципов социалистического реализма: выдавать желаемое за действительное! Нет ли здесь опасности просто стать заурядным льстецом, украшателем? Да, такая опасность есть. И все же нередко ученые на этот риск шли. Дело в том, что наши люди привыкли к такому восхвалению системы устами ее служащих и большей частью относились к нему как к неизбежной формальности, простительной для авторов. Когда же в роли такого глашатая и апологета выступал человек, от которого этого не ожидали, то читатель невольно задумывался: что перед ним – карьеризм или некая сверхзадача с потаенным смыслом, и тут на весы клались не только стилистические тонкости контекста, но и авторитет конкретной личности и определенный оттенок долженствования.

Наибольшее значение приобретал выбор прокламируемых качеств – те ли это качества, которые старались подчеркивать в своем государстве партийная бюрократия и ее идеологи, или совсем другие качества, желанные демократически ориентированной интеллигенции. В общем, царил дух взаимопонимания. Ученые и молодежь понимающе улыбались, читая такие похвалы «со значением», похвалы с нажимом, а власть имущие морщились, догадываясь, что это совсем не лесть, а требовательные запросы, обращенные к ним.

По крайней мере, когда в 1968 году я противопоставлял западной критике марксизма в археологии некоторые качества советской научной жизни (плюрализм мнений, толерантность, готовность к диалогу с зарубежными оппонентами и тому подобное), то я, с одной стороны, опирался на ситуацию разрядки напряженности, на хрущевскую оттепель, а затем на обвинение самого Хрущева в произволе, а с другой – понимал, конечно, что это не столько реальность, сколько цель. Надеюсь, понимали и читатели. Как чувствовали и задачу статьи – указать эту цель.

Многие из этих приемов были связаны с двояким риском. Хитрецу все-таки грозило разоблачение. Или, наоборот, он мог оказаться непонятым, попасть в объятия тех, кто был ему весьма неприятен. И конечно, все это – не рыцарские выступления с открытым забралом. Но эта мелочная и порою скользкая активность придавала униженным системой людям – авторам и читателям – чувство собственного достоинства, волю к жизни и работе. Втягивала в борьбу за научную истину и за истинную науку.

Таковы приемы (может быть, не все) искусства чтения между строк.

Описывая в 1993 году приемы чтения между строк, я отметил, что это – исчезающее искусство. Слава богу, исчезающее. В России. Но, как писал я тогда, кажется, в некоторых отделившихся частях бывшего Союза описанный здесь опыт еще может пригодиться. Боюсь, что этот прогноз был преждевременно оптимистичным. С тех пор условия сильно изменились, и, кажется, приближаются времена, когда и в России «ужасному языку сфинксов» придется обучаться заново, а эту мою статью будут внимательно изучать в цензурных комитетах.

Опубликовано как глава из книги «Феномен советской археологии» (СПб., 1993)

5. Фасады города и византийские эмали

Сегодня я хочу рассказать романтическую историю об одном похищении – с хеппи-эндом, но очень поучительную.

Несколько лет тому назад в Петербурге была принята программа (один из национальных проектов городского масштаба) с откровенным названием «Фасады Петербурга». То есть город – туристический центр – нужно, чтобы он хорошо выглядел, приводить в порядок. Приводить в порядок – что? Фасады. Ну хоть так. Рецепт старый, традиционно российский. Остается посмертно избрать князя Потемкина почетным гражданином Петербурга.

В порядке осуществления этого проекта (по потемкинским фасадам) взялись за один из великокняжеских дворцов на правительственной трассе, на Дворцовой набережной, – Новомихайловский дворец, творение Штакеншнейдера. Обнесли фасад дворца лесами, содрали штукатурку, скульптуры обрушились. Это было в июле 2005 года. На этом проектный энтузиазм иссяк. Дворец стоит лысый, дряхлый и в лесах. Никакие работы давно не ведутся.

Во дворце располагаются три института РАН – Истории материальной культуры (ИИМК), Восточных рукописей (бывший Востоковедения) и Электрофизики и электроэнергетики (ИЭЭ). В бельэтаже – огромная библиотека по археологии, самая крупная в России и одна из крупнейших в мире, во втором – еще более богатая, по востоковедению. В этих хранилищах – ценнейшие издания, уникальные.

Я очень часто хожу туда работать вот уже более полувека. Я хожу через двери – огромные, дворцовые, тяжеленные. Открываются с трудом. Раньше ходила шутка, что когда уже не хватает сил открывать институтские двери – вот тогда и пора на пенсию. Но через двери ходят сотрудники, ученые.

Леса и состояние остановившегося ремонта облегчили доступ в здание через окна. Бездомные и воры постоянно гуляют ночами по лесам, ищут лазейки – и находят. Зафиксированы неоднократные попытки проникновения в институты по всем трем этажам. В зимние каникулы 2006/07 года из библиотеки Института истории материальной культуры похищена книга Н.П. Кондакова «Византийские эмали» – роскошное издание. За полтора года до этого другой экземпляр этой книги был продан на аукционе «Гелос» за 4 600 000 рублей (прописью: четыре миллиона шестьсот тысяч рублей). Сотрудники библиотеки подняли крик – в прессе, по телевидению. Это затруднило ворам

сбыт краденого – и книгу подбросили в другую библиотеку Петербурга – в детскую библиотеку им. Пушкина на Большой Морской. Утром уборщица обнаружила пакет (обещанный хеппи-энд). Книгу теперь отдали от греха подальше в центральную библиотеку РАН в Петербурге – в БАН.

По случаю кражи администрация Института обратилась в Санкт-Петербургский Центр управления делами РАН (управляющий В.С. Бацагин) с просьбой выделить средства на установку и обслуживание *охранной* и *противопожарной* сигнализации (ее в ИИМК нет!). Представили и расчеты – на все про все требуется 120 000 рублей (прописью: сто двадцать тысяч рублей). Это в 38 раз меньше, чем стоимость одной украденной книги. Прошло полтора года – времени хотя бы для ответа достаточно (да и для установки!). Нет ответа. На телефонный запрос заместитель управляющего Г.В. Смирнова ответила: это не наше дело.

В самом деле, из-за чего весь сыр-бор? Книгу же вернули. Теперь она лежит в БАН, а там после катастрофического пожара 1988 года установили хорошую сигнализацию. Правда, при пожаре выгорела часть уникальной библиотеки, в частности газеты начиная с петровского времени и собрание академика Бэра – они утрачены безвозвратно, но зато теперь мы стали умнее. Сигнализация *там* работает. А здесь пока нет. Так ведь *здесь* пожара еще не было, только кража, и та с хеппи-эндом.

Что же беспокоить-то администрацию Академии? Люди, занятые государственными проблемами, пожилые, суетиться им не с руки. Не горит.

А что дворец стоит лысый и в дряхлеющих лесах, так это и вовсе не их проблема. Ну, есть там три академических института – так слава богу, что не выгоняют. А то вот отремонтируют, оценят дворец-то и решат, что тут нужны хозяева побогаче. Еще какой-нибудь из центральных судов. Или кто-нибудь, кому под резиденцию.

Впрочем, ремонтируют ведь по программе «Фасады Петербурга» только с фасада, а у дворца есть еще три стены. Да и внутри реставрировать нужно. А и фасад-то в этом веке вряд ли будет готов. Почему все застряло – бог весть. Может быть, его будут весь покрывать византийскими эмалями…

У нас ведь не только потемкинские традиции есть. Есть и византийские.

№ 7 (821), 8 июля 2008

6. Лохи из Петербурга

Спор о газоскребе в центре Петербурга давно вышел за пределы города на Неве. Архитектурный облик великого города – общенациональное достояние. Всем здравомыслящим совершенно ясно, что четырехсотметровая башня на Охте, якобы не в историческом центре города, находится буквально рядом со Смольным и совершенно убьет чудо архитектуры – Смольный собор великого Растрелли. Сейчас он возносится вверх как изумительная доминанта района, а когда рядом будет поставлена башня Газпрома, собор превратится в кукольный домик. ЮНЕСКО отреагировала моментально: организация заявила, что вычеркнет город из списка основных памятников культуры, как она уже поступила с Дрезденом. Это нанесет существенный ущерб развитию международного туризма в Петербург. Министерство культуры РФ также против сооружения газоскреба – тем более что, пробив в центре города брешь в «небесной перспективе», эта башня станет первым актом застройки центра Петербурга небоскребами, что превратит его в очередной захолустный Канзас-сити.

Защитники газоскреба ссылаются на пример Эйфелевой башни в Париже. Ее, мол, тоже многие отвергали, а потом прижилась и стала символом Парижа. Это верно. Но Париж, в центре которого возвышается ажурная Эйфелева башня, был практически выстроен в конце XIX века как единый ансамбль, и современная ему башня не повредила его облику. А центр Петербурга складывался в течение XVIII–XIX веков, и высотный регламент («небесная перспектива») составляет его главную часть.

Десятки выдающихся деятелей культуры написали открытое письмо властям с просьбой защитить город от уродования. Немедленно власти организовали столь же авторитетную группу деятелей, выступивших в защиту башни как способа модернизировать город. Но в этом втором письме подменяется предмет спора. Они выступают в защиту башни, но не в защиту ее места в городе.

Сама по себе башня Газпрома – интересное архитектурное сооружение. Отодвиньте ее на пять километров к югу по Неве, все еще в пределах города, – и она не будет никого раздражать. Спор идет не о башне, а о ее месте. Но Миллер хочет непременно конкурировать с Петром в определении облика городского центра – возможно, рядом с Медным Всадником надеется увидеть себя в Медном Мерседесе. А городские власти хотят любоваться

символом своего могущества непременно из окон Смольного. Кстати, учитывая зыбкость болотистых питерских грунтов и раздраженность питерского населения, башня будет крайне неустойчивой, а упасть она может именно на Смольный!

Кроме всех законов города о предельно допустимой высоте, водружение башни нарушит и закон об охране памятников истории. Дело в том, что на территории строительства находилась шведская крепость XIII века Ландскрона и крепость петровского времени Ниеншанц. Крепость снесена Петром, но остатки обеих крепостей сохранились. Экспедиция Петербургских археологов во главе с Петром Сорокиным вот уже несколько лет ведет там раскопки. Деревянные стены Ландскроны сохранились на высоту более метра. От Ниеншанца сохранились рвы и захоронения. Меньшие остатки служат в Европе основанием для музеефикации и для переноса строительства в другое место. Сорокин и предложил накрыть результаты раскопок стеклянным колпаком, реставрировать остатки, возможно, реконструировать древности и организовать на этом месте исторический музей, в котором можно будет видеть ту крепость, которую взяли войска Петра Первого. А под крепостями открылось неолитическое поселение, которому не менее пяти тысяч лет…

В газетке «Петербургские новости» появилась явно заказная статья некой Марины Ивановой «Охтинский лохотрон», в которой Сорокин сравнивается с Остапом Бендером, предлагавшим музеефицировать пятигорский провал, и пиратами, искавшими сокровища капитана Флинта. Иванова издевается: «Угрохав 200 миллионов рублей, за которые можно раскопать целый пещерный город в Средней Азии, а не то что отыскать кучу доисторического барахла без отрыва от места жительства, „Охта“ вряд ли захочет выкладывать еще 65 миллионов за ямы под колпаком». Между прочим, фотоснимки, помещенные в ее статье, опровергают ее текст.

Пещерных городов в Средней Азии не найдено, известен такой город в Крыму. Археологические раскопки всегда дело дорогое, под силу только богатой и культурной стране. «Доисторическое барахло» даже дикари из африканской и южноамериканской глубинки в наше время научились ценить. Лохи из Петербурга ценить не научились.

Распорядители стройки уже нагнали технику и спешат снести археологические остатки, чтобы их и духу не было на месте будущей башни. И чтобы спор стал попросту бессмысленным. Что ж, это возможно. Но башня от этого не станет менее НЕУМЕСТНОЙ.

PS. Со времени написания этой заметки (октябрь 2009)

прошло семь лет. Уступая народному возмущению горожан, проект башни передвинут далеко на северо-запад, в пригороды, в Лахту, только башня задумана еще более высокой, но и там это вызывает недовольство жителей и архитекторов. А вот музеефикация остатков на месте бывшего строительства все так же далека от реализации. Древности гибнут, и продление истории города на Неве превращается из близкой реальности в миф.

№ 21 (40), 27 октября 2009

7. Несколько слов об амфорах и архарах

Археологическое ныряние премьер-министра за якобы древними амфорами стало притчей во языцех. Как археолог не могу пройти мимо. Что это явная инсценировка, уже сказано и доказано многократно. Меня в этой некрасивой истории занимает та глупая роль, которую пришлось играть археологам. Заведомо ясно, что они не имели права пускать любителя, сколь угодно знатного, на промысел амфор на охраняемом по закону участке древнего и знаменитого городища Фанагории. Это очень напоминает подсудное событие на Алтае – охоту представителя президента на архаров. Во всяком случае археологи должны были объяснить любителю, что, увидев амфоры, он не должен хватать их и нести, «как бидоны с квасом» (выражение из обсуждения по радио), а обязан вызвать археологов, а они должны сначала сфотографировать (случайно оказавшаяся рядом телекамера снимала не находки, а премьера), занести находки на чертежи, описать их положение и состояние (в данном случае удивительное по чистоте, почти незатронутой тысячелетиями).

Если археологи подстроили всю эту сцену, подложив заранее найденные или очищенные находки премьер-министру, чтобы ублажить его, то, во-первых, они профанировали нашу науку, а во-вторых, поставили ни во что умственные способности премьер-министра. Если они здесь ни при чем, а все устроила команда пиарщиков премьер-министра, то она явно считала круглыми идиотами нас всех. После голосования на «Эхе Москвы», выяснившего, что не поверили в эту инсценировку 94 % слушателей, а поверили 6 %, я бы на месте Путина уволил немедленно всю свою команду от главы администрации до последнего оператора. Но это его дело. А вот что касается моего профессионального долга – это потребовать от руководства Института археологии РАН, а может быть, и руководства РАН провести расследование этого эпизода, выявить нарушение законов и ведомственных инструкций, чреватое ущербом для памятников, и наказать виновных. Газету «Троицкий вариант» я прощу взять это дело под свой контроль.

№ 16 (85), 16 августа 2011

8. Ученые как класс

События в стране побуждают всех продумать и осмыслить свою позицию. В том числе и ученых. Ученые, как и все граждане, – очень разные. С одной стороны, сайт «Эхо Москвы» поместил открытое письмо группы ученых против массовой фальсификации выборов, к которому множество ученых готово и стремится присоединиться (к сожалению, в публикации не указано, как это сделать). С другой стороны, к этой корпорации формально принадлежит и некто В.Е. Чуров, фамилия которого стала нарицательной – символом нечестности. «Волшебник» – метко оценил этого статистика известный комический персонаж. А «волшебство» не удалось, как стало ясно на Болотной – традиционной площади казней. Принадлежат к этой корпорации и вице-президенты Академии наук, прибегавшие к плагиату и восхвалявшие другого «волшебника» – В.И. Петрика, выступавшего в паре со спикером Думы Б.В. Грызловым.

Но меня интересует, какая позиция является органичной для ученых, логично вытекая из природы их профессии и из их положения в обществе. Невольно тут придется применить марксистский анализ. Я давно, еще в сталинское время, распознал порочность марксизма как политической идеологии и его ущербность как всеобщего метода всех наук. Но я далек от полного отвержения марксистского анализа применительно к частным исследовательским задачам. Во всем мире солидные ученые, далекие от политики и от коммунизма, с успехом этот анализ применяют. В частности, при рассмотрении социальных структур.

Социальные классы существуют, существуют и классовые интересы, борьба за эти интересы занимает заметное место в политике и истории, хотя не столь определяющее, как это видели марксисты.

К какому же классу принадлежат ученые? Ну разумеется, к интеллигенции. Интеллигенцию Ленин определял как г… (правда, оговаривал: интеллигенцию буржуазную). Сталин не считал ее *классом*, а лишь классовой прослойкой, поскольку она рекрутируется из разных классов и обслуживает их. «Чудесный грузин» совершил здесь хитрую подтасовку. Это не класс, а *сословие* не может набираться из других групп, у класса же границы проницаемые. А кто кого обслуживает – это зависит от конкретных ситуаций. Оба российских вождя большевиков всячески старались избавиться от необходимости учитывать интеллигенцию и ее интересы (отправляли ее лидеров в

изгнание, а многих – в ГУЛАГ). Потому что им нужно было обеспечить монополию их идеологии и тем самым власти, а интеллигенция лучше других могла сообразить, в чем обман и популярно разъяснить это народу.

Интеллигенты часто выражали чаяния и интересы разных групп населения (в сущности почти все лидеры в дореволюционных Думах были представителями интеллигенции). Но у интеллигенции были и свои собственные интересы. То же касается ее передового отряда – ученых. Конкретные ученые придерживаются разных взглядов. Есть ученые, сохранившие верность коммунистическим идеалам, как Ж.И. Алферов, – им трудно оторваться от красивых иллюзий молодости. Есть верующие ученые, как археолог П.В. Волков (о котором я пишу – см. часть V этого издания), хотя вера и наука противоположны по своим основам: наука основана на рассудке, а вера – на эмоциях и отказе от рассудка. Но ради психологического спокойствия этим людям необходимо иметь за собой некий образ высшей силы. Есть ученые, как И.Р. Шафаревич, позволившие националистическим идеям овладеть их мышлением, хотя наука по природе интернациональна. Есть ученые, прикормленные властью, – они повинуются любой власти ради сегодняшних выгод. Есть ученые, использовавшие свои знания для личного обогащения и властных амбиций, – как членкор Академии наук Б.А. Березовский. И так далее.

Однако все эти группы ученых я склонен рассматривать как отклонения от нормы. А нормой я бы считал ту позицию, которая выражает основные интересы ученых как социальной группы. В чем же эти интересы? Разумеется, ученые – как и все люди – хотят иметь достойное жилье, здравоохранение, образование, зарплату, охрану от произвола и т. п. Но есть специфические интересы ученых как представителей профессии. Чтобы ученый имел чувство собственного достоинства, он должен владеть своими орудиями производства. У крестьян это земля, у ремесленников – их инструменты, у предпринимателей – их предприятия, у наемных рабочих – их рабочая сила (мастерство) и обеспеченное профсоюзами право ее достойной продажи, а у интеллигентов? А у них и прежде всего у ученых – это их мысль и знания.

А это значит, что для интеллигентов и прежде всего для ученых свобода мысли, слова, совести есть не просто условие достойной жизни, но необходимое условие профессиональной деятельности. Отсюда следует, что вольнодумство, либерализм есть неизбежное и главное направление политической деятельности, органически присущей ученым как социальной группе. Это не тот либерализм, который состоял в борьбе за

свободу предпринимательства и ради которого создавались у нас правые партии, так бесславно закончившие свой путь в сурковском инкубаторе. Экономические программы могут быть и у ученых, так что задачи могут и совпасть как с правыми партиями, так и с левыми, да и с идеей государственного регулирования. Но прежде всего нужно отстоять свободу мысли. С этим их желанием совпадают настроения подавляющего большинства общества.

Далее, ученые как мало кто иной заинтересованы в посмертном существовании – чтобы их вклад в науку был долговременным и памятным. Чтобы их деятельность продолжили их ученики. Ученые заинтересованы в развитии науки вообще и в отличном уровне образования в стране – среднего и высшего. А с этим их желанием совпадают стремления всего населения.

Конечно, ученые поддержат ту власть, которая обеспечит им более высокую зарплату и условия обитания, больше ассигнований на исследования, лучший социальный климат в стране, уважение к человеческому достоинству. Это тоже общее стремление всего общества.

Говоря о либеральном направлении, органичном для ученых, нужно оговорить их отношение к демократии. Коль скоро демократия означает народовластие, она не противоречит либерализму. Но коль скоро речь идет об ученых как социальном слое, претендующем на свою роль в обустройстве общества, нужно оговорить часто упускаемое различие между демократией и охлократией – властью толпы, обычно приводящей к диктатурам и произволу.

С самого начала демократии – с древней Греции – демос включал в себя не все слои общества. Это охлос включал в себя всех свободных, кто умел кричать. В демос не входили ни проживающие в стране иноземцы, ни рабы. «Самая демократическая в мире» избирательная система СССР лишала избирательных прав целые классы – буржуазию, дворян, священников, кулаков («лишенцы»). Когда же сталинско-бухаринская конституция предоставила избирательные права всем, права эти не содержали уже ничего – выбирали одного из одного. Абсолютная демократия есть охлократия. Логично не предоставлять избирательное право (то есть право управления страной через своих представителей) ни детям, ни сумасшедшим, ни пьяницам, ни заведомым преступникам, ни нарушившим избирательное право других. В предложениях Юлии Латыниной ввести образовательный ценз и ценз налогоплатежный есть здравое зерно. Законодателю надо бы озаботиться тем, чтобы

отсечь от управления страной людей с рабской психологией и навыками принципиального паразитизма.

Наверное, пора создавать особую партию ученых, в которую вступят не только ученые, не только работники науки, но и те, кто хотел бы, чтобы власть принадлежала людям образованным, свободомыслящим, честным, разумным и компетентным. Когда такая партия будет создана, она сможет выбрать из существующих общенародных партий, к какой из них присоединиться, если ученых устроит общая программа. Ведь смысл не в том, чтобы отнять голоса у родственных партий, а в том, чтобы добавить. Добиваться нужно не дробности, а единства.

№ 25 (94), 20 декабря 2011

9. Куда ведет проспект Сахарова?

В понедельник 22 августа я неотрывно слушал захватывающую передачу на «Эхе Москвы» – «Полный Альбац». В гостях у редактора New Times Е.М. Альбац были интересные гости – политик и бывший чемпион мира Гарри Каспаров, проректор Высшей экономической школы профессор К. Сонин и ветеран группы «Альфа», двадцать лет назад (тогда в «спецназе нелегальной разведки» – как определила Альбац), капитан Первого главного управления КГБ СССР Анатолий Ермолин, ныне обозреватель демократического журнала New Times. Речь шла о двадцатой годовщине путча и его разгрома, сравнимого с революцией. Альбац процитировала только что вышедший стих «Гражданина поэта» Д. Быкова: «Мы были дураками, когда стояли там» – стих, отражающий общее разочарование. Лидеры, вроде бы демократические, осуществили колоссальное и бессовестное обогащение кучки своих приближенных и привели к власти новую номенклатуру из КГБ. Альбац попросила своих гостей ответить на простой вопрос: «Почему демократы проиграли?»

В этот вопрос упирается другой, непосредственно близкий ученым: почему российская наука захирела? Почему спутники и самолеты стали падать, плотины рушиться, склады взрываться. Почему власти стали полагаться не на науку, а на молитвы? Почему самая активная и способная молодежь бежит из страны? Ведь если бы демократы не проиграли, мы были бы, вероятно, нормальной европейской страной.

В студии собрались очень умные и благородные люди. Все их ответы были вразнобой, и они меня совершенно не удовлетворили. И я думаю, что демократы проиграли и продолжают проигрывать именно потому, что на этот простой вопрос даже цвет интеллигенции не может дать внятного и убедительного ответа. Вероятно, этот ответ не прост. Возможно, сказались разные факторы, и мне кажется, главные остались неназванными. Какие это факторы и какова мера участия каждого, предстоит устанавливать социологам, политологам, историкам и экономистам. А думать над этим – нам всем.

Каспаров выдвинул причину, что в России не хватало демократических традиций. Поэтому Ельцин не решился провести люстрацию – запрет компартии и чистку ее кадров из верхнего эшелона. Но в Германии таких традиций также не было, а денацификация прошла (конечно, в результате победы над нацизмом).

Сонин высказался в близком духе: за семьдесят лет все

активное и самостоятельно мыслившее было уничтожено, не уцелели, не выжили те, кто мог бы стать главной опорой настоящей демократической власти. А еще он добавил, что в России было много крупных предприятий, способных стать базой для «олигархов». Вот они, мол, и воспользовались. А ведь в Германии террор действовал более сжатые сроки, но столь же испепеляюще. Тем не менее люди и силы нашлись. А крупных капиталистов выносит наверх при любом развитии капитализма, но почему у нас они стали именно «олигархами» – то есть соединяющими колоссальное богатство с политической властью? Такими настоящими «олигархами» у нас являются не Вексельберг с Потаниным, не Ходорковский с Лебедевым, а члены кооператива «Озеро».

Ермолин причиной назвал нефть и газ. Нефтяная игла портит многие страны легкими долларами, направляет их экономику на сырьевой путь, создает паразитирующую элиту. Но не все ей поддаются. Норвегия не поддалась.

Сама Альбац, говоря о причинах гражданской пассивности населения и всесильной коррупции, сделала упор на фактор воспитания: не стало нравственности, этики. Так ведь опять же почему? Каспаров тоже об этом говорил, но в персональном аспекте: у чехов был Гавел, у поляков Валенса. Вот если бы жил подольше Сахаров…

Но мы же помним, как выступление Сахарова прерывал слабый и невежественный генсек, поумневший только через четверть века, и как шумело агрессивно-послушное большинство. Так ведь и сейчас в Думе сидят те, кто при виде Сахарова только топал бы и шумел («Дума – не место для дискуссий»).

Все эти факторы, конечно, как-то сказывались, повлияли, но не оставляет ощущение, что что-то важное не досказано. Во всех революциях через короткое время у власти оказываются проныры и корыстолюбцы. Вспомним французскую Директорию – коррупция была не слабее нашей. Посол, предлагавший министру иностранных дел Талейрану взятку, обещал два миллиона и полную тайну. «Дайте три, – отвечал Талейран, – и кричите об этом на каждом углу». Вопрос в том, почему такие деятели сменяют первоначальных вождей, благородных и бескорыстных.

Почему «шоковая терапия», обусловившая «германское чудо», не произвела в России аналогичных чудес? Думаю, что реформаторы не учли исторические и культурные особенности нашего общества, сформированные его историей и природой нашей страны. Здесь близкая к северу природа (большей частью скудные почвы и суровый климат с коротким летом) не создавала таких благодатных условий, как в остальной Европе. Нужно было

выкладываться в короткие страдные периоды и маяться ожиданием в остальные. Формировался характер, приспособленный не к длительному систематическому труду, а скорее к авралам. Освобождения от пут социалистической экономики оказалось недостаточно. Требовалась длительная перестройка сознания. Что она возможна, показывает опыт Скандинавии, где климат не мягче.

Далее, нужно было учесть исторический опыт России, ее культурную наследственность. Века крепостничества, отложившиеся в психологии народа тяжким грузом, были зафиксированы семидесятилетним военно-феодальным опытом «реального социализма». За эти семьдесят лет был сформирован homo soveticus, привыкший не думать самостоятельно, все делать напоказ, работать спустя рукава и получать за это мизерную, но гарантированную пайку. Он не способен воспользоваться свободой вполне и самому взять на себя построение своей судьбы, он инфантилен и ждет благодеяний сверху. Выдавливать из себя советского раба нужно по каплям, и это займет не меньше поколения.

Думаю также, что Юлия Латынина права: одна из ошибок демократов – всеобщее избирательное право. Мы хорошо знаем по опыту, что массы часто падки на предвыборные подачки и популистские лозунги, они частенько избирают тиранов и диктаторов, а эти окружают себя тайной полицией и чиновниками, при которых расцветает коррупция. Власть разумна там, где на выборах действует образовательный и имущественный ценз, не говоря уже о цензе психического здоровья. Точно так, как действуют некоторые ограничения при выборе присяжных. Бродягу и пьяницу в присяжные не выбирают.

Еще одна важная вещь, действующая именно в России, – это царистские иллюзии, широко распространенная жажда твердой руки, ностальгия по Сталину. Неважно, что он давил и душил все человеческое, ведь те, кто живет сейчас, – выжили или являются детьми и внуками выживших, у них иллюзия, что им на роду написано выживать, что это не случайность, что при новом Сталине они опять выживут. Верно, выживут такие же, но вовсе не обязательно эти. А эти могут (дело случая) превратиться в лагерную пыль, как миллионы предшественников.

Эта жажда твердой руки опирается на еще более широко распространенную в России ностальгию по империи, то явную, то тайную, но мощнейшую и неимоверно глупую. Почти каждый из тоскующих по империи, принадлежа к титульной нации, не имел от этой принадлежности ничего. Он жил взаперти, полунищим, полуголодным, угнетенным, но сознание, что «мы» имеем ракеты,

можем всем «показать Кузькину мать», что другие народы «подчиняются нам», наполняло его гордостью. Он мыслил себя значительно выше какого-нибудь жителя крохотного Люксембурга, который жил по всем параметрам в сотни раз лучше его. Это у власти обширной империи оказывалась шире база эксплуатации, сбора налогов и других доходов. У власти, а не у простых граждан.

А между тем именно эта народная ориентированность на империю заставляла людей голосовать за тех, кто обещал удержать всех «младших братьев» в узде, подавал надежду сохранить империю, а когда не удалось – намекал, что восстановит империю, за тех, кто показал в этом хоть какие-то успехи. Хотя цель эта ныне несбыточна и побуждает нести тяжесть вооружений и ссориться со всеми соседями. Правда, если говорить о ссоре с Грузией, то здесь обе стороны проявили ту же тоску по утраченной империи: грузины – по маленькой, мы – по большой. И демократы обеих сторон в большинстве поддерживали свою сторону, борьбу за интересы «своей» империи.

Вот почему демократы проиграли, на мой взгляд. Я не претендую на конечное решение этого трудного вопроса. Над ним стоит подумать всем миром.

№ 2 (96), 31 января 2012

10. Кому из ученых на Руси было жить хорошо – и когда?

Мой читатель, энтомолог Д.Г., обратил мое внимание на любопытный форум на сайте молекулярной биологии molbiol.ru. На этом форуме пользователям предложили выбрать из ряда ответов на вопрос, представляющий модификацию знаменитого вопроса А.Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» применительно к ученым, в котором делался акцент не на слове «кому», а на слове «когда». В этой постановке вопрос звучит так:

Какой период истории, по вашему мнению, был самым благоприятным для развития науки в России?

На выбор было предложено шесть ответов. Всего ответило 62 человека, и ответы расположились в следующих пропорциях:

Все лучшее осталось в дореволюционной России! – 13 (21 %)

После 17-го года и до начала 2-й мировой войны. Несмотря на террор и репрессии, именно тогда произошел огромный (качественный) скачок. – 4 (6 %)

После второй мировой войны и до перестройки. Пусть это время называют застойным, зато оно было стабильное. – 29 (47 %)

В современной России, начиная с 90-х. Полная свобода дороже денег (которых нет). – 2 (3 %)

Всегда было плохо. Наука двигалась вопреки всему. Удивительно, что она вообще есть в этой стране. – 6 (10 %)

Всегда было хорошо. В любой период и при любой власти были свои минусы и плюсы. – 8 (13 %)[2].

С первого взгляда поражает приверженность чуть ли не половины ученых застойному времени – «реальному социализму» хрущевско-брежневского разлива. Это самая большая категория ответов (47 %!). Она в разы превышает любую другую. И соответственно, поражает почти полное неприятие современной ситуации – современную ситуацию одобряют всего 3 % ученых (два человека все же нашлось). Если даже прибавить к ним тех восьмерых, которым всегда хорошо (Диогену было неплохо и «в бочке», точнее – в глиняном пифосе), то им противостоит 84 % ученых, недовольных нынешним своим положением. Власти, пожалуй, стоило бы задуматься над этими цифрами: мозг нации не склонен относиться к нынешней власти с благодарностью и думать над ее укреплением.

Но проделанный опрос (по идее очень ценный) обладает

рядом погрешностей.

Вопрос «кому», хоть и не вошел в формулировку опросника, подспудно тоже звучит, потому что заведомо ясно, что разные категории ученых выбирают разные ответы. Скажем, одно дело директора институтов, другое – младшие научные сотрудники без степени и аспиранты. К сожалению, разбивка по этим категориям не произведена, и мы не можем судить, в какой мере в мотивировке ответов сказалась данная сторона дела. Не хватает и репрезентативности выборки, широты охвата ученых.

Уже после публикации этой сводки ответов на форуме разгорелась дискуссия, в которой ее участники защищали свой выбор и нападали на выбор других. Дискуссия шла два года и угасла в 2009-м. В ней участники то и дело сбивались на общую оценку роли данного периода в истории страны – например, талантливо или бездарно было командование войсками в Отечественной войне, каковы были истинные потери наших войск и населения сравнительно с немецкими – и уходили в сторону от предмета спора. Очевидно, что эти посторонние соображения повлияли на выбор ответов.

Крайние позиции в этом споре (за дореволюционную Россию и за сталинский период) вызвали наиболее ожесточенную полемику. При этом вскрылись некоторые любопытные факты. Задевая «любимую тему советских историков», уровень образования в царской России, участник, скрывшийся за ником Tentator, писал:

«В начале XX века грамотными были лишь 25 % населения – но это опять-таки в среднем по империи; в крупных городах европейской России число грамотных достигало 50 %; а среди молодежи еще больше; причем тогда грамотность для женщин считалась необязательной – и это ухудшало средние цифры; мужское же население имело гораздо более высокий процент. В 1908 году было введено всеобщее бесплатное начальное обучение и ежегодно открывалось 10 000 начальных школ… в результате чего к 1922 году неграмотность молодых поколений должна была исчезнуть. (В 1920 году, по советским данным, 86 % молодежи от 12 до 16 лет умели читать и писать, и научились они этому до революции, а не в годы гражданской войны.)»

Он указывает, что накануне Первой мировой войны студентов в России было в три с половиной раза больше, чем во Франции, а обучение в вузах стоило в двадцать раз меньше, чем в США или Англии. Я опускаю здесь его ссылки на источники.

До революции квалифицированный рабочий мог на свою зарплату содержать жену-домохозяйку и всю семью (Tentator ссылается здесь не на статистику, а на воспоминания А.Н.

Косыгина). А профессор получал в 15,4 раза больше квалифицированного рабочего. В конце 1920-х годов профессор получал лишь в 4,1 раза больше рабочего. Сейчас рядовой профессор получает, как всем известно, меньше рабочего. А рабочий не может себе позволить содержать неработающую жену. Позиция этого участника дискуссии вообще была изложена наиболее аргументированно. Но это не значит, что безупречно.

Своим оппонентам, приводившим выдающиеся открытия советской эпохи, Tentator возразил:

«Боюсь, Вы не знаете историю или не хотите о ней задумываться. Видите ли, создать учение о биосфере за 9 лет тяжелой или даже невозможной для творчества жизни (а именно столько прошло с момента октябрьской революции до выхода „Биосферы“ Вернадского) просто невозможно. <…> Вспомним, что в 1921 году после прихода в Крым большевиков Вернадского поперли из университета, в 22 году его арестовал ЧК по какому-то сфабрикованному обвинению… В этом же году Вернадский с семьей эмигрировал во Францию, но вернулся спустя несколько лет, будучи уверен в скором крахе советской власти. <…> Или Вавилов, целиком сформировавшийся как ученый до революции, за три года в 1920 г. благодаря советской власти сформулировал закон гомологических рядов? Или Берг создал концепцию номогенеза за 5 лет? Или Четвериков – сын дворянина и фабриканта, доцент дореволюционного московского университета, которому в советское время запретили жить в Москве? Все лучшее в советской науке было создано старорежимными учеными, уцелевшими после революции (подчас чудом, как Вернадский), или их учениками».

Так ли это в других науках – не так уж ясно. Кроме того, в самой постановке опроса таится раздвоение мотивировок ответа и соответственно, выбора. Оценивается ли положение ученых – экономическое, административно-политическое, эмоционально-психологическое или же речь идет о прогрессе науки, о ее объективных успехах. Как известно, и в шарашках делались выдающиеся открытия и изобретения, по сути за гроши и из-под палки, и, наоборот, для многих самое лучшее положение – это когда платят много и можно не делать ничего. А это значит, что выбор нужно делать дважды – выясняя, когда было лучше жить ученому и когда успешнее развивалась наука. Конечно, эти параметры связаны, но связь между ними не всегда прямая.

Очень многое зависит от того, кто высказывается за тот или иной выбор – творческие работники, те, кто движет науку, или накопившийся за многие десятилетия балласт, всякие махинаторы и прилипалы. А это можно установить, только зная

научные результаты участников, хотя бы формально.

Наконец, сама разбивка на периоды втискивает ответы в плохо соединимые блоки. «Лихие» или «благословенные» 1990-е объединены с путинскими «нулевыми», тогда как ясно, что сторонники тех и других резко расходятся по своим симпатиям и оценкам. Тогда как горбачевские годы «перестройки» скорее должны быть присоединены к 1990-м, чем к брежневской «стабильности». Опять же хрущевская оттепель несравнима с последним сталинским десятилетием, а они вместе с брежневским застоем оказались в одной связке. То есть периодизация должна быть другая.

Претензий к благому начинанию молекулярных биологов оказывается так много, что я бы предложил редакции «Троицкого варианта» последовать их инициативе и продолжить начатый ими опрос, но в несколько иной постановке. Во-первых, задать два вопроса – о жизни ученых и о развитии науки. Во-вторых, задать его всем читателям – представителям разных наук. В-третьих, предложить иную разбивку истории нашей науки на периоды. В-четвертых, попросить читателей, готовых принять участие в опросе, сообщить о себе основные данные: профессия (специализация), степень, звание, возраст, пол, место работы, количество публикаций, количество монографий, оклад. В-пятых, собранные данные предоставить социологам для обработки материала lege artis. Читатели «Троицкого варианта» – это, конечно, не репрезентативная выборка, но социологи могут ввести математические поправки на приближение к общенациональному составу ученых.

Остается еще вопрос об анонимности. Некоторые ученые слишком боятся за свое положение, чтобы назвать себя, – значит, анонимность нужна (она и соблюдена у молекулярных биологов). С другой стороны, анонимность облегчает акции так называемых «троллей» – платных агентов администрации, задачей которых является повысить благоприятные для властных структур результаты опроса (фальсификация общественного мнения). Они обильно присутствуют на анонимных форумах, тем более что один и тот же «тролль» может выступать одновременно под разными никами. Если проигнорировать боязливых, то общий обзор сильно сдвинется в сторону отчаявшихся и открыто оппозиционных. Отсеются те, чье положение неустойчиво и зависимо, а это может быть значительной массой. Приходится выбирать меньшее из зол. А что – меньшее? Выходом было бы обязательство редакции, воспользовавшись сообщенными именами для возможной выборочной проверки, стереть имена вскоре после окончания проекта.

Намного ли будут результаты отличаться от выборки молекулярных биологов? Одинаково ли по разным наукам? И совсем особый сюжет, совершенно не задетый на форуме молекулярных биологов, – в чем причины такого именно распределения.

№ 13 (82), 5 июля 2011

11. Указующий перст глазами следующего поколения

Ровно 35 лет тому назад (в демографии это больше, чем расстояние между поколениями), в 1979 году, издательство «Наука» выпустило тиражом в 4 тысячи экземпляров установочный том «Методологические проблемы общественных наук».

Это было глухое время. Напугавшие советскую власть события были далеко позади: со времени Новочеркасского расстрела прошло 17 лет, с «Пражской весны» и советских танков в Праге – 11. Грядущее было темным. Стабильность казалась незыблемой, хотя до смерти Брежнева оставалось 3 года, до смерти Андропова – 5 лет, до падения Берлинской стены – 10 лет, до крушения советской власти и развала Советского Союза – 12. А вот до интервенции ограниченного контингента советских войск в Афганистан и начала 10-летней афганской войны оставалось всего несколько месяцев (война завершилась в год падения Берлинской стены). Словом, перед самым началом афганских событий, сорвавших разрядку международной напряженности, вышел этот том.

Ответственным редактором значился академик Л.Ф. Ильичев, известный идеолог, побывавший и главным редактором газеты «Правда», и членом ЦК, и секретарем ЦК, словом, тот еще академик (окончил Северо-Кавказский коммунистический университет и Институт красной профессуры). Наукой он занимался с цековских высот.

В его главе, открывающей том, представлено двенадцать сносок – на классиков марксизма-ленинизма плюс две на самого Ильичева и Плеханова (итого четырнадцать), пять – на коллективные труды и монографии типа «Ленинская теория отражения», пять – на других русскоязычных авторов, две – на партийные журналы, одна – на англоязычного автора. В этой главе содержится любопытная и весьма враждебная нацеленность на «одну тенденцию, с которой приходится встречаться чаще других. Речь идет о намерениях некоторых ученых обосновать автономность, а нередко и полную независимость методов специальных общественных наук по отношению к общефилософской методологии, а еще конкретнее – к историческому материализму» (с. 19). Признаюсь, я четко ощущал, что копье товарища Ильичева нацелено прямехонько на меня. Ведь именно эта тенденция, ему враждебная, составляла

суть моих занятий теорией археологии в то время.

Том представлял собой материалы всесоюзной конференции 1977 года. Над томом работал многолюдный авторский коллектив, большей частью имена, ныне в науке неизвестные. Но есть и выдающиеся личности. Главу вторую раздела V, названную «Методологические проблемы археологии» (с. 338–346), писал академик Б.А. Рыбаков, возглавлявший много лет советскую археологию.

Сейчас интересно взглянуть на те методологические принципы, которые он сформулировал для советской археологии в столь ответственном томе. Как они выглядят чуть больше чем поколение спустя.

Прежде всего, Рыбаков декларирует, что «дореволюционная отечественная археология оставалась в рамках вспомогательной исторической дисциплины», тогда как восприятие археологами марксистско-ленинского мировоззрения создало «по существу, новую науку, занявшую почетное место в системе исторического знания. Она перестала быть вспомогательной дисциплиной, „довеском“ истории, а стала рассматриваться как одна из исторических наук» (с. 338). Эта идея была введена в обиход не Рыбаковым, а его ментором и конкурентом А.В. Арциховским в развитие старой, еще дореволюционной традиции. Арциховскому принадлежит девиз: археология – это история, вооруженная лопатой. Превращение археологии в технологизированный дубликат истории отвергало источниковедческий статус археологии и открывало путь к безудержному политическому конструированию в археологии взамен разработки вещественных источников истории. Действовал принцип: публиковать не голые факты, а факты с интерпретациями. Но разработка фактов требует много усилий и места. Поэтому на деле публиковались не интерпретации *вдобавок* к фактам, а интерпретации *вместо* фактов.

Ущерб от этой установки был слишком велик, Рыбаков не мог этого не чувствовать. В конце главы он внес предложение, подготовленное его замом Ю.Н. Захаруком: учредить «археологическое источниковедение» (с. 340). А что еще есть в археологии, кроме источниковедения? Ныне источниковедческий характер археологии признан в российской науке. Общие исторические проблемы решать не ей, это дело синтеза дисциплин и задача истории, хотя археология и вносит существенный, иногда важнейший вклад в такие решения, и чем древнее эпоха, тем больше эта доля.

В конце главы академик возвращается к этой теме, чтобы отметить «некоторые тенденции ущербного понимания

предметной области, задач археологии» (с. 341). Он не называет фамилии конкретных археологов, от которых исходят «ущербные тенденции», – то ли не хочет позорить их перед широкой публикой, то ли не хочет популяризировать их, называя их «ущербные» имена в столь важном обсуждении. Первая «ущербная» тенденция компромиссна: она рассматривает в качестве самостоятельной науки только первобытную археологию, а античную и средневековую – как вспомогательные дисциплины. Я понимаю, что филиппика по этому поводу была направлена против специалиста по палеолиту (очень яростного коммуниста, происходящего из крестьян-бедняков) А.Н. Рогачева, известного существенным вкладом в российскую школу палеолитоведения. Вторая же тенденция проявилась, естественно, «в стремлении ограничить задачи археологической науки только ее источниковедческими исследованиями» (с. 341). Ну, тут камешек был в мой огород, а со мною были согласны другие исследователи (умерший недавно М.В. Аникович и другие), а сейчас это общепризнано, по крайней мере по факту.

На этом методологические соображения, собственно, у Рыбакова заканчиваются. Теоретическая часть заняла всего полстраницы, критика «ущербных тенденций» – еще полстраницы. Дальше идет изложение достижений советской археологии, которыми она обязана марксизму-ленинизму.

Академик превозносит марксистско-ленинское учение, но делает это крайне неловко. Он заявляет, что учение о социально-экономических формациях «само было в известной части своей основано на изучении археологии» (с. 339). Ни в какой части оно основано на археологии не было, поскольку Маркс и Энгельс в известной мере опирались на Моргана, а Морган – это не археология, а культурная антропология или этнография. В рассуждении о прогрессе Маркс попытался опереться на археологию, имея в виду идею о трех веках (каменном, бронзовом и железном). Он утверждал, что эта идея родилась как признание смены материала орудий. Но это было признано уже у древних римлян (Лукреций Кар), а вовсе не у археологов, археолог же Томсен в первых десятилетиях XIX века строил свои выводы о трех веках не на смене материала, а на смене комплексов с режущими орудиями. Смена материала – это не принцип, а вывод. Так что Маркс ошибся: судил об археологических исследованиях издалека.

Что же внес марксизм-ленинизм в отечественную археологию, по Рыбакову?

По красноречивому выражению Рыбакова, «Самым серьезным несчастьем историков была огромная многовековая „пустота“,

предшествовавшая Киевской Руси… Археология же заполняет эту пустоту и раздвигает на целое тысячелетие хронологические рамки проблемы». Он поясняет, что теперь эту пустоту заполняет «подробный показ быта славян, носителей так называемой зарубинецкой культуры», а за ней следует «богатейший археологический материал о славянской черняховской культуре II–V вв.» (с. 339). А что, эти культуры Украины и Молдавии не были известны до внедрения марксизма-ленинизма в археологию? Да нет, они были открыты и известны за полвека до Б.А. Рыбакова. Но археологи спорили об их этнической принадлежности. А сейчас, особенно усилиями М.Б. Щукина, доказана принадлежность черняховской культуры германской народности готов, а зарубинецкие памятники остаются спорными. Подлинно же славянские культуры пражского типа VI–VII веков Рыбаков в 1979 году в своей тяге заполнить тысячелетнюю брешь не замечал, хотя они уже были открыты.

Говоря о славянских верованиях, Рыбаков пишет: «Особенно интересен четырехгранный идол, далекий предшественник знаменитого Збручского Святовита…» (с. 340). «Збручского Святовита» он десятилетие спустя будет трактовать как изображение бога Рода – главного бога восточных славян в языческое время. Между тем Святовитом Збручский идол не был (тот в Польше и выглядел не так), Родом – и того меньше (Род в словесных источниках славян почти не упоминается, потому что это ошибка древних переводчиков с греческого). А Збручский идол по всем данным, которые я мог собрать, никак не укладывается в систему русских памятников, да и вообще вызывает у современных археологов обоснованные подозрения в том, что это изделие романтиков XIX века.

Очень красноречиво замечание академика о происхождении русской государственности: «Вся проблема подготовки и рождения первого государства восточных славян со столицей в Киеве решается сейчас на основании археологических данных, позволяющих проследить тысячелетний процесс вызревания государственности в разных исторических условиях» (с. 339). И все. Далее речь о татарском нашествии. Вам ничего не бросается в глаза? Мне бросается. Ведь тут полностью отсутствуют эскапады по поводу зловредной «норманнской теории» и осуждение скрытых и явных «норманистов», подрывающих устои русской науки. И это у такого ярого антинорманиста, как Рыбаков! А дело в том, что под давлением новооткрывающихся фактов Рыбаков ближе к 1980-м годам смягчил свой прежний антинорманизм, стал писать о захвате варягами власти в Киеве, о «варяжском периоде» в русской истории. Некоторое воздействие произвела на

него, возможно, и «варяжская дискуссия» 1965 года в Ленинграде, и первая сводка (1970) скандинавских древностей, зафиксированных на территории Древней Руси.

В числе достижений советской археологии, конечно, упомянуты (с. 341) две величественные затеи академика, обе – в развитие идеи археологического источниковедения. Первая – это издание «Свода археологических источников СССР», над которым он заставил трудиться всех археологов страны. Предполагалось выпустить за 15 лет 150 томов, в которых систематически описать и проиллюстрировать все археологическое наследие, открытое за два века полевой работы. Это было грандиозное и несомненно нужное дело, но Формозов и другие указывали, что а) в 150 томов никак не уложиться, б) сил института и издательских мощностей страны даже на 150 томов не хватит. Так и получилось. За 15 лет вышла малая толика, за 30 лет – 83 тома, а дальше дело застопорилось. Рыбаков выдвинул и еще одну идею: издать полный коллективный обобщающий труд по археологии СССР, со всеми интерпретациями. Было предложено 16 томов, позже их число увеличили до 20. Авторы работали параллельно. За 10 лет вышли 12 томов, но многие устарели еще до своего выхода. Все «накрылось» в 1990-е годы, на том месте осталось и сейчас. И все же это было реальное организационное достижение академика Рыбакова, но оно никак не было связано с его методологическими установками, скорее противоречило им: ведь оно подчеркивало источниковедческий характер археологии.

Когда я слышу новости о всероссийской затее единого учебника по российской истории, в котором будут на государственном уровне решены все ее проблемы, даны все нужные установки по воспитанию и т. п., одобренные на высочайшем уровне, то я вспоминаю методологические установки талантливейшего и полного энергии академика Б.А. Рыбакова в весьма начальственном томе (солиднее по тем временам некуда) и вижу, какой из этого всего получился пшик.

№ 24 (168), 4 декабря 2014

II. Разгром Академии

1. Нужна ли России Академия наук

Перед перевыборами в Академию наук в мае 2008 года мне прибыли из редакции «Троицкого варианта» вопросы: «Нужна ли России Академия наук? Какая Академия наук нужна России? Какие реформы нужны РАН? Какие самые серьезные проблемы стоят перед РАН?»

Я ответил, и с этого началось мое сотрудничество с этим изданием.

Ох. Вы задали мне трудные вопросы. Я ведь никогда не работал в Академии наук, всегда был связан прежде всего с университетами. Но наблюдал академические институты с близкого расстояния.

Мое впечатление такое. У всех цивилизованных стран академии наук есть, стало быть, и России нужна. Но у всех академии – это научные общества, клубы избранных, наиболее выдающихся ученых-исследователей. А наша Академия – это собрание организаторов науки, распределяющее средства. Некое подобие Фонда, присуждающего гранты, только гранты постоянные. Притом учреждение, маскирующееся под собрание исследователей.

Мне кажется, нужно эти функции разделить.

Второй порок Академии – ее отделенность от воспитания исследователей, перманентное старение коллективов при затрудненном омоложении. Необходимо слить академические институты с университетами. Будет как во всем мире, и польза будет как академическим коллективам, так и университетам. Что все время думать об Академии наук? Позаботимся об университетах. Университеты должны резко увеличить свое исследовательское крыло. Их переход на Болонскую систему – это как петровские повеления сбрить бороды и начать курить. Чисто внешняя мера уподобления. А нужна коренная перестройка. Пока что наши университеты несопоставимы по мощности с ведущими иностранными.

Одновременно нужно усилить независимость университетов. Иначе такой перевод (от Академии к университетам) будет равнозначен передаче науки из ведения учреждения, обладающего хоть какой-то независимостью, в сугубо государственную структуру. Во всем мире государственные университеты – это самые бедные и негодные к развитию.

Конечно, проводить такие реформы нужно очень осторожно и продуманно, подготовив условия для работы по-новому, чтобы не навредить – не разрушить работающие коллективы, не заменить

их мертворожденными чиновничьими изобретениями. Чтобы не вышло по синдрому Черномырдина. А то ведь наши правители обрадуются еще одной возможности сэкономить на науке: деньги от Академии отнимут, а в университеты их не передадут. Пустят на новую парадную форму для армии и на умножение «тополей».

4 (809) 27 мая 2008

2. Судьба Академии, судьба страны

А следующая заметка была написана и опубликована в разгар дискуссии по опубликованному проекту (тогда проекту) реформы Академии наук летом 2013 года.

Мы переживаем сейчас закат российской науки. Россия выходит из числа великих держав еще по одному параметру – по науке. Судьба ее в очень малой мере зависит от самих ученых, да и среди них слишком мало думающих о благе науки и понимающих, что для этого надо. Из тысячи с лишком академиков и членкоров всего семь десятков отказались войти в новую «Академию», лишенную имущества и авторитета. Большинство беспокоится о своих собственных интересах, а они у слишком многих, обладающих формальным статусом ученых, не совпадают с интересами науки.

К сожалению, судьба Академии зависит от ряда функционирующих в стране сил, среди которых Министерство образования и науки и персонально министр Ливанов очень мало весят. Весомые силы – другие. Совершенно ясно (это было видно по беседе с новоизбранным Фортовым), что инициатором ликвидации Академии является президент страны и что он будет всячески стремиться довести этот «блицкриг» до победного конца. Сопротивление было неожиданным – ну что ж, подкупить не удалось (повышение бонусов академикам, повышение званий членкорам), придется сделать мелкие уступки. Но и он лишь учел расстановку сил и интересов.

Попытаемся рассмотреть эти силы и интересы.

Прежде всего, во власти есть значительная группа людей, мечтающая о восстановлении сталинской империи и о возрождении сталинской науки. При Сталине Академия номинально существовала (как многие другие традиционные декорации – например, церковь), но идеалом сталинской науки была шарашка. Шарашка, в которой плененные и превращенные в рабов гении работали изо всех сил не за совесть, а за страх, выполняя военные и идеологические (военно-патриотические) задачи партийного руководства и самогó великого кормчего. Организатором такой науки был Берия, но вдохновителем – Сталин. Такая наука дешева и достигает грандиозных успехов, но на одном-двух избранных направлениях. Спутники, математика, балет, а во всем остальном – уровень Верхней Вольты. По автомашинам до сих пор отстаем от Кореи и Чехии, а компьютеры и мобильные телефоны завозим. О японских и штатовских роботах и речи нет.

Вторая властная и могучая сила – это люди, оседлавшие нефтяную и газовую трубы. Нефть и газ они продают сырьем за рубеж, на нефтедоллары покупают все – автомашины, яхты, роскошь, послушание значительной части подданных. Этой силе не нужны промышленность и сельское хозяйство – все проще купить. Не нужна и наука. Совсем не нужна. Ее продукцию тоже можно купить за рубежом. А при такой стратегии можно избавиться от единственного оставшегося оплота независимости в стране – от Академии наук, со званиями, которые нельзя отнять, с авторитетом, который не пожалован сверху, с неподконтрольными связями с заграницей, с накопленными богатствами (недвижимость!), которые пригодись бы для раздачи верным чиновникам. Вузы уже прижали к ногтю, а Академия вот мозолит глаза. Ковальчука, вишь, забаллотировали…

А что же сами ученые? Они тоже раздроблены. Часть по застарелой привычке и по близости к вертикали готова поддержать любое повеление начальства. Сколько их, не знаю. Кажется, мало.

Другая часть, весьма значительная, как ни странно, тоже ностальгирует по советской науке. Нет, не по шарашке, конечно. И даже вообще не по сталинской эпохе, а скорее по брежневской. Тогда же так было все спокойно: работа шла ни шатко, ни валко, можно было не очень шевелиться, а сравнительно высокие зарплаты маститым начислялись. Сравнение с Западом не так уж и тревожило: оно в основном проводилось по идеологической линии, а тут все было в ажуре. А что нобелевские в основном уходили в США и другие капстраны, так об этом не очень и распространялись, да и языки-то знали немногие. А ведь кризис академической науки и падение авторитета Академии были заложены еще тогда. Это тогда в академики валом пошли директора и чиновники, и состав ее разжижился.

Наконец, значительная часть работников Академии принимает свершившееся как данность и думает, какие предложить поправки к почти принятому закону, чтобы все же катастрофа была не столь полной и сокрушительной. Как ликвиди… простите, реформировать Академию, не полностью лишая ее связи с имуществом? Как сохранить выборы директоров, пусть и под контролем чиновников? Как избежать соединения трех Академий, слияния кор– с членами и девальвации звания академика? Какие меры предложить для очевидной активизации науки – наблюдательные советы, контрольные комиссии, участие общественности? Им невдомек, что любые поиски компромисса будут приняты лишь в той мере, в какой они не затронут суть закона, поправки будут всемерно отфильтрованы и обрезаны.

Имя, декорации, звания сохранить могут. Самостоятельность и свободу – нет.

А независимость и свобода мышления, раскованность и неангажированность – первое условие великих прорывов в науке. Когда у Фарадея спросили, какое употребление сможет найти открытое им электричество, он сказал: «Можно будет делать забавные игрушки». Даже если часть ученых соблазнится полученной свободой и средствами для загула, оставшиеся в мозговом штурме окупят все затраты.

Что ж, цели правящей верхушки выданы, поправки приняты под давлением общественности, а уступки, во-первых – временные, во-вторых, будут взяты назад при малейшей возможности, быстро, одна за другой. Это как с выборами – сначала громкие обещания, а потом фильтры и ограничения, сводящие все на нет. Все нынешние митинги и протесты, предложения и пожелания ни к чему кроме временных уступок привести не могут.

Справедливости ради надо сказать, что ни у Академии наук, ни у оппозиции своего проекта радикальной реформы нет, а она нужна – это всем очевидно. Против чего бороться ясно, но за что? Где программа? Это размагничивает протесты и ослабляет рациональность митингующих, лишает их настоящей силы убедительности. Защитникам Академии их противники бросают в лицо обвинение, что они хотят только одного – сохранить все, как было, сохранить свои командные позиции, свой покой на вершине Академии и свои блага, ограничиться декоративными изменениями.

На мой взгляд, Академию наук как могучее, богатое и властное учреждение нужно действительно упразднить. Ведь вся работа сосредоточена в институтах и лабораториях, а сама Академия занималась действительно только выборами академиков, назначениями (прикрывала директоров от чиновничьего произвола, часто глупого) и межведомственной дипломатией. Занималась все хуже. Вместо нее нужно создать небольшую очень престижную организацию, куда избираются только самые крупные ученые. Академиков должно быть не больше, а значительно меньше – около ста, и они должны собираться исключительно для решения главнейших общенаучных проблем, проведения важнейших экспертиз и воздействия на распределение фондов и премий.

Институты и лаборатории со всем имуществом надо передать не чиновникам, а университетам и другим вузам вместе с ассигнованиями, которые на них отводятся. Но не нынешним университетам – слабым, подавленным и зависимым.

Университеты и вузы нужно вывести из-под управления государства. В них должны соблюдаться общеевропейские академические свободы. Ректоры и ученые советы должны быть по-настоящему выборными. Кроме того, нужно провести жесткое ранжирование вузов. Пора вернуть университетам статус университетов, а прочим учебным заведениям иметь статус институтов, академий, училищ и так далее. Не может быть специализированных университетов: отраслевая специализация – антоним университета. То есть реформу академической науки нужно сочетать с реформой образования. Это должна быть одна реформа.

Именно передача институтских кадров Академии наук университетам позволит решить главную задачу, стоящую сейчас перед университетами: радикальную разгрузку преподавательских кадров, которая превысила все разумные пределы и ликвидирует научно-исследовательскую потенцию университетских преподавателей. Давно пора довести преподавательскую нагрузку до европейских и американских норм – несколько лекций в неделю с предоставлением оплачиваемого годичного отпуска каждые 5–7 лет. Такая передача кадров также быстро омолодит научные учреждения, бывшие академическими, а с другой стороны резко усилит наши университеты и выведет их на один уровень с мировыми университетами – центрами науки и образования. Ни Сколково, ни объявление некоторых университетов федеральными – не выведут, а передача академических институтов университетам – выведет.

Любая реформа уйдет в песок, если не будет поддержана большими деньгами. Зарплаты ученым и пенсии должны минимум превышать вдвое – втрое средние по стране (не вообще по стране, а по крупным городам – Москве и Петербургу), чтобы профессия ученого снова была престижной и наши ученые могли конкурировать с зарубежными в закупке литературы, компьютерного оборудования, академических разъездах и уровне жизни. Пенсии их должны быть почти равными зарплате, чтобы можно было спокойно освобождать места для молодых. Разумеется, нужно обеспечить конкурентоспособность и по закупкам оборудования. На все это нужны средства. Поскольку наша частная промышленность, частный бизнес не очень нуждаются в высокой науке, а получение иностранных инвестиций под подозрением, средства эти могут иметь источником только наше государство. А у гуманитарных наук государство – почти единственный крупный инвестор.

Конечно, нужно переломить это положение – ввести

радикальные меры поощрения бизнеса к инвестированию в науку и образование. Нужно, чтобы бизнес поддерживал университеты, а не церкви (церковь у нас и так богатая).

А главное, если государство хочет действительно встать с колен и лидировать в мире, оно должно минимум втрое – вчетверо повысить долю ассигнований на науку и образование. А это значит, перенаправить денежные потоки. Огромным источником могло бы стать уничтожение коррупции и повального воровства – но для этого нужна другая радикальная реформа. Кроме того, придется отнять деньги у других получателей – резко сократить чиновничий аппарат, ужать полицию и внутренние войска – куда нам столько блюстителей порядка? Ведь чем больше блюстителей, тем меньше порядка. Уменьшить военные расходы – никто из соседей на нас нападать не собирается. Соединенные Штаты даже маленькую Северную Корею, задирающуюся все время, не трогают. А ведь могли бы прихлопнуть одним ударом. Равновесие в мире сейчас зависит уже не от нас. А главное – сколько в армию ни угрохай, она будет рыхлой и бессильной, если нет науки и культуры, если ракеты и спутники падают, а военные склады то и дело взрываются. Мощная наука и высокая культура – лучшие гаранты безопасности страны.

Таким образом, мое предложение реформы сводится к нескольким принципиальным преобразованиям:

Ликвидация нынешней громоздкой Российской академии наук и создание на ее месте небольшой престижной Академии наук России, занимающейся решением общенаучных проблем и распределением фондов и премий.

Передача всех ее институтов и лабораторий вместе с их имуществом и ассигнованиями университетам и другим вузам.

Одновременная реорганизация университетов и вузов на основе академических свобод, выборности ректоров и ученых советов и возвращение университетам прежнего статуса очагов кооперации основных фундаментальных наук (их выделения из числа институтов, академий и училищ).

Резкое повышение зарплат ученых на основе повышения доли бюджетных расходов на науку за счет ликвидации коррупции и воровства, а также за счет сокращения чиновничьего аппарата, полиции и уменьшения военных расходов.

Доведение пенсий ученых почти до уровня зарплат, чтобы выход на пенсию не был катастрофой и места для молодых освобождались регулярно.

Как мне представляется, такая реформа неизбежна и после мыканья еще какое-то количество лет с чиновничьим агентством

по науке (тут «агент» лишается одиозного звучания) все равно придется к этой проблеме возвращаться, потому что лучше не будет. Никогда еще бюрократизация не спасала от бесплодия. Лучше сделать решительный шаг сейчас, сразу.

Я понимаю, что при нынешней власти и при нынешнем устройстве страны надежда на это отсутствует. Что ж, ничто не вечно под луной.

Статья написана в шюле, опубликована 13 августа 2013

3. Наука и империя

Г-ну Листаеву (ответ на отклик одного из читателей «Судьбы Академии»)[3]

С любопытством прочел Ваш «вопль души», одно из главных достоинств которого – искренность. Вы выступаете с позиций советской мифологии – с прохановских позиций. Спорить с людьми, живущими в мифологическом пространстве, бесполезно. Их можно только изучать. Но для сторонних наблюдателей показать, что миф есть миф, вполне разумно.

Давайте расставим точки над i.

Вы написали свой коммент, чтобы я «не был уверен, так сказать, в абсолютной непогрешимости и стопроцентной поддержке своих мыслеформ…». При этом Вы полностью согласились со всеми моими предложениями, со всеми пятью пунктами, без малейшего изъятия. Возражения вызвала только моя мотивировка, точнее историческое вступление к ней. Так что тут «поддержка стопроцентная».

Ваш гнев вызвала моя начальная фаза «Мы переживаем сейчас закат российской науки». С Вашей точки зрения, это неверно, заката нет. Со мной, однако, согласны корифеи науки, даже коммунист и нобелевский лауреат Жорес Алферов. «Впервые я почувствовал, что не нужен моей стране», – заявил он на докладе в Петербурге. О цифрах ассигнований на науку я уж не говорю, в сравнении с ведущими странами мира. О все более скромных местах, занимаемых Россией по многим научным показателям. О вымирании целых научных школ.

Вы целиком за воссоздание сталинской империи. «Военная континентальная евроазиатская империя – идеальная форма государственного устройства для России». Простите, а что население империи имело от этой «идеальной формы»? Это очень похоже на чувства поротого холопа, хвастающегося тем, что наш барин сильнее всех соседних – такой знатной порки никто не сможет задать! Ради фразы «нас все пугаются!» вы готовы терпеть все прелести сталинского режима. Я не готов. Вы очень низко ставите качества русского народа, если считает его неспособным к цивилизованному существованию в демократическом государстве европейского типа, а только в «евразиатской империи», под пятой очередного варварского диктатора.

«В атаку поднимались „За Родину, за Сталина!“. Сознательно-этатистски шли с такими словами в атаку», – пишете Вы со слов своего деда. Вы ссылаетесь на ностальгические воспоминания деда, подстроенные под общую мифологию. А я сам был на

Третьем белорусском фронте, правда лишь полгода в 1944-м (прошел от Смоленска до немецкой границы). Но мои близкие друзья белорусские писатели Василь Быков и Алексей Карпюк воевали всю войну. Они рисуют совсем другую картину. И если солдаты были полны «сознательно-этатистских» чувств, то зачем по всей линии фронта были созданы заградотряды? И вспомним, что из перешедших на сторону врага были созданы целые армии.

Вы пишете, что мои слова «России никто не угрожает» просто ложь. Да нет. Ложь – миф о том, что Россия – в кольце врагов. Миф, нужный ее властителям для внутреннего пользования. Все страны имеют армии на всякий случай, но имеют и друзей, и сотрудничество, а вот Россия ждет беды от всех соседей, ближних и дальних. От Белоруссии и Украины, от Грузии и Эстонии, от Китая и Азербайджана. Если США такой уж агрессор, то почему не нападают на Мексику и Канаду? Почему терпят нахальную Северную Корею? И почему наши властители в массе держат своих детей и свои дивиденды там, у врагов? А некоторые и живут там?

О положении науки в советское время написано достаточно. Добавлю только личное воспоминание о чувстве унижения, которое мне постоянно приходилось испытывать в советское время на международных встречах за положение нищего и цыпленка, привязанного за ножку. Это выражение употребил один западнонемецкий академик, поддразнивая меня, ведшего с ним спор в Ленинграде.

Квинтэссенция Ваших рассуждений содержится в фразах: «У меня вполне закономерно давно уже возникает вопрос: почему же Вы на этом Западе не остались? Почему же Вы так, мягко говоря, всю свою жизнь не любите Россию? Может быть, честнее было бы критиковать российскую действительность из-за „бугра“?»

Вам не приходит в голову, что Ваши две фразы «почему же Вы на этом Западе не остались?» и «Почему же Вы… так не любите Россию?» по своей сути совершенно не согласуются друг с другом. Вопросу о том, почему я всегда возвращался из всех заграниц, посвящена моя давняя статья в «Троицком варианте». А дело, видимо, в том, что мы по-разному понимаем, в чем заключается любовь к России. Я люблю Россию, ее науку и ее будущее, а Вы любите прохановскую Россию, то есть миф о России. Ту страну, которой никогда не было и, надеюсь, никогда не будет.

27 августа 2013, сайт ТрВ

4. В университеты хочешь? Не хочешь?

На мою статью о судьбах Академии наук и страны («Троицкий вариант» № 16 (135) за 13 августа) пришло уже куда более полусотни комментариев, напечатанных на сайте газеты, спасибо всем за внимание. Пожалуй, можно подвести первые итоги обсуждения. Я опущу выражения согласия, а займусь возражениями, потому что они требуют размышлений и реакции. Постараюсь не привязываться к отдельным авторам, а обобщить и сосредоточиться на сути возражений. Начну с негативных откликов, характеризующих часть аудитории, но не содержащих возражений.

Проявления эмоций – Клейн хуже Ливанова, вдохновитель погрома РАН, предлагает всех загнать в Университеты, не спросившись; вы, яйцеголовые, омерзительны, правильно Ленин говорил об интеллигенции… – Помилуйте, ну где там «вдохновитель»! Я уже писал, что рабы не там, а я ведь не министерский приказ издал, а статью написал в газету ученых, то есть затеваю дискуссию, а значит, спрашиваю вашего мнения. В отличие от того, кто стоит за Ливановым и вас не спрашивал.

Argumentum ad hominem – типа «Клейн, наверное, сам не работал в Академии…» или «сам уйдет из Академии в Университет» и т. п. – Чаще всего не угадывали. А даже если бы и так – ну и что? Я работал в университетах, наших и иностранных, обе диссертации защищал в РАН, ученики мои почти все в РАН, в том числе один академик и один членкор. Много печатался в журналах РАН (начиная с моей первой печатной работы в 1955 году). Только недавно я вступился в «Троицком варианте» за библиотеку института РАН. Институты РАН и ученые оттуда мне дороги, как и университетские преподаватели. Президиум – не очень.

Клейн лягает советскую страну, в которой и были созданы наука и образование. – Ну, это иллюстрация к одному из моих тезисов в статье – о ностальгирующих по советской власти. На деле это советская страна (начиная с Ленина) неустанно лягала ученых. И забрасывала их дерьмом. Но и эксплуатировала их.

Теперь перейду к содержательным возражениям.

Пугают практические неурядицы радикальной реформы – это ж разрушатся все связи, журналы не выйдут, договоры повиснут в воздухе и т. п. – Ну, это если проводить любую реформу по-большевистски и в нынешней системе административных норм, так и будет. А ведь можно и по-иному. Это все решаемо, если у реформатора есть ум и власть. И главное: я ведь предполагаю все

в рамках общей реформы – с отменой нынешних административных норм.

Пугает положение науки в университетах: времени на нее там нет, нацеленности начальства нет, ассигнований недостаточно. Наука там загнется, а университет сдохнет, не сумев выплатить коммуналку… – Так ведь это в нынешних университетах, а я говорю об университетах реформированных, подобных по мощи и свободе западным негосударственным.

Университеты и Академии, клянчащие деньги у государства, не могут быть независимыми. – Верно. А если не клянчить, а требовать по закону? Не приходит в голову? Причем закон иметь тоже не нынешний.

Как разделить институты РАН? Ведь все сосредоточено в Москве и Питере – туда же, в два университета, и собрать все институты РАН со всей России? – Не о том речь. Во-первых, в Москве и Петербурге и вузы сосредоточены никак не меньше, полно специальных вузов. Во-вторых, везде в мире есть университеты слабые и сильные. Некоторые институты придется разделить по специальностям. Бывает такое и сейчас.

Зачем везде резать по живому? В Томске и так университет сомкнут с институтами РАН, а в других сибирских городах нет. – Что ж, в Томске оформить существующий порядок административно – что только облегчит взаимодействие, а в других сибирских городах административная перестройка поможет довести сотрудничество до томского уровня.

Гуманитариям может и будет лучше в университетах, а физикам с их синхрофазотронами нет. К сложным приборам нельзя подпускать студентов. – А лаборантов можно? Как будто нельзя в университетах наладить иерархию доступа.

Повышение пенсий почти до уровня зарплат лишь усилит жадность престарелых ученых и не побудит их уступать места молодым (что-то на Западе не усиливает – или у нас другая психология?). Специальных пенсий для ученых нет нигде в мире. – Ну, там много чего нет, что есть у нас. Скажем, нет такого сногсшибательного повышения пенсий депутатам. Таких непомерных пенсий чиновникам, а их больше, чем ученых. Да я и не против аналогичного повышения пенсий всем. Где взять деньги? Одна лишь коррупция сколько денег съедает, а она вовсе не обязательна для страны. Если правительство с ней не может справиться, то нужно другое правительство, которое справится.

В Европе все складывалось веками, нужно и нам века подождать. Тогда все само утрясется. – Да, там складывалось веками. Но у нас другие традиции – догонять рывками. Петр I не стал ждать, а сразу заложил Академию наук и Университет.

Позже первых европейских на пять веков. А чтобы не ждать дольше, срезал бороды и скинул патриарха. За что прослыл антихристом. Да и Сталин, который был истинным антихристом, способствовал выходу в космос и атомной энергетике, правда, затормозив все остальное.

Мне понравились возражения А. Сараева – в корень смотрит: проект Клейна, де, был бы привлекателен, да для него нужно уменьшить страну, сменить власть и режим и заменить население с его менталитетом. Отвечаю: а) Да, гладкое проведение идеальной (я ведь так ее обозначаю) реформы легче было бы в стране меньшего размера – но ведь она и стала меньше, и процесс, похоже, еще не закончился. б) Требуется полная смена системы управления, всего режима – а что, он вечен? в) Смена населения с его менталитетом… – Не смена, а изменение, и не населения, а менталитета. Так ведь это и есть задача просвещения, которым занимается интеллигенция, в частности научная.

Пока, кажется, все возражения. Главное – ссылка на альтернативную реформу, предложенную моими коллегами по Петербургскому союзу ученых. С моей точки зрения, там много толковых мер, рассчитанных на некоторое усовершенствование действующей системы РАН. Между тем я подвергаю сомнению саму руководящую функцию РАН по отношению к ее институтам и лабораториям. РАН в лице ее Общего собрания и Президиума действует по отношению к своим институтам как один большой отдел кадров и одна большая бухгалтерия. Никакого руководства настоящей наукой оттуда не происходит. Институты обходятся сами. И никакое агентство взамен Президиума им, разумеется, не требуется. Им не требуется ни Президиум, ни агентство. А вот отделенность от университетов им очень во вред. И университетам тоже. Кстати, когда были созданы Академия и Университет в Петербурге, они были созданы как одна система. Пора восстановить эту традицию.

27 августа 2013

5. Рецепт реформы

Россия вступила в 2014 год без Академии наук. Формально она сохранилась, а на деле той Академии, которая существовала веками, больше нет. На ее месте раздутый донельзя клуб директоров и ученых, лишенный власти, имущества и всех низовых подразделений. То есть своей основы.

Добро бы они были переданы другому ученому сообществу. Но они переданы в управление государственным чиновникам, поднаторевшим в сборе и дележе финансовых поступлений. Ясно показано, что ничего кроме богатств Академии государство не интересует. А раздут этот клуб путем разового производства членкоров и членов отраслевых академий во всероссийские академики. Эта частная операция придумана, чтобы девальвировать звание академика. Когда-то царь Павел, желая унизить строптивого фельдмаршала Суворова, но, стесняясь карать его лично, произвел в фельдмаршалы двенадцать генералов.

В стране есть еще одна огромная организация, еще более древняя и богатая, формально столь же независимая и также основанная на некой отрасли человеческой активности – это церковь, РПЦ. К ней рецепт, примененный ныне к Академии наук, применялся уже дважды – во времена Петра и в советское время. У Петра были мотивы для реформы как идеологические, так и экономические. Церковь не спешила перестраиваться на европейский лад, а для ведения войны нужны были финансы. Петр присвоил многие ее богатства, перелил ее колокола на пушки и скинул ее патриарха. Советская власть еще более радикально очистила закрома церкви, отняла большую часть ее зданий, передушила ее личный состав, а ее иерархов почти поголовно зачислила в органы безопасности, восстановив пост патриарха, который с тех пор уже не конкурировал с властью, а помогал ей. Ныне церковь в фаворе. Надолго ли?

Попробуем вообразить, что к ней снова, уже в третий раз власть применит тот же рецепт реформы, только усовершенствованный и осовремененный на опыте обращения с Академией. Ведь все говорят о необходимости церковной реформы, о том, что РПЦ отстает от жизни, погрязла в роскоши, боится конкуренции с другими церквами.

Не нужно обольщаться и успокаиваться тем, что нет никаких признаков такого поворота судьбы. Все будет сделано внезапно, в качестве секретной операции – в точности как с Академией наук. Причем помощь от церкви в деле патриотического воспитания, в

деле пропаганды и прочее приняты во внимание не будут. Разве Академия наук манкировала этим? Главное, что будет учитываться, – это богатства, которые нужны государству.

Формально, конечно, религия и церковь будут сохранены. Патриарха переизберут, архиепископов и епископов окружат почетом, повысят им содержание и превратят в постоянно действующий великий собор, а для пущего величия присоединят к ним кардиналов (хватит им папе подчиняться), а также аятолл, старших мулл и главных раввинов (они и так сотрудничают, вот и будет более плотное сотрудничество: Бог-то у них – один). Можно и главных шаманов включить. Есть у них некоторые разногласия по поводу того, как и кому молиться, ну это и будет хорошим поводом для долгой и плодотворной дискуссии.

Отнимут у них только все церкви и монастыри и переподчинят их государственному агентству с финансистом во главе, который будет регулировать финансовые потоки. То есть все попы останутся на своих местах, службы будут совершаться, только повиноваться батюшки будут не епископам, а финагентству и Счетной палате. Разумеется, чиновники произведут переучет наличных сокровищ и найдут им лучшее применение. Здания и земельные участки перейдут также в другое ведение, а святых отцов освободят от этой мороки, чтобы они могли освободиться для занятия исключительно «наукой»… то бишь, богословием и молитвами за всех нас.

Возможно, теологические кафедры уберут из физических вузов и переведут в вузы финансово-экономические. Не знаю, уместнее ли они там, но после такой реформы там они будут явно нужнее.

Опыт, однако, учит, что после каждой такой реформы церковь снова возрождалась воспрявшей к жизни почти в тех же формах и все возвращалось на круги своя. Так может, и у Академии есть шанс? «А мы, мудрецы и поэты, / Хранители тайны и веры, / Унесем зажженные светы / В катакомбы, в пустыни, в пещеры».

Декабрь 2013

III. Money, money, money…

1. Генералы науки

[Год 2008.] Академикам повысили плату за звание с 20 тысяч до 50 тысяч рублей. Академиков я сдержанно поздравляю. Моя сдержанность, надеюсь, академикам понятна. Велика ли прибавка? Ну, надо все считать. Эти деньги прибавляются к зарплате за должность, то есть к директорской оплате (академик, обычно, директор чего-нибудь), и вместе составляют этак тысяч 70. То есть примерно три тысячи долларов. Это значит, что зарплата наших академиков – самой верхушки нашей науки – сравнялась со средней зарплатой тамошнего рядового профессора. Таких там десятки тысяч в каждой большой стране. У нас академиков не наберется и тысячи.

Но соль еще и в том, что остальная масса ученых там ненамного отстает в зарплате от профессоров, а у нас академики одним щелчком отдалились от всей массы, потому что рядовой завкафедрой получает у нас 12 тысяч, а научные сотрудники (кандидаты и доктора наук) по 4–5 тысяч [сейчас в связи с инфляцией и некоторым повышением завы соответственно до 70 тысяч, сотрудники по 15–20 тысяч, кое-где 10–12 тысяч]. Я уж не говорю о прочих благах – пенсии, квартире, библиотеках, медобслуживании и так далее

Какую эффективность от такой дешевой науки ожидать? Стоит ли удивляться тому, что нобелевские лауреаты у нас так редко появляются, а там – так часто? Виноват, я не растолковал, где это «там». Но если мои наблюдения верны, то и так ясно.

В оплате наши академики сравнялись с генералами. Те тоже получают за звание. Мне как-то понятнее оплата за труды, за открытия, за научную квалификацию. Подразумевается, что выборы в Академию производятся на основе именно научного признания, таланта, лидерства в науке. Но, как мне кажется, это далеко не всегда так. Играют роль клановые интересы разных групп старых академиков (в борьбе за распределение фондов), поддержка властей, как можно подозревать – и коррупция. Часто организационные способности претендентов и реальные силы, за ними стоящие, имеют больше веса, чем научный авторитет. Вот за эти организационные потенции и за обладание поддержкой им и приплачивают.

Что ж, для властей такая верхушка науки удобнее: наука лучше управляема, ее верхи понятнее чиновникам. Чем ближе академики к генералам, тем лучше. Им можно приказывать, контролировать исполнение приказов. Направьте усилия на то-то, развивайте такое-то направление, добейтесь успехов в том-то и

том-то.

А только забывается сентенция одного из не очень управляемых академиков (кажется, это был Л.А. Арцимович): неизвестно на какой веточке большого древа науки вырастет золотое яблоко успеха. Холить нужно все древо.

Непонятно сказал? Всем платить, всем.

№ 5 (815), 10 июня 2008

2. Гранты и гаранты

На 2008 год я получил грант от РГНФ в 150 000 рублей на написание книги. Подождите поздравлять. Я понимал так, что если мне присудили грант в 150 000, то мне эта сумма гарантируется. Совсем нет. Треть моего гранта у меня еще до получения денег отняли как налоги и вернули государству. То есть в сущности деньги вынули из государственного кармана, помахали перед моим носом и выдали мне две трети, а треть переложили в другой государственный карман. Зачем такая сложная операция? Не проще ли сразу выдать мне ту сумму, которую государство может ассигновать? Впечатление, что государство хочет иметь возможность хвастать своей щедростью – вот какие мы суммы даем нашим ученым на год, чтобы они книги писали, – целых 12,5 тысячи в месяц! Когда на самом деле дает только девять (и далеко не всем, а избранным).

Как бы РГНФ посмотрел, если бы я от запланированной книги (я ее уже заканчиваю) отрезал треть и перенес ее в другую мою книгу, которую я делаю на другие средства, а в предисловии к первой книге указал, что Фонд реально финансировал две трети моей книги?

Вы скажете: ну, что делать, налоги все должны платить. Подождите, разберемся и с налогами.

Почему-то РГНФ и другие фонды не могут выслать мне те деньги, которые они решили мне дать. Нужно обязательно, чтобы деньги получило какое-то учреждение, а уж оно выплатило их мне. С какой стати? Что, у нас не действует почта? Нет банков? Порядок такой: выбрав какое-то учреждение, я должен заключить с ним договор-подряд на написание книги, а затем выслать книгу не ему, а все равно Фонду – в данном случае РГНФ.

То есть договор-то фиктивный! *Я его заключаю с самим собой*. На деле мне Институт, с которым я оформил договор, ничего не поручает, ничего не проверяет, ничего от меня не принимает, и с ним мы распрощаемся сразу же после выплаты денег. Он посредник, совершенно лишний. (Как у нас любят посредников! Это же способ откусить от денежных потоков.)

Но – ВНИМАНИЕ! – по этому фиктивному договору в сущности ИМЕННО Я выступаю в качестве работодателя (Институт же подставное лицо) и, выходит, как работодатель я должен уплатить государству из своих средств единый социальный налог (минимум 23,1 %). А затем Я ЖЕ выступаю как работник и как таковой должен уплатить подоходный налог (еще 13 %). К тому же бухгалтерия Института обычно не столь

дотошно знает законы и не вычитает из базы налогообложения положенные по статье 221 НК РФ, пункт 3, профессиональные вычеты творческих работников (20 %), а берет налоги со всей суммы гранта, тогда как положено – с 80 % гранта (УЧТИТЕ, ГРАНТОПОЛУЧАТЕЛИ!).

Обессмысливается сама идея гранта, присуждаемого самым перспективным ученым на развитие науки. Законодатели это вроде бы понимают. Поэтому в Налоговом кодексе есть статья 217 – о доходах, *не подлежащих налогообложению*. В шестом пункте этой статьи указано, что не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) «суммы, получаемые налогоплательщиками в виде грантов (безвозмездной помощи), предоставленных для поддержки науки и образования, культуры и искусства в Российской Федерации международными, иностранными и (или) российскими организациями…». Понятно? Освобождаются, и это разумно, правильно. Но есть продолжение: «…по перечням таких организаций, утверждаемым Правительством Российской Федерации». Приложен «Перечень международных и иностранных организаций», гранты которых освобождаются от налогообложения. Их 79. А перечня таких *российских* организаций нет. Нет перечня, в котором бы имелись РГНФ, РФФИ и прочие. Что, рылом не вышли? Дискриминация. Куда смотрит гарант конституции?

Я понимаю, легче отменить освобождение международных и иностранных фондов, чем освободить свои. Но для блага отечественной науки нужно сделать как раз последнее.

Есть претензии и к моему благодетелю – РГНФ, и их надо высказать, потому что речь идет о многих ученых и о взаимоотношениях между учеными и чиновниками. Могут сказать: ах, он, неблагодарный! Ему пожаловали от щедрот своих, а он еще кочевряжится! Но мне пожаловали не за мои красивые глаза, и вообще не ради меня, а ради науки. И пожаловали не «за так», а ожидая от меня отдачи, которую я и обеспечу. Так уж будьте любезны сделать все, как у людей. Грант – не подачка. Его не жалуют, за него борются.

Фонд, присудивший мне грант, почему-то (знаем, почему) не сумел (не мог) его выплатить самостоятельно, без посредника (Института) и без составления фиктивного договора-подряда. Коль скоро уж Фонд не сумел добиться своего внесения в список организаций, освобождаемых от налога, он должен был перечислить ЕСН (26 %) в бюджет за свой счет, а не за счет получателя гранта. То есть не уменьшать грант. И честно доложить составителям бюджета: того, что вы даете, хватает только на маленькие гранты или на малое количество грантов.

А государство должно быть последовательным – освободить не только грантодателей, но и грантополучателей от налогообложения за грант. Выходя из рук грантодателя и попадая к ученому, грант не становится более коммерческим. Грант – не доход. Грант – это средство выполнения научной задачи, а ученый – орудие выполнения, и выплата содержания ученому – не зарплата, а такой же расход, как покупка оборудования. Размер его точно рассчитан. Что ж с него еще и налоги брать? Тем более что в случае российских фондов – это просто возвращение денег в бюджет. То есть это все равно что не давать их, а просто подразнить ими. Не надо дразнить ученых.

№ 9 (827), 4 августа 2008

3. Процессия к Высокому Столу

В Англии я преподавал полгода в Даремском университете – одном из трех, устроенных по системе колледжей. Студенты и профессора живут в одном здании, там же занимаются (кроме лекций) и вместе едят. На каждую трапезу четыре сотни студентов рассаживаются в столовом зале, а на подиуме – длинный стол, на котором подготовлена еда для профессоров. Это High Table – Высокий Стол. По сигналу открываются двери и показывается процессия профессоров. Они медленно шествуют в черных мантиях через анфилады комнат и вступают в зал. Студенты приветствуют их вставанием. В каждой трапезе участвуют не только работающие профессора, но и те, которые давно на пенсии, – этих иной раз ведут под руки. Но студенты должны видеть: вот она, слава английской науки, авторы учебников, лауреаты, громкие имена. Гостевые профессора тоже здесь, их торжественно представляют залу перед краткой молитвой. Затем все приступают к трапезе.

Лекции у меня были редко, а платили много. Я как-то спросил своих коллег: почему меня не используют на полную катушку? Только и делаю, что участвую в процессиях и трапезах. Кто-то из них пошутил: «Так для этого Вас и пригласили!» А второй добавил: «В этой шутке есть доля правды. Мы хотим, чтобы студенты знали, что в нашем колледже они видят светил мировой науки. Они расскажут это своим родителям, и те пришлют своих младших детей сюда же. А это деньги».

Англичане заботятся о денежных поступлениях в университеты, но делают это интеллигентно. У нас забота о деньгах стала откровенной, но интеллигентностью почему-то и не пахнет.

Начинаются вступительные экзамены в вузы. Отбор талантов. У абитуриентов памятные всем нам волнения, их родители волнуются не меньше… Так бы выглядели впечатления о поступлении лет тридцать тому назад. Сейчас надо начинать иначе. Отбор талантов и кошельков. Отбор талантов – там, где поступают на бесплатные отделения (если, конечно, не учитывать блат: бесплатные не означает безблатные), отбор кошельков – там, где поступают на платные.

Поступающие туда не волнуются, конкурса практически нет. Экзамены проводятся облегченные – почти для проформы.

Общество у нас теперь капиталистическое. Рыночные отношения стали нормой. Это коснулось и высшего образования. Но что продается? Если знания, то это справедливо: они

достались их обладателям огромным трудом. Затраты должны быть возмещены – покупателями (это платное образование) или государством, то есть теми же гражданами как налогоплательщиками (это бесплатное образование).

Есть страны, где образование бесплатное. В этом случае нужны особые меры для мобилизации студентов на систематическую работу. Все должны понимать, что образование бесплатно только по отсутствию индивидуальной оплаты. Общество платит, и платят все граждане.

Есть страны, где образование платное, – там свои нормы. Приняты все меры к тому, чтобы преподаватели не зависели от количества студентов и от их денег. И чтобы проверка знаний не зависела от тех, кто их продает. Лекции читают одни, а экзаменуют непременно другие. Потому что иначе студент может не очень стараться, а преподаватель вынужден быть чрезвычайно либеральным.

У нас же ситуация комбинированная. Платные отделения есть теперь почти во всех вузах. Есть и платные вузы (например, Университет профсоюзов в Санкт-Петербурге). Нормы у нас рассчитаны на бесплатное образование, а на деле есть и то и другое.

Все это накладывается на нищенскую зарплату преподавателей в вузах и повальную коррупцию. Все имеет цену – реферат, зачет, оценка на экзаменах, диплом, диссертация.

В этих условиях платное образование превращается в узаконенную взятку. Платный вуз легально продает не знания, а дипломы. Дипломы эти фигурируют в жизни наравне с настоящими и дискредитируют их. Снабженные такими дипломами выпускники претендуют на места в науке и в управлении наукой, не имея реальных знаний. Отсюда разговоры о перепроизводстве людей с высшим образованием. У нас не перепроизводство специалистов, а перепроизводство пустых дипломов.

Я понимаю, что моя заметка вызовет раздражение у многих преподавателей, для которых платное отделение – это единственная возможность свести концы с концами, прокормить детей, довести зарплату до прожиточного минимума. Так ведь не в легализованных взятках выход, а в борьбе за повышение основной зарплаты. Чтобы наш преподаватель чувствовал себя за Высоким Столом в нашем обществе.

№ 11 (833), 2 декабря 2008

4. Мое золотое время

Читал я как-то книгу впечатлений хрущевского министра сельского хозяйства Мацкевича о поездке во главе советской научной делегации за рубеж (ездили набирать опыт по экономике). Там было описано посещение лабораторий Тиссена, где им обещали предоставить возможность исследовать очень редкие сплавы. Советские академики высвободили целый день, так как знали, что шлифы нужно долго готовить, прежде чем можно будет разглядывать их в микроскоп. Но когда они пришли в лабораторию, шлифы были уже срезаны, обработаны и подготовлены к показу – каждому оставалось только повернуть окуляры, приспосабливая их к своему глазу. Руководитель делегации поблагодарил капиталиста за экономию времени. Тот недоуменно ответил, что знал о приезде крупнейших ученых – не самим же им шлифовать металлы…

– Ну, вы богатые хозяева, – объяснился министр, – можете себе позволить держать подсобный персонал для своих ученых (цитирую по памяти).

– Да нет, – возразил капиталист, – это вы неимоверно богатые люди, если можете тратить на простые операции время высоко квалифицированных специалистов! А мне мои ученые очень дорого обходятся! Их время, оплаченное моими кровными деньгами, – это же буквально золотое время! Я могу его тратить только на самые сложные проблемы, а для простых операций у меня достаточно дешевой рабочей силы. Это же законы экономики!

Законы экономики были написаны не для нас. Урок не пошел впрок. Они и сейчас нашим государством не воспринимаются.

Все дело в том, что правят бал у нас чиновники. А чиновник знает, что если он на чем-то сэкономит, начальство его наградит, потому что эффект виден сразу. А то, что от этого пострадает дело, так ведь это будет видно только много лет спустя, когда ответственным будет уже другой чиновник. И скорее всего, никто отвечать не будет. Вот и экономят на всем, на чем экономить глупо. Глупо для нас. А для чиновника совсем не глупо.

Экономят на науке вообще, а в самой науке экономят прежде всего на подсобной рабочей силе – на ассистентах, лаборантах, секретарях, библиотекарях, подсобных рабочих. На всех тех, кто, не требуя большого образования (а то и опыта), мог бы освободить ведущих ученых от рутинного труда, высвободить им время для решения труднейших проблем, для новых открытий. Так обстоит дело в точных и естественных науках, а уж в

гуманитарных и подавно. Кто из профессоров-гуманитариев имеет личного ассистента на кафедре? А кто может себе позволить нанять личного секретаря?

Помню, как профессор Петр Николаевич Третьяков тащил самолично лоток с черепками древней керамики из подвала, где располагалась камеральная мастерская, в свой отдел – своего кабинета у него не было (потом он уехал в Москву и стал референтом ЦК – вероятно, там у него уже не было недостатка в секретарях, лаборантах и кабинетах).

Часть этой проблемы решила компьютеризация. Среди ученых Петербурга я обзавелся компьютером одним из первых (привез из Германии в 1990 году). Эффективность моего труда сразу возросла втрое (я специально подсчитывал). Компьютер стал делать многое из того, что должен был бы делать мой секретарь – собирать и упорядочивать данные, вести статистические подсчеты, рассчитывать по формулам, превращать черновики в чистовики (а то ведь сколько было работы на машинке – перепечатывать раз за разом рукописи, правя и переставляя куски).

Но секретарь мне очень полезен был бы и сейчас. Много рутинной работы, где не нужны мои знания, способности и опыт. Где нужны просто образование, а лучше – хорошее профессиональное образование и желательно знание языков. Розыски в библиографии, сходить в библиотеки сделать выписки, сверить цитаты, справиться о наличии заданных фактов в литературе, отыскать и купить указанные книги, списаться с учреждениями, рассчитать по заданным формулам нужные параметры, сканировать тексты и рисунки и так далее.

Кто подсчитает потери нашей науки от глупой экономии?

Нередко мои ученики добровольно помогали мне в этой работе, брали на себя функции моих секретарей (я всегда с благодарностью отмечал их помощь, но редко был в состоянии обеспечить им достойное материальное возмещение). Меня утешает то, что сама эта работа их чему-то научила – все они ныне успешны в науке.

Владимир Познер вспоминал, что его многому научила работа личным секретарем Самуила Маршака.

Но скверно, что я не мог своим импровизированным секретарям оплачивать их труд, а мне их помощи было просто мало. Они ведь не могли сделать это своей основной задачей. И я был вынужден тратить свое золотое время, огромную долю своего золотого времени на рутинную работу, для которой не были нужны ни мои знания, ни мой опыт, ни мои способности, ни мои (прошу прощения за нескромность) дарования. А это значит, что

огромная часть моего времени потрачена зря. Что я не сделал многих открытий, которые мог бы сделать. Для которых я был рожден.

№ 4 (48), 2 марта 2010

5. Мой большой саббатикал

В этом году [2009] исполнилось ровно тридцать лет с выхода моей первой книги. Смешно, но мне тогда перевалило за пятьдесят. Статей у меня было много, а книги ни одной – и не предвиделось. Во-первых, к моим писаниям относились настороженно (это было не то, что требовалось), а во-вторых, у меня была огромная преподавательская нагрузка в университете. Зимою – курсы лекций, семинары, заседания, курсовые и дипломные работы, консультации, практические занятия, отчеты. А летом экспедиции…

Так бы и шло, но помог случай. Какие-то конъюнктурные изменения произошли в политике, и чья-то сверхактуальная книга тотчас вылетела из плана. Издательство дало знать по факультетам, чтобы подыскали готовую рукопись – заполнить брешь. У меня рукописи не было, но я сказал, что готов дать книгу в срок, а она должна была пойти в печать через полгода. В издательство я отнес «куклу» – толстую стопку случайно собранных листков с красиво отпечатанным названием книги на верхнем. В издательстве работали мои однокурсницы, они закрыли глаза. На кафедре мне на полгода уменьшили нагрузку, и за это время – дым из ушей – я сделал книгу. Она тоже была не совсем «то, что требовалось», но – то, что было востребовано. Шесть тысяч экземпляров разошлись враз.

После чего я снова включился в преподавательскую рутину. Но через три года я был арестован, а поскольку дело мое вело КГБ, то когда я еще через полтора года вышел на свободу, я обнаружил, что лишен степени и звания и меня никуда не берут на работу – даже учеником на завод. Безработным я был три года до выхода на пенсию в 1987 году, а еще через три года стал периодами преподавать в зарубежных университетах приглашенным профессором, еще через четыре года восстановлен в родном университете.

За это десятилетие перерыва в преподавании я написал почти все свои книги – у меня их сейчас больше двух [теперь, в 2016, уже четырех] десятков. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Я поднял и разработал совершенно новые темы, даже забрался в смежные науки и овладел ими профессионально – мои труды в них не считаются дилетантскими.

В зарубежных университетах существует институция саббатикалов. Саббатикал (иногда говорят и «саббатикум») – это оплачиваемый творческий долгосрочный отпуск. Обычно на полгода или год. Используется для посещения других научных

центров, работы в библиотеках и написания научных трудов. Нечто вроде нашей докторантуры, но отличается регулярностью – через каждые шесть-семь лет, где-то (особенно для перспективных ученых) интервал покороче – через три-пять лет, но непременно регулярно.

Волею судеб я получил за все двадцать лет предшествующей работы на кафедре один большой саббатикал – десятилетний. Он оказался неимоверно плодотворным. От западных саббатикалов он отличался только тем, что был неоплачиваемым. Приходилось подрабатывать – переводами, журналистикой. Но это не идет ни в какое сравнение с изматывающей работой преподавателя.

Когда я получил возможность вернуться в университет, у меня не было ни степени, ни звания. Они были сняты с нарушением ряда законов. Ох, для восстановления их предстояла долгая изнурительная возня без гарантии успеха: прежние «силовики» оставались на своих местах. Но зато у меня (фигурально выражаясь) было сделано и опубликовано несколько докторских диссертаций в нескольких науках. Я выбрал одну из них и защитил – единогласно. И ВАК, недавно лишавшая меня степени и звания, без промедления утвердила.

Что ж, я опередил многих коллег. Вряд ли кто-нибудь из них захочет пройти моим путем, но они бы сделали гораздо больше в науке, если бы получили свой саббатикал. Конечно, без помощи КГБ. Пусть не такой большой, но нормально рассредоточенный – и нормально оплачиваемый. Если мы хотим поднять нашу университетскую науку, да и уровень преподавания, то саббатикал – это первое, что необходимо ввести. И самое дешевое. Деньги, конечно, и на это нужны, но гораздо меньше, чем на современное оборудование, на библиотеки, на повышение зарплат, на приличное жилье для ученых…

Термин происходит от сокращенных выражений sabbatical leave, sabbatical year – «субботний отпуск», «субботний год». Точнее было бы сказать «субботоподобный». Или, если угодно, «воскресеньеподобный».

Ну почему от библейского «шаббат» в западной науке произвели умный «саббатикал», а у нас – только шабаш и шабашку?

№ 2 (21), 3 февраля 2009

6. Сан-Суси без короля

Написал я и сдал в печать «Историю антропологических учений». Культурную антропологию я охватил широко – сюда входят у меня в значительной мере и социологические учения, и географические, словом – это в большой мере история общественной мысли. Работая над этой книгой, я сделал любопытное наблюдение. Самые выдающиеся ученые в этой сфере имели нестандартное образование и уникальную позицию в обществе.

Нестандартность их образования заключается в том, что в эпоху распространенности и регулярности всеобщей средней школы и университета они были самоучками. Герберт Спенсер, положивший начало социологии и эволюционизму в ней, учился дома по нездоровью. Эдвард Тайлор, основатель эволюционизма в культурной антропологии, колледжа и университета не посещал, вместо этого учился только в квакерской школе, поскольку его готовили к карьере промышленника-предпринимателя. Науки и языки осваивал самообразованием. Самоучкой по сути был и Лео Фробениус, крупнейший этнограф и антрополог, создатель «морфологии культуры». Его первая книга, «Тайные общества Африки», написанная вразрез с традиционными этнографическими взглядами, вышла, когда автору был 21 год. Питирим Сорокин, известнейший социолог, до университета окончил только церковно-приходское училище. Да и в археологии учитель многих археологов и эрудит Флиндерс Питри был самоучкой. Возможно, нестандартность образования как-то сказывается на нестандартности мышления.

Еще интереснее случаи, когда научная деятельность оказывалась наилучшим образом обеспеченной не стандартным образом – карьерой университетского профессора или музейного работника, а удачным поворотом частной жизни – богатым наследством, или выгодной женитьбой, или дружбой с щедрым спонсором. Александр Гумбольдт отправился в свои импозантные путешествия, получив огромное наследство от матери. Результаты этих путешествий заняли 23 тома. Гумбольдт надеялся на поддержку Наполеона. Когда его представили императору, тот спросил: «Я слышал, вы собираете растения?» «Да, сир». «Моя жена тоже», – заметил император и отвернулся, утратив интерес.

Спенсер смог заняться по-настоящему научными исследованиями и публиковать их с 1853 года, получив наследство от дяди. Да, он проявил огромную трудоспособность,

но где были бы все его многочисленные тома, если бы не это наследство? Эдвард Тайлор женился на состоятельной женщине Анне Фокс, и в результате смог целиком отдаться науке и путешествиям по музеям за свой счет. Второй основатель эволюционизма Джон Лаббок сам был банкиром. Макс Вебер, главный оппонент Маркса, смог целиком предаться исследованиям, только когда получил наследство от матери. У Джеймса Фрэзера, автора «Золотой ветви», жена стала по сути бесплатным помощником и считала это своей миссией. Эдвард Вестермарк, ревизовавший эволюционистские идеи о семье и браке, и сам имел деньги – он происходил из состоятельной среды.

В археологии можно наблюдать ту же картину. Генерал Лэйн-Фокс, развивавший эволюционистские идеи в изучении оружия, в пожилом возрасте получил в наследство огромное имение от барона Питта Риверса, а с ним и родовое имя. Под этим именем он и вошел в археологию как основатель эволюционизма, так как развернул крупномасштабные раскопки в своем имении и разработал их методику, а также создал музей, где расположил коллекции по линиям эволюции. Ну, богатство Шлимана общеизвестно. Артур Эванс производил раскопки Кносса на Крите на собственные деньги. В России одним из создателей археологии был граф Алексей Уваров, сын министра С.С. Уварова; археология начиналась в его имении.

Всякое общество с классовым расслоением имеет много недостатков. Но одно из преимуществ такого общества, в частности капитализма, – это образование слоя людей с достатком, свободных от заботы о дне насущном. Конечно, эти люди далеко не всегда используют свое свободное время и средства на науки, искусства и изобретения, особенно у нас: покупают яхты, виллы, дворцы, футбольные команды. А если и используют, то далеко не всегда это приносит выдающийся результат – нужен еще и талант. Но когда люди с талантом появляются в этом слое или приобщаются к нему, то результат обычно далеко превосходит все, чего может достичь общество, обеспечивая ученых в предусмотренном регулярном порядке и требуя от ученого отмеренный взамен труд. Потому что ничто не сравнится по плодотворности со свободной мыслью. В Древней Греции *схолэ* (отсюда общеевропейское «школа», school, Schule) – это был культурный досуг, это была цивилизация досуга…

Особенно это относится к фундаментальным наукам. Польза от открытий в них необозрима, но проявляется только много лет спустя. На исследования в этой сфере государство наиболее скаредно дает деньги и наиболее живо отнимает. Стремление к

немедленному эффекту очень близоруко. Изобретатель пенициллина сэр Александр Флеминг на вопрос о том, думал ли он, затевая эту работу, о благе человечества, которому его открытие продлит жизнь на десятилетия, ответил откровенно: «Нет, я просто забавлялся, ставя опыты. А изобретение – результат нечаянности, случайного наблюдения». Когда Фарадея спросили, какая польза может быть от открытого им электричества, он, подумав, ответил: «Можно будет делать забавные игрушки». Я часто вспоминаю афоризм академика Л.А. Арцимовича: «Неизвестно, на какой веточке большого древа науки вырастет золотое яблоко успеха. Холить нужно все древо». И мудрый садовник подкармливает и пестует весь сад.

Если бы общество могло выделить ряд молодых ученых, проявивших энтузиазм и талант, и снабдить их крупными ассигнованиями на всю оставшуюся жизнь, предоставив возможность бесконтрольно распоряжаться этими средствами, некоторые средства, возможно, были бы потрачены впустую, но общим результатом был бы сильный прорыв в науке.

Король Пруссии Фридрих II был странным сочетанием вольнодумца и любителя наук (особенно в молодости) с солдафоном и агрессором (особенно ближе к старости). Для отдохновений и забав (не всегда благонравных) он удалялся в свой загородный дворец, который назвал по-французски Сан-Суси (sans souci – в переводе: без забот). Там он окружил себя философами (в их числе был и Вольтер), либертинами и учеными. Они жили там действительно без материальных забот, были снабжены книгами и инструментами для исследований. Но вполне без забот там мог себя чувствовать только сам король, и то не всегда. Прочие должны были заботиться о том, чтобы ему угождать.

Для ученых я мечтаю о Сан-Суси, где король не предусмотрен…

№ 14 (842), 14 октября 2008

7. Неприличный анекдот

Мой молодой приятель пришел ко мне растрепанным и расстроенным.

Что стряслось?

Да получил нагоняй от зава кафедры.

За что?

Прогулял несколько дней.

Как же так?

Так ведь с ее же разрешения. Подрабатывал. Деньги позарез нужны. Жениться надумал. Зав разрешила, а пока меня не было, я понадобился…

Приятель окончил один из престижных питерских вузов – со звучным именем, расположенный в одном из дворцов, известных по всей России. Приятель не коренной питерец, прибыл из провинции – и вот же, оставили в штате вуза! Значит, оказался очень успешным и перспективным. Действительно, его первые лекции нашли очень теплый прием у студентов, а помещенные в Интернет вызывают поток писем. Статьи его принимают лучшие питерские журналы. На кафедре он ведает компьютерным обеспечением. Словом, парень современный и интересный.

Между тем собрались гости. Поздравляли приятеля с предстоящей женитьбой: невеста очень хороша, тоже чрезвычайно успешная студентка, только другого вуза. Это какие же способные будут дети! Вот достойное решение демографической проблемы, о которой говорили и президент, и премьер. Только свадьба все откладывается и откладывается: самим на жизнь не хватает, да и негде жить.

– Так ведь для таких, как вы, придумана ипотека!

– Ну, сказали! Это с моей-то зарплатой… Мне и прожить-то самому хватает только на неделю, и то если о-оооочень экономить. Вот в сентябре утвердили новые тарифные ставки. Ректор всем разослал уведомления. Хотите взглянуть?

Читаем:

«Во исполнение постановления Правительства РФ от 05.08.2008 г. № 583 „О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений“… должностной оклад… по должности… отнесенной к профессиональной группе № 3 квалификационному уровню № 2, установлен в размере… при условии полной отработки месячной нормы рабочего времени…»

Не понял.

– А зарплата-то изменилась по новой тарифной сетке? –

спрашиваю.

– Да нет, – говорит, – зарплата осталась прежней.

Зарплата действительно анекдотическая. Я говорю:

– Ну, Вас же, конечно, взяли на четверть ставки, как это сейчас водится. Наверное, нужно добиваться, чтобы взяли на полную ставку…

Приятель посмотрел на меня задумчиво и сказал:

– Хотите анекдот? Только предупреждаю: анекдот неприличный.

– Ну, здесь все взрослые. Иногда можно и неприличный.

– Летит в самолете старичок. Сходил он в туалет и забыл застегнуть ширинку. Подходит к нему смущенная стюардесса и тихонько говорит: «Простите, у Вас там внизу кончик торчит». Старик тоже смутился, опустил голову и говорит: «Смейтесь – не смейтесь, но это не кончик. Это весь».

А теперь самое время назвать зарплату, официально положенную молодому парню с высшим образованием, начинающему читать лекции в одном из лучших петербургских вузов: 3900 (прописью: три тысячи девятьсот) – рублей, не долларов. В месяц!!! Это чуть больше 120 долларов. Когда один квадратный метр жилплощади стоит несколько тысяч долларов.

Естественная реакция на такое сообщение – недоверие и догадки: срезание зарплат, вероятно, есть результат кризиса. Нет же, зарплата осталась та же, что и до кризиса. А может быть, кризис неплатежей пришел к нам вовсе не из-за рубежа, а стал естественным результатом таких вот зарплат массе населения? Им просто не из чего было платить и покупать товары. Все в долг, в кредит. Накапливалось, накапливалось и – ррраз! Кризис.

А приятелю остается радоваться тому, что академики получили надбавку, и их зарплата увеличилась до 60 тысяч. Но если откладывать свадьбу до того времени, когда он станет академиком, то будут ли академики решать демографическую проблему? Боюсь, что в этом они окажутся значительно слабее рядовых научных работников. Как тот старичок. По крайней мере, в среднем.

Я не называю вуз, чтобы не смущать бедного старичка-ректора.

Анекдот оказался действительно неприличным. Все очень смеялись.

А надо плакать.

№ 13 (32), 7 июля 2009

8. Чаепитие в Кембридже

Чаепитие в Англии – не такой ритуал, как в Японии, но это обычай, не менее устойчивый и распространенный. У нас в магазинах полно английского чая, хотя растет-то он не в Англии. «Пиквик», «Грей», «Брекфест ти»… Чай пьют англичане и утром, но чаще – кофе. Сразу после обеда тоже, и заедают сыром. Но зато через несколько часов господствует чай – трапеза файв-о-клок даже свое повсеместное название получила именно от английского обозначения ее времени. В университетских городках уйма не только пабов, но и маленьких уютных кафе, где достаточно просторно, чтобы вдвоем или целыми компаниями посидеть за чашкой чая минут пятнадцать-двадцать. В Кембридже, разумеется, тоже. А где чай, там беседа…

Получил я новую книгу из Кембриджа. Автор – моя старая знакомая Памела Смит. Называется книга «Великолепная особенность» (A splendid idiosyncrasy) – так один философ фигурально обозначил первобытную археологию, бурным развитием которой в первой половине XX века Кембриджский университет отличался от всех других университетов Англии и мира. Вот Памела Смит и захотела выяснить, что привело к такому доминированию Кембриджа в этой сфере, почему данная дисциплина получила там такую возможность и как реализовала ее.

Книга начинается и заканчивается описанием и анализом совместного чаепития, и на всем протяжении книги не раз заходит речь о чае. Дело в том, что исследование Памелы Смит выполнено в манере (или лучше сказать в методике), называемой у нас «исторической антропологией науки». Это изучение быта ученых, их, так сказать, субкультуры и стереотипов поведения, и стремление выяснить, как эти условия отражаются на успехах науки.

Мне повезло. В свои аспирантские годы я, будучи одним из молодежных активистов, входил в круг молодежи, группировавшейся вокруг ректора Александра Даниловича Александрова, впоследствии академика. Мы бывали у него дома. Это было в 1960-е годы. Знал я и его сына Даню. С тех пор Даня вырос и стал исследователем истории науки, как раз в духе «исторической антропологии науки».

В 1994 году Даниил Александрович Александров, профессор Европейского университета, опубликовал пионерскую статью этого направления в «Вопросах истории естествознания и техники». Взяв термин у Арона Яковлевича Гуревича,

развивавшего идеи французских историков культуры, он рассматривал роль литературных салонов XVIII–XIX веков, философских и научных кружков, меценатства и коллекционерства. В недавнем докладе в клубе «Контекст»[4] он развил эту идею применительно к бизнесу, обращая внимание на роль неформального общения при заключении важных сделок и союзов – например, в России роль совместных поездок в баню. За ним последовала Ирина Владимировна Тункина, заведующая Архивом РАН. Она опубликовала в 2002 году толстую историографическую книгу «Русская наука о классических древностях Юга России», в которой показала, как отражались на состоянии науки внутренние коллизии разных групп ученых – столичных и провинциальных, приближенных ко двору и захолустных, чиновных и непричастных к государственному аппарату, профессионалов и любителей, коренной национальности и эмигрантов и так далее

В Англии также с начала 1990-х годов и тоже под воздействием французских социологов и историков культуры (Фуко, Бурдье, Латура) сложилось похожее направление в историографии и науковедении, под несколько неудачным, дезориентирующим названием «география знаний». Имеется в виду место активизации научной мысли, будь то лаборатория, класс, буфет или экспедиция. Некоторые авторы уже высказали сомнение в том, что основные успехи науки рождаются в «незримых колледжах», охватывающих континенты, – так они только распространяются, а зарождение идей происходит в значительной части при непосредственном общении лицом к лицу, и часто в неформальной обстановке, когда мысли обмениваются и скрещиваются свободнее. Пабы, кофейни, клубы ученых, вечеринки, спортивные состязания и т. п. – вот о чем речь. При таком общении возникает очень важная для обмена научными идеями вещь – доверие.

Одна из работ о «науке как социальной практике» называется «Высокий чай у циклотрона» (Livingstone 1996). «Высоким чаем» называется в Англии вечернее чаепитие с плотными закусками.

Присланная мне книга 2009 года решает в этом ключе проблему успехов кембриджской археологии. Конечно, автор прекрасно понимает, что очень важны и другие условия – достойное финансирование, просторные помещения, высокий конкурс студентов, выдающиеся ученые в штате и т. п.

Но в начале Кембриджской археологии стоял Майлз Беркит, который не был ни оригинальным исследователем, ни серьезным лектором (больше уповал на анекдоты), не имел даже университетского образования вообще. Приверженный религии,

он, преподавая эволюцию человека на археологическом материале, в 1920-е годы решал вот какую основную проблему: вдохнул ли Бог душу живу в человека в верхнем палеолите или раньше? Но, поработав с крупнейшими археологами мира (аббатом Брейлем, Обермайером, Картальяком), он знал материал, и студенты очень его любили – он приохочивал их к археологии и создал основу для дальнейшего развития. Спустя более полувека его бывшие студенты, ныне профессора, вспоминают не его наивные толкования, а его душевность, великолепную атмосферу его семинаров и не в последнюю очередь чай со свежей выпечкой, который подавала к столу его приветливая супруга, – Майлз был зажиточным человеком, и семинары проходили у него дома.

Следующий руководитель археологии в Кембридже Грэйм Кларк был ученым всемирной славы, новатором и автором замечательных книг, безусловно авторитетным лектором, но человеком холодным, сумрачным, малодоступным и язвительным. По выражению сморщенного лица его создавалось впечатление, что во рту его всегда лежал ломтик лимона. Я его помню очень любезным, он водил меня по Питерхаузу – древнейшему колледжу Кембриджа, показывал средневековые фолианты, но студенты держались поодаль. Студенты его боготворили и побаивались. На чай и к нему приглашались, но по особому поводу.

Однако в каждом университетском здании существует непременно tea-room, чайная комната – просторная, добротно и уютно обставленная. Ее не занимают под другие надобности. А вокруг зданий разбросано множество маленьких кафе, где по доступным ценам можно выпить чая или кофе с печеньем или булочками. К несомненным вкусовым удовольствиям и утолению голода и жажды добавляется то, что чай и кофе тонизируют мозг, дают толчок мыслям. Пользуются этими чайными и кофейнями все – студенты и преподаватели, исследователи разных отраслей.

Памела приводит случай с учеником Грэйма Кларка Дэвидом Кларком (они не родственники). Молодой Кларк вскоре прославился своей прорывной книгой «Аналитическая археология», в которой проводил идеи «новой географии», и вводил математические методы и использовал первые компьютеры, матричный анализ. Критики сравнивали появление этой книги с разрывом бомбы. Он рано умер, и в Англии чтут его память, собираясь раз в два года послушать «кларковскую мемориальную лекцию» (мне была оказана честь прочесть первую лекцию этого цикла в 1993-м). Кларк считается одним из основателей «новой археологии» и в высшей степени

оригинальным (что в общем верно).

Но, расспрашивая кембриджских старожилов, Памела выяснила, что в студенческие годы Дэвид общался в колледже с зачинателем «новой географии» Хэгеттом, а позже приятель Дэвида, студент-археолог, познакомил его со своим соседом по комнате аспирантом-физиком Биллом Истербруком, который занимался программированием и матричным анализом. Знакомство пошло на пользу.

Надо заметить, что в университетских городках Англии профессора квартируют неподалеку от студентов, а если университеты (как Кембридж, Оксфорд, Дарем) состоят из колледжей, то неженатые профессора и все преподаватели живут в тех же зданиях, что и студенты, причем без деления по факультетам. На свои кафедры студенты уходят на занятия, а, вернувшись, занимаются языками, спортом и домашними заданиями в библиотеках колледжей, в колледжах едят и спят. Так осуществляется сближение студентов с преподавателями, и реализуется основная идея университетов – интеграция наук.

Так ведь в России чаепитие – тоже старый обычай: чайники и самовары всех видов, в самом высшем свете – сапог для раздувания, народ попроще обойдется кипяточком без сапожной приправы. Чай с вареньем, чай с лимоном (по-русски), а к чаю пирожки всех сортов… Как было бы славно у нас учредить такую же простую вещь – tea-rooms на факультетах и кафешки поблизости для неформального общения!

Ох, реально ли это? Во-первых, обделенность вузов и научных институтов свободными помещениями – а если появятся, их поскорее сдадут каким-нибудь богатым фирмам под офисы (денег же нет). Если есть буфеты, то с длиннющими очередями за чахлым винегретом и сиротскими котлетками. Во-вторых, близ вузов арендовать помещение под кафе – это же надо быть Крезом (или вздуть выше вина цены на чай). Об уютности я уж не говорю. Вот и выходит: чтобы общаться за чаем, нужно ехать в Кембридж. Или пить чай на своей кухне. Там и привычное для России общение – с доверенными гостями.

Вам с сахаром или без?

№ 24 (43), 8 декабря 2009

9. Разорванный договор

В мае нынешнего года я был оппонентом на докторской диссертации в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере) РАН. Это бывший Институт этнографии, разжалованный в Музей. Пришлось посидеть пару дней над чтением фолианта, да и продумать нужно было, откровенно говоря, свою позицию. С одной стороны, диссертация была выполнена на высоко профессиональном уровне, заострена против неосновательных построений. С другой стороны, автор был столь осторожен сам, что в работе не было смелых и интересных идей. Годится ли такая диссертация в докторские? Не буду занимать читателя своим выводом, не о том речь. Скажу лишь, что другие оппоненты поздравили меня с тем, что мой отзыв был интересно аргументирован, а решение ученого совета отражало мои мысли.

Я честно выполнил свои обязанности. День самой защиты также практически выпал из работы (в моем возрасте продвижение на защиту и с защиты тоже занимает немало времени).

Разумеется, перед защитой я подписал все нужные документы – договор с ученым советом, акт сдачи-приемки работы. Меня несколько удивило, что расплатиться со мной Ученый совет не смог сразу, просили прийти через пару недель (за несколько месяцев до того я был оппонентом в Институте истории материальной культуры РАН, там расплатились сразу после защиты).

Через пару недель позвонили, назначили прием в бухгалтерии, на днях поехал. Встретили меня с некоторым смущением и суетой, попросили договор, а когда я подал его, его тут же порвали. Правда, при этом очень смущались и извинялись. Попросили заполнить новую бумагу, где стояла вдвое меньшая сумма: вместо 4700 рублей – 2700 рублей. За вычетами – 2300.

Объяснили, что финансовое управление Академии наук внезапно спохватилось, что руководителям и оппонентам аспирантов академические институты платят слишком много, хотя уже полтора года должны платить вдвое меньше. Оно прислало особый приказ немедленно прекратить разбазаривание государственных средств. Вот и пришлось разорвать подписанный с печатями договор. Хотя это и подсудное дело.

Я не пошел в суд – в конце концов, дамы в бухгалтерии не виноваты. Поступают как велено. Я лишь поинтересовался, что это за акт, на основании которого…

Мне ксерокопировали: «Распоряжение Президиума Академии наук от 16 февраля 2009 г. за № 10115-103. О размерах выплат за руководство аспирантами в учреждениях РАН. В связи с принятием решения Министерством здравоохранения и социального развития о признании утратившим силу постановления Министерства труда от 21 января 1993 г. № 7… (это о прежних ставках почасовой оплаты) и в соответствии со статей 4 Устава РАН… с учетом… (а вот тут самое интересное!) – с учетом принятых Правительством РФ решений *о повышении* размеров оплаты труда работников бюджетной сферы…»

Тут можно ожидать, что в связи с общим повышением оплаты повысят и оплату за аспирантов. Ан нет! Все как раз наоборот. Оплату руководителям аспирантов и оппонентам диссертаций ПОНИЗИТЬ ВДВОЕ. А то зажрались! Раз там повысили, здесь понизим. Логика известная: если зарплата повысится, то надо взвинтить цены, поднять квартплату, ликвидировать льготы. Если убрали какой-нибудь налог, надо ввести другой вдвое выше. Но продолжим чтение:

«Установить с 1 января 2009 г. следующие размеры выплат научным работникам и руководителям научных учреждений РАН за руководство аспирантами и докторантами (за 1 час):

кандидату наук – 450 рублей;

доктору наук – 550 рублей».

А оплата мне рассчитывается из норм часов на оппонирование. Ну уж если на то пошло, то я не работник бюджетной сферы и не руководитель научного учреждения РАН! Я привлечен к оппонированию абсолютно со стороны. Я сделал одолжение Институту РАН, честно выполнил свои обязанности и не понимаю, почему договор, заключенный со мною, разорван.

Под документом о повышении через понижение стоит печать Президиума Академии наук и подпись вице-президента академика А.Д. Некипелова – того самого, у которого были мелкие недоразумения в связи с экономией времени на писание монографии. Так как мне эти методы зарабатывания не подходят (мне они, как говорят нынешние студенты, влом), то я протестую по поводу повышения через понижение и разрывания договоров. Я вообще отказываюсь одобрять систему соотношений, при которой наш иностранный аспирант получает стипендию, превышающую заработки всех его русских руководителей, консультантов и оппонентов вместе взятых.

№ 11 (55), 8 июня 2010

IV. Образование

1. Азы науки и университеты

Ваше изобретение похоже на анекдот, – сказал академик Т.Б. Кваснин. – Знаете, что вы изобрели и как назывались когда-то ваши «азы»?

Игорь Росохватский. Азы (Киев, 2000)

Многие ли из моих нынешних читателей смогут ответить на вопрос: чем отличается научная гипотеза от простой догадки? Каковы критерии правомерности выдвижения гипотезы – не доказывания, а выдвижения? Всегда ли доказанная гипотеза – это теория? Какие есть способы определить понятие, кроме того, что мы называем дефиницией – через более общее понятие и специфическое отличие? По работам своих коллег вижу, что многие этого не знают. А ведь это азы нашего ремесла.

Из университетских учебных планов исчез курс методов научного исследования, а и был-то он далеко не везде. Кое-где сохраняются курсы методов исследования в той или иной частной дисциплине – методов исторического исследования, методов лингвистического исследования, методов археологического исследования (и то: методы полевых исследований, то бишь разведок и раскопок есть, а методы камерального и кабинетного исследования, то есть интерпретации найденного – отсутствуют). А уж методы научного исследования вообще, критерии научности работы – отсутствуют начисто. Между тем крайне необходимы оба курса – и общий и частный. Кроме того, нужны и просто занятия по технике научной работы – как вести библиографические разыскания (припоминаю книжку П.Н. Беркова «Библиографическая эвристика», 1960), какие есть разновидности оформления ссылок, как пробивать работы в печать.

Мне довелось работать в условиях отсутствия этих курсов в учебном плане. Приходилось заниматься этими темами со студентами во внеплановое время – буквально натаскивать их.

Ситуация и впрямь анекдотическая: в университетах не обучают азам науки. Но это скверный анекдот.

Возможно, в естественных и точных науках дело обстоит лучше, но в социальных и гуманитарных научный уровень работы падает катастрофически. Отделить ученых от дилетантов и лжеученых (это три разные категории) становится все труднее.

Можно, конечно, поставить вопрос, что нужно срочно вернуть в учебные планы курс общих методов научного исследования, но как это сделать практически? Некому читать такие курсы. Нет учебников. Очень толковый, но слишком уж краткий учебник замечательного питерского философа Виктора Александровича Штоффа «Введение в методологию научного познания» не переиздавался с 1972 года. Отличная книжка Е.И. Регирера (не учебник) «О профессии исследователя в точных науках» была издана в 1966-м.

В советское время подобные курсы в гуманитарных дисциплинах втайне рассматривались идеологами науки как подрывная деятельность. Ведь строгая объективность научных методов препятствовала подчинению науки догмам советского марксизма и мешала манипулированию выводами в угоду зигзагам текущей политики. За эти семьдесят лет вкус к подобным занятиям был атрофирован. Но с падения советской власти прошло около двух десятков лет, а воз и ныне там. Значит ли это, что и новым властям такие курсы неугодны, представляются потенциально опасными?

– Знаете ли вы, как назывались раньше ваши «азы»? – Знаю, помню. Хорошо помню.

Однако сейчас возможна и независимая публикационная деятельность ученых, и преподавание более свободно (по крайней мере, пока). Опытным ученым стоило бы приложить силы к созданию таких программ, курсов и учебников – снабдить приходящие поколения азами науки. А то ведь получается повторение ситуации с послереволюционным поколением в науке: высшее образование без начального и среднего.

№ 5 (815), 10 июня 2008

2. Стек

Когда я работал на кафедре археологии Ленинградского университета, у нас училось много посланцев национальных республик. Среди них было немало талантливых ребят, позже ставших профессорами и академиками своих стран. Но, конечно, не все. Попадались и такие, которых тянули наверх, так сказать, из «политкорректности» (термина этого, пришедшего из Америки, тогда еще не было). Ну как национальные кадры, в порядке должной квоты. А попадались и просто случайные люди, державшиеся по блату.

Хорошо помню одного такого – Ю-ва, сына ректора тамошнего национального университета. Толстый, необыкновенно ленивый парень, все пять лет бивший баклуши. После столь длительных и упорных занятий пришло время защищать дипломную работу. На защите его научный руководитель, известный археолог, ездивший в экспедиции в ту самую республику и хорошо знавший ректора-отца, представил нам эту дипломную работу. При этом он застенчиво сказал, что она, конечно, не лишена недостатков, которые он тут же и перечислил, но что он надеется на положительную оценку, возможно, даже четверку. Оппонент, одна из кафедральных дам, прочитала свой отзыв, в котором недостатков перечислила значительно больше, и сделала вывод, что за эту работу тройка – высшая оценка, на которую работа может рассчитывать.

Тогда взял слово я и сказал, что работу не читал, но, зная пять лет Ю-ва и суммируя все недостатки, перечисленные оппонентом и руководителем, не вижу возможности ставить за эту работу даже тройку. По сути работы нет. Нужно ставить двойку, хоть это и будет первая двойка на защитах за всю историю кафедры. И кафедра проголосовала за двойку.

На следующий год Ю-в привез новую дипломную работу. Все недостатки были устранены. Чувствовалось, что над текстом и таблицами поработали археологи той республики и сам… нет, не дипломант, а научный руководитель дипломанта. Однако это стало очевидным, как только дипломанту стали задавать вопросы по теме работы. Он ничего не мог ответить, экал и мэкал, мямлил, хотя по-русски изъяснялся отлично. Собственная работа была для него темным лесом. Он блуждал в ней, как в потемках.

Когда публику удалили, и члены кафедры приступили к обсуждению, я снова высказался за двойку, так как работа, совершенно очевидно, была выполнена не Ю-м. То есть Ю-в предложил нам не свою работу. Это подлог. Но тут дамы встали

горой за тройку. Мне было сказано, что нельзя быть таким черствым, что республике нужны национальные кадры, что Ю-в только что женился и у него ребенок, что он такой несчастный – ну нет способностей к науке, что же делать, – его нужно пожалеть, ему необходим только диплом, а в археологии он, скорее всего, и не будет работать, устроится каким-нибудь чиновником, что он такой вежливый и скромный – посмотрите на него…

Я отвечал, что, как правило, такие невежды и бездари очень хорошо пристраиваются в науке, что, не имея ни способностей, ни вкуса, ни охоты к исследованиям, они как раз стремятся стать начальничками, и это им очень часто удается, к этому у них как раз способности появляются, что наш долг – не допускать их в науку, что другого фильтра нет. Но мои увещевания дамы слушали с выражением терпеливой снисходительности – как чудачество неисправимого идеалиста, чуждого реальности и лишенного человечности. Ю-ву поставили тройку.

Еще через год дамы отправились в экспедицию в ту самую республику. Дальнейшее они рассказывали мне с большим удивлением. Когда, согбенные над раскопанными объектами они расчищали их под палящим солнцем, вверху на краю раскопа появился новый начальник отряда – Ю-в, в белом костюме, в пробковом шлеме на голове и с тонким стеком в руке. Увидев своих бывших учительниц внизу, он застыл в позе сахиба-колонизатора, щелкнул стеком себя по жирному бедру и промолвил: «Тэк-с!»

№ 10 (29), 26 мая 2009

3. Кадровая политика

Мне кажется, каждый человек, даже верующий в загробное существование, озабочен тем, что́ останется после него на земле. В Китае это обрело характер настоящего культа наследников, евреи также известны своим чадолюбием (среди беспризорников нет евреев), но и у остальных народов каждый стремится продолжить и утвердить свой род. Особую гордость родителей составляют те случаи, когда дети продолжают их профессию. Известны династии не только королей и знати, но и ремесленников, священников, лекарей.

Ученые – интересный народ. Для них ученики и научные труды дороги, как дети, а бывает, что и заменяют детей. Во всяком случае, ученый видит в них свое продолжение, свой след на земле. Научная школа – заметнее и долговечнее, чем семья.

Поэтому я не удивился, когда в библиотеке Института истории материальной культуры ко мне, тогда молодому преподавателю университета, подошел директор Ленинградского отделения института, профессор М.К. Каргер, и сказал: «Обедаете в Доме ученых?» Дом ученых находится по соседству с Институтом и имел неплохую столовую. «Пойдем вместе. Мне нужно с вами поговорить. Скоро у вас выпуск, а Вы много работаете со студентами и наверняка хорошо знаете дипломников. Институт стареет, а сейчас у нас есть вакансии. Мне надо присмотреться, кого взять».

Михаил Константинович Каргер был по совместительству одним из профессоров Университета, заведовал соседней кафедрой – истории искусств. Раньше он и нам преподавал – читал славяно-русскую археологию. Читал великолепно. Известен он был и своими раскопками – его капитальный труд «Древний Киев» не устарел и сейчас. На студенческих вечерах он обматывался платком, полный, с одышкой, усаживался на сцене и, приняв облик народной сказительницы, на русских диалектах изумительно читал плутовские народные сказки. Студенты его любили, но знали, что заслужить его благорасположение очень нелегко. Учеников у него было мало, они быстро попадали в немилость и отсылались после окончания университета куда подальше.

Он очень соответствовал своей фамилии: на немецком и еврейском фамилия его означала «скупой». Скуп он был феноменально. Ходил Каргер в весьма заношенной одежде, экономил на всем, был бездетным, а после его смерти осталось огромное состояние. Я прекрасно понимал, что приглашение к

обеду отнюдь не означает угощения – каждый будет платить за себя сам.

За обедом разговор продолжился. Каргер поглядывал на меня маленькими глазками, тщательно расспрашивал о каждом дипломнике, внимательно слушал. Выпуск на выпуск не приходится, но на сей раз он у нас готовился очень хороший, было много классных ребят, очень талантливых и работящих, словом – перспективных. Я подробно перечислял достоинства каждого, рассказывал об их работах, говорил о специализации каждого, об их научных интересах, о возможностях использования. Каргер даже подначил меня: «Что-то у вас одни таланты!» Я уточнил: «Нет, конечно, есть и менее удачные выпускники. Вот такой-то – на одни троечки прошел всю учебу, едва дотянули до диплома. Другой вот – тоже середнячок. Просто я же знаю ваши требования – говорю о лучших». «Ну, спасибо, – сказал Каргер. – Теперь я ориентируюсь. Помогли. Кадровая политика, знаете, трудное дело. Ох, трудное!» – и мгновенно стал похож на хитроватую старушку-сказительницу.

Каково же было мое удивление, когда через месяц-другой стал известен выбор Института – были отобраны на работу как раз самые слабые выпускники, те, о которых я говорил со смущением, а самые сильные были забракованы – все как один. При встрече с Каргером я не преминул выразить свое удивление: «Зачем же вы меня расспрашивали, столько времени и внимания потратили на изучение и сортировку, чтобы ничего не использовать?» Михаил Константинович, ухмыльнулся: «Почему же не использовать? Очень даже использовал! Выбрал тех, которые нам нужны. Весьма признателен за информацию». Я был совершенно растерян и, что называется, потерял лицо. «Значит, вы мне совершенно не доверяете…» – «Что вы! Я очень ценю Ваши оценки! Вполне им доверяю». – «Так вы же выбрали самых слабых!» – «Именно! Гениев у нас достаточно. А кто будет черепки мыть?»

Тут меня настигло прозрение. Конечно, можно говорить о необходимости лаборантов, но зачем тут университетское образование? Я сопоставил ситуацию с тем, что у Каргера нет своих сильных учеников-продолжателей. Что он старательно удалял их от себя. Что он всегда был один-единственный и всячески заботился о том, чтобы оставаться таким.

Это был результат длительной адаптации к среде сталинской науки. Столько раз на науку обрушивались гонения и репрессии, чуть ли не ежегодно обнаруживался какой-нибудь новый – изм! Троцкизм, правый уклонизм, великодержавный национализм, расизм, гнилой либерализм, формализм, идеализм, буржуазный

объективизм, сепаратизм, менделизм, вейсманизм, космополитизм… Недалекие идеалисты готовили себе смену, заботливо пестовали перспективные кадры, и как только очередной шквал репрессий выбивал такого идеалиста, его просто выбрасывали (хорошо, если не в лагерь «без права переписки»), а смена ему уже есть – им самим подготовленная. Он и не нужен больше. И только умненький Каргер, если и пострадает при каком-нибудь шквале (от которого уберечься невозможно), то ненадолго – шквал пройдет, и Каргер воспрянет: заменить-то его некем! Очень дальновидная кадровая политика!

Действительно, Каргер уцелел при всех поворотах и умер своей смертью на своем профессорском посту и при своих заведованиях (кафедрой, отделом в Институте). Вот Институт сильно ослабел, кафедра тоже не блистает. Ну, тем выше память о незаменимом Каргере!

Каргер был не один. Таких ученых было много, и не у всех карьера складывалась так гладко, как у Каргера. Его кадровая политика была дальновидной лишь на первый взгляд. Во-первых, наш режим считался с незаменимостью очень мало. «Незаменимых нет», – говаривал Сталин. Каргеру просто повезло. Во-вторых, что происходило потом со слабаками, принятыми в штат? Они приживались и, не имея ни вкуса, ни способностей к науке, начинали осваивать боковые области – партийную и профсоюзную деятельность, склоки и интриги, и тут достигали изрядных успехов. А так как от отделов требовался рост, то им помогали делать диссертации, глядишь – и они уже кандидаты и доктора. А там – и начальники. Разумеется, уж они позаботятся, чтобы вокруг не было никого сильнее. На это ума хватит. И новых не допустят, и старых выдавят.

Что ж, так было. Но, слава богу, сталинский режим канул в прошлое. Для той кадровой политики нет больше оснований… В самом деле, нет? Не скажите! Проблема выживания стоит и сейчас ой как остро! Удаление на пенсию страшит пожилых ученых не намного меньше, чем прежние – измы. Пенсия-то нищенская! Помню дряхлую старуху в сане академика. На заседании мой приятель язвил: «Для трупа она еще хорошо держит челюсть». Старуха уже едва ходила, плохо слышала. Но глохла полностью, как только заходила речь о выходе на пенсию. Цепляясь за скудную зарплату, ученый начинает мечтать о своей незаменимости и уже с опаской смотрит на подающих надежду. Это тот себе подает надежду, а мне – приговор.

Что нужно сделать для того, чтобы забота о достойных наследниках стала естественным побуждением ученого, не входя в противоречие с его жизненными интересами?

4. Проблемный семинар

Прочитав в «Троицком варианте» № 22 (февраль 2009) согревающий душу рассказ моей коллеги Р.М. Фрумкиной о ее домашнем семинаре, я решил поделиться соображениями о своем семинаре, поскольку он занял некоторое место в истории науки. Вспоминается волнующая атмосфера и заразительность семинарских занятий, но важнее поделиться методикой организации и проведения – что делает семинары успешными. Ну, чтобы это могли использовать молодые коллеги. Я обращаю эти заметки к моим вполне конкретным нынешним молодым друзьям, начинающим карьеру вузовских преподавателей, – Игорю и Павлу. Я пишу для них – и для всех.

Прежде всего, давайте определимся с основным подходом: все это (выступление с лекциями и семинарами) стоит затевать, только если у тебя есть что сказать студентам сверх того, что дано в учебниках. Иначе незачем позориться. Неразумно ждать, что интересное возникнет на самих собраниях спонтанно. Будьте уверены, не возникнет. Нужно иметь конкретные предложения.

В студенческие годы мне всегда было скучно на семинарских занятиях, особенно по идеологическим дисциплинам – пожилые помнят, как они проходили: эти баррикады книг на столах, за которыми нужно было прятаться, чтобы не вызвали «к активному участию»; эти распределенные заранее очереди на «добровольные выступления». Когда я в 1964 году начинал свой семинар, я хотел, чтобы это были не обычные семинарские занятия, а нечто иное. Дистанцируясь от обычного семинара-практикума, я назвал свой семинар *проблемным*, выделив его в особый вид.

Затевать его стоит только в том случае, если у тебя есть не просто некая сумма знаний, а идея и цель. Если есть, что предложить, чем завлечь. Формальные отличия от обычного были следующими.

Во-первых, это не просто *семинар-практикум*, а *исследовательский коллектив*, нечто ближе к *симпозиуму*. Он берет не просто упражнения для выработки навыков – никому, кроме самого студента, не нужные рефераты готовых исследований, классификацию уже неоднократно обработанных материалов, проторенные не раз эксперименты, так сказать, задачки из учебника. Нет, нужно предлагать реальные задания на открытие нового, решение пусть и небольших, но нетронутых задач. И твое дело (твое искусство) как руководителя – выбрать горячую (непременно горячую) и доступную *проблему*, разбить ее на реальные задания для каждого. Надо исходить из установки:

каждый доклад – это вклад. Вклад в науку. Пусть небольшой и рутинный, но свой и новый. А может и оригинальный, а может и большой, молодым зарекаться не нужно.

Во-вторых, работа семинара должна быть регулярной и иметь в обозримом будущем *конкретную исследовательскую цель* – выполнение заказа от какого-то учреждения, выпуск коллективной публикации (сборника, номера журнала, большой коллективной статьи). Такая цель окрыляет, особенно когда она уже не первая достигнутая. А коллективный труд, имеющий шансы на успех, сплачивает и рождает азарт и соревнование, создает дружескую и конкурентную среду. В такой среде молодежь очень быстро растет. Ты можешь получить материалы и для своего собственного труда, но только с ведома конкретных исполнителей и *под их именами*! В мои монографии нередко включены главы, выполненные моими учениками в их бытность участниками моего семинара – все под их именами (ныне они все – известные ученые). Я включал и разделы, в которых ученик выступал против своего учителя (я добавлял свои возражения) – это норма.

В-третьих, у такого семинара не совсем обычный состав. Обычно в семинаре присутствуют студенты-однокурсники и даже одногруппники. Он рассматривается сугубо как вид учебных занятий в расписании. Я, конечно, использовал это как официальную базу, но старался построить на ней другой организм, *разновозрастный*. В моем семинаре участвовали на равных студенты разных курсов, даже разных факультетов и вузов (междисциплинарные контакты расширяют кругозор), также недавние выпускники и взрослые исследователи, которых я старался обаять и заманить к участию (обещая учеников, помощников, преемников – и сдерживал обещание). Только желательно соблюсти пропорцию – чтобы количество «взрослых» было не слишком большим на каждом заседании (иначе это подавит инициативу студентов). С другой стороны, я допускал на занятия и школьников из кружка при кафедре, который я с помощью студентов вел (из этих школьников некоторые стали сами профессорами, есть и один академик, глава одного из лингвистических институтов РАН).

Такие принципы организации семинара возникли у меня в студенческое и аспирантское время из опыта работы со студенческими кружками (я возглавлял университетское СНО – студенческое научное общество), занимался со школьниками – создал кружок школьников, ходил с ними в экспедиции.

Семинар, организованный на этих началах, в первые годы был нацелен на хронологию бронзового века (тогда шел жаркий

спор длинной и короткой хронологий). Мы не только обсуждали хронологию по сопоставлению вещей (фибул, булавок, горшков), мы вместе чертили сравнительные таблицы. После занятий студенты пели зажигательные частушки:

Неча нам сидеть на лавке,
Неча попусту пищать!
Будем мы чертить булавки,
Будем сборник выпущать!

Результатом был сборник, ставший началом серии «Проблемы археологии», которую потом кафедра археологии Ленинградского – Петербургского университета выпускала десятилетиями. Кстати, участники этого семинара сейчас возглавляют археологию Молдавии и преподают в Петербурге и других городах. Через несколько лет я занялся норманнской проблемой русской истории (и археологии, конечно). В рамках моего семинара сформировался Славяно-варяжский семинар, который выступил сплоченным коллективом в громкой публичной дискуссии («Норманнская баталия»), третьей в ряду (после полемик Ломоносова с Миллером в XVIII веке и Костомарова с Погодиным – в XIX). Мы опубликовали коллективные труды, которые потом не раз перепечатывались, сложилась целая школа питерских «норманистов», младший представитель которой сейчас возглавляет кафедру археологии СПбГУ и Институт истории материальной культуры РАН. В книге «Спор о варягах» я привожу длинный список работ участников Славяно-варяжского семинара.

Семинар этот я скоро прекратил сам вести, а меня заменили выросшие в преподавателей бывшие студенты Г.С. Лебедев и В.А. Булкин. Они вели его попеременно (это стал семинар Лебедева), а когда они болели, семинар вели сами студенты – Сергей Белецкий (ныне профессор), Юрий Лесман (сотрудник Эрмитажа), Мишель Казанский (работает в Париже). Одновременно отпочковался еще один семинар – по готской проблеме, его вел несколько десятилетий до своей недавней смерти другой мой ученик Марк Щукин, работавший в Эрмитаже. Последнее десятилетие семинар проходил у него на дому.

А я занялся проблемой формирования теории археологии. До своего ухода из университета я вел семинар именно по этой проблеме. Итог – сборник двух конференций по проблеме классификации («Типы в культуре»), мои монографии («Археологическая типология», «Археологические источники», «Принципы археологии», «Введение в теоретическую

археологию») с разделами моих учеников, их собственные книги и статьи. Это тоже была острая проблема, поскольку теоретические занятия были у нас под негласным запретом. Считалось, что для социальных и гуманитарных наук единственно верной теорией является исторический материализм и другой не нужно. А мы предлагали другую, которая должна была стать основой для методов объективного исследования и препоной для конъюнктурного манипулирования историей. Для меня это закончилось арестом, тюрьмой и лагерем, но и я и выпускники моего семинара остались на этих позициях. Падение советской власти для нас не было геополитической катастрофой. Я рад, что выпускники моего семинара вошли в демократическое ядро нового Горсовета.

Ныне моего семинара нет, и мне уже трудно ходить на занятия, даже дома мне по силам принимать только отдельных гостей, не группы, но попытки возобновить проблемные семинары предпринимаются. Вот им в помощь эти заметки[5].

№ 5 (24), 17 марта 2009

5. Перелом

Вот уже десять лет, как я прекратил систематически преподавать в Университете, и три года, как перестал читать курсы лекций. Но студенты и аспиранты продолжают навещать меня – и те, которые слушали мои лекции, и новые для меня, которые меня и не видели раньше. Помогают в снабжении литературой, приходят посоветоваться, поговорить на темы науки.

Пришли в гости ребята из студенческого самоуправления. Живые, интеллигентные лица. Волнующий их вопрос задали сразу: *как переломить ситуацию*? Жизнь на факультете вялая, большинство преподавателей отчитывают часы – и слава богу, читают скучно до тошноты. Есть несколько блестящих профессоров, но остальные ничем не примечательны. Серенькие. Большинство студентов учатся для проформы, лишь бы добраться до диплома. А ведь это один из лучших вузов страны! Нужен коренной перелом! Что можно сделать? (Они говорили конкретнее, сыпали примерами, но для краткости можно свести к этим нескольким фразам.)

Для людей моего поколения слово «перелом» звучит пугающе (перелом шейки бедра! Ломать не строить! Китайская мудрость: не дай нам бог жить в эпоху перемен!). Но с психологией стариков нельзя двигаться вперед ни в каком деле. Для перелома необходима моторность молодежи, и надо давать ей свободу действий. Что бы вы ответили, будь вы на моем месте?

Со своей стороны, я не могу дать общего рецепта. Я могу только вспомнить, как действовал я, будучи молодым. Я же работал в СНО (Студенческом научном обществе), собирал молодежные сборники, организовывал семинар…

– Предложите сверстникам интересное и стоящее дело. Не тренировочные упражнения («когда придем в возраст или во власть, применим»), не молодежные агитмассовки, а реальную работу, пахнущую открытиями (лабораторию, эксперимент, экспедицию, конференцию, сборник). Нужна совместная работа, обсуждения – горение, наконец.

– Кто же загорится, когда интересы массы – только футбол, клуб и алкоголь? И конечно, деньги.

– Верно. Горение есть там, где подходящая среда. Создавайте вокруг себя и для себя среду. Всеми средствами. Мои однокурсники были очень благодатной средой. Многие ныне – имена в науке, профессора и академики. Саша Фурсенко, Коля Носов, Леня Тарасюк, Слава Доманский, Галя Смирнова (ныне

покойные), Зоя Абрамова и десятки других. Ни до, ни после нас много лет не было такого сильного курса. И конечно, каждый из нас многим обязан этой среде. Был среди нас парнишка, интересовавшийся только спортом, отличный легкоатлет. Но заразился и он общим энтузиазмом к науке. Уже к пятому курсу имел печатную работу. Через двадцать лет это был начальник крупнейшей экспедиции, кумир молодежи – Саша Грач… Виноват – Александр Данилович (увы, тоже ныне покойный).

– Так среду же не мы создаем, а приемная комиссия!

– А вы устройтесь в приемную комиссию, предложите свою помощь, сумейте влиять на приемную комиссию, чтобы контингент был действительно наилучшим. Устройте олимпиады школьников. Создайте общественное мнение на факультете. Будучи аспирантом, я прошел по школам Ленинграда с лекциями об археологии, создал при кафедре кружок школьников, эти школьники стали студентами и моими учениками, потом из них вышел ряд профессоров (это и ваши любимые профессора). Без этой среды и я был бы гораздо беднее в научном плане.

Сумеете провести эти дела – будет перелом в ситуации. А чтобы перелом был плодотворен, нужно использовать опыт стариков. Привлеките тех старых ученых, которых вы уважаете, в которых видите образцы для себя. Не все же боятся новизны, не все задавлены текучкой и бытом. Учителя, конечно, формируют учеников по своему образу и подобию (и по мере сил). Менее заметно, но гораздо важнее, что ученики выбирают себе учителей по своим идеалам. И своим поведением воспитывают себе учителей.

– По-вашему, выходит, что все в наших руках?

– А то в чьих же? Не только на факультете, но и вообще в науке. И не только в науке. Переломить дурную ситуацию можете только вы, кристаллизуя вокруг себя среду, умножая число себе подобных и воспитывая своих учителей.

Написано в октябре 2008, не публиковалось

6. Смена поколений и проблема преемственности

Помнится, Джорджу Оруэллу принадлежит изречение: «Каждое поколение считает себя более умным, чем предыдущее, и более мудрым, чем последующее». В наше время и в нашей стране эта самооценка поколений приобретает реальный и зловещий смысл.

Поколение, генерация – это сверстники в их соотношении со старшими и младшими: со старшими братьями, а также с отцами и дедами, с одной стороны, с младшими братьями, детьми и внуками – с другой. В таком понимании «поколение» – термин условный. Это сообщество сверстников, позиционирующее себя на скользящей шкале, потому что возраст меняется: вчера это было младшее поколение, сегодня оно стало средним, а завтра будет старшим. Число лет, которое можно отвести одному поколению, тут неопределенное, потому что при скользящей шкале – это вообще момент, а момент неуловим. Ведь в детстве мы считаем сверстниками только своих одногодок, во взрослом состоянии – один и тот же возраст охватывает по меньшей мере десятилетие, а все старики чувствуют себя сверстниками.

Такое демографическое понимание поколений, любопытное для психологии, бесполезно для рассмотрения развития науки. Вполне очевидно, что для науки, да и для социального анализа общества имеет значение другой подход к поколению – скажем, подход с точки зрения *теории поколений* У. Стросса и Н. Хау. В поколении имеет смысл видеть всех работников, всех деятелей, формирование которых проходило в одинаковых исторических обстоятельствах, в один и тот же сравнительно короткий период между двумя заметными социально-политическими событиями. Такой период налагает свой отпечаток на облик, настрой, ценности и убеждения людей, близких по возрасту, и формирует из них одно поколение в социальном плане. Под формированием я имею в виду не школу и вуз, а самостоятельную работу.

Так, в русской культуре заметно поколение шестидесятников XIX века, поколение Серебряного века, в политике – думские поколения начала XX века, движущиеся к революции, поколения мировой и Гражданской войн и военного коммунизма, поколение нэпа, затем поколение сталинского террора, затем военное поколение Отечественной войны, после него поколение сталинской империи, потом поколение хрущевской оттепели – новые шестидесятники, за ним – брежневский застой

(растянувшееся надолго и слабо менявшееся поколение), потом поколение горбачевской «перестройки», затем рванувшееся к свободе поколение 1990-х, в котором демократы перемешаны с «новыми русскими» и, наконец, современное раздвоенное поколение путинского капитализма с его всевластием чиновников и ностальгией по сталинской империи, с одной стороны, и по «многообещающему прошлому» 1990-х – с другой.

Вот в нынешней науке можно различить поколения, сформировавшиеся в шесть последних периодов. От военного поколения в рядах действующей науки практически никого не осталось. Людям сталинской послевоенной империи ныне по 75–85 лет, некоторые из них еще в чести и авторитете, но руководить не могут. Поколение хрущевской оттепели, включающее шестидесятников, – это нынешние старики, которым по 65–75 лет. Они еще занимают иногда места в руководстве научных коллективов, но уже выбывают из строя. Среднее поколение, которое реально руководит наукой, – это поколение, сформировавшееся в брежневском застое. Им сейчас от 45 до 65 лет. Они быстро превращаются в старшее поколение науки.

Более молодые поколения – горбачевской «перестройки» и 1990-х – это люди, которым сейчас меньше 45 лет. Они должны были бы стать основным костяком науки, но они в массе своей в науку не пошли. Они ушли в политику, в СМИ и бизнес. В науке в это время был развал, отсутствие финансирования и разрушение структур. Научные сотрудники, те, кто по психологическим причинам не мог оставить свои научные занятия, подрабатывали «водилами» и грузчиками, что не могло привлечь способную молодежь.

Наконец, молодежь, сформировавшаяся в путинское время, – те, кому сейчас от 20 до 35. При наличии способностей и успехов они, владея языками и не имея комплексов, запросто уезжают из страны – в Америку и Германию, в Китай. Из этого поколения в России остаются беспринципные карьеристы, рвущиеся в чиновники, и простенькие провинциалы, используемые для встреч на озере Селигер. В науку просачиваются отдельные энтузиасты, образуя одиночные блестки в общем балласте.

Это естественно. Молодому человеку нужно обзаводиться семьей, приобретать квартиру, а на несколько тысяч рублей зарплаты и себя не прокормить, а своя квартира им не светит даже в мечтах. Свое будущее молодые видят в нас, ученых, вышедших «на покой», в наших нищенских пенсиях, а подумавши, понимают, что, скорее всего, учитывая все перипетии с пенсионным обеспечением, им и этой пенсии не видать. Наука – она же учит рассчитывать и прогнозировать…

По настрою меня причисляют к шестидесятникам[6], но в шестидесятые мне было уже около сорока. По возрасту я принадлежу к самому старшему (из живых) поколению, которое в войну было подростками, даже еще успело в самом конце побывать на фронте, вуз оканчивало уже после войны и начало работать в сталинской послевоенной империи. В ней и сформировалось, училось выживать и даже радоваться достижениям в условиях двойной морали. Одна мораль была книжной, идеалистической («где так вольно дышит человек»), а другая – реальной моралью непрерывных проработок и репрессий (направленных на «безродных космополитов», «формалистов», «менделистов», на генетику, кибернетику, социологию и так далее). Главным фактором, определявшим состояние наук в это время, был марксизм. Обязательный марксизм был клеймом, лежавшим на всей советской науке, особенно на социальных и гуманитарных дисциплинах, и жестко отделявшим советскую науку от мировой. Он был сродни средневековой религии – со Святым Писанием, житиями, ересями, инквизицией. И, как тогда, можно было отстаивать некоторые научные истины даже в рамках религиозной учености (конечно, с потерями).

Это поколение, для которого преодоление марксизма было трудным и драматическим делом, для некоторых так и не состоявшимся до доклада Хрущева, а для какой-то части – и до сих пор. Мне по ряду причин удалось освободиться от этих догм еще в юности, так что дальше приходилось жить с двойной идеологией: одной напоказ, другой – внутренней, по совести, для себя. Приходилось стараться жить, надев постоянную маску – так, чтобы маска не приросла к телу и чтобы научные работы формально выглядели в соответствии с маской, но по основному содержанию соответствовали внутренней убежденности и совести. Это было очень трудно, но возможно[7].

Этим и было обусловлено мое последующее включение в поколение шестидесятников несмотря на возраст. Шестидесятники и их идейные противники – коммунисты хрущевского времени были проникнуты одинаковым оптимизмом оттепели, только разной направленности. Сам Хрущев и его партийные соратники прогнозировали, что коммунизм наступит в 1980 году, – одни искренне, другие лицемерно. Конец этому оптимизму положил брежневский поворот к некоторому обелению сталинизма и, конечно, выступление наших танков против «социализма с человеческим лицом» в Чехословакии в 1968-м. В науке это означало ужесточение догматизма во всех дисциплинах – в истории, философии и т. д. Во всякой свежей мысли идеологи-церберы видели проявление чешской угрозы (как

сейчас – оранжевой угрозы).

От шестидесятников и коммунистов хрущевского времени, ныне стариков, следующее поколение отличалось, с одной стороны, беспросветностью перспектив на реформы, а с другой – приспособленностью к существованию в состоянии застоя (за исключением одиночек-диссидентов). В каждой отрасли (в том числе в каждой научной дисциплине) назначался один воевода, который со всей полнотой власти следил за тем, чтобы все было тихо и выглядело прилично, а как на самом деле – верхам было наплевать. В таких условиях многое зависело от личности воеводы и от сложившихся местных условий[8]. Где-то было очень туго и напряженно, а где-то можно было работать на мировом уровне (по крайней мере, до поры до времени). Естественно, в таких условиях вырастало поколение довольно спокойное и циничное.

Горбачевская «пятилетка перестройки» возникла на фоне кризиса советской экономики. Социализм не выдерживал гонки вооружений с капитализмом. Демократические реформы Горбачева зашли дальше, чем он намечал, из-за его наивности. Он ведь думал, что достаточно кое-что изменить в структуре советской власти и все наладится. А оказалось, что достаточно вынуть кирпичик (от репрессий к «гласности») – и все рухнуло. Но поколение, выросшее в условиях гласности, резко отличалось от предшествующего. Оно было готово к переменам и жаждало их – как в обществе, так и в науках.

Однако советская власть пала не в результате революции, она рухнула сама. Одновременно развалился Советский Союз – наследник Российской империи. Все империи когда-то распадаются, но распад Советского Союза был заложен еще при Ленине – созданием национальных республик внутри империи. Ельцин лишь завершил то, что начал Ленин. Завершил (и в этом его огромная заслуга) не по варианту Югославии. Поколение 1990-х выросло в абсолютно новой среде – в условиях демократии и экономического хаоса, быстрого обогащения немногих и обнищания масс, идейной пестроты и кризиса марксистской идеологии.

Ясно, что это поколение отличается исключительным разнобоем во всем. Одни ринулись в бизнес, и деньги стали для них идолом. Другие бросились в политику – в самые разные партии. Третьи восприняли падение советской власти как бедствие, а развал Советского Союза – как геополитическую катастрофу. Четвертые прокляли всех – и левых, и правых – и обвинили во всем инородцев и соседние государства. И так далее. Все это также отражается на общественных и гуманитарных

науках – в них идут те же споры, но науки по указанным причинам резко ослабели, и все эти споры стали проходить на полудилетантском уровне. Для этого поколения стали исчезать границы между науками, лженауками, мистикой и религией.

На этой почве Путин и сумел создать свой автократический режим, основанный на тоске значительных масс народа по твердой руке «хозяина», на ностальгии многих по империи. Отсюда необходимость пропаганды соответствующих этим ожиданиям великих дел и побед. В том числе и научных свершений. Однако в этом режиме цели истинные резко расходятся с целями прокламируемыми. В прокламируемых целях – соревнование с Америкой, борьба за первенство в мире. В реальности – гораздо более скромные экономические интересы элиты, сгруппировавшейся вокруг власти и связанной бытом (счета в банках, дети в вузах) с Западом. Науке в этом расписании места нет. США тратят на науку 400 млрд долларов в год, мы – шесть. О каком соревновании может идти речь? Догоним и перегоним…

В таких условиях вырастает путинское поколение. Значительная часть его хочет быть чиновниками, другая все одобряет и готова к лекциям на Селигере, третья – та, которая нацелилась на науку, – уезжает (если обладает достаточными способностями).

Теперь о соотношении идейных установок разных поколений, о разрывах и преемственности.

Говоря об идейных установках и ценностях разных поколений, нельзя забывать одного обстоятельства: ни одно поколение не было единым – в каждом было минимум два совершенно разных слоя (а чаще больше), чуждых друг другу гораздо больше, чем разные поколения. Это и во всем обществе, и в науке. Нет смысла говорить о преемственности между поколениями вообще – таковой нет. Но вполне реальна преемственность между частями поколений единого духовного настроя. Скажем, есть несомненная преемственность между шестидесятниками оттепели и позднейшими диссидентами и правозащитниками, от них прямую линию можно провести к демократам 1990-х, а от тех к правозащитникам и демократическим политикам нашего времени. Это имеет отражение в соответствующем крыле социальных и гуманитарных дисциплин. В то же время есть параллельная преемственность от государственников и «партии власти» советского времени через ГКЧП и затем попытку мятежа верхушки Верховного Совета к путинской державности, автократии и новой «партии власти». Соответствующие идеи можно найти в массе сочинений

ангажированных историков, социологов, политологов и так далее. Близка к этим кругам и верхушка Академии наук. Можно проследить и преемственность в националистической традиции – от «Памяти» и писателей-почвенников к дугинской евразийской затее и разным партиям, оседлавшим раздражение против мигрантов и инородцев.

Словом, нет общей преемственности, но каждый находит свою линию преемственности. А вот разрывы есть. Это разрывы общие – не в идеях и ценностях, а в знаниях и умениях. Эти разрывы раньше определялись насильственной ликвидацией целых отраслей науки – генетики, кибернетики, социологии, сексологии, политологии. Естественно образовывались лакуны в истории этих наук в России, разрывы на многие поколения. Отставание чувствуется до сих пор. Другая категория разрывов – нынешняя, еще более масштабная – от прекращения финансирования. Вымирают целые школы востоковедения, лингвистики, математики и так далее. На деле мы давно не великая держава, нам просто не по силам держать весь фронт наук. Но если бы финансирование было более близким к мировому уровню, мы могли бы по крайней мере сохранять многие отрасли фундаментальных наук на уровне Бельгии, Шотландии или Новой Зеландии, от которых наша страна отстала (по крайней мере, по индексу цитируемости).

Мы, старшее поколение ученых, уходим с тяжелым сердцем. Некому передать наше знание, наши умения, нашу миссию.

Наука – это лишь часть русской культуры, но очень важная часть. В годы революционной смуты Брюсов столкнулся с похожей ситуацией гибели высокой культуры, как при нашествии гуннов, и пророчествовал в стихотворении «Грядущие гунны»:

> А мы, мудрецы и поэты,
> Хранители тайны и веры,
> Унесем зажженные светы,
> В катакомбы, в пустыни, в пещеры…

Сейчас некуда унести зажженные светы. Свет науки либо сияет, либо гаснет.

Без науки народ становится неконкурентоспособным и не готовым к встрече с природными и социальными катаклизмами. А, вполне возможно, они предстоят и частью уже наступили. Уже сейчас нам необходимо как-то справиться с демографическим спадом, с эпидемиями алкоголизма и наркомании, поставившими народ на грань вымирания. Есть и более далекие угрозы – возможное падение астероида Апофис в 2036 году (пресс-

конференция директора Института прикладной астрономии РАН 30 июня 2009 года), предстоящее великое оледенение (мы живем в одном из межледниковий). Без науки мы безоружны.

Я не пугаю набрасыванием возможных сценариев будущего. Я показываю сценарий, уже осуществляющийся.

В истории были примеры гибели великих цивилизаций, по каким-то причинам лишившихся важнейших компонентов культуры. Микенская цивилизация греков на рубеже XIII и XII веков до н. э. лишилась письменности, игравшей тогда ту же роль, которую наука играет в наши дни, и наступили Темные века – только через пять столетий появилась у греков новая письменность – другая и наступил новый взлет греческой культуры, началась экспансия греков на все Средиземноморье. Но это счастливый случай. Египетская цивилизация пирамид и иероглифов так и не возобновилась после своей гибели. Нынешний Египет – это совсем другая страна и другой народ. Остатки прежних египтян – копты, маленькая народность в нынешнем арабском Египте. Некогда грозная Ассирия исчезла полностью, и много веков спустя остаткам ассирийцев пришлось бежать от турецкой резни в Россию, где при советской власти была в Петербурге и Москве сформирована артель «Трудассириец». Потомки Ашшурбанипала и его воинов стали здесь в основном чистильщиками башмаков.

Если мы не хотим тратиться на сберегание и подъем науки, то нужно подумать о том, кому и где будут чистить башмаки наши правнуки.

Журнал «Антропологический форум». 2009. № 11. С. 57–63

7. От шпаргалки до мигалки

В студенческие годы я всегда, по всем предметам делал развернутые и очень удобные шпаргалки. Но никогда ими не пользовался. Мне хватало того, что я их делал. Они мне сильно помогали хорошо усваивать предмет. Я компактно перелагал основные положения, делал уйму схем, графиков, словом, подходил к изготовлению «шпалы», «шпоры» творчески. И делал ее не перед самым экзаменом, а в течение курса, загодя. Переделывал, совершенствовал и в процессе работы невольно запоминал. Потом по ней повторял, а на самом экзамене она лежала в кармане как некая психологическая гарантия. Доставать ее надобности не было.

Рядом со мной, бывало, ухитрялись пользоваться своими плохонькими, примитивными шпаргалками, переписанными у кого-то в двадцатый раз, доставая их из набитых карманов, из-за пазухи, а у меня такие совершенные – пропадали в бездействии.

Иное дело домашние задания и контрольные. Поскольку я учился с интересом и на одни пятерки, в общем списывании я не участвовал. Но проблема для меня существовала, так как списывали у меня. Я не списывал потому, что мне это было не нужно и потому, что это было бы обидно для моего чувства собственного достоинства. Как это: я – и не смогу сам! Но то, что у меня списывают, повергало меня в уныние. Я ощущал в этом что-то нехорошее, неправильное. А не дать списать было совершенно невозможно: прослывешь жадиной, эгоистом, способным подвести друзей. Можно было только мягко пристыдить их, упрекнуть, что им же хуже придется. На кого-то действовало, но другие привыкали к легкому успеху, и все больше втягивались в пользование результатами чужого труда.

Зато они обычно преуспевали в других сферах студенческого бытия: в художественной самодеятельности, в спортивных соревнованиях, а всего больше – в «общественной жизни»: становились функционерами разнообразных студсоветов, комсомольских комитетов, месткомов, профкомов, парткомов и все более высоких комитетов, а после окончания Университета неплохо устраивались по этой линии. Из каждой группы так. Из нашей группы археологов двое вообще не пошли ни в какую археологию, а были приняты в сотрудники КГБ.

Тогда я не решался отказать списывающим, не находил слов, чтобы объяснить свой отказ. Теперь я мог бы это сделать. Потому что теперь очень наглядно видны последствия этой невинной школьной и студенческой проказы. Дело даже не в тех, кто и не

собирался пойти работать по специальности, кому нужен был только диплом, а устроиться можно по другой линии.

Но те из окончивших Университет кое-как, списывая и сдавая по шпаргалкам, они же попадали в Академию наук, в лучшие институты, на дефицитные места в первую очередь! Во-первых, как заслуженные деятели общественного фронта с наилучшими комсомольскими и партийными характеристиками. Во-вторых, как люди, не показавшие высоких научных достижений, но готовые стать послушными исполнителями. Очень часто руководители научных учреждений, заслуженные профессора, были настолько напуганы (и умудрены) сталинской практикой постоянной чистки старых кадров за всякие – измы, что старались не допустить вокруг себя потенциальных конкурентов и намеренно принимали в штат самых заурядных. Увы, эти профессора грубо ошибались. Бездари и недоучки, поднаторевшие выезжать на списывании и подсказках да на своих «общественных» связях наверху, быстро сварганивали диссертацию-другую и выходили в начальство.

Наступившая в нашей стране эпоха коррупции оказалась для них оптимальной средой для размножения. Сама наука их никогда не интересовала, но теперь и не надо очень притворяться и маскироваться. Под прикрытием науки можно делать дела – пилить фонды, «срубать бабки». Плагиат стал обычным делом сверху донизу. Как наказывать студентов за массовое списывание работ из Интернета (где к их услугам специальные сайты с готовыми работами на любые темы), когда профессора списывают У СТУДЕНТОВ свои докторские диссертации (казус Артамоновой из Донецка, остающейся доктором и профессором), когда существуют мастерские по изготовлению диссертаций на заказ, когда вице-президента Академии наук обвиняют в плагиате, приводя в доказательство списанные им тексты!

Бандиты, чиновники и главы субъектов Федерации считают необходимым обзавестись учеными степенями и без труда защищают диссертации (догадываюсь, что даже не за деньги). Диссертации им нужны как мигалки на иномарках – для престижа.

Мне представляется, что в условиях, когда власти (России и Украины) не могут или не хотят принимать действенные меры по устранению этой ситуации, самим учителям и профессорам, работникам школы и высшей школы, нужно подумать о том, как со школьных лет закладывать основы неприятия списывания и пользования шпаргалками. Ибо с этого все начинается. На мой взгляд, нужно так составлять задания и контрольные работы, чтобы списывание было невозможно. Так составлять

экзаменационные вопросы, чтобы любое заглядывание в шпаргалку было бесполезно. Когда я принимал экзамены, я разрешал пользоваться любой шпаргалкой и любой литературой, но сдать у меня предмет было очень трудно. Кроме того, нужно предлагать испытуемым не тесты на запоминание, как в ЕГЭ, а максимально приближенные к жизни ситуации, требующие профессионального решения. Когда не поможет ни шпаргалка, ни мигалка.

№ 21 (90), 25 октября 2011

8. Документ о культуре и дух культуры

Администрация президента и Министерство культуры готовят программу «Основы государственной культурной политики». Для ее разработки собран коллектив из деятелей культуры (имена их не сообщаются). В «Известиях» (от 12 апреля 2014) опубликованы материалы к проекту этой программы, и когда она появится, тогда и будет организовано обсуждение, хотя обсуждать целесообразно именно эти материалы уже сейчас: в них представлены теоретические основы будущего документа. По нему уже высказался резко отрицательно Ученый совет Института философии РАН («Троицкий вариант» № 152).

В материалах двенадцать пунктов, из которых определяющими являются первые шесть. Их и стоит обсуждать.

1. Культура или кодекс? Остановлюсь на первом. В нем содержится определение «культуры». Вот оно:

«под термином „культура“ понимается *исторически сложившаяся система ценностей и норм поведения, закрепленная в материальном и нематериальном культурном и историческом наследии…».*

Прежде всего, рассмотрим это определение с точки зрения логики. По этому определению, «культура» – это нечто, закрепленное в «культурном наследии». А что такое «культурное наследие»? Это наследие в плане «культуры». А что такое «культура»? А это и предстоит определить. Классический circulus vitiosus, порочный круг. Но это формальный недостаток, свидетельствующий лишь о своеобразном глубокомыслии отобранных администрацией анонимных деятелей культуры.

А по существу? Совершенно несомненно, что система ценностей и норм поведения – существенный компонент современной и более древней культуры. Но сводится ли к ней вся культура, чтобы оправдать избранное определение?

Определений культуры множество. Только в классической книге Кребера и Клакхона собрано 164, а есть и еще десятки. Наличие множества определений говорит о сложности понятия и многозначности термина.

Для более полного понимания сути понятия его нужно представить в системе понятий и оппозиций, сообразить, что же является антонимом этого понятия. Здесь сразу же выступает оппозиция: культура – натура. Культура по начальному смыслу этого латинского слова означала обработку, культивацию, и противопоставлялась необработанной природе. Конечно, некоторые вещи изготовляют и животные (соты, муравейники,

гнезда птиц, плотины бобров). Ставился в антропологии вопрос и о культуре животных. Но животные мастерят свои поделки на основе врожденных программ, наследуемых генетически, а научение (действие условных рефлексов) занимает у них мало места и остается неосмысленным, не переводится в систему символов – язык.

Поскольку определение культуры общее, оно должно относиться ко всему человечеству, ко всем его стадиям развития, и отличать его от животной стадии. Совершенно определенно культура, по крайней мере материальная, была и у кроманьонцев сорокатысячелетней давности, и у неандертальцев сто тысяч лет назад (стандартные орудия, составлявшие основу жизни, даже погребения, то есть представление о потустороннем мире). Ашельские ручные рубила, очень по-своему совершенные, выделывал и гейдельбергский человек (палеоантроп) около полумиллиона лет тому назад. Внешне он гораздо больше напоминал обезьяну, чем неандерталец. Нет никаких данных в пользу того, что у него была вера в высшее существо. Язык у него, по современным данным, уже был, но весьма примитивный, вряд ли пригодный для формулирования системы ценностей и норм поведения. Скорее для конкретных сигнальных сообщений и кратких описаний в складывающихся ситуациях.

Для недоумевающих сразу же отмечу, что наличие речи у всех этих людей исследуется по слепкам черепов (характер мозговых центров), конфигурации гортани (судя по костным остаткам), геному (наличие соответствующих генов) и т. п.

Система ценностей у людей этого типа, конечно, была, но интуитивная, неосмысленная, невыраженная в словах. Но такая система ценностей есть и у животных – ценность своей жизни, своего образа кормления и территории обитания, ценность своих детенышей, своего стада. Осмысленной системы ценностей у них не было. А культура была.

В определении, даваемом разработчиками Администрации Президента, культура сводится к «системе ценностей и норм поведения», «закрепленной» в наследии, к некоему жесткому кодексу, который выработан коллективом и навязан всем его членам неукоснительно. Такая культура, конечно, легко управляема государственной администрацией и очень ей мила. А культура не такова.

Поэтому я предпочитаю определение культуры более общее, основанное на понимании информационных процессов в обществе и характере программирования индивидуального поведения. С этой точки зрения, *культура – это пластичная и многозначная, фиксированная в нормах программа деятельности*

индивидов, формируемая, хранимая, накапливаемая и передаваемая обществом негенетически (обучением, воспитанием) на основе общественной практики. Она уделяется обществом каждому своему члену (энкультурация), мягко рекомендуется и гибко детерминирует индивидуальное поведение.

В нацеленности на индивида, в пластичности и многозначности, в гибкости детерминации – существенная особенность культуры. Без нее культуры нет, а есть казарменная дисциплина, в каких-то ситуациях необходимая, но как дух культуры абсолютно немыслимая.

2. Историзм и его враги. Второй раздел рассматриваемого документа посвящен «принципу историзма».

Принципу этому странно не везет в нашей теоретической литературе. Ведь что такое историзм по классическим определениям (вы найдете их в любых толковых и философских словарях). Историзм – это учение о том, что общество все время изменяется и развивается в истории, что каждая эпоха принципиально отличается от предшествующих и последующих, что ей свойственны, кроме общих законов развития, свои собственные законы и что этим определяется ход истории. Несмотря на всю поэтичность Экклезиаста, историзм не согласуем с библейской догмой, что нет ничего нового под солнцем.

Историзм существует в разных вариантах. Марксистский историзм рассматривается как приложение одного из положений гегелевской диалектики к истории общества и обоснование смены социально-экономических формаций (пресловутая пятичленка), но есть много версий историзма и помимо марксистской. Есть, скажем, религиозный историзм, рассматривающий историю мысли как развитие и совершенствование идеи Бога, как смену религий от дикого язычества к монотеизму и христианству. Есть культурный историзм у Люиса Моргана и так далее.

В Советском Союзе был одно время очень популярен историзм, который, собственно, никаким историзмом не являлся. Под именем историзма тут одно время популяризировалась идея, что история (разумеется, марксистская) является наукой наук, все науки (и уж во всяком случае все общественные) являются всего лишь ее подразделениями. Например, археология, этнография, социология – это лишь версии истории, биология и геология – это не что иное, как естественная история. Все это основывалось на фразе, вычитанной из черновика Маркса и Энгельса, которую те вычеркнули (а наши авторы не заметили этого обстоятельства). Эта «разновидность» историзма исчезла с падением советской власти.

И вот теперь возникла новая разновидность историзма, не имеющая с ним ничего общего. Ее продвигают разработчики «Основ государственной культурной политики». Как они изъясняют свой «принцип историзма»? Национальная культура, по их представлению, не формируется как мозаика из локальных культурных сред, а является результатом длительного исторического развития данной социальной общности, отличающейся от других подобных. Поскольку она – результат длительного исторического развития, то вот и мотив для термина «принцип историзма». А разве «локальные культурные среды» – не результат длительного исторического развития? Стало быть, противоположное (мозаика) существует тоже по принципу историзма? Неувязочка получается. К тому же из комплекса черт, необходимого для констатации историзма, в этом странном рассуждении исчезает основное: принципиальное отличие нынешнего состояния от предшествующего. Оно подменяется отличием национальной культуры (государственной) от «локальных культурных сред», то есть местных субкультур – основы для диалектов, местных сепаратизмов и выделения возможных будущих суверенных государств. Это крайне неприятно для администрации данного государства, важно для его истории, но это не историзм.

Это, скорее, принцип традиционализма или консерватизма, принцип всемерного сохранения традиционного общества. Можно назвать это любовью к традициям предков, а можно косностью, реакционностью, консерватизмом. Но это нечто противоположное историзму. А поскольку сторонники этого очень странного «историзма» против «мозаики культурных сред», то они, стало быть, за конформизм, за всемерную унификацию, лучше всего достигаемую в казарме. Конформизм был свойственен крестьянской и ремесленной среде Средневековья, отчасти и мелкобуржуазной среде времен Контрреформации. Это было время охоты на ведьм, гонений на всех выделявшихся из общей среды – евреев, гомосексуалов, иноверцев, вольнодумцев. У Стругацких в романе «Трудно быть богом» – на книгочеев.

Культура зиждется на двух столпах – на традициях и новациях. Если одного из них нет, культура гибнет. Взгляните на нашу современную культуру и сообразите, сколько в ней от древнерусской и сколько от современной мировой. Я археолог, но мое представление о культуре – современное. Новации совершенно не предусмотрены в представлениях министерских разработчиков о культуре. Их представление о русской культуре – археологическое. Но что-то мне не доставляет радости такое пополнение археологического цеха.

Культура всегда состоит и должна состоять из мозаики культурных сред. С концентрацией основных черт в центре и с большим размахом колебаний, рассеяния, отклонений. Тогда при любом изменении условий обитания найдутся в культуре особи, готовые быстро приспособиться к изменившимся условиям и культура в целом выживет. А культуры узко специализированные, погубившие свою мозаику, неспособны выжить при изменении условий. Несмотря на кажущуюся мощь, они гибнут первыми.

И вывод: «Из такого подхода, в частности, следует, что при проведении ответственной государственной культурной политики следует поощрять и развивать только те культурные направления и „локальные культурные среды“, которые соответствуют принятой в данном государстве системе ценностей». Так система ценностей – в государстве или в культуре? Администрация – в государстве или в культуре?

Приводится выражение В.Р. Мединского: «пусть расцветают сто цветов, но поливать мы будем только те, которые нам полезны». Кому нам? Если остальные цветы не поливать, они засохнут. Это и требуется?

3. На каком континенте Россия? Займемся третьим разделом, который декларирован как «цивилизационный принцип». Если вы думаете, что он подводит к лозунгу «Даешь цивилизованность!» или «Обеспечить достижение высокой цивилизации!», то вы ошибаетесь. Культурная политика, по мысли разработчиков данного материала, не имеет ничего общего с учением о стадиях общественного развития, где цивилизация рассматривается как высшая ступень развития. Не имеется в виду и цивилизация как антипод духовной культуры (связанный с техникой) или как синоним культуры вообще (вообще-то есть и такие толкования).

Здесь, в «Материалах», цивилизация рассматривается как один из локальных вариантов культуры, замкнутый, обособленный и чуждый всем остальным. Такое учение среди научных течений есть, некоторые представители его и названы в «Материалах» – это Данилевский, Тойнби, Гумилев, Хантингтон. Список неполон. Почему-то пропущены Освальд Шпенглер («Закат Европы») и Питирим Сорокин, отнюдь не самые бледные из них, но чем-то они не устраивали разработчиков. Может быть, принадлежностью к Германии и США? Так Хантингтон с его учением о войне цивилизаций тоже американец. Да и Тойнби – с Запада, британец, к тому же ездивший к Гитлеру.

Это учение, инициированное славянофилом Данилевским в книге «Россия и Европа» (1869), рассматривает человечество как совокупность больших суперэтносов или параллельно

развивающихся цивилизаций, локальных культур, изначально и навечно различных по своему характеру, по организации, по ментальности и системе ценностей, замкнутых и взаимонепроницаемых. Такова и Россия (причем разработчики настаивают на том, что «российский» и «русский» – одно и то же). Каждая из них, а Россия особенно, уникальна и самобытна. Они чужды друг другу и вредны друг для друга. Смешивание их и смешанные браки гибельны (на этом особенно настаивал Гумилев в своем тезисе об этносах-«химерах»).

Каждая из цивилизаций проходит, по этому учению, свой цикл развития, независимо от остальных, свои стадии, но в общем они одни и те же у всех – от зарождения через подъем к упадку и гибели. Каждый из ученых предлагал свое количество стадий и свою длительность для каждой.

Вслед за Данилевским нынешние его последователи, подготовившие эти «Материалы», повторяют, что «Россия не Европа», что она – не Запад и не Восток, она особая цивилизация. Что европейские ценности, ставшие мировыми (их восприняли США, Канада, Япония, Южная Корея, Сингапур, Австралия и другие передовые и успешные страны), для нас неприемлемы. Хотя эти идеологи все время повторяют, что мы не Европа и не Азия, но на деле все то, что они отстаивают, – это азиатчина в худшем виде (как показано выше, не все в Азии этого придерживаются): отсутствие демократии, несменяемость власти, вмешательство религиозных догм в жизнь государства, попрание прав меньшинств, бессилие справиться с коррупцией и т. п. На деле Россия расположена на стыке Европы и Азии, причем коренные земли русского народа относятся к Европе и всегда в ней были. Да, это земли (зона рискованного земледелия), не столь благоприятные для хозяйствования, как более западные, но в этом плане они не отличаются от скандинавских или канадских. Россию задержало в развитии татарское иго (в ней не было Возрождения, Реформации), но цари Алексей, а особенно Федор и Петр вернули ее в русло европейского развития. Хотя рецидивы отсталости сказывались.

Учение о замкнутых цивилизациях родилось в пореформенной России как реакция на досадную отсталость страны по сравнению с основными европейскими державами, наглядно продемонстрированную поражением в Крымской войне. Для одних это было стимулом к реформам, к революционной деятельности, к наверстыванию упущенного, к стремлению догнать европейские народы и встать вровень с мировой цивилизацией. Для других, консервативных и обиженных, – стремлением доказать, что нам Европа – не пример, у нас свои

критерии, не очень-то и нужно кого-то догонять. Шпенглер, похоже, не читая Данилевского, выдвинул аналогичное учение в годы Первой мировой войны – по другим причинам. Его и его европейских последователей, включая Тойнби, поразил кризис европоцентризма перед лицом встающего с колен Востока. В Сорокине соединились разные традиции этого видения истории, и он старался поставить все это на научную базу – чертил таблицы, подводил статистическую базу. Наименее оригинальным из этих мыслителей, но наиболее поэтическим и популярным был Лев Гумилев. Апогея это учение достигло в писаниях Хантингтона – в пророчестве о неизбежном столкновении цивилизаций.

Это лишь одно из многих видений мировой истории. До недавнего времени это учение не пользовалось у нас авторитетом. Критику этого учения можно найти на русском языке в книгах Эльмара Соколова («Культурология») и моей (выходит вскоре: «История антропологических учений»). Факты истории никак не укладываются в эту концепцию. Культуры постоянно смешиваются, ныне все известные культуры передовых народов состоят из потрясающего разнообразия элементов самого разнообразного происхождения. Наша культура – не исключение. Оглянитесь вокруг и попробуйте сообразить, где и кем изобретены, произведены, придуманы, сочинены окружающие вас вещи, книги, музыкальные произведения, фотоснимки, инструменты, учения, нормы, боги.

Ревнители традиционной религиозной морали забывают, что сама православная вера пришла на Русь из Греции, а туда от евреев. А телевизор, по которому выступает православный патриарх с проповедью о рожденном еврейкой Христе, произведен в Японии, а придуман в Америке русским эмигрантом. Газета, в которой напечатаны «Материалы» об обособленных цивилизациях и о том, что «мы не Европа», напечатана буквами, придуманным в принципе в Финикии, типографским способом, изобретенным в Германии, хотя сама газета появилась сперва в древнем Риме, но в современном виде – тоже в Германии.

Эх, нет на меня угодного разработчикам «Материалов» цензора! Впрочем, цензура была изобретена папой Сикстом IV в Италии в 1471 году.

4. Преемственность и сломы. Четвертый раздел ставит вопрос о преемственности культуры. Она раскрывается так:

«Имеется в виду восприятие российской истории как непрерывного процесса – от Российской империи через СССР к современной Российской Федерации. Цивилизационное ядро

русской (российской) культуры с присущими ей ценностями остается неизменным на протяжении всего этого периода».

В этой декларации позволительно усомниться. Что ядро русской, а тем более российской культуры оставалось неизменным «на протяжении всего этого периода» (от начал Российской империи – от Петра? Или от Ивана Грозного?) – это надо бы доказать. Отойдем немного глубже в прошлое. Вот IX и X века – воцарение пришлой династии Рюриковичей, объединение восточнославянских земель под их началом и принятие христианства – это был несомненный перелом, определивший новые культурные особенности этой ветви славянства, Киевской Руси. Век XIII – татаро-монгольское нашествие на раздробленную Русь, иго Золотой Орды, затем освобождение от ига и формирование особого русского народа из части восточного славянства, а прежнее ядро отошло под опеку польско-литовского государства и там образовались позже два других восточнославянских народа. Преемственность от Киевской Руси постулировалась, в церковной жизни сохранялась, но в государственной и экономической реальности от нее ничего не оставалось. Многое было взято от административного опыта Золотой Орды – фискальные потоки, традиции управления, подавление представительства. Девиз же был: Москва – Третий Рим, а не Второй Киев. Прирастало Московское государство, превращаясь в царство, империю, татарскими землями и Сибирью, а не Украиной и Белоруссией.

Затем радикальная европеизация Федора и Петра Алексеевичей. Вся культура городов радикально изменилась. Остался язык, и тот сильно видоизменился, европеизировалась кириллица, коренным образом изменился облик горожан, сменилась их одежда, и через поместья, заводские поселки и бывших солдат это стало постепенно проникать в деревню. Это была уже не Русь, а Россия.

Революция 1917 года от нас недалеко во времени: ее помнили наши отцы и деды. Советская власть могла, конечно, принимать или не принимать внешнеполитическое наследие России, платить или не платить царские долги. Но советская культура была радикальной новацией, и советский народ был новой формацией, в которую вошли люди разных народов прежней России. Ее отношение к прежней России было хорошо выражено названием фильма Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Любой человек царского времени, попавший в советскую действительность, счел бы, что оказался в другой стране и окружен другим народом, говорящим на похожем (хотя и не том же) языке.

В 1991 году советская действительность, включая Союз Республик, развалилась сама в три дня, и ни один коммунист ни в одной из республик не встал на ее защиту. Но новая Россия не стала восстановлением ни прежнего Союза, ни одной из его частей, хотя и объявила себя его преемницей. Она захотела стать зажиточным капиталистическим государством и культурой западноевропейского типа целиком и сразу. Поэтому она разрушила все устои советского хозяйства и бытоустройства «до основанья, а затем…», но жить по-новому, по-европейски не сумела и не научилась. Копией какого-либо западноевропейского государства она тоже не стала. Получилась некая смесь латиноамериканских моделей компрадорского капитализма и африканской безалаберности и коррупции на остатках советской техники и житейской сметки.

В этих условиях с первых же лет XXI века власть стала выруливать галеру новой России в сторону восстановления каких-то устоев царской России, а больше – советского тоталитарного устройства, возвращая один за другим принципы советского прошлого: вертикаль назначаемой и несменяемой власти, зажим гражданских свобод, сервильный суд и так далее. Но это вовсе не полное повторение пройденного. Идеологии нет, и никакие возрождения уваровской триады (самодержавие, православие и народность) на пару с советским миссионерством спасения мира невозможны в безусловно капиталистической стране и при капиталистических идеалах самих правителей.

Вот почему власти понадобилась сама идея преемственности в культуре чуть ли не от Византии и такой упор сделан на церковь – единственную часть культуры, где хотя бы по форме эта преемственность соблюдается.

Революция 1917 года и активность сторонников «либерально-западного» пути развития в конце 1980-х – 1990-х годах трактуются в Материалах как «две мощные попытки изменить культурно-цивилизационную идентичность России». По мнению разработчиков, «обе попытки слома традиционной идентичности не имели успеха». Ну наверное, разработчики живут в какой-то иной реальности, созданной в официальных кабинетах. Они даже ссылаются так: «Как видится и отмечается всеми исследователями, российскими и иностранными». Так уж и всеми? Других они просто не читали, и на двор не выходили. И коронный аргумент: «Определенным подтверждением этого тезиса является сам факт разработки рассматриваемого документа». Ну, если считать это доказательством, то все в порядке. Начальство, вероятно, сочтет.

Несомненно, в процессе культурного развития населения

России можно наблюдать и преемственность и новации. И были периоды, когда преобладали процессы преемственности, а были времена революционные, когда старое разрушалось, а новое создавалось и переносилось из других стран, заимствовалось от других культур. Преемственность от ближних периодов всегда была больше, от дальних – меньше. От древних в современности – ужасающе мало, почти ничего. Восстановимо только по цепи посредствующих звеньев. Связи, соединяющие нас с предками, очень тонки и конкурируют по значению со связями, соединяющими нас с другими народами мира. Это то, чего разработчики Материалов, по-видимому, не понимают или не хотят понимать.

5. Культура и активность государства. Обратимся к пятому разделу документа. В центре внимания там роль «государства как активного субъекта культурной политики». Но в этом разделе речь не идет о трудности, стоящей перед государством в деле отношения к культуре, о необходимости такта и осторожности в этом деле. А ведь это прежде всего необходимо, потому что культура – чрезвычайно сложная и тонкая материя, и грубое вмешательство может только испортить все дело. Оно погубит богатство культуры, восстановит против государства наиболее талантливую творческую часть работников, выдвинет на первый план более примитивную часть и внушит ей упрощенные лозунги и приемы.

Нет, весь пафос раздела и всего документа в целом как раз нацелен на такой оборот дела. А суть этого пятого раздела в ином. Я не стану здесь цитировать дословно, потому что пришлось бы применять канцелярский язык документа – «Обеспечение… недопущение…». Перескажу своими словами: разработчики считают, что задача государственной культурной политики – обеспечить единство российского общества, не допускать раскол, который может произойти «под влиянием чуждых ценностей». Для этого нужно воспитывать граждан («окультуривать их») в духе общей для России системы ценностей – духовных, нравственных и эстетических.

Иными словами, идеалом провозглашается всеобщий конформизм. Общие духовные ценности, наверное, включают православную религию. А как же быть с другими религиями – тоже коренными для России – мусульманской, иудейской, буддистской? А если люди придерживаются, не дай бог, католической или лютеранской – как тогда быть? А староверам, явно и давно впавшим в раскол (хотя они не без основания считают раскольниками как раз никониан, то есть нынешних православных)? Наконец, как быть с большинством населения

нашей страны, не очень придерживающимся церковных норм и ритуалов или даже вовсе атеиста?

Общие нравственные ценности не могут быть едиными хотя бы потому, что частично связаны с разными религиями или отсутствием любой религии, а частично формируются семейными традициями, классовыми и профессиональными различиями. И конечно, политическими убеждениями. Есть некие общечеловеческие нормы (хотя и о них есть разные представления), но мораль в целом не едина у всей нации. Страна расколота в политическом плане (а кто в большинстве, кто в меньшинстве – дело всегда временное, этому нас может научить хотя бы последний век нашей истории).

Но если так, то и мораль у политических противников очень разная. Моральные оценки не совпадают. Что у одних хорошо, то у других – из рук вон плохо. Возьмите оценки заметных явлений – отношение к патриотизму, к эмиграции, к проституции, к «ментам», к смертной казни, к гомосексуальности, к суррогатному материнству и так далее. Вы хотите обязать всех придерживаться одной морали? Придерживаться закона – это понятно. Но мораль формируется культурной средой и жизненной практикой, а не навязывается государством, сколько бы вы ни называли это навязывание *культурной политикой*.

Ну а о единстве эстетических ценностей даже смешно говорить. Общеизвестно: на вкус и цвет товарища нет. У нас, как и везде на земле, очень разные эстетические идеалы. Эстетические идеалы интеллигента, или крестьянина, или полицейского скорее совпадут с идеалами иностранного представителя этого класса или профессии, чем с идеалами человека другого класса или профессии поблизости, в той же стране. Иначе как бы распространялась мода? Вы хотите добиться эстетического единства? Как Вы этого достигнете? Будете запрещать некие стили музыки, одежды, архитектуры, литературы? Выстроите все города в одном стиле (и гарантируете, что это будет лучший стиль, самый русский)? По радио будут давать только хор Пятницкого или только одобренных Министерством культуры композиторов? Опять запретите рок и джаз? Или теперь они уже стали классикой, их можно, а запрещать нужно что-то новое?

Подытоживая этот раздел, разработчики выступили против «реактивного» подхода в культурной политике. Они заявляют: было бы неправильно сосредоточиться на том, чтобы лишь отвечать на «угрозы» и «вызовы» или события (видимо, это, по их мнению, происходит сейчас). Они призывают к активности государства – нужно «целенаправленно формировать

национальный менталитет».

А знают ли разработчики значение слова «менталитет»? Не путают ли они его с идеологией (которая вроде бы запрещена нашей Конституцией как единая система для государства)? Понятие «менталитета» вошло в наше научное употребление из французской школы Анналов, где оно означало стихийно образуемую и несформулированную, а потому – диффузную совокупность подсознательных норм, привычек и стереотипов мышления и поведения некой среды и эпохи. Это абсолютно чуждое государству явление.

Разработчики этого странного документа рассматривают культуру не как менталитет или нечто родственное ему, а как идеологию. Все это уже было. Милые мои, это же советская культурная политика! Та самая, которая явилась одной из причин того, что при развале Советского Союза ни один гражданин не выступил в его защиту, даже ни один коммунист. Ни одна собака не тявкнула.

6. Война против мультикультурализма и толерантности. Шестой раздел Материалов к «Основам государственной культурной политики», разработанных под эгидой Администрации Президента и Министерства культуры, декларирует отказ от принципов *мультикультурализма* и *толерантности*.

Анонимные разработчики этих материалов, претендующих на то, чтобы стать нашей общей программой, считают, что принципы мультикультурализма и толерантности, которые ныне очень модны на Западе, несвойственны российской культуре, навязывают чуждые нашему обществу нормы и угрожают погубить наши культурные ценности. Но «…выбор российского пути всегда осуществлялся на основе тех духовных констант, которые были издавна присущи России».

Между тем мультикультурализм, то есть равноправное развитие разных этнических культур в рамках культуры одного государства, позволил многим цивилизованным государствам Запада развить весьма сплоченное общество, смягчить или ликвидировать чрезвычайно резкие напряженности (например, между белыми и чернокожими в США, между ирландцами, шотландцами и англичанами в Британии, между франкоязычными и англоязычными жителями Канады и так далее). По этому принципу развивается наша соседка Финляндия, где шведы, некогда доминировавшие в Финляндии и представляющие там явное меньшинство, ни в малейшей степени не ущемлены в правах и возможностях национального развития (культура, язык и т. п.).

Более того, этот принцип, по крайней мере официально, декларировался в Советском Союзе под названием *интернационализма*. Можно, конечно, пытаться найти какие-то различия между этими терминами, и они, наверное, действительно есть (по меньшей мере, в исторических корнях). Интернационализм шире: он охватывает и государственно-политическую организацию народов (наши отдельные республики). Тогда как мультикультурализм – только культурную и языковую стороны, и преимущественно в перемешанном расселении. Но в данном контексте различия не существенны. По большому счету это одно и то же.

Разработчикам надо было как-то справиться с этим противоречием. Как это: у нас много культур, а мы против мультикультурализма?! Вот как они справились: «Народы, интегрируемые в состав российского государства в процессе его создания, принимали эту общую культуру, одновременно отказываясь от несвойственных российской культуре национально-культурных особенностей. Так, включение в состав Российской империи территорий Северного Кавказа сопровождалось постепенным отказом населявших их народов от целого ряда норм шариатской культуры того времени – таких, как кровная месть, многоженство, рабовладение и пр.»

То есть разработчики противопоставили мультикультурализму частичную интеграцию других культур в русскую культуру – аккультурацию, частичную ассимиляцию. Несомненно, ассимиляция имеет место в широком масштабе.

Но, во-первых, как у нас, так и у них. Скажем, большинство российских евреев у нас полностью ассимилировалось в русскую культуру, утратив прежние язык, культуру, а большей частью и религию. Ассимилировались также многие татары, украинцы, немцы, поляки, корейцы. В США также многие иммигрантские семьи (немецкие, ирландские, итальянские, еврейские, русские) ассимилировались и нынче их родным языком является английский, по быту они не отличаются от других американцев и носят американские имена. Прежняя их этническая принадлежность ушла в область романтических семейных легенд.

Во-вторых, отрицательные, архаичные явления, пережитки дикости и мрачных эпох (кровная месть, рабовладение и т. п.) изживаются везде, и это стоит делать независимо от того, входит ли народ в русскую культуру или не входит. Эскимосы Аляски не вошли в русскую культуру, но от многих особенностей дикого быта избавились. Аборигены Австралии – также, по крайней мере те, что оказались в городах. Сомневаюсь, что в Турции у чеченцев сохранилось рабовладение.

В-третьих, ассимиляцию и аккультурацию никак нельзя представить генеральным путем развития наций и этносов нашего государства, потому что это означало бы остановку их самостоятельного национального развития, вызвало бы национально-освободительные движения и сепаратизм.

Что касается призывов избавиться от толерантности, то исходные тезисы для этого призыва не вызывают возражений. Разработчики излагают «правильное отношение к понятию „толерантность“. Под этим термином принято понимать терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, вероисповеданию, национальности». Все верно.

Менее верно, что «Терпимость к представителям иных вероисповеданий, рас и национальностей является традиционной чертой русской (российской) культуры» и что «Подтверждением тому является вся история русского народа и российского государства». Бывало, что православие насаждалось силой, а другие культуры целенаправленно притеснялись. Вспомним черту оседлости и отношение к евреям, чеченцам, полякам. Но что стоит поддерживать именно терпимость русского народа, это безусловно верно.

И даже верным нужно признать существенную оговорку: призывы к толерантности не надо воспринимать как легитимизацию «любых форм поведения, независимо от их приемлемости с точки зрения общей для россиян культуры и системы ценностей». Мы не можем быть толерантны к шовинизму, наркомании, пьянству, коррупции и многим другим социальным язвам. Спорный вопрос заключается в том, где пролегает разумная граница между тем, что заслуживает толерантного отношения, и тем, что такого отношения не заслуживает. Это часть векового спора современной культурной антропологии о границах релятивизма. Как далеко заходит допустимая относительность истин? Взять, скажем, тот же вопрос о наркомании – когда борьба с ней доходит до запретов на выдачу лекарств-наркотиков умирающим раковым больным, для которых это единственный способ избавиться от нестерпимых мучений перед смертью (самоубийство адмирала Апанасенко), не ясно ли, что тут мы переступили границу разумного и человечного?

Таким образом, глупо объявлять войну принципу толерантности или релятивизму вообще. Нужно говорить лишь о мере разумности в соблюдении этого принципа.

Вызывает недоумение и та форма, которую война с толерантностью приняла у разработчиков этих Материалов. Разработчики пишут: «Представляется, однако, необходимым

определить ту границу, за которой приверженность толерантности приводит к капитуляции российской идентичности перед чуждыми ей системами ценностей». То есть они представляют свою войну с толерантностью как часть общего противостояния этносов, общего столкновения цивилизаций. Как будто позитивные явления – это исключительно наша особенность, а негативные – исключительно западная. Как будто там никто не борется с наркоманией, коррупцией, пьянством.

Классическим пробным камнем этого постулата является вопрос о терпимости к гомосексуальности. Запад в этой трактовке выступает как оплот гомосексуальности, а Россия – как бастион свободы от гомосексуальности. Во-первых, гомосексуальность присуща значительной части человечества (но не больше и не меньше) испокон веков. С биологической стороны, это несомненно патология, но в культуре она воспринималась по-разному в разных обществах и в разное время. Во-вторых, как раз традиционная Россия отличалась чрезвычайной терпимостью к этому явлению, была единственной крупной европейской страной, в которой никогда не было казней гомосексуалов. Законы против гомосексуалов ввел только Петр I по шведскому образцу, и в досталинское время они применялись только в самых скандальных случаях. Так что вся связанная с этим нынешняя кампания у нас непомерно раздута и отличается изрядным лицемерием: гонения направлены на низы и на либералов, а верхам и «патриотам» доступна любая сексуальная ориентация.

Наконец, «единый культурный код», столь милый разработчикам этих Материалов, – понятие смутное, нерасшифрованное и опасное. Ведь что такое код? Это определенная комбинация символов или сигналов, обычно засекреченная, которая позволяет владеющему знанием ее, раскрыть в нужных случаях гораздо более пространную и важную информацию. Что в культуре является такой комбинацией, а что – остальной информацией? От кого первая засекречена и какие жрецы ею владеют? Можно ли этот код раскрыть посторонним? Или культура замкнута и закрыта для инокультурных соседей и инородцев?

Понятие «единого культурного кода» удобно и опасно тем, что под него можно подверстать любую избранную на текущий момент формулу властной политики, объявив неугодные явления чуждыми отечественной культуре, подпадающими под мультикультурность и коварную вражескую толерантность.

В документе есть еще шесть разделов, но считаю, что рассмотренные достаточно характеризуют этот проект, грозящий стать обязательной программой. Духа культуры в нем просто нет.

Публиковалось с продолжением в трех номерах «Троицкого варианта»: № 9 (153), 6 мая 2014 – № 11 (155), 3 июня 2014

V. Brain drain

1. Храм науки и хлам науки

Помню, как на следующий год после войны я впервые взошел на ступени главного здания Университета в Ленинграде – Двенадцати Петровских коллегий. Слева от входа – музей-квартира Менделеева; на втором этаже – уставленный книжными шкафами длиннющий (почти на полкилометра) коридор с портретами и статуями ученых, работавших в Университете (перспектива!); из окон видно во дворе массивное здание «Же де пом» (для игры в ручной мяч), из которого Попов отправил первую радиограмму; по соседству – Кунсткамера с конференц-залом Академии наук и ломоносовской мозаикой Полтавской баталии. Было полное ощущение, что вступаешь в храм науки.

Это первое ощущение удержалось надолго, расширилось на все мои приключения в науке – в Университете и вне его – и уже никогда меня не покидало. И когда я слушал лекции в заурядных аудиториях истфака и запутанных подвалах и переходах филфака, и когда потом читал лекции на истфаке, и когда прогуливался между лекциями по коридорам истфака между кафедрой археологии и кафедрой искусствоведения – я все равно чувствовал себя во храме. Не архитектурно (ну какой тут храм – истфак размещается в здании бывшего Гостиного двора), а виртуально – в храме науки. Его образовывала вся структура петербургской науки и науки страны, а также мировой науки, аккумулированной в библиотеках – вот библиотека истфака с читальным залом тут же, а в Главном здании – колоссальная библиотека Университета, вот он рядом БАН (Библиотека Академии наук) с миллионами книг и медной статуей академика Бэра, восседающего на кресле наверху входной лестницы. Через Неву на Дворцовой набережной – библиотека Института истории материальной культуры – одна из крупнейших археологических библиотек мира.

Но очень быстро, еще в студенческие годы, стало появляться ощущение, что храм науки изрядно захламлен. Что многие курсы лекций и программы ужасно устарели, что далеко не все лекторы читают на уровне столичного университета, что в библиотеки современная литература поступает скудно, что ассигнований на модернизацию не хватает. Дальше – больше. Стало ясно, что наука у нас – в тисках марксистской догматики, что многие отрасли – социология, политология, генетика, кибернетика, сексология и другие – под запретом, что объективное исследование в истории невозможно, а в археологии и лингвистике крайне затруднено, что партийно-идеологическая

цензура корежит научные результаты.

Будучи студентом четвертого курса, я сделал работу об учении академика Марра – я пришел к выводу, что оно не имеет никаких соответствий в материале и в буквальном смысле представляет собой бред сумасшедшего: в обстановке бесконтрольности и поощрения всяческой критики «буржуазной» науки старый академик, потрясенный драматическими изменениями, тронулся умом. Мой научный руководитель М.И. Артамонов (тогдашний директор Эрмитажа и и.о. ректора Университета) выдвинул мой доклад в Академию наук, только с условием не упоминать имя академика. Доклад прошел успешно, но идеологи всполошились, и было затеяно мое исключение из комсомола. Меня спасло только то, что в это самое время с опровержением Марра неожиданно выступил Сталин (конечно, по сугубо политическим мотивам).

Ну, во всяком храме идет ведь не только служение высшим целям, часто сводящееся к формальной службе, но и разная прочая неизбежная жизнедеятельность, мелочная суета – шьются и изнашиваются ризы, дымят лампады, громоздятся и подновляются иконостасы, потребляется пища, священная и мирская, а от всего этого остаются продукты жизнедеятельности – всяческий хлам. И, если нет очищения, его становится все больше. Если говорить о науке, то в хлам превращаются целые теории, литература становится макулатурой – все тома сочинений академика Марра («железный инвентарь марксизма») отправились в задние хранилища библиотек: их никто не спрашивает. А сколько изданий классиков марксизма и всей экзегетической (толковательной) литературы отправилось туда же и в химическую переработку! Какие толпы преподавателей марксизма-ленинизма, истории партии, политэкономии и марксистской философии переквалифицировались в культурологов, геополитиков, чиновников и священников!

Усиливавшееся знакомство с зарубежной наукой показало, насколько мы отстали в овладении научной техникой и в освоении передовых учений. Наша наука захирела. По импакт-фактору и индексу цитирования Россия не входит в первую двадцатку стран мира. По поведенческим, компьютерным наукам и микробиологии статьи из России составляют менее процента от мировых, то есть незаметны. Называется, «встали с колен».

Ныне запустение в храме стало поистине опасным симптомом упадка и отмирания. В результате ужатия ассигнований на науку и нищенства ученых как социального слоя угасли целые научные школы в математике, физике, биологии и востоковедении, да и в других отраслях. Старики вымирают, смены им нет, традиция

прерывается. Выросли целые отряды научных деятелей с купленными и полученными по блату дипломами – они управляют наукой и имитируют науку, наскоро читая по совместительству курсы в разных местах и плодя себе подобных. Это живой хлам. Наиболее активные молодые ученые (генофонд страны!) массами уехали навсегда за рубеж. За 10–15 последних лет 250–300 тысяч. В США они получают до 5,5 тысячи долларов (то есть более полутора миллиона рублей) в месяц. Это в сто раз больше, чем здесь, не говоря уже о жилище и современной аппаратуре в лаборатории. Россия ежегодно теряет от утечки мозгов 25 млрд долларов. Отток кадров продолжается. Не только за рубеж, но и в бизнес – этот отток начинается сразу же по окончании средней школы. Утрачен престиж науки. Успешные абитуриенты, выбирающие свою стезю, восходят на ступени Университета и поворачивают обратно. Они уже не видят храма. Они видят только бедность, запустение и хлам, хлам, хлам…

№ 17 (851), 25 ноября 2008

2. Ave Caesar!

Ave Caesar, morituri te salutant! («Славься, цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»)

С этим возгласом в римских цирках уходили на смерть гладиаторы. Ритуал требовал торжественного прощания с цезарем, восседавшим в императорской ложе. Трудно войти в психологию пленных, обученных гладиаторскому бою и выводившихся парами на арену. Они знали, что не сегодня завтра погибнут и что таков порядок. Они живы, лишь пока их руки держат меч. После себя они не оставят никого – ни жены, ни детей, ни друзей-товарищей. Останется их искусство, переданное в гладиаторской школе другим гладиаторам, приводимым на их место. Но это было слабым утешением. И все же они выходили и сражались на потеху жестокой толпе римского плебса.

Но одно в их сознании мне понятно и доступно: я тоже иду на смерть, как и все люди моего поколения. И в этом смысле я тоже знаю, что таков мировой порядок. Я еще и тяжко болен, а в наше время с болезнью можно бороться, но она – как судьба гладиатора: не сегодня завтра свалит и добьет.

Все мы, старые ученые, уходим и знаем, что уходим. Нормальный порядок состоит в том, что наши места занимает подготовленная нами смена, молодежь, освоившая наши науки, прошедшая нашу школу. Она продолжит наше дело, разовьет наши открытия, сделает новые открытия и подготовит новую смену – в этом заключается нормальная жизнь науки, ее движение вперед.

Этот порядок в нашей стране нарушен. На фундаментальную науку и обслуживающие ее прикладные науки (я не говорю о производственных науках) выделяется все меньшая доля совокупного национального продукта. Мы все больше отстаем не только от США, на которых все время ревниво равнялись («догоним и перегоним!»), но и от многих европейских стран – таких, как Испания и Португалия. США тратят на науку 400 млрд долларов в год, мы – 6. В конце 2008 года Конгресс и Сенат США увеличили эту сумму, добавив еще около 12 млрд на 2–3 года. У США имеется 400 суперкомпьютеров, у нас – 6 (по-моему, современных только 3, но я могу ошибаться). В то, что наш ГЛОНАСС работает не хуже американских приборов, может верить только собака Кони, да еще, возможно, выпускники летнего университета на Селигере.

Далее я буду ссылаться преимущественно на материалы, опубликованные в газете «Троицкий вариант» за последние

полтора года. Средняя заработная плата профессоров (выпуск за 3 марта 2009, с. 6) составляет в США 5,8 тысячи долларов, в Канаде 6,5, в Англии и Германии по 4,3, в Индии 1,5, в Китае – 1,2 тысячи долларов. В начале карьеры – меньше, на пике – больше (в ведущих странах – около 8 тысяч долларов). У нас она далеко не достигает и тысячи.

По индексу цитируемости Россия не попадает в первую двадцатку стран мира (а есть в ней маленькая Дания, Шотландия – отдельно от Англии! – Израиль, Финляндия, Новая Зеландия!). Мы незаметны в современной мировой науке. По физике наши показатели почти в три раза ниже американских, по молекулярной биологии и генетике в пять раз, по компьютерным наукам тоже. По математике в три раза, по социальным наукам – в восемь раз (выпуск за 14 сентября 2008, с. 4–5). По числу научных публикаций в лучших журналах с 1988 по 2007 год Москва демонстрирует спад, Петербург еще держится на старом (хотя и невысоком) уровне, иностранные центры – рост почти вдвое (статья «Динамика публикаций некоторых научных центров» номер за 29 апреля 2008, с. 7). Нобелевских лауреатов в США в 7–10 раз больше, чем у нас (номер за 28 октября 2008, с. 2).

Наиболее талантливые молодые люди уезжают за границу, чаще – в США, но и в другие страны. Там молодой ученый получает оплату в несколько тысяч долларов в месяц (у некоторых до 5,5), просторную квартиру, превосходное оборудование и финансирование работ, а после многих лет работы ему гарантирована высокая пенсия и медицинская страховка – он это видит на примере американских стариков.

У нас он получает несколько тысяч рублей в месяц (более чем в 30 раз меньше, чем там), никакой квартиры (ипотека остается ловушкой для наивных), жалкие подачки для молодых ученых, а в перспективе он видит себя в нас – в наших нищенских пенсиях, в нашем убогом жилье и в известной заботе государства о нас.

Химик из Санкт-Петербурга пишет в «Троицком варианте» (за 2 сентября 2008, с. 3): «У нас в Университете – замечу, что это университет в С. – Петербурге, который закончил наш президент, сейчас премьер-министр, точнее оба закончили, – 90 % толковых выпускников уезжают за границу. Потому что нет работы по специальности. Своей химической промышленности нет, ученые не нужны. Нет жилья и оплаты, на которую можно было бы питаться». Там же политиком В. Рыжковым приведены и общие сведения. Россия занимает меньше 1 % на мировом рынке наукоемкой продукции, а в США выходцы из России обеспечивают 20–25 % такой продукции, то есть примерно 10 % мирового

рынка. Цифры эти приведены Рыжковым без ссылок на источники, но они скорее занижены, чем завышены. 20 июня 2002 года председатель профсоюза работников Академии наук В. Калинушкин на пресс-конференции иностранным журналистам огласил число ученых и программистов, уехавших за десять последних лет (со времени падения Советского Союза): это 500–800 тысяч человек (бюллетень Би-би-си).

Китай поставил себе задачу пригласить из-за рубежа более тысячи исследователей в Академию наук и оплачивает это – туда поедут. 81 % китайских академиков – это вернувшиеся из-за рубежа! («ТрВ» за 17 февраля 2009, с. 8).

Основатель фонда «Династия» Дмитрий Зимин сказал: «Вымывание интеллектуальной элиты является самой большой бедой, которая есть в России, и на ее фоне все остальные события со временем будут казаться нам мелкими провинциальными происшествиями. <…> Это основная проблема, которая угрожает существованию страны» («ТрВ» за 2 сентября 2008, с. 3). Это потеря лучшего генофонда страны. Увы, по опросу Фонда общественного мнения от 25 августа 2001 года только 65 % опрошенных знали об утечке мозгов и только 2 % опрошенных считали утечку мозгов «катастрофой для страны».

Федеральная целевая программа на 2009–2013 годы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» поставила задачу вернуть в Россию уехавших за рубеж молодых ученых постдокторского ранга, чтобы они смогли передать молодежи свой опыт. Министр образования Андрей Фурсенко обещал, что «Россия будет создавать условия для привлечения» их. В статье «Вернутся ли соотечественники» («ТрВ» за 29 апреля 2008, с. 3) приведены итоги обсуждения на интернет-форуме. Один из обсуждавших (уехавший) написал (цитирую лишь некоторые аргументы):

«Спешу успокоить: постдоки не приедут. Не волнуйтесь, не надейтесь и не рассчитывайте. Почему?

Несоизмеримые возможности. В России наука организована архаически, и научную карьеру (в хорошем смысле) сделать нельзя.

Всегда за забором, выехать куда-то – это целая история, русский паспорт – это как клеймо.

Жуткая централизация. За границей провинциальный институт – это подарок – тихий городок, чистые продукты и окружающая среда, и при всем этом можно за час собраться на другой конец континента; в России провинциальный институт это… ну, словом, все знают, что это такое.

Жуткая нужда у исследовательско-преподавательских кадров,

даже если (а я в это не верю) по приезду постдок будет получать свои привычные 3–4 тыс. $, то на фоне коллег это здорово осложнит ему жизнь.

Если постдок человек семейный и вся семья за границей, то разговор о возвращении – это как разговор о неизлечимой болезни… дети и жены категорически против.

PS. Глупости это все, рассчитывать на постдоков и тем более на молодых профессоров. Да и пожилых забудьте…»

В другом номере газеты ученых (за 9 декабря 2008, с. 6) приведены требования одного из уехавших к Сибирскому университету на случай возвращения: зарплата не менее 8 тыс. долларов в месяц, на оборудование не менее 70 тыс. долларов в год, на сотрудников не менее 200 тыс. долларов и так далее плюс полная научная независимость, то есть несбыточные в России условия. Он хочет, чтобы Россия не была Россией.

Известнейший ученый профессор Р.М. Фрумкина, главный научный сотрудник института РАН, пишет («ТрВ» за 21 июля 2009, с. 12), что получает 23 тысяч рублей в месяц и не может позволить себе зайти в кафе и выпить чашечку кофе с круассаном (кстати, я также). Если бы у нее не было старой квартиры, то на свою зарплату она не могла бы арендовать скромную однокомнатную квартиру, разве что на окраине. Она пишет:

«1. Я считаю безнравственным и дальше платить тем, кто работает здесь, нищенскую зарплату.

2. Я считаю безнравственным назначать тем, кто готов вернуться, „западные зарплаты“ за государственный счет, поскольку не вижу резона делить научных работников на категории, исходя из места их рождения и гражданства».

Я также. Они там выучились? Но позвольте, я не раз выезжал за рубеж по приглашению. Я читал там лекции и курсы лекций в Венском, Свободном университете Берлина, Даремском, Мадридском университетах, в университете Вашингтона и многих других. Я там не учился, я там учил. В том числе и выехавших из России. Почему же они, вернувшись, будут получать здесь в двадцать-тридцать раз больше, чем я? Я ведь учил здесь не хуже, чем там. Наверное, даже лучше…

Часть активной молодежи идет в бизнес, еще одна часть – в чиновничество. Там можно продержаться и (пусть и не совсем честными способами) прокормить семью.

В науку теперь идут те, кто не попал никуда, а также чудаки-одиночки, для которых жажда познания превыше всего. Отношение к ним – как к городским сумасшедшим.

Мы уходим, а смены нет. После нас – пустота. Вымирают целые научные школы, некогда славные – по математике, физике,

биологии и востоковедению, да и по другим отраслям. Средний возраст ведущих кадров научно-исследовательских институтов либо повысился до 60–70 лет, либо искусственно понижен за счет слабой и неподготовленной молодежи, от которой блестящих имен ожидать не приходится. Во многих институтах просто нет сильного среднего поколения. В Новосибирском отделении РАН 64,7 % докторов технических наук от 56 до 75 лет и 5,9 % старше 75 лет; докторов геолого-минералогических наук – 61,3 % от 56 до 75 лет и 12,6 % старше 75 лет («ТрВ» за 9 декабря 2008, с. 3). Хорошо, конечно, что они дожили до глубокой старости, но в начальники геологических экспедиций мои сверстники, 80-летние старики, мне кажется, не совсем подходят – ну, не хватит им мобильности.

Мы беспокоимся не только за судьбы российской науки, мы беспокоимся за судьбу страны. В современном мире страна без современной науки, точной и гуманитарной, обречена. Без нее нас победят не американские эскадрильи и бомбы, не полчища китайцев с ракетами, нас победят американская наука и японская техника, европейское гуманитарное знание и, возможно, азиатская философия. Известна фраза Бисмарка, что франко-германскую войну 1870 года выиграл немецкий школьный учитель. Современные войны выигрывают университетские профессора и завы лабораторий – там, где они имеют на это средства и силы. А войны предстоят не столько с соседями, сколько с природными опасностями. Известна угроза падения крупного астероида Апофис в 2036 году, способного, если упадет на Россию (что не исключается), в один миг смести все на тысячах квадратных километров (пресс-конференция директора Института прикладной астрономии РАН Андрея Финкельштейна в 2009 году, ИТАР-ТАСС). По оценке НАСА, если он упадет на землю, удар будет в 50–150 раз сильнее Тунгусского метеорита, а воронка достигнет почти 6 километров в диаметре. Уже сейчас обсуждаются возможные меры предотвращения этой опасности. А есть и другие опасности – например, перспектива нового великого оледенения.

Я пишу «мы», потому что знаю, что так, как я, думает большинство ученых старшего поколения (см. статью З. Оскоцкого и Ю. Ефремова «Выбор России: развитие науки или национальная катастрофа» в «ТрВ» за 14 апреля 2009, с. 6). Лауреат Абелевской премии математик Михаил Громов сказал: «Главный ресурс любого общества – квалификация его людей. Все остальное – воздух. Поэтому очевидно: если ничего не сделать, то лет через 100 мы не справимся с экологическими и политическими проблемами и исчезнем» («ТрВ» за 26 мая 2009, с.

6). Я лишь считаю, что Громов отвел нам слишком большой срок.

Мы устали обращаться к президенту и премьер-министру с этими напоминаниями, а больше нам ничего не сделать. Молодежь частично ушла, остальные, кто посильнее, уходят. Нас осталось уже мало. Мы ковыляем по арене нашего политического цирка и, проходя мимо роскошной ложи дуумвирата, возглашаем:

– Ave Caesar, morituri te salutant!

Не слышат. На царственных ликах маски упоения великими победами. Вокруг – императорская гвардия, отгоняющая мечами и щитами всех, кто не похож на ликующую толпу.

– Ave Caesar…

№ 17 (36), 1 сентября 2009

3. Почему я не уехал?

Сакраментальный вопрос. Этот вопрос мне задавали многие, даже крупные персоны из государственной администрации. «С Вашим именем, с Вашим владением языками, с Вашим обилием международных контактов, что Вас удерживает в этой нищете и в безнадеге?» Когда казалось, уезжают все, кто может. Brain drain проносился ураганом по российской науке и уносил самых сильных, самых способных, потенциальных нобелевских лауреатов. Я был близок к тому, чтобы уехать, когда вышел из тюрьмы и лагеря в 1982 году и меня никуда не брали на работу. Но не уехал. Не остался за границей и потом, когда не раз выезжал преподавать в университетах Европы и США. Почему?

По многим причинам, которые, возможно, представляют интерес для тех, кто решает сейчас для себя этот вопрос, и для тех, кого заботит опустошение русской науки.

Все эти причины, на мой взгляд, сводятся к двум: привязанность к родине (я избегаю затасканного слова «патриотизм») и опасения не добиться успеха на чужбине. Рассмотрим сначала второй комплекс причин.

Не нужен мне берег турецкий. Прежде всего, я в пожилом возрасте. У нас можно работать и получать зарплату и после 80, все зависит от благорасположения начальства, а в Европе кто бы ты ни был, стукнуло 65 – выходи на пенсию. Конечно, там пенсия очень близка к зарплате, позволяет жить. Но чтобы ее заработать, нужно трудиться много десятилетий – естественно, там. Что уже невозможно.

Это, разумеется, не относится к молодым. Им этот «запрет на работу» не грозит. Но вступает в силу другая трудность. Все интересные вакансии либо заняты своими, местными кадрами, либо присмотрены своими, которые долго ждали их освобождения. А тут является чужой и претендует. Его пропустят, только если он обладает исключительными и всем очевидными знаниями, совершенно дефицитными. А это обычно бывает как раз у пожилых, у молодых же встречается только в случае острого спроса на некую профессию, наличествующую у приезжего и дефицитную у своих. Так что стоит ехать, лишь если уже заготовлено место, – по приглашению.

Далее, есть препятствие, важное для гуманитариев. Уровень владения языками, которые я знаю, не сравнится по возможностям с уровнем владения моим родным русским. На нем я могу выразить тончайшие оттенки мысли и чувств, мне доступно все его богатство. На других языках я не столь свободен.

Более того, на русском я обращаюсь к людям, чувства и мысли которых я хорошо понимаю (даже если с ними не согласен) и которые понимают меня. Достичь этого понимания с иностранной аудиторией гораздо сложнее. Именно, «мы говорим на разных языках» – в обоих смыслах: в буквальном и в переносном. Там не важны многие наши проблемы, а мне чужды и неинтересны многие их проблемы. Поэтому, работая там, я обычно все больше тоскую по дому.

И третья причина. Это тот непреложный факт, что к недостаткам нашей жизни, как бы они ни были велики, мы все же адаптировались, приучились с ними худо-бедно справляться, а преимущества нашего обитания (пусть их и немного) мы научились очень разнообразно использовать. Умеем обойти начальство, обезопаситься нужными справками, выбить пособия и т. п. А на Западе жизненных благ пусть и много, но мы их не освоили, мы их не знаем, не привыкли ими пользоваться, и пройдет немало времени, пока мы их освоим. А вот западные неприятности обрушиваются на нас неожиданно и порою катастрофично. Того и гляди, то политкорректность нарушим, то в sexual harrasment вляпаемся, то подпись под каким-то экономическим обязательством не глядя поставим.

Родная моя сторона. Теперь можно рассмотреть и другой комплекс причин удержания от эмиграции – привязанность к родине. Это очень эмоциональный фактор. Можно говорить о высоких материях – патриотизме, чувстве национальной гордости и солидарности, о возмущении «предателями» (сменили гражданство!) и «перелетами» (ищут, где лучше, забыли могилы предков), о чувстве долга перед родиной. В этом видят специфически человеческие чувства, отличающие человека от животного. Можно поставить вопрос иначе: человек – такое же территориальное животное, как кошка и многие другие животные. Он привыкает к родной территории, уверенно себя чувствует на ней, а на других – робеет и страдает. У него в детстве работает психологический импринтинг, привязывающий его к родной территории. При такой постановке вопроса привязанность к родине – не особое отличие человека, а животный инстинкт, только украшенный красивыми словами. Кстати, от этого он не становится слабее.

Но и в том и в другом случае не понять, почему у населения России это чувство сильнее, чем у жителей европейских стран и Америки. Англичанин или американец, приезжая во Францию, очень быстро акклиматизируется и может жить там нормально годами. Немцы годами жили в Италии или в Англии. Были и русские, годами жившие за границей, – Тургенев, Иванов, Герцен.

Но это были исключения, единицы, выходцы из дворянской интеллигенции, по цивилизации вполне западной. Для массы русского народа переезд в другую страну тягостен, несмотря на все заманчивые блага и удобства западной жизни. Почему?

Кроме слабого владения языками (оно преодолевается), привычки многих работать спустя рукава и получать за это минимальную, но гарантированную зарплату (на Западе так не получится), и других препятствующих различий, есть и еще по меньше мере две особенности России, которые мешают российским гражданам легко покинуть обжитые места и отправиться на поиски счастья за рубеж.

Чемодан, вокзал, Европа. Первая особенность состоит в том, что наше население вообще менее мобильно, чем западное. Это можно хорошо наблюдать на примере ученых. Ведь мы в юности поступаем в вуз и этот единственный вуз заканчиваем. А на Западе искони было принято у студентов за время студенческой жизни сменить два-три университета в разных городах, а то и странах. Затем, устроившись на исследовательскую или преподавательскую работу, наш выпускник может до смерти проработать на одном месте, часто в том же вузе, который он окончил, и это считается нормальным. А на Западе нормальным считается смена места работы при каждом повышении статуса. То есть в своем нынешнем учреждении ученый в норме не получит повышения. Скажем, чтобы доцент стал профессором, он должен подать на конкурс в другой вуз, в другой город.

Почему так сложилось? В значительной части здесь действовали традиции крепостничества, не так уж давно отмененного у нас, при которых прочная связь человека с местом его жизни и работы считалась нормой. Кроме того, сказывались колоссальные трудности добыть жилье на новом месте. Мы живем с вечным дефицитом жилья и его потрясающей дороговизной в сравнении с обычными заработками ученых. Тогда как на Западе при каждой смене места проживания ученый легко снимает новое жилье или покупает новый дом, продав свой старый.

Дружеская община. Вторая особенность нашей страны заключается в том, что в ней люди привыкли жить общинами. Это старая очень прочно укорененная традиция. Сначала это были кровнородственные общины – роды, племена, кланы. В Чечне до сих пор общество остается на этом уровне. Потом, еще на заре Киевской Руси, родовая община сменилась территориальной. Деревня, село составляли «мир» русского крестьянина, миром решались все важные дела – игрались свадьбы, проводились похороны. Мир совершал переделы земли так, чтобы в каждой семье каждому едоку обеспечить, с чего кормиться. В сельской

общине действовала круговая порука в общении с помещиком – он не с каждого взимал оброк, а с «мира», а уж мир распределял по семьям и людям.

Эта община существовала вплоть до столыпинских реформ, которые должны были высвободить русских хозяев для развития капитализма. А колхозы продлили существование общинного быта и после революции (с декларированным социализмом у них не было ничего общего – это были все те же крепостные хозяйства, только хозяин был один – в Кремле). Мы только-только начали выходить из этого мира. Все разговоры об особой русской соборности не так уж бессмысленны, если представить себе в их основе реальную общинную традицию.

Ныне сельская (территориальная) община разрушена. Но общинный быт никуда не исчез. Мы его восстановили, потому что иначе жить не привыкли. Только сейчас мы объединяемся не по территориальным связям, а по связям дружеским. Так сказать, дружеская община. Мы живем в обществе, в котором государство выступает не как служебный аппарат, а как самостоятельная, независимая от общества сила, стоящая над ним, сила, от которой исходят разные опасности для каждого отдельного члена общества. Милиционер чаще всего выступает в представлении обычного человека не как защитник, а как потенциальный разбойник. Судья – не как воплощение справедливости, а как слуга властителя и возможный продавец приговоров. Чиновник – как представитель высшего класса и взяточник.

А объединение в оппозиционные партии преследуется и подавляется, причем аппарат подавления разработан гораздо мощнее и разветвленнее, чем в прежние времена.

В этой обстановке люди по необходимости ищут солидарности, сочувствия и взаимопомощи в неполитическом объединении с подобными себе. Это небольшие, но очень прочные ячейки общества. Наряду с родственными связями выступают в качестве объединяющих связи «кумовские», дружеские, так сказать, побратимские. Они образуются в вузах, на работе, в кружках по интересам, теперь и в Интернете. У каждого человека есть теперь круг таких друзей, с которыми он обсуждает все события, от которых может получить помощь в трудных обстоятельствах, за которых он и сам готов заступиться. Очень часто это вовсе не родственники. Иногда это соседи, но вовсе не обязательно. Чаще эти люди живут в одном городе, но могут быть и иногородние. Вся страна состоит сейчас из таких дружеских общин.

Часто их называют *кластерами*. Но это не очень подходящий термин. Теория кластеров разработана для экономики (выявлено

роение родственных крупных компаний), потом ее перенесли в психологию и антропологию. Речь идет о том же, но термин слишком широк. «Дружеская община» специфичнее и передает связь с предшествующими формами.

Когда я обдумывал, не покинуть ли родину насовсем, я, кроме всего прочего, представил себе, что мне нужно оторваться от своих друзей и коллег, своих учеников, своих верных читателей, даже своих неотступных недругов, – и не смог. Я весь – в этих связях, я опутан ими. У меня впечатление, что, несмотря на все препятствия здесь и благоприятную обстановку там, я бы не смог реализовать себя в полной мере там – так, как сумел здесь. Каждая моя книга вышла, предварительно пройдя через сеть дружеских связей – суждений, советов, поощрений, заинтересованности, предостережений, поправок, рекомендаций и, конечно, что для меня было важно, восторгов. Она плыла по ним от задумки через написание к выходу в свет и восприятию публикой. Мне кажется, человек как узел дружеских связей – очень русское явление. Оно и удерживает большинство здесь.

И все-таки почему? Но не стоит слишком уповать на эти препятствия. Вопрос ведь в том, *какое* меньшинство уезжает. Когда уезжают самые работоспособные, предприимчивые и смекалистые, то дело не только в том, куда уйдут нобелевские премии (они и так к нам не часто заглядывают). Беда в том, что ослабляется генофонд нации.

Не так важно, почему я не уехал, как важно (и страшно) – почему все меня об этом спрашивают.

№ 22 (67), 23 ноября 2010

VI. Наука и религия

1. Парадокс в названии

Вы не заметили, что название нашей газеты (где почти все статьи этого сборника впервые напечатаны) парадоксально? Это газета ученых, занимающая просветительские и, если не прямо антирелигиозные, то уж во всяком случае нерелигиозные позиции, а «Троицкий вариант» – это ведь из религиозного репертуара. Происхождение этого названия понятно, его связь с религией – многосторонняя. Всероссийская газета возникла из газеты Троицкого наукограда, а название городка Троицка – от храма, того – от Троицы. Но парадокс и в самом этом понятии. Троица – это триединый бог в трех лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

Если бы я был верующим, то парадокса бы для меня не существовало: ну верую, потому что предки веровали, потому что церковь так учит – и все дела. А что несуразно, так говорил же Св. Тертуллиан вроде бы: «Верую, потому что абсурдно». В самом деле: если укладывается в логику, то и вера для признания не требуется. А вот ты поверь в несуразное! Но я поверить в несуразное не могу. Я неверующий, вольнодумец, хочу проверять все логикой, выяснять происхождение, механизмы образования. Тут и возникают проблемы. Для меня это проблемы, естественно, не теологические, а исторические и очень занятные.

Догмат Троицы отличает христиан от родственных религий. Иудаизм, из которого христианство выделилось, отличается строжайшим монотеизмом (сохранившим, правда, следы былого многобожия: одно из имен бога в Библии «Элохим» означает «боги», другое, «Адонаи» – «судьи»). Мессия (Мешиах) – это пророк, который только должен прийти в будущем. А вообще пророки – Исайя, Иеремия и другие – имеют видения бога, но сами на божественность не претендуют. Мусульманство основной своей молитвой утверждает: «Нет бога, кроме Аллаха, а Магомет – его пророк!» Бог в трех лицах – это, конечно, нарушение не только логики, но и монотеизма.

Самое любопытное – что в Библии нет ни малейшего упоминания о Троице. Ни в Ветхом Завете, ни в Евангелии. Правда, христианские теологи истолковывают некоторые места Библии как имеющие в виду троичность бога, но это все натяжки. Первое четкое упоминание Троицы (Триада) содержится у Феофила Антиохийского, жившего во II веке н. э. Но – вот удивление! – это не Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, а «Бог, Его Слово и Его Премудрость»! Только Тертуллиан, писавший в начале III века, впервые употребил термин в современном смысле.

Ссылаются еще и на Иоанна, у которого «Отец, Сын и Дух Святый, и сии три суть едины», но из всех старых рукописей Евангелия, коих около 400, начиная с IV века, этот стих содержат только две – XV и XVI веков. Так что это несомненно благонамеренная подделка эпохи борьбы с ересями.

Оформил это учение как догмат церкви Никейский собор 325 года.

Так что лишь в III–IV веках н. э. Троица вошла в христианскую догматику, а ранние христиане ее не знали. Зачем ее ввели, более-менее понятно – чтобы всемерно возвысить фигуру Иисуса Христа, утвердить его как Бога, не нарушая в то же время принципа монотеизма. Культу Христа в это время в Римской империи приходилось бороться с другими культами – почитанием римских богов, митраизмом, вспышкой культа Антиноя. Все это боги, а Иисус будет только пророком? Это нужно было преодолеть.

Но почему не слить его просто с образом Бога? Почему не ввести на небе дуумвират? Почему не вообразить фигуру типа двуликого Януса? Зачем потребовался святой дух, как некое третье лицо божества? Это интересная проблема. Видимо, тут уже сказались подспудно действовавшие механизмы привычного формирования магических коллективных сил, сказались представления о сильных числах. Еще Аристотель придавал числу три значение «все». На древнем Востоке, в Греции и Риме многие божества выступали втроем. У греков три Парки, три Грации, три Хариты, трехглавый Цербер. У римлян три Фортуны, tria fatae, tres faciunt collegium, у германцев три норны, трехглавые божества у кельтов. У индусов Брахма носит название «отец», Вишну отождествляется с Кришной, сыном Брахмы, а Шива воплощает божественный дух, и все вместе они именуются Тримурти, как и три тела Будды, – очень схоже с Троицей. Немецкий ученый Узенер написал большую статью, в которой собрал множество таких проявлений приверженности древних числу три в мифологии.

Таким образом, в формировании Троицы сказался своеобразный компромисс монотеизма с живучим и проступающим исподволь язычеством. Но это и вообще во всей системе христианства чувствуется. Дело не только в том соединении языческих обрядов, обычаев и привычек, которые получили в России название «двоеверия». Дело еще и в том приближении функций священных фигур к божественным, которое, при формальном признании монотеизма, фактически приближается к многобожию: Богоматерь, пророки и святые не признаются богами (официально), но им молятся, приносят

жертвы (например, ставят свечи), водружают идолов (скульптуры и иконы), на них также крестятся и молятся, ожидают от них чудес.

Мудрено ли, что Троицу далеко не все христиане признают! Ее решительно отвергали ариане (объявленные еретиками), ныне не принимают Свидетели Иеговы, мормоны, унитарии, субботники, адвентисты Седьмого Дня. Не признавал Троицу и Лев Толстой. В своем «Исследовании догматического богословия» (Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 23) в главе II «О боге, троичном в лицах» он писал:

«Троица есть бог. Что есть бог и как он существует, превышает мое разумение. Но если существо бога превышает мое разумение, то я и не могу ничего знать о существе божии. Если же мы знаем, что он есть триедин, то надо сказать, что мы разумеем под этим знанием… Ибо если я, не понимая, скажу, что я верю, и все, кто скажет, что он верит, что бог один и три, тот солжет, потому что нельзя верить в то, чего не понимаешь. Язык повторить может, но верить нельзя в слова, которые не то, что не имеют смысла, а прямо нарушают здравый смысл».

Надо оговорить, что и христианские конфессии, признающие Троицу, признают ее по-разному. Безоговорочно признают католики – в их вероучении Святой Дух исходит и от Отца и от Сына, а в православном вероучении – только от Бога Отца. Сын чуть ближе к простому пророку.

С другой стороны, популярность Троицы в православии значительно выше, чем в католичестве и протестантских церквях. Сколько у нас Троицких соборов, сел Троицкое, городов Троицк! Мне представляется, что дело здесь совсем не в особом пристрастии русских к нарушениям логики. Просто здесь сказывается более живо сохранившаяся у восточных славян традиция весенних языческих праздников: с иудейской Пятидесятницей, к которой христианская церковь приурочила снисхождение Святого Духа на апостолов и тем самым отмечание Троицы, совпадают важные языческие славянские праздники – «родительская суббота» (поминание предков), семик и другие.

И уж глубоко под всем этим, в глубине, измеряемой тысячелетиями, проступает приверженность огромных массивов населения разным числовым предпочтениям – тут уж я могу включиться как археолог. В Подунавье, где был большой приток переднеазиатского населения, и на Кавказе, предпочитали число три. Если ставили сосуд на ножки, то их три. Если размещали ручки, то по треугольнику. Индоевропейцы, к которым принадлежат славяне, вообще-то искони предпочитали число четыре. Это культуры северной и центральной Европы. Когда там

делали ножки, то четыре. Когда там делали сосуды, то ручки размещали крестообразно, и даже если три ручки, то не в треугольном расположении, а по трем концам воображаемого креста. Четыре стороны света, квадратные дома…

А Троица шла с Юго-Востока. «Троицкий наукоград» – это, конечно, антагонистическое словосочетание. Все равно как «атеистическая епархия». Но говорят же верующие и неверующие по традиции «слава богу» (возглас облегчения), «ради бога» (просьба и разрешение), «спасибо» из «спаси боже» (благодарность). Для большинства эти слова утратили свой прямой смысл и стали простыми знаками учтивости в соответствующих ситуациях. А «Троицкий вариант» – не вариант веры, а название газеты ученых, весьма далекой от религии.

Написано в декабре 2008-го, не публиковалось

2. Верующий ученый

Есть у меня хороший знакомый, можно сказать, приятель. Он профессор-философ, завкафедрой и декан факультета. Позиционирует себя как верующий. А я атеист. Не агностик, а именно атеист. Для меня вера в бога, в богов, в дьявола, в чертей синих, в чертей зеленых и красных, в лешего, в домового, в кикимору, в зловредность черной кошки абсолютно одинаковы.

Разница между верой и суевериями – только в оформленности и обзаведении церковными институциями. А также в направлениях деятельности и характере обрядности. В одни периоды религиозные общности нацелены больше на разобщение людей, войны и кровь, в другие – на объединение людей, благотворительность и книжность. От самих религиозных идей это обычно мало зависит.

Мы с приятелем редко спорили, как-то не заходила речь. Но вот начались споры о предлагаемом внедрении курса основ православия в школу. Старый профессор М.С. Каган, учитель моего приятеля, опубликовал статью против этой новации «Не могу молчать». Мой приятель вспылил и выступил против своего учителя со статьей «Надо бы помолчать!». К сожалению, Каган (он был очень стар и болен) замолчал навеки. А я в электронном письме к верующему философу взялся ответить за покойного атеиста. Завязалась переписка. С моего разрешения приятель опубликовал ее в своей очередной книге. А я с его разрешения – в своих мемуарах.

В завершение этой дискуссии я обратил внимание на то, что в той же книге, где он опубликовал нашу дискуссию, этот философ помещает размышления, которые совершенно не вяжутся с его позицией веры. Например:

«1. Я не имею основания верить в ТУ веру и в ТАКОГО Бога, которые мне предписывает церковь от имени ТЕХ людей (слишком людей!), с которыми когда-то давно якобы откровенничал Бог.

2. Чем люди „эпохи божественного откровения“ были лучше нас: почему с ними Бог поделился, с нами – не желает?

3. Почему чудеса Христовы – не повторяются, они лишь зафиксированы „преданием“?

4. Говорят: нужна вера. Я спрашиваю: кому нужна? Ведь не Богу же?

5. Всеведение церкви не подтверждается. У меня складывается мнение, что церковь – возмутительная самозванка и величайшая грешница в мире. Нет никаких разумных

доказательств, что именно церковь выполняет священную волю Бога».

Парадоксально, что этот человек выступал в защиту преподавания основ православия в школе, а мне назидательно приводил примеры верующих ученых.

С наукой религиозность плохо сочетается. Хорошее доказательство – сам верующий философ: как только мой оппонент брался за логику, его религия теряла пульс.

Феномен верующего ученого нередко используется церковниками для подтверждения всесилия религии. Но верующий ученый не допускает религию в сферу своей научной деятельности. Как только он это сделает, он перестанет быть ученым. Многие доверяют слухам, что Павлов веровал (и я раньше, каюсь, доверял). Слухи ошибочны, истинные воззрения Павлова сейчас известны. Но если бы ученый типа Павлова и веровал, ни один его опыт не исходил из его религиозных воззрений. Все они базировались исключительно на его научных принципах. Осенял ли такой ученый своих собачек перед опытом крестным знамением или не осенял, в описание опыта это не входило и ничего в нем не изменяло.

В науке правит бал логика, на отдельного ученого воздействует и психология. Ему лично может помочь олицетворение природных и социальных сил как богов, а кому-то этого может и не потребоваться. Думаю, что те, кому этого не требуется, более последовательны как ученые.

Как известно, Лаплас на вопрос Наполеона о месте Бога в его системе мира, ответил: «Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе». Я тоже. А вы?

№ 6 (818), 24 июня 2008

3. А индекс Хирша ни при чем

В «Троицком варианте» № 125 от 26 марта 2013 года помещено интервью редактора выпуска Наталии Деминой с профессором-физиком католического университета Радбауда в Нидерландах, православным эмигрантом из СССР Михаилом Кацнельсоном. Интервью названо «Многие в наше время верят только в хирш-фактор». То есть в показатель ссылок на автора в престижных мировых научных журналах.

Содержание интервью – взаимоотношения науки и религии. Профессор поведал, что он обычно не вступает в религиозные дискуссии, «иначе набегают всякие слаборазвитые существа, и начинается». Он поясняет: «Почти нет людей (я во всяком случае почти не встречал), которые на серьезном уровне разбирались бы и в науке, и в религии». Он признает, что у церкви много достойного критики, но «для православного вопрос один: действительно ли причастие или недействительно». Если действительно, то «все эти „попы на Мерседесах“ – это просто не о том». Профессор считает, что «по сути, в основе веры и в основе религии… лежит определенный тип опыта. Внутреннего опыта. Религиозного. Если угодно, мистического. Если у человека такого опыта нет, ну, живет он себе и живет. Осуждает попов на Мерседесах, и все такое прочее… А если такой опыт есть, это очень страшная штука. Его просто необходимо организовать и упорядочить. Иначе разорвет в клочья».

На вопрос о том, не является ли атеизм разновидностью религии, профессор отвечает: «Очень многие считающие себя атеистами на самом деле язычники и идолопоклонники. Верят, например, в богов науки и прогресса. Это, конечно, религия. Но плохая».

Название интервью взято из следующего высказывания профессора: «Ну, вот, мы с Вами вместе боремся с убеждением, что наука и вера несовместимы». А молодежь «полезет в Веб оф сайенс, посмотрит на мой хирш-фактор и прочие причиндалы (знаете, многие в наше время в Бога не верят, а в хирш-фактор верят). И, может быть, призадумаются. Слово за словом, и книги мои вышеупомянутые (о религии. – Л.К.) захотят пролистать».

Интервью это вызвало на сайте газеты немало критических комментариев. Указывали, что в книге Кацнельсона нет физики, а есть нагромождение цитат о начале времен из религиозных источников, достоверность которых автора не интересует, проблемой соотнесения вымысла с реальностью он себя не утруждает. О доказательствах существования бога – ничего, а без

этого все теряет силу.

Не хотел ввязываться в дискуссию по этой статье, но прочел комментарии и не удержался. Автор уверяет, что настоящих, убежденных, последовательных атеистов почти не встречал. А я считаю себя именно таким. Я не делаю себе идолов ни из науки, ни из прогресса, я в них не верую, я вижу их слабости, но об этом дальше. А что до бога, то я, как Лаплас, не нуждаюсь в этой гипотезе.

Я могу понять верующих, они уповают на некую сверхъестественную силу, которая решит их внутренние проблемы – моральные, волевые и познавательные (их бессилие). Для других это психологическая палочка-выручалочка для убегания от проблем личного характера – ожидания собственной смерти, встречи со смертью близких, непереносимости осознать расставание навсегда. Из особо рьяных, которых обуяли эти внутренние психические проблемы, образуются пророки, из менее агрессивных – адепты, а в сочетании с хитрецами и жуликами – строятся церкви, возводятся церковные традиции.

Труднее понять верующих ученых, но им, очевидно, тоже нужно справиться с психическими проблемами («разорвать может»). Феномен известный: часто у психопатических личностей эти вывихи сочетаются с обострением математических способностей. Такие ученые не могут справиться с объяснением первоначальных сил и персонифицируют их в виде бога, взяв его из старинных книг и мифов, – тогда их воображение лучше работает. Если это им помогает – сделайте одолжение!

Но когда из этих личных психологических и пропедевтических вспомогательных средств делают высокую теорию (теологию) и начинают строить общественные организации, взимать дань и карать неверных – я протестую. И никакие «Хирш-факторы» и нобелевские премии для меня не служат извинением или оправданием. Держите свою религию при себе, не внедряйте ее в школу и вуз, не подчиняйте ей прессу, не мешайте мне и моим коллегам познавать мир без нее, без этих шор.

Почему из всех религий в данном случае выбрано христианство? Вроде буддизм яснее и бескорыстнее, а иудаизм старше и исконнее. Почему из всех христианских деноминаций выбрано православие? Уж протестантизм (в силу своей критичности) ближе к науке и менее догматичен. Да еще, выбрав православие, жить в Нидерландах и работать в католическом университете… Уж очень своеобразная логика.

А что атеизм рассматривается как тоже религия («нулевая»), это очень характерно. Они не могут себе представить человека без

религии, без идолов. Нужно ли непременно верить в науку и прогресс? На мой взгляд, можно служить науке без того, чтобы в нее веровать, а в прогресс и того менее. Добиваться прогресса – иное дело. Не говоря уж о том, что религия и вера – не одно и то же. Вот религия и суеверие – одного поля ягоды. Различие только в канонизации.

Несколько замечаний по тексту профессора Кацнельсона.

«Почти нет людей, которые на серьезном уровне разбирались бы и в науке, и в религии». Автор этих слов льстит себя надеждой, что уж он-то разбирается и в том и в другом. Но «Хирш-фактор» (поверим ему, не проверяя, что высокий) отмечен только в науке. На религиозные дела он не распространяется. Автор надеется на то, что научная молодежь поверит ему потому, что верит в индекс Хирша. А ведь это надежда на ловкость рук. Так академик Фоменко считает, что его книгам по истории все должны верить, потому что он академик по математике. Академик Рыбаков считал, что все поверят его языковедческим фокусам, коль скоро он академик по археологии. Задорнов считает, что надо верить его патриотическому языкознанию, коль скоро он популярен как юморист. Не выносил бы я название хирш-фактора в название статьи.

«Режимы приходят и уходят, а Иисус Христос и вчера, и сегодня, и вовеки Тот же». Не тот же. Иисус, который вел крестоносцев на завоевание своего гроба и являлся массам, сжигавшим еретиков (а массы подчас были более истовы, чем инквизиторы), – это не тот же Христос, которому молились Швейцер и мать Тереза.

«Соловьев разделял „теоретических атеистов“ (в этическом смысле нейтральных) и „практических атеистов“, когда человек живет по принципу „моя жизнь – это моя, и только моя“. Вот практических атеистов я видел, это очень страшно выглядит». Мне повезло: таких я не встречал. Зато я видел множество православных верующих, живущих по очень практичному принципу: «всякий грех можно замолить, умилостивить бога крупными пожертвованиями, вкладами в церковь». Это выглядит гораздо страшнее. В свое время это привело католическую церковь к Реформации и расколу. Боюсь, что этого не избежать и православной церкви. Как к этой перспективе относится профессор Кацнельсон из своего утрехтского и теологического далека?

Л.С. Клейн, доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербург

Напечатано в апреле 2012 года. Далее в обсуждении статьи профессора Кацнельсона появился длинный комментарий, над

которым издевались другие комментаторы. Он кончался сомнением в возможности ответа науки на фундаментальные вопросы бытия. В ответ на этот комментарий я написал:

Как мне представляется, словоизвержение Г. – не только повод для забавы (еще один *freak*), но и предмет для анализа.

К тем вопросам, которые я приводил как стимулы для возникновения религии (как быть, если умирают близкие, а я не хочу, чтоб они уходили насовсем? как примириться с перспективой моей собственной смерти и распада на молекулы и атомы? как принять за небывшие те события, которые я видел во сне? и так далее), у Г. добавляются разные другие:

«Как такое изменение обмена веществ может влиять на сам организм человека и его действия?» И уже собственно о религии: «Что это за информационное поле? Какими свойствами оно обладает? Как в нем происходит накопление информации? Как это поле может влиять на эволюцию человечества? Не из этого ли информационного поля люди сотни или даже тысячелетия назад, не имея науки как таковой или имея ее на зачаточном уровне, получали из этого информационного поля всю необходимую им информацию для выживания?»

Сон – «Что это за информационное поле?» Фантастический мир литераторов – «Как в нем происходит накопление информации?» Выдумки мошенников – «Как это поле может влиять на эволюцию человечества?» Если бы человечество из подобных полей получало «всю информацию, необходимую для выживания», то оно бы погибло, а если бы случайно выжило, то наука не появилась бы.

И главный вопрос:

«Что делать, если у фундаментальной науки нет ответов на поставленные вопросы?» Г. кажется, что ответ напрашивается сам собой: обратиться к «информационному полю» религии для обмена информацией с биосферой «минуя сознание человека». Все звучит очень наукообразно – даже бог не упомянут.

У меня есть другой ответ. Во-первых, посмотреть, правомерны ли поставленные вопросы. Есть много вопросов, которые глупо задавать. Во-вторых, подождать и поработать. На все вопросы сразу наука не может и не должна отвечать. Мир познается поэтапно.

К «информационному полю» религии обращаются люди слабые, нетерпеливые или невежественные. Как это уживается с хирш-фактором? Видимо, хирш-фактор не гарантирует от впадения в мистику («мистический опыт»), транс или экстаз, когда рассудок частично отключается. На таких людей религия действует, как музыка. Только не на час, а на всю жизнь.

Г. продолжил дискуссию. Мой ответ на продолжение:

Дорогой Г.!

У Вас начинает появляться какое-то понимание простейших истин. Но, увы, тут же исчезает. О верующих и атеистах Вы пишете:

«Забавно наблюдать за теми и другими. Одни других убеждают, что Бога нет и наоборот. При этом ни те, ни эти друг другу ничего не доказали, но обе стороны считают, что именно они последняя инстанция до истины. У меня складывается именно такое впечатление, но, может быть, я и ошибаюсь».

Несомненно, ошибаетесь. Атеисты и не должны доказывать, что бога нет. Это апологеты веры должны доказать, что бог есть. Потому что бремя доказательства лежит на утверждающем, а не на отвергающем. Элементарная логика. И хоть лопни, а другого пути решения спора нет. Стало быть, если ни одна сторона не представила доказательств, то мы вправе заключить, что не права только одна сторона – сторона утверждавшая, что бог есть, сторона религии.

Пришлось отвечать еще одному комментатору (суть его возражений ясна из ответа):

1. «В религии нет того, что ей приписывается – нет страха из-за потери близких людей, нет веры из-за страха вообще. И страха как такового нет». Совершенно верно. Ради этого (избавление от страха и т. п.) к религии и обращаются те, кто этих страхов не может перенести. Для этого религия и изобретена.

2. «Касательно разности Иисуса – конечно, Иисус один и тот же, разница в его восприятии, в личном восприятии его человеком или группой людей. Зачем передергивать то, что очевидно???» Иисус в современной реальности не существует. Существует только его образ. А он у разных людей совершенно различен. В моем представлении Иисус – это один из многочисленных иудейских пророков, казненный римлянами и ставший легендарным для своих последователей. Все чудеса, с ним связанные и записанные через несколько веков после его казни, для меня байки. Именем его потом творилось много добра и много зла. Для Вас, очевидно, это совершенно иной образ. Человек был один. Но только человек. А Кацнельсон имел в виду не это, а именно образ. «Понятно, что наличие Иисуса не говорит, что он априори богочеловек и что в него нужно верить и убивать за его имя». Вот с этим согласен.

3. «Совершенно неясно также, почему только верующий должен доказывать, что бога нет. Опровергающий равно должен приводить обоснования своих опровержений, иначе спор беспредметен». – Только верующий должен доказывать, что бог

есть, а не что бога нет! (У Вас ошибка в формулировке.)

Но я же изложил суть дела, Вы, видимо, невнимательно читали. Всякий спор должен соблюдать правила логики, иначе он становится действительно беспредметным. А правило логики гласит, что бремя доказательства лежит на утверждающем, а не на отвергающем. Это значит, что в споре неверующий не должен доказывать, что бога нет. Это адепт веры должен доказывать, что бог есть, и, если он не сможет этого доказать, то принимается вывод, что бога нет. Неверующему остается только опровергать доказательства адепта веры, а самому ему доказывать ничего не нужно.

Значит ли это, что всякому верующему нужно что-то доказывать? Вовсе нет. Это нужно только в том случае, если он хочет кого-то убедить в правоте своей веры. А если его вера для него в доказательствах не нуждается (иначе это не была бы вера), то и доказывать ничего не нужно. Вера и рассудок (здравый смысл) не уживаются. Верить можно в видения, откровение, чудеса и прочую мистику, а здравый смысл подсказывает, что это иллюзии.

Надеюсь, я ясно изложил суть дела.

Мой оппонент поблагодарил за разъяснение, но остался при убеждении, что религия – это реальность, ее нужно изучать, и искать ее смысл и справедливость, а рассудок не уживается только с маниакальными проявлениями религии. Я ответил:

Что религия реальна – несомненно. Она существует. Что она изобретена человечеством – также несомненно. Что наука есть реальность и изобретена – тоже верно. Что ее нужно изучать, также никто не сомневается. Вопрос не в этом. А в том, что составляет их содержание. Содержание науки – способы адекватного изучения действительности через добывание фактов, их проверку и построение на этой основе теорий, позволяющих лучше справляться с действительностью. Содержание религии – изобретение вымышленных сил, антропоморфных и всемогущих, на которые человек уповает в попытках справиться с действительностью и самим собой. Я говорю «вымышленных», потому что никакими достоверными средствами они не проверяемы и недоказуемы. Все их проявления – мистика, сугубо индивидуальные переживания. Каждая религия не верит в богов другой. Фактически все верующие – атеисты: они делают исключение из своих атеистических убеждений только для своего бога. А стоит ли делать для него поблажки? За ним нет ничего, кроме локальной традиции.

1 апреля – 16 мая 201

4. Божество и убожество

Наука и техника так перестроили нашу жизнь, что в современном мире все подстраивается под науку, а что не научно, то теряет право на существование. Нобелевскому лауреату Фейнману пришлось напоминать слушателям, что любовь – тоже не наука. И даже извечный противник науки, религия, рядится под науку. Настоятели монастырей вспоминают, что университеты когда-то выделились из духовных школ, хотя с самого начала университеты составили медики и юристы, и это были светские учреждения изначально. Теологи хотят получать докторские степени, равные ученым степеням, хотя в принципе ученые степени даются за позитивные научные достижения, а какие здесь достижения у теологов? Чтобы постигать Бога, теология как наука не требуется. Насколько Бог вообще постижим, он доступен и неграмотным. Теология – всего лишь толкование и упорядочение святых текстов, раньше только на основе схоластики, теперь – с привлечением философских осмыслений. Библейская критика – другое дело, но это не теология, а ее противоположность. РПЦ рвется в школу, чтобы православие преподавалось как правописание и Закон Божий усваивали как арифметику.

А профессиональные защитники веры неустанно пытаются представить ширящийся атеизм как всего лишь разновидность веры. Одни народы веруют в божественную Троицу, другие в Аллаха и его пророка Магомета, иные в Яхве, а вот атеисты верят в отсутствие бога – так сказать, в нулевого бога, в антибога. Не в дьявола (это наветы уж совсем для малограмотных), а именно в антибога и антидьявола. Они отрицают обоих с той же страстью, с которой православные активисты отстаивают их существование. Вроде бы спор конкурирующих конфессий.

Вот с этим аргументом я намерен разобраться.

Атеизм можно приравнять к различным конфессиям только в одном плане – если конфессией считать *отношение* к религии и объединять в этом статусе всех по этому признаку. Тогда отвергающие религию составят конфессию и должны пользоваться всеми правами, которыми пользуются конфессии. К сожалению, у нас атеисты, составляя значительную часть общества (как я погляжу, по сути, большинство), не пользуются теми правами, которыми пользуются верующие, не имеют своих представителей в соответствующих органах, не владеют столь же развернутой сетью своих зданий для собраний, не имеют штата своих организаторов и проповедников. Где у нас «храмы

атеизма»? Где атеистический «клир»? Где «патриархи безбожия» и их «митрополиты» и «епископы»? Где рядовые Просветители – нечто вроде сельских «батюшек» и «матушек», хотя бы проповедующих агностицизм? Где такие же «муллы» и «раввины»?

Если же конфессией, как у нас и происходит, считать объединение верующих, практикующих определенную религиозную систему, в отличие от других верующих, придерживающихся другой религиозной системы, то среди конфессий места для атеистов не остается.

Но это план организационный. Почему же в содержательном плане нельзя приравнять атеизм к религии? Да потому, во-первых, что религия состоит всегда из системы взглядов, содержащих наглядные противоречия с очевидными простыми истинами, с элементарным жизненным опытом каждого человека. Это *сверхъестественные* существа (бог, дьявол, ангелы, черти), *невероятные* чудеса (непорочное зачатие, воскрешение из мертвых, хождение по морю и так далее), нарушения установленных наукой непреложных законов. Основываться надлежит на вере в то, что противоречит разуму. «Верую, ибо абсурдно». Ничего этого атеизм не требует. Он основывается только на опыте и разуме. В этом принципиальное отличие атеизма от религии.

Во-вторых, бремя доказательства лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает. Это общее правило логики, вполне понятное всем. Ведь чтобы доказать, что среди какой-то народности есть рыжие, достаточно привести подходящего человека этой народности и показать цвет его волос, а чтобы доказать, что среди нее нет рыжих, нужно перебрать многих людей и проверить цвет их волос, задача становится значительно более громоздкой. Если же вдобавок нужно доказывать, что отсутствует некто невидимый и непознаваемый, то задача становится невыполнимой принципиально. Поэтому требовать доказательств от атеистов неправомерно. Их постулат принимается за истину изначально и без доказательств. Доказывать должны те, кто утверждает наличие – бога ли, дьявола ли, ангелов ли или бессмертной души.

Доказательства же, как правило, косвенные, потому что прямых нет. А косвенные, даже столь умного философа, как Кант, давно опровергнуты, что с ехидством заметил булгаковский Воланд. Они схоластичны.

Самое популярное – то, которые приводили ксендзы Остапу у Ильфа и Петрова: если не Бог, то кто же тогда создал это все – весь мир, всю вселенную? Исходят эти аргументы из того, что у созданного непременно должен быть Создатель. На это есть

убийственный встречный вопрос (упущенный Остапом): а кто создал Создателя? А его никто. Значит, возможно, чтобы возникло нечто без Создателя? Тогда зачем он нужен и чем мотивируется его введение?

В-третьих, у религии и атеизма принципиальные различия в отношении к сакральному, святому. Целый ряд религиозных догм объявлен святыми, то есть настолько дорогими и ценными, что они неприкосновенны. Это означает, что они полностью освобождены от критики и пересмотра. То есть какое-то развитие и усовершенствование невозможно, рассматривается как ересь и в недавнем прошлом жестоко каралось. Шли религиозные войны. Да и сейчас религиозными фанатиками проливаются реки крови за то, что они рассматривают как оскорбление их святынь. Изменение возможно лишь как смена религиозных систем, опять же обычно кровавая. Атеизм совершенно не признает такого отношения к святыням.

Это не значит, что у атеистов нет ничего святого. Святое, как сверхценное, есть и у атеистов. Но это не связано с догмами и сакральными идеологиями, это скорее ценности из сферы морали, этики, памяти и социальных отношений. Их не надо ни доказывать, ни опровергать, они прививаются воспитанием – как привычки. Возможен юмор, возможны карикатуры и на ценности, возможны критика и самокритика.

Американские социологи из Калифорнийского университета (Беркли) провели недавно исследования, в которых объективным анализом выяснили, что атеисты обычно более человечны, чем христиане[9], хотя милосердие и гуманизм входят в догматику христианских религий («Раздай свое имущество бедным» и «подставь вторую щеку»). Но, оказывается, если милосерден христианин, то это его религия заставляет, а все, что из-под палки, неискренне и немило сердцу. Когда жертвует иной верующий, то им движет не столько сочувствие к далекому «ближнему», сколько страх перед богом, желание его подкупить. Такому верующему все равно, кому и на что пойдет его жертва. Вот и прикармливают на папертях сонмы профессиональных нищих, паразитов и дармоедов. Если же милосерден атеист, то не по наказу Бога (весьма, кстати, немилосердного), а сам – это его природа, его привычный образ жизни. Если вам придется прибегнуть к милосердию, кого из них предпочтете?

В «Новой криминологии» Макс Шлап и Эдвард Смит почти сто лет назад писали, что вот уже два поколения криминологов знают странную статистику: атеисты, которые в обществе все больше теснят верующих, в тюрьмах составляют всего одну десятую процента заключенных[10]. Не так давно другой

американец Калин Рингквист приводил такие цифры: христиан в США – 75 % населения, атеистов – 10 %, а в тюрьмах атеистов всего – 0,2 % (по отчету Федерального бюро тюрем за 1997 год). Он приводит 22 причины, по которым христианская мораль *не реализуется в поведении верующих христиан*. Тут и навык все списывать на изволение божье, и возможность замолить грехи или откупиться жертвами церкви и прочее. Перевод его статьи на портале Newsland.ru носит провоцирующее название «22 способа, которыми религия способствует преступности», но это явный перехлест[11]. Моя формулировка мне представляется более корректной.

Мне возразят, что есть и противоположные исследования, показывающие, что религиозная сплоченность дает людям преимущество в выживании. Верно, дает. Но что его дает – религия или сплоченность? Церковь побуждает к жертвам (да и сама живет за их счет). Но львиную долю жертв богатеев (во искупление грехов) направляют, по крайней мере у нас, на обогащение церкви и ее верхушки, и так богатой сверх меры.

Наконец, в-четвертых, разное отношение к науке и технике. Религия в лице организованной касты жрецов – церкви – в той или иной мере готова пользоваться плодами науки и техники (мерседесы, брегеты, компьютеры, новейшие лекарства вместо молитвы), но то и дело вводит ограничения и запреты (не вмешиваться в божий промысел!), ныне, конечно, менее значительные, чем прежде. И в религии, и в науке люди неизбежно допускали ошибки. Но судьба их была разной. Ошибки науки исправлялись самой наукой, для этого у науки есть отработанный аппарат проверки, в наличии которого суть научности. Ошибки религии не заменялись положениями самой религии, это принципиально невозможно (Библию не перепишешь), у религии нет для этого специального проверочного аппарата. Ошибочные положения религии выявлялись наукой и заменялись положениями, заимствованными у науки (система Птолемея – система Коперника). На протяжении долгого спора религии с наукой религия все время отступала, а наука наступала.

Атеизм же весь построен на достижениях науки и техники. Он органично с ними связан и неизбежно будет с ростом науки и образования укрепляться и расширяться. Научная истина для ученого, пусть и атеистического, – это божество; ученая степень налагает священные обязанности – как сан, научно-исследовательская деятельность – это служение не менее святое, чем церковное, мы все время говорим о Храме Науки, и это для нас не пустые слова. Нужно добиться, чтобы не было запустения

Храма Науки, чтобы все в этом храме были достойны сана ученых, необходимо изгнать оттуда нечестивых, лишь имитирующих науку. Да, сравнение научного атеизма с конфессией возможно, но лишь как фигуральное выражение – с учетом того, что́ для ученых божество и что́ – убожество.

Написано в июле 2012, не публиковалось

5. Дурные числа и златые горы

Не везет мне с начинающими издателями. Они хватаются за перспективу издать мои книги, но потом что-то нехорошее срабатывает – чик! И книга срывается с производственного потока.

Один молодой издатель долго уговаривал меня пойти ему навстречу и написать сенсационную научно-популярную книгу, сулил мне золотые горы. И себе, разумеется. В золотые горы я, умудренный возрастом и опытом, не верил, но энтузиазм меня заразил, и я начал писать книгу. Но вскоре молодой энтузиаст утратил к ней интерес. Он решил написать еще более сенсационную книгу сам. И написал – смесь детектива с мистикой. Сменил свою фамилию на более, как ему казалось, звучную, продал квартиру и машину, на эти деньги издал свою книгу большим тиражом. В черной обложке и с колоссальным названием на ней: «666»!

Для своей книги я нашел более скромного и делового издателя, а энтузиаст золотых гор застрял со своим тиражом. Большинство продавцов его книгу не брали, а те немногие, кто брал, не могли продать. Он жаловался на их неумение, на нерадивость и незаинтересованность. Отправился со своими книгами на окраину города в Дом культуры им. Крупской – там в Питере продают книги сами издатели, без магазинной торговой наценки, по дешевке. Зазывал людей, размахивая цифрой 666. Никто к нему не подходил. За неделю продал два экземпляра. Оставил надежду и думает, как бы расплатиться со складом, где хранится тираж. Ни писателя, ни издателя из него не вышло. Остается переквалифицироваться в управдомы. Ну, он переквалифицировался не в управдома, а в бухгалтера.

Конечно, в его злоключениях виновато не только черное число 666. Подвела самонадеянность, авантюризм. Не рассчитал и не угадал спроса, плохо оформил обложку, не сумел организовать рекламу. Да, видимо, и неважно написал. Но, несомненно, сказалось и число 666, которое считается у многих суеверных людей нехорошим, дьявольским. Ну не нужна читателям такая книга.

Кстати, это суеверие разделяют с малообразованными людьми и вполне начитанные верующие и даже священники. И это лучше всего показывает, что суеверия от верований не отличаются ничем, кроме того что они не признаны официальным вероучением. Основа у них одна – вера в необъяснимые (рационально и научно) силы и свойства некоторых вещей,

явлений и символов. Проверьте эти вещи и символы объективно, под наблюдением, и окажется, что никаких сверхъестественных свойств и сил у них нет.

Это как с самовозгорающимся на Пасху Благодатным огнем в церкви Воскресения Господня в Иерусалиме. За право первыми прикоснуться к этому огню яростно дерутся над Гробом Господним посланцы разных версий христианства. Его разносят во все концы, отправляют на самолетах, христиане верят, что он возгорается сам собой. Но дотошные киношники сняли за иконой скрытую дверцу, а за ней ту постоянно поддерживаемую служителями в горящем состоянии лампаду, от которой он и зажигается. Запротоколированы признания иерархов церкви, участвующих в этой регулярной инсценировке.

Как и почему сложились поверья, что такие свойства и силы есть, – это другой вопрос, часто вполне объяснимый, иногда теряющийся во тьме времен. Но поверья действуют. Одни официально признаны той или иной крупной религией – как мощи святых, сотворенные ими чудеса, иконы, святая вода, крест, кошерная или некошерная пища, ежедневные воззвания к аллаху, Яхве, Саваофу, Христу, Богородице. Другие остались за бортом оснащенных кораблей могущественных религий – эти и зовутся суевериями: перебежавшая дорогу черная кошка; число 13; необходимость трижды плюнуть через плечо при упоминании чего-то хорошего, чтобы не сглазить; постучать по дереву; 12 слоников для счастья; просыпанная соль… и бездна других. Еще и новые появились – Год Свиньи, Год Крысы и так далее, заимствованные из восточных календарей. Для одних – занятное экзотичное баловство, для других, глядишь, и новое суеверие!

А чего стоит ежедневная эксплуатация веры в гороскопы, в рождение под определенным созвездием. Даже книги по радио стали советовать читать в зависимости от Вашего знака зодиака – Ракам одни книги, Козерогам – другие, Стрельцам – третьи. Может, и мне стоило бы писать книги только для Водолеев или только для Скорпионов? А чем они различаются? Кстати, по христианскому учению ведь это суеверие, то есть грех!

Я атеист, не верю ни в бога, ни в черта, ни в чудеса, ни в непорочное зачатие. (Ну какой муж поверит жене, что ей было явление и она понесла? А если такой и найдется, то я только посмеюсь над ним про себя.) Не придерживаюсь и суеверий. Да ведь и многие не придерживаются. У моих знакомых живут дома красивые черные кошки – сколько раз перебегают дорогу хозяевам и ничего страшного не случается. А если и случится, то только дурак обвинит в этом несчастное животное. Живут на улицах в домах номер 13 и в квартирах номер 13. Хотел бы я

посмотреть на того, кто бы в наших условиях отказался поселиться в такой квартире, получив ордер! А ведь в Америке на улицах отсутствуют такие дома – пропущены!

Но вот что любопытно. Большинством ученых вера отвергается с ходу, а суеверия еще более кардинально осуждаются. Это ведь смешно и унизительно поддаваться суевериям, не правда ли? Но это сознательно и декларативно. А в подсознании суеверия живут значительно более цепко, чем религиозные верования. Я нет-нет да и ловлю себя на том, что и сам невольно и незаметно для себя отдаю им дань.

Посчитайте-ка главы крупных книг или тезисы и найдите там 13 глав или тезисов! Ручаюсь, не найдете или найдете чрезвычайно редко. Будет 10, 11, будет и 14, но не 13! Число это кажется нам некрасивым, не подходящим для завершения книги. То ли дело красивое число 12! Если у кого-либо произошла крупная неудача в некий день, скорее всего, он будет избегать это число и в дальнейшем для аналогичной работы. Настроения нет. Вроде бы не суеверие, а очень близко.

Нет ничего вечного под луной. Империи распадаются, сходят со сцены и религии. Некогда в Египте верховодили могущественные жрецы божеств Ра, Амона и Изиды, в Средиземноморье процветали религии греков и римлян – стояли храмы Зевсу, Юпитеру, другим богам. В Персии был силен маздаизм. Где они? Если придет день, когда нынешние религии истратят свои силы, а церкви, синагоги и мечети закроются, мне кажется, новые религии образуются из нынешних суеверий. Они так приблизились к захвату позиций – рекламируются в газетах и по радио, бессознательно принимаются многими людьми, стоит только какому-нибудь пророку придать разрозненным обычаям системность и статус обязательности. И вот уже 13 изгнано из ряда чисел, организована охота Шариковых на черных кошек, а люди разделены по знакам Зодиака на 12 каст…

Антиутопия? К сожалению, антиутопии (в отличие от утопий) имеют обыкновение сбываться.

№ 13 (839), 30 сентября 2008

6. Икона И. Кона

В этом году (заметка написана в 2008 году) Игорю Семеновичу Кону исполнилось 80 лет, и я могу поздравить младшего коллегу с достижением этого трудного рубежа. Перечислять его достижения и титулы незачем: в нашей стране Кона знают все. Одни его читают и благоговейно почитают, другие читают и высмеивают, третьи читают и негодуют. Но читают. Я знаю Игоря уже более полувека – со времени его учебы в Ленинградском университете. Помню и первые годы его преподавания там, когда я видел студентов, спешивших в аудиторию с дополнительными стульями в руках. Я тогда говорил Кону: «Это уже становится опасным». Он отвечал: «Все, что я говорю на лекции, можно при любом правительстве выйти и кричать на площади». Кон не выходил и не кричал. Но почему-то его тихий голос вызывал бури эмоций.

Однако знание и понимание – разные вещи. Недавно я встретил молодого человека, который говорил: «Почему Кон конфликтует с православной церковью? Ведь они ратуют за одно и то же. Кон – за здоровый образ жизни и за здоровье нации, и РПЦ печется о том же. Кон отстаивает толерантность, и РПЦ – за милосердие и терпимость. Он отвергает сексуальный разгул – и церковь учит тому же. У меня есть верующие друзья, они живут благочинно по заветам веры и советам Кона».

Конечно, все можно совместить. Если уж воинствующие безбожники коммунисты всем скопом побратались с православием (совсем по предсказаниям Войновича в антиутопии «Москва 2042»), то превратить И. Кона в и-кону сам бог велел! Тем более что Кон никогда не выступал ни против библейского бога, ни против двуглавого (или четырехглавого?) марксистского бога.

Но для себя я попытался сформулировать, в чем расхождения И. Кона с идеологами РПЦ и консерваторами-националистами.

1. Христианская религия, как и некоторые другие религии (не все), считает половые сношения первородным грехом. Она учит, что этот вынужденный грех терпим только ради деторождения, если же ЭТО совершается ради наслаждения, то уж тут грех в чистом виде. Как ни странно, в старости это убеждение разделял и богоотступник (преданный анафеме) Лев Толстой. Для церкви идеальное поведение – это монашество.

Кон же исходит из того, что секс – это необходимая и неизбежная часть жизни нормального здорового человека, особенно молодого человека, источник радости и чувства

полноты жизни. Если бы все последовали монашескому идеалу, то человечество просто вымерло бы. Скопчество – это патология, а монашество – это духовное скопчество.

2. Половые сношения вне брака, а особенно до брака, христианская церковь решительно осуждает.

Кон же признает реальность: такие сношения всегда существовали. Возможно, институт пробных браков и имеет резоны. Во всяком случае, на практике он осуществляется и нередко приносит полезные плоды. В некоторых религиях он признан.

3. Церковь решительно выступает против применения любых противозачаточных средств и против планирования семьи. Все клерикалы против – от хасидов до староверов и от патриарха до папы. Идеологи РПЦ считают, что нужно предоставить все естественному ходу вещей, как он запланирован высшими силами, и высший разум сам рассудит, сколько детей завести семье, а воздержание от половых связей само обезопасит верующих от эпидемий.

Кон же полагает, что в эпоху пандемии СПИДа запрет на использование презервативов обрек бы народ на вымирание. Кроме того, планирование семьи в наше время – необходимость, в одних странах – из-за ограниченности семейных средств (ведь хочется же дать детям достойное воспитание и образование), в других – из-за перенаселенности (Китай).

4. Церковь ожесточенно выступает против полового просвещения подростков. Они должны возрастать невинными и целомудренными. Придет время – сами все, что нужно, узнают.

Кон выступает решительно за половое просвещение с детского возраста. Иначе «все, что нужно» дети узнают во дворе от наиболее хулиганистых товарищей – и совсем не в желательном для взрослых виде. А к возрасту полового созревания, когда природа толкает организм к познанию полового вопроса, подросток приходит без нужных знаний или с искаженными сведениями.

5. Церковь (и не только христианская) выступает с решительным осуждением нетрадиционной сексуальной ориентации. Она считает это грехом, развратом, злым умыслом, подлежащим искоренению. В лучшем случае – исцелению силой духовного убеждения.

Кон, как и вся мировая наука, считает гомосексуальность природным вариантом поведения, всегда и везде составлявшим меньшинство популяции. Переделывать гомосексуала столь же бесполезно, как перевоспитывать левшу или дальтоника, а подозрения в особой агрессивности гомосексуалов беспочвенны.

Для людей с гетеросексуальными предпочтениями гомосексуализм не заразен – так же как гетеросексуальная норма не заражает гомосексуалов. Кон призывает к толерантности.

6. РПЦ и особенно националисты-консерваторы убеждены, что русские национальные традиции заключаются в особой целомудренности народа, в незнании таких извращений, как гомосексуализм и т. п., что все это – западное влияние.

Кон же хорошо знает историю и с фактами в руках (в том числе из истории церковных поучений) доказывает, что Россия отличалась от Западной Европы как раз большей сексуальной свободой и терпимостью. В России никогда не было казней гомосексуалов, тогда как в Англии и Франции их пытали и казнили публично вплоть до XIX века! Иностранные путешественники изумлялись тому, что в России на сексуальные отклонения смотрят как на простые проказы. А русский мат говорит о том, что в России знали многое и давно.

Вот таковы разногласия. Надеюсь, что я правильно изложил взгляды обеих сторон. Если я в чем-то ошибся, меня поправят – как И.С. Кон, так и идеологи православия и консерватизма.

Когда же я пытаюсь спроецировать это противостояние на народное восприятие, то, по моим наблюдениям, дело обстоит так. По первым трем пунктам народ в массе признает справедливость взглядов Кона. Если не в теории, то на практике. По четвертому пункту (о половом просвещении) существует разделение. Интеллигенция в какой-то части следует Кону, молодежь в большинстве его одобряет, многие же родители, особенно малообразованные, скорее готовы согласиться с церковной позицией. Я думаю, что дело здесь прежде всего в том, что еще не найдены разумные формы полового просвещения. Мне кажется, что в целом вряд ли оно может успешно осуществляться в школе. Скорее здесь нужно уповать на медицинские учреждения.

Что же до пятого пункта (вопрос о сексуальной ориентации), то здесь массовое сознание пока еще не приемлет Кона. Однако и здесь намечаются сдвиги: чем моложе поколение, тем больше процент толерантности к нетрадиционной ориентации. Ну а шестой пункт (о русских традициях), то тут ведь дело просто в знании фактов. А знать вовсе не означает признать. Ну, не хотят признавать неприятные им факты консерваторы-националисты, что тут поделаешь.

Если факты не удается опровергнуть, то выход – просто отругать Кона. И с национальностью у него непорядок, и в Америку ездил (вот откуда набрался!), и сам, наверное, любит не тех и не так…

«Икона» в переводе с греческого означает «изображение». Кон видит реальность так. И так изображает. Старается изображать честно и объективно, хотя это и противоречит в чем-то доминирующей религии, а в чем-то и массовому сознанию. По крайней мере, его можно уважать за мужество.

№ 1 (20), 6 января 2009

7. Одинокий воитель

Вот и Кон ушел. Навеки умолк его тихий голос, который слышала вся страна. Закрылись его умные и печальные глаза. Окончились «восемьдесят лет одиночества» (это название его мемуаров). Друзей у него было много (как и врагов). Но он имел основания чувствовать себя одиноким в своей жизненной борьбе: рядом встать было некому.

Мы были приятелями с его аспирантских лет, более полувека. Сначала его друзья знали, что он – многообещающий философ, потом – что историк философии, затем на первый план выступил социолог, позже он оказался психологом, потом проявились его другие ипостаси – то ли культур-антрополог, то ли сексолог. И наконец, стало ясно, что Кон – это ЯВЛЕНИЕ советской, а затем российской общественной и культурной жизни.

Он знал европейские языки, имел международное признание, не раз преподавал подолгу в Америке, был почетным профессором Корнельского университета, и многие удивлялись, почему он не уезжает из страны, где его не слушают и нередко попросту травят. Каждый раз возвращается. А вот именно потому. Он понимал свое место, которое занять некому, и свою миссию – как призвание. Его место было именно здесь, и уезжать ему было нельзя.

Как исследователь он не сделал принципиальных новых открытий. Все, чему он учил, в мировой науке открыто давно. Но это не делает его истины более приемлемыми у нас. Роль Игоря Кона была в другом. Он ставил новые проблемы для отечественной науки (открывал закрытые проблемы – гендер, секс, воспитание личности, свобода совести, гражданские права), прорабатывал колоссальный объем материала, двигался к истине и далее отстаивал эту истину с принципиальностью и несгибаемостью. В условиях нашей страны, с ее причудливой смесью марксистских догм и средневекового клерикализма, коррумпированной науки и суеверий, для этого требовались огромные знания, постоянный труд и мужество.

Когда исчезает одинокий воитель, что позволяет не впасть в отчаяние? Только надежда, что свято место пусто не бывает. Что откуда-то явятся новые Коны вопреки всем мерам подавления мысли и заклинаниям святош.

Опубликовано на интернет-портале Полит. ру, 2 мая 2011

8. Популярно о Библии

Друзья принесли мне в подарок новую книгу Александра Никонова – «Опиум для народа», изданную совместно издательствами «НЦ ЭЕАС» и «Питер» в 2009 году. Я люблю книги этого журналиста, читаю их всегда с удовольствием и считаю очень талантливыми и полезными. Знаю, что у ряда специалистов книги его вызывают много нареканий (особенно «Судьба цивилизатора»). Это понятно: книги Никонова всегда на злобу дня, полемичны, не политкорректны, с эпатирующими выпадами, иногда с перехлестами. Бывают и прямые ошибки – как без них? Ведь Никонов берется за темы, не являющиеся его прямой специальностью, он должен разбираться на ходу, прорабатывая научную литературу, беседуя со специалистами. Популяризации каждой из этих тем можно посвятить всю жизнь. А у него их десятки (книг, а не жизней).

Книга отчетливо атеистическая. Я вполне разделяю общую атеистическую позицию Никонова. Я не агностик – агностики допускают, что, возможно, есть там некая высшая сознательная сила, управляющая миром, только мы ее не знаем. Я придерживаюсь правил науки: возможное – беспредельно, с таким же успехом можно предположить, что миром руководит Великий Крокодил, или Властительная Вошь, или Священная Реникса («Чепуха», прочитанная Китайгородским как бы с латыни). Ну а пока эти гипотезы не только не доказаны, но и на их выдвижение нет оснований, нужно исходить из того, что этого явления не было и нет.

Я атеист – ни в каких богов не верю. Атеистом был мой отец, врач. Атеистом был мой дед, в молодости рабочий, к концу жизни фабрикант. К искренне верующим я отношусь с сочувствием, как относятся к не вполне здоровым или не вполне трезвым людям (да простят они мне мою искренность – иначе не могу). К священникам отношусь так, как относятся к людям, устроившимся на не очень достойную работу – например, рекламировать сигареты или водку. Ну, так сложилась жизнь. В остальном это могут быть интересные, культурные люди. Могут, конечно, быть и мошенники, карьеристы и развратники (которых из поповской среды избирательно вытаскивает на свет божий Никонов – но таких немало и среди атеистов).

Я с возмущением наблюдал демонстрации мусульманских бесноватых по поводу невинных датских шаржей на пророка. С какой стати эти беснующиеся в чалмах имеют наглость предписывать, как люди в далекой Дании должны относиться к

древнему арабскому торговцу, которого магометане чтят как пророка? А те из этих ревнителей пророка Магомета, которых пустили жить в Западной Европе, должны считаться с европейскими свободными нравами. Не нравится – скатертью дорога, уезжайте. С такой же презрительной иронией отношусь я к демонстрациям ортодоксальных иудейских идиотов в Израиле против работы автостоянок в субботу (не принимаю и вежливо-сакрального законодательного запрета во Франции сомневаться в Холокосте). К беснованиям православных святош с иконами у музея Сахарова по поводу антирелигиозной выставки отношусь точно так же. К тому же, как следует из процесса, идущего сейчас над организаторами этой выставки, многие из тех, кто пришел свидетельствовать о том, какой ущерб выставка нанесла их религиозным чувствам, на выставке даже не были, говорят о ней с чужих слов, то есть позволяют себе лжесвидетельствовать (что запрещено в той же Библии). Не нравится – не посещайте (наказывайте деньгами). Но не мешайте посещать тем, кому нравится.

Книга Никонова нужна и своевременна, потому что в нашем светском по Конституции государстве обнаружились отступления от Конституции, явный поворот в сторону ширящегося воздействия церкви на все и вся. На главных каналах телевидения в праздничные дни передаются церковные службы, на которых первые лица государства стоят со свечками. Пусть они стоят со свечками, но передавать-то это на всю страну зачем? (Правда, если не передавать, то и стоять они, возможно, не будут – в народе, не веря в искренность веры, их уже окрестили «подсвечниками.) С благоговением ежегодно перед Пасхой на экране показывается (как реальность!) чудо снисхождения с неба благодатного огня в Иерусалиме, в которое верить могут только младенцы и очень уж простодушные люди (тут же видны и вполне реальные драки священников разных конфессий за право первыми вынести огонь из святилища). РПЦ изо всех сил лезет в школу, под тем или иным соусом протаскивая преподавание «закона божия». Нравственность и духовность отданы на откуп церкви – без всяких оснований (это Никонов показывает).

Частично это отшатывание в религию является реакцией на массовые зверства большевистской революции по отношению к священникам и верующим, на запреты веры, на разрушения храмов. Никонов объясняет эти бесчинства долгим накоплением народного гнева против мздоимства и лицемерия церкви, но зверствам нет оправдания. Частично же религиозный фанатизм (как ортодоксальный, так и сектантский), как это обычно бывает, массы используют как подручное средство выразить свой протест

против режима, против утвердившихся антинародных порядков. Парадоксальным подтверждением этих протестных настроений является соединение прямых наследников большевистских безбожников (ныне не у власти) с православными фанатиками под церковными хоругвями. Прямо по предсказаниям Войновича об отце Звездонии и его приспешных.

При верховной власти есть нечто типа Совета конфессий (в советское время Совет по делам религий при СНК, ныне – Межрелигиозный совет России и совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте), в котором якобы представлено все население страны, придерживающееся главных («традиционных») религий. Я там не представлен. По рождению я еврей, и считается, что меня должен представлять главный раввин Бер Лазар. А с какой стати? Я неверующий. За свои 82 года я ни разу в жизни не был в синагоге и не собираюсь в нее заходить. Вообще я полагаю, что в Совете конфессий не представлено большинство населения страны – неверующие, невоцерквленные. Это особая, так сказать, конфессия, самая многочисленная. Их (наш то есть) голос должен быть самым весомым. А если причислить к неверующим агностиков и тех, кто церквями пользуется только по традиции для семейных торжеств…

Никонов блестяще разделывается с чудесами – в частности и с фокусом самовозгорания благодатного огня (всеми христианскими религиями, кроме православной, уже разоблаченным как фокус), с Туринской плащаницей, с мироточивыми (плачущими) иконами и с прочими чудесами. Очень неплохо смотрится в контексте евангельской истории и «Евангелие от Кирилла», заимствованное у покойного экономиста Кирилла Коликова – гипотетическое и вполне реалистичное (хотя и маловероятное) построение мотивации евангельских событий. Ну, оно и подано лишь как версия.

Как я уже сказал, книги Никонова обычно ярко талантливы, но не свободны от недостатков.

Эта противоречивость свойственна и новой книге. Ее подзаголовок – «Религия как глобальный бизнес-проект» – неточен. В ней речь не о религии вообще (об этом больше говорится в ранней книге «Апгрейд обезьяны»), не об экономической деятельности церкви, а об одной религиозной традиции – «аврамической». Эта традиция объединяет три мировые религии: иудаизм, христианство и ислам. Но содержание труда Никонова даже еще у2же – в основном в нем рассказывается об основополагающей книге этой традиции – Библии, Священном Писании. Никонов рассматривает историю

создания этой книги, опровергая с блеском и юмором ее трактовку как откровения Божии, показывая в ней массу вопиющих противоречий. Автор не поддается нынешнему политическому поветрию при каждом удобном и неудобном случае отвешивать поклоны церкви, писать с оглядкой на обидчивость святош. Он прямо называет глупость глупостью, обман обманом, байки байками, вздор вздором. Книга написана в лучших традициях атеистических произведений просветительской литературы. Но и с их же недостатками.

Неточный прицел начинается с названия. «Опиум для народа» – эта Марксова формулировка еще в дискуссиях 1920-х годов вызвала полемическое примечание одного из отцов церкви: «Опиум – лекарство». Конечно, опиум – лишь обезболивающее и не лучшее лекарство, и уж никак не панацея (опиум все-таки прежде всего наркотик), и в книге есть места, посвященные утешающей и болеутоляющей роли религии, но этих мест мало, и они даны только с издевкой («христианство – религия лузеров»). Это ослабляет разоблачительный пафос книги.

Точно так же ослабляет его и замалчивание позитивных вкладов церкви в просвещение и окультуривание народных масс. Как-никак церкви и монастыри были не только очагами религиозного мракобесия и фанатизма, но и рассадниками грамотности и книжности, часто и центрами искусства и даже отчасти первыми университетами. В одном флаконе, так сказать. Другое дело, что наука рано отделилась от церкви, и надо бы показать, что она противоположна религии. Религия основана на вере, а наука – на недоверии и проверке. Противопоставления науки религиозным догмам в книге нет – и, на мой взгляд, это ее самый слабый пункт.

В связи с этим в книге совершенно не приводится вся история библейской критики – от Спинозы и Астрюка до Вельхаузена и Тиллиха. Между тем, уж коль скоро речь идет о Яхве и Элохим, то именно Астрюк открыл, что эти имена употребляются в разных частях Библии, и вместе с разным именованием бога части эти по-разному рассказывают одни и те же легенды. Астрюк заключил, что эти части были написаны разными авторами, получившими имена Яхвиста и Элохиста. Эта история усилила бы аргументацию Никонова.

Разумеется, в популярной книге большой научный аппарат неуместен, но, учитывая специфику сюжета, какое-то количество основных сносок стоило бы дать – на главные критические труды. И конечно, надо бы дать рекомендательный список для чтения по теме – хотя бы книги Крывелева и Зенона Коссидовского, не говоря уже о классиках жанра – французских просветителях.

Библия представлена в книге Никонова только как сборник еврейского фольклора (с отраженной в нем и добавленной мифологией окрестных народов), как собрание никчемных баек. Между тем Библия – это еще и важнейший (и колоссальный) исторический источник по Древнему Востоку. Масса событий, имен, названий стран и народов дошли до нас через Библию, и многие библейские сведения подтверждаются археологическими раскопками. На этом, кстати, основана книга немецкого апологета Библии Келлера «И все-таки Библия права». В середине XX века он подставил на место обоснования чудес и божественных историй подтверждение географических имен и реальных исторических событий. Они-то были, и в этом смысле Библия права. А изложенные в Библии мифы так и остаются мифами.

Они тоже интересны для науки – по ним изучается древняя религия – дело в сущности антирелигиозное. Видные фольклористы (особенно четко мой учитель профессор Владимир Пропп) проследили, как религиозные мифы, выбывая из реального ритуального контекста, превращаются в волшебные сказки для детей. Мифы и до этой потери религиозной функции явно отражают детство человечества, а то, что у них и сейчас полно адептов – так ведь инфантилизм и сейчас присущ многим взрослым.

Жаль, что в книге не упомянуты апокрифические Евангелия – то есть не вошедшие в четверку отобранных и канонических, как не упомянуты вообще апокрифические части Библии.

Но книге суждена долгая жизнь. Ее будут читать и перечитывать, для забавы и всерьез, глазами сочувствующими и враждебными, и автор еще успеет внести в нее дополнения, улучшить, усовершенствовать – проделать апгрейд.

№ 22 (41), 10 ноября 2009

9. О боге Одине и стеариновой свечке

В следующем номере «ТрВ» был помещен ряд откликов на предыдущую рецензию. Я ответил:

Моя рецензия (весьма, кстати, критическая) на книгу Никонова «Опиум для народа» вызвала залп откликов, вероятно, задев многих за живое. Одни солидаризировались с моими аргументами, другие же посчитали свои чувства оскорбленными. Выставки атеистической направленности они считают кощунственными и недопустимыми, указания на бесчинства религиозных фанатиков – оскорблениями. Именно на этих откликах есть смысл остановиться.

Все они упрекают меня в отсутствии толерантности («надо бы помолчать!», как выразился один из прежних моих оппонентов), хотя сами они не молчат, Христову поучению отнюдь не следуют и, восприняв аргументы как удар, вторую щеку подставлять не собираются.

Доцент филологии из Московского университета Анна Архангельская считает, что вопреки древней пословице из споров рождается не истина, а кровопролития и войны. Она забыла добавить, что слишком часто это были споры религий и войны религиозные. Вообще странно выглядит университетский преподаватель, отстаивающий веру в современные чудеса (снисхождение Благодатного огня, мироточение икон и т. п.), когда даже многие церкви от этих фокусов отказались. Архангельская возмущается гномами, не верящими в сказки, и повторяет призыв Христа «Будьте, как дети». Хорошо было бы человечество, если бы последовало этому призыву буквально! Возможный результат описан в романе Голдинга «Король мух».

Особенно ее возмутило мое замечание, что атеисты могли бы претендовать на участие в совете конфессий (как бы он ни назывался): этим атеизм как бы приравнивается к вере в сверхъестественное. Но дело в том, что это единственные советы, в которых граждане представлены по своему отношению к сверхъестественному и по интересам, связанным с этим. А тут у атеистов несомненно есть свои интересы, и они не защищены.

Заключает свой отклик Архангельская заглавной максимой, что «борцы с верой уходят и приходят», а вера остается. Как раз нет! На протяжении истории мы наблюдаем, как религия постоянно отступает, а наука наступает. Религии пришлось отказаться от многих своих догм. Наука тоже заменяет свои положения – другими научными положениями, а религии приходится заменять – опять же научными положениями. Еще

несколько веков назад подавляющая масса людей были верующими, а ныне в ведущих странах мира большинство составляют агностики и атеисты.

Статья другого филолога, тоже кандидата наук, Дмитрия Бака, проректора РГГУ, повергает в полное недоумение. Отсутствие аргументов этот оппонент заменяет всплеском эмоций и резкостью оценок. Во-первых, он обвиняет меня в нетерпимости, догматизме и даже экстремизме (!). Вот-вот в суд подаст. Атеизм для него – одна из разновидностей религиозных воззрений, а религия – связанность человека со «сверхсущностным началом». Да говорите уж прямо: не «сверхсущностным», а сверхъестественным. И давайте оставим софистические выкрутасы: атеизм – не религиозная догма, а свобода от догм.

Во-вторых, этот ученый отстаивает необходимость сосуществования атеистических и религиозных воззрений: мол, атеистам религия нужна как поле недоумений и притяжения. С такой логикой можно доказывать и необходимость сосуществования химии с алхимией, астрономии с астрологией, науки со лженаукой.

В-третьих, мои взгляды этот оппонент окрестил «наиболее отсталыми, несовременными и давно опровергнутыми… наукой». Он связывает их с «бесовским удвоением сознания» и противопоставляет им «великую книгу» Арона Гуревича, в которой речь идет о боге Одине, «центре мировоззрения человека скандинавского Средневековья»: если этого бога вынуть, все разрушится. Я не стану цитировать письма моего покойного друга Арона Яковлевича, из которых следует, что он был другого мнения о моих взглядах. В конце концов это его личное мнение. Но далее у моего оппонента следует шедевр логики, с которым А.Я. Гуревич ничего общего не имеет: «Если бог Один не существовал, то это не значит, что его нет для того, кто в него верил, а это значит, что он есть». И заключает эту софистику неподражаемый по заносчивой самоуверенности пассаж: «Это дважды два, господин Клейн, что всегда равно четырем, а не стеариновой свечке, как это у вас получается!» Вполне очевидно, что стеариновая свечка получается как раз у проректора, ставит ли он ее богу Одину, «центру мировоззрения человека скандинавского Средневековья» или православному Вседержителю.

Более глубокие возражения выдвинул о. Владимир (он же кандидат богословия и философии Федоров). Прежде чем рассмотреть его содержательные возражения, отмечу те, которые проскользнули в его отклик, видимо, невольно, и не вяжутся с его нацеленностью на серьезный разговор. Это аргументы ad

hominem. Протоиерей мягко напоминает, какой нехороший попался оппонент: не посещал ведь синагогу «несмотря на свои корни». Это вызывает у о. Владимира «грусть и печаль… Ученый-гуманитарий, изучающий древние культуры, ни разу не посетил места культа одной из древнейших мировых религий, стало быть, не имел интереса к религиозной культуре, включая и культуру предков».

У меня есть много причин не бывать в синагоге. Во-первых, еще мой дед в его юности был торжественно *отлучен* от синагоги. Во-вторых, свои *корни* я вижу в России. Мой родной язык русский, я воспитан в русской (хотя и не православной) культуре, и, кем бы меня ни считали русские националисты, я русский еврейского происхождения. Своих далеких биологических *предков* я почитаю, две тысячи лет назад они жили в Палестине, но можете ли Вы, о. Владимир, сказать, где жили Ваши предки две тысячи лет назад и кем они были? Археология этого точно сказать не может. В русский народ влилось много этносов. В-третьих, Библия интересует меня исключительно как богатый исторический источник, а не как инструмент *культа*. Наконец, в наше время *посещение храма* есть символический акт, и именно потому, что я по рождению еврей, посещения как раз синагоги я избегаю, чтобы не вводить людей в заблуждение относительно моей позиции.

Конечно, у о. Владимира поле для подобной аргументации широкое, потому что личных недостатков у меня отыщется еще много, но все же к сути спора это не относится.

Немало осуждающего собрано в отклике о. Владимира об авторе рецензируемой книги Никонове. Вытащено на свет божий его первое крупное произведение с эпатирующим названием «Х… я книга». Лично я мата совершенно не употребляю (за исключением научной или подобной надобности). Но матерными выражениями обильно насыщена бытовая речь множества русских людей, закрывать на это глаза не приходится и популярно написать об этой проблеме – интересная задача. Чем вызвано обилие мата в речи, какова функция этих выражений, какова их история – вопрос, кстати, связанный с сакральными значениями. Обычные слова на наших глазах становятся табуированными. Слово «член» уже становится неприличным, название буквы «хер» стало неприличным раньше, потому что оба заменяют слово из трех букв, которое пишут на заборах. Но и то слово – не исконное: его нет в других индоевропейских и даже славянских языках. Оно, на мой взгляд, заимствовано из древнего финно-угорского субстрата, где означало просто «иглу». Превращение абсолютно такое же, как с английским «prick» – «игла», «шип» и «половой член». «Х…я книга» нравится мне гораздо меньше других книг

Никонова, но все же я должен отметить, что неприличия в ней значительно меньше, чем в книгах некоторых известных современных русских писателей.

Не кажется мне удачным и аргумент о. Владимира, совмещающий две тенденции – реабилитацию советской власти и сталинизма с атеистическими суждениями академика Гинзбурга и профессора Клейна. Аргумент этот крайне неудачен потому, что на деле реабилитация советской власти и сталинизма идет рука об руку как раз с клерикализацией всего и вся в нашей стране, и даже коммунисты нынче поголовно воцерквились.

Перейдем к сущностным возражениям. Отец Владимир отвергает мои аргументы насчет недоказанности гипотезы о верховном существе. Он пишет, что поскольку гипотеза не опровергнута, надо признать ее. Эта логика совершенно не удовлетворяет научным критериям. Есть твердое правило: бремя доказательств лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто опровергает. Пока гипотеза не доказана, явления для нас нет.

Далее мой уважаемый оппонент строит логическую цепочку: законы природы существуют = есть смыслы = есть Бог. Законы природы несомненно существуют, «смыслы» в них вкладываем мы, а существование бога из этого никак не вытекает, потому что бог – это сверхъестественная сила, якобы управляющая миром, а законов природы совершенно достаточно для объяснения всего, что в природе происходит. «Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе!» – помните слова Лапласа Наполеону?

Наконец, о. Владимир пишет: «Можно ли встретить человека, у которого нет ничего святого? А если есть, то и зародыш какой-то пусть языческой религии есть, и культ свой есть». В этом рассуждении налицо незаметная подмена понятий. Под «святым» здесь понимается не религиозная святость и непогрешимость, а просто нечто очень дорогое, некие ценности, принципы. Помилуйте, никакого зародыша религии, то есть веры в сверхъестественные силы, здесь не содержится.

В отклике о. Владимира есть немало рациональных суждений о вреде религиозного фанатизма, об опасности клерикализации, о необходимости диалога – в этом я с ним вполне солидарен. С умным человеком приятно спорить: тон спокойный, рассуждения прозрачны, и если есть ошибки, то их несложно выявить. И можно выделить те идеи, которые приемлемы для обеих сторон.

№ 23 (42), 24 ноября 2009

10. Казус: археология для православных

В литературе последних лет обращают на себя внимание две книги по археологии. Автор один – Павел Владимирович Волков из Новосибирска. Это замечательный археолог, вдумчивый, талантливый и работящий. Обе книги вышли в 2010 году. Первая называется «Эксперимент в археологии» (далее ЭА), вторая – «От Адама до Ноя» (далее АН). Вторая книга носит подзаголовок «Археология для православных» – название провоцирующее. Теперь можно ожидать отдельную археологию для католиков, особо – для протестантов, иудеев, мусульман… Нет, это же не археология для христиан, значит – порознь для шиитов, суннитов, ваххабитов и так далее. А почему только для верующих? Отдельно для атеистов, для коммунистов, для либерал-демократов и прочих.

В XIX веке в Англии разгорелась критическая кампания против попыток ввести «историю для вигов». Но нам чужие уроки – не уроки. Мы не учимся и на своих ошибках.

Третья часть второй книги называется «Метаархеология», и завершена в «2005-й год от Рождества Христова» (АН, с. 319). А в 2004 году вышло мое «Введение в теоретическую археологию. Часть I. Метаархеология». Таким образом, это скрытая полемика со мной. Что ж, я готов сделать полемику открытой.

Я уже писал как-то в «ТрВ» о феномене верующего ученого. Здесь перед нами истово верующий археолог, да еще палеолитчик – феномен гораздо более парадоксальный, потому что археология палеолита – одна из самых главных опор атеистического мировоззрения: наряду с четвертичной геологией она опровергает библейскую хронологию и наряду с палеоантропологией опровергает креационистскую модель происхождения человека, постепенно заполняя промежуточными звеньями линию от обезьяноподобного предка к Homo sapiens. Разумеется, и археолог может быть верующим или суеверным, донжуаном или женоненавистником, коммунистом или фанатом футбола. Важно лишь, чтобы его пристрастие не сказывалось на его профессиональных занятиях, не пробивалось в археологию. Тут должен быть психологический заслон.

У археологии как науки есть свои методы, свои правила, свои непреложные результаты. Подтягивать их к излюбленным пристрастиям нельзя, даже если эти пристрастия кажутся вам очень благородными. Как только этот запрет нарушается, археолог сразу же из ученого превращается в фаната, в крестоносца («Каждый из нас – воин Бога. И это не метафора.

Православие – это оборона жизни» – АН, с. 319).

Это тем более печально, что Волков – еще раз подчеркиваю – изумительный профессионал, и там, где он забывает о своей вероучительской миссии, все великолепно.

Книга Волкова «Эксперимент в археологии» – это блестяще написанный труд, где собраны и подробно рассмотрены эксперименты в трех сферах: расщепление камня, планиграфия поселений и палеоэкономика. Я не встречал в литературе более доходчиво, полно и ясно изложенного разбора первобытной техники работы с кремнем. Описания экспериментов по расщеплению как раз мало. Это скорее результаты длительного экспериментирования и очень умные размышления над ними.

Более широко представлены интересные и неожиданные планиграфические эксперименты – с «рабочими площадками» по обработке кремня: семь участников работали каждый на своей площадке, а в результате экспериментатор, сняв результаты работы на план, получил четкое разделение на опытных мастеров и неопытных («учеников»). У опытных линза отходов была компактнее, наиболее крупные снятия лежали поодаль (техника безопасности), рабочее пространство было упорядочено, а отбракованные сколы сосредоточены в центре. Эти результаты могут пригодиться при анализе первобытных мест работы.

Очень хороши эксперименты с кострами. Стимулом послужили некоторые странности расположения костров в мадленской стоянке Пенсеван (Франция) – вне конического жилища у входа. Для решения загадки Волков рассмотрел разные типы костров (круглый, юрлык или сибирский, экранный, вертикальная нодья, горизонтальная нодья), исследовал их достоинства и недостатки в разных условиях и путем экспериментов установил, какие от каждого вида остаются следы. Это позволило ему предложить приемлемую гипотезу по интерпретации костров Пенсевана. Но, учитывая обычность очагов в археологических раскопках, применимость открытий Волкова значительно шире.

Диссонансом в книге мне кажутся последние главы, где автор пытается убедить читателя в согласии религии с наукой и в благотворности религиозных (и даже конкретно православных) убеждений для правильного понимания первобытности. Анекдотичность подобной увязки эволюции с православием особенно ярко выступает в свете его убеждения в том, что «…если мы хотим ставить перед собой достойные нашего времени задачи, то пока только эксперимент способен избавить нас от неизбежной субъективности в оценке получаемого в результате раскопок материала»[12]. Положим, не только эксперимент, но и он также.

Скептики же вправе спросить, какие эксперименты проверяют и доказывают существование бога, преимущества православия перед другими религиями, банкротство дарвинизма (Волков возвращается в этом к пониманию Н.Я. Данилевского) и многое другое.

На мой взгляд, религии и суеверия абсолютно равнозначны и никакого соприкосновения с наукой иметь не могут. Я склонен придавать больше веса высказыванию чехов Малинковой и Малины: «В средние века зависимость познания от догм Библии не оставляла места для эксперимента и экспериментирования»[13] – действительно, как мы видим, эксперименты появились в археологии только в конце XVIII века! Волков же оплакивает XVIII век – век Просвещения (а также и Возрождение, тоскует по Средневековью). Придерживаться той или иной религии (или никакой) – это сугубо личное дело человека (его субъективный способ достижения психического равновесия), а внедрять свои религиозные убеждения в науку – ну, это приводит только к конфузу.

Книга Волкова об эксперименте, по счастью, отражает редкостное для ученого увлечение только в небольшом объеме. Разве что вдобавок в других местах книги чувствуется особое внимание автора к фактам, говорящим о внезапности появления человеческого мышления, человеческих способностей у отдельных приматов. Видимо, ему кажется, что это подтверждает идею участия бога в этом деле – актом творения. Между тем каждая археологическая культура возникает как бы внезапно, без видимой подготовки. А генетические мутации объясняют внезапность появления новых способностей у человека.

Особое внимание Волков обращает на ашельские рубила, бифасы. По трасологии, это мясные ножи длительного пользования. Волков придает своим наблюдениям столь важное значение, что нужно привести их дословно. Итак,

«1) тщательная отделка орудий из камня производилась при изготовлении *только одного типа инструмента*. Материал для них подбирался исключительно качественный. Эти листовидные бифасиально обработанные артефакты имеют необычайно выразительную и законченно-красивую форму, разительно отличающую их от всех других изделий в составе инструментария того времени;

2) только эти орудия в ашельский период были *монофункциональными*, то есть узко специализированными и не использовались в каких-либо других, повседневных работах;

3) отношение людей к этим инструментам было явно необычным. Но, пожалуй, наиболее важной для нас является

функциональная специализация „ашельских бифасов“ – разделка туш животных.

…Можно уверенно сказать, что „ашельские бифасы“ обладают практически всеми признаками, которые… можно считать обязательными для характеристики культовых орудий. Если предположить, что для совершения первых в истории жертвоприношений человеку был реально необходим только один инструмент – жертвенный нож, то этим орудием вполне могли быть описанные выше листовидные ашельские бифасы». Отсюда Волков прокладывает логический путь к утверждению, что «религиозность следует отнести к изначальным, основным, пожалуй, определяющим свойствам человека, резко выделяющим наших предков из окружающего их мира животных» (АЭ, с. 306–307).

Волков подчеркивает внезапность появления ашельских рубил, их резкое отделение от олдувайской индустрии, не выказывающей наличие человеческого разума. Главной задачей науки Волков (АЭ, с. 308) считает «познать Творца через творение».

Возможность ранних проявлений религиозности отвергать не приходится, ибо у первобытного человека было очень мало возможностей для здравого понимания того, что происходит вокруг него и в нем самом, и много искушений объяснить сны и случайности простейшими связями, увы, фантастическими. Вполне возможно, раннее бытование представлений об особой важности («святости»?) разделки туш убитых животных, особенно крупных и опасных. Но в до-неандертальскую эпоху сложные понятия типа «бог, требующий жертв» вряд ли были доступны. Однако это все гадания – как в пользу гипотезы, так и против нее, но бремя доказательств лежит на выдвигающем гипотезу.

Это относится ко всем религиозным гипотезам, включая гипотезу существования бога. Этим отклоняются все разговоры о том, что раз невозможно ни доказать, ни опровергнуть бытие бога, то лучше придерживаться не атеизма, а агностицизма. То ли есть, то ли нет… Нет-с, бремя доказательств лежит на утверждающем, иначе пришлось бы опровергать бесконечное множество гипотез.

Чем доказано, что это именно жертвенный нож? Какими экспериментами или фактами это подтверждается? Чрезвычайное обилие рубил в Западной Европе (при чрезвычайной их редкости вне Европы) говорит как раз против культового характера этих орудий. Не так уж они и внезапны: им предшествовали грубые ручные рубила – такие тоже есть.

Вернемся на почву экспериментальной археологии. В науке я

предпочитаю доверять экспериментам, приводимым и трезво анализируемым Волковым, а не его цитатам из святителей и отцов церкви. «Наука много слабее, чем мы думали еще не так давно», – заявляет Волков (АЭ, с. 308), мотивируя необходимость «усиления» науки религией. Наука много сильнее, чем некоторые думают сегодня, и она непрерывно теснит религию. Ученые также совершают ошибки, но они исправляются наукой же, а религиозные догмы не могут быть заменены другими религиозными догмами – им на смену приходят установленные наукой истины.

Обратимся теперь ко второй книге П.В. Волкова – к «Археологии для православных». Ее квинтэссенция состоит в попытках подтянуть факты современной археологии к библейским текстам буквально, то есть за каждым типом человека, за каждой археологической культурой увидеть библейских персонажей. Адам и Ева были созданы богом в шестой день творения. По Волкову, сыновья Адама Каин и Авель были неандертальцами с ашельской культурой (Адам и Ева, по-видимому тоже, коль скоро ашельская культура у Волкова – первая подлинно человеческая, олдувайская – еще обезьянья, и между ними разрыв), третий сын Сиф и его потомок Ной – Homo sapiens.

Но в пятый день творения бог ведь уже создал пару людей по образу и подобию своему (об этом в первой книге Бытия). Это преадамиты. Их церковь не признает, учение о них считается еретическим – умалчивает об этой паре и Волков. Ну, там много неясностей – неясно откуда взяли жен Каин и Сиф, если бог вынул у Адама только одно ребро, и из ребра Адама бог создал только Еву, а дочерей у Адама и Евы долго не было. Не проще ли признать, что Библия – смесь исторических хроник Иудеи с древнееврейскими мифами, и в лучшем случае можно воспринимать ее речения о начале человечества только сугубо метафорически?

Отводить ашельскую культуру неандертальцам никак не получается. Волков несомненно знает, что во всем мире археологи на многих основаниях связывают неандертальцев с мустьерской культурой – следующей по хронологии (у нас эта ступень именуется средним палеолитом), а ашельская культура, нижний палеолит, связывается с человеком гейдельбергского типа (находок много), то есть с палеоантропами. Они по физическому типу значительно ближе к обезьяне, чем неандертальцы и, конечно, не подходят к роли библейских персонажей. Вот Волкову и приходится вопреки всем фактам связывать неандертальцев с ашелем, чтобы противопоставить

современных людей (включая неандертальцев) обезьяноподобным архантропам олдувая. Чтобы убрать промежуточное звено. Разумом состоятельность этой концепции понять невозможно. Тут можно только верить. Но я не верую – и не верю. Мне нужны доказательства.

Сто лет назад патер В. Шмидт, член орденского Общества Слова Божия, в многотомном «Происхождении идеи Бога» признавал эволюцию. Генерал ордена был шокирован и уверял Шмидта, что через пятьдесят лет это учение перестанет существовать. Шмидт писал генералу: «по нынешнему состоянию оно представляется почти достоверным… Я не думаю, что оно будет опровергнуто в ближайшие 50 лет. <…> Не думаю я и что теологические резоны против эволюции верны»[14]. Аббат Брейль, как известно, был эволюционистом – и великим археологом.

№ 23 (92), 22 ноября 2011

Ответ на комментарий к записи «Казус: археология для православных»

Комментарий к записи «Казус: археология для православных» (ник: Uri)

23 декабря 2011 г.

К сожалению, Вы ошибаетесь. Вот описание пятого дня в книге Бытия.

«И сказал Бог: да воскишит вода кишеньем живых существ; и птицы да полетят над землею по своду небесному. И сотворил Бог рыб больших и все существа живые, пресмыкающихся, которыми воскишела вода, по роду их, и всех птиц крылатых по роду их. И увидел Бог, что хорошо. И благословил их Бог, сказав: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый».

О человеке ни слова. О создании мужчины и женщины речь идет далее. Ошиблись Вы и по поводу дочерей.

«И было дней Адама после рождения им Шэйта восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей» (Бытие, глава 5, 4-й стих).

Я согласен с Вами, что речь идет о мифологии, просто нужно избегать неточностей.

Благодарю Uri за помощь в критическом рассмотрении казуса археологии для православных. Я старался передать библейские рассказы о сотворении мира и человека очень коротко, но получилось неудачно и неточно. Попробую изложить точнее и пояснить, в чем я все же считаю изложенную критику библейского предания верной. Рассказов о сотворении человека все-таки два, и они трудно согласуемы.

Действительно, по первой книге Бытия, бог в день пятый

создал рыб, гадов и птиц, а только в шестой сотворил человека – мужчину и женщину – по образу и подобию своему.

Но по второй книге Бытия, бог создал сначала одного лишь Адама из праха земного, затем создал растения, птиц и Эдем, куда поселил Адама, и только затем из ребра его создал ему помощника – женщину, Еву. Это явно другой рассказ о творении человека. В какой день творения это произошло, тут не сказано, но, поскольку именно в это время (между созданием Адама и Евы) были созданы птицы, то получается (в переводе на хронологию первого рассказа) день пятый.

Именно на это различие библейских рассказов опирается давнее учение о преадамитах, находившее дополнительную опору в географических открытиях невиданных ранее рас.

Теперь о дочерях Адама. Когда разыгрывалась драма между Каином и Авелем с последующим поселением Каина в земле Нод, где он познал свою жену и у него родился сын, дочерей у Адама и Евы не было. Дочери появились после того, как у Адама и Евы родился вместо убитого Авеля третий сын – Сиф (Шейт). Но, во-первых, они приходились Каину сестрами, а жениться на сестрах вроде бы по библейским нормам не годится. А во-вторых, Сиф родился, когда Адаму было то ли 130, то ли 230 лет, а дочери родились у Адама в последующие 800 лет. Можно, конечно, счесть, что Каин женился сотни лет спустя после убийства Авеля на одной из своих молодых сестер, но это не оговорено и в грехи Каина не вошло.

Ну конечно, это древнееврейские мифы, сведенные в книги на заре письменности и не очень гладко отредактированные.

31 декабря 2011

11. Есть ли боги у животных?

Чувствую, знаю, в правом кармане у него колбаса. Он надо мной. О, мой властитель! Глянь на меня. Я умираю. Рабская наша душа, подлая доля!

Пес пополз, как змея, на брюхе, обливаясь слезами… Разрешите лизнуть сапожок.

В течение недели пес сожрал столько же, сколько в полтора последних месяца на улице… Во время этих обедов Филипп Филиппович окончательно получил звание божества.

Временами божество вооружалось маленьким сверкающим ножичком и тихонько резало желтые упругие мозги.

Михаил Булгаков. Собачье сердце

Конечно, религии у животных нет. Ведь как вообразить существование неких высших сил, непонятных нам и управляющих всем в мире, сил, которые можно рассердить или умилостивить? Чтобы вообразить такое, нужно отвлеченное мышление, способное отделить причины от следствия, провести довольно отдаленную аналогию, подумать о невидимых фигурах, о предполагаемых деяниях. А на это способен только человек.

На этом основании антропологи клерикального толка говорят о том, что религия – отличительная особенность человека, его специфика, поднимающая его над животным миром. Ну, логика не безупречная. В Средние века так еще можно было говорить, а ныне, когда огромные массы интеллигенции и простого люда не причастны к вере, правильно было бы говорить, что религия отличает не всех людей от животного мира. Неверующих ярые апологеты религии склонны приравнивать к животным, подразумевая, что это людей принижает. Профессор Ю.П. Вяземский во всеуслышание провозгласил: «атеисты – это больные. Это животные». От ведущего телепрограммы «Умники и умницы» это не очень умный выпад. Во-первых, люди

действительно являются животными по своей биологии, занимая место среди позвоночных, млекопитающих, в частности приматов. Не только атеисты, а все люди, в том числе и самые набожные. Они все животные, тут ничего не поделаешь. Во-вторых, людей отличает от других приматов и всех остальных животных то, что делает возможными и религию, и философию, и науку, и искусство, и культуру, и фантазии и многое другое. Общая причина всех явлений – разум, рассудок, интеллект.

Но в религии присутствуют не только рассудочные, логические заключения, но и представления, чувства, стереотипные ощущения, образы, иллюзии и эмоции, а это есть и у животных. Есть у животных и сны, и эмоциональные потрясения – все это у людей способствовало возникновению религии. А у домашних животных есть даже некие образы, очень близкие нашим богам. Эти боги (или почти боги) для них – мы, люди, их хозяева. Возьмем собак. Мотивы нашего поведения для них совершенно непонятны и часто непредсказуемы, хотя само поведение угадываемо и в узких пределах привычно. Они поднаторели угадывать, что нам угодно, умеют подлизываться к нам, молятся (повизгивают), благодарят за корм и ласку, иногда сердятся – рычат (как мы иногда на своих богов), они нам преданы и верны (как мы своей конфессии), лают и готовы кусать чужаков (как мы иноверцев и еретиков). Я уж не говорю о рогатом скоте – этих их двуногие боги ни с того, ни с сего убивают, ни в чем не провинившихся, самых покорных; так нас убивают неожиданные болезни – даже самых набожных. А многим уготована судьба лошадей – всю жизнь горбатиться на господ(ин)а, выбиваться из сил за стойло и убогий корм, за исключением фаворитов, звезд, которым суждена короткая слава покрасоваться на бегах или на арене.

Домашним животным отношение к людям как к богам привито не только с детства (воспитанием), но и всему виду – селекцией: их долго отбирали, разводили и вот вывели такие породы, которым генетически предназначено оставаться послушными, производительными и легко обучаемыми. Они уже не могут иначе жить. Одичавшие собаки (конечно, далеко не всех пород) еще могут выжить в дикой природе, потому что некоторые их породы люди использовали, опираясь на навыки, необходимые для самостоятельного существования. Остальные – нет. Способности самостоятельного существования утеряны.

А люди, как оказалось, могут жить без богов, и даже совсем неплохо. Потому что их никакие высшие существа не выводили для своих надобностей. Как ни крути, а человек произошел от приматов, и механизм этого процесса открыл Дарвин –

естественный отбор как аналогия искусственной селекции. Никто с тех пор ничего более убедительного не придумал, современная биология только уточняет и развивает Дарвина. Лишь глупая школьница-изуверка могла подать в суд на учителей-дарвинистов, даже депутаты милоновы на это не решаются.

Бог, согласно Библии, сотворил человека *по своему образу и подобию*. Значит, бог выглядит как человек, он антропоморфен. Где же он такой помещается? Ах, он невидим! Значит, уже не по подобию – мы-то не тянем на невидимок! А зачем бог по Библии сотворил человека? Для забавы? От скуки? Для неких высших целей, нам неведомых? И взгляните, как сотворил! Библейские и все прочие байки о сотворении человека (а заодно и животных) богами носят откровенно сказочный характер, и даже сугубо верующие люди, если они мало-мальски образованные, в том числе и священники, понимают эти байки только фигурально – как иносказание неких эволюционных процессов. Никто уже не воображает себе бога как на иллюстрациях Гюстава Доре – в виде старичка с окладистой бородой, завернутого в белую ткань и лепящего Адама, подобно горшечнику, из глины.

И религия появлялась у людей совсем не по той же причине, по которой домашние животные естественно поклоняются и повинуются людям. Животные делают это, не задумываясь, подчиняясь очевидной необходимости. А люди пришли к этому по размышлении: сопоставляли свои сны, иллюзии, да и обманы с чем-то фиктивным – с невидимыми образами, которые сами же измышляли для лучшего объяснения множества еще непонятных явлений. Люди сравнивали непреодолимые природные силы со своими мотивами, намерениями и желаниями, одухотворяли эти силы и так далее. Словом, механика возникновения религий неплохо исследована, ранние стадии изучены на примере отсталых, неразвитых народностей.

Вопрос лишь в том, почему сейчас, когда цивилизация так продвинулась, когда непонятные ранее явления во множестве объяснены, когда чудеса, приписываемые древним святым, меркнут перед грандиозными техническими чудесами, которые доступны рядовому нынешнему человеку, почему сейчас многие люди, вполне образованные, тянутся к сохранению религии, истово веруют во всякие глупости, молятся и даже воюют и убивают за веру?

Человеку и сейчас трудно примириться с краткотечностью своей жизни, с неизбежностью личной смерти, с тем, что еще многое в природе и обществе не объяснено и нам не подвластно. Люди, спокойные, уверенные в себе и трезвые, учатся с этим мириться (а что поделаешь!), признавать неизбежность и

отрешаться от этих проблем в обыденной жизни. Они принимают как компенсацию свою неразделенность со своим образом и результатами своих трудов – «нет, весь я не умру». Иначе ведут себя люди эмоциональные, внутренне в себе неуверенные, которые не в силах побороть в себе тревожные настроения. Для внутреннего спокойствия им необходимо принять мир не таким, каким он предстает в реальности, а приукрашенным. Признать, что они не умрут, что у них есть внутреннее существо – душа, что она уйдет в иной, лучший мир (или, у нечестивых – в ад, так им и надо). Свои принципы поведения эти люди не в силах отстаивать просто так – им нужно, чтобы эти принципы были подтверждены божественным авторитетом. Бог им необходим. В их головах он действительно существует – виртуальный бог.

Эти люди ничем не хуже атеистов, но и ничем не лучше в принципе. А в конкретной реальности бывают и хуже, бывают и лучше.

Я говорю здесь об истинно верующих. Есть же много людей, причисляющих себя к той или иной конфессии, но совершенно непричастных к ней. Есть много называющих себя верующими, скажем, христианами, но считающих, что бога все-таки нет, или провозглашающих себя православными, но не знающих отличий этой веры от католической или протестантской. Как есть много людей, считающих себя атеистами, но верящих в черную кошку, сглаз, колдовство, стучащих по дереву и т. п., словом вполне суеверных. А разница между набожными и суеверными, как и между сектами и признанными конфессиями, на мой взгляд, только в официальном статусе данной веры. Основа всего этого – одна. То же и разница между конфессиями – какая в сущности разница? Моя знакомая, молодая женщина, вообще-то неверующая, но в случае неприятностей заходит совершить обряды во все храмы (в православные, католические, мечеть, если бы синагога была близко – и туда бы зашла) – на всякий случай.

Разделенность конфессий и их агрессивность вытекают из, казалось бы, естественных потребностей верующих: для упрочения и возвышения своей веры они стремятся, во-первых, сделать ее традиционной, чтобы она была освящена древностью, а во-вторых, обставить культ богов красивым, богатым и торжественным ритуалом. А для всего этого нужен клир: священники, учители веры, служки и так далее. А у клира, при всей набожности (если она и есть), появляются свои интересы. Для них важно накопление в церкви богатств, от которых и клиру уделяется немалая доля, усиление привилегий церкви в обществе, конкуренция с другими конфессиями, поэтому церковь не только соперничает, но и сотрудничает с властью, добиваясь покорности

народа. Соперничает церковь и с наукой – своим принципиальным и старинным конкурентом за умы публики и особенно молодежи.

Религия постоянно отступает, а наука наступает. Это закон. А вот церковь, опираясь на власть, может периодически переходить в наступление, совершать вылазки и рейды, пытаясь вернуть утраченные позиции. Одну из таких вспышек мы наблюдаем сейчас в России. Светская власть судит по постановлениям средневекового Трульского собора, закон Божий пробирается в школу, кафедра теологии водружается в ядерном институте.

Но мы не Шарики. Митрополиты же, даже внедрившись в университеты, напрасно вооружились сверкающими ножичками, чтобы резать упругие мозги. Не та эпоха.

«Высшее существо, важный песий благотворитель сидел в кресле, а пес Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана. От мартовского тумана пес по утрам страдал головными болями, которые мучили его кольцом по головному шву. Но от тепла к вечеру они проходили. И сейчас легчало, легчало, и мысли в голове у пса текли складные и теплые.

„Так свезло мне, так свезло, – думал он, задремывая, – просто неописуемо свезло. <…> Окончательно уверен я, что в моем происхождении нечисто. Тут не без водолаза. Потаскуха была моя бабушка, царство ей небесное, старушке».

Написано в 2012 году, не публиковалось

12. Благая весть от диакона

Неисповедимы пути Господни! – несмотря на свой атеизм, использую здесь эту вполне христианскую максиму, потому что как иначе выразить свою растерянность перед лицом своего полного (или почти полного) согласия с одним из духовных лидеров православного церковного движения?

В одном из номеров «ТрВ» мне довелось писать об умершем археологе Александре Формозове, который восстановил против себя многих коллег, борясь за принципы морали и ответственности в археологии и вообще в науке. Свои книги, утверждающие эти принципы, он все-таки сумел выпустить при жизни, хотя и в глубокой старости. Но одну книгу ему так и не удалось опубликовать полностью, без изъятий. Это книга о бедственном положении дела с охраной памятников культуры в нашей стране. Она задевала не только маститых ученых, но и власти.

Формозов был сыном ученых, но предки его были священниками (отсюда и его латинизированная фамилия: по-русски – Красавцев). Возможно, поэтому он привык трепетно относиться к древним церквям и вообще древностям, чувствовал себя ответственным за их разрушение и гибель.

Книги типа тех, которые Формозов с таким трудом пробивал в печать, в наше время вышли. Автор их тоже связан с церковными кругами, но иначе, чем Формозов, и, пожалуй, более тесно. На нашей кафедре археологии в Ленинграде-Петербурге пять лет учился Александр Мусин, сын преподавателя вуза. По окончании кафедры в 1992 году неожиданно для археологов поступил в Духовную академию. Окончив ее в 1995-м, стал иподиаконом митрополита Ленинградского Алексия (Ридигера), избранного вскоре патриархом. До 2000 года преподавал в Духовной академии. Рукоположен в сан диакона и имеет степень кандидата богословия. К нему было положено обращаться словами: «Ваше благовестие».

А в новом тысячелетии вернулся в археологию и вскоре стал ведущим научным сотрудником Института истории материальной культуры РАН в Петербурге, доктором исторических наук. Он – один из признанных лидеров Института, специализируется по церковной истории и археологии Древней Руси, а также отношениям церкви и общества. Под его руководством вышла монументальная истории Императорской археологической комиссии – главного археологического учреждения дореволюционной России.

Я безусловный атеист, но мы сотрудничаем в ряде научных предприятий без малейших затруднений. Споров о Боге (типа дискуссий Остапа Бендера с ксендзами) у нас как-то не возникает, Александр Евгеньевич – умный и доброжелательный собеседник, а буквально по всем научным и общественным проблемам мы находим почти полное согласие.

В 2006 году вышла его книга «Вопиющие камни»[15]. Она открывалась словами:

«Эта история начиналась как благородный порыв, разворачивалась как классический детектив, оборачивалась пошлым фарсом и грозит завершиться национальной драмой, потому что это история о том, что общество, Церковь и государство способно сделать с российской культурой в угоду политической конъюнктуре, личным амбициям и ложно понятому религиозному возрождению». Подзаголовок книги дополнительно подчеркивал, что автор направляет свой критицизм и на церковное небрежение: «Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий».

В 2010 году вышла новая книга Мусина – «Церковная старина в современной России»[16], еще более острая и критическая. Детально, с конкретным указанием государственных чиновников и церковных иерархов, имя за именем, он рассматривает разрушение и гибель памятников из-за небрежения, некультурности, невежества и корысти ответственных лиц. Но Мусин не ограничивается приведением и оценкой фактов, он подымается до обобщений и выяснения причин. Он исходит из того, что «Необходимо вернуть святыни и собственность тем, у кого все это было отнято властью, открыто провозгласившей своей целью уничтожение религии и религиозного» (с. 5). Ну, это банально.

А продолжает свежо и современно:

«Но кто сегодня эти „те“? Общинная и приходская жизнь, выросшая из многовековой русской традиции, ныне разрушена. Сегодня на место общин пришло руководство патриархии, епархиальная бюрократия, приходские и монастырские настоятели и их ближайшее окружение… Ответственности за переданную им материальную и культурную ценность граждане России не несут. Они исключены из этой сферы теми, кому государство передает в пользование или в собственность культурные ценности – под видом имущества. Феномен отчуждения большинства населения от политической жизни, характерный для современной России, в полной мере находит свое отражение, а быть может оправдание и причину в церковной жизни РПЦ».

Еще более разумным представляется мне следующее положение:

«Опять же московская патриархия не может рассматриваться как единственный правопреемник Синодальной Церкви. На ту же роль могут претендовать не только другие религиозные организации, именующие себя православными, но и „неверующая“ часть современного общества. Эти люди, как законные наследники своих православных предков, обладают определенными правами на использование и восприятие памятников культуры в соответствии со своими светскими убеждениями. Все сказанное не предполагает обязательного возвращения религиозным организациям предметов культа, „переросших“ свое литургическое значение и превратившихся в произведения искусства» (с. 7–8).

Не обойдена и судьба подмосковного центра православия – Троице-Сергиевой Лавры. Добром помянута реставрация 1960-х годов: она была проведена с максимальным уважением к исконному стилю обители «смиренного Сергия». А вот к 2000-летию христианства новая реставрация расценена как грубое попрание настоящей церковной эстетики, потрафляющее неразвитым вкусам нынешних насельников Лавры и их спонсоров из «российской глубинки и малороссийских окраин». «Агрессивные цвета и провинциально-пестрые клумбы превратили Лавру в настоящий „пряник“ и „развесистую клюкву“… на… потребу массовому паломнику и заезжему интуристу» (с. 337).

Наконец, выходит за рамки отношения к памятникам и древностям более общая констатация: «Попытки РПЦ организовать „внутреннюю миссию“ в России с целью евангелизации общества обречены на провал, поскольку исходят из ложной посылки, что большинство населения является православным („по культуре“ или „по крещению“) и в силу этого автоматически принадлежит к Церкви» (с. 12). Вместо равноправного диалога о религиозных ценностях РПЦ предлагает исключительно миссионерское воздействие. В духе подчинения государства гражданскому обществу автор книги ратует за контроль общины за деятельностью духовенства всех уровней, тогда как руководство патриархии привыкло получать все блага – имущество и привилегии – из рук власти, а не на основе общественного договора.

Очень советую интересующимся охраной памятников культуры и духовными течениями в церкви почитать эту книгу чрезвычайно компетентного автора. В книге одиннадцать глав. В первой главе («Анамнезис: история болезни») показано, что и до революции русским археологам приходилось отстаивать

памятники древности и старины от невежества церковных руководителей, и, пожалуй, государство шло впереди церкви. Следующая глава («Церковь и древность: два окна») поясняет, как литургические потребности церкви всегда вытесняли заботу о старине и вели к новоделам. Далее, по периодам прослежены в четырех главах (3–6) судьбы древностей в эпоху «религиозного возрождения» с 1990 года: «Радужные надежды и первые разочарования 1990–1992»; «Годы великого перелома 1993–1995»; «Эпоха „нового застоя“ 1996–1998»; «В поисках нового курса 2000–2010». Затем следуют четыре главы (7–10) с рассмотрением событий по областям: «Новгородские вольности»; «Берендеево царство»; «Московские этюды»; «Кремлевские тайны».

В последней, одиннадцатой главе («Святые немощи») рассмотрена яростная охота местных церковных владетелей за выгодными мощами, в которой попирается подлинность святынь и на их место воздвигаются абсолютно непричастные к святости кости и вещи, лишь бы привлекали паломников и приносили доход. Тут и мощи Серафима Саровского, Саввы Сторожевского, Александра Сквирского, и «десница Иоанна Предтечи», и государственная (с участием министров) суета вокруг якобы снисхождения благодатного огня на Пасху в Иерусалиме. Все это смешит неверующих и оскорбляет истинно верующих.

Статья А.Е. Мусина о девушках из Pussy Riot показывает, что он скептически настроен по отношению к нынешнему патриарху Кириллу (Гундяеву)[17]. Он считает, что жестокость властей по отношению к проступку девушек (безгласное кривляние в солее храма Христа Спасителя с последующим наложением звука) объясняется не только тем, что они просили Богородицу «прогнать Путина», но и поставили под сомнение легитимность избрания патриархом Кирилла. «Именно на амвоне „ХХС“ 27 января 2009 г. „церковный Чуров“ – митрополит Исидор (Кириченко) объявил Кирилла победителем со вполне „путинскими“ 72,36 % голосов… За два дня до этого, на рейтинговом голосовании епископов, Кирилл набрал только 49,98 %». Отсюда, по Мусину, и «война компроматов» накануне патриарших выборов, удушение дискуссии на Поместном соборе, «многие участники которого разъехались из Москвы, по собственному признанию, с тяжелым сердцем» (с. 19). Тяжелые предчувствия теперь подтвердились историей с брегетом и особенно с «нехорошей квартирой».

Мусин считает, что те административные реформы 2004 года, которые знаменовали отход государственной власти от демократии и от которых власти приходится отступать теперь, были предварены и в какой-то мере предсказаны новым уставом

РПЦ. Это те же подавительные архетипы русского православия, которые Мусин выражает формулой: «я начальник (вариант: президент, патриарх, чиновник, епископ), ты дурак». Книги и статьи А.Е. Мусина показывают, что в недрах русского православия зреют те же чувства протеста, которые обуяли все российское общество.

№ 7 (101), 10 апреля 2012

13. О правах эмбрионов

В нашей стране возобновился старый спор о позволительности или непозволительности абортов и, следовательно, планирования семьи. Если будет принят закон, запрещающий аборты, то и по этому показателю мы войдем в число стран, где по сей день этот запрет действует, – это страны Латинской Америки, Южной и Центральной Африки.

При этом вытащен на свет старый аргумент, приравнивающий аборт к убийству. Этот аргумент оформлен как религиозное и гуманистическое утверждение, что эмбрион – это уже человек, и нужно защищать его права на жизнь. Сначала были речи, что это так уже с момента зачатия, то есть и одна клетка, начавшая делиться, – это уже человек, а потом, в силу заведомой абсурдности этого утверждения, было внесено уточнение, что человеком эмбрион должен считаться с того момента, как у него начало биться сердце. А сердце плода начинает биться между 18 и 25 днями беременности (3–4 недели). Ныне аборт позволяется делать до 12 недели беременности. Значит, после уточнения спор становится менее принципиальным и идет лишь о сроках – это спор о 9–10 неделях. Но это по форме. По существу же спор принципиален: эмбрион – это уже человек или еще нет.

К решению этого вопроса есть три подхода – религиозный, научный и этический. Рассмотрим все три.

Христианская религия, в частности православная, в решении этого вопроса опирается прежде всего на Библию. По-видимому, истово верующие депутаты, предложившие изменить законодательство, читали библейские тексты. Но дело в том, что в русском переводе есть существенная неточность – опущены важные термины. Нужно обратиться к славянскому тексту (соответствующему Септуагинте и оригиналу). В Библии (Исх. 21, 22–23) излагается правило, как судить драку, в которой пострадала беременная женщина и произошел выкидыш (непереведенные слова выделены):

«*Аще бьются два мужа и поразят жену непраздну, и изыдет младенец ея* ***неизображен****, тщетою да отщетится: яко наложит муж жены тоя, подобающе да отдаст.* ***Аще же изображен будет****, да отдаст душу за душу*».

Это означает: если погибший младенец уже имеет вид человека («изображен»), то виновника его гибели будут судить за убийство и казнят («душу за душу»), а если «неизображен», то есть еще не сформировался как человек, то назначается имущественное наказание (должно уплатить мужу пострадавшей

женщины). Очевидно, что автор книги Исход считает полноценным человеком только сформировавшийся плод. Блаженный Августин прямо говорил о Писании: «*Оно, таким образом, не распространяет понятие убийства на несформировавшийся эмбрион, ибо определенно то, что еще находится в утробе, не может считаться человеком*»[18].

Из этого исходили многие отцы церкви. Они приобщали каждый индивидуальный казус зачатия к общей проблеме происхождения человека: Бог сначала создал тело человека, а только потом вдохнул в него душу: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Бытие, 2,7).

Поэтому в современной православной традиции аборт обычно не приравнивается к убийству (хотя в прошлом такие попытки и делались – например, 2-е правило Василия Великого и 91-е правило Трулльского собора). Он с точки зрения православной церкви является тяжким грехом по другой причине – противодействуя Божьему промыслу о рождении того или иного человека. То есть церковь против планирования семьи, грехом является и использование контрацептивов (однако депутаты пока не предлагали запретить презервативы).

Теперь рассмотрим этот вопрос с точки зрения науки. В этом плане решающим является закон рекапитуляции, предвосхищенный академиком Карлом Максимовичем Бэром, а позже установленный Ф. Мюллером и Эрнстом Геккелем: каждый животный организм (и человек) в своем индивидуальном эмбриональном развитии (онтогенезе) повторяет фазы пройденного в прошлом его далекими предками родового развития (филогенеза) – в частности видового развития человечества[19]. И действительно наблюдая за стадиями развития эмбриона, эмбриологи отмечают сначала фазы, в которых зародыш по облику неотличим от зародышей пресмыкающихся, потом рыб и птиц, потом низших млекопитающих, и только на последних стадиях плод начинает обретать формы, в которых можно узнать формы плода, общие для всех приматов. Тут человек очень похож на человекообразных обезьян. Незадолго до выхода на свет он уже отличается и от них.

[Моя ссылка на основной биогенетический закон Геккеля вызвала дискуссию в «ТрВ» (статьи М. Гельфанда и С. Глаголева), но идеи Бэра были отмечены как справедливые, а закон рекапитуляции – как абсолютно верный.]

Сердце начинает биться на ранних стадиях. Конечно, на них эмбрион уже принадлежит к животному миру, но назвать его человеком еще нельзя. Признаки именно человека появляются

тогда, когда его уже можно отличить от эмбриона обезьяны. Когда точно? Я не медик, не эмбриолог, им решать. Но явно это происходит на последних стадиях девятимесячного развития плода. А на этих стадиях и сейчас удаление плода не считается абортом и называется преждевременными родами, а искусственное прерывание жизни при ряде условий приравнивается к убийству.

Другое дело, что некие генетические задатки человеческого облика в эмбрионе содержатся с самого начала (иначе он бы не развивался по этому сценарию), потенциально он человек, и эти задатки имеют материальное выражение в ДНК. Но они микроскопичны и в органах тела, обеспечивающих человеческие качества (а это прежде всего мозг и кора головного мозга), еще не реализованы. С равным основанием можно было бы заявлять о человеческих правах сперматозоидов, уходящих с поллюцией, и яйцеклеток, уходящих с менструацией, и судить за лишение их жизни.

Казалось бы, на этом вопрос исчерпан. Но тут вступает в силу этический подход. Плод во чреве матери с самого зачатия и даже до него, на стадии планирования семьи, рассматривается будущими отцом и матерью не как организм, проходящий разные стадии развития, а как будущий человек, причем человек родной и близкий. Его еще нет, а с ним связываются надежды, планы, жертвы и ожидания. Будущие родители, если они ответственны и нормальны, наделяют эмбрион с самого начала всеми человеческими качествами. Поэтому любое покушение на его жизнь – это для них убийство, и закон должен стоять на страже этого их воззрения. Но только до тех пор, пока это воззрение у них есть.

Именно им принадлежит право выбирать свое будущее – расширять ли его, давая жизнь третьему или воздержаться. Они ведь хотят не просто дать начало новой жизни, а дать его ответственно – имея возможность обеспечить ребенку здоровье, воспитание и образование, а возможно, и какие-то стартовые позиции в жизни. Они не хотят умножать ни бездомных, ни инвалидов, ни преступников, ни несчастных, ни угнетаемых. Есть у них и собственные интересы в жизни, собственные жизненные цели, не все и не всегда готовы к рождению детей. Да и общество не всегда к этому готово. Забывать об этом – лицемерие.

При всем том безусловно аборт остается нежелательным. Но увы, иногда его избежать не удается. В частности, мне кажется, это стоит осознать депутатам, желающим *родить* закон о запрете абортов. Тут аборт необходим.

Статья в «ТрВ» № 17 (111) за 28 августа 2012 года вызвала

большую дискуссию, в которой под сомнение ставились возможности анатомически определить принципиальное отличие человеческого плода от человека и принадлежность его к дочеловеческому состоянию. Если же упор делать на социальные возможности (очеловечивание), то тогда и грудного младенца придется отнести к дочеловеческому состоянию. Автор отвечал, что он и не ограничивается анатомическим определением, а включает этические факторы.

14. Дилемма Веркора

1. Парантропы. В джунглях Новой Гвинеи была обнаружена популяция приматов, имеющих целый ряд признаков людей – они обращались друг к другу с чем-то вроде речи, изготавливали простейшие орудия из дерева и камня, но внешне больше походили на обезьян – с низким лбом, надбровными дугами, выдающейся челюстью, были покрыты шерстью. Не ископаемые – живые! Назвали эту породу парантропом (греч., *около человека*), скоро в прессе стали писать сокращенно – тропи. Их начали вывозить в Европу, где они неплохо размножались.

В западной науке пошла бурная дискуссия: что это такое – наиболее развитая порода обезьян или самая примитивная из живущих разновидность человека? Вопрос сразу же взволновал церковь: есть ли у них душа и можно ли распространять среди них христианство? (В свое время тот же вопрос об индейцах папа решил положительно: душа у них есть.) Вскоре капиталисты, исходя из бездушности тропи, стали приспосабливать их к труду у конвейера, не платя им ничего – как лошадям или собакам. Возмутились профсоюзы – это же гибельная конкуренция для рабочих! Между тем ученые не могли прийти к определенному решению – животные это или люди. С одной стороны, с другой стороны – дело грозило превратиться в вечную проблему. Один из левых интеллектуалов некто Темплмор надумал подстегнуть решение этого вопроса. Он еще более приблизил тропи к человеку – лично оплодотворил самку тропи (искусственно) и убил новорожденного, введя ему дозу стрихнина. Он убил своего сына ради блага всех тропи (и всех рабочих). Теперь вопрос о статусе тропи должен был решать английский суд – это умерщвление животного или убийство человека?

С этого начинается роман французского писателя Жюля Марселя Брюллера, писавшего под псевдонимом Жан Веркор. Во время войны писатель был главным издателем французского Сопротивления, а после войны – председателем Комитета писателей Франции. Роман был написан в 1952 году, в 1957-м вышел русский перевод, в 1970-м по роману был снят фильм.

Пресса оживленно обсуждала главную коллизию этого фантастического романа, ее возможные реализации в будущем: если вдруг обнаружится снежный человек или если мы полетим на другие планеты и встретим там менее развитое население, этаких примитивных людей (почему именно людей и почему менее развитое – оставалось гадать).

2. Восстание против гуманизма. Неожиданно более

прагматичное и настоятельное оживление этого вопроса прозвучало в нынешней России, правда, без ссылок на Веркора. Популярный писатель Александр Петрович Никонов высказал в «СПИД-инфо» (№ 25 за 2009 год) идею, что младенцам с врожденными неизлечимыми болезнями психики, обреченным на судьбу тяжелых инвалидов-дебилов, незачем сохранять жизнь, что нужно предоставлять их родителям право на эвтаназию новорожденных. Одна из читательниц, родившая такого ребенка и выхаживающая его, поделилась своим возмущением с не менее популярной телеведущей Светланой Сорокиной, и та 28 декабря 2009 года поместила в своем блоге в «Живом Журнале» заметку об этом высказывании Никонова под названием «Люди и уроды». В заметке она довольно ясно намекала на то, что нравственным уродом является сам журналист, предложивший убийство неполноценных детей – вполне в духе гитлеровской расовой гигиены. В большинстве читатели блога в своих комментариях усилили пафос Сорокиной, осыпая Никонова прямыми оскорблениями: сам «дебил», «клинический идиот!», «фашист», «в суд на него!». Они считали, что логическим продолжением должна быть идея избавляться от престарелых родителей…

В том же ключе выдержаны яркие статьи Е. Дылевой в «Росбалте» и в «Новой газете»: «„Милосердный“ неонацизм» и «Гуманная улыбка палача».

Меньшинство указывало, что у Никонова больше гуманизма, чем у его противников, поскольку он призывает избавить от мучений и детей и родителей, когда человек еще не сформировался. Чем прекращение жизни зародыша в аборте отличается от прекращения ее сразу после рождения? Ведь дети этого рода целиком зависят от родителей и все равно не смогут жить, когда те умрут. Они обречены на дом инвалидов – и какой дом, каких инвалидов! А вопрос об эвтаназии взрослых встает, лишь когда мучения ужасны и беспросветны или сознание все равно навсегда отключено. Никонова же, говорят его сторонники, возненавидели за то, что он пробил ханжескую политкорректность и режет правду-матку.

Общественная коллегия по жалобам на прессу объявила публикацию Никонова профессиональной ошибкой журналиста, потому что, придав выступлению скандальный характер, он должен был сознавать, что «унижает и наносит оскорбление чувствам людей, которые уже сделали свой выбор и воспитывают детей инвалидов». Тем самым он «грубо нарушил правила профессиональной этики, закрепленные в Кодексе профессиональной этики российского журналиста и Декларации принципов поведения журналиста, утвержденной Международной

федерацией журналистов». Редакция должна была сопроводить статью Никонова редакционным или авторским материалом, излагающим другие точки зрения. А не сделав этого, она разделяет ответственность за нарушение профессиональной этики.

Через месяц после статьи Сорокиной, в конце января 2010 года, состоялись прямые дебаты Никонова с главным детским реабилитологом России Евгением Теодоровичем Лильиным в передаче «Клинч» на радио «Эхо Москвы». Лильин отстаивал необходимость выхаживать таких детей, оказывать интенсивную государственную помощь таким родителям, привел цифры: таких детей (не только даунов, но дебилов, имбецилов, идиотов и т. п.) у нас 574 тысячи на пенсии, а еще столько же пенсии не получают. Это более миллиона! Лильин указывал на возможности внешней коррекции синдрома Дауна (после операции выглядеть дети будут как нормальные), адаптации их к некоторым видам труда.

Опрос по стране, сообщил ведущий Бунтман, дал следующие цифры. На вопрос, гуманно ли помогать их выхаживанию в больнице или дома, ответили положительно 33 % опрошенных, отвергли такую идею 26, а 41 не смогли сделать выбор. Никонов уверен, что, оказавшись непосредственно перед лицом такой страшной ситуации, они бы тоже отказались воспитывать такого ребенка. Действительно, по статистике 85 % родителей сдают таких младенцев государству (а 10 лет назад сдающих было 95 %). И он считает такой выбор оправданным. Аудитория «Эха Москвы» отреагировала иначе – 70 % поддержали Лильина, около 18,7 % – Никонова. Ну, это особая аудитория, более интеллигентная.

Вопрос действительно серьезный и болезненный, а проблемы далеки от удовлетворительного решения. Возмущение разгневанной публики понять можно, и гнев ее во многом оправдан. Но заявления многих, что здесь и обсуждать нечего, неверны.

Для Никонова это не случайное выступление. В ряде своих книг он развивает тему об издержках гуманизма, который укрепляет солидарность общества, но в своих крайностях противоречит эволюции, основанной на конкуренции и выживании наиболее способных. Никонов издевается над филантропией, которая поддерживает жизнь слабых за счет ослабления сильнейших и успешных. Он критикует христианство особенно за поощрение бедности и убогости. Он презирает социализм как учение об обществе, в котором уравниловка и плановое хозяйство тормозят любой прогресс.

Эта позиция не нова. Основоположник эволюционизма англичанин Герберт Спенсер был кумиром буржуазии XIX века, развивая в основном эти идеи, получившие название «социального дарвинизма». Позже схожие идеи отстаивал американец Самнер. А те социальные дарвинисты, которые перевели свои рассуждения в русло расовой гигиены и евгеники, двигались действительно к нацизму.

В нашем обществе и в наше время идеи эти востребованы. Это определено, с одной стороны, кризисом социалистической экономики и слабостью развития капитализма в нашей стране, с другой – национальными противоречиями бывшей метрополии с окраинами (ныне соседями): те и другие спорили, кто у кого был на иждивении. Сказывается и внезапное засилье церковников, противоречия между призывами к филантропии и бросающимся в глаза стремлением верхов церкви к роскоши и богатству.

Перед лицом этих противоречий поневоле начинаешь задумываться, нет ли в идеях Никонова здорового зерна и все ли в нашем гуманизме гуманно.

3. Оценка позиций. Никонов с его сторонниками (каждый пятый на «Эхе» – это не так уж мало, а по России – две пятых, почти столько же, сколько противников) прав в том, что жизнь такого ребенка за малыми исключениями оказывается чередой мучений, не говоря уж о том, что жизнь родителей просто загублена, а часто и семья разрушена. Прав он и в том, что генетики должны бы выработать и применять средства предупреждения зачатий, генетически осужденных на катастрофическое потомство. В тех случаях, когда нет возможности вовремя предупредить, он предлагает разрешить аборт в любой момент беременности и даже сразу после нее. Включать ли в этот период «постнатальный аборт», зависит от того, с какого момента признавать человека человеком. Это тот самый вопрос, который поставил Веркор. Только в отличие от Темплмора Никонов реально никакого младенца не убивал.

Более того, с гитлеровцами его и его сторонников равнять никак нельзя. Там тех, кого признавали неполноценными, предписывалось умерщвлять в любом возрасте в массовом порядке, варварскими методами. Несомненные люди объявлялись недочеловеками (Untermensch), неполноценными признавались не только психически больные, но и иные расы, сексуальные меньшинства. Здесь же речь идет всего лишь о некотором расширении сферы аборта, и не аборта вообще, а лишь по медицинским показаниям.

Если уж сравнивать, то скорее со спартанцами, по легенде, сбрасывавшими со скалы неудачных новорожденных. В меньшей

мере это походит на обычай, чрезвычайно распространенный в Китае до самого недавнего времени, а последствия его ощущаются в Китае еще сейчас. Как сообщил в своих лекциях по радио авторитетный экономист Е. Ясин, там ныне нехватка невест, огромное превышение численности мужчин. А причина та, что население в массовом порядке убивало новорожденных девочек, потому что пенсий и бесплатных всеобщих медицины и образования в Китае нет, а содержать родителей должны сыновья.

Лильин прав по-своему. Он как врач обязан прилагать все усилия, чтобы спасти как можно больше жизней, улучшить состояние больных хотя бы немного, помочь тем, кто страдает, терпит мучения. Это он и делает, и делает блестяще. Он подвижник и энтузиаст своего дела. Хвала ему. Светлана Сорокина всей своей деятельностью отстаивает гуманизацию нашей жизни, она усмотрела в высказываниях Никонова грубость и цинизм, холодный и трезвый расчет в деле, в котором требуется теплота и сочувствие, осторожность и трепет. Очень многие солидаризируются с ней, и это радует.

На мой взгляд и «Спид-Инфо», и «Эхо Москвы» в поисках остроты вывели над всей дискуссией непозволительные заголовки. Заметка Никонова в «Спид-Инфо», с которой все началось, называлась «Добить, чтоб не мучился». «Эхо Москвы» назвало свой «Клинч» «Имеют ли право на жизнь больные дети?». Конечно, имеют. О чем тут спорить? Это не должно обсуждаться. Тон и сравнения Никонова действительно коробят своим цинизмом. Далее, Никонов все время говорит о дебилах. Но грань между ними и просто детьми со слабыми способностями неуловима, потому что дебилизм – это самая легкая степень поражения мозга у олигофренов, и как раз дебилов-то педагоги и медики неплохо адаптируют к жизни. Мы неоднократно наблюдаем, как некоторые дебилы делают неплохую карьеру и становятся нашими начальниками. Хуже с неизлечимыми кретинами и идиотами.

Никонов предоставил самим родителям решать, пресечь ли жизнь несчастного новорожденного. А нужна ли родителям такая свобода? Это ведь груз тяжкой моральной ответственности за акт, который может в каком-то смысле рассматриваться как убийство, и его предлагается возложить на потрясенных родителей, к тому же далеко не всегда виновных? Виновны, если пьяное зачатие, наркотики и т. п., но ведь случается рождение такого плода и просто так, по неудачному сочетанию хромосом! Затем нужно учесть, что у роженицы длительным воздействием гормонов вырабатывается особая нежность и любовь к выношенному дитяти, как ей пойти на такие радикальные меры! Она успела

полюбить свое неудачное дитя! Нам трудно усыпить собаку или кошку, а тут собственный новорожденный ребенок!

4. Что делать? Я понимаю, что вступаю на очень опасную стезю, потому что страсти кипят нешуточные. Но попытаюсь сформулировать мысли, которые, если и не всех устроят, то могли бы быть положены в основу дальнейшего обсуждения.

Очевидно, что, во-первых, нужно резко усилить помощь государства тем родителям, у которых есть такие дети, которые их уже воспитывают, и тем домам инвалидов, которые успешны в реабилитации подобных питомцев. Безусловно, никакие намеки на необходимость уничтожении таких детей не должны выдвигаться – и сам помысел такой должен рассматриваться как кощунство. Во-вторых, на мой взгляд, нужно ввести государственную норму, государственную рекомендацию по проведению аборта по медицинским показаниям (предстоящее рождение олигофрена, страдающего синдромом Дауна и т. п.) в любой момент беременности, чтобы ответственность за пресеченную жизнь лежала не на родителях, а на медицинской комиссии. В-третьих, этим родителям должна быть оказана максимальная помощь в обеспечении новой беременности и нового рождения или усыновления ребенка, на что нужно выделить средства и силы.

Разумеется, такое решение – это страшная трагедия для тех, кто в нее вовлечен, но и жизнь такого ребенка и семьи с таким ребенком тоже трагична, и если можно этого избежать с санкции государства и общества, то это должно рассматриваться как меньшее зло для всех.

Многие религии и государства отвергают аборты вообще, но по медицинским показаниям их признают. Особенно агрессивны выступления против абортов в США. Но вот недавнее исследование Стивена Левита, увенчанное престижнейшей премией (отражено в книге «Фрикономика», переведенной в 2007 году и у нас). Американцев поразило, что постоянный рост тяжких преступлений против личности с 1994 года сменился в стране резким падением этой преступности. Левит доказал, что падение это вызвано тем, что за двадцать лет до того в США были легализованы аборты. В тех штатах, где это было сделано на три года раньше, на тот же срок раньше началось падение преступности. Потенциальные преступники из неблагополучных семей просто не родились. Это поддержало идею абортов несмотря на многие минусы – вред для здоровья и т. п.

А здесь речь идет также о пресечении рождений тех детей, которые по биологическим причинам несут несчастье семье, да и сами обречены на жизнь с недоразвитым сознанием. На жизнь,

которую никто не пожелал бы ни для своего ребенка, ни для себя самого.

5. Границы аборта. Пункт преткновения – «постнатальный аборт», пресечение жизни новорожденного при явной, зафиксированной медиками физиологической катастрофе. А здесь встает этот самый вопрос – кого считать человеком. Совершенно несомненно, что человек принадлежит к миру животных, и всякий человек – животное, он есть животное с самого начала жизни – с зачатия, с первого же деления клеток зародыша. Зародыш – это уже животное. Но когда оно становится человеком? Еще в утробе? Вряд ли. Религия решает вопрос упрощенно – Бог вдувает душу живу, но когда именно? Тут можно вести теологические споры: по одним взглядам, с момента зачатия, по другим – на 14-й неделе беременности или на 101-й день…

Наука не может исходить из гипотезы о боге и душе. Как известно, даже в первый год жизни ребенок очень мало отличается по своим способностям от детеныша шимпанзе. Но имя, сходство с родителями, одежки, игрушки, наша любовь окружают его и делают его в нашем представлении человеком. Его человеческие качества – только в потенции, в наложении на него будущих, мыслимых качеств и свойств. Но они определяют все. А если этого будущего нет или оно печальное?

Понимаю, что в каком-то смысле привлечение романа Веркора ужесточает шокирующий аспект проблемы недопущения катастрофических рождений. Олигофрены и даже просто новорожденные оказываются сопоставлены с промежуточными звеньями эволюции, с «недочеловеками», как нередко говорят. Я не хотел бы употреблять здесь этот термин: он оброс расистскими коннотациями. В применении к олигофренам, даунам и подобным я считаю оправданным называть их ущербными или недоразвитыми людьми, потому что в умственном отношении они застывают на уровне 4–7-летнего ребенка, а когда взрослый человек застыл на этом уровне, это, конечно, ущербность и недоразвитость.

Что же до любых младенцев, то перед нами в антропологическом смысле еще не вполне человек. По теории рекапитуляции (или биогенетическому закону) Геккеля, онтогенез повторяет стадии филогенеза. Антропологи говорят о разных стадиях приближения к человеческому состоянию в ходе антропогенеза (то есть филогенеза) – через ряд промежуточных звеньев, но также и в ходе онтогенеза (индивидуального развития ребенка). Чем ближе к зародышу, тем больше животного, меньше человеческого. Насколько человеческий облик зависит от

энкультурации, от воспитания (и, следовательно, от способности воспринять его), видно в казусах детей-маугли, выросших без контакта с людьми, – они вполне животные и даже уже не способны к очеловечению (для этого есть свое время, и оно упущено).

До 22-й недели развития плода включительно аборт официально разрешен, стало быть, до этого срока зародыш (здоровый зародыш!) официально не считается неприкосновенным – еще не считается человеком, хотя он и живой. Но если плод явно аномален и ребенок родится обреченным на ужасную судьбу, стоит ли ограничиваться 22-й неделей для аборта?

После этого времени аборт может производиться в чрезвычайных обстоятельствах по медицинским показаниям (тогда он называется искусственные роды). При этом ребенок часто погибает – ситуация та же. В большинстве случаев можно выявить непоправимые мозговые аномалии и уродства (делающие жизнь невыносимой) еще задолго до рождения, и очень желательно нацелить эту службу на как можно более раннее предупреждение.

Но если плод, извлеченный при таких родах (фактически аборте), оказался явно катастрофически ненормальным – стоит ли биться над тем, чтобы сохранить ему жизнь? Гуманно ли это? А если плод доношен и родился таким же? Он еще очень мало отличается от плода в утробе по своей приближенности к человеку в антропологическом смысле. Если он явно и бесповоротно (особенно по формированию мозга) ненормален, распространить ли на него право медиков решать вопрос о его судьбе? Вот это и есть те вопросы, о которых зашел спор и которые зависят от проведения грани между плодом и ребенком в данной культуре, в данной исторической ситуации.

На мой взгляд постановка этой проблемы не должна никого оскорблять. К выжившим детям обсуждаемые предложения не относятся. Как не относятся всякие будущие абортивные меры к тем детям, которые избежали аборта. Очень хорошо, если все прошло удачно. Но было бы странно, если бы родители восприняли как оскорбление в свой адрес рекомендацию аборта другим потенциальным родителям, стоящим перед такого рода выбором.

То же и родители даунов и кретинов. Они сохранили своим детям жизнь и воспитывают их, жертвуя собой – это подвиг. У них были свои резоны на это, и он вписывается в лучшие традиции гуманности. Только не надо ожидать, чтобы все считали такое решение приемлемым для себя, не надо требовать от всех такого

героизма, мешать другим принять другое решение. Не забудем, что очень многие в такой ситуации сдают своих детей в детские дома. Значит, не прикипели душой. Не надо запрещать обсуждение этой темы. Ведь никто и не предлагает родителям-подвижникам умерщвлять их любимых детей, страдающих синдромом Дауна и олигофренов. Речь идет о том, как поступать тем, у кого родился даун или олигофрен. Как быть с теми, кому еще только предстоит родиться и стать дауном или олигофреном. Можно ли это предотвратить?

Вполне очевидно, что точное определение грани между человеком и животным, между плодом и ребенком очень условно и зависит от согласования мнений специалистов разного рода – биологов, медиков, философов и антропологов. В конечном счете – от голосования уполномоченных специалистов. Более того, по-видимому, оно для разных жизненных надобностей может быть разным. Но именно в нем – решение проблемы.

6. Тропи как люди. А как решили эту проблему в Англии, по роману Веркора? Суд постановил, что человеческий статус определяется наличием религиозного духа, который проявляется в целом ряде действий – от ритуалов до каннибализма. И хотя ритуалов у тропи не было найдено, а каннибализм проявлялся не у них, а у папуасов, которые лакомились мясом тропи, тропи были признаны людьми. Значит, Темплмор – убийца собственного сына? Нет, закон ведь обратной силы не имеет. В момент умерщвления, как заявил адвокат Джебсон, жертва еще не являлась человеческой личностью. Ведь тропи стали людьми только в момент оглашения приговора.

Написано в январе 2009, не публиковалось

15. Вечен ли свет жизни?

Археологическая литература о погребениях и погребальных обрядах, естественно, чрезвычайно обильна, но книга московского археолога Ю.А. Смирнова все же стоит в ней особняком. Для такой категории книг она называется странно «Вечный свет жизни», и содержание ее раскрывается только в подзаголовке: «Сакральные тексты и погребальные традиции» (М.: Человек, 2013). Увы, мы знаем из астрофизики, что мир конечен и как он зародился некогда в результате космического взрыва, так и погибнет. Единственным утешением является то, что это будет через много миллиардов лет. Не оставляет надежды и христианская религия – она тоже учит, что конец света наступит, и даже в не столь отдаленные времена. Что уж и говорить о политической ситуации – тут ядерная катастрофа выглядит очень даже возможной на глазах еще ныне живущего поколения.

Я знаю Юрия Алексеевича давно не только лично, но и по его основательным трудам, например по фундаментальному труду о мустьерских (преимущественно неандертальских) погребениях. О тех, относительно которых долго стоял вопрос, погребения ли это или всего лишь оставление умерших животных родными, не доросшими до человеческого сознания, существами. Смирнов доказал, что это настоящие погребения, что неандертальцы – люди, заботящиеся о том, что становится с их умершими сородичами, и, видимо, имеющие представление о мире ином и потустороннем существовании – стало быть, о душе.

В новой работе, изданной тиражом в 500 экземпляров, Смирнов собрал все сведения о таких сакральных текстах, как Книги мертвых – египетская, тибетская, индуистская, мезоамериканская (индейцев майя), – и проследил их отражение в заупокойном каноне соответствующих религий, в олицетворениях смерти. В отдельном разделе этой книги Смирнов рассматривает Апокалипсис (Откровение Иоанна Богослова) как нечто вроде христианской Книги мертвых (его сближения весьма интересны и правдоподобны), а в другом разделе он предлагает рассмотреть волшебные сказки как древнейшие Книги мертвых. В.Я. Пропп показал, что волшебные сказки отображают обряд инициации, а ведь инициация инсценирует умирание и последующее воскрешение инициируемых: Баба-яга в избушке на курьих ножках давно интерпретируется как мертвец в гробу. Эти экскурсы являются блестящими идеями и при всей эксцентричности обогащают наше понимание всей этой сферы культуры.

В части второй Смирнов разбирает сакральное право и похоронные обычаи. Он, как и в первой части, занимается тут только цивилизованными народами, оставившими хорошие описания похоронных обычаев. Это древнеримские законы, библейские предписания, похороны и траур в иудаизме, они же в христианстве и исламе, далее – в зороастризме и маздеизме, в ведизме и индуизме, в конфуцианстве. Обо всем этом говорится с обильным цитированием источников, но без малейшего приведения археологических свидетельств, хотя они, конечно, неимоверно богаты и наглядны. В данной книге представлена только письменная часть материалов, но представлена хорошо. Эта вторая часть может служить отличным справочным пособием.

Вернемся, однако, к первой части. Именно в ней находится объяснение странного названия книги о Книгах мертвых и похоронных обычаях цивилизованных народов. Дело в том, что, как ясно из текста, автор верит в ту основную идею, которую развертывают Книги мертвых – идею о *жизни после смерти*. Когда он говорит о «вечном свете жизни», он имеет в виду не жизнь в космическом масштабе, а индивидуальную жизнь каждого человека – она должна продолжиться после его смерти как жизнь его души в мире ином.

Что ж, это идея всех или почти всех религий. На эту тему были написаны тысячи богословских трактатов на разных языках. По-видимому, Смирнов издавна веровал – это его личное дело, и как это сообразуется с его статусом ученого, да еще в такой сильно конфликтующей с религией сфере, как археология (взять хотя бы библейскую хронологию или вопрос о возникновении человека), – опять же ему решать. Но он хранил свои верования в глубине души и делал свое дело в археологии профессионально.

Выступить с открытым забралом в печати его побудил успех книги Рэймонда Моуди «Life after life» («Жизнь после смерти»), вышедшей в 1975 году в США. Моуди обобщил воспоминания 150 пациентов, переживших «малую смерть» (клиническую смерть), о своих видениях, оставшихся в их памяти при возвращении к жизни. Все они видели какой-то туннель, световое пятно, падение или полет к нему, встречи с какими-то существами, мытарства, суд над поступками, города света и т. п. За книгой Моуди разом появились тысячи книг его последователей. Еще бы! Такое подтверждение верований экспериментальной медициной! В советском государстве книга Моуди появилась сначала в самиздате в 1978 году, потом в открытой печати в 1990-м. За ней последовали книги Дж. Кларка, Р. Моритц, Форда Артура, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), Роуч Мэри и так далее. Вот и Смирнов решился, присоединив к опыту «посмертных

состояний» психоделический опыт принимавших сильные обезболивающие «и другие наркотические препараты» (М. Агеев «Роман с кокаином», М. Булгаков «Морфий»).

Он подметил, что в Тибетской книге мертвых («Бардо тхедол») описанные явления в мире ином совпадают с явлениями, описанными Моуди: туннель, светоносное существо, загробный суд и так далее (см. таблицу на с. 40–41).

Приводя все доказательства в пользу идеи Моуди и «своей» о пребывании душ (сознания) в мире ином, Смирнов по нормам религиозного писательства и прозелитизма совершенно не упоминает те чисто медицинские, физиологические объяснения, которые были даны всем этим видениям – как «посмертным», так и психоделическим. Объяснения (психиатра Р. Сигела, Н. Губина и других) специфическими механизмами деятельности мозга при обедненном снабжении кровью, кислородном голодании и других факторах в этих ненормальных условиях – когда зрение в столь экономном режиме сосредоточивается на узком кружке и человек видит туннель, световое пятно. Это ведь классическая тема галлюцинаций. Сейчас есть ряд исследований, объясняющих многие формы первобытного искусства типичными галлюцинациями при приеме галлюциногенных препаратов, которые часто употреблялись в разных древних культурах (мухоморы, пейотль, эфедра, мандрагора и другие). Первобытные люди изображали свои галлюцинации, и эти их рисунки совпадают с рисунками современных наркоманов. Смирнову, конечно, известны эти исследования. Почему же о них нет ни слова?

Если бы Смирнов поступал в данной ситуации по нормам научного исследования, он должен был бы рассмотреть все объяснения и выбрать наиболее убедительные по научным критериям.

В книге есть и дополнительные экскурсы в защиту православного миропонимания. В частности, по утверждению Смирнова, несколько независимых источников (евангелических, исторических и геологических) подтверждают факт землетрясения в Израиле в первой половине первого века нашей эры. Более того, они называют «три возможных даты этого события, а именно 31, 32 и 33 годы нашей эры» (с. 26). А тем самым они подтверждают, по мысли Смирнова, факт чуда – реакции самой природы на казнь Иисуса Христа. «И вот завеса в храме разодралась на две части сверху и донизу». Смирнов также приводит со своей стороны ряд доказательств, стоящих за каждой из этих трех дат. В каждом случае названо и конкретное число – 23 марта 31 года, 25 марта 32 года и 4 апреля 33 года. Смирнов

считает, что наиболее заслуживает доверия пятница 3 апреля 33 года.

Когда в современном суде говорят, что событие произошло в три разные даты и приводят весомые доказательства каждой из них, то это означает, что ни одно доказательство не состоятельно и что доказательства реальности события нет. Я не говорю, что не было такого события, вполне могло и произойти и даже совпасть по времени с нужной датой – в этом регионе часто происходили землетрясения. Но когда о нем сообщают расходящиеся свидетельства, то мы этим свидетелям не вправе доверять в целом.

А.Ю. Смирнов имеет полное право исповедовать ту или иную религию, но тогда нужно решить изначально, какую именно работу он пишет: научное исследование или теологический трактат. У них разный способ постановки вопросов, разные критерии оценки достоверности, разные системы доказательств, да и разная аудитория.

Смирнов столь проникся сакральными истинами, которые он открыл для себя, что вывод из первой части своей книги сформулировал в стихах:

Когда-нибудь и я
В долину Смертной тени
Конечно же сойду обиды не тая
Когда закончатся последние ступени
Последние страницы Книги Бытия
Тогда откроется иная Книга Мертвых
Иное Бытие – Другие Берега
И меж брегов сознаньем полустертых
Блеснет Надеждой Новая Стезя.

Я значительно старше Юрия Алексеевича, и мне предстоит «сойти в долину Смертной тени» значительно раньше него. Никакой Новой Стези мне там не видится. Этой надежды у меня нет. Все, что мне суждено сделать, уже сделано и еще предстоит сделать здесь. Жить после смерти я буду только в том, что я успел сотворить при жизни в этом весьма несовершенном, но очень привлекательном мире. Планировать себе иную жизнь в ином мире – традиция давняя, но не представляющаяся мне трезвой. Шахида ждут там 72 девственницы, христианина – райские кущи, меня там не ждет никто и ничто. Предпочитаю сознавать, что возможности мои исчерпаны и я кладу последние штрихи. Соответственно и нужно поступать в оставшееся время.

VII. Ученый и публикации

1. Коллективный организатор?

В 2001 году я опубликовал книжку «Принципы археологии». Я пришел к выводу, что в основе всех положений археологии лежит не одна система исходных принципов, а две, прямо противоположных одна другой, и что обе валидны. Отсюда сложность аксиоматизации дисциплины, а значит, ее компьютеризации. Мне представляется, что это относится не только к археологии.

Ни в археологических журналах, ни в прочих на эту книжку рецензий и откликов нет.

В 2004 году вышла моя книга «Введение в теоретическую археологию», итоговая для моих работ по разработке этой отрасли. Рецензий нет, хотя я знаю, что молодежь ее расхватывает.

Когда в 2000 году вышла моя книга по антропологии девиантного поведения, 3000 экземпляров разошлось за три месяца почти исключительно в Петербурге (сеть распространения не работала), в том же году вышло второе издание, тоже на 3000 экземпляров, и тоже разошлось. Крохотные рецензии появились в газете «Культура» и самиздатовском листке в Киеве, потом одна серьезная рецензия в журнале «Новое литературное обозрение». Остальные журналы ее выхода не заметили.

Когда в 1993 году вышла моя книга «Феномен советской археологии», в письме своей московской приятельнице я посетовал: такое впечатление, что кричу в пустоту. Она отвечала, что, услышав о появлении моей книги, тотчас побежала в магазин, но книги ей уже не досталось. «А вы жалуетесь». Но рецензия появилась нескоро, причем негативная. Одна. Только переводы за рубежом вышли быстро, и уж там-то аналитических рецензий было немало.

Я привожу в пример свои книги, потому что учет рецензий «на себя» веду аккуратно и потому что мои работы заметны. Я в общем не обижен рецензентами. На первую мою книжку, вышедшую в 1978 году, а затем переизданную в серии «Классика археологии», рецензии и отклики продолжают идти до сих пор (в общем их было до двух десятков). На мои мемуары, вышедшие в 2010 году, уже накопилось 23 рецензии и отклика. Есть и другие книги, замеченные журналами. Но раз на раз не приходится. Что уж говорить о менее известных работниках.

А проиллюстрировать я хочу сложившуюся у нас ситуацию, когда научные журналы большей частью не имеют продуманной политики рецензирования, когда нет системы рецензирования. Ни

для кого не секрет, что рецензии появляются у нас случайно и как попало. Впрочем, не совсем случайно (случайно лишь с точки зрения весомости книг). Некоторые закономерности есть.

Прежде всего, журналы замечают публикации начальственных персон. Появление такой работы влечет за собой шквал хвалебных рецензий. Когда выходила работа главы советской археологии академика Б.А. Рыбакова, немедленно печаталось в разных журналах полтора-два десятка апологетических рецензий, хотя работы были талантливыми, но очень спорными. Правда, я заметил, что среди рецензентов не было ни одного видного специалиста ни в славяно-русской археологии, ни в славистике вообще.

Вторая категория рецензий – рецензии приятелей и коллег, которых автор попросил откликнуться. Эти нетрудно узнать по беззубости и пустоте.

Третья категория – рецензии заядлых противников и исследователей, больно задетых автором. Нередко для возможности хлестко ответить в одном абзаце написана вся рецензия.

Очень редко рецензия написана потому, что рецензент заинтересовался работой и захотел поделиться своими соображениями, привлечь внимание к работе.

По Ленину, газета – это «коллективный организатор». В большой мере это можно отнести и к журналу. Я знаю журналы, например по языкознанию, где редакция хочет представить читателю системный обзор всего, что появилось по определенной теме, отметить именно наиболее выдающиеся работы в какой-либо отрасли знания, не упустить важного, как и заслуживающего отповеди. Для этого редактор привлекает молодежь – аспирантов, ассистентов. Для «сканирования» отрасли обзорными рефератами это неплохо. Но вескими рецензии получатся только, если привлечь авторитетных авторов. А они обычно писать рецензии не хотят: это отвлекает от собственной работы и может повлечь за собой ненужные обиды коллег.

На мой взгляд, для выхода из этой ситуации нужно не только определять на заседаниях редколлегии рецензионную политику журнала, но и заказывать рецензии, и платить за них (быть может, даже больше, чем за статьи). Только тогда журнал станет действительно организующей силой в науке, а не просто периодическим сборником лучших статей, выходящим раз в месяц или в квартал в той или иной дисциплине.

№ 8 (824), 22 июля 2008

2. Невидимая литература

Примерно в середине 1970-х годов в археологии сложилась новая отрасль – теоретическая археология. Есть теоретическая физика, теоретическая биология, почему ж не может быть теоретической археологии? Справедливо или нет, но в мире я считаюсь одним из создателей этой отрасли. Слишком долго археология была сугубо практической, полевой наукой. В Англии археологов стали делить на dirt archaeologists («грязных археологов» – полевых, с пылью на сапогах) и chair archaeologists («археологов кресла» – кабинетных чистюль).

Последних не уважали. Клайд Клакхон говорил, что теоретизирование – «это то, что вы делаете, если вы слишком ленивы, или слишком нетерпеливы, или слишком кабинетный ученый, чтобы выйти и взяться за факты». Симпозиум теоретиков, на котором я присутствовал, моя коллега из Москвы, видный ученый, оценила в письме ко мне так: там собрались люди, которые не любят археологию, а хотят лишь щеголять заумными словесами. Я ей ответил: «Уборщица, которая подметала зал заседания, думала именно так, но ей это простительно, а тебе – нет».

За полвека в науке у меня сложились представления о функциях и структуре археологических теорий, об их трансформации в методы исследований и о новациях, которые они вносят в практику. Я разработал курс лекций, который читал сначала в Ленинградском университете, потом в зарубежных университетах. Публиковал статьи, конечно, на русском, также на немецком и английском, но книгу издать не удавалось.

В 1993 и в 1998 годах я читал этот курс в Копенгагенском университете. Профессор Клаус Рандсборг, заведующий кафедрой археологии, пригласивший меня, надеялся услышать о новых конкретных раскопках в России, но я уговорил его дать мне возможность познакомить датских студентов с моими теоретическими изысканиями. Рандсборг, выдающийся ученый, принадлежит к числу завзятых практиков, вел раскопки в Дании, Африке и России. Он решил сам послушать мои лекции и присутствовал на каждой из них. После первых же лекций он стал активно участвовать в обсуждении своими вопросами и комментариями. И вскоре признался: «Я думал, что будет очередная болтовня, интеллигентный треп, как большинство докладов по теории, а тут – все серьезно и солидно! И чрезвычайно полезно! Это в самом деле наука!»

И он тотчас предложил мне издать у него мою обобщающую

книгу по теоретической археологии. Мой английский был достаточен для чтения лекций, но это был, конечно, не тот английский, на котором можно писать книги. К счастью, среди моих студентов в Копенгагене был один англичанин, Ян Симпсон, который выбрал датский университет, потому что там учиться дешевле, чем в Англии. После окончания учебного года он и один из моих датских студентов поехали со мной в Питер и были со мной до тех пор, пока язык моей книги не стал чисто английским (ну, возможно, с оттенком молодежного стиля).

Книга вышла как отдельное приложение к датскому ежегоднику «Акта Археологика», распространяемому по подписке. Он имеет свою аудиторию, весьма профессиональную, но узкую. В магазинах книги не было. Купить ее невозможно. Она поступила только в самые крупные европейские библиотеки.

Вскоре мне удалось выпустить и русский вариант книги. Этот вариант «Введения в теоретическую археологию» вышел в «Бельведере» – одном из небольших издательств, отколовшихся от головного издательства Санкт-Петербургского университета. Такие издательства издают очень качественные и сугубо научные книги. У меня нет претензий к изданию – книга издана великолепно: очень аккуратно, красиво, серьезно. Но бедой таких издательств является узость базы распространения их продукции. У таких издательств обычно есть договор лишь с несколькими местными книжными магазинами – в том же городе, где располагается и само издательство. Моя книга издана неплохим для научной книги тиражом (1000 экземпляров), но расходится почти исключительно в Петербурге. В другие города попадает лишь с оказией. Поэтому петербургская ниша (сколько в Питере археологов?) уже насыщена, а дальше книга расходится медленно, тогда как прослышавшие о ней археологи, интересующиеся теорией, но живущие в других городах, пишут, что достать ее не могут. Ну, достают, конечно, – через питерских друзей, могли бы заказать и по почте, но это у нас мало принято. Вот и получается, что книга хорошо издана по-английски и по-русски, а ее словно и нет.

У американских библиографов есть такой термин – «серая литература». Он относится к литературе по частным вопросам, выходящей в провинциальных городах, в глубинке, плохо изданной и не попадающей в библиографические списки и справочники. Указанные мной книги к «серой литературе» не отнести: они не страдают мелкотемьем, изданы отлично, вышли в столицах, в библиографических справочниках фигурируют, а вот к читателю проникают очень туго. Остаются такими же невидимками. Оказывается, существует и такая невидимая,

темная литература. И это проблема.

Путь преодоления проблем, связанных с западным вариантом академического книгоиздания (приложений к подписным изданиям), только один – заинтересовать какое-нибудь крупное (кембриджское, оксфордское или нью-йоркское) издательство и переиздать книгу там. Но это хлопотно, а само собой происходит только после смерти известного автора.

У нас есть разные пути, но они, вероятно, требуют государственной помощи, потому что научная книга большого и немедленного дохода не приносит. Нужно развитие книготорговой сети, которое охватило бы мелкие издательства. В советское время такая система была, но она разрушена. Нужна система грантов и льготных кредитов, которая бы поощряла распространение книг, а не только их написание и издание. В Германии такая литература выкупается государством и рассылается по библиотекам. Невидимая литература – это непрочитанные книги, лежащие мертвым грузом на складах, это читатели, пребывающие в поисках нужной книги, и авторы, ждущие отклика.

№ 2 (46), 2 февраля 2010

3. Пять барьеров к признанию

К старости приходит признание. В нынешних фундаментальных науках настоящее мировое признание приходит, только если удалось напечатать результаты своих трудов на английском языке. Ведь такое признание означает их широкое распространение среди коллег. Из моих 390 печатных работ (это к 2008 году) около 120 напечатано за рубежом, в основном на английском и немецком, но есть работы и на испанском, французском, польском, словенском и других языках. Это почти треть. Монографий у меня 21 [теперь уже 37], из них за рубежом напечатано 8 [теперь уже 10, а считая с Украиной 14]. Вроде бы сетовать на судьбу не приходится. Но это глядя со стороны.

Я уже писал о цензурных фильтрах советского времени. Ныне рогатки с внутренней российской стороны исчезли, но четче проступили барьеры с той стороны бывшего железного занавеса. Я буду говорить лишь о книгах, потому что статьи менее заметны и не столь престижны.

Во-первых, далеко не все, что вы хотели бы опубликовать, интересно за пределами России. Там есть свои запросы. Часто эти запросы совершенно не совпадают с вашими, сформированными вашей традицией, вашей научной школой. Эти запросы фильтруют ваши работы. Поэтому критики не раз отмечали, что есть три Клейна – один отечественный, другой англоязычный, третий – немецкоязычный. Все три пишут о разном. Соединились они только в Словении: там переводили почти все. Теперь соединились и на родине. Но не в англоязычном мире.

Второй барьер. Мало напечататься на английском. Надо напечататься в хорошем издательстве с хорошей сетью распространения. Скажем, мою книгу «Введение в теоретическую археологию», очень важную для меня, напечатали в Копенгагене на английском языке и отдельным томом, но как приложение к солидному журналу «Акта Археологика». А это значит, что книга не поступает в магазины, а приходит лишь подписчикам журнала.

Третий барьер – языковой. Перевод дорого стоит, издательство готово его оплатить (плюс гонорар), если издание окупится. А это либо сенсационные открытия (скажем, для археолога – находки золотых украшений), либо научный скандал, либо абсолютно новая тема. Обычный даже очень серьезный вклад не имеет шанса на повышенное внимание. Предпочтут своих. Мою «Археологическую типологию» издали в Оксфорде, но взяли переводчицу подешевле. Она не владела как следует ни

археологической проблематикой, ни русским языком. Расчет был на то, что я все поправлю. Я начал это делать, но в самом начале работы был арестован (шел 1981 год), в тюрьме мне делать корректуру, разумеется, запретили. Книгу издали без меня, так как дело мое было затеяно КГБ и издатели боялись, что я ухожу из обычной жизни очень надолго. Но первый приговор был отменен, второй был помягче, и я вышел через полтора года. Когда я взглянул на вышедшее издание, впору было проситься назад в тюрьму от стыда.

Разумеется, можно самому написать книгу на английском или немецком – я же читал лекции на обоих этих языках. У меня хорошее произношение, но в моей фразеологии можно обнаружить русизмы. Это нравилось моим венским и американским студентам – записав лекции на диктофон, они воспротивились их правке: говорили, что так они лучше запоминают. Но вряд ли это понравится редакторам. Нужна обработка носителем языка, а это тоже деньги.

Четвертый барьер – стилистический. Чтобы иметь больше шансов напечататься за рубежом, нужно писать так, как пишут они: экономно, желательно с юмором, многое упрощая, избегая длинных предложений, глубоких экскурсов и детализирующей полемики. Мы так не привыкли.

Пятый барьер – мода. Там каждое десятилетие – два появляется очередная мода на новый методологический подход, на некую философскую новацию, и такие книжки сразу принимаются в печать, издаются и становятся на полки у входа в университетскую библиотеку, чтобы за ними далеко не ходить. Если нет охоты гнаться за такой модой, шансов на успех меньше.

Да, я известен на Западе, пожалуй, больше многих других российских археологов. Но у меня есть внутренняя неудовлетворенность – может быть, от нескромности. Мне за восемьдесят, и ощущение такое, что мои основные достижения так и не были оценены в научном мире, мои главные идеи по-прежнему не использованы. На родине они в значительной части не востребованы, а на западе их не знают. Знают меня, но не знают моих идей.

Какой из этого вывод? Для меня – сожалеть, что был недостаточно энергичен. А для более молодых? Мне кажется, публиковаться на иностранных языках всерьез можно, либо если уехать на Запад очень надолго и переучиваться (некоторые мои коллеги так и поступили, но тут есть свои издержки), либо создавать возможности публикации на иностранных языках (прежде всего на английском) здесь. И продавать российские произведения на запад. Мне кажется, это свободная ниша для

издательского бизнеса. Трудная, но перспективная.

№ 3 (22), 17 февраля 2009

4. Об индексе Хирша и проделках с ним

Использование для характеристики уровня ученого ТОЛЬКО библиометрических показателей – это высшая степень пошлости, безусловно, оскорбительная для настоящих ученых. <…>

Анекдот, который ходил в МЭИ (Московский энергетический институт): Стали три мужика мерять, у кого Хирш больше. Один говорит: у меня 25 см. Второй: а у меня 12 дюймов… Третий подумал, подумал, и говорит: а у меня 750 нанометров. – Как, такой короткий? – Нет, такой красный!

Высказывание в обсуждении материала «Клуб выдающихся ученых» на сайте «ТрВ», 4 октября 2013

В нескольких своих публикациях я задевал работы американского профессора русского происхождения А.А. Клесова по изучению гаплогрупп, считая эти работы очень близкими к конструированию лженауки. Вдобавок Клесов в Америке воспылал патриотическим ражем и выступил в защиту антинорманизма, а я критиковал и это увлечение. Клесов решил в ответ уничтожить мою научную репутацию. Для этого он на портале Переформат. ру подверг мои работы анализу, вычисляющему индекс Хирша, – и получил к своему великому удовольствию индекс 1, чрезвычайно низкий[20]. А для того, чтобы добиться места постоянного профессора в США, как говорит Клесов, нужен индекс не меньше 12–15. Клесов подверг такому же анализу работы другого своего противника, «нормaниста» Е. Пчелова, и получил индекс 2, тоже маленький.

Из моих 600 с лишним печатных статей индекс зацепил только несколько: три в американском журнале переводов советских работ «Советская антропология и археология» (Клесов назвал его неправильно: «Антропология и археология Евразии») и одну в журнале «Природа». Естественно, в таких журналах я печатался очень мало, в «Археологии, этнографии и антропологии Евразии» (такой журнал действительно выходит, но в Новосибирске) вообще не печатался.

Клесов делает оговорку: «Должен, впрочем, сказать, что я смотрел именно на вклад в мировую, международную науку. Если ввести фамилию русскими буквами, то цитируемость будет в России, но не в мире. Тогда у Л. Клейна индекс цитируемости будет 12, у Пчелова – 6». Вот спасибо! Да ведь и это передержка. Это малая часть ссылок на мои работы.

Мошенничество почтенного профессора состоит в том, что индекс Хирша изначально стал применяться только к наукам естественным и точным, но не к гуманитарным, не к

культурологическим, не к Geisteswissenschaften. Ведь журналы по этим наукам, даже очень авторитетные, как правило, не входят в число реферируемых международными службами библиометрии и не попадают в ту базу, на основе которой вычисляется индекс Хирша. Я говорю: мошенничество, а не ошибка, потому что Клесов должен это знать.

Затем индекс Хирша не учитывает монографии, а у меня их несколько десятков – на них основная масса ссылок. Моя первая книга, вышедшая 35 лет назад, переиздана в серии «Классика археологии». Не учитываются переводы моих книг, в то время как они переведены в Англии (несколько), Германии, Испании, Словении (несколько), не говоря уж о переводах статей (больше сотни). На некоторые мои книги есть десятки рецензий и откликов. В 1993 году в Кембриджском театре (не нашлось более вместительного зала) состоялась моя лекция «Принципы археологии», объявленная за два года до выступления, – на нее съехались видные археологи со всей Англии. Редактор журнала «Current Swedish Archaeology» спрашивал меня в интервью: «На днях у Вас была встреча с группой выдающихся шведских археологов, включая государственного антиквария и глав университетских кафедр. В приглашениях на эту встречу Вы были представлены как один из легендарных археологов Европы. Что Вы скажете об этом легендарном статусе?» Сейчас у меня выходит по несколько монографий в год. В 2011 году на международной конференции в Бирмингеме без моего участия обсуждали мой вклад в мировую науку.

Пишу об этом не ради саморекламы (не нуждаюсь в ней на старости лет), а чтобы показать, что и у гуманитариев может найтись на что опереться в оценке своих достижений.

Я отнюдь не считаю (в ответ) А.А. Клесова лжеученым. Его научная репутация зиждется на его исследованиях энзимов, на конструировании лекарств (я мог насчитать не менее пяти его книг или брошюр, вероятно, их больше). Даже его новейшее увлечение гаплотипами и гаплогруппами само по себе ничего дурного не содержит, но те исторические толкования, которые он давал своим материалам, рассуждая о русском «роде», обретаемом в глубине тысячелетий и арийстве славян, содержат явный уклон в лженауку, а его нападки на тех, кто придерживается взглядов, которые ему не нравятся, просто смехотворны. Как и некоторым другим ученым-естественникам, ему кажется, что в науках, изучающих культуру, историю и гуманитарную сферу, все просто и лежит на поверхности, особых методов, критериев и ограничений нет, а опираясь на знание естественных наук, можно легко во всем разобраться. Они

страшно негодуют, когда им указывают, что это не так. Ведь за ними индекс Хирша!

Можно иметь не только высокий индекс Хирша, но даже нобелевскую премию по химии и быть профаном в медицине, или быть специалистом в фармакологии и грубо заблуждаться в древней истории, археологии и лингвистике.

Впадение Клесова в лженауку можно диагностировать и по его стилю, ибо только лжеученые выражаются так: «и Клейн, и Пчелов – активные норманисты. Но их презрение к славянам и истории славян уже выплескивается за пределы норманизма и переходит на личность тех, кто изучает древнюю историю славян». Или на мои слова, что «*тезис Клесова о славянах и ариях сделал его изгоем среди ученых, занимающихся популяционной генетикой*», Клесов отвечает: «Вопрос – а зачем Л. Клейну эта ложь нужна? А так, структура мозга такая. Это называется „попытка дискредитации“, и у клейнов это получается автоматически, как дыхание. Они этим живут». Но ведь Клесов действительно изгой, солидные издания отвергают его статьи, и все популяционные генетики это знают. Означает ли это, что все эти издания находятся в руках «норманистов» и ненавистников славян с «переходом на личность»?

Между тем еще недавно Клесов очень хвалил мой подход к науке.

Не хочется применять резкие выражения в оценке деятельности Клесова, а ведь он их заслуживает.

Этот казус побуждает еще раз подумать над параметрами оценки научного труда в сообществе ученых. Видимо, индекс Хирша дает представление только об успехах в естественных и точных науках, притом давних. Очень разумной представляется мне статья А. Дыбо и С. Крылова «Наукометрия в лингвистике», помещенная в 18 номере газеты ученых «Троицкий вариант» и рассказывающая о неприменимости существующих измерителей успешности научного творчества (индекса Хирша и других) к лингвистике. Они неприменимы не только в лингвистике.

Но в принципе формализация оценки труда ученых возможна и для гуманитарных наук, библиометрия и тут может пригодиться, но лишь как подсобное средство и безусловно в сильно расширенном виде. Для более общей оценки требуется ввести в формальные показатели наличие авторских монографий или точно определенных вкладов в коллективные монографии, а также реакцию общественности на них. Нужно отметить приглашения преподавать в иностранных университетах (с учетом их рейтинга) и обсуждаемость трудов на международных конференциях. Разумеется, также получение Нобелевской и

других международных премий должно повышать ранг оцениваемого ученого (национальные премии не называю, так как они у нас часто зависят от административного ресурса и близости к начальству). К сожалению, ни научные степени и звания, ни указатели научного статуса (академик, членкор) не могут войти в общий индекс, потому что они слишком дискредитированы частыми фальсификациями и опять же использованием административного ресурса (по крайней мере, применительно к гуманитарным, социально-экономическим и философским наукам, а относительно выборов в Академию – ко всем дисциплинам).

Все эти параметры требуется формализовать и ввести их ранжирование. Разработка такого индекса могла бы существенно улучшить объективность оценки научного труда и повысить к ней доверие.

Опубликовано в: Грани научного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. Курск: Изд-во КГМУ, 2013

5. Три шара и антиглобализм

Не может быть ни патриотического искусства, ни патриотической науки.

И.В. Гете

Недавно в мои руки попала недавно изданная в Киеве двухтомная «Енциклопедія трипільської цивілізації» (2004) – роскошное издание на украинском языке. Масса цветных иллюстраций на отличной бумаге, новые материалы. Очень нужная сводка. Для меня украинский язык – не препятствие, но для большинства моих коллег – это существенный барьер. Мне казалось раньше, что тексты на близко родственных языках всякий разберет, но работая со студентами, я убедился, что это не так. Они несли мне написанные на украинском языке отчеты о раскопках с вопросами: «Вот сказано, что обнаружено три шара, а на чертеже – ни одного не показано» («шар» на украинском – это «слой»). Или: «Сказано, что скелет человека, а где же указание на пол?» («Чоловік» – по-украински «мужчина»).

Книгу о «трипольской цивилизации» русские археологи в большинстве читать не могут. Она и не рассчитана на широкий рынок, поэтому издана маленьким тиражом, а отсюда и колоссальная цена: 400 долларов. Насколько я представляю, покупку не осилит ни одна наша библиотека (Библиотеке Института истории материальной культуры книга была подарена).

На украинском издается и киевский журнал «Археологія», который также обходится без российских подписчиков. Сколько на Украине археологов? Несколько сотен. Вот для них он и издается. Русский язык все украинцы знают, ученые – тем более. Но не издают на нем научных журналов из соображений национального самолюбия и престижа. Между тем украинские археологи (как и все ученые) заинтересованы в широком распространении своих достижений, открытий, идей. Установка: хотят читать, хай вивчають нашу мову – смешна. Потому что тогда нам нужно учить и молдавский, казахский и многие другие языки национальных государств, возникших на постсоветском пространстве, а это трудно реализуемо. Ясно, что наиболее разумно издавать работы на языке, наиболее распространенном в регионе: авторы найдут более широкий круг читателей, издатели сумеют понизить цены, читатели получат доступ к искомым

материалам.

А ведь в той же позиции оказываемся и мы сами, издавая свои книги и журналы только на русском. Звучит та же сентенция: хотят пользоваться нашими открытиями, пусть учат русский – ее мне повторяли не только чиновники, но и некоторые ученые-патриоты. Но международным языком науки является английский, и с этим ничего не поделаешь. Попытки противиться этой ситуации существуют не только в России. Движение «археологического антиглобализма» захватило Скандинавию, Испанию. Испанцы Гонзалес Марсен и Риш возмущаются: с какой стати Кембридж позиционирует себя как центр мировой археологии?! Норвежец Бьорнар Ольсен написал статью «Метрополии и сателлиты в археологии: о власти и асимметрии в глобальных археологических исследованиях». Кстати, написал ее на английском и поместил в английском издании. Он констатирует: чтобы тебя прочли во всем мире, нужно напечататься на английском языке и притом в известном британском или американском издательстве. Иначе ты пишешь для небольшой горстки археологов своей страны и местных любителей. Эту ситуацию он считает нестерпимой и предлагает разные революционные меры.

Это было больше пятнадцати лет назад. Мятеж явно заглох. Да и как иначе?

Ведь соотношение языков не определяется национальными амбициями и благими пожеланиями. Любой археолог Норвегии, Испании или Словении, став перед выбором, какой иностранный язык учить, сразу же взвесит все мотивы: выучив английский, он сможет читать сотню американских археологических журналов, полсотни английских, по несколько канадских, австралийских, индийских и других – словом, более двухсот. А выучив русский, получит в свое распоряжение два журнала из России, из которых один московский, а другой (новосибирский) копируется по-английски. Да еще один (кстати, первоклассный) – издаваемый в Молдавии.

Что же делать? Мне кажется, есть только один действенный путь преодоления этой унизительной ситуации – повышать известность и привлекательность своих (отечественных) работ. А для этого можно задействовать три способа (хотя все три очень проблематичны): 1) издаваться по мере сил за рубежом на английском; 2) выпускать издания на английском здесь, в России; 3) увеличивать количество российских научных изданий – журналов и книг, одновременно повышая их академическое качество. Превысит ли это когда-нибудь влиятельность англоязычных изданий? Конечно. На следующий день, после того

как станем богаче и начнем тратить на науку и культуру больше, чем они.

№ 16 (848), 11 ноября 2008

6. Поздравление с оговоркой (автор – издатель – читатель)

Поздравляя знакомого публициста, очень известного, с вышедшей книгой, я спросил его, не порекомендует ли он меня своему издателю: мои обычные издательства уже работают над моими книгами, а у меня есть что еще сказать. «Что ж, – ответил он, – мой издатель берет по нынешним временам недорого». Я не сразу понял: «С кого берет?» – а потом смущенно пробормотал, что привык к другому соотношению прав и обязанностей. Ведь это издатель должен платить автору гонорар, а не автор издателю! А откуда издатель берет деньги – не забота автора. «Ну, – протянул публицист, – вы в другой весовой категории…»

Но по здравом размышлении я умерил свою заносчивость. Ведь и мне за все мои книги пока почти ничего не заплатили. Правда, договоры были подписаны давно, издатели-должники обещают, как говорят в Одессе, – «дико извиняются», стыдятся, но не платят. Мотивируют тем, что им не платят книгопродавцы. А книгопродавцы в первую голову стремятся рассчитаться с арендой помещений и налогами. Если делать магазинную накрутку еще выше – сильно повышать цену за книги (накрутка и так порою достигает уже более 100 %!), то книги просто не уйдут из магазина. А всем тем, через чьи руки проходят книги на пути к читателю, надо жить, кормить семьи и платить за бумагу, типографии, складам, перевозчикам…

Очень забавно читать в блогах возмущенные восклицания читателей: ну и бессовестный же автор – назначил непомерно высокую цену за свою книгу! Автор тут вообще ни при чем. Он такой же страдалец, как читатель. Более того, затраченные на творчество труд и время совершенно не окупаются обычными мизерными гонорарами – менее тысячи долларов за книгу – и те еще выцарапать надо. А уж если договор говорит о «роялти» – процентах с продажи (обычно от 6 до 12 % отпускной цены тиража), – вообще получить что-то в наших нестабильных условиях крайне проблематично: либо шах, либо ишак, либо издательство успеет исчезнуть, либо автор помрет, либо все всё забудут о прошлом, перейдя в очередную новую эпоху нашей жизни.

Конечно, деньги можно было бы востребовать по суду, но, во-первых, обращаться в наш суд как-то не хочется, а во-вторых, мне же предстоит издавать и следующие книги у тех же издателей. Кроме того, у меня есть впечатление, что издатели не врут, им и в

самом деле трудно. Многие разоряются.

Сравнительно благополучно обстоит дело с большими издательствами, оперирующими массовыми тиражами, но научные книги издаются небольшими издательствами, и тиражи, как правило, не превышают тысячу экземпляров, а более-менее доходным издание становится только при тиражах, превышающих три тысячи. Как же издается основная масса научных книг? На деньги научных институтов и университетов, на гранты фондов и на гранты Министерства печати. Но гранты покрывают лишь малую часть издаваемой продукции. Остальное – на деньги частных спонсоров и самих авторов. На те крохи, которые издатели-энтузиасты (есть и такие) сумеют ради престижа и любви к делу выкроить, урезая свой бюджет. Нередко при этом страдает качество книг: выгадывают на редактировании, на корректуре, на квалификации переводчиков и художников, на качестве бумаги, на иллюстрациях и размере шрифтов.

Отсюда обычная ситуация, знакомая каждому научному работнику. Книг издается много, они становятся все дороже, а издать научную книгу простому ученому чрезвычайно сложно. Автор годами носится со своей рукописью, пытаясь ее пристроить, а затем подстроить ее к профилю «клюнувшего» на рукопись издательства. Затем рукописи годами лежат на очереди в издательстве – и стареют. Некоторые статьи у меня лежали по девять лет. О каком новаторстве может идти речь? О какой конкурентоспособности по сравнению с Западом? Некоторые мои книги лежали в издательствах по четыре года, пять лет. (Лежали и по тридцать – сорок лет, но это уже по причинам политическим, хотя я вообще-то на политические темы не писал.)

Когда я спрашиваю у своих издателей, в чем основная причина всех этих трудностей, чаще всего называют несколько обстоятельств.

Во-первых, неблагоприятное состояние нашей кредитной системы. Чтобы издать книгу, издателям нужны «длинные деньги», то есть нужны крупные кредиты и надолго. Ведь деньги вернутся только после издания книги, ее продвижения на рынок и продажи всего тиража. Между тем наши банки предпочитают давать деньги на проекты с быстрой доходностью или дают их под очень большие проценты. Ведь наши банки живут в атмосфере нестабильности.

Во-вторых, жалуются на антикультурную, антиинтеллектуальную направленность нашей налоговой системы. С издателей снимают столько, что доходность резко понижается.

В-третьих, книжные магазины, как правило, не располагают

своими собственными помещениями (помещения они арендуют) и не могут размещать на своих складах вышедшую продукцию. Поэтому они предпочитают книги, которые быстро расходятся. А книги на долговременный спрос, которые будут покупать все новые волны читателей, продавать невыгодно. Их негде хранить. К тому же это замороженные средства – нет нужного оборота. То же самое относится к книгам, которые рассчитаны на то, что их постепенно «распробуют» и начнут покупать. Нужно, чтобы их расхватали сразу. В результате магазины не *покупают* книги у издателей, а *берут на реализацию* – деньги заплатят (если заплатят) «потом»…

Собственные помещения не грех бы иметь и издательствам: это облегчило бы получение выгодных кредитов – под залог помещений.

Я думаю, что все эти проблемы касаются не только самих издателей – они затрагивают интересы всех ученых. Что тут можно сделать? Изменение банковской системы – это проблема всего нашего социально-экономического устройства, и решаться она может только в рамках общегосударственных реформ. Антикультурная направленность нашей налоговой системы, конечно, тоже упирается в нацеленность общегосударственной экономической политики, но здесь что-то можно делать, организуя давление наших научных институтов на правящие центры через Общественную палату, партийные программы и советы экспертов. Еще более поддается непосредственному давлению научной общественности решение третьего вопроса – вопроса о доступе магазинов и издательств к получению собственных помещений; здесь многое зависит от местных администраций.

Но в общем все эти трудности ускоряют стремление читателей и пишущей братии поскорее перейти на электронные носители информации, заменить научную книгу компьютерным изданием и электронной читалкой. Как писатель я давно, с 1990 года, привык писать сразу на компьютере, без бумажных черновиков. Это втрое быстрее, чем на бумаге. Но как ученый я все еще пользуюсь своей бумажной картотекой. А как читатель я все еще больше симпатизирую старой доброй книге – с бумажными страницами, с возможностью охватить глазом и осязать весь объем информации. Да, с экрана легче отыскать нужное место, скопировать цитату, изменить шрифт под свое зрение. Но я остаюсь книжным человеком – как, наверное, и многие из моих читателей.

Так что мое поздравление публициста с книгой получилось каким-то скомканным. С оговорками вышло не только

поздравление, но и вытекающие из его обдумывания способы решения проблемы. Стоит ли добиваться их решения, если предстоят совсем другие задачи и проблемы, связанные с отказом от привычных бумажных книг, с переходом в цифровую действительность? Или на нашу жизнь еще хватит бумажной и книжной культуры и, стало быть, нужно решать проблемы книгоиздания, если мы хотим жить по-человечески и видеть свои мысли отпечатанными на реальной бумаге?

Как ускорить и облегчить продвижение в печать книг и статей наших ученых?

Как повысить гонорары и уйти от невыплат авторам, и без того не осыпанным деньгами?

Можно ли чего-либо добиться в рамках существующей системы? Вопрос.

№ 12 (81), 21 июня 2011

7. «Проблема решаема», но не решается. К обсуждению издательской проблемы

Обсуждение моей статьи о научных издательствах было организовано быстро – в том же номере, но ценой случайного подбора выступающих: кто оказался поблизости. Иначе при сжатых сроках и невозможно. Это сказалось сдвигом проблематики при обсуждении: я говорил об издании научных книг, а представитель «Эксмо» Н. Максимов и палеонтолог А. Марков – о популяризации науки, я о традиционных бумажных книгах, а телеведущий и рефери конкурса популярных книг А. Архангельский – о переходе на электронные носители информации (с ними тоже все совсем не беспроблемно). Прямо по поставленной проблеме высказался только издатель В. Ваксман, и высказался очень толково, сказав и о кредитах, невыгодных «при действующих процентных ставках», и о повышении страховых платежей для малых издательств в этом году с 14 до 34 % – а ведь это скажется на цене книг!

С Ваксманом у меня расхождение только в нюансах. Он считает, что главный пафос моей статьи – в недовольстве низкими ставками гонораров, вообще низкой оплатой науки. Я, конечно, недоволен этим, но выражаю не свое личное недовольство (мне лично уже немного надо – на книги да лекарства), а общее недовольство всей массы научных работников и вузовских преподавателей. И это не просто вопрос о недовольстве – это вопрос о судьбах страны. Страна, которая не хочет тратить большие деньги на науку, предпочитая дворцы и яхты для правящей элиты, равно как и престижные проекты, способные увлечь медиа и массы, через поколение окажется без большой науки, а значит, уже сегодня – без будущего.

Издание научных трудов – отнюдь не блажь ученого, не погоня за славой, это очень важная часть нормального функционирования науки и обмена идеями. И гонорар за научные произведения – отнюдь не «дополнительный бонус», как выражается Ваксман, а важный стимул к исследованиям и публикациям.

Также Ваксман считает, что я недоволен тем, что издатели не выстраиваются в очередь за моими рукописями. Ну, судя по количеству моих выходящих книг, переизданий и переводов, как раз выстраиваются. Но, возможно, у меня хватит и на тех, кто еще не встал в очередь. Готов запланировать книгу и для Ваксмана, если ему понравится то, что я пишу.

Ваксман приводит пример: «Сейчас мы готовим книгу отечественного автора, которую он написал и издал на английском. Цена ее там – 98 евро. Обычная небольшая книга – 250 страниц без цветных иллюстраций. Покажите мне такую книгу, которую у нас за половину этой цены можно продать за пару лет в количестве хотя бы 500 экземпляров, и я стану за ней в очередь. И не вспомню о кредитах, складах и налогах».

Полцены от 98 евро – это что-то около 2000 рублей. На английском, немецком и испанском языках и мои книги выходили по ценам совершенно непредставимым для России. «Феномен советской археологии» (около 400 страниц без цветных иллюстраций) стоил в 1997 году 71 доллар, то есть около 2130 рублей (сейчас цена была бы выше).

Такую цену за книги у нас будут платить, когда у читателей будут европейские зарплаты, поэтому место Ваксмана в очереди долго останется незанятым. А пока – в 2009 году вышла у нас моя книга «Спор о варягах» объемом около 400 страниц без цветных иллюстраций, не очень популярная. Продавалась по 400 рублей. Тираж в 1000 экземпляров разлетелся. «За пару лет» можно продать гораздо больший тираж. Заказы продолжают поступать, так что требуется переиздание (внесу исправления и дополнения), и издательство «Евразия» планирует его сделать (стало быть, это выгодно). Правда, все это было до повышения налогов, а теперь цену придется повысить. А это ограничит продажу. Так что проблемы есть и у моих издателей.

Новый налог необходимо срочно отменить, иначе малые издательства, которые как раз и издают научные книги, будут окончательно съедены крупными – типа «Эксмо» или «АСТ», которые озабочены массовостью и доходностью литературы, а отнюдь не научной ценностью своей продукции.

Я совершенно согласен с Ваксманом, что основная линия борьбы за признание науки приоритетной отраслью лежит через воспитание новых поколений. Но если мы этим ограничимся, то новые поколения, какими бы они ни получились удачными и готовыми оценить и поддержать науку, придут, когда в России от науки уже останутся рожки да ножки. Что-то надо делать сейчас. В этом суть моего выступления.

Теперь об отклике Н. Максимова из «Эксмо». Я уже отмечал, что его тема – популяризация науки: «Эксмо» – большое издательство массовой литературы, а науку, настоящую науку, издают маленькими тиражами небольшие издательства. Естественно, что Максимов смотрит со своей ооооочень высокой колокольни. Он оттуда видит только 15–20 ученых, способных написать о науке популярно. Вероятно, он понимает, что это

вовсе не обязательно цвет русской науки. Кондаков, Струве, Ефименко славились своим необыкновенно скучным изложением.

Из моего творчества Максимов готов принять к рассмотрению только книги о природе гомосексуальности. Их у меня издано две (третья лежит в столе) из двух десятков книг, но, смею заверить Максимова, они написаны не лучше других. То ли он плохо знаком с моими работами, то ли просто руководствуется рыночными интересами – что привлечет массового читателя, на какую тему клюнет. Я готов дать на рассмотрение третью книгу из этой серии в «Эксмо», но я вовсе не безоговорочно приму те условия, которые мне захотят в «Эксмо» навязать. Максимов предупреждает; «будьте готовы к тому, что вы перестаете быть просто автором, а становитесь проектом. Это означает, что в вас начали вкладывать деньги и нужно быть адекватным…» А я не собираюсь «становиться проектом». Поэтому для своих первых двух книг на эту тему я выбрал издательство «Фолио-Пресс», специализирующееся на словарях (книги мои толстые), – там много поработали и выпустили книги в хорошем виде (к сожалению, с болезнью старика-руководителя издательство прекратило свою деятельность).

Максимов пишет: «мы с начала года ищем людей на написание пяти-шести книг по разным научным направлениям. Мы придумали идеи, гарантируем продажи, оформление, продвижение, но желающих просто не нашлось. Зато есть изрядное количество людей, которые готовы нести только свои идеи в массы, только в своем авторском изложении». Руководителю отдела «Эксмо», по-видимому, невдомек, что настоящую науку делают именно те люди, которые «готовы нести только свои идеи в массы». А если вы «придумали идеи, гарантируете продажи» и так далее, то сами и пишите!

Я, однако, согласен с Максимовым в том, что ученым нужно овладевать и искусством популяризации своих идей. Нужно смолоду давать им литературную подготовку, учить их писать ясно, живым языком, избавляться от «ученого канцелярита», приучать к популярному изложению – пригодится и для лекционной деятельности.

Наконец, отклик последнего комментатора, А. Маркова, поверг меня в недоумение. Он всем доволен, популярные книги можно печатать, научные – тоже. Правда, «гонораров не платят», а наоборот, надо платить деньги издателю (прямо или купив сто экземпляров своей книги – это ведь тоже нечто типа гонорара, только, наоборот), правда, качество будет неважнецким, ну перепутают страницы, плохой шрифт, туалетная бумага – подумаешь, чай не в графских покоях родились… На вопрос

корреспондента: «Есть ли проблема издания учеными своих книг – научных или научно-популярных? Или Вы такой проблемы не видите?» Марков отвечает: «…у меня сложилось впечатление, что особо больших проблем с этим нет». И название отклика вполне красноречиво: «Проблема решаема…» А на вопрос «Есть ли возможность у автора-ученого получить гонорар, который бы частично возмещал его интеллектуальные затраты на подготовку книги?» Марков отвечает: «Этого пока нет». Словом, все хорошо, прекрасная маркиза…

Ох, хочется спросить словами из анекдота: «Если все так хорошо, то почему же так плохо?»

№ 15 (84), 2 августа 2011

8. Прелестное письмо Руснауки

Получил я по имейлу уже не первый раз письмо-приглашение. Привожу его полностью:

> Invitation number 91077 from 20-05-2012 an international conference to Клейн Л.С.
> rusnauka upiter@rusnauka.com через fe117.hc.ru
> Subject: Invitation number 91077

Добрый день, Клейн Л.С.

Приглашаем Вас принять участие, в международной научно-практической конференции Актуальные проблемы современных наук, которая состоится 14–15 июня 2012 года.

Место проведения конференции польский город Przemysl.

Принимаются доклады объемом от 3 страниц в виде компьютерного файла с расширением doc или rtf. Просим не использовать формат docx, а также файлы в архивах.

Текст набирается через 1,5 интервала, шрифт Times New Roman 14, поля 20 мм со всех сторон.

Рабочие языки конференции украинский, русский, английский и казахский.

Список секций: http://www.rusnauka.com/INFO/2012/17_APSN.htm.

По результатам работы конференции издаются сборники, а также размещаются доклады на Web-странице, http://www.rusnauka.com/CONF/ARH_CONF/MyPage_arh_conf.htm.

Стоимость публикации в сборнике конференции составляет 120 рублей за страницу доклада.

Стоимость почтовой доставки сборника составляет 120 рублей за один сборник.

Срок публикации 3–4 недели после окончания конференции.

Свой доклад Вы можете подать через веб-страницу: http://www.rusnauka.com/index.php или прислать по электронной почте: upiter@rusnauka.com.

Приглашаем принять участие в наших международных конференциях.

График проведения конференций см.: http://www.rusnauka.com/reclama_conf.htm.

Конференции проходят 3 раза в месяц 5-го, 15-го и 25-го числа каждого месяца.

Всего 36 конференций в году.

Для участия в конференциях необходимо зарегистрировать

доклад на странице: http://www.rusnauka.com/index.php.

Вы можете опубликовать свои научные труды в зарубежных научных журналах, более подробно http://www.rusnauka.com/JOURNAL/contents_jour.htm.

Если Вы не хотите в дальнейшем получать наши приглашения на конференции и это письмо Вам было отправлено ошибочно, просим сообщить об этом нам, перейдя по ссылке http://www.rusnauka.com/cgi-bin/search/step5.cgi?idw=51224470&id=91077.

Справки по телефонам +38 0562 342961, +38 056 3701313, e-mail: ukraine@rusnauka.com

С уважением!

Оргкомитет.

Проведем краткий анализ этого *прелестного*, как называли такие послания на Руси, то есть прельстительного письма. Прежде всего, бросается в глаза название организации, находящейся на Украине, – Руснаука, звучит очень похоже на Роснаука, на некий государственный главк. Должно внушать доверие своей официальной «крышей».

Обратимся к сути затеи. Организуется множество конференций по ВСЕМ наукам. Однако прежде всего это – не конференции, потому что ни съезда участников, ни обсуждения докладов, ни дискуссий очевидно не предусмотрено. Очередной город для проведения конференции выбирается абсолютно формально. Если конференция в Пшемысле (Польша), то почему среди рабочих языков есть казахский, но нет польского. Да потому, что в Пшемысле ничего происходить не будет, приток же статей ожидается из Казахстана, а из Польши – нет.

Затем это – не настоящие международные конференции. Английский назван в числе рабочих языков лишь для понта. Англичан там нет, а друг друга участники всех «делегаций» (российской, украинской, белорусской и казахской) прекрасно поймут и без английского – на русском. Вообще превращение бывших союзных республик в самостоятельные государства официально, конечно, подняло статус подобных конференций до международного, но фактически их участники остались столь же близкими соседями с общим языком и схожими проблемами. А что, раньше это не были разные народы и даже разные республики? В таком смысле это и раньше было международное общение. А сейчас надо бы для ясности придумать какое-то особое название для собраний в рамках «ближнего зарубежья» – междупостсоветские, что ли. Или просто постсоветские.

Ясно также, что никто не бросится читать сборники таких всеядных конференций, и это есть очередная братская могила для

бесчисленных статеек. Для диссертаций они тоже вряд ли сгодятся – ведь нет указаний на ваковское признание и нет признаков того, что эти конференции смогут на такое признание претендовать: нет соответствующих критериев – ни внутреннего и внешнего рецензирования поступающих работ, ни ответственного отбора и редактирования, ни обеспеченного распространения, ни видных ученых (с именами) во главе мероприятий (где список крупных специалистов ПО ВСЕМ НАУКАМ в составе рецензентов?), ни некоммерческого характера.

Последнее как раз противоречило бы всей затее – она ради денег-то и задумана. Вовсе не ради взыскующих славы авторов. Публикация страницы стоит 120 рублей, и ради вящего объема требуется текст печатать огромными буквами – 14-го кегля. А что, нельзя одним щелчком увеличить размер кегля присланной статьи? Ясно, что это сделано только для увеличения оплаты. При этом статья должна быть не менее 3 страниц. Так что минимум 360 рублей (около 12 долларов) за каждую статью обеспечено. Ну и 120 за присылку сборника.

Эти «конференции» и сбор денег для них существуют с 2006 года. Сборники, верно, публикуются. Для них придумываются очень общие, все покрывающие названия. Вот названия 2012 года: «Наука и образование»; «Ключевые аспекты научной деятельности»; «Актуальные научные разработки»; «Современные научные достижения»; «Стратегические вопросы мировой науки»; «Перспективные научные исследования»; «Наука и технологии: шаг в будущее»; «Научная мысль информационного века»; «Новейшие научные достижения»; «Дни науки»; «Научное пространство Европы»; «Ключевые проблемы современной науки»; «Эффективные инструменты современных наук»; «Европейская наука XXI века»; «Новости научной мысли»…

Любая ваша статья подойдет в любой из этих сборников. Сборников уже вышло 180.

Эта пародия на научные публикации выросла на той же основе, что и липовые академии (о которых я писал в «ТрВ» № 6 (50) за 2010 год) и «Корчеватель» (о котором «ТрВ» также много писал). С одной стороны, молодым ученым очень трудно пробиться в печать – научных журналов у нас мало, коррупция образует препоны для новичков. С другой стороны – в науке все больше балластных сотрудников, которые выдают на-гора пустопорожние статьи и которым надо просто увеличить список печатных работ. Да и графоманы-дилетанты всегда увиваются вокруг науки. А уж для чиновников и бизнесменов с купленными дипломами – это настоящая лафа: публикации в трудах «международных конференций» в любом количестве! А что

содержится в этих статьях, никто и никогда не узнает.

То, что я здесь написал, многие из тех, кто мается со статьями, понимают. Но куда денешься? Плачут, платят и посылают.

№ 10 (104), 22 мая 2012

9. Туда, где цветут цитроны, или Дискурс об открытом доступе

В нашей нынешней жизни принципы постмодерна – размывание границ науки и доведение демократичности и политкорректности до абсурда – проявляются то и дело.

В позапрошлом номере газеты я писал о полученном в порядке общей рассылки «прелестном» письме Руснауки с Украины, обращенном ко всем желающим – оперативно (за несколько недель!) напечатать за плату статью практически любого качества по любой отрасли науки в специально созданных для этого «международных» (на самом деле постсоветских) журналах, выходящих 36 раз в год. Не прошло и месяца, как я получил совсем из другого источника изложенное по-английски персональное приглашение вступить в гораздо более солидное международное издательское предприятие (его центр находится в Англии). На сей раз мне предлагается стать не автором, а членом редакционного совета, в котором уже состоят некоторые уважаемые мною ученые. Но у меня зародилось смутное ощущение, что несмотря на серьезно обставленное дело за вежливыми английскими фразами кроется какая-то аналогия с Руснаукой.

Речь идет о созданном в 2000 году в Англии инновационном издательстве, поставившем своей целью стимулирование научных публикаций открытого доступа (Open Access), чтобы научная продукция на бумаге и в Интернете становилась сразу же по выходе доступна всем – бесплатно и без запрета копирования. Чтобы ее могли читать и использовать все – ученые, студенты, любители. Какой рывок в скорости распространения открытий! Не надо будет копить деньги на покупку дорогостоящей книги или мечтать о подписке на важный журнал. Не надо терзаться, выбирая книги для себя: что покупать, что нет. Не надо добывать доступ в специальные библиотеки и электронные архивы. Какой доступ в науку для широких народных масс!

Книги и журналы предполагается издавать только на английском языке, а издательство ориентировано на авторов из Центральной и Восточной Европы. Издательство объявило о своей кооперации с известнейшими издательствами мира – Шпрингер и Де Гройтер.

Неприятное чувство зародилось при чтении запланированной для меня роли: ни редактирование, ни рецензирование книг и статей не входит в обязанности члена планируемого

редакционного совета, от меня ждут только рекламирования деятельности издательства и иногда рекомендаций. То есть требуется только мое имя. Но роль свадебного генерала мне не подходит.

Далее, я обратил внимание на детализацию издательских планов. Часть продукции издательство собирается выпускать по известной модели: книги и журналы распространяются *по подписке*, работу над книгой оплачивает издательство, никакого открытого доступа нет – все как везде (*и только в этой части есть какие-то договоренности с крупными фирмами Шпрингер и Де Гройтер)*. Предполагается ли гонорар автору – не указано. То есть Шпрингер и Де Гройтер выпускать книги открытого доступа не желают.

Другую часть продукции запланировано выпускать по другой модели: *все на деньги издательства*, но без Шпрингера и Де Гройтера. Вот эта модель и предназначена для открытого доступа. И наконец, третья модель – *все на деньги автора*. Это тоже с открытым доступом. За исключением открытого доступа эта третья модель тоже известна, хотя используется обычно реже – в Питере такую модель предлагает желающим издательство Нестор-История (хотя я печатался у него по обычной модели, и это его основная схема деятельности).

Стоит ли бранить Шпрингер и Де Гройтер за нежелание способствовать прогрессу в виде открытого доступа? Стоит ли ругать новое издательство за то, что лишь часть своей продукции (и неизвестно, сколь большую) оно решилось отдать в открытый доступ? Но ведь это вариант общей дискуссии о копирайте: каковы время и границы авторского права, какие доходы оно гарантирует автору и его наследникам, в какой мере научная продукция подлежит охране авторских прав.

Мы еще нескоро окажемся в стране, «где цветут цитроны» и где человек получает по потребностям, а работает – по способностям (а практически по желанию). Более того, скорее всего, как бы это ни было огорчительно для коммунистов, социалистов и других социальных утопистов, никогда в ней не будем жить. Если взять за принцип открытый доступ к научным публикациям сразу же по выходе работы, то это означает, что за свою продукцию ученые не будут получать ничего. Или общество должно обеспечить им другой источник дохода при отсутствии с их стороны другого труда (наука сейчас требует полной отдачи).

Кто же будет кормить, поить, одевать, содержать современных ученых, щедро раздающих свою интеллектуальную собственность при отсутствии всякой другой? У современных ученых, да еще в нашей стране, нет ни имения, ни наследства.

Можно, конечно, положиться на зарплату за должность, но эта зарплата у ученых, некогда составлявшая несколько зарплат квалифицированного рабочего (как это имеет место сейчас в ведущих странах), ныне намного меньше такой зарплаты. Между тем настоящий ученый – это человек редких способностей, исключительной концентрации (отсюда известная рассеянность ученых) и необыкновенного усердия. И ему нужно содержать семью, которую он хотел бы обеспечить и после своей смерти. Гонорары за научные труды крайне невелики, прямо скажем – мизерны, да и далеко не за все труды причитаются. Но это хоть какая-то добавка к убогой зарплате.

А ведь в цену книги и копирайта входит не только гонорар автора, но и зарплата издателям, типографам и цена бумаги. Бесплатных изданий не бывает. Если они объявлены бесплатными, то это просто значит, что за них уплачено иным образом – прямо из бюджета или спонсорами. Тот, кто ратует за открытый доступ к научным публикациям, должен понимать, что он все равно уплатит за них – только другими путями: повышением налогов, повышением цен на другие товары, ухудшением качества научной продукции. Несомненно, лишение ученых дополнительного материального стимула неизбежно приведет к сокращению числа ученых и к сужению притока качественных кадров в науку.

С другой стороны, открытый доступ к научной продукции при всей демократичности и сам по себе не во всем благодетелен. Он ведь не ограничивается расшатыванием копирайта. Со многими сторонами открытого доступа мы познакомились уже на примере Интернета. К науке ринулись толпы дилетантов и графоманов, возникли бесчисленные и бесцеремонные «форумы» и «порталы», где сонмы невежд щеголяют краденными мыслями и нахально выдвигают глупейшие догадки, осыпая ученых бранью, если те им не потрафили. Общий уровень научного дискурса резко снизился, размылись границы между наукой и игрой.

На мой взгляд, неправильно обсуждать меры по установлению открытого доступа к научной продукции, не обсуждая параллельно компенсацию ученым их труда по созданию интеллектуальной собственности, которой их эти меры так или иначе лишают. Открытый доступ важен и для самих ученых – как авторов, заинтересованных в широком признании их открытий, так и исследователей, жаждущих поскорее познакомиться с открытиями других. Но ученым не улыбается перспектива остаться без средств к существованию.

Иное дело – что есть смысл обсуждать рациональные границы копирайта, содержательные (что им покрывать) и формальные (по

времени: 100 лет, 70 или, может быть, 30 лет по смерти ученого или только по выходу его работы), думать о мерах по уменьшению дороговизны научных книг и журналов, о переводе их в электронную форму, об увеличении оплаты исследователей – это ведь тоже способ сделать научную продукцию более доступной. А делать ее доступной всем – незачем. Наука – дело избранных. Так же как искусство. Потреблять результаты науки и предметы искусства – вот что предназначено для всех. Вот что должно быть в открытом доступе всеобщем. А в науку дверь должна быть открыта не всем, а только тем, для кого это – призвание. Ученая степень – это не только диплом мастера. Это еще и сан.

№ 12 (106), 19 июня 2012

10. Кто автор? Драма соавторства

Кто автор дарвинизма? Кто открыл, что виды трансформируются под действием естественного отбора? Ну конечно, Дарвин. В 1831–1835 годах он совершил кругосветное путешествие на корабле «Бигль», давшее ему огромный материал, в 1838–1842 годах написал вчерне очерк о происхождении видов, в 1844 году переписал набело и прочел двум своим друзьям, выдающимся ученым Лайелю и Гукеру, после чего еще 15 лет не решался его опубликовать.

Между тем в этом самом 1844 году в Англии вышло анонимное произведение, ставшее перворазрядной сенсацией и выдержавшее за последующие 15 лет 11 изданий – «Следы естественной истории творения». Автор утверждал, что биологические виды возникали не внезапно, а постепенно, совершенствуясь от низших форм к высшим, – и все это без всякого вмешательства Творца (существование которого автор не отрицал, но лишал его всякого воздействия на эволюцию мира). Имя автора хранилось в строжайшей тайне (его знали только два человека – жена и брат) и стало известно только в 1884 году после смерти ученого. Им оказался шотландский издатель и просветитель Роберт Чамберс. Идеи естественного отбора у Чамберса не было, но сама идея эволюции была сформулирована.

В начале 1850-х годов инженер Герберт Спенсер выпустил ряд работ, в которых развил идеи Мальтуса о борьбе за существование и выживании наиболее приспособленных особей в человеческом обществе, то есть о естественном отборе и его значении для эволюции.

Между тем «Путешествие на Бигле» и книга Чамберса произвели впечатление на молодого Альфреда Уоллеса, и этот бедняк в подражание состоятельному Дарвину в 1848 году отправился в 4-летнее путешествие по Амазонке на собственные скудные средства. Но корабль со всеми собранными коллекциями загорелся и затонул. Уоллес не пал духом и совершил 8-летнее путешествие на Малайский архипелаг (в 1854 году). В 1855 году, уже заболев на острове Борнео, он послал в журнал заметку, в которой высказал идею о зависимости новых видов от предшествующих. В 1858 году он снова заболел и, изложив в новой заметке закон о происхождении видов, послал эту заметку для ознакомления своему кумиру Дарвину. Потрясенный Дарвин писал Лайелю: «Вся моя оригинальность… будет уничтожена». Лайель и Гукер собрали доказательства приоритета Дарвина и в 1858 году опубликовали оба материала в томе Линнеевского

общества – Дарвина и Уоллеса (Дарвин в это время хоронил сына). А в следующем году Дарвин издал свою книгу «Происхождение видов», с которой и берет свое начало дарвинизм. Даже более ранние соображения Спенсера на этот счет стали называться социальным дарвинизмом.

Почему же Дарвин так долго медлил? Боялся реакции общества. А почему наконец решился? То ли счел, что общество созрело, то ли подстегнула конкуренция. Фактически результаты открытия были опубликованы на год раньше, чем вышла книга Дарвина, причем открытие это было опубликовано в соавторстве, причем без ведома самих авторов.

Загадочные лонг-листы. Я вспомнил о «драме соавторства», читая современные статьи по естественным наукам в престижных журналах. Они часто выходят под десятками имен: 20, 30, 40. Некоторые строились по алфавиту – ладно, все вроде понятно: вся эта куча людей составляет авторский коллектив и все соавторы хотят считаться равноправными.

У гуманитариев тоже так бывает. Но здесь обычно речь идет о книгах. Соавторы расписаны по главам, и ясно, кто что писал. У каждого из нас в голове есть четко ранжированные списки коллег, и мы знаем, кому можно верить на 100 %, кому верить с оговорками, а кому верить не надо. Кроме того, у гуманитариев часто списки носят не алфавитный характер: сначала идут маститые – начальство, академики, организаторы, а далее уже по алфавиту. Очень редко это означает реальное участие этих маститых в написании книги, чаще – общее руководство, даже не редактирование, а знакомство, контроль. Никакие они не авторы, и это всем понятно. С таким же основанием можно включить в соавторы всех выходящих научных книг ректора университета, директора института, президента академии, министра. Иногда и включают.

Итак, у гуманитариев эти толпы соавторов встречаются в книгах. А у естественников то же самое можно найти в статьях, страниц на 10–20. В самых престижных журналах – Nature, Science и т. п. А авторов часто больше, чем страниц. И очень часто порядок перечисления не алфавитный! В одном случае читаю после первых двух фамилий в скобках: оба разделяют авторство в равной степени. Скобки закрыты. Начинаю понимать, что остальные авторы причастны к авторству не в равной мере! Так кто же автор этого важного открытия? На кого ссылаться? Все-таки Гук, или Бэр, или Бор – это не аббревиатуры, отсылающие к академическому коллективу. Совсем сбивает с толку примечание под звездочкой к последнему в списке авторов: вся переписка по поводу статьи или открытия осуществляется через него. Так

выходит настоящий автор – последний? Кто прима, а кто кордебалет? Не понятно.

Драма соавторства? Поскольку в некоторых статьях участники коллектива – мои знакомые, о которых я точно знаю, что они не могут быть соавторами того или иного открытия, так как не имеют никакого отношения к данной науке, но при этом стоят в середине списка, я начал с того, что проследил долю участия каждого из них. Да, некоторую причастность к тексту они имеют. Это видно из самого текста. Некоторые из них – авторы конкретных описаний, другие – правообладатели некоторых нужных для работы материалов, третьи – авторы экспертизы некоторых объектов. Экспертиза и анализ приложены, их авторство указано. Но зачем включать в общую шапку их имена?

Мне объяснили современную традицию в естественно-научных журналах. Первая фамилия или несколько фамилий в списке – это действительные авторы работы. Это их идея, их выводы, их ответственность, их заслуга. Последний в списке – это руководитель коллектива, он добывает и получает гранты, распределяет их, ведет переписку, словом, является директором, менеджером. К самому исследованию он обычно отношения не имеет. Я бы считал, что он упоминаться в числе авторов не должен, как не должен упоминаться любой другой директор. Это не его статья. Это – статья его подчиненных, подопечных. Наконец, все остальные в списке – это люди, давшие свои материалы, экспертные заключения, лабораторные анализы и т. п.

Массовкой вроде их назвать невежливо. Но они не имеют никакого отношения к идее работы, к ее ходу аргументации, к ее выводам. Они безусловно заслуживают упоминания в работе – приложениями, в ссылках, в библиографии. Какая разница между теми работами, на которые настоящие авторы ссылаются в библиографии, и теми, кто не опубликовал свои данные отдельно? Никакой. Так опубликуйте в приложениях (что и делается). За них и только за них отвечают эти эксперты, но общие выводы статьи – это не их ответственность и не их заслуга. Их талантливость или бесталанность тут ни при чем.

Почему? И что делать? Почему же авторские коллективы стали непомерно разрастаться, включая всех, даже косвенно причастных к работе? Обычное объяснение: современная наука стала сложной и коллективной по своей природе. Без коллективного труда теперь не обойтись. Без всех этих экспертов и правообладателей не было бы открытия. Но и в прошлом можно увидеть необходимое обеспечение труда первооткрывателей: Спенсеру надо было бы включить в соавторы своего секретаря Дэвида Дункана, Уоллесу – своего помощника Генри Бэйтса,

Дарвину – своих консультантов и друзей Лайеля и Гукера. Более поздним авторам – машинисток и библиотекарей. А нынешним – еще и программистов, без которых не было бы открытия. Да уж давайте включим и врачей, поваров, жен… На мой взгляд, это даже не драма соавторства, а банальное размывание авторства.

Тут сказалось несколько вещей.

Во-первых, в связи с развитием наукометрии, рейтингов и индексов сотрудникам научных учреждений стало необходимо набирать как можно большее число публикаций в престижных изданиях: не включишь помощников и обслуживающий персонал (не говоря уж об администраторах) в число равноправных соавторов – не получишь от них поддержки. А ведь решается это просто: среди лаборантов, экспертов и т. д. надо проводить свои рейтинги, оценивая их отдельно.

Во-вторых, ультралиберальная и ультрадемократическая идея равноправия всех участников научного процесса, процесса исследований, получила большое распространение. Все мы Эйнштейны и Лобачевские, только одним повезло, а другим – не очень, поэтому если всех поставить в равные условия, то открытия посыпятся, как из рога изобилия. Организаторам науки невдомек, что тем самым мы затираем настоящих Эйнштейнов и Лобачевских.

В-третьих, недостаточно разработаны те разделы права, где сформулированы критерии интеллектуальной собственности. Традиция разбухших авторских коллективов еще молода, конфликты не накопились в достаточной степени. Но они грядут непременно. На приоритет и денежные выгоды от авторства талантливых идей начнут претендовать люди, причастные к открытиям лишь косвенно – через маргинальные приложения и очень частные детали. Думаю, что уже сейчас нужно четко делить работников, причастных к научному открытию, на авторов научной идеи и вспомогательных участников, поставлявших для первых материал, отдельные анализы, экспертизу и т. п. Есть авторы и те, кого авторы благодарят.

№ 13 (182), 30 июня 2015

VIII. Наука и публика

1. Поп-наука

Недавно я выступал с серией докладов о происхождении индоевропейцев на заседаниях Института лингвистических исследований РАН. В последнем из этих докладов я подробно критиковал бездоказательную концепцию украинского археолога Ю.А. Шилова, утверждающую точное соответствие украинского бронзового века мифам Ригведы. Приводил в пример и другие подобные теории. В ходе обсуждения многие мои коллеги высказали мнение, что не стоило их критиковать столь подробно, поскольку это понижает уровень дискуссии. Мне же кажется, что занимать отстраненную позицию в этом случае нельзя. Это очень серьезно.

Для начала несколько констатаций. Наука и обучение – однокорневые слова. Обучение придает науке существование во времени. Обучение организованное и целенаправленное – это школа. Но школа ограничена программой и сроками. Дополняющее ее и совершенно необходимое распространение научных знаний внешкольными средствами – это популяризация науки. Для публики популяризация науки – это возможность обновить и пополнить свои школьные знания. Для ученых популяризация их отрасли – снискание общественного одобрения, внимания и поддержки. Этот круговорот добываемых знаний образует цикл полезного обмена информацией. Вокруг всякого полезного круговорота возникает много шумов. Вот о них и речь.

В советское время смелым идеям было трудно пробиться сквозь рогатки цензуры. Но при этом существовал контроль не только над политически опасными идеями, но и над профессиональным уровнем научной и научно-популярной продукции. Была некая планка, ниже которой книги и статьи не проходили в печать. Отмена цензуры, благотворная для науки и искусства, повлекла за собой появление на книжных прилавках массы ярко раскрашенных подделок под науку и литературу. В науке с этим справиться нетрудно: ученые в своей среде быстро разберутся – макулатура здесь не имеет шансов на успех. А вот в научно-популярной литературе ситуация иная. Массовый читатель не имеет противоядия в виде системы научных критериев. Он безоружен перед этой мутной волной. Псевдонаука засоряет массовое сознание псевдонаучными измышлениями, дикими суевериями, низкопробными идеями о расовой и национальной исключительности, злостными историческими мифами. Она, как правило, не рассеивает массовые заблуждения, а потакает наиболее низким чувствам и в этом весьма

реалистично видит почву для успеха.

Надо признать, такие подделки под качественную литературу изредка появлялись и раньше, вспомним, например, книгу фон Деникена «Колесницы богов» (по ней снят фильм «Воспоминания о будущем»), но ныне книги фон Деникена хлынули потоком: «Золото богов: инопланетяне среди нас», «По следам всемогущих» и многие другие. Это еще не худшие подделки: они находятся на грани научной фантастики. Много хуже бесчисленные тома, энциклопедии и справочники по славянской языческой религии, в которых она сконструирована из обрывков индийских вед, германских мифов и горячечных видений новоявленных пророков («Века Трояновы» В.И. Щербакова, вышедшие сначала в сборнике «Молодой гвардии», а потом отдельной книгой в издательстве «Просвещение»!). Анекдотический вымысел представляют собой дикие бредни ура-патриотических «историков», в которых русский народ оказывается древнее всех других народов, а русская история простирается на двенадцать тысяч лет (стало быть, на одиннадцать тысяч лет вглубь от Киевской Руси) – такова, скажем, книга «Дорогами богов» Юрия Петухова (издательство «Мысль»). Не удивительно, что эта лестная картина находит своих поклонников. Других привлекают книги об «арийской Руси» («Удар русских богов» В.А. Истархова, «Арийская империя» В.В. Данилова и другие). Книг о «семитской Руси», кажется, нет, хотя правдоподобность у этих идей равная.

Истархов уверяет своего читателя, что древняя столица еврейского (он имеет в виду хазарского) каганата Итиль находилась на месте Сталинграда, а «Гитлер поставил себе задачу повторить подвиг Святослава и раздавить старинное жидовское гнездо Итиль – Сталинград». Он же пишет: «Русские православные купола – это архитектурная форма выражения мужского фаллоса». Как будто есть женский фаллос. Таков уровень этой литературы. В двухтомнике В.В. Данилова, объявляющего евреями всех лидеров современного мира – от Гитлера и Геринга до Лужкова и Путина, – «восстанавливается» ведическая Русь с ее особой религией. «Твоя любимая, – пишет Данилов, «возрождая» русскую Камасутру, – несколько раз с восторгом произносит три первые буквы этого древнерусского прозвища Всевышнего Ху-й, Ху-й, Ху-й» (с. 160). Это, как говорится, на полном серьезе!

В своей книге сей автор аттестован как заведующий кафедрой *духовного естествознания* Отдела теоретических исследований Российской академии наук академик В.В. Данилов, а предисловие к ней написал директор государственного учреждения «Отдел теоретических исследований РАН» (есть такой?) академик доктор физико-математических наук Э.И. Андрианкин.

Все это поп-наука, с позволения сказать. Она имеет нечто общее с другими разновидностями поп-культуры, но, пожалуй, гораздо больше заслуживает критики и противодействия. Точнее, разоблачения. Поп-культура – это массовая культура потребительского общества. Поп-музыка – это ее разновидность, легкая ритмичная музыка, удовлетворяющая вкусам масс. Поп-арт – это изобразительное искусство, тема и материал которого – предметы массового производства и потребления. Все они эксплуатируют потребность в развлечении и находят наибольшее воплощение в шоу-бизнесе, где есть место своеобразной эстетике. Поп-наука – это подделка под научную литературу, создаваемая в угоду низшим вкусам, на потребу политическим и финансовым махинаторам, с большим привкусом мошенничества.

Запретить ее невозможно, да это было бы и контрпродуктивно. За исключением прямых фальсификаций и разжигания расовой и национальной ненависти, конечно. Но в остальном – как с ней справиться? Очевидно, только двумя путями: 1) выдвижением мощной литературы по тем же проблемам, литературы, создающей реальную картину с убедительными для всех доказательствами, и 2) публикацией в популярных журналах авторитетных рецензий на наиболее популярные произведения поп-науки. Причем эти книги и рецензии должны быть ярче, доходчивее и убедительнее поп-науки. Возможно, в массовых изданиях стоило бы создать раздел: «Наука против поп-науки».

Особое внимание нужно обратить на часто встречающийся в современной литературе феномен: переход цеховых ученых в сонм поп-ученых. Этот феномен особенно зловреден, потому что подкрепляет позиции поп-науки. Есть два варианта такого перехода.

Первый – это когда ученый высокого ранга и авторитета, поверив в свою непогрешимость, берется решать проблемы другой отрасли, не усвоив ее методов, принципов и эмпирии (по наивности считая их менее строгими, чем в своей отрасли). Такова книга инженера-ядерщика Феличе Винчи о том, что Гомерова Троя находится в Финляндии. Такова и «новая хронология» академика А.Т. Фоменко применительно к истории. Такой новатор строит псевдонауку и производит сумятицу в умах широкой публики (включая артистов и шахматных чемпионов). Это не столь большая беда, вполне поправимая. А возможность таких эскапад следует приветствовать: они удерживают традиционные отрасли от застоя, заставляют проверять заново собственные устои. А иногда и в самом деле могут привести к открытиям.

Другой вариант такого обращения представляют ученые, не умеющие преодолевать собственную субъективность и позволяющие своим эмоциям управлять рассудком. Такой вариант представлял академик Рыбаков, возглавлявший советскую археологию и историю. Он и в своей-то отрасли знаний талантливо строил очень сложные и тонкие гипотезы, удачно удовлетворявшие патриотическим благопожеланиям тогдашнего политбюро – об удревнении возраста Киева на несколько веков по сравнению с культурным слоем города (и политбюро перенесло юбилей города!), о родословной славян на Украине, насчитывающей несколько тысячелетий (от Киевской Руси через черняховскую культуру и скифов прямиком к трипольской культуре – в то время как язык скифов принадлежал к иранской группе, а в культуре черняховцев основную роль играли готы-германцы). Мог ли он знать, что Украина вскоре окажется не «нашей»?

А уж когда он обращался к лингвистике и начинал строить этимологии русских слов, совершенно не зная основ лингвистики, – хоть святых выноси. Скажем, имя богини Макошь он делит на две части: «ма-» толкует как «мать», а «кошь» – как корзину. Получается «Мать хорошего урожая». Но, не говоря уже о замене корня «матер-» усеченным «ма-», в русском языке основное существительное ставится в конец, то есть было бы не «Макошь», а «кошма». Но кошму никто в связи с урожаем не подозревает. Да и богиня эта никак с урожаем не связана, а больше с женскими работами, с прядением. Наконец, написание «Макошь» не стандартно – есть и Мокошь, Макешь и Мокуша. Слово «комедия» академик производит от греческого «комос» – медведь. Элементарное незнание греческого. По-гречески медведь – «арктос», а «комос» – веселое шествие, толпа гуляк. Таковы же были и другие лингвистические изыски Рыбакова.

В итоге многие его выводы (нет, не все) отвергнуты наукой, но он стал иконой для нынешних ура-патриотов и неоязычников. Для них он непогрешим, со своим богом Родом, якобы возглавлявшим русский пантеон, хотя в летописных перечнях богов тот отсутствует, а появился в результате неправильного прочтения переводов с греческого.

Академик Узбекистана Ахмадали Аскаров, сделавший в поле ряд важных археологических открытий, в советское время был автором вполне грамотных статей и книг. У многих зарубежных археологов к его работам были претензии со стороны методики, но никто не свободен от ошибок и промахов. Однако, освободившись от наследия СССР, академик выступил с идеей тюркского происхождения всех древностей на территории

Узбекистана, объявив тюрков истинными арийцами (как русские ультрапатриоты – русских). Излагается эта теория на ломаном русском языке. Так академик заявил, что его советские учителя в угоду «европацентризму» якобы положили в основу своих изысканий неверный образ арийца с золотой колесницей «и насильственно убитыми конъями», что они стремились обосновать ложную теорию о происхождении арийцев «и определить их первоначальной родины, то есть они начали искать топонимов, подтверждающие о том, что степы Северного Причерноморья были первоначальной родины индоиранских племен…» И вдруг стало понятно, что таким языком академик писал и говорил всегда, только раньше у него были русские редакторы, а теперь их нет. Хуже другое: раньше у него были ответственные учителя, контролировавшие академический уровень его публикаций, а теперь их нет. Объективности ради нужно добавить, что далеко не все в узбекской науке разделяют его воззрения. Однако рядовой читатель может поверить его научному титулу и печатному слову.

В научных изданиях появился ряд статей об исторических преувеличениях и фантазиях, распространенных не без помощи авторов открытия приуральского поселения бронзового века Аркаим. Это интересный, круглый в плане, поселок с несомненными признаками культуры ариев, то есть индоиранцев, находящий соответствия в Авесте. Пошли слухи о том, что это и есть – центр древнеарийской цивилизации, «страны городов», что арии – это наши предки, то есть предки славян, хотя если арии и есть чьи-то предки, то прежде всего – персов, таджиков, отдаленные предки скифов и осетин, но никак не славян. В Аркаим потянулись со всей России вереницы паломников приобщиться к святой силе, к животворному духу арийских предков. Но статьи и стенограммы авторитетных научных собраний были опубликованы в малотиражной научной печати, а популярные книги об Аркаиме как центре «страны городов» расходятся массовым тиражом.

Шиловская «Прародина ариев» издана «Молодой гвардией» тиражом в 100 тысяч экземпляров, его статьи публиковали вполне авторитетные «Природа» и «Знание – сила». Между тем его монография объемом в 46,5 авторских листа (есть и другие его книги) – сплошная мистификация публики, размывание границ между мистикой и наукой. Шилов отвергает источниковедческий метод и статистику. Он опирается на интуицию: читает священные тексты Ригведы и Авесты и мигом находит их «воплощение» в украинских курганах. Своими вдохновителями он называет Рериха, Блаватскую и Рыбакова. В курганах Украины

действительно можно найти соответствия некоторым сведениям, находящимся в Ригведе, потому что в Индию и Иран индоиранские племена действительно переселились из степной полосы. Но для установления этих соответствий требуется кропотливая работа, нужны точные факты и строгая методика. А эзотерическая археология Ю.А. Шилова только дискредитирует выводы науки. Громоздя свои прозрения одно на другом (Трипольская культура – славянская страна Аратта) и безудержно рекламируя их, Шилов примазывался к разным политическим течениям: был то демократом и либералом, то русским ура-патриотом, то украинским националистом, то борцом с сионизмом. В конце концов, киевские коллеги после четверти века увещеваний изгнали его из Института археологии Украинской академии наук. Ныне Шилов стал писателем, популяризатором науки.

Плохую поп-науку можно побеждать только массовыми же тиражами, пропагандирующими настоящие знания, телефильмами, лекциями по радио, статьями в газетах. Я не случайно написал «побеждать», а не «победить». Потому что псевдонаука – как многоголовая гидра, все время возрождается и будет возрождаться. Спрос на нее есть и будет, не исчезнут и факторы, ее порождающие. Поэтому противодействие ей должно быть постоянным. Ее невозможно победить, можно только побеждать.

№ 12 (836), 16 сентября 2008

2. Доклад для домработницы

Всю научно-популярную литературу можно разделить на две категории – ту, что пишется литераторами, сделавшими популяризацию науки своим делом, и ту, что создается самими учеными. Первая обычно удается вполне, когда литератор входит в контакт с ученым, проникаясь его идеями, – таковы, например, отличные книги А.П. Никонова «Апгрейд обезьяны», «История отмороженных», «Судьба цивилизатора» и другие. Не без недостатков, но книги мастерские. Такой же результат достигается, когда литератор специализируется в той или иной дисциплине, серьезно изучает ее методы и материал, а не только актуальные проблемы переднего края – таковы книги Курта Марека (Керама) или Зенона Косидовского. Вторая категория встречается реже, потому что требует от ученого литературных способностей, а ими обладают немногие (пример – книги А.Е. Ферсмана, А.Л. Монгайта, Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского). Однако многие ученые осуждены на создание серых, неудобочитаемых, хотя и высокоценных трудов, или на тесное общение с журналистом (с риском наткнуться на халтурного борзописца). А собственно, почему?

Наверное, потому что в вузах у нас нет специальной подготовки по литературной обработке научных трудов (которая важна не только для популяризации), а школа дает слабые навыки владения литературной речью (все более слабые).

Так уж получилось, что за свою долгую жизнь в науке я не раз занимался популяризацией тех отраслей, в которых работал. Поскольку в молодости я был учителем в средней школе, а затем преподавателем в университете, у меня сложились навыки говорить о сложных проблемах простым, общедоступным языком, сформировались свои рецепты занимательности – разъяснять общие истины на конкретных примерах, увлекать тайной, ставить проблему как загадку и вести постепенно к разгадке. А уж пластичность и образность речи даются человеку как дар: есть – значит есть, нет – так нет. Что ж, если нет, то лучше и не браться за популяризацию.

Я писал для разных аудиторий – был автором детских журналов (что самое трудное), одна моя статья появилась в «Юности» (многие потом шли в приемную комиссию истфака с этой статьей в руках), много писал для журнала «Знание – сила», написал и несколько научно-популярных книг. Их издатель говорил мне: «Вы думаете, что ваши книги такие уж популярные? Они расходятся хорошо, но читать их могут немногие». Пожалуй,

он был прав. Наверное, потому что, готовя свои книги к публикации, я вижу перед собой интеллигентного читателя. Пусть даже не шибко образованного (термины я разъясню), но вдумчивого, интересующегося и здравомыслящего, с широким кругом интересов. Много читающего. Издатель, продвигающий мои научно-популярные книги, и сам такой, любит такого читателя и осваивает эту нишу на книжном рынке.

Уже давно я заметил, что мои научные монографии нередко носят характер, приближающий их к научно-популярной литературе, а мои научно-популярные книги имеют много черт научных монографий. Конечно, в сугубо научных текстах незачем разъяснять прописные истины – у них достаточно компетентный адресат, а популярные произведения адресованы широкому кругу читателей, там нужно разговаривать иначе. Но полярность этих категорий часто преувеличена.

Научные монографии я стараюсь писать как можно более простым и живым языком, языком живого общения. Я терпеть не могу гелертерский язык, от которого сводит скулы, – испещренного канцеляризмами и причастиями, оснащенного запутанными придаточными оборотами, с латинско-греческой лексикой и немецким синтаксисом. Какого черта автор величается *мы*: «мы полагаем»? Это, конечно, наследие немецких академиков XVIII века. Я все время спорил с редакторами – они упорно меняли мое «я» на «мы» (такая вот борьба с нескромным яканьем). Кто это «мы»? Автор ли, или его научный коллектив, или его научная школа, или вся наука, от имени которой он выступает? Пиши «мы» там, где подразумевается коллектив, и «я» – там, где ты выступаешь как личность, как исследователь, и нечего этого стесняться.

Я уж не говорю о «вышеуказанном». «Как указано выше…» Где это выше? На данной странице? Но часто имеются в виду как раз предшествующие страницы. Особенно смешно выглядят «вышеуказанные» в речи выступающих по радио или с экрана телевизора. Выше этажом? Или указано свыше? Дело даже не только в отсутствии реального смысла, но и в том канцелярском привкусе, который остается от этих и подобных речений.

Ни живая речь, ни юмор, ни ирония, ни эмоции, ни даже образы (если они не подменяют научные формулировки) не противопоказаны научной литературе.

Вообще я считаю, что ясность понимания достигнута тогда, когда сложную научную проблему можно изложить просто. Нередко профессиональная подготовка требуется, но требования обычно завышены на несколько порядков за счет косноязычия исследователя. Так что в этом смысле понимание

непрофессиональной аудитории есть критерий ясности понимания самого автора-ученого. Неверна преподавательская шутка: объяснял, объяснял, сам все понял, а они все еще не понимают! Если сам все понял, то они наверняка поймут.

С другой стороны, в научно-популярные издания я смело ввожу ссылки на литературу (стараясь избрать наиболее экономную систему их подачи), излагаю доказательства, историю вопроса (часто это самое интересное), прилагаю указатели, карты, таблицы. Я исхожу из того, что читатель хочет подумать, проверить аргументацию, сообразить, что надежно доказано, а что гипотетично. Поэтому я помещаю в научно-популярные труды свои новые идеи, мои еще не опубликованные открытия. Откровенно говоря, сам я не очень жестко отличаю свои научно-популярные произведения от своих научных трудов. Дело только в адресате – в широте круга потенциальных читателей, а это весьма расплывчатый круг.

Начиная преподавание на кафедре археологии, я организовал при кафедре кружок для школьников, из которого впоследствии вышли многие известные археологи, и не только археологи. У нас привилась традиция – в конце года выпускать лучшего школьника с кратким докладом на заседание кафедры (затем он получал рекомендацию к поступлению в Университет). Когда я предварительно познакомился с докладом очередного школьника, написанным по узкой проблеме (критское линейное письмо А), я обнаружил, что доклад сделан на сугубо специальном языке, совершенно недоступном непрофессионалам. «Понимаешь, Миша, – сказал я школьнику, – наши профессора – специалисты в других отраслях науки. Они же ничего не поймут в твоем докладе. Переделай, пожалуйста, так, чтобы это было общепонятно и интересно всем». Толстый розовощекий мальчик из интеллигентной семьи принес мне доклад через несколько дней и сказал: «Я читал его нашей домработнице – деревенской женщине и правил, пока она не поняла. Теперь и профессора поймут, наверное». Поняли, и мальчик получил рекомендацию (сейчас это известный востоковед и одновременно – автор научно-популярных книг).

Мальчик рано получил урок приведения проблемы к ясному изложению, а мне был дан наглядный образ одной из основ популяризации. Избавление от избытка научности – конечно, лишь одна из основ популяризации. Требуется еще и занимательность, но ведь вся наука чертовски занимательна! Если вы не умеете показать занимательность вашей проблематики, то я уж и не знаю…

3. Интерпретация популяризации

1. Предмет для дискуссии. Очень интересные вопросы подняла в своей статье «Популяризация интерпретации» Ольга Закутняя, филолог и журналист. Точнее, целую серию вопросов. Это вопросы о том, как популяризировать гуманитарные науки и можно ли создать для них специальный научно-популярный журнал. Статья производит приятное впечатление: умный и тонкий анализ, хорошие примеры, интеллигентная речь – ненавязчивая, готовая принять и другие взгляды. Но когда прочел до конца, то понял, что меня здесь что-то не совсем устраивает. Попытаюсь понять, что именно. Мне кажется, это хороший предмет для дискуссии.

Общей основой для всякой популяризации автор статьи считает увлекательный рассказ о чудесах природы и науки – да такой, чтобы он сообщал новое об окружающем мире и помогал глубже понять его. По ее мнению, ценность популярной статьи не в том, чтобы доставить развлечение, а в том, чтобы это событие стало поводом для разговора о методах и смысле науки как способе познания. Могут ли предложить это гуманитарные науки?

Сложности популяризации гуманитарного знания состоят, по Ольге Закутней, в том, что:

1) гуманитарные научные достижения не поддаются верификации и, строго говоря, не являются открытиями;

2) гуманитарные науки кажутся бесполезными, особенно те, что ближе к интерпретации – философия, литературоведение (в отличие от таких, как лингвистика, история, экономика и социология, где в основе эмпирическое исследование); единственное спасение – понять нечто общее – как вообще устроены художественное произведение, язык;

3) популяризация запрограммирована на упрощение, а научные результаты гуманитарных наук состоят в усложнении понимания, в нюансах – в них вся соль, вся гениальность.

Вот коль скоро жанр самой этой статьи – явно гуманитарный, с деталей и начинаются для меня поводы для некоторых сомнений.

2. Гуманитарность. Прежде всего, что относить к гуманитарным наукам. Закутняя явно относит к гуманитарному знанию историю, экономику и социологию, не говоря уж о лингвистике. Мне представляется, что исследовательница, как и многие, путает два принципа распределения наук: разделение по предмету – на *естественные* и *социальные* и разделение по методу

– на *точные* и *гуманитарные*. Вся беда в том, что сам термин «гуманитарные» по своему буквальному смыслу почти совпадает с термином «социальные» (в немецком еще принят и термин Geisteswissenschaften – «науки о духе»). Но на практике термин «гуманитарные» давно утратил этот буквальный смысл и означает науки, в которых законы, точные методы и строгая логика занимают меньше места, а интуиция, единичные факты, отдельные ценности – больше. К сожалению, другого слова для обозначения этой группы наук нет.

Так вот социология, экономика, а частично и лингвистика и психология по предмету науки социальные, науки о человеке, но если группировать их по методу, то принадлежат они не к гуманитарным наукам, а к точным – как физика и химия, и мало чем отличаются от них. Там действуют те же принципы. Иное дело – литературоведение и искусствоведение. Философию (в ее современном объеме) придется разделить. Логика и методология науки принадлежат той же группе наук, что и математика (безусловно точным), а остальная, чистая философия – даже сомнительно, является ли вообще наукой или это иной тип знания вообще. Если она и является наукой (что для меня крайне сомнительно), то безусловно гуманитарной.

Вообще делений науки гораздо больше, чем эти два. Скажем, я бы выделил историю и географию в особую категорию. Это науки, изучающие не столько законы, сколько факты в их причинной и пространственной связи. Они ориентируют нас в том мире, в котором мы живем. Отдельные аспекты такого подхода есть и в астрономии, геологии и биологии. Все эти науки очень трудно подвести под шапку гуманитарных, несмотря на всю традицию нашего науковедения. В этих науках эмпирическая основа гораздо яснее выступает, факты учитываются гораздо объективнее и строже. Но отнести их к точным тоже нелегко: в них много значит выбор объекта, интерпретация, ценности.

Я по своей основной специализации археолог. Археологию большинство считает гуманитарной наукой, что, на мой взгляд, далеко от истины. По предмету она имеет связь с филологией, искусствоведением и, разумеется, историей, но лишь по предмету. По методам она совершенно иная. По своим методам археология ближе всего к криминалистике, к деятельности детектива. Она, на мой взгляд, вообще не фундаментальная наука, а скорее прикладная, подобно криминалистике, медицине и кулинарии. С ней это качество разделяют и другие источниковедческие дисциплины – нумизматика, геральдика, текстология, этнография.

Для археологии вроде бы и нет трудностей в популяризации:

заговорил о раскопках и древностях – уже все готовы слушать, уже романтика, уже загадка. Но почитайте подавляющее большинство археологических трудов – с первых же страниц скулы сведет от скуки.

У каждой группы наук свои трудности популяризации, свои особенности. Но есть и общие проблемы, характерные для всех наук, и, мне кажется, они преобладают.

3. Трудности популяризации гуманитарных наук. Теперь рассмотрим те сложности или «слабости» гуманитарных наук, которые Ольга Закутняя выделяет в качестве специфики популяризации гуманитарного знания.

1. Отсутствие верификации и открытий. Как популяризировать то, что невозможно доказать, и зачем популяризировать то, что не является и не являлось открытием? Естественно, это препятствия для популяризации. Точнее, эти качества были бы препятствиями, если бы были реальными. Первое справедливым можно признать, только если называть верификацией способ доказательства, принятый в точных или естественных науках: выведение ожиданий из гипотезы и сверка их с фактами, полученными экспериментальным или математическим путем. Но тогда отсутствие верификации – не препятствие для доверия к достижениям науки, потому что есть другие способы доказательств («фальсификация» по Попперу, вписывание в «широкие исследовательские программы» по Лакатосу, согласование с другими теориями).

Что же до отсутствия открытий, то опять же, что называть открытием? Только то, на что можно взять патент? Патент берется на изобретение и на открытие физических свойств, которые можно использовать для изобретения. Но если изловчиться, то патент можно взять и на то, что твоим открытием не является, а в то же время нельзя было взять патент даже на Великие географические открытия. Все неизвестное ранее определенному кругу лиц является для него открытием. Вопрос лишь в том, сколь широкому кругу лиц и сколь значительно это новое для человечества. Люди могут открывать для себя новое в произведениях искусства и литературы с помощью искусствоведа и литературоведа.

Используя свое второе образование (и специальность), филологию (как-никак выпустил две филологические книги и ряд статей), я выступал в 1980-е в журнале «Знание – сила» с популяризацией своих гомеровских штудий. Я излагал доказательства того, что текст «Илиады» сделан не одним автором, что поэма составлена из шести разных песен, что Троянской войны не было, а Шлиман нашел не Трою. Можно со

мной не соглашаться, но если я прав (а такой авторитет, как И.М. Дьяконов, считал, что я прав), то это – открытие (он так и считал – и высказал свое мнение в печати). Это филология? Полагаю, что в этом точно сомнений нет.

2. Кажущаяся бесполезность. Это свойство подмечено верно. Но образует ли оно препятствие для популяризации? Публика вовсе не считает пользу единственным достоинством, привлекающим в научных достижениях, да и не только в научных. Кого волнует, что нет прямой пользы зрителям от футбола? А какая польза от водки (весьма популярной)? Даже если «пользу» подыщут (для сугреву, для настроения, «поправить здоровье» и т. п.), вреда явно больше. Большей частью публика и не ждет от гуманитарного знания прямой бытовой пользы. Она вполне удовлетворяется другими качествами такого знания – романтикой, эстетикой, эрудицией, возвышением над бытовым уровнем, ароматом высокой культуры (если, хотите, престижностью). Если же подобные сомнения в целесообразности возникнут, то дело (и искусство) популяризатора показать, в чем глубинный смысл подобных занятий и, в конечном счете, польза от них. Показать, что польза от культурности – даже практическая и экономическая. Что не может построить передовую экономику человек, который не читал Булгакова, хлещет водку, мочится мимо унитаза и бьет жену.

3. Запрограммированность на упрощение. Это качество не только популяризации. Всякая теория упрощает исследовательскую практику, всякое понятие упрощает фактический материал. Опять же сложность характеризует не только гуманитарное знание. Популяризация потому и запрограммирована на упрощение, что естественные науки (физика, химия, биология, астрономия), да и математика весьма сложны для понимания. В старших классах школ в гуманитарных предметах успевают все, кто хорошо владеет языком, в математике, физике, химии – лишь особая часть учеников. Гуманитарное знание для большинства проще (по крайней мере, на первый взгляд), потому что ближе к повседневной практике, к бытовому общению.

Способность мыслить не примитивными ходами, улавливать диалектику противоречий, входить в нюансы, понимать и использовать различие синонимов вообще характеризует интеллигентного человека. Это ведь видно уже с детства: один ребенок отвечает «да» и «нет», другой в той же ситуации употребляет слова «безусловно», «разумеется», «очевидно», «пожалуй», «очень может быть», «это как посмотреть» и так далее.

Я не склонен считать, что эта особенность мышления

характерна только для гуманитарного знания и что она противоречит установке популяризатора на упрощение. Сложные для понимания вещи нужно делать доступными, то есть упрощать – как в гуманитарном предмете, так и в са́мом точно-научном. В то же время не стоит упрощать так, чтобы терялась сложность аргумента, чтобы за упрощением исчезал смысл интерпретации, исчезали нюансы. Такое упрощение называется *вульгаризацией*. Она бывает как у популяризаторов гуманитарного знания, так и у популяризаторов точных наук, естественных или социальных. Уж так растолкуют физику и биологию, что наука исчезает.

4. Общие задачи популяризации. В чем же задачи популяризации вообще? Как мне представляется, не столько *развлечение* (хотя и это тоже непременный компонент), сколько *просвещение* – показать публике значение того, что делает наука. Это позволит привлечь молодежь к работе в науке, а пожилым – показать, что ассигнования на науку тратятся не зря. Я напомню, что такой гений, как Лев Толстой, публично издевался над клеточной теорией и говорил, что ученые зря проедают народные деньги. О судьбе генетики в нашей стране можно и не напоминать. Вот хорошая популяризация и должна предотвратить подобные выпады. И, разумеется, она должна предохранить общество от повального увлечения лженауками и всякими формами эзотерического знания, порою принимающими просто опасный характер.

Я не вижу особого отличия религии от суеверий и мистики, но учитывая, что для значительных масс (хотя и меньших, чем обычно считают) религия обладает сакральной аурой, я не стану здесь противопоставлять религию науке, хотя мое личное убеждение – что они несовместимы. Я признаю некоторую роль религии как опоры народной морали, хотя мне представляется, что мораль может иметь и разумные основания. Во всяком случае, это те вопросы, которые также нельзя обходить в популярном изложении научных основ.

Все это имеет значение как для естествознания, так и для точных социальных наук, равно как и для наук гуманитарных.

Все науки отгородились от общества сухим экономичным языком (частью из-за косноязычия), дремучей терминологией (по необходимости), огромными объемами фактического материала, который нужно знать для чтения научных журналов и монографий. Создателям популярной литературы все это нужно преодолеть, не вульгаризируя. Чтобы сделать знание доступным и увлекательным для масс, приходится чем-то жертвовать – лаконичностью языка прежде всего. Язык популяризатора должен быть живым, ясным и образным. Приходится жертвовать также

массами деталей, выделять главное, находить яркие и конкретные примеры.

Чтобы изложение было увлекательным, есть один старый и испытанный способ – вести от загадки к разгадкам, от сложного и запутанного – к разъяснению, от задачи к открытию. Раскрывать суть метода. Вести читателя сквозь истории исследований и историю исследования. Демонстрировать споры и столкновения, ошибки и подвиги, заставить сопереживать.

Все это действует одинаково, знакомим ли мы с естествознанием, социальными науками или гуманитарным знанием.

5. Особые трудности. А есть ли некие особые трудности у популяризации гуманитарного знания? Права ли в этом Ольга Закутняя? В чем специфика этого дела? Очевидно, если знание специфично, то и в его популяризации может быть специфика, и хорошо, что Закутняя обратила на это внимание. Но суть этих затруднений мне представляется в другом.

1. Преодоление искушений. С одной стороны, гуманитарные науки кажутся проще, доступнее. Поэтому в них втягивается уйма дилетантов, люди без специального образования и навыков, без школы и даже без знаний берутся с ходу решать сложнейшие вопросы, не видя подводных камней и ловушек, не зная давно уже пройденных наукой ходов. Нужно показать, что не все так просто. Хорошая популярная литература поможет людям преодолеть искушение решать все без методики, знаний и школы.

2. *Понимание доказательств.* Обычный человек вынес из школы привычку к одному способу доказательства. У гуманитарных наук более сложные способы доказательства, но они есть, и проблема объективности знания не становится тут менее важной. Дело популярной литературы найти у обычного человека опору для понимания этих других систем доказательства. А у него такие опоры есть, в обыденной жизни он и сам не ограничивается верификацией по Локку. Нужно свести другие доказательства к тем опорам, которыми он пользуется в обыденной жизни, чтобы гуманитарные доказательства были и для него реальными доказательствами.

3. *Избавление от предрассудков*. У людей есть свои предрассудки. Многие убеждены, что знают основные истины по гуманитарным проблемам, и сдвинуть их с этой позиции тем труднее, чем меньше у них знаний. Нужно избегать разговора на языке, заведомо им чуждом, поскольку их предрассудки при этом им ближе и роднее, чем принципы и истины науки. В этом случае они отбросят популярную книжку, не читая. Одновременно нужно избежать потакания этим предрассудкам, потому что тогда они

лишь укрепятся в своем мнении. Задача состоит в том, чтобы исходя из наличия этих предрассудков и из уважения к убеждениям многих, изменить их мышление, показать необоснованность предрассудков, сравнить их с достижениями науки и добиться признания научных данных.

Популяризатор науки сродни учителю – с той только разницей, что программы обучения нет и ничто не удерживает учеников в классе. Удержать их может только увлекательность и полезность. А в том, чтобы контакт состоялся и продолжался, заинтересованы больше учителя, чем ученики. Больше мы, чем они. Потому что от них зависит наше существование и развитие науки, от их понимания и выбора жизненных перспектив.

№ 19 (38), 29 сентября 2009

4. Археология: разговор с народом

Гордон Чайлд мучительно и постоянно продумывал, в чем польза от археологии, стремясь оправдать для себя свое моральное право ею заниматься. В 1934 году он написал статью «Is prehistory practical?»[21]. Своего учителя Михаила Илларионовича Артамонова я помню на Волго-Доне, на раскопках Саркела, помню, как он, начальник экспедиции, бродил в 1950-м среди сотен зэков, орудовавших лопатами, и бормотал: «И кому все это нужно?» Сам я в своей «Истории археологической мысли» обратил внимание на то, что древние греки могли бы иметь археологию (технически это было им вполне доступно), но не завели ее, потому что не нуждались в ней. И я размышлял о том, не могут ли и ныне сложиться ситуации, в которых археология будет попросту не нужна.

Всякая наука имеет многочисленные связи с обществом: медицина должна обеспечить всеобщую осведомленность о своих достижениях (ибо они могут понадобиться каждому), социология и экономическая наука – общественное понимание своих описаний, физика – приток кадров и так далее. Это заметная часть их заинтересованности в общественных связях. Но археология не просто заинтересована в них, она целиком зависит от того, насколько общество осведомлено о ней и ее задачах, потому что самопроизвольно ее польза мало кому понятна. Если она все же имеет ассигнования, то благодаря простому любопытству и весьма туманным представлениям о ее причастности к чувству патриотизма. Да и отношение к археологическим памятникам в нашей стране оставляет желать лучшего. Поэтому для археологии ее связь с обществом – это не только насущная задача, но условие ее существования.

А связь с обществом – это прежде всего развитие научно-популярной литературы по археологии и других средств популяризации археологических знаний (музеи, фильмы, археологический туризм). Вот о популяризации знаний посредством научно-популярной литературы мне и хочется высказаться, точнее – о возможностях улучшения этого дела.

Для археологии книжная популяризация знаний имеет два варианта: собственными усилиями археологов и с помощью журналистов.

Каждый из этих способов обладает своими достоинствами и, скажем, если не дефектами, то рисками. Сами археологи лучше всех знают свой материал, не ошибутся в терминологии и деталях, но их работы часто оказываются стилистически

вымученными, тусклыми, скучноватыми. Язык серый, запутанный, в лучшем случае термины разъяснены, но увлекательности нет и в помине. Журналисты обладают обычно легким красочным языком, они умеют выгодно подать материал, но глубины в их изложении часто не найти. Они поверхностно овладели темой, кое-что переврали, что-то напутали, увлеклись совершенно абсурдными идеями, и у археологов, открывших им свои знания, остается чувство досады.

Нет, конечно, не все так безрадостно. Есть несколько известных журналистов, специально сосредоточенных на популяризации археологии и успешно подвизающихся (или подвизавшихся) на этом поприще, – Джофри Бибби, К.В. Керам (Курт Марек), Зенон Косидовский, у нас – А.С. Варшавский[22]. Есть и некоторые археологи, прославившиеся своими научно-популярными произведениями, – Георгий Борисович Федоров («Дневная поверхность»), Валентин Дмитриевич Берестов, Виталий Епифанович Ларичев, академик Валентин Лаврентьевич Янин («Я послал тебе бересту»), многие книги Александра Александровича Формозова близки к этому[23].

Для журналистов, специализирующихся на популяризации археологии, серьезная подготовка к этому равносильна тому, чтобы почти стать археологом: нужно ездить в экспедиции, общаться с археологами, много читать, много продумывать. Для археологов, желающих лично погрузиться в стихию популяризации, задача много сложнее: нужно стать почти журналистом, а это одной лишь подготовкой не дается, нужно еще и талантом обладать.

Между тем именно этот вариант популяризации археологии желательнее всего: меньше риск дилетантизма, увлеченности сумасбродными концепциями, меньше вероятность элементарных ошибок. Кроме того, тут нет проблемы нарушения авторских прав – археолог рассказывает о *своих* открытиях, показывает *свои* материалы.

В 1947 году мой учитель В.Я. Пропп в письме ко мне по поводу моей курсовой работы сообщил, что его учитель академик И.И. Толстой советовал ему никогда не показывать читателю своей исследовательской кухни. Этот совет В.Я. передал мне. Многие десятилетия, прошедшие со времен Толстого и Проппа, изменили читательскую аудиторию. В предисловии к книге М.Х. Алешковского «Повесть временных лет» В.Л. Янин отмечал, что ныне от научно-популярной литературы требуется не только изложение результатов научного исследования, но и ознакомление с ее методами. «То, что раньше называли кухней науки, теперь получило привычное название творческой

лаборатории»[24]. Современный читатель – скептик, он хочет в нее заглянуть. Продолжая свою мысль, Янин пишет:

«Научно-популярная литература, создаваемая самими учеными и излагающая не только вывод, но и его подробную аргументацию, приобрела качество достоверности. Поэтому она впервые сомкнулась с собственно научной литературой, разрушив тот барьер, который существовал издавна. И все чаще и чаще в популярных книгах в первый раз излагаются такие открытия, которые пока нигде еще не публиковались. И все чаще и чаще не только авторами, но и читателями популярных книг становятся сами ученые. И думается, что само развитие популярной литературы способно видоизменить жанр литературы чисто научной, сделав неприемлемым ее трудный для понимания и в общем искусственный жаргон. Научно-популярная литература нужна поэтому не только любознательному читателю, но и самой науке»[25].

Поэтому, с моей точки зрения, встает вопрос о необходимости включения подготовки к популярному изложению в профессиональное образование, в том числе археологическое. Конечно, если нет таланта к этому делу – литературного дара, богатого и пластичного языка, – то никакая подготовка не поможет. Но если такие данные есть, то соответствующая подготовка их упорядочит, усовершенствует и отшлифует.

Это тем более важно, что такая подготовка одновременно является подготовкой к чтению лекций, то есть к воспроизводству профессионального археологического образования, а это способно пригодиться очень многим археологам. Многим археологам приходится работать временно или постоянно и в этой сфере.

1. Многим кажется, что писать популярно – значит просто писать доступно: заменить сложные термины описательными выражениями, разбить длинную фразу на несколько коротких, убрать ненужные подробности. Вместо «фрагмент керамики» можно сказать «черепок», вместо «сосуд» – «горшок», вместо «профиль» – «разрез». Запутанные придаточные предложения от превращения в самостоятельные только выиграют. Да все эти приемы и в научном тексте работают недурно (по крайней мере, частично), но популярной вашу работу не сделают.

2. Некоторые добавляют к этому то, что они понимают под художественностью языка: разбрасывают по тексту красочные эпитеты, кто может, добавляет сравнения и даже метафоры. Горшки «хранят аромат веков», а плинфы – «отдают седой древностью». Обычно это мало помогает: ну стал язык цветистым или напыщенным, а увлекательным не стал. Гораздо труднее

сделать язык богатым и пластичным, когда у автора есть выбор из десятков выражений для решения одной задачи.

3. Но и это ведь не все. Нужно еще подыскать колоритные цитаты, ввести прямую речь, да так, чтобы она звучала естественно, ввести подходящие эпизоды из практики, из своего личного опыта, шутки и комические детали – все то, чем опытные и талантливые лекторы оживляют свою речь. Одни лишь студенческие записи в полевых дневниках способны изгнать скуку из самых нудных описаний: «Скелет лежал в позе изнасилованной женщины» (не буду указывать авторство ныне известного археолога) или «Костяк лежал головой на восток, а ногами на север». Тут уместны и просторечные выражения, если они употребляются в меру (иначе речь станет вульгарной).

4. Однако и со всеми этими стилистическими уловками нужного эффекта еще не возникает. Ведь популярное – значит прежде всего увлекательное. Многим – и не только археологам – кажется, что писать увлекательно об археологии очень просто. Ведь экспедиции – это так романтично! Раскопки древностей – тем более! Да, романтика странствий, полевой жизни и открытий неведомого, перспектива тысячелетий сами по себе очень увлекательны, но это вовсе не значит, что столь же увлекателен всякий рассказ о них. «Мы готовились, паковались, поехали, поставили палатки, устроили кухню, в первый день заложили раскоп, на второй день… на третий… на пятый день зафиксировали три фрагмента керамики… на шестидесятый день…»

Чтобы изложение было захватывающим, нужна особая структура всего текста. Скажем, такой прием, как построение рассказа в виде постепенно раскрывающейся тайны, разгадываемой загадки, трудно решаемой проблемы – обычный прием интригующего изложения, но это же и прием построения хорошей лекции. Да и научный доклад не грех строить в том же ключе.

Или другой прием – прослеживание истории вопроса, который в сущности сводится к тому же: вначале ничего не известно, затем проявляются какие-то фрагменты, потом возникают неожиданные открытия, причем выявляются их скрытые причины и, наконец, вырисовывается полная и изящная система. Именно так построено замечательное введение в первобытную археологию Ганса-Юргена Эггерса[26].

5. Наконец, есть некие законы жанра, обычные приемы литературного оформления работы. Очень помогает восприятию, когда работа четко разбита на смысловые разделы, каждый из которых озаглавлен, основные мысли сформулированы

афористично и выделены шрифтом, добавлены эффектные иллюстрации.

В своей собственной практике я неоднократно замечал, что удачны у меня были те лекции, которые были построены как литературное произведение – с зачином, основной частью (а в ней все вело к кульминации) и концовкой. С другой стороны, моим научно-популярным, да и не только популярным работам сильно помогало то, что я имел большую учительскую, а затем лекторскую практику и не только привык пользоваться живым разговорным языком в популярных произведениях, но и обильно вносил живую речь в чисто научные тексты. Право, она не нарушает научность, а лишь делает ее доступнее.

Всему этому можно и нужно учить молодого археолога. В курс литературного образования, рассчитанный на такую подготовку, должны входить основы если не педагогики, то пропедевтики, а также риторика и искусство полемики, литературная стилистика и т. п. Возможно, этот курс должны вести филологи, а может быть, найдутся и археологи, способные его преподавать.

Без этой подготовки археологи в массе остаются безъязыкими и не могут толково объяснить согражданам, чем археология обогащает их жизнь.

Опубликовано: Евразийский археологический сборник. К 60-летию С.В. Кузьминых. Санкт-Петербург – Красноярск: Б.и., 2012. С. 189–292

5. Ровесники, пишите мемуары!

Читаю две книги, изданные в прошлом и позапрошлом году, но прибывшие ко мне недавно: изданы они далеко, а сейчас книжные связи между разными городами нашей страны сильно ослабели, что и говорить о разных уголках постсоветского пространства. Оба автора – знаменитые археологи, и оба были изгнаны из центральных научных учреждений[27].

Я тоже был вышвырнут из науки почти тридцать лет назад, угодил в тюрьму и лагерь (не без помощи КГБ), но через десять лет сумел вернуться в науку, и почти все мои книги изданы уже после этого. Перипетии своей борьбы за жизнь и место в науке я изложил в своих мемуарах[28]. Может быть, поэтому мне очень близки переживания и воспоминания моих коллег, и во всем этом я вижу проблему.

Елена Ефимовна Кузьмина (2008) прославилась тем, что, изучая андроновскую культурную общность и памятники Синташты, с непреложностью установила, что арии происходят не из оседло-земледельческих культур Средней Азии, а из культур степного круга, каковой является и адроновская культурная общность. Кузьмина стала в нашей стране наиболее эрудированным специалистом по арийскому (индоиранскому) этногенезу, равно как и по истории коневодства. Она была избрана членом престижного в археологии Немецкого археологического института (нечто вроде академии), книги и статьи ее переводятся на основные европейские языки. Кузьмина – это громкое имя в археологии.

Тридцать шесть лет тому назад ее выгнали из Института археологии АН СССР, и слава богу, что друзья помогли ей пристроиться в Институте музееведения. Пожилая женщина освоила и новое дело, в этой области также выходят ее работы, хотя главные ее труды все же продолжают выходить по прежним проблемам. В одной из своих монографий об андроновской культуре II тысячелетия до н. э., изданной в Казахстане и недосягаемой для ее гонителей, восьмидесятилетняя дама поместила мемуарную главу, слабо связанную с основной частью книги. Основная часть – о классификации горшков, а эта – о классификации людей, ее коллег. Она хочет понять, как получилось, что все ее коллеги пошли на поводу у парторга Т.М. Потемкиной и нескольких партийных интриганов, а ее непосредственный начальник Н.Я. Мерперт закрыл лицо рукой (буквально) и говорил то, что было нужно партийному руководству, директор же института академик Б.Н. Рыбаков, до

того поддерживавший ее, одобрил изгнание.

Яков Абрамович Шер был известен всем археологам СССР как соавтор первого в нашей стране учебника по формализованному анализу археологических источников (им пользуются до сих пор), как энтузиаст математических методов в археологии. Он также соавтор единственного учебника по методике археологии, охватывающего ее всю – от полевых работ до кабинетной обработки материалов (он писал самую сложную часть – о кабинетных методах, методах интерпретации). В Ленинградском Институте истории материальной культуры Академии наук (тогда отделении московского института) он работал заведующим лабораторией естественно-научных методов, заняв эту должность после знаменитого С.И. Руденко. Тогда шла кампания по очистке учреждений Академии наук от космополитов и прочих засорявших ее кадров. Вскоре после смерти Руденко, сорок с лишним лет назад, Шера с треском выгнали из Института. Академик Б.Б. Пиотровский взял его на службу в Эрмитаж – налаживать работу по созданию компьютерной базы данных произведений искусства. Но и там Шер удержался недолго – решил уйти сам.

Шер уехал в Кемерово, где стал профессором местного университета и создал в Кемерове компьютерную базу данных по первобытному искусству, известную в стране и за рубежом. Кроме того, он написал ряд книг, в которых выдвинул концепцию, объясняющую психофизиологическими факторами эволюции мозга труднейший вопрос – о потрясающем совершенстве первобытного искусства. Сейчас Шер (ему тоже около восьмидесяти) – виднейший теоретик этой отрасли, временами выезжающий из Кемерова читать курсы в Сорбонне. Жаль, что Петербург его потерял.

Шер тоже выпустил мемуары, но замаскированные под «научно-популярные очерки». Там много ностальгических воспоминаний об учителях и товарищах Шера – М.П. Грязнове, С.И. Руденко, А.П. Окладникове. Меньше о коллегах и почти ничего о себе, о своих мытарствах. То ли так проявляется личная скромность, то ли тяжело вспоминать о неприятных эпизодах своей жизни. А между тем это опыт уходящего поколения, чрезвычайно важный для поколений, приходящих на смену. Конфликты, трудности, преодоления, успехи – из этого состояла наша жизнь.

К сожалению, нашему обществу присуще наплевательское отношение к человеческому капиталу, к умам и талантам. «Бабы еще нарожают». А бабы рожают все меньше, и таланты разбазариваются все больше. Утекают мозги за границу, погибают

от безразличия и беспредела здесь. Далеко не всем удается найти свое Кемерово и свою отдушину в институте музейного дела.

У меня был друг на историческом факультете ЛГУ, профессор Юрий Давидович Марголис, историк. Белокурый, но с большим элегантно изогнутым носом (мама у него была русская, папа историк). Обаятельный человек, душа компании, кумир студентов, руководитель студенческой самодеятельности. Очень был осторожный, на рожон не лез. Его тоже исключали из науки – совершенно без вины, просто за порядочность. Аспирант другой кафедры Н.И. дал ему почитать то ли Солженицына, то ли Джиласа. А потом оказалось, что этот аспирант состоял в подпольной организации, его взяли, он раскололся и назвал всех, кому давал почитать самиздат. Вызвали на допрос Юру, он, естественно, все отрицал, чтобы не выдать Н.И. Ему предъявили показания, а за недонесение исключили из партии и сослали в Сыктывкар. Еще мягко обошлись. В Сыктывкаре он проработал много лет в университете, заслужил прощение, после чего его восстановили в Ленинградском университете. Опять читал блестящие лекции и руководил самодеятельностью.

Юра был очень общительным человеком и отличался тем, что знал на факультете все и обо всех. Как-то он умел непринужденно сунуть свой изогнутый нос во все тайные закоулки факультета. Вся современная история факультета была в его белокурой голове, все связи и подковерная борьба, все подноготные, причины всех факультетских и университетских событий (он был и автором официальных историй Ленинградского университета). Я говорил ему: «Пиши мемуары, кто же еще опишет нашу жизнь с таким исчерпывающим знанием!» Но Юра отвечал: «Так надо же писать правду!» А это он считал невозможным ни тогда, ни в далеком будущем. Умер же неожиданно и сравнительно молодым от сердечного приступа. И вся подлинная история факультета ушла вместе с ним.

Ровесники, пишите мемуары! И Кузьмина, и Шер как-то стыдливо подают читателям свои мемуары – одна как предисловие к монографии о классификации, другой – как интермедии в научно-популярных очерках, посвященных тому, что такое археология, да еще обходя острые углы собственной биографии. Опасались ли они, что издатели не примут прямой рассказ о событиях из жизни автора? Боялись ли, что читателям не будет интересно? Напрасные опасения, если писать правду, обжигающую правду нашей жизни.

И еще одно соображение. Мы многое усваиваем от своих отцов и старших братьев по науке – азы дисциплины, принципы исследования, этические нормы. Но ныне образовался гигантский

разрыв между поколениями. Долгое время в науку почти никто из по-настоящему талантливых людей не приходил. Нет смены ведущим ученым, вымирают целые школы. Если придет в опустевшую науку свежее поколение, учить его некому, кроме тех дедов, которые еще живы. Место среднего поколения зияет пустотой либо занято проходимцами и пустомелями с деловой хваткой. Чему они научат? Вот вытеснять и выгонять таланты они умеют. Ровесники, пишите мемуары!

№ 12 (56), 22 июня 2010

6. Загадка Льва Гумилева

При всем обилии мемуарной и биографической литературы фигура Льва Гумилева остается загадочной. В частности, загадочным остается его теперь уже несомненный антисемитизм. Это был болезненный факт для многих его друзей. Загадочным остается полное пренебрежение научными методами и принципами в большинстве его работ, в некоторых они начисто отсутствуют. Поэтому научное сообщество России его не признает, хотя он бешено популярен вне науки.

Анна Ахматова винила во всем советскую власть и лагерь. Возлюбленная ее сына Эмма Герштейн вспоминает:

«Мы видели на протяжении многих лет человека, носящего имя Лев Николаевич Гумилев, но хотя мы продолжали называть его Лева, это был не тот Лева, которого мы знали до ареста 1938 года. Как страдала Анна Андреевна от этого рокового изменения его личности! Незадолго до своей смерти, во всяком случае в последний период своей жизни, она однажды глубоко задумалась, перебирая в уме все этапы жизни сына с самого дня рождения, и наконец твердо заявила: „Нет! Он таким не был. Это мне его таким сделали“»[29]. И в другом месте: «Ее поражал появившийся у него крайний эгоцентризм. „Он провалился в себя“, – замечала она, или: „Ничего, ничего не осталось, одна передоновщина“»[30]. Передонов – герой повести Сологуба «Мелкий бес», тупой провинциальный учитель, соблазняемый бесами. Гумилев не только предостерегал православную Русь от еврейской опасности, но и много говорил о бесах (о чем вспоминает священник отец Василий[31]).

Воздействие лагеря на образ мышления Л.Н. я выделил в своей критической статье, предположив, что он был лагерной Шехеразадой, «толкая рóманы» уголовникам, и привычка подстраиваться под интересы своей лагерной публики повлияла на форму и содержание его сочинений, придав направленность его учению[32]. Эта догадка вызвала возмущение у многих ярых приверженцев Гумилева. Он не мог быть Шехеразадой! Он был пророком и учителем, вождем!

Судить об этом трудно. Гумилев оставил очень мало сведений о своей лагерной жизни. И это само по себе тоже загадочно. «Почти четверть века посчастливилось мне дружить со Львом Николаевичем и учиться у него, – писал Савва Ямщиков. – Беседы наши были доверительными и открытыми. И только двух страниц своей труднейшей жизни ученый никогда не касался: страданий узника ГУЛАГа и отношений с матерью»[33].

Отношения с матерью – понятно, не для чужих. Открывались только близким. Конечно, лагерь – тяжелая тема для воспоминаний, но многие пишущие считают своим долгом и облегчением души поведать людям эту страшную быль. А Гумилев – признанный мастер слова, красочно описывающий прошлые века и дальние страны, другие народы и всякую экзотику. Он побывал в этом экзотическом мире лично, все видел, испытал, способен рассказать всем… И молчит. Шаламов, Солженицын, Губерман, Разгон, Гинзбург, Мирек и бездна других выживших узников – все пишут, рассказывают, негодуют, обличают. А Гумилев молчит. Молчит не только в печати. Многие мемуаристы отмечают, что он и устно почти никогда не рассказывал о своем лагерном житье-бытье. Никому.

Обычно не желают вспоминать этот отрезок своей жизни те, кто был категорически недоволен собой в этом жестоком мире, для кого унижения лагерного быта не остались внешними факторами, а обернулись утратой достоинства, недостатком уважения лагерной среды. В лагере, где основная масса – уголовники, все сообщество четко делится на касты. В верхнюю касту попадают отпетые уголовники и «авторитеты». В среднюю, в «мужики», – вся серая масса. В нижнюю касту, касту «чушков», беспросветная жизнь которых полна унижений, избиений и бедствий, попадают слабые, жалкие, смешные, интеллигенты, больные, неопрятные, психически неустойчивые, нарушившие какие-то законы блатного мира. Они ходят в отребье, едят объедки, ждут тычков и пинков отовсюду, жмутся по углам. Спят воры на «шконках» первого яруса, мужики – повыше и на полу, чушки – под шконками или под нарами. Там есть известное удобство (изоляция, укрытность), но само место считается унизительным, а в мире зэков престиж, семиотичность очень много значит.

Я не стану подробно описывать эту систему – я сделал это в книге «Перевернутый мир»[34].

Не сомневаюсь, что в конце своего много раз умножавшегося срока Гумилев пользовался привилегиями старого сидельца и обладал авторитетом, а если исполнял функции Шехеразады, то и уникальным положением. Но по моим представлениям, по крайней мере в начале своего прибытия в лагерь молодому Гумилеву пришлось неимоверно плохо. Он должен был по своим данным угодить в низшую касту. Сугубый интеллигент, в детстве преследуемый мальчишками[35], с недостатками речи, картавый, – сам иронизировал, что не выговаривает 33 буквы русского алфавита. Характер вспыльчивый, задиристый, тяжелый, неуживчивый, «любил препираться в трамвае» – именно такие

попадали в чушки[36]. Его солагерник по последнему сроку А.Ф. Савченко вспоминает, что физические данные у Гумилева были очень невыгодные для лагеря: «Комплекция отнюдь не атлетическая. Пальцы – длинные, тонкие. Нос с горбинкой. Ходит ссутулившись. И в дополнение к этим не очень убедительным данным Гумилев страдал дефектом речи: картавил, не произносил буквы „р“. <…> Кто картавит? Из какой социальной среды происходят картавые?» Савченко отвечает: дворяне и евреи. Обе прослойки чужды уголовной среде[37].

Савченко подчеркивает, что в этот срок «несмотря на такой, казалось бы, внушительный перечень неблагоприятных свойств, Гумилев пользовался среди лагерного населения огромным авторитетом. Во всех бараках у него были хорошие знакомые, встречавшие его с подчеркнутым гостеприимством»[38]. Он рассказывает, как вокруг Льва Николаевича собирались многолюдные кружки слушать его истории. Но все это благодаря тому, что как раз перед последним лагерным сроком политических отделили от уголовников, «благодаря чему жизнь в лагере стала сравнительно сносной». А до того? «То был кошмар»[39]. Но когда уголовники все же оказывались в одном лагере с политическими, возникали эпизоды, подобные описанному тем же Савченко: «Рябой с ребятами бьет там „жидов“»[40], и этим «жидом» оказывается Л.Н. Гумилев.

Есть и прямые свидетельства о деталях быта, которые вписываются в эту реконструкцию. О своем открытии пассионарности Гумилев рассказывал так:

«Однажды из-под нар на четвереньках выскочил наружу молодой с взлохмаченными вихрами парень. В каком-то радостном и дурацком затмении он вопил: „Эврика“. Это был не кто иной, как я. Сидевшие выше этажом мои сокамерники, их было человек восемь, мрачно поглядели на меня, решив, что я сошел с ума…»[41] И другим он рассказывал, что «теорию пассионарности придумал, лежа в „Крестах“ под лавкой»). Проговорился Л.Н., определил положенное ему место в камере – под нарами, под шконкой.

О раннем сроке Гумилев сам вспоминает, что к 1939 году совсем «дошел», стал «доходягой». В Норильлаге зимой 1939/40 года с ним сидел Д. Быстролетов, который поместил свои воспоминания в «Заполярной правде» (23 июня 1992). Быстролетову нужно было подыскать себе помощника, чтобы вытащить из барака тело умершего. Один зэк растолкал доской спящего под нарами доходягу, им оказался Гумилев. У Быстролетова сложилось впечатление, что Гумилев имел «унизительный статус чумы», шестерки. Он, видимо, регулярно

подвергался обычным унижениям этого люда. Быстролетов описывает его как предельно ослабевшего, беззубого, с отекшим лицом, этот доходяга еле двигался и с трудом произносил слова, был одет в грязную одежду. Никаких вещей у него не было.

Воспоминания Быстролетова некоторые подвергают сомнению, поскольку тот сам был до ареста чекистом (разведчиком), но воспоминания эти очень реалистичны и согласуются со всем остальным, что мы знаем об этом периоде жизни Гумилева. Для Гумилева это было особенно тяжело, потому что дворянская честь, уважение среды и сознание своей высокой миссии были частью его природы. Контраст самосознания со своей неспособностью противостоять гнусной реальности был для него особенно катастрофичен.

Этот период неизбежно должен был наложить отпечаток и на последующие, когда положение Гумилева улучшилось, когда он освоил статус Шехеразады и добился внимания и уважения солагерников, да и солагерники стали другими. Зэк низшей касты никогда полностью не переходит в верхнюю, ни в глазах окружающих, ни в собственном самоощущении. Сбросить это наваждение он может только со всем антуражем лагеря, откинув лагерь как кошмарный сон. Поэтому люди этого плана стараются не вспоминать лагерную жизнь, гонят от себя эти кошмары, очищают память, чтобы выздороветь от лагеря.

Однако необратимые изменения психики почти неизбежны и остаются после лагеря. У тех, кто выдержал испытания и завоевал уважение среды, не оказался внизу, воздействие лагерного прошлого может быть укрепляющим: он выходит из лагеря если не добрее, то сильнее, чем прежде. Те, кто был сломлен, кто не выдержал ужасных тягостей, не сумел отстоять свое достоинство во враждебной среде, навсегда ушиблены лагерем, у них изменилось общее отношение к людям; оно стало отчужденным и недоверчивым, самооценка стала нуждаться в постоянном подтверждении, самолюбие стало болезненным. Эти люди постоянно ищут, на чем бы показать свое превосходство над другими – в ход идет все: опыт, вера, национальность, пол…

Большой поклонник Гумилева и Ахматовой, М.М. Кралин вспоминает, как впервые увидел Гумилева на заседании Географического общества 22 января 1971 года, где Гумилев председательствовал, а доклад делала Нина Ивановна Гаген-Торн. Она – «такая же старая, матерая лагерница, как и он, сидя на сцене, прихлебывала маленькими глоточками кофе из маленькой чашки и невозмутимо отвечала на яростные филиппики возражавшего ей по всем пунктам Льва Николаевича… В кулуарах Нина Ивановна говорила, что лагерь по-разному действует на

человеческую психику, что у Льва Николаевича, в этом смысле, хребет перебит на всю оставшуюся жизнь. Но, кажется, он и сам этого тогда не отрицал»[42].

Я думаю, что все то, что распространяется по России под названием гумилевского учения об этногенезе, не имеет ничего общего с наукой. Это мифы, сотворенные в больном сознании чрезвычайно одаренного человека под воздействием чудовищных обстоятельств его трагической жизни. Ненаучность этих талантливых произведений, абсолютно ясную всем профессионалам, он не видел и не понимал.

Между тем в некоторых своих работах он был действительно замечательным ученым, сделавшим великолепные открытия – это работы о циклических изменениях путей циклонов и влиянии этих изменений на жизнь и историю населения Евразии. Если бы он сосредоточился на этих явлениях, возможно, он был бы гораздо менее известен, но значительно более авторитетен в научном мире.

№ 9 (78), 10 мая 2011

7. Трезво о Льве Гумилеве: ответ критикам

Когда я направлял в редакцию «ТрВ» заметку о Льве Гумилеве, и я, и редакция понимали, что она вызовет, кроме поддержки, шквал возмущенных откликов. Так и произошло – за две недели накопилось более 60 откликов с комментариями в блоге «ТрВ» и других сетевых ресурсах. Некоторые просто бранят мою статью: она мерзкая, тон ее недопустимый и т. п. Образ великомученика Льва Гумилева слишком давно и прочно вошел в сознание целого слоя любителей околонаучной литературы как образ великого ученого. Я полон сочувствия и личного уважения к своему покойному коллеге и не сказал ни единого худого слова в его адрес. Но оценка его как ученого и общественного деятеля – совсем другое дело.

В своей газетной заметке я совершенно не задавался целью опровергнуть его учение. Ненаучность его учения для подавляющего большинства специалистов – общее место. Я писал об этом подробнее в своей статье 1994 года. Очень детально и доказательно рассматривает этот вопрос Л.А. Мосионжник в большой работе «Исторический миф Л.Н. Гумилева: технология создания»[43]. Моя цель была другая – исходя из очевидности этого положения для специалистов (и не только для специалистов), попытаться высказать некоторые догадки о причинах специфической направленности его учения, и я рад, что многие читатели правильно уловили мою задачу. Не поняли те, кто и не хотел понять.

Некоторые комментаторы останавливаются на том, что в числе неприемлемых для друзей и родных Л.Н. Гумилева особенностей его характера, причины которых я попытался выявить, я назвал антисемитизм. Для меня антисемитизм некоторых известных деятелей русской культуры есть данность, с которой приходится считаться, и в моем представлении она, умаляя их общую привлекательность, не отменяет ни их таланта, ни их величины. Для историка, однако, она особенно вредна, так как делает его необъективным. Раньше я считал, что у Л.Н. Гумилева антисемитские идеи были чисто теоретическими – так и писал об этом в своей статье 1994 года. Но, прочтя сборник воспоминаний о нем 2006 года издания, выпущенный его почитателями, я понял, что, по крайней мере в последние десятилетия своей жизни, он был и бытовым антисемитом. Там на сей счет достаточно много фактов. Моего отношения к учению Гумилева это, впрочем, не изменило.

Что касается моих догадок о причинах деформации характера

этого талантливого мыслителя – о функциях Шехеразады, а перед тем о его травмирующем пребывании в низшей касте лагерного сообщества, – то все эти догадки построены не на пустом месте. Они основаны на фактах, параллельно и многократно сообщавшихся как самим Л.Н. Гумилевым, так и его почитателями. Пусть мои пышущие гневом критики сообщат мне, какие из этих фактов неверны или не допускают предъявленную интерпретацию.

Остается еще ответить на наиболее пространный комментарий, который построен на убеждении, что специалисты по конкретному предмету (скажем, этносу) не могут судить о фундаментальных проблемах (скажем, этногенезе), что здесь вправе развертывать свои блестящие идеи мыслитель, свободный от обременительных знаний и правил. И в этом, мол, величие таких ученых, как Л.Н. Гумилев. Увы, блестящие идеи таких мыслителей строят не науку, а мифы.

№ 10 (79), 24 мая 2011

8. Письмо с того света

Рыская по Интернету (для лучшего понимания нынешнего политического спектра), я наткнулся на портал «Правая библиотека», а в ней нашел свою книгу «Воскрешение Перуна». По поводу этого казуса на сайте прочел комментарий одного, видимо, молодого завсегдатая, пишущего под ником Authari и живущего в Симферополе (Аутари – имя лангобардского конунга VI века). Письмо меня заинтересовало сочетанием похвалы и отвержения. Вот оно:

«Лев Самойлович Клейн – безусловно выдающийся археолог и мыслитель. Его монографии просто блестящи. Однако он был также известным глашатаем гомосексуализма (следует ссылка на рецензию, посвященную другой моей книге) и весьма изрядным антифашистом (см. его критику учения Г. Коссины). Эта работа на данном сайте представляется неуместной. Лично зная Л.С. Клейна (ныне покойного), могу сказать, что он не порадовался бы включению своей работы в эту библиотеку. <…> Имя Клейна вещь знаковая, и если вы не сионисты, педики либо специалисты по теории археологии (где Клейн выше Бога), то убирайте его работу отсюда».

Коль скоро Authari так высоко оценивает мои работы, хотелось бы исправить некоторые неточности в его обращении.

Во-первых, мой молодой читатель поторопился и в покойники меня записал преждевременно, разве что я пишу с того света.

Во-вторых, я не «глашатай гомосексуализма», как и не глашатай всего, что я исследовал. Но опровергать это определение не стану хотя бы потому, что принадлежать к категории людей, в которую входили Сократ, Юлий Цезарь, Леонардо да Винчи и Чайковский, не считаю ни ужасным, ни зазорным. Напротив, издеваться над такими людьми и ненавидеть их только за то, что они такие, – позорно и глупо.

В-третьих, я действительно еврей по происхождению, но идеями сионизма (то есть соединения всех евреев в месте их давнего исхода) никогда не увлекался. В концепции этой нет ничего дурного, но она – не для меня. По национальности считаю себя русским (происхождение многих русских – самое разнообразное). Authari, судя по его сайту, ненавидит и презирает евреев, как и негров, турок и многих других. Девиз его сайта – «Бей жыдов, спасай…» Ну, Россию он не мог поставить: ведь живет в самостийном украинском государстве. Ради стеба поставил: «…мацу». Маца, синагога и прочие иудейские атрибуты

меня мало касаются: я атеист и потомок атеистов. А в том, что у меня еврейские гены, – в этом не вижу ничего плохого. Authari придерживается противоположного мнения, но как-то ему надо справиться с такой трудностью: эти негодные в расовом отношении евреи, составляя одну тысячную населения Земли, дали более трети всех нобелевских лауреатов. Как-то не вяжется это с расовой неполноценностью.

В-четвертых, я действительно неприязненно отношусь к нацизму, хотя моя работа об учении Косинны касалась скорее истоков нацизма (Косинна умер до прихода Гитлера к власти). Authari же и его друзья увлекаются германской военной и нацистской романтикой, культивируют немецких воздушных ассов, восхищенно перечисляют, сколько те сбили советских самолетов…

Я общался с немцами гораздо больше Authari, но мое отношение к общему прошлому иное. Эти ассы меня бомбили при переправе через Березину. Эти ассы убивали моих друзей – русских солдат. Когда я впервые посетил Берлин после войны (это было в 1970 году), я гостил у археолога Ганса Квитты. Мы с ним выяснили, что в 1944-м были на одном и том же участке фронта, но по разные его стороны. А теперь мы вместе осматривали развалины гитлеровского бункера. Позже я контактировал с известным немецким профессором археологии Гербертом Янкуном, который во время войны был штурмбанфюрером СС, организовывал отправку археологических сокровищ с Украины и Норвегии в Рейх, но отбыл положенный срок в лагере и вернулся в науку – представьте, ему тоже очень нравились мои работы, и в частности статья о Косинне! Но мне бы не пришло в голову примерять СС-овский мундир. Впрочем, ему тоже. Потом я не раз преподавал археологию в Германии и Австрии. Профессором, который пригласил меня тогда в Берлин, был Бернгард Хэнзель, родственник Штауфенберга – казненного организатора заговора против Гитлера. Разная романтика вдохновляла наши воспоминания о войне – мои и Authari.

В-пятых, Authari ошибается, полагая, что меня бы не порадовало, что мои труды читают посетители «Правой библиотеки». Напротив, меня радуют всякие читатели: я ведь надеюсь, что благодаря моим книгам они поумнеют. Меня радует и то, что мои книги читают и ценят даже такие отпетые антисемиты и гомофобы, как Authari. Хочется надеяться, что вся их расистская фразеология – это всего лишь юношеский, прямо скажем, не очень умный эпатаж.

На эту статью Authari откликнулся, и у меня завязалась с ним переписка на сайте «ТрВ». Он оказался крымским археологом, не таким уж молодым. Как он уверяет, вовсе не антисемитом и не гомофобом. Евреев не третирует как низшую расу, а наоборот, считает конкурентами немцев. Просто он полагает, что евреи заняли слишком много видных мест в России и мире, а гомосексуалы наносят вред народу. При этом лично дружит с теми и другими. Очень почитает немцев-арийцев. Из моих последующих писем:

Из Вашего совета «правым» убрать с сайта мою книгу, потому что я, несмотря на свои достоинства, такой-сякой, я пропускаю мимо ушей Вашу практическую ненависть к моим деяниям и облику. А отмечаю Ваше, прямо скажем, преклонение перед моими достижениями в нашем общем деле – археологии. Значит, есть основа для пересмотра Ваших взглядов на меня как человека. А может быть, и на те явления, которые Вы мне вменяете как чернящие меня.

Прежде всего это два качества: я, по-Вашему, глашатай гомосексуализма – а это гибельно для страны, и я еврей, и хотя у вас полно евреев-знакомых, но евреи повинны в коммунизме, который Вы ненавидите, и в идее национального превосходства, которую Вы не одобряете. Я правильно изложил Ваши инвективы?

Рассмотрим первое обвинение. Поскольку дело мое по обвинению в гомосексуальности было инспирировано КГБ (а у них были свои счеты со мной), то я получил и отбыл срок полностью, поскольку не признал своей вины. В выпускных бумагах лагеря это и было указано, а также очень странная для таких зэков констатация: «Пользовался уважением среди заключенных». Понимаете ли Вы весь смысл такой констатации? После моего освобождения мой следователь опубликовал открытое письмо, в котором выражал сожаление, что участвовал в этом деле, – и его уволили из прокуратуры.

Я ни в своих книгах, ни в выступлениях никогда не признавал себя гомосексуалом и не отвергал этого. Именно потому, что доказывать или опровергать такие вещи недостойно. Это вообще не ваше дело, говорю я.

Но естественно, что эта проблема меня задела и я занялся ее исследованием. Выпустил две книги, готова третья. В книгах я не «пропагандировал гомосексуализм», а исследовал его. Книгами моими недовольны как гомофобы, так и гей-активисты – именно потому, что я объективно исследовал проблему.

В моих книгах содержится фундированная критика гей-культуры (ряд глав посвящен именно этому). Гомосексуальность с точки зрения биологии, конечно, патология, здесь Вы абсолютно

правы. Но в культуре приживаются многие биологически неоправданные вещи (посмотрите на наше питание и питье), а главное – гомосексуальность не заразна. В популяциях всегда примерно один и тот же процент гомосексуалов, меняется только открытость их проявления. В нашем обществе их столько же, сколько в Америке и сколько было в античной Греции. Сказываются и наследственный фактор, и стрессы (игра гормонов) при беременности, и воздействие среды. По наследству она передается с хромосомой Х, то есть по материнской линии. Так что, если уничтожить всех гомосексуалов, их популяция вновь восстановится в тех же размерах. Как появляются левши, альбиносы и т. п. Это нормальный разброс генов.

Сравнивать гомосексуалов с раковыми клетками и метастазами, не обижайтесь, несколько глуповато. Вы не задумывались над тем, как это страны с наибольшим развитием однополой любви (на Востоке) характеризуются очень высокой рождаемостью? А как археологу Вам придется примириться с тем, что отец археологии и искусствоведения Винкельман был завзятым гомосексуалом, как и крупнейший британский археолог Артур Эванс, открывший минойскую цивилизацию.

В только что вышедшем номере журнала «Собака. ру» помещена моя статья «9 голубых мифов» – почитайте[44]. В следующем номере должно быть продолжение.

Теперь перейдем к еврейском вопросу. Прежде всего хочу предупредить Вас, что я еврей по происхождению, но по национальности считаю себя русским. Русский язык – мой родной, я говорю на нескольких языках (среди них нет еврейского), но мыслю я на русском. Живал я подолгу за границей, но всегда возвращался на родину, даже в худшие времена. Я не принадлежу к еврейской религии (от синагоги был отлучен еще мой дед задолго до моего рождения). Библейские байки об избранном народе Божием отвергаю так же, как и Вы. Полагаю, что православная вера могла позаимствовать из еврейской книжности что-либо получше, но она заимствовала именно идею миссионерства. Но эта же идея есть и у мусульман.

Я считаю, что российские евреи в большинстве уже стали русскими (почитайте об этом мою статью «Четырнадцать евреев» в «Троицком варианте»). Где вы слышали еврейский акцент? Только у антисемитов. Теперь евреи – нечто вроде касты внутри русского народа. Подобно казакам или поморам. А что они вошли в элиту, а не в городские низы, так это не из коварства и не благодаря некой мифической еврейской солидарности, а по естественным причинам. Грамотность и любовь к знаниям у евреев имеют тысячелетнюю историю, кроме того, социально

низшие слои еврейства были уничтожены нацистами.

Вы ошибаетесь, если евреев отождествляете с коммунистами. Скорее уж можно их связывать с зарождением христианства и марксизма (в котором есть не только коммунистическое крыло).

Мой отец был в гражданскую войну деникинским офицером. Один дед был фабрикантом, другой – купцом первой гильдии. Да, большевики первое время после революции очень доверяли нацменам (латышам, грузинам и другим), в том числе и евреям, поскольку неумная национальная политика царизма швырнула многих из них в революцию. Но большинство их шло с другими партиями: меньшевиками, эсерами и кадетами. Я уж не говорю о том, что великодержавный шовинизм очень скоро восстановился. Ни отец, ни я никогда в партии не состояли.

Вы ошибаетесь, если думаете, что национальные симпатии и антипатии – устойчивая вещь. На нашей памяти образ еврея в русском народном сознании очень изменился (и только у кучки маргиналов пережиточно остался прежним). Он все больше вытесняется как главный «недруг» «лицом кавказской национальности».

А что до Вашей приверженности к красивым эсэсовским мундирам, то и во время войны были у нас их симпатизанты. Прежде всего всякие квислинги. В России чего-то в этом роде не получилось. Евреев-то арийцы уничтожали начисто, а русским и украинцам был откровенно уготован удел низшей расы. Кто-то шел к власовцам и бандеровцам, надеясь, что это будет третья сила, которая выживет, когда силы обоих противников иссякнут. Хотя ясно было, что ни Гитлер, ни Сталин этой третьей силе не дадут ни малейшей самостоятельности. Сообразите, что было бы с Вами, если бы эти немецкие ассы в красивых мундирах победили. Копали бы Вы сейчас памятники в Крыму или сараи на немецких фермах?

Еще одна неточность. Германия не подорвала силы СССР, предотвратив завоевание Европы. Наоборот, именно в результате войны Сталин захватил пол-Европы и не Германия не дала ему пройти дальше. А пал СССР, совершенно очевидно, не выдюжив в гонке вооружений с НАТО. В результате неконкурентоспособности своей хозяйственной и политической системы.

Я уделил так много времени этим вопросам не потому, что надеюсь переубедить лично Вас (хотя и это было бы неплохо), а потому, что Вы типичный представитель некоторой категории молодых людей националистического толка (в чем опять же не вижу ничего скверного). Но у них, как мне кажется, очень путаные представления о коренных вещах, важных для

национального будущего, а наши нации связаны историей и судьбой.

И еще несколько аргументов:

1. О гомосексуальности (я не пишу «о гомосексуализме», поскольку это нонсенс: нет такого учения или направления). С самого начала уберем подстановку: я признаю, что это патология не «на уровне индивида» или «на уровне популяции». Я писал: на уровне биологии. Все страхи, которые расписывает Authari (и которые в Питере двигают депутатом Милоновым), не подтверждаются никакими исследованиями. Расширения гомосексуальности не существует, есть лишь расширения откровенности ее проявления. Миф о вербовке гомосексуалов – всего лишь миф. Никакая популяризация или пропаганда не может изменить сексуальную ориентацию индивида. Лучший пример – сами гомосексуалы. В стране действует мощнейшая пропаганда гетеросексуальности – фильмы, литература, реклама, церковь, выступления политиков. Ну и сколько гомосексуалов ей поддалось? То же и с «натуралами» (как на геевском жаргоне зовут гетеросексуальных мужчин).

Насчет престижности и модности быть геем – это Вы слегка преувеличили. А Вы не пробовали? Вот попробуете, тогда и скажете, насколько это престижно.

2. Теперь о еврействе. Люди, одержимые националистическими идеями, склонны все события рассматривать как борьбу наций и рас. Это они представляют себе евреев как сплоченную популяцию, связанную солидарностью, взаимовыручкой, сговором, взаимопомощью и т. п. На деле такая взаимосвязь появляется только в условиях общей смертельной угрозы, и то не всегда. В остальных случаях евреи столь же разобщены, склочны, индивидуалистичны и завистливы, как и прочие народы. Конкуренция, подсиживание и борьба за лучшее место под солнцем столь же распространены среди них, как среди русских, поляков, французов и других народов.

Мой приемный сын – татарин, его жена – азербайджанка, их пятилетний сын – даже не знаю кто. Наверное, русский, потому что домашний язык – русский, культура тоже. Все говорят без акцента, ни в мечети, ни в церкви, ни в синагоги не ходят. Друзья и ученики мои – в основном русские и украинцы. Так сложилось.

Как мне представляется, я работаю в русской науке и культуре и, надеюсь, чем-то способствую ее развитию и международному признанию. Стремление моих учеников сохранить таких, как я, в русской «элите» Вы называете «сионизмом», который Вам не нравится. Помилуйте, ну должна же быть какая-то логика в идеях и терминах! Сионизм – это как

раз идея выселить всех евреев «в Сион»! В русскую культуру внесли свой вклад и многие обрусевшие немцы, и норманны, и татары, и грузины, и евреи, и поляки, и так далее. Будем «очищать» историю?

Из писем Authari мне показались существенными следующие слова:

«Лев Самойлович, спасибо Вам за Ваши ответы. Общение с Вами по-прежнему почитаю для себя за большую честь. Насколько я „типичный представитель националистической идеологии“ не могу сказать, но то, что я не антисемит, не фашист и не „гомофоб“ это уж точно. Надеюсь, Вы с этим согласитесь. Приношу свои извинения, если мои слова в моем комментарии Вас задели, формулировки были в самом деле не верны».

9. Трипольское зеркало

С большим сочувствием прочитал я открытое письмо антрополога Марии Медниковой руководству канала «Культура» в 10-м номере «ТрВ». В нем известный антрополог сетует на пристрастие ряда телеканалов к дутым сенсациям и их готовность эксплуатировать глупейшие суеверия и невежество части зрителей. Что приводит к поощрению и разрастанию этих проявлений готики. Беда эта касается не только антропологов, и не только в нашей стране, но на всем постсоветском пространстве. И не только суеверия эксплуатируются, но и другие не лучшие идеи, предрассудки и претензии – ксенофобия, националистическая спесь, шовинизм, мракобесие, идолопоклонство и тому подобное.

Приведу случай такой тяги телевизионщиков с Украины – на чужом примере легче проявить трезвость и увидеть, насколько эти потуги смешны и некрасивы при взгляде со стороны. На Украине (я не пишу «в Украине» просто потому, что это противоречит нормам русского языка) в годы после обретения самостоятельности чрезвычайно популярны стали попытки доказать особую древность украинской культуры (дескать, от нее пошли не только все славянские, но и все европейские культуры!), поместить на Украину центр происхождения ариев, особой древней цивилизации Аратта (то бишь, трипольской культуры), утвердить существование неких укров, от которых и произошли украинцы (а вовсе не от слова «край»). Тщетно разумные украинские специалисты опровергают эту чушь, ее неустанно пропагандируют ультранационалистические журналисты и полуписатели-полуархеологи (вроде Ю. Шилова), поддерживают некоторые политики (депутаты, чиновники) и осторожно, но настойчиво раздувают некоторые СМИ.

Заметное место в этих концепциях занимает трипольская культура, о которой ниже будет сказано несколько подробнее.

В августе 2011 года ко мне обратилась по телефону из Киева очень милая корреспондентка I канала украинского телевидения Ирина С. с просьбой немедленно дать интервью, посвященное трипольской культуре. Передача должна была пойти в эфир на следующий же день. Я попросил прислать мне сначала вопросы, потом посмотреть мои ответы, а уж тогда решать, что давать зрителям. Вопросы были присланы тотчас. Характер их кое-что говорил о представлениях и целях редакции. Я в тот же вечер послал свой ответ. Вот он:

1. Оцените явление трипольской культуры. Насколько она

давняя и насколько важная.

1а. Вопрос несколько странный. Древность культуры не предмет вкусовых или экспертных оценок. Есть достаточно способов датировки, а) радиоуглеродных и б) на базе сравнительной археологии, способов, опирающихся на связи с районами ранней письменности. Это известно каждому студенту. Трипольская культура датируется ныне V–IV тысячелетиями до н. э., но V тысячелетие без первой четверти. Это на территории Украины. А на территории Румынии, где она сформировалась и где ее называют культурой кукутень, она начинается раньше – с конца VI тысячелетия до н. э. Значит, ее памятникам почти 7 тысяч лет – ранним и 5 тысяч лет – поздним.

1б. Теперь о ее важности. Тоже вопрос не очень корректный. Каждая культура для науки по-своему важна. Лучше говорить о том, чем эта культура интересна. Прежде всего тем, что это первая земледельческая культура на территории Украины. В Нижнем Подунавье и в Греции такие культуры возникли значительно раньше, на Ближнем Востоке еще раньше, но на Украине – это самая ранняя земледельческая культура. А с земледелием появились и многие другие компоненты культуры, делающие ее богатой и яркой, – керамика, декоративное искусство.

2. Какая связь трипольской культуры с развитием цивилизации?

Если Вы имеете в виду, не является ли трипольская культура цивилизацией, то нет, не является. Несколько лет тому назад на Украине вышла двухтомная энциклопедия по трипольской культуре, очень добротная, но с названием «Енциклопедія трипільської цивілізації». Название, конечно, сбивающее с толку.

Под цивилизацией обычно понимают общество с письменностью и городами, с классовым расслоением. Ничего этого в трипольской культуре нет. Те огромные поселения, которые появились на одном из ее этапов, не имеют основных признаков города, основных его функций. Они отличались от прочих только размером. Это были большие села. Города развились значительно позже и не из этих поселений. Так что трипольская культура – никакая не цивилизация. А что земледелие – путь к цивилизации, это несомненно, но это касается всех земледельческих культур.

3. Насколько возможным является то, что все европейцы произошли от трипольцев?

Настолько же, насколько возможно, что все азиаты произошли от какой-нибудь культуры Кореи. Или Вьетнама. Или Азербайджана. О том, что трипольцы или их потомки заселили

Европу, нет абсолютно никаких данных. Более того, это невозможно. Начать хотя бы с того, что сама трипольская часть этой культуры произошла от румынской части – Кукутень. Значит, культура Кукутень уже никак не могла произойти от трипольской. Не могли произойти от нее и культуры Греции и Балкан, более ранние. Есть и в остальной Европе много более ранних и одновременных ей культур – почему бы европейцам не произойти от них? Например, обширная культура линейно-ленточной керамики, неолитическая и земледельческая.

Затем нет решительно никаких данных о том, что трипольцы говорили на индоевропейских языках. Судя по палеогенетическим исследованиям, вся южная часть Европы была заселена в неолите выходцами с Ближнего Востока, к ним в конечном счете принадлежали и трипольцы. Очень велика вероятность, что они принесли свою речь с собой. Тогда это была речь, родственная нынешней кавказской. Но и это все пока гадания. Вероятно, какая-то часть трипольского населения вошла в новые общности, приняла новые языки и какая-то часть их генов вошла в генофонд украинцев, молдаван и румын, а может и каких-то других европейцев.

А вам нужно, чтобы все европейцы происходили от трипольцев? Это чем-то тешит Ваше самолюбие? Не стоит ли лучше добиваться, чтобы «все европейцы» позавидовали успехам нынешней украинской промышленности, демократии, науки?

Ответ пришел незамедлительно. Вот он:

> «Лев Самуилович, здравствуйте!
>
> Прошу прощения, но у нас поменялась концепция материала:(
>
> Спасибо, что отозвались!»
>
> Я откликнулся так:
>
> «Насколько я понял, Вам моя концепция не подходит. Я оставляю за собой право опубликовать мое интервью в печати. ЛСК».

Что и делаю. А теперь сообразите, многим ли отличаются от этой тяги украинских телепросветителей наши отечественные старания доказать особую древность того или иного древнерусского или древнетатарского города, особую связь русских, или тюрок-степняков, или осетинов или еще кого-то с ариями, происхождение всех европейских народов от русского корня, отыскать древнерусскую письменность в палеолите, в Америке, доказать принадлежность варягов непременно к славянам (пусть и западным), а никак не к скандинавам, превосходство языческих русских богов над еврейским Христом,

превосходство православия (или мусульманства, или иудаизма) над всеми другими религиями или над атеизмом?

Глядя на украинские причуды, мы смотримся в зеркало.

№ 18 (112), 11 сентября 2012

10. Варяги, антинорманизм и час истины

Должен покаяться: запись декабрьской передачи «Час истины» на тему «Русь изначальная: происхождение варягов, норманизм и антинорманизм»[45] только недавно попалась мне на глаза. Двое историков – липецкий профессор Пединститута, то бишь Педуниверситета, Вячеслав Васильевич Фомин и московский доктор исторических наук Андрей Николаевич Сахаров, членкор Академии наук, «убедительно» (как указано в первых словах записи) обосновывают антинорманизм. Они доказывают, что варяги, о пришествии которых повествует русская летопись, никакие не норманны, а свои же славяне, только западные. В других сочинениях эти историки уточняют – вагры. Утверждение же, что варяги – скандинавы, есть норманизм. Создали его интервенты-шведы, подхватили немцы из российской Академии наук, а нынешние русские историки, которые повторяют это, – сплошь русофобы, подкупленные Западом.

Почему-то воспевая дуэтом нашествие западных славян, Фомин и Сахаров считают это патриотической позицией (а не избавление ли от западных славян, поляков, является национальным праздником России?). Признание же скандинавского нашествия (такого же, как на Англию и Францию) они считают антипатриотической пропагандой. Занимая такую вот патриотическую позицию, Фомин и Сахаров «наступили на мозоль людям, которые ангажированы, которые фальсифицируют историю, всю жизнь на это положили. Все эти люди – члены Шведской и Норвежской академий. Они работают на них» (В.В. Фомин; все цитаты его и Сахарова, кроме оговоренных, взяты из указанной телепередачи).

Так как я один из этих людей, то должен добавить, что вдобавок эти зловредные Шведская и Норвежская академии осуществили свой выбор тайком, потому что сами избранные (кроме Е.Н. Мельниковой) об этом не извещены и только профессор Фомин в Липецке об этом проведал (не иначе, как состоя в тайной связи с означенными академиями… или с кем-то еще?).

Из двух авторов этого устного трактата о норманизме специалистом является как раз липецкий профессор Фомин, он давно изучает эту проблему, хотя и с очень отсталой методикой, мало отличной от методики Ломоносова (выводы также схожи). Как известно, Ломоносов, будучи крупнейшим авторитетом в естествознании, возомнил себя также и историком. Но к истории

он не был приуготовлен, древнерусских летописей не прорабатывал, а основывал свои выводы на польских путанных пересказах XVII века и на своем желании угодить императрице («нас рабство под твоей державой украшает»).

Сахаров же специалистом-профессионалом в этой области не является. В наши дни история очень специализирована. Много лет Сахаров специализировался на изучении древнерусской дипломатии и деревни XVII века. Собственных крупных исследований по восточнославянскому этногенезу, куда входит и варяжская проблема, у него нет. Конечно, его специальность ближе к тем проблемам, которые он взялся решать, чем специальность академика Фоменко – к исторической хронологии, но в основном здесь тот же конфликт – академического звания и неподготовленности к конкретному предмету занятий. Очень трудно избежать впечатления, что перед нами выступают не Фомин и Сахаров, а Фомин и Фоменко.

Маргинальная позиция двух историков не заслуживала бы большого внимания (все их доводы давно опровергнуты), если бы Сахаров не был директором Института истории РАН и не только не выдавливал оттуда отдельных несогласных с его научной позицией, но и не изгонял целые отделы. Если бы он не был одним из нескольких историков в большой президентской комиссии по противодействию «фальсификациям истории». Если бы он не был автором стандартных учебников для средней школы: «Я автор учебников истории для 6, 7 и 10 класса, где те же вопросы рассмотрены на более глубоком уровне… Излагаю две точки зрения, и высказываю свою точку зрения, говоря, что мои аргументы как ученого вот такие-то и такие-то» (Сахаров). Вот почему аргументы этой небольшой группы приходится разбирать всерьез.

Какие же аргументы выдвигают эти историки, сами себя именующие антинорманистами?

1. *По их представлению, летопись ни слова не говорит о норманнском происхождении варягов. Есть в ней утверждение: «И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы». Но здесь варяги стоят рядом со шведами, значит, они не шведы (Фомин)*. – Это вроде бы верно. Но посмотрим на тот ряд, в который поставлены варяги: шведы, норманны (урмане – то есть норвежцы), англы, готландцы. Ни одного славянского племени – сплошь скандинавы и близкие к ним по языку и обычаям англы (германцы). В таком выражении варяги могут быть частью шведов (не состоявшей под властью шведского конунга), датчанами, фризами, но никак не славянами.

И за каким это морем располагаются западные славяне? За Варяжским – Балтийским, в этом все согласны. Но антинорманисты полагают, что, так как к приморским славянам ходили морем, то и они «за морем». Резонно. Однако, надо полагать, и в летописное время различали тех, кто живет за соседними ляхами и к кому ходят каботажным плаваньем, от тех, к кому добираются только через открытое море.

Само название «варяги» является лингвистически точной передачей скандинавского слова «варинг» (кириллический юс малый, замещенный потом «я», передавал германские фонетические сочетания – ен-, ин-), а слово это у скандинавов образовано от корня «вар» (клятва, присяга) с германским суффиксом «-инг», оно проникло и к византийцам, означая воинов-наемников с севера. Похожее слово – «викинг» → витязь.

С ваграми у варягов такая же связь, как у «вагранки» с «варежкой».

2. *Летопись указывает, что славянский язык и русский – одно есть. Что еще спорить? (Сахаров)*. – Когда славяне по вокняжившимся варягам стали называться Русью («от них же и ны прозвашася»), разумеется, славянский язык и русский стали одним. Тут уж, действительно, что спорить.

3. *Норманисты игнорируют славянские миграции. Академики Янин и Седов доказали три миграционных потока из западнославянского мира – из Южной Балтики, из Польши и с Карпат (Сахаров), в 8-м веке, в середине 9-го и в середине 10-го (Фомин)*. – Доказательство миграций считается у археологов очень трудным делом, для этого требуются серьезные факты. *Археологи* Янин с Алешковским в своей гипотезе опирались исключительно на *лингвистические* наблюдения, археологических же данных не приводили. Седов опирался на литературные данные и археологический материал не прорабатывал. Аргументы его другими археологами не приняты. Да и говорил он о середине I тысячелетии н. э. Никакой привязки к варягам у этого движения нет. Тогда как движение населения из Скандинавии засвидетельствовано сотнями археологических артефактов именно для IX–X веков.

4. *Оба – и Фомин и Сахаров – обращаются к археологии с целью опровергнуть археологическую картину норманнского проникновения. Из 150 тысяч артефактов, добытых Новгородской экспедицией, лишь 10–15 штук скандинавские (Фомин)*. – Сколько раз хватать фальсификаторов за руку?! При подсчетах нужно же брать не все века (истории города), а только те, в которых действовали варяги, и не все вещи, а только этнически определенные, и не все места, а только те, где варяги жили по

историческим сведениям. Мы проделали такие подсчеты давно и получили точные цифры, они опубликованы[46]. Норманнов в стратегически важных пунктах Северной Руси в IX веке больше, чем славян. Учитывались при этом не только артефакты, но и обряд погребения.

5. *Скандинавский мир был ориентирован на освоение других стран – западных, не наших (Сахаров)*. – Тогда почему абсолютно одинаковым выглядит распространение скандинавских археологических памятников в Англии и Франции, с одной стороны, и в России – с другой?

6. *Какие города создали варяги? – спрашивает Фомин и отвечает: Новгород, Белоозеро, Изборск. Это славянские имена. Не назвали ни – штадтом, ни – бургом, ни – хольмом*. – Простите, назвали. Древний город на Волхове в сагах называется Хольмгард, по-видимому, это было Рюриково городище, а вот возникавший неподалеку «новый город» получил славянское название. Город Изборск по сомнительному преданию (из Иоакимовской летописи) назван от имени Избора (имя неславянское), а по предположению этимологов (А.И. Попов, Г. Шрамм) – по реке Иза или Иса (финноязычное «Великая»), и назван он Исуборг, что в славянской переделке дало Изборск (не от «избы» же он назван). Белоозеро же рассматривается как калька с вепсского Вауктар. То есть всякий народ переводил это название на свой язык. Я уж не говорю о Кэнугарде (Киеве), Гардарики, «росских» названиях днепровских порогов.

7. *Обилие неславянских имен в летописи, среди которых много скандинавских, Фомин отбрасывает ломоносовским аргументом: имена же легко заимствуются, у нас много еврейских имен (Иван, Мария, Михаил, Гавриил и так далее), но мы же не евреи*. – Да, но еврейские имена взяты из Библии, а она пришла с христианством. А с чем (или с кем) пришли скандинавские имена, если не с варягами?

8. *Скандинавские саги не знают ничего из восточнославянского мира до Владимира, до рубежа X–XI веков – ни хазар, ни половцев, ни имен князей, даже Рюрика не знают. «Здесь нечего больше сказать» (Фомин)*. – Все не так категорично, как кажется Фомину. Саги знают только то, что приносили вернувшиеся из Гардарики воины. Значит, до рубежа веков в основном не возвращались, оседали там.

9. *Нестор не знает западнославянского мира – руян, ободритов, лютичей, брежан и многих других. То есть он знал их – но под именем варягов. Уберите равенство варягов западным славянам – и образуется огромная темная дыра в Европе (Сахаров)!* – А с чего вы взяли, что Нестор обязан был их знать и

упоминать? А если (по-вашему) упоминал, то почему никогда не называл их по их племенным названиям, а всех – только общим именем «варяги», заимствованным у скандинавов?

10. *Владимир поставил в Киеве Перуна и других богов, среди которых скандинавских нет. Не поставил ни Тора, ни Одина (Сахаров)*. – Это верно. Но Владимир – это уже славянизированный норманн, третье поколение в славянской среде. – *Фомин: Главные боги – это боги победителей*. – А это уже неверно. Римляне возмущались по поводу христианства: «побежденные дали религию победителям».

11. *Как получается, что шведский язык у нас исчез – никаких следов? (Сахаров)*. Неверно, следы есть. Скандинавских слов мало, но ими названы важные государственные понятия: гридь (воин), витязь (герой), стяг, вервь (община), вира (штраф), кнут, стул (седалище для знатного человека), тиун (приказчик), ябетьник (чиновник), также понятия мореплавания (шнека, якорь) и торговли (ларь, ящик, скот). А вот почему норманны быстро ославянились, тому может быть много причин (например, численное соотношение мужчин и женщин в обоих этносах в Гардарике), и есть параллель: так же быстро офранцузились норманны в Нормандии. Вильгельм Завоеватель прибыл в Англию уже французом. Да и в Англии ее север, захваченный данами, быстро забыл датскую речь.

12. *Есть договор, заключенный Олегом с варягами, когда он захватил с помощью варягов Киев и хотел обеспечить Новгород от нападения варягов. С каким же государством заключил Олег договор, когда Швеция была еще в догосударственном состоянии? А с западными славянами (Сахаров)!* – Как будто норманны признавали классификацию Сахарова, какое образование считать государственным! Как будто нельзя было заключить договор с любой значительной военной силой!

13. Остальные аргументы, приведенные обоими историками, даже не заслуживают опровержения. *В том числе и все восклицания по поводу невозможности объяснять слово «русь» из сканд. «руотси» (гребцы)*. Очень по-разному образовывались этнонимы. Важно не то, как он образовался, а как употреблялся. А вот антинорманистов попросим объяснить: почему до сих пор финны и эстонцы, жившие между славянами и шведами, называют словом «руосси» не восточных славян, а шведов?

Аргументы почтенного членкора и его липецкого соратника, которого он перевел в московский институт, возможно, и звучат убедительно для шестиклассников, но сомневаюсь, чтобы и десятый класс из возможных версий объяснения выбрал «антинорманнскую». Есть много источников информации, есть

голова на плечах. Дети нынче растут быстро.

№ 19 (64), 12 октября 2010

11. Любители в роли экспертов

Порою споры, отгремевшие в науке, отражаются в околонаучных обсуждениях, в студенческой аудитории или в обществах любителей. Отражаются обычно в упрощенном и заостренном виде, выдавая главные линии дискуссий профессионалов. При этом дилетанты становятся воинствующими дилетантами, беря на себя функции экспертов и судей. Это резко проявляется в спорах по истории, притягивающих на себя и отражающих острые общественные разногласия, в частности в споре о варягах.

Беседа с Диким

При обсуждении ряда моих статей в Интернете выступает некий господин Дикий (не знаю, это фамилия или «ник»). На какую бы тему я ни писал, он тут как тут со своими комментариями, в которых он укоряет меня, что я не отвечаю на его возражения против моих выводов о варягах-норманнах. Он верит антинорманистам, а я считаю антинорманизм не научной теорией, а чисто идеологической платформой, построенной для превращения страны в империю, в военный лагерь. Он клеймит меня как нормaниста, а я считаю норманизм жупелом, выдуманным антинорманистами для оправдания своей отчаянной борьбы и придания ей смысла.

Взгляните на его комментарий в блоге «Троицкого варианта» от 13 июня 2012 года к моей статье на совершенно иную тему – «Прелестное письмо „Руснауки“» (перепечатываю с орфографией Дикого):

«Вот Вы все боретесь со лженаукой, лжеконференциями, лжеакадемиями. А так ли сильно Вы от них отличаетесь? А вот мне кажется что очень не сильно. Вы и авторы „Велесовой книги“ и прочих „Святоарийских вед“ просто две стороны одной медали. Как они удлиняют русскую историю до времен триллобитов, так и Вы русофобствую низводите русских народ до уровня дикарей, которых добрые цивилизаторы за хвосты с деревьев стащили. Заодно Вы поливаете грязью настоящих русских историков Ломоносова, Рыбакова, Кузьмина и Фомина. Потому что они в отличии от добросовестные историки. Вы даже на мою критику (недипломированного любителя истории) неспособны нормально ответить. На пресс-конференцию, встречу читателями или семинар Вы меня не зовете. Но ничего я узнаю сам когда Вы будете проводить и приду и возьму журналистов. Пусть все знают какие у нас доктора исторических наук».

Вопреки своему обычаю не отвечать на такие письма, отвечу,

потому что письмо типично и мой ответ может помочь другим столь же бесшабашным критиканам воздержаться от глуповатых и смешных нападок.

Господин Дикий.

Спорить с Вами я действительно не собираюсь. По двум причинам: во-первых, на этом уровне мне спорить не интересно и некогда, а во-вторых, Вы ведь и спор ведете не для выяснения истины, а из азарта – показать «этим ученым», что вот мы совсем не ученые, а разбираемся лучше них. При этом Вы изначально поверили в те лестные байки о прошлом, которыми Вас кормили записные антинорманисты, и исходите из них как из святой истины. Вы заведомо относитесь к своим оппонентам как к врагам и лжецам, которых надо разоблачить. Они покушаются на то, с чем вы сжились.

При этом Вы не стесняетесь разбрасываться обвинениями. Вы заявляете, что я обливаю грязью «настоящих русских ученых Ломоносова, Рыбакова, Кузьмина и Фомина». Где это я их обливал грязью? Цитату, пожалуйста. И с каких пор критика называется обливанием грязью? Прямо скажем, ученые это разномасштабные. Ломоносов великий естествоиспытатель, но весьма слабый историк. Рыбаков был очень талантливым историком, но не мог совладать со своим воображением, многие его построения разрушены (кстати, именно мне принадлежит самая подробная биография академика Рыбакова, написанная с максимальным сочувствием к нему). Кузьмин был человек знающий, но односторонний, его ученик Фомин усерден и фанатичен. Это мое мнение (и не только мое), но это не «обливание грязью».

В моих произведениях, как у всякого, можно найти огрехи (Фомин находил), но такие, которые исправь – и ничего по сути не меняется. Возможно, я ошибаюсь по-крупному – ну, докажите.

Вы заявляете, что я русофобствую и низвожу русский народ до уровня дикарей. Позвольте Вас спросить, где Вы это у меня нашли? Цитату, пожалуйста. Но я Вам помогу. В том, что предки всех народов – и русских, и немцев, и евреев и так далее – были дикарями, в этом у меня нет сомнения. У Вас есть? Что земли, позднее известные как восточнославянские, в бронзовом веке отставали от более западных – это факт, Вам не известный, но тем не менее не перестающий от этого быть фактом. Центральная и Западная Европа завалены бронзовыми мечами бронзового века, их многие сотни в археологических музеях. На нынешней русской территории в то же самое время только мелкие украшения из меди, а на юге, в степях (заселенных индоиранскими народностями) – бронзовые ножи и шилья, севернее же – ножи из

кремня. Я думаю, что если бы многие у нас не старались это скрыть, замазать и перерисовать, то мы не отставали бы по многим показателям сейчас. Прошу не путать меня с господином Гундяевым, который уверял в интервью телеканалу «Россия» 21 сентября 2010 года, что славяне уже после рождества Христова были не только варварами, но «людьми второго сорта» и «почти зверями». Отставали – да. Но вот же и Япония отставала, но японцы этого не скрывали, а сейчас они в числе передовых.

Вы грозитесь прийти с журналистами на мои «встречи с читателями, пресс-конференции или семинары» – очевидно, чтобы устроить скандал и публично изобличить меня. Я не политик, не писатель, не телезвезда. Пресс-конференций у меня никогда не было, встречи с читателями бывали крайне редко, и всякий раз по очень разным темам – книги-то разные. Какой Вам толк выступать, скажем, на обсуждении книги о музыке? Вообще, к сожалению, Вы опоздали лет на 20. Мне уже 85, я давно не выступаю публично, разве что с докладами на научных заседаниях. А это очень узкая аудитория, и вряд ли она будет Вам симпатизировать.

Мне предвидится два сценария Вашего появления. Первый – если на заседании по иному вопросу: Вам просто не дадут слова даже в прениях, ведь прения идут только по теме заседания. Если Вы начнете скандалить, Вас выведут из зала. Второй сценарий – если наша встреча все-таки произошла на заседании по соответствующей теме. Слово в прениях Вы сможете получить для очень короткого выступления: публика не захочет слушать неспециалиста. Вы сможете задать несколько вопросов или предъявить несколько возражений. Вам ответят (вероятно, и я). Ответят очень кратко, потому что всем присутствующим сумма фактов известна, для всех этот эпизод будет исчерпан. Но не для Вас. У Вас, конечно, будет уйма недоумений и возражений по каждому пункту. Вас вежливо попросят заняться объяснениями в индивидуальном порядке. Со мною? Да и мне недосуг.

Но я пишу статьи и книги, их печатают и переводят, и это единственное поле, на котором Вы можете себя показать во всем блеске. Не Интернет и газеты, где можно печатать что угодно (или почти что угодно), а научная литература. Напишите годную к печати книгу. Может быть, если Вы попробуете, то поймете, что выкриками и нахальством мало чего достигнете, что тут требуются знания, много работы, много требовательности к себе и, простите, талант. Может быть, тогда Вашей самонадеянности поубавится, и Ваша фамилия перестанет быть такой говорящей (или «ник» столь удачно выбранным).

Кто финансирует «норманистов»?

В Интернете я наткнулся на большую подборку материалов по древней истории Руси и норманнскому вопросу[47]. Создана эта подборка киевским любителем Александром Олейниченко. Дело, безусловно, похвальное. Однако всех авторов, которых он читал и результаты работы которых включает в свою коллекцию, он с ходу делит на две категории: на тех, которые находили в истории Руси только лестные и приятные факты, и тех, которые искали истину и выявляли любые факты – понравятся ли они читателям вроде Олейниченко или нет. Первые – союзники, вторые – враги. Я попал во вторую категорию.

Поэтому для меня в заметке 77 («Спор о варягах») Олейниченко не жалеет хлестких осудительных слов (цитирую с орфографией автора).

«*Типичным насаждением идей норманизма и извращением древнерусской истории является работа Клейна, Спор о Варягах. Это не научная работа, а скорее популяризация варяжской темы в стиле Суворова-Резуна. Никаких новых аргументов, по сравнению с теми, которые еще на заре норманистических споров были выдвинуты норманистами он не приводит, поэтому останавливаться на них не имеет смысла».* По Олейниченко, в этой книге*, «якобы написанной в 1960 г.»*, я только и занимаюсь тем, что себя «пиарю». И следует решительный вывод: «*Уже одно это показывает, кто финансирует такие издания и для кого так старается Клейн*».

Ну разумеется, нужно всячески умалить мой научный авторитет. «*Когда я увидел эту книгу, меня удивило, что о Клейне я ничего не слышал до выхода этой книги. Хотя в предисловии написано, что это известный археолог. Но так как статьи этого „великого“ археолога я не мог вспомнить, и какой такой великий вклад он внес в археологию СССР, я попытался найти в Интернете информацию об этом светиле исторической науки. Уже само сочетание Лев Самуилович и лопата археолога трудно представимо*». Ну, уже сама несопоставимость этих понятий кое-что говорит о внутреннем мире моего критика. Но послушаем его дальше. Он обнаружил, что Клейн занимался теоретической археологией. И критик предъявляет коронный аргумент: «*Вы можете себе представить, что такое теоритическая археология, или теоритическая медицина? Другими словами, Лев Самуилович был болтуном*».

«*Но вот грянула перестройка и наш теоретик быстро сообразил как зарабатывать и на чем, за что запад будет платить*». Далее Олейниченко сокрушается по поводу издания «*огромными тиражами*» моей книги «Спор о варягах». «*И если вы откроете и посмотрите, кто издает эту профанацию, то увидите*

все тот же фонд Евразия, который издал и горе-профессора из Сорбонны Режи Буайе» (этот профессор Сорбонны тоже не угодил суровому киевлянину, и он уже расправился с ним в предшествующих очерках). Ругает критик и Европейский университет, в котором я преподавал (видимо, уже одно слово «Европейский» его пугает).

Госп. Олейниченко возмущается тем, что Википедия поместила огромную статью о Клейне, «*который не стесняется в своей книге обливать грязью наших историков и обвинять их в некомпетентности, оплевывает историю России*» (нельзя ли примеры?), а об истинных крупных ученых, «*книги которых на слуху*», таких статей нет. Мою адресную и персональную критику *некоторых* ученых (ведь «антинорманистов» ныне очень мало) он перелагает так: «*Другими словами все (sic! – Л.К.) отечественные историки и ученые только тем и занимались, что извращали и перекручивали историю происхождения древнерусского государства. Ну а конечно, на западе никто этим не занимался, там сплошная объективность и беспристрастность*».

И вывод: раскрутка Клейна и его работы, которая сплошная «*белеберда*», показывает, что «*норманизм для Запада – это часть идеологической борьбы против России. И как один из элементов этой идеологической войны он целенаправленно финансируется и продвигается*».

Можно было бы пройти мимо этих нападок, списав все на необразованность и дурные влияния. Но, во-первых, Олейниченко много читает, думает, пытается вычитать из источников то, что его бы устроило. Во-вторых, его настрой типичен для многих читателей, сбитых с толку длительной советской и постсоветской пропагандой. Поэтому мне хочется обратиться к киевскому любителю с серьезным и доброжелательным письмом.

Уважаемый госп. Олейниченко.

Мне было очень неловко читать Ваши филиппики. Неловко за Вас. Нельзя давать «гневу и пристрастию» так застилать глаза. Я не ограничусь исправлением Ваших элементарных ошибок, но постараюсь помочь Вам осознать и нечто большее.

1. Слово «теорИтическая» (так у Вас трижды) вообще-то пишется через е, «белЕберда» – через и.

2. «Спор о варягах» был издан не «огромными тиражами» (у страха глаза велики), а тиражом в 1000 экземпляров, правда, полностью раскуплен.

3. Мне незачем отстаивать свой авторитет и указывать на свой вклад в науку. Разве что для точности: если считать с переизданиями и переводами, это моя 22-я монография (с тех пор вышло еще полдюжины), а статей у меня вышло более 500. Если

они плохие (что, конечно, возможно), то почему многие – в основных археологических изданиях? В том числе и в киевских. Почему они не попались Вам на глаза, не знаю. Допускаю, что они бы Вам не понравились. Совершенно не могу допустить, что Вы не читали этих изданий. Наверное, огрехи памяти.

4. Что касается теоретической археологии, то теоретическая отрасль существует в каждой науке, достойной этого имени, и для правильной интерпретации фактов желательно было бы это понять. Впрочем, я занимался не только теорией, но и конкретными культурами (например, бронзовым веком Северного Причерноморья).

5. «Евразия» – не «фонд», а небольшое питерское издательство, созданное двумя литераторами, ни малейших связей с иностранными фондами не имевшее и не имеющее.

6. В Европейском университете в Санкт-Петербурге я преподавал три года (по совместительству), а основным местом работы был Ленинградский/Петербургский университет (там десятки лет). Там выполнены мои работы о скандинавских древностях, там работал и мой семинар.

7. Во многих зарубежных университетах я преподавал по приглашению, нигде в них не читал лекций о «норманнском вопросе», так как вопрос этот их совершенно не интересует. Критиковать там советских ученых не приходилось (хотя и было за что), поскольку читал я там лекции по другим предметам. А вот западных ученых как раз критиковал и много с ними спорил (почитайте мои работы). После 2001 года никуда не ездил ввиду болезни. Вот книги мои и статьи, в том числе и с критикой, переводят.

8. В 1960 году, когда написан был мой «Спор о варягах» (не «якобы» написан, а реально написан), даже подумать о каких-то связях с иностранными фондами было немыслимо. Я подавал его в издательство с рекомендацией декана исторического факультета профессора В.В. Мавродина (кстати, антинорманиста), и издательство тогда не решилось его напечатать, но большое количество археологов рукопись тогда же читало.

Кто же финансировал мои исследования скандинавских древностей на землях древней Руси? Прежде всего, я сам – из своей аспирантской тогда стипендии. Затем Ленинградский университет, плативший мне зарплату. А потом кое-что компенсировали мне Вы, госп. Олейниченко: ведь Вы же купили мою книгу, вот часть Ваших денег (правда, очень небольшая) и пошла на гонорар мне от издательства.

9. Я догадываюсь, откуда у Вас эта идеологема о делении

населения на «наших» и «ненаших», о финансировании «ненаших» из-за рубежа и т. п. У нас немало людей считает США коварным врагом, только и думающим, как захватить наши богатства. А в Штатах только 2 % населения назвало врагом Россию и 1 % – самих себя. А опасаются они непредсказуемого Ирана (который к нам гораздо ближе!) и в меньшей степени – Китая.

10. Если Вы почитаете мои работы спокойнее, без предвзятости, то, возможно, найдете в них немало полезного – многие находят. Очень Вам советую – отбросьте воинственный тон, подозрительность и националистический азарт. Достоинство нации не в селекции лестных фактов о прошлом, а в беспристрастном изучении опыта истории и в умной организации настоящего и будущего. А норманизма никакого нет. Это пугало, придуманное для оправдания антинорманизма.

Всех благ!

Л. Клейн

№ 24 (118), 11 декабря 2012

12. Воинствующий дилетантизм на экране

Под самый конец 2012 года я получил от сайта archaeology.ru (основатель – археолог В. Еременко) письмо одного из читателей – сибирского аспиранта:

«*Если Лев Самойлович посчитает это интересным для критики и найдет свободное время для просмотра и написания отзыва, то хотелось бы, чтобы он с точки зрения археолога охарактеризовал степень обоснованности версии о происхождении варягов из балтийских славян, высказал свое мнение о степени достоверности «Мекленбургских генеалогий», а также охарактеризовал выводы антинорманистов „новой волны“ (Лидии Грот, в частности), которые снимались в фильме „Михаил Задорнов: Рюрик. Потерянная быль“.*

С уважением, Соколов В.М., выпускник Института истории и политических наук Тюменского ГУ».

Придется потратить время и на это.

Прежде всего, надо остановиться на жанре фильма. Фильм явно пробивается в категорию научно-популярных. Между тем автор его – известный юморист М.Н. Задорнов, который в последние годы увлекся научными изысканиями о древности – по примеру Г. Шлимана. Но Шлиман, вопреки легенде, не был самоучкой, он перед тем, как заняться собственными изысканиями, освоил ряд языков и поступил в один из лучших тогда университетов мира, Сорбонну, сел на старости лет на студенческую скамью и прошел полный курс обучения по истории и археологии. И то этого курса оказалось недостаточно. Задорнов же не позаботился приобрести необходимое образование, методикой исследований совершенно не владеет, его языковедческие экскурсы давно служат притчей во языцех: не знаешь, воспринимать ли это как очередные юморески или… Остров Рюген – это Руян, а Руян – это все равно что Буян… Но автор вроде высказывает их «на полном серьезе». Все, что написано в том или ином списке летописей, и даже то, что передано в поздно и где угодно записанной легенде, считает фактами, даже не подозревая о существовании источниковедения с его методами внутренней и внешней критики источников. И он имеет… скажем, смелость утверждать, что его единомышленники образованы, а противники – «недообразованы»!

Научных консультантов у фильма нет. Вместо того автор привлек для интервьюирования двух историков, отстаивающих отвергнутую большинством гипотезу «антинорманизма» – отождествления варягов с ободритами, ваграми и другими

западными славянами. Это уже знакомые нам липецкий историк В.В. Фомин и московский членкор РАН А.Н. Сахаров (бывший директор Института отечественной истории РАН), который специализировался на истории международных отношений. Остальные авторитеты, на выступления которых опирается Задорнов, – это артист С. Безруков, художник Илья Глазунов, писатели В. Сундаков и С. Алексеев, вологодский этнолог С.В. Жарникова, филолог-источниковед из Российской национальной библиотеки Е.В. Крушельницкая (привлечена по частному вопросу), археолог-любитель А. Лукошков, историк Лидия Грот и, наконец, крупный биохимик А.А. Клесов, который, осев в Гарварде, считает себя также специалистом по ДНК-генеалогии, но по этой линии его мировое сообщество палеогенетиков авторитетом не признает, а на его работы не ссылается. Задорнов рассуждает о «переписывании истории» в угоду власти, в то время как именно привлеченные им историки имели явное покровительство с ее стороны, а отвергшее их большинство шло наперекор этим пожеланиям сверху.

О научном уровне Грот свидетельствует ее участие в конференциях В.А. Чудинова, находящего русскую письменность чуть ли не в палеолите. Опровергать аргумент «Росслаген» и подобные ему – чем и занимается Грот – это бороться с тенями XIX века. Кто сейчас апеллирует к Росслагену? А Задорнов преподносит ее «разоблачение» как коронный аргумент. Задорнов то и дело выступает против якобы пропагандируемой современными норманистами идеи, «что у славян не было никакой культуры до X века», «если верить норманистам, мы тогда жили в землянках, ходили в оленьих шкурах». Очень хотелось бы ссылки, цитаты. Я знаю только одну подходящую цитату – из интервью госп. Гундяева. Из работ археологов, шельмуемых как норманистов, таких цитат нет. Это в лучшем случае художественное преувеличение, чтобы не сказать клевета.

Задоров прямо говорит, что больше верит легендам, чем летописям, а его единомышленник Сундаков утверждает, что история – это мифология. Если так понимать историю, если признавать, что задача фильма – мифотворчество, то все в порядке. Какие могут быть претензии к мифу? Но тогда зачем сниматься на фоне библиотек, зачем в белых перчатках шевелить листы рукописных книг, читая по складам славянские буквы? Зачем показывать фибулы и раскопки?

Ни раскопки Ладоги, детально проанализированные А.Н. Кирпичниковым, ни раскопки Рюрикова городища в Новгороде (там руководит Е.Н. Носов) в фильме не показаны (от Ладоги есть только маленький фрагмент с директором музея А.А. Селиным).

Оставлено без рассмотрения новейшее исследование Е.В. Пчелова «Рюрик». Это все мешает мифу.

Основная идея, которая представляется Задорнову патриотической, состоит в том, что «норманнскую теорию» придумали немцы в XVIII веке, чтобы обосновать право германского народа шведов на господство над восточными славянами, а на деле, де, варяги были родными западными славянами, сидевшими на Юге Балтики, в их призвании ничего унизительного нет. А русские историки по глупости или предательству эту чуждую теорию (Задорнов прямо называет ее «предательской») подхватили. Странно. Национальным праздником Российского государства считается освобождение как раз от западных славян – поляков (ополчением Минина и Пожарского). Правда, Задорнов еще добавляет и родословную, по которой западный князь оказывается не просто западным славянином, а еще и потомком новгородского славянского князя, ну уж это совсем завиральная добавка! А шведы в ту пору, когда так называемая «норманнская теория», по утверждению антинорманистов, была сформирована, еще не считались германским народом: индоевропейское языкознание, великолепное достижение лингвистов, над которым так издевается в фильме воинствующий невежда Задорнов, сложилось позже.

На деле никакой «норманнской теории» не существует. Спор идет не о теоретических положениях, а о фактах. Каково было участие скандинавов в сложении государственности у восточных славян? Было ли призвание варягов или это только легенда? Каково участие фрисландского князя Рёрика (он реально фигурирует в хрониках и никакого отношения к славянам не имеет) в событиях вокруг Ладоги? Какова доля скандинавских артефактов в материальной культуре на землях Древней Руси? Чем это можно объяснить? И так далее. Решаются эти вопросы не патриотическими или антипатриотическими соображениями, а наличными фактами и проверенной методикой. Которую надо знать.

Слово «варяги», разумеется, совершенно не связано с варкой соли и производить его от глагола «варить» – это может фигурировать только как очередная юмореска Задорнова. «Веринга́ми» (славянское «варяг» писалось не через я, а через носовой юс малый) назывались в Византии скандинавские наемники, оттуда это слово пришло к восточным славянам (происходит оно от норманнского «вер» – клятва, «верингр» – принесшие клятву).

Ни варягами, ни Русью западные славяне себя не называли.

Всякие созвучия в топонимах и именах притянуты за уши – нужны же закономерные звуковые соответствия, убедительные для лингвистов, а не для художников, артистов и писателей. Западнославянских артефактов, сопоставимых по количеству со скандинавскими, на наших территориях нет. Есть более поздние, чем «призвание варягов», сходства в керамике, но притянуть это к рассматриваемому сюжету невозможно.

«Мекленбургские генеалогии» записаны в новое время, когда было широко распространено знакомство со сведениями русских летописей и когда генеалогии мастерились по соображениям династических перспектив. Никаких доказательств существования их раннего источника не существует.

Вот и все. Остальное – патетические речения с перестановкой прилагательных на позицию после существительных (соколы смелые), постоянный фон из ряженых, которые ничего не совершают, и над всем этим – привычная понимающая усмешка Задорнова. Так и вспоминается его постоянная присказка об американцах: «они – тупые». Это он о нации, выбившейся на первые места в мире по многим основным жизненным показателям. Это долго воспринималось как ехидная усмешка сатирика. И вдруг стало доходить: он же всерьез!

Фильм – из той же оперы. Автор всерьез полагает, что русские – самый древний народ Европы, что истина о происхождении Руси прописана в «Мекленбургских генеалогиях», что Лидия Грот – великий ученый, а Рюрик – славянин из Западной Германии и что это все же лучше, чем из вражеской Швеции. Всегда ли стоит аплодировать юмористу?

№ 25 (119), 25 декабря 2012

Эта статья вызвала очень оживленную дискуссию на сайте «ТрВ» (к апрелю 2013 года до 12 тысяч просмотров, две с половиной сотни комментов). Из моих ответов на некоторые комментарии:

Александру

Ваше желание защитить шведско-русскую воительницу за антинорманизм Лидию Грот понятно. Ее открещивание от Чудинова тоже. Уровень конференции по славяно-русским древностям в «Ленинградском государственном областном университете им. А.С. Пушкина», созданном в г. Пушкине в 1992 году (не путать с Санкт-Петербургским университетом!), у меня и моих коллег доверия не вызывает, каюсь. Что касается работ г-жи Грот, я не собираюсь их огульно отвергать, как не отвергаю и работ г-на Фомина. Хотя я скептически отношусь к антинорманизму, я не вождь и не воин норманизма. Считаю, что

его вообще нет. Я просто исследователь и стараюсь быть объективным. У так называемых антинорманистов, я всегда это утверждал, могут встретиться интересные наблюдения. От признания и принятия их суть дела не меняется. Был Пирейский лев, не было Пирейского льва, был остров Росслаген, не было такого острова – количество и характер норманнских древностей в Восточной Европе от этого никуда не деваются. Нужно же видеть систему аргументов. И это не норманизм, не какая-то теория, а анализ фактов.

Что какие-то отдельные исследователи пишут верно или ошибочно – это все мелкие стычки по частным вопросам. Нужно смотреть, какая система аргументов за этим кроется. Для этого я и писал свою книгу полвека назад. Оказывается, она не устарела.

Об ответе А.А. Клесова

В науке принято называть ариями только говорящих на индоиранских языках. Это терминология лингвистическая и только. Биологические значения ей придавали только сторонники «арийской расы», расширяя ее на немцев и т. п. У рас наименования другие. А. Клесов считает, что он может называть ариями тех, кого ему, по его соображениям, угодно так назвать, и все должны с этим считаться. Не найти авторитетное научное собрание, которое бы приняло терминологию Клесова. В науке она остается его личной терминологией.

Нет общеславянской расы, что бы ни говорили искатели гаплогрупп (R1a1 – не у всех славян). Нет вообще ничего, объединяющего всех славян, кроме языковой общности. Ни единой расы, ни единой культуры, ни единой религии, ни единой политики. Славяне – это языковая общность.

Если биологически у славян (но не у всех славян) общие предки с индийцами (и не только с индийцами), то из этого совершенно не вытекает логическое право называть ариев праславянами. Да, арии имеют общих предков со славянами, германцами, греками, армянами, кельтами – это по языку. Арии – не праславяне: просто праславяне и праарии вместе с другими предками европейских народов восходят к одному праиндоевропейскому населению, говорившему на неславянском и неарийском языках, но из их праязыка произошли все индоевропейские языки. Я уж не говорю о том, что были и вообще неиндоевропейские предки у всех индоевропейцев, ставшие по языку субстратом для индоевропейцев, но биологически и они дали нам свою кровь.

Биологически тем более нет оснований именовать кого-то из всех этих предков ариями, а ариев праславянами. Это путаница. Мне жаль, что замечательный естествоиспытатель А.А. Клесов

отказывается понимать эти простые вещи. С естествоиспытателями, вторгшимися в социокультурные науки, это бывает. А гаплогруппы (не только Y-хромосомные, но и митохондриальные), конечно, помогут проследить передвижения древнего населения и его генетические связи, но надо быть очень осторожным в перенесении современных лингвистических и этнических классификаций на глубокую древность.

В аргументацию Клесова, переданную через Александра, я действительно «не врубаюсь». Разделяю этот грех со всем научным сообществом.

Когда лингвистическим терминам придаются биологические значения, и возникает путаница. Открыли новые явления – дайте им новые названия. Но вы хотите называться ариями и славянами, а иметь в виду не языки, а род – общность биологическую (будете ли Вы признавать ее расой или нет). Это путаница, путаница намеренная, и вносит ее А.А. Клесов. Язык не имеет жесткой связи ни с биологическими общностями, ни с культурой. Это есть факт, из которого придется исходить и ныне и в будущем.

На коммент «Олега» о том, что Фасмер в отличие от Халдонова был серьезным ученым, последовала реплика «Лехи»:

«О! Вот этого я и ждал! Вот он – главный критерий истины по-норманофильски: СЕРЬЕЗНЫЙ ученый. Правильно про таких „ученых“ народ говорит, что кое-где моченый. Любой здравый человек с хорошим лексическим запасом, ознакомившись с работами Фасмера относительно этимологии русских слов, поймет, что это не научная деятельность, а, напротив, УМЫШЛЕННАЯ квазинаучная дезинформация. И прекратите уже, наконец, использовать в полемике намеки на „неправильную“ специализацию. Помните?: „специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя“ (К. Прутков)».

Оппоненту Олега, называющему себя «Леха»

Серьезный ученый – не критерий истины ни «по-норманофильски», ни по-каковски, а оценка всей трудовой деятельности ученого научным сообществом и фактор доверия ученому. Прибаутки вроде ученый-моченый (есть еще и рифма печеный) складываются из зависти со стороны тех, кто никогда ничему не смог толком выучиться. Для обвинения ученых класса Фасмера в умышленной дезинформации нужны доказательства (и не легковесные), иначе – это ложь и клевета, направлены ли они против Фасмера, Шахматова или Ключевского или кого угодно другого. Что многие специалисты односторонни – в этом Прутков прав. Но Вам, уважаемый Леха, до этой односторонности добираться – как до Луны. Потому что и одну сторону развить

очень трудно. Пребывать в гармоничном и всестороннем невежестве – куда как легче. Можно утешаться прибаутками и развязным хлопаньем по плечу гораздо более вдумчивых и потрудившихся оппонентов.

На вопросы Олега о полном молчании источников, близких к западным славянам, насчет варягов как вагров, об их идентичности с Русью антинорманисты, начитанные в Фомине, не могут ответить ничего. Выдвинутое Олегом сравнение антинорманизма с религией представляется мне очень метким. Антинорманизм действительно больше смахивает на религию, чем даже на идеологию, не говоря уж о научной концепции. Причем ныне уже это скорее не церковь, а секта. Нынешние антинорманисты – это типичные сектанты.

Они свято веруют в несколько догм, к которым истово подтягивают те мелкие детали (созвучия, туманные речения, многозначительные факты), которые удается выискать и встроить в нужную картину мироздания.

В самом деле, как бы Вы расценили тех фанатиков, которые свято веруют, что народ, к которому они принадлежат, – самый древний в Европе и самый успешный, что он никогда не был отстающим, а всегда обгонял другие народы, если же ныне есть отставание, то оно кажущееся, выдуманное, а все другие народы ему завидуют, злобствуют и стараются всячески нагадить.

Вторая догма состоит в верование, что всякие факты, говорящие о противоположном (об огромных заимствованиях у других народов, о лучшем производстве и быте у других народов, о важной роли иностранцев и инородцев в истории данного народа), вымышлены злобствующими клеветниками и не могут быть ничем иным, как злостным учением.

Третья догма касается именно тех древних пришельцев, которые прописаны в собственной летописи данного народа. Догма состоит в том, что они либо не сыграли никакой роли (были всего лишь наемниками, слугами), либо сами были по происхождению из этого же народа, лишь случайно оказавшись вдали от родины, либо вообще не существовали – выдуманы летописцем или переписчиками.

Я нарочно максимально очистил идеи антинорманистов от конкретики, чтобы нагляднее выступила сектантская природа этого фанатизма. У них есть свое истинное писание – «Изгнание норманнов», есть святые (в них записаны Ломоносов, Гедеонов и Козлов), есть свои святомученики – Сахаров-второй и Фомин, есть свои еретики – например, Мавродин, который проповедовал антинорманизм не чистой пробы, есть отступники от веры – так, Авдусин всю жизнь возглавлял археологов-антинорманистов, а в

конце жизни признал, что в Гнездове полно норманнов. И журналистка Васильева упрекала покойного в предательстве. Есть, конечно, и враги веры, которых они в своем воображении организуют в целое воинство с боевыми отрядами, колдовскими и воровскими практиками, дисциплиной, военными планами и главнокомандующим, ведущим в бой под знаменем норманизма. Но если очнуться и сбросить наваждение – то ничего же этого нет! И норманизма нет!

Вот этого потрясения антинорманисты страшатся пуще ада. Поэтому они готовы спорить бесконечно и никогда не признают правоты оппонентов ни в чем.

13. О норманнах, славянах и ариях.

Еще раз о фильме Задорнова и не только

Проглядев на сайте «ТрВ» последние комментарии к моей рецензии на фильм Задорнова, считаю необходимым особо остановиться на тезисе Клесова, с энтузиазмом вброшенном в дискуссию одним из тех, кто наиболее активно отстаивает антинорманистские убеждения. Обратимся к самому сайту Клесова[48].

Анатолий Алексеевич Клесов крупный биохимик, работал в Москве, был профессором, отмечен премией Ленинского комсомола (1978) и Государственной премией (1984), потом устроился в Гарварде и Бостоне в промышленной (фармацевтической) лаборатории, работает над лекарствами от рака, а попутно завел журнал о ДНК-генеалогии, как он это называет, – у профессионалов это называется популяционной генетикой (сюда входит и палеогенетика). Сводит этносы к гаплогруппам, то есть к биологии. Он, подобно Фоменко, вторгается в историю, хотя в отличие от Фоменко, сознает свою некомпетентность в этих вопросах и ищет контакта с гуманитариями. Но контакт ему нужен на его, Клесова, условиях относительно конечных выводов – это должны быть клесовские выводы, а гуманитарии должны только расцветить их и уточнить, на что серьезные гуманитарии не идут. А вот Задорнов и его компания пришлись Клесову по нраву.

Прежде всего нужно заметить, что Клесов утвердился как решительный критик «предательского» (по Задорнову) течения *норманизма*. В него зачисляются те исследователи, которые констатируют заметный в истории IX–XI веков факт успешного нашествия норманнов (скандинавов) на восточнославянские земли, как и на земли Англии, Франции и других стран. Объединившись против признания этого факта, некоторые русские ученые (считая это своим патриотическим долгом) стали собирать все возможные возражения против такого признания и

назвали себя антинорманистами. Антинорманизм – почти исключительно российское явление, в Англии и Франции его проявления близки к нулю. Как у нас почти никто не отрицает татарское иго.

13. О норманнах, славянах и ариях…

Клесов пишет «про норманофилов»: «*Для начала – что такое „норманизм“? Это – не наука. Это – идеология. Это – определенное „строение мозга“. Это – антиславянство, часто на уровне подкорки*». В пример он приводит выступление томского музейного работника В. Волкова в программе П. Лобкова. Волков «объявил, что славян до относительно недавнего времени не было» (для Клесова это ужасно – он-то учит, что славяне ведут свой род от палеолита, потому что славян считает именно «родом», биологической общностью). На что Лобков «*провокационно-хитренько… бросил*»: «*так, значит, идея славянского патриотизма распадается как утренний туман?*». И «*этот Волков обрадовано подтвердил – „Да“*». Клесов резюмирует: «*Вот это уже негодяйство. Откровенное. И – на всю страну*».

Между тем здесь совершенно очевидная подстановка. Не стоит путать славянский патриотизм с русским. Славянский патриотизм действительно не существует. Всех славян ничего не объединяет, кроме языка – ни раса, ни культура, ни религия, ни политика, ни даже гаплогруппа (у южных славян господствует не та, что у восточных и западных).

А Клесов продолжает: «*Вот что такое норманизм. Это – идеология. Антирусскость, антиславянство*». Вторая подстановка. С рассуждений об общеславянском/общерусском патриотизме происходит перескок на спор о варягах.

Клесов: «*Так вот, заслуга фильма М.Н. Задорнова в том, что он бросил камень в это норманнское болото… Уже то, что фильм прославянский, патриотический, напрочь портит норманофилам и аппетит, и желание фильм смотреть. Именно это бросает археолога Л.С. Клейна, ведущего нормениста страны, к письменному столу для написания статьи про фильм М. Задорнова*».

Тут прозвучал явный попрек в антипатриотизме, направленный в мой адрес. Между тем я всю жизнь работаю на благо русской науки, отстаивая ее силу, честь и достоинство. Мой университет – Ленинградский/Санкт-Петербургский. Я не раз по приглашению работал в университетах в разных странах и всякий раз возвращался на родину, в Россию, несмотря на то что здесь сидел одно время в тюрьме и лагере. Здесь я печатаю свои книги, на русском языке, и лишь потом их переводят на иностранные языки. «На Васильевский остров я приду умирать», – мечтал один эмигрант. А я здесь, на Васильевском острове, в конце жизни по-прежнему обитаю.

Анатолий Алексеевич Клесов, талантливый ученый из «русского рода» эмигрировал в Америку, служит американскому производству и мыслит о русском патриотизме, живя в Америке. Мне не в чем его упрекать, я готов скорее винить власти, прежние и нынешние, в том, что они не создали условий для работы таких ученых здесь.

Но Ваши, Анатолий Алексеевич, попреки в мой адрес в сложившейся ситуации звучат по меньшей мере двусмысленно.

А теперь к сути того тезиса, который сделал А.А. Клесова изгоем среди ученых, профессионально занимающихся гаплогруппами (популяционной генетикой). Это тезис о славянах и ариях. Для точности обратимся к тексту самого Клесова.

«*Нигде и никогда я не писал о „славянах-ариях“. Как не писал и о „русах-ариях“. Праславян с ариями связывал, и давал этому обоснование. Самое простое обоснование – что и те и другие (говоря о восточных славянах) имеют одну и ту же гаплогруппу, R1a, у них был общий предок. Жили арии и в Восточной Европе, и на Русской равнине, где и сейчас среди славян (и не только среди них) живут прямые потомки ариев по мужской линии. И почему же тогда те арии, которые были предками нынешних славян, не праславяне?*»

А потому, что арии – это по общему признанию науки название языковой семьи – это говорящие на иранских и индоарийских языках, и только. Хинди, урду, бенгали, фарси (персы), пуштуны, таджики, осетины, в древности скифы, мидийцы, сарматы. Язык часто заимствуется, передается не в связи с биологической популяцией. Поэтому предки *биологические* не могут получать название *языковых* потомков. Если вы находите среди славянских предков ариев, то почему не объявляете праславянами африканцев, предков нынешних негров? Они ведь тоже в конечном счете биологические предки славян.

Праславяне – это те, кто говорил на праславянском языке, ставшем основой для всех славянских. Они (праславяне) существовали с того времени, как этот язык выделился из северовосточной ветви индоевропейского праязыка. До того не только славян, но и праславян не было. А были их биологические предки, говорившие на других, предковых языках. Арии – это другая ветвь индоевропейского языкового сообщества, юго-восточная. Ближайшие родственники ариев по языку в индоевропейском сообществе – греки и армяне. Праарии и праславяне – это разные ветви. Миграции, конечно, заносили людей одной ветви на земли другой, смешивали их, переплетали. Гаплогруппы, выявляемые по индивидуальной биологической наследственности, помогают распутывать эти миграционные

движения, но для истории народов и языков это вспомогательная дисциплина. Гаплогруппы – это не народы и не языки, и давать им этнические клички – опасная и недостойная игра. Какими бы патриотическими намерениями и восклицаниями она ни прикрывалась.

Рискованное «негодяйство», если выражаться словами Клесова. Хотя и не откровенное, а замаскированное под патриотизм.

№ 2 (121), 29 января 2013

14. Фингал под левым глазом

Путешествие в девятый век

В конце 2012 года, как раз в пору обсуждения в «ТрВ» моей статьи о фильме Задорнова и норманнской проблеме, на электронном портале «Самиздат» появились стихи Михаила Домова о моей персоне. Каюсь, я наткнулся на них случайно только что, и с задорным любопытством прочитал. Я нашел адрес автора, попросил его разрешить мне воспроизвести их и вот привожу:

Сон Л.С. Клейна

Заботы тонут в вине игристом,
Хоть непонятно такое мне.
Лев Самуилыч был норманистом
С друзьями вместе, наедине
И вот представьте – еще во сне.

Вон там кумиры навроде статуй
Надменно сверху на всех глядят.
А век который? А век – девятый.
Во сне и время пошло назад,
Глянь Самуилыч на Новый град.

На терема глянь, на мостовые,
Что деревянным все было там,
Как и позднее по всей России,
Профессор знает, поди, и сам,
Не забывает и по ночам.

Проходит стража – щиты багряны,
Тут встрепенулся профессор вдруг:
Ну где любимцы его – норманны?
Славяне только одни вокруг,
А он норманнам первейший друг.

Профессор ищет и бродит с криком:
«Ау, норманны, спасите, SOS!
В народе местном и многоликом
Вас не находит мой чуткий нос.
Куда же леший вас всех занес?»

В заумной фразе не слишком ловкой
И смысл не так уж, чтоб очень здрав.
Смеются люди: «Видать головкой
Он повредился, с печи упав?
Не пей настойку из лютых трав»

«Идут варяги!», – в толпе вскричали,
Все повернулись – шли от реки
Бойцы в кольчугах из светлой стали,
Блестят шеломы, мечи крепки.
Нашлись норманны, нашлись-таки.

«А вот и Рюрик», – шепнули рядом,
И не смущаясь людей ничуть,
К вождю седому с холодным взглядом
Профессор с криком упал на грудь:
«Скажи по-шведски хоть что-нибудь!

Я твой поклонник! Такое диво,
Как в лотерее куш тысяч сто…»
Вождь отстранился, взглянул брезгливо
(Не прав профессор, здесь не лото)
И недовольно спросил: «Пошто?»

«Ведь правда, конунг, скажи не вы ли,
Норманны, быстро и ловко так
Славян разбили и покорили…»
Тут перед носом мелькнул кулак
И Самуилыч, упав, обмяк.

Проснулся в страхе. В мозгах гудело.
Ну что за сон был – кошмар один!
Раз получилось такое дело,
Вставать скорее. Скорее, блин!
А то приснится А.Г. Кузьмин.

Едва лишь буркнув: «А все ж кремень я»,
Сражен профессор был наповал —
В стекле зеркальном у отраженья
Под левым глазом он увидал
Лилово-красный большой фингал.

Поскольку здесь те же споры представлены наглядно и назидательно, с трогательной простотой, я решил, что надо отозваться. Я тоже писал стихи, и даже печатал (в мемуарах). Но здесь поэтическому воображению лучше противопоставить бытовую прозу.

Начать с того, что в IX веке не было деревянных мостовых в Великом Новгороде, и самого Новгорода не было. Не было такого названия. Византийский император упоминает «Немогард» только в середине X века. С этого времени ведет происхождение Новгорода академик М.Н. Тихомиров (а по его данным отмечаются и юбилеи города). Это подтверждает археология – именно тогда была возведена крепость, с которой связывают название Новгород. На всей территории новгородского кремля не зафиксировано культурных отложений даже первой половины X века. Но поселок ильменских славян на месте будущего города был. Арабы называли его во второй половине IX века Слава, Салау, что соответствует названию одной из древнейших частей город – Славно (Славенский конец).

А в двух километрах к югу от Новгорода находилась крепость, называемая историками «Рюриково городище». Она раскопана членкором РАН Е.Н. Носовым. Вот там и был «город» IX – X веков, откуда затем центр переместился к северу, получив название Нового города. Как же назывался этот старый город (впоследствии там была резиденция новгородских князей)? В скандинавских сагах к ильменскому центру применялось название Холмгард, Холмгарор, что означает «островной город» и никак не подходит к самому Новгороду (это по исследованиям Б. Клейбера и Е.А. Мельниковой). Возможно, что тут отразилось славянское название Холм-город (это предположение Т.Н. Джаксон). Это название вполне подходит к Рюрикову городищу – оно находится на возвышенности, на холме. В немецких источниках тот же город называется Острогард. Существенно, что в IX веке здесь Носов отмечает наличие скандинавов среди жителей. А еще раньше, в VIII веке, они появились на Ладоге и в низовьях Волхова.

Домов убежден, что норманнов (скандинавов) на Руси в это раннее время не было и просто не могло быть. Но в отличие от него я в IX веке побывал не во сне, а наяву и не один, а вместе с большой дружиной археологов. Именно археология предоставила нам такую возможность. Жаль, что с нами не было Михаила Ивановича Домова. Но зато с нами был ярый воитель за антинорманизм, можно сказать, полководец антинорманизма, начальник Гнездовской археологической экспедиции профессор Даниил Антонович Авдусин, наследственный антинорманист (его

учитель А.В. Арциховский тоже был проповедником антинорманизма). Всю жизнь Даниил Антонович воевал с открытым забралом против «норманистов», каковыми он считал многих москвичей и нас – меня с моими учениками в Ленинграде. А к концу жизни (в 1988 году), по результатам своих раскопок в Гнездовском могильнике (под Смоленском), сокрушенно признал: да, скандинавы в Гнездове были с самого начала, и было их «во много раз больше», чем предполагалось. Ангажированная журналистка Н.И. Васильева, рьяно пропагандировавшая антинорманизм, заявила во всеуслышание о предательстве пожилого профессора из Московского университета: «он переметнулся». Но Авдусин был не ангажированный журналист, он был ученым и не мог не верить своим глазам. И московские ученики его ныне никак не антинорманисты, а в одном строю с нами.

Со своими учениками я проверял по могильникам древнее население. Разумеется, мы не могли попросить их поговорить по-шведски или по-славянски. Но мы видели их вещи, мы могли выделить те вещи, которые не идут в торговлю (например, подвески в виде молоточков Тора), еще важнее – мы классифицировали обряд погребения. Он все-таки разный у разных этносов и разных вер. Скажем, взять Ярославское Поволжье. Когда мы там выделили для IX–X веков те погребения, которые опознаваемы, и подсчитали, то получили такие цифры: славян 13 %, скандинавов 14 %, остальные – финно-угорские народности. Кто там нас спросит «Пошто»?

Домов и Рюрика считает славянином (ну, по Кузьмину – западным). Что же имя это значит по-славянски? Для сторонников Кузьмина – рарог, то есть у западных славян «сокол». Но, во-первых, имя «Сокол» у славян неслыханное, во-вторых, каким образом «рарог» превратилось в Рюрик? Как у жеманной дамочки Анны Павловны Шарамыкиной в водевиле «Юбилей» у Чехова «Петербург» от сложения губ сердечком превращался в «Пютюрбюрг»? А вот скандинавское Хререк, Рурикр, современное Рурик (родственное Хредерик, Родриго), переводящееся как «знатный славой», фонетически закономерно переходит в славянское Рюрик.

Впрочем, даже попросить людей IX–X веков, встреченных на «пути из варяг в греки», поговорить по-шведски можно. Тот же Константин Багрянородный сообщает два ряда названий Днепровских порогов. Один ряд славянский – император неплохо передает греческими буквами славянские звучания: «островунипрах» – островной порог, «неясыть» – современный Ненасытец, «вулнипрах» – волновой порог и так далее. Все можно

понять. А вот ряд его «русских» названий понять с ходу нельзя: Улворси, Аифор, Варуфорос, Струкун, Леандри – со славянских языков они совершенно не читаются, зато расшифровываются со старошведского: «островной», «свирепый», «волновой», «падающий» и так далее. Кто же это сообщил императору шведские названия Днепровских порогов? Да еще назвался при этом «русскими»? А вспомним, что финны и эстонцы до сих пор называют «руосси» не славян, а скандинавов, шведов. А русская летопись сообщает о приходе из-за моря варягов, зовомых «Русь», «от них же и ны прозвашася» («от них же и мы прозвались»).

Коль скоро Вы, Михаил Иванович Домов, нарисовали себе совершенно другую картину IX века, милую Вашему сердцу, то я хорошо понимаю вашу горячую жажду поставить мне «лилово-красный большой фингал под левым глазом» руками западнославянских варягов: «тут перед носом мелькнул кулак, и Самуилыч, упав, обмяк». Так ведь не получается. Конечно, во сне все возможно, но сон-то не мой!

Еще две вещи мне хочется уточнить. Первая – я совершенно непьющий. Поэтому начало Вашего стихотворения о том, что «заботы тонут в вине игристом», не по адресу. Я понимаю, «игристом» понадобилось для рифмы к «норманистам», но не так уж трудно найти другие рифмы – «монистом», «чистом», «гористом» и так далее. Вторая вещь – Вы считаете меня норманистом, приверженцем теории норманизма: «славян разбили и покорили». Да нет такой теории. Это жупел, созданный антинорманистами для оправдания собственной «борьбы». А мы, большинство историков и археологов, занимающихся древностями Руси, просто стараемся непредвзято анализировать факты и честно сообщать результаты. Чтобы народ мог трезвыми глазами взглянуть на яркие, но скороспелые картины, лестные и фантастические, рисуемые любителями. Историю надо видеть такой, какой она была, а не такой, какой ее хотели бы написать Вы. Вы над нею не властны, хоть Вы и Михаил Иванович.

№ 13 (132) 2 июля 2013

15. Археологи против черных

Наше время возвращения частной собственности на землю характеризуется чрезвычайным размахом «черной археологии», представленной самодеятельными копателями, разрушающими памятники и расхищающими древности. Подпольная торговля древностями приносит колоссальные доходы. Только в 1988 году американские коллекционеры израсходовали на покупку древностей 5 млрд долларов, из них 2 млрд на контрабандные, краденые и подделанные артефакты. А с тех пор цены возросли в несколько раз. «Черные археологи» организованы, хорошо экипированы, снабжены металлоискателями. Они готовы защищать свои источники доходов с оружием в руках. И идеологически обосновывать свое право на этот бизнес.

Конечно, для втирания очков властям и любителям истории они изображают из себя невинных коллекционеров, хранителей древностей и краеведов (такие, конечно, тоже есть).

18 февраля 2013 года в Госдуму поступило открытое письмо депутатам Государственной думы от поискового сообщества – «любителей приборного поиска» с просьбой не принимать закона, ради сохранения культурного наследия запрещающего такой самовольный поиск[49]. В письме этом, составленном неким Д.С. Скрипкой и собравшем более 12 тысяч подписей, приводится аргументация в пользу безвредности такого поиска и такого способа извлечения древностей. Автору письма известны понятия *находки, памятника, культурного слоя*. Он понимает, что трогать памятник нельзя – повредишь культурный слой, перемешаешь прослойки, исказишь состав древностей. Для археологов такой памятник уже не будет представлять прежней ценности.

А вот если памятник уже ранее поврежден, распахан, боронован, слои уже перемешаны или памятник наполовину съеден рекой – никакой информации для археологов в нем, по мнению автора письма, уже нет. «В силу этого, – рассуждает он, – данное место никакого интереса для археологов уже не представляет – археологи туда никогда не приедут. Это аксиома, которую подтвердит любой археолог».

Простите, я археолог, но эту «аксиому» не подтверждаю. Я археолог с большим стажем преподавания археологии в университете, с опытом собственных раскопок, я преподавал и изучал методику раскопок и – нет, не подтверждаю. Конечно, разрушение – это катастрофа, важная часть информации уже погибла. Уже не восстановить стратиграфию, распался «*замкнутый комплекс*», вещи теперь разрознены, не связаны друг

с другом доказательно – одной структурой. *Но даже разрушенный памятник содержит массу информации для археолога* – по крайней мере, все найденные здесь вещи можно изучить сами по себе, их технологию и типологию, занести их на карту. Уже само географическое место их обнаружения может оказаться очень важным. Есть и методика изучения нестратифицированных вещей, то есть вещей, не принадлежащих конкретному культурному слою. Любители металлодетекторов извлекают из земли и часто из самого памятника металлические предметы. Это резко сокращает информативные возможности памятников: в них остаются только неметаллические находки – предметы из камня, глины, рога и кости, фрагменты посуды, кости животных и так далее. Культура прошлого искажается и обедняется.

Курган Хохлач был раскопан в середине XIX века случайными людьми, поэтому он называется не курганом, а Новочеркасским кладом, но по его изучении написана большая монография. При этом он представлял собой остатки царского погребения I века н. э. Теперь такие неполностью разграбленные курганы – большая редкость. Каждый из них важен для науки. Если же они раскапываются современными грабителями, наука теряет колоссальную информацию о прошлом. Найденные там вещи уходят в частные коллекции. На инаугурации прежнего президента Украины жена его была в наряде, украшенном античными украшениями из коллекции миллионера-благотворителя Платонова. Античные украшения на шее жены президента – это пустующие витрины музея и пробелы в монографиях ученых. Но это все речь о сокровищах. Тут все наглядно.

«Подавляющая часть наших находок, – развивает свою мысль автор-поисковик, – не имеет практически никакой ценности для археологии – они неинтересны в силу их заурядности». В голове автора маячит старый образ археолога как охотника за сокровищами (привет от Индианы Джонса!). Но современная археология не такова. Для изучения материальной культуры народов прошлого мы давно уже пользуемся статистикой именно массового рядового материала. Есть методика «случайных репрезентативных выборок», есть связанные с массовым материалом демографические подсчеты,

Любитель приборного поиска ссылается на медные крестики и другие мелкие металлические вещицы, на которые археолог не обратит внимания. Да нет, должен обратить. Скажем, карта находимых на юге скифских наконечников стрел позволяет проследить расселение и походы скифов. Картирование монет позволяет проследить торговые пути разных времен. Сейчас

быстро развивается так называемая промышленная археология, изучающая материальную культуру близких к нам веков. Ну а медные крестики – это не только датирующий источник. Они уточняют распространение православия в разные века, а также дают характеристику ювелирного производства в разных землях и княжествах (а в Новое время – в разных губерниях).

Да мало ли! Сейчас трудно предсказать, какие новые виды информации мы сможем извлекать из археологических объектов всего через несколько десятилетий. Мы сейчас уже по ирридированному стеклышку можем определить, сколько лет тому назад оно попало в землю, по нагару на черепке – какую пищу в нем варили и так далее. Еще недавно мы этого не умели.

Важно только не упустить объекты культурного наследия, не дать им уйти в руки вандалов и барыг.

Конечно, коллекционерство – милая забава, куда лучше, чем пьянки и драки. Но что коллекционировать, какое коллекционерство поощрять – тут есть над чем подумать. Частные коллекции и школьные музеи – доброе дело. Они могут содействовать науке, приобщать молодежь к культурным интересам. Но когда коллекции составляются из вещей, которым место в государственных музеях, это уже вредная конкуренция. А школьные музеи, как правило, живут не дольше того учителя-энтузиаста, который их организует. Уходит энтузиаст – и музей тает, расхищается, вещи пропадают неизвестно куда. Из частных коллекций немногие вырастают в музеи или приобретаются музеями. Большинство рассеивается, а информация, с ними связанная, гибнет. Нет учета, нет документации, не с кого спросить – нет ответственности. Нет ответственности – нет и хранения, а есть лишь демонстрация местного патриотизма.

Поиск захоронений солдат, погибших в войну, – благородное дело. Но опять же не стоит его пускать на самотек – это приведет лишь к засорению рядов бескорыстных искателей корыстными охотниками за оружием. Их тоже немало.

Словом, на всякий поиск древностей, приборный или бесприборный, нужен *Открытый лист* – разрешение, без которого ни один археолог не выходит в поле. Они бывают разных степеней – на полные раскопки и на разведки различного охвата. Наличие Открытого листа обеспечивает возможность контроля за проведением работ и предполагает Отчет по их окончании. Так что археологи против черных, против самостийных копателей-непрофессионалов, за строгий закон и неусыпный контроль.

Любопытная подробность. Как сообщает Координационный совет Движения в защиту археологического наследия АМАТОР, на сайте Демократор. ру против Обращения поискового сообщества

проголосовало более семи тысяч человек, в том числе цвет российской археологической и исторической науки – академики Деревянко, Молодин и Макаров, члены-корреспонденты РАН Носов, Седов, Гайдуков, Бужилова и Иванчик, более тысячи докторов и кандидатов наук, руководителей археологических экспедиций. Однако была организована так называемая «фэйк-атака» – голосование «Против» с заведомо ложных аккаунтов, затем последовала подача жалоб на поданные с этих аккаунтов голоса. Аналогичная технология использовалась при голосовании на том же ресурсе по «антисиротскому закону». В результате этих и других махинаций больше половины голосов «Против» было аннулировано, в том числе подпись академика Деревянко и члена-корреспондента Седова.

№ 4 (123), 26 февраля 2013

Эта статья в газете «ТрВ» побила все рекорды по обсуждаемости: на нее было около двух тысяч комментов, а по числу просмотров (38,5 тысячи) она вошла в общую топ-двадцатку всех статей, опубликованных в газете. Я также участвовал в дискуссии, и вот несколько моих комментариев.

Дискуссия со стаей

Я привык к дискуссиям по моим заметкам в «ТрВ». Но это обсуждение резко отличается от других. Обычно ход дискуссии таков: появляется чье-то возражение по поводу затронутых вопросов, ему кто-то отвечает, кто-то третий вмешивается в спор, ну и пошло-поехало. По боковым темам образуются ветви, иногда и мне приходится выступать с объяснениями. Здесь все не так.

1. Первые три дня откликов не было. Зато с 1 марта, как по команде, отклики повалили кучей, и почти все – негодующие, возмущенные, ругательные. А каждый отклик сопровождается массовой поддержкой якобы читателей, причем она появляется не постепенно, а сразу же вслед за появлением отклика. Отклики этого рода легко узнать: каждый поддержан 20–40 «лайками» и сразу автоматически выделяется желтым цветом. Эта внезапность и массовость говорят о хорошей организованности. Мы имеем дело с некой массовой организацией поисковиков с металлоискателями.

2. Все эти негодующие отклики написаны людьми большей частью малограмотными (их русский язык сильно хромает), то и дело прибегающими к брани (кажется, на сайте «ТрВ» никогда не было столько брани), употребляющими один и тот же специфический сленг, на котором археологи называются «архами», копатели «копачами» и так далее. Этот сленг также говорит об определенной среде, устоявшейся и четко выделимой.

3. Хотя моя заметка строилась как ответная на письмо копателей-поисковиков в Думу и на опровержении их аргументов (аргументов в защиту свободного поиска с приборами-металлоискателями), мои контраргументы почти не вызывают у них интереса и не подвергаются анализу. Взамен этого сплошные эмоции, негодование, возмущение и клокочущая ненависть. Сила этой ненависти говорит о том, что за ней стоят не благородный романтизм и простодушная любовь к коллекциям оброненных крестиков и советских монеток, а очень материальные, корыстные интересы, стоят большие деньги и алчная страсть к наживе. Перед глазами «коллекционеров» маячат золото и уникумы, продаваемые за границу. ОАВ: «Найденные мною исторически ценные находки, а их не один десяток, радуют глаз народа в музеях Германии, некоторые находки лежат в моей коллекции с разрешения государства, причем они имеют всегда к этому доступ…» Их маскировка под коллекционеров-романтиков никого не обманет. Их вредная страсть должна быть жестко пресечена, и для этого нужно сделать все, что возможно.

4. Они стараются создать впечатление, что представляют собой народные массы, а им противостоят только оторванные от народа жалкие «архи», которые сами воруют напропалую и наживаются, а им не дают наслаждаться прикосновением к древности. На деле археологи в массе своей энтузиасты науки, сохраняют для народа его историю, а если черные «копачи» имеют наглость утверждать, что археологи наживаются за счет находок, то пусть мне укажут, кто из археологов живет роскошно, не по средствам. Стыд и срам клеветникам!

5. Свою страсть к наживе и воровству народного достояния «черные копачи» прикрывают, как обычно, патриотическими рассуждениями. Тот же Иван Климов: «Археологи 70 лет вы грабили, а сейчас вашу кормушку отняли! Вот в ответ визжите как свиньи! У Русского вы никогда ни чего не отнимете! Архи копайте у себя как вы воровали». Археологи ничего не «отнимают у русского». У русского народа отнимают его прошлое именно «черные копачи». И борьба с ними должна быть всенародной.

6. Думаю, что эти «гости» избрали не ту площадку для своих откровений. «Троицкий вариант» – газета ученых и научных журналистов. Как бы «копачи» ни старались имитировать всеобщую поддержку, поддержки у них тут нет. Ученые понимают проблему и сложившуюся ситуацию.

На стороне «копачей» выступил один историк-археолог, А.К. Станюкович. Из моей переписки с ним на сайте газеты.

Снова об археологии под золотой маской

В ответ на выступления А.К. Станюковича, академика РАЕН,

канд. физ. мат. наук, д-ра ист. наук, отв. редактора журнала «Родная старина»

Многоуважаемый Андрей Кириллович,

Вы припомнили мне мою статью «Археология под золотой маской» 1967 года в журнале «Юность», которая отвратила лично Вас от археологии (как оказалось, зря). Я действительно писал в ней, что романтически настроенным юношам и девушкам надо представлять себе истинное лицо археологии. Речь шла не об элитарности археологии, а о том, что на деле археологу надо будет переносить тяготы и муторный труд с очень редкими сенсационными находками. Чтобы стать археологом, надо обладать талантом рисовальщика, легко усваивать языки, иметь исследовательский склад ума и многое другое. Вы пишете, что я не ведал, как мое слово отзовется. Действительно, я думал, что предупредил многих идеалистов от последующего разочарования (лучше пусть оно наступит до поступления на соответствующую специальность, чем в ходе учебы или, еще хуже, работы). Каково же было мое удивление, когда в приемную комиссию косяком повалили абитуриенты с номером «Юности» в руках! Да, Вас среди них не было. Что ж, Вы не сумели преодолеть родительские опасения. А я в свое время сумел (хотя мать моя еще долго говорила, что у нее два сына, один удачный, другой – археолог).

Теперь о конфликте по поводу «черных копателей». Вы удивляетесь, что Ваше согласие лишь с одним абзацем моей нынешней статьи побудило их «минусовать» Ваше выступление. Это еще Вы хорошо отделались!

К Вашей ограниченной поддержке движения поисковиков я отношусь с пониманием. Ведь Вы редактор «Родной старины», Вам хочется поддержать увлечение людей стариной, но, вероятно, стоит обдумать границы этой поддержки. Идея о сотрудничестве с искателями и копателями покоится на том доводе, что иначе раскопанные ими древности пропадут для науки. Это тот же довод, что в борьбе с террористами: нужно идти на уступки, ибо иначе погибнут захваченные ими люди. Но государственные службы в этих случаях руководствуются другим мотивом: принимая все меры для спасения конкретных людей, попавших к ним в плен, уступок террористам не делать. Ибо когда мы идем на уступки, мы должны понимать, что тем самым провоцируем террористов на расширение террористической деятельности – и в результате может погибнуть еще больше людей.

То же и здесь. Принимая от них с благодарностью их находки, мы что-то спасаем для науки, но в итоге поддерживаем их деятельность, легализуем ее – от чего страдает масса других памятников.

Вы ведь знаете наверняка, что еще полвека назад за научное определение грабительского клада из Дорака (под Троей) в обмен на право опубликовать фото находок и ввести их в науку крупнейший английский археолог Джеймс Меллаарт был навсегда лишен права вести раскопки в Турции – а ведь он открыл там ценнейшие неолитические памятники Чатал-хёюк и другие. Это был урок всем археологам мира – они все увидели, как смотрит мировое сообщество ученых на сотрудничество с грабителями, какими бы лучшими побуждениями оно ни было вызвано.

А что после принятия закона копательство «не только продолжится, но и приобретет еще большие масштабы» (Ваши слова), то это признание бессилия закона и власти в нашей стране побуждает других почитателей родной старины не опускать руки, а бороться за укрепление законности. Если власти этого не могут обеспечить, пусть уйдут и уступят место тем, кто сумеет установить в стране законность – без всяких поблажек и уступок распоясавшимся «искателям медных монеток». Те из них, кто действительно влюблен в родную старину, найдут путь в археологические экспедиции и музеи – там всегда нужны волонтеры, везде есть кружки для любителей. А тем, кто на деле ищет наживы, нужно дать по рукам. И от Вашего журнала археологи ожидают понимания и помощи в решении этой проблемы.

Искренне Ваш

Л. Клейн, проф., д-р ист. наук

31 марта 2013

IX. Научная этика

1. Плагиат глазами гипроскептика

В 1960-е годы я написал биографию Шлимана. Мне посчастливилось сделать небольшое открытие: роясь в письмах Шлимана, я обнаружил, что вся история о том, как он с детства мечтал раскопать Трою, изучал древнегреческий, двадцать лет копил деньги и, наконец, осуществил свою мечту, – вся эта история выдумана им самим в зрелом возрасте. На калитке его дома была вырезана надпись: «Heinrich Schliemann Matrose». С детства он мечтал уйти в юнги и осуществил свою мечту. Изучал не древнегреческий, а новые языки, уехал в Россию и стал там купцом. Это в России он разочаровался в купеческой профессии, потому что в России она не приносила столько чести, как дворянство и… как профессия ученого, престиж интеллигента. Это здесь он заинтересовался древностями, стал учить древнегреческий, подружился с профессорами-немцами, работавшими в России, уехал в Париж и поступил в университет. Так что и самоучкой он не был. А когда раскопал гомеровский Илион, то о нем стали писать как о золотоискателе (тем более что он побывал и в Калифорнии во время «золотой лихорадки»). Вот он и решил создать себе романтическую биографию, которая бы закрыла эти разговоры. И ведь всех заморочил надолго!

Свою книгу о Шлимане я подал в издательство Академии наук. Тогда что́ издавать, что́ – нет, решал принципиально глава отрасли. Ее у нас возглавлял академик Рыбаков, который меня не любил (я отвечал взаимностью). Не любил он и разоблачительных тенденций. Эту книгу он зарубил в зародыше, сказав: «Уже есть биографии Шлимана, больше не нужно».

За границу меня долго не выпускали, но в 1970 году выпустили съездить в соцстрану, самую тогда надежную – в ГДР. Побывал в Берлине, Халле, Веймаре, Дрездене и на севере, в Мекленбурге, на родине Шлимана. Говорил о своих работах, в том числе и о своих открытиях относительно биографии Шлимана. Этим очень заинтересовался шеф археологической науки в той стране Й. Херманн, тамошняя параллель Рыбакову. Во время моего пребывания в Германии академика Й. Херманна не было на месте, но завязалась переписка, в коей он попросил меня изложить подробно мои соображения о Шлимане, чтобы решить, можно ли их напечатать в ГДР. Я подробно изложил их ему и через пару лет увидел их напечатанными – но… в его собственной книге. И без упоминания моего имени. Поделился обидой с моим деканом Виктором Ежовым, моим однокашником или почти однокашником (он учился младше меня на курс). Он сказал:

«Поделом тебе, не якшайся с иностранцами». «Так ведь наш же иностранец!» – «Вот у него уже и хватка наша. А насчет жалобы провентилирую в инстанциях. Все-таки вопрос дипломатический – не дай бог, нарушишь отношения». Из высоких инстанций ответили: «Не запрещаем, но и не рекомендуем». Мой начальник истолковал это: «Нельзя», я – «Можно». И написал властям той страны – то есть Хонеккеру. Но там усвоили и наш способ реагировать на жалобы – спустили вопрос на решение самому Тамошнему Академику. Он и написал мне вежливо, что недоразумение можно уладить в научной дискуссии. Я ответил не очень вежливо, и дипломатические отношения между нами прервались. Между странами – сохранились.

Я советовался со своими друзьями в ГДР – заведующим кафедрой Берлинского университета, директорами музеев. Они мне писали, что я не единственный пострадавший, но пока мой обидчик угоден партийным властям, ничего поделать нельзя. Когда после объединения Германии я побывал снова в Берлине, и мы стояли с заведующим кафедрой археологии Свободного университета и директором Немецкого археологического института, к нам с радушно протянутой рукой направился Й. Херманн – и встретил три спины. Мы успели отвернуться.

Что меня больше всего изумляло во всей этой истории, это что, в сущности, ему этот плагиат был совершенно не нужен: у него были свои, очень неплохие исследования. Жадность, неутолимое тщеславие… А для меня травма была болезненна: свою книгу я не издал до сих пор.

Иное дело – плагиат, с которым я столкнулся десятилетием позже.

В 1982 году я возвратился из мест не столь отдаленных, возвратился лишенным степеней, званий и работы, как оказалось, на десять лет (тогда казалось – навеки). Когда я вышел из лагеря и взялся читать накопившуюся за время моего отсутствия научную литературу, мне попался на глаза сборник теоретических статей с критикой западных археологических учений. Текст одной из статей показался удивительно знакомым. Ба, да ведь это мой собственный опубликованный текст! А над статьей стояла фамилия Щ-ко!

Щ-ко был из тех нахрапистых неучей и бездарей, которые в условиях брежневского застоя чувствовали себя как рыба в воде и поднимались наверх с удивительной быстротой и легкостью. Бодрый, полный, щекастый, с быстрой речью и живыми цепкими глазками, он, посверкивая лысиной, носился по Институту археологии, растопырив руки, и то тут, то там мелькала его густая борода. Английским он владел плохо, прочих языков не

знал вовсе, но специализировался на изучении англоязычного зарубежья и часто туда ездил, там его принимали как видного советского ученого. С наукой же у него не ладилось, хотя кандидатскую тем не менее как-то сварганил.

А уж общественной работой занимался с бешеной активностью. Очень скоро он стал секретарем партбюро Ленинградского отделения Института и, пребывая на этом посту семь лет, приложил всяческие усилия к избавлению Института от наиболее видных ученых – тех, кто обладал мировой славой. На пенсию, на пенсию. И преуспел в этом, расчистив места для себя и своих друзей.

Однако он так спешил, что разгневал академика Рыбакова: стал было его заместителем (по Ленинграду) без его ведома! Он получил уже утверждение в Смольном, но разгневанный академик примчался в Ленинград, появился в Смольном, и дело было переиграно. Для защиты докторской диссертации в Москве Щ-ко обеспечил себе поддержку другого академика, ленинградского, и был уверен в успехе. Настолько уверен, что заранее заказал шикарный банкет, да успел уже и хорошо «поддать» перед самой защитой. На заседание явился навеселе, текст отчитал по бумажке, выслушал оппонентов (конечно, «за»), но, когда ему стали задавать вопросы, растерялся, полез за ответами в туго набитый портфель и стал в нем рыться, приговаривая: «Сейчас… сейчас…» Ответы не находились. Ходили слухи, что невзначай он вытащил из портфеля бутылку водки, но, кажется, это уже академический фольклор. И без того защита выглядела комично. Многие присутствовавшие рассказывали мне, что хоть защита нередко сводится к спектаклю, такого фарса они не припомнят. После объявления итогов голосования Щ-ко, красный и потный, стал приглашать всех на банкет, но председательствовавший академик Рыбаков прервал его замечанием: «Вы не поняли, А.И.: необходимого большинства Вы *не* собрали, Вам отказано в присуждении докторской степени…»

И вот кто слямзил у меня мою работу. Неужто он считал, что я ушел на долгие годы и теперь можно располагать моими работами как выморочным имуществом? В средневековой Франции сеньор так распоряжался имуществом умерших крестьян, и эти привилегии сеньора назывались «правом мертвой руки». Наложил, значит, на меня мертвую руку. Ну и хватка! Потом выяснилось, что он проявил еще большее нахальство: сдал статью в печать еще до моего ареста, то есть когда он еще быстро продвигался наверх и ему был сам черт не брат.

Прочитав статью более внимательно, я обнаружил, что текст взят из трех моих работ – учебного пособия, рецензии и

вышедшей на английском языке обзорной статьи. Но примерно половина его произведения – не моя. Неужели сам сочинял? Непохоже: тут высказывания, до которых ему бы не додуматься. Меня охватил азарт: вот и проверка моей эрудиции, которую так хвалили, – неужели не найду источники, откуда что украдено? Должен найти, не все ведь перезабыл за станком в лагере! Засел за книги и в несколько дней разыскал все. Оказалось, что кроме меня Щ-ко ограбил двух этнографов, двух философов и одного индийского археолога. Лихо сработано – без чернил, не притрагиваясь пером, все – только ножницами и клеем! Лишь самый конец статьи опознать я не сумел. Но в телефонном разговоре научный редактор сборника, крупный ленинградский ученый, смущенно признался: «А конец дописал ему я». «Как?!» – «Да, понимаете, чувствую, что текст как-то неловко обрывается, повисает в воздухе, ну и дописал».

Добавления самого Щ-ко в мой текст были только одного рода: огромное количество ошибок… уж не знаю, как их назвать, – ну, таких, которые появляются, когда малограмотный человек щеголяет научными и философскими терминами, безбожно их перевирая. Вместо энвиронменталистов у него «инверменталисты», номотетическая тенденция оказывается в его передаче «номатической». Это не опечатки: гиперскептики, став «гипроскептиками», остаются таковыми на протяжении всей статьи.

Моя англоязычная статья переведена у него на русский язык ужасающе. «Индетерминизм» передан словом «беспричинность», «аддитивное» понимание стало «адаптивным», и так далее. Английского страдательного залога переводчик не признавал, поэтому деятели и объекты действия у него поменялись местами. Сами понимаете, что при такой передаче получилось из смысла статьи! Правда, Щ-ко и так перевести бы не смог. Переводил для видного специалиста по англоязычному зарубежью кто-то другой, возможно, студент. В некоторых случаях переводивший колебался, как перевести, и, написав, скажем, «предложил», ставил в скобках синоним: «выдвинул». А Щ-ко так и перекатал все подряд, и в статье стоит: «предложил (выдвинул)… гипотезу».

В предисловии к сборнику указано, что на заседании отдела академического института одной из союзных республик, где эта статья была предложена как доклад, «все выступавшие подчеркнули высокий уровень докладов». Все! А там были и настоящие специалисты. Значит, и такой абракадаброй о *гипроскептиках, инверменталистах* и *номатической* тенденции можно, оказывается, произвести впечатление на заседании, «посвященном теоретическим вопросам методологии и методики»

науки (цитата из предисловия). Гипро– в определении скептиков, очевидно, перекочевало в текст из аббревиатур многочисленных институтов – Государственный институт проектирования… – Гипроцемент, Гипросталь и так далее. Но уж скептиков наше государство проектировать вроде не собиралось. Они как-то рождались сами при виде осуществления государственного проектирования. Скажем, «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (уж и поколение ушло!) или проект «Каждому достойное жилье до 2000 года». Поневоле станешь *гипроскептиком*!

Обратившись после анализа статьи к книге того же автора (его несостоявшейся докторской диссертации), я обнаружил те же приемы работы, только обокраденных авторов прибавилось (оппоненты почему-то вообще не заметили кражи). Приведу из книги один пассаж, из которого явствует, что сей член Ученого совета, кандидат наук, руководитель научного коллектива, специалист в области древних культур, представляющий нашу науку за границей, – банально некультурный человек. Он пишет об «эпохе до вторжения А. Македонского». Если он считал, что это фамилия, то уж писал бы тогда инициалы полностью – с отчеством: А.Ф. Македонского (надо надеяться, он имел в виду «Александра Филипповича», занимавшего некогда македонский престол).

Как подумаешь, что этот невежда распоряжался целым коллективом ленинградских ученых, что он решал, кому продолжать исследования, а кому уходить вон! Что он увольнял прославленных корифеев! Это его мертвая рука лежала на живом теле науки. Как рука Лысенко, только захват поменьше. До широкого – не дорос, не дали.

По моему заявлению, написанному в конце 1982 года, была в начале 1983-го создана комиссия, которая разбирала сей казус на пяти заседаниях. Факты полностью подтвердились. Щ-ко сначала говорил, что его подвели помощники, редакторы, корректоры. Потом признал, что идея скрытого заимствования принадлежит ему: как коммунист он привык выполнять задания в срок и надежно, а тут не успевал, ну и… Комиссия не приняла этих оправданий. Щ-ко покаялся, подчеркнул, что «не руководствовался расчетом или злым умыслом» (?!), и выразил готовность принести извинения обокраденным. И мне, значит. Стороной он расспрашивал коллег, за что я на него так рассердился. Ну, словчил, ну, слямзил, так ведь никому же не во зло. Клейну-то что до этого? От него же не убудет – наоборот, пусть радуется, что на его работы такой спрос! Наверное, это его лагерь так озлобил…

Самое интересное, что Щ-ко недоумевал искренне. Он искал лишь то, чем он мог оскорбить лично меня, и не понимал, что оскорбляет и унижает науку.

Надо сказать, я поставил администрацию Института в чрезвычайно трудное положение. Зэк, только что выпущенный из лагеря, лишенный степени и звания, отвергнутый государством и официальной наукой, уличил процветающего научного деятеля, руководящего сотрудника (правда, не сумевшего защитить докторскую диссертацию). Как поступить?

Я потребовал четкой публикации об этом происшествии в головном археологическом журнале нашей страны (редактором его был все тот же академик Б.А. Рыбаков). А между тем в это время редакторы даже ссылки на мое имя еще вымарывали. Рыбаков и сам весьма недолюбливал Щ-ко, но высветить мое имя, да еще как пострадавшего от скандальных действий, позорящих его Институт… Академик долго не мог решиться на публикацию. Но мне передали, что два влиятельных члена Ученого совета заявили, что выйдут из совета, если это позорище не будет прекращено, если меры не будут приняты. Кроме того, я дал знать, что в этом случае мне остается лишь подать в суд (плагиат – статья 141, часть 1 УК РСФСР), а тогда процессом косвенно будут задеты и редактор сборника, и директор учреждения, где работает виновный. Редакция журнала также опасалась (и не без оснований), что, если моя просьба не будет удовлетворена, я смогу предать гласности всю эту историю на страницах зарубежного издания (хотя бы того, где я значусь в составе редколлегии): терять мне было нечего. И вот весною 1984 года акт комиссии был подготовлен к публикации (полностью) в головном археологическом журнале.

В последней надежде задержать публикацию Щ-ко пустился во все тяжкие. Ко мне подошел старый сотрудник института и предупредил: «Берегитесь. Щ-ко при мне сообщил, кому следует (ну, сами понимаете), что вами нелегально отправлена за рубеж статья, порочащая советскую науку, то есть о вашем конфликте с ним. Не боитесь снова оказаться в лагере? И потом, вы ведь знаете, кто его жена?» О том, что Щ-ко женат на близкой родственнице крупного чина из КГБ, говорили давно. Возможно, он сам распространял эти слухи, чтобы упрочить свою репутацию (хотя родство, кажется, имело место).

Не помогло. Публикация (заключение комиссии) вышла в 1984-м.

А результат? Щ-ко получил выговор по административной линии и выговор по партийной, которые были сняты через полгода. Его вывели из Ученого совета и больше не избирали в

партбюро. Но кандидатом наук и заведующим подразделением Института АН СССР он остался. Это я, лишенный степени и звания, так и ходил без работы еще десять лет.

Щ-ко продолжает, растопырив руки, бегать по институту и удивляться моей озлобленности на него за такую пустячную проделку. В каком-то смысле он прав. Моя злость близоруко сосредоточилась на нем, хотя по-настоящему следовало ненавидеть те силы, которые его создали и подняли наверх, тот порядок, который настойчиво двигает каждого на отведенное ему в этом порядке место: меня – вниз, его – вверх.

Плагиат – это воровство в науке, литературе и искусстве. Меня в данном рассуждении занимает плагиат в науке. По техническим признакам плагиат в науке делится на плагиат чистый, замаскированный и кражу открытия.

Чистый плагиат – это воровское копирование текста без кавычек и ссылок на автора, выдача чужого текста за свой. При обнаружении такого плагиата возникающая проблема – чисто техническая: как доказать факт воровства, неслучайность совпадения. Ясно, что небольшое выражение может и случайно совпасть, может нечаянно проскользнуть в текст – чужое словцо или выражение можно принять за собственное, забыв, что слышал или читал его где-то. Наконец, есть выражения и пассажи, ставшие общим достоянием (таковы анекдоты). Но их незачем выдавать за свои. И уж во всяком случае, если скопирован сколько-нибудь значительный текст или целые абзацы, то доказать плагиат ничего не стоит.

Замаскированный плагиат – дело более сложное. Это текст слегка видоизмененный: части предложений переставлены, некоторые опущены, иные эпитеты заменены синонимами, вставлены целые фрагменты своего текста, обычно пустого по смыслу. Здесь проблема, тоже техническая, состоит в том, чтобы разработать способы узнавания чуть переделанного текста и критерии допустимого сходства. То есть как отличить акт компиляции и допустимого пересказа от плагиата. Ну, прежде всего, наказуемо отсутствие ссылок на цитируемых авторов. Во-вторых, поможет статистика употребления слов и выражений. В-третьих, если скопирован не текст, а мысль, это ведь тоже плагиат. А проверить содержание на оригинальность хотя и сложнее, но тоже отделить мух от котлет можно.

Кража открытия – самый сложный для выявления акт плагиата. Когда украдено открытие, обычно оно не привязано к чужому тексту, а пересказано своими словами (чертежи и рисунки составлены заново и т. п.). Проблема здесь в том, как доказать, что открытие украдено, а не сделано независимо

(впрочем, если открытие было сделано ранее, а затем повторено другим ученым, то сам факт незнания сделанного в науке уже плохо его характеризует, но преступления не составляет). Значит, нужно доказать, что это не только то самое по сути открытие, но что его случайные детали повторяют детали первого открытия; можно пойти и по другому пути: доказать, что ученый, представивший второе открытие, был знаком с первым открытием. Но умолчал об этом.

По видам плагиаторов плагиат в науке бывает разного рода – преимущественно двух.

Во-первых, обычное воровство убогими и ленивыми у работящих и талантливых. Конечно, это аморальность, жульничество, а таких плагиаторов можно не только презирать, но и пожалеть. Такой плагиат быстро выявляется и наказывается. На что надеется такой плагиатор? Ну, на недосмотр, на то, что украденные тексты никто не заметит – он считает, что украл малоизвестный текст. Или что сумел его чуть переделать – теперь его не узнать. Или, узнав, не доказать, что украдено. Настоящая проблема тут не сводится к чисто технической. Нужно ведь еще и проявить принципиальность – остановить плагиатора (этого и тем самым других). Не дать волю жалости (а иногда и симпатии к плагиатору – он ведь может быть в ряде отношений компанейским человеком, приятным в обхождении). Остановить, потому что если он прорвется и чего доброго станет начальником (обычно те, кто неспособен к науке, особенно рвутся в начальники), то будет теми же привычными нечестными методами вершить судьбы – твои и науки. Такой человек начинает с безобидного списывания в классе, продолжает плагиатом в науке, а кончает… Но тут перейдем ко второму сорту.

Начальственный плагиат – это второй тип. Это разбойный плагиат, потому что плагиатор вооружен чином, званием и начальственной должностью. Этот род плагиаторов – самый вредный. Он разъедает нутро науки. Приведенные мною в начале примеры относятся именно к нему.

Есть и еще. Я знал академика, который прямо предлагал молодым ученым: «Твоя работа выходит под моим именем, а ты получаешь степень и хорошее место в науке. Не жалей. Ты молодой, ты еще сделаешь». Немало соглашалось. Мне об этом рассказывал тот, кто не согласился и уехал работать в Магадан. Когда я был студентом, любимый мною профессор очень хвалил мою работу – как яркое открытие (дал такой письменный отзыв), а потом опубликовал это открытие в своей книге, даже не упомянув моего имени.

Всем известны публикации авторских коллективов, выходящие под целым списком авторов, в начале которого стоит фамилия шефа, хотя его вклад ограничивался весьма общим руководством данным институтом – утверждением плановых тем и т. п. Подозреваю, что у многих ученых начальников весь длинный список публикаций состоит из таких работ. Почему тогда не включить бухгалтера, платящего авторам зарплату и оформляющего финансирование работы, а также уборщицу, ежедневно создающую комфортную атмосферу для творчества? А ведь не включают.

Я тоже печатался вместе с соратниками или учениками, но если встретите такую работу, можете быть уверены: мне принадлежит в ней основная идея и от 50 до 90 % всего текста. Только один раз мною был использован текст моего ученика без упоминания его имени. Мы готовили обзорную статью с критикой советской науки, и один аргумент был им изложен отдельно еще ранее, а в нашем тексте повторен. Я, конечно, указал его авторство. Но напряжение вокруг нашей статьи сгущалось, а молодой автор только начал становиться на ноги, обзавелся семьей. Он попросил снять его имя. Снимать аргумент было невозможно – нарушалась логика статьи. Текст появился без его имени. Но как только обстановка изменилась, я тотчас обнародовал уточнение, кому принадлежал этот аргумент.

Советская наука оставила в этом плане дурную традицию. Это была наука, сильно забюрократизированная, военно-феодальная, с шарашками и зэками-учеными на одном конце и академиками-воеводами, которым отдавались во владение целые отрасли, на другом. Тогда считалось естественным и нормальным, что ученый начальник дает подвластным и ученикам ц.у. и поручения, а потом ничтоже сумняшеся ставит свое имя на обложке тома. Это развращало и неплохих ученых.

Еще тогда у них появились прообразы нынешних спичрайтеров – то есть, можно сказать, уорк-райтеры. У Дюма это называлось: литературные негры.

Кстати, спичрайтеры, на мой взгляд, – это нынешняя легализованная форма плагиата в политике. Ведь речи отзвучат, а потом выходят собранными в тома сочинений, с именем не спичрайтера, а его хозяина на обложке, хотя он-то в лучшем случае только редактировал текст. Что ж удивляться, если для обзаведения учеными званиями и степенями те же хозяева спичрайтеров или присные этих хозяев спешат обзавестись уорк-райтерами, проще говоря, покупают диссертации? Политическим лидерам, если они хотят быть честными, нужно ставить в конце речи примечание: подготовлена таким-то спичрайтером. Ведь все

равно все знают (или вскоре узнают), кто был спичрайтером Ельцина, кто – Горбачева. Хорошо, если индивидуальный текст автора легко узнать по неподражаемому стилю (с соплями, сортирами и обрезаниями), а если нет таких примет – как быть? Кстати, Сталин сочинял свои писания сам – его стиль легко узнать. Мерзавец был отменный, грехи у него были тяжкие, но кого-кого, а себя он уважал.

Мне как-то довелось быть кем-то вроде спичрайтера для двух выдающихся ученых. Я, тогда ассистент, написал статью в защиту древностей, но кто ж ее поместит в авторитетной центральной газете! Удалось заинтересовать ректора А.Д. Александрова и моего учителя директора Эрмитажа М.И. Артамонова. Оба подписали статью, и она была напечатана в «Известиях». Ректор А.Д. Александров через месяц вызвал меня и смущенно вручил свою долю гонорара (гроши, конечно). Директор Эрмитажа даже не заметил этой прибыли. Неловкое положение сложилось по той простой причине, что в центральную газету было практически не пробиться человеку без имени и поста.

Именно ненормальное положение в науке и наличие спичрайтеров в политике создает атмосферу, в которой плагиат в глазах многих авторитетов становится чем-то привычным, каким-то вариантом нормы.

Пиратское копирование, связанное с компьютерными программами и Интернетом, – это тоже разновидность нарушений авторского права, прямо скажем, воровства итогов интеллектуального труда, но с плагиатом его не стоит смешивать. От пиратства главный ущерб – сугубо экономический (как кошелек из кармана), а обида на втором месте. В плагиате же экономический ущерб может сводиться к нулю (если не идет речь о патентовании открытия). Здесь, при плагиате, главный ущерб – чувству справедливости: крадутся слава и честь, а уж на этой основе несправедливо перераспределяются места в жизни. Лодыри и бездарности эксплуатируют работяг и талантов. Вот в чем глубинная суть плагиата. И вот почему всякий случай плагиата нужно выводить на чистую воду, даже если это хлопотно, неприятно, а иногда и опасно.

№ 14 (842), 14 октября 2008

Недавно Щ-ко умер, поэтому я не раскрываю его фамилию. Позже это станет более уместно и, считаю, необходимо.

2. Ариец Буровский и плагиат

В 14-м номере «Троицкого варианта» была опубликована большая статья Льва Самуиловича Клейна, описавшего несколько занимательных случаев из жизни научных плагиаторов. Теперь мы печатаем статью двух молодых исследователей, повествующих об еще одном таком инциденте, связанном опять-таки с работой профессора Клейна.

П. Дейнека и В. Кондаков

С ноября 2006 года по июнь 2007 года мы и наши друзья ходили в Институт лингвистических исследований Российской академии наук. Там проходила очень живая научная дискуссия. В рамках Школы индоевропеистики восьмидесятилетний профессор Клейн выступил с серией из двенадцати докладов на тему «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов». Этими докладами он выносил на суд научной общественности главы написанной им в 2005–2006 годах, но еще не опубликованной книги. Председательствовал академик РАН Н.Н. Казанский, в обсуждениях участвовали сотрудники ряда институтов и музеев, а также преподаватели и студенты Петербургского университета и других вузов.

Автор докладов давно (с 1984 года) занимается исследованиями в области индоевропеистики. Для удобства обсуждения за несколько дней до каждой встречи – он раздавал всем желающим электронные тексты докладов. На одном из заседаний (у нас на глазах) к Клейну подошел низенький, очень упитанный крепыш с черной бородой и попросил Льва Самуиловича дать ему не одну главу, а весь текст книги, пояснив, что ему тоже заказана книга об ариях и срок сдачи работы истекает. Это был археолог и плодовитый писатель Андрей Михайлович Буровский, кандидат исторических наук и доктор философских. Клейн спросил: «Значит, Ваша книга выйдет раньше? Моя ведь появится нескоро». «Но я, конечно, сошлюсь на Ваш труд! – с готовностью заявил бородач. – Не все ли равно, в какой очередности они выйдут?» Клейн решил дать ему полный компьютерный текст.

Мы, молодые, выразили Клейну свое недоумение. Это великодушно, но очень уж неосторожно! Л.С. сказал, что, по его убеждению, информацией надо делиться с коллегами, работающими над той же темой, и сослался на казус Артура Эванса. Этот крупнейший археолог не поделился открытием и задержал расшифровку критской письменности на несколько десятилетий. Всем дано, что ж Буровскому не дать?! А как

ссылаться – это уже дело этики. Так Буровский получил текст. И вскоре прекратил общение с кругом людей, занятых этой проблемой, – исчез с горизонта.

Конечно, увидев две книжки Буровского об ариях, вышедшие осенью 2008 года, – «Арийская Русь» и «Предки Ариев», мы их тотчас приобрели. Полистав первую, мы сразу поняли, почему он исчез из поля видимости, – сразу увидели, что несколько глав полностью скопированы с рукописи Клейна, которую мы все хорошо знаем (имеем на руках, следили за обсуждением). Почти вся четвертая глава третьей части книги по сути списана (местами дана в пересказе) с четвертой же главы книги Л.С., совпадают даже названия разделов. Да и в других главах много фрагментов. А ссылок на источник – нет! Не сказано ни слова о самой рукописи, о ее обсуждении, о том, что Буровский там был (даже выступал), что получил текст неопубликованной книги. В одном месте книги есть ссылочка на старую работу Клейна, не относящуюся к индоевропейской проблеме. Плагиат в чистейшем виде, кража у всех на глазах!

Неужто Буровский думал, что никто не заметит? Или что не удастся доказать? Однако, чтобы увидеть плагиат, даже незачем сличать с книгой Буровского неопубликованную рукопись.

Коль скоро Клейн давно работает в индоевропеистике, некоторые результаты его исследований были все же опубликованы, так что заимствования Буровского повторяют и положения опубликованных статей Клейна. Сходны, к примеру, абзацы из четвертой главы третьей части книги «Арийская Русь» (с. 251–258), посвященные майкопской и новосвободненской культурам, и статья Л.С. Клейна «Майкоп: Азия, Европа?», опубликованная в журнале «Знание – сила» № 2 за 1987 год. Еще ярче заимствования Буровского проявились в решении «тохарского вопроса». Буровский в седьмой и десятой главах первой части книги «Арийская Русь» просто переписывает (опять же без ссылки) большие фрагменты десятого доклада – из десятой главы книги Клейна, опять же опубликованной ранее, в 2000 году, в журнале «Стратум». Например, идея Л.С. Клейна о том, что прототохарами были носители карасукской культуры, которая генетически связана с фатьяновской культурой, дословно воспроизводится у Буровского («Арийская Русь», с. 97–100). Но Клейн эту гипотезу, которая была в его тексте, заменил другой (по новым материалам), чего Буровский не знает.

Многие другие идеи, которые приводит в своих книгах Буровский, тоже заимствованы у Клейна: например, идея о близости усатовской, нижнемихайловской, кемиобинской и новосвободненской культур и приходе их с Запада, а также идея о

сходстве нижнемихайловской и михельсбергской культур и идея о центральноевропейской прародине индоевропейцев (область «культуры воронковидных кубков») («Арийская Русь», с. 249–251). Все эти идеи были высказаны Клейном в сборнике «Междисциплинарные исследования культурогенеза» в 1990 году и в других работах (с указанием предшественников).

Если сопоставлять «Арийскую Русь» Буровского непосредственно с докладами Клейна (с неизданной книгой «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов»), то «совпадений» оказывается еще больше.

Поскольку у Буровского был только первый вариант текста докладов, в книгу «Арийская Русь» перешли ошибки, которые Клейн-то в итоге исправил. Например, Л.С. в первом варианте текста, который он раздал слушателям, называет нуристанского бога Йимиром, а не Имрой и упоминает о погребении потаповской культуры с конским черепом, вместо головы человека. Позже выяснилось, что там два разновременных погребения ошибочно соединены раскопщиками в одно. Клейн учел это и ошибки исправил, а у Буровского они остались (с. 256–257).

При списывании Буровский добавил свои собственные ошибки. Например, говоря об индоевропейском характере новосвободненской культуры бронзового века, Клейн ссылается на работу А.М. Смирнова (2000), а Буровский перепутал Смирновых и ссылается на работу К.Ф. Смирнова (1964), посвященную савроматам и никакого отношения к бронзовому веку не имеющую («Арийская Русь», с. 254). Клейн всегда отстаивал точку зрения, что катакомбная культура – это предки индоариев, а Буровский пишет, что по Клейну индоарии – срубная культура (с. 231).

Мы думаем, что Клейн прав: делиться информацией – закон ученого сообщества, а тех, кто использует этот закон во зло и подрывает взаимное доверие, на котором он основан, – необходимо наказывать. Оглаской (непременно) и не только оглаской.

А теперь о том, что Буровский *не* позаимствовал у Клейна. В книгах Буровского вообще уйма ошибок и ляпов, грубейших с точки зрения археологии, истории и лингвистики (скажем, Урарту у него – индоевропейцы, директор германского института антропологии и евгеники в период Третьего рейха Ойген Фишер у него еврей, сосуды срубной культуры у него бомбовидные, тогда как они баночные, есть и остроребериые, а бомбовидные сосуды – у фатьяновской культуры, есть и другие ошибки).

В общем, книги Буровского сделаны так, чтобы понравиться

молодежи, склонной к экстремистским крайностям, к национализму и арийским мифам. Прочтя обе книги Буровского, мы узнали, что индоевропейцы-арии появились в Европе в эпоху палеолита (идея тоже не его). Что этот народ больше всего ценил индивидуальность и другие либерально-демократические ценности. Что именно индоевропейцы-арии были создателями или первооткрывателями цивилизации, письменности, демократии, единобожия и так далее, заложили даже основы китайской цивилизации, а что не создали (например, компас), то усовершенствовали.

Самое интересное, что Буровский писал эти книги о себе. В конце своего двухкнижного труда Буровский пишет о себе как о «представителе нордической расы» и «носителе арийской культуры» («Предки Ариев», с. 430). Каким он видит себя, такие свойства он ретроспективно проецирует и на героев своих книг – ариев. Его автопортрет («маленький смуглый брюнет, со склонностью к полноте и с живыми чертами лица» – «Предки Ариев», с. 433) не соответствует традиционным критериям нордизма, но он эти критерии переделывает «под себя», и оказывается, что для северной расы характерна склонность к полноте («могучие рыхлые тела»).

В других своих книгах («Евреи, которых не было») Буровский уверяет, что для евреев характерно отсутствие оригинальности творчества, они все копируют у арийцев. Например, теория относительности Эйнштейна совершенно неоригинальна. Понятно, почему Буровский не мог указать источник своих заимствований. Ведь тогда его потенциальный читатель, ради которого и написаны его книги, увидел бы, что значительная часть списана с работ ученого, фамилия которого еще могла бы иметь арийское происхождение, но имя и отчество звучат совершенно не по-арийски. Пришлось пойти на плагиат. Но тут возникает ужасное сомнение: ариец ли Буровский?

Об авторах

Валерий Кондаков закончил кафедру археологии, потом, отслужив в армии, работал в археологических экспедициях (Монголия и Кавказ). Не найдя постоянной работы в области археологии, поступил на службу в городскую администрацию.

Павел Дейнека окончил Художественно-промышленную академию им. Штиглица по отделению керамики, затем работал методистом на кафедре истории искусств исторического факультета СПбГУ (ныне в работает в Эрмитаже). Написал диссертацию о выставке «дегенеративного искусства» в Германии 1930-х годов.

3. Имитация работы и плагиат как ржавчина

В 36-м номере «Троицкого варианта» (1 сентября 2009) помещена статья доктора политических наук Сергея Голунова, задевшая меня за живое не только своей актуальностью, но и персональными аспектами – пробудив личные воспоминания и вызвав некоторые мысли о проблеме. Голунов – сотрудник Даремского университета в Англии, в котором и я проработал полгода более 15 лет тому назад. В этом смысле он мой преемник. Статья его называется «Плагиат как ржавчина российского высшего образования». С проблемой плагиата у меня связано несколько статей, из них одна – «Плагиат глазами гипроскептика» (в «ТрВ» № 14 за 14 октября 2008), а еще одна – статья других авторов о плагиате, жертвой которого стал я («ТрВ» № 22 за 17 февраля 2009).

Особенно любопытно, что конкретная проблема, поднятая Сергеем Голуновым, – проблема использования интернет-технологий для массового списывания рефератов и курсовых работ – привлекла мое внимание еще более десяти лет назад. В 1998 году я представил доклад об этом Санкт-Петербургскому Технологическому университету на конференции «Применение высоких технологий в науке». Доклад назывался «Высокие технологии в науке: имитация работы». Он напечатан в сборнике тезисов конференции.

Об этом не стоило бы упоминать, если бы в моем докладе не содержалась (в качестве первого и главного средства борьбы с этим злом) рекомендация, совершенно выпавшая из мер, предлагаемых С. Голуновым. В своей очень нужной и продуманной статье наблюдательный Голунов не только констатирует разнообразные проявления и последствия указанной «ржавчины», но и предлагает некоторые меры по борьбе с ней: сокращение домашних заданий, сокращение нагрузки преподавателей, изменение системы учета успеваемости и т. п. Я же предлагал и применял на практике другую меру, получая (что существенно!) хорошие результаты. Поскольку она кажется мне самой важной, а тезисы конференции, на которой она была представлена, естественно, малотиражны и практически неизвестны, я позволю себе повторить здесь свои уже опубликованные тезисы:

1. Применение высоких технологий в сфере образования само по себе не есть ни благо, ни беда. Все зависит от того, кто их

применяет и зачем. За последние несколько лет преподаватели вузов и старших классов школ России столкнулись с повальной эпидемией своего рода списывания – использования готовых домашних заданий, контрольных, курсовых и дипломных работ с помощью компьютерной техники и новейших средств связи. В свободной продаже появились тысячи готовых типовых работ по всем отраслям знания, преимущественно общеобразовательного и гуманитарного плана. В прессе и на стенках учебных заведений есть немало объявлений этого рода.

2. Возникла целая индустрия, работающая на поставку таких текстов. В ней существует разделение труда. Одни люди собирают успешно зарекомендовавшие себя тексты, другие запускают их в компьютерную сеть с помощью сканеров, третьи собирают заказы и передают их исполнителям, имеющим компьютеры или доступ к ним. Те распечатывают тексты, слегка подрабатывая их для конкретного пользователя (сокращая, добавляя вставки, приводя к заданному объему). Все на этом кормятся. Нерадивому студенту достаточно назвать тему, объем и иметь свободные деньги (или заработать их), и любая работа может быть ему немедленно продана.

3. Это приводит по меньшей мере к двум скверным следствиям. Во-первых, вуз могут окончить люди, не выполнившие сами ни одного задания и ничему не обучившиеся по своей профессии. Таких уже немало. Во-вторых, молодежь обучается плагиату и привыкает жить чужим трудом. Преподаватели не могут этого не знать. Если они закрывают на это глаза, значит, возникает круговая порука в сфере высшего образования.

4. Необходимо учитывать эту новую реальность и разработать меры такого контроля учебы, которые бы сделали эту индустрию бесполезной. К таким мерам можно отнести следующие: а) прекратить давать описательные задания (формулируемые назывными предложениями), заменить их творческими заданиями, начинающимися со слов «почему», «в чем разница (сходство)», «объясните» и т. п.; б) задания должны быть хотя бы элементарно исследовательскими, уникальными, не должны повторяться; в) преподаватели должны знать наличные в продаже типовые работы по своей специальности, быть в курсе рыночного предложения (с помощью компьютера нетрудно проверить работу на списывание с этих текстов); г) предпочтение должно быть отдано аудиторным контрольным работам.

5. Кроме того, задания должны быть реально выполнимыми не только по сложности, но и по объему, и не только сами по себе, но и в системе. Деканаты должны следить за тем, чтобы в каждом семестре, в каждом месяце студент не получал заданий на дом

более того, что он реально может выполнить. Нормы следовало бы разработать для каждого заведения отдельно. Иначе мы сами наталкиваем и прилежных студентов на изобретение ускоренных форм выполнения заданий и уравниваем прилежных студентов с нерадивыми.

Вот такие тезисы я представил в 1998 году. Тогда еще не было автоматизированных систем поиска типа «Антиплагиат». Но на всякую систему поиска умельцы всегда найдут способы обойти ее или крайне затруднить ее использование. Но на требование «рассортировать» новый материал, объяснить вновь возникшие трудности, создать нечто новое, проявить творческие способности на глазах у всех – перед всем этим любые попытки имитации бессильны. Творческие способности либо есть, либо их нет. И основанная на них работа либо есть, либо ее нет. И тут не помогут ни Интернет, ни плагиат, ни блат.

Только от самого преподавателя требуется постоянное творчество, а не прибегание к старым шаблонам и готовым задачам с давно известными решениями.

Написано в октябре 2009, не публиковалось

4. Открытый лист

В сентябре 1962 года в качестве начальника университетского отряда я раскапывал курган на окраине Новочеркасска. Время было скверное: только что прогремел расстрел Новочеркасского восстания, на городской площади еще не просохла кровь. Отряд мой входил в состав большой археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Начальница всей экспедиции, тучная женщина, засела под Ростовом и у нас почти не показывалась. Она раскапывала там большое городище античного времени, да и сама она была античницей, а у нас шли в основном курганы бронзового века.

Я сидел на земле и заносил в полевой дневник текущие данные, когда раздался общий крик. Подбежав, я увидел в черной развороченной земле сверкание золота и камней. Это были сокровища царского типа – большой серебряный лутерий (таз), а под ним восемь серебряных чаш с медальонами тончайшей работы и сбруя царского коня – четырнадцать золотых фаларов (больших круглых блях), усыпанных камнями. Первый век нашей эры, время Августа и Христа. Фалары были местные, сарматские (или аланские), а чаши – римские по стилю. На медальонах – Нереиды на тритонах (морских конях) везут оружие Ахиллу. Это все уже результаты последующего анализа, а тогда первое ощущение было – груз, который на меня свалился. Нужно же зафиксировать все с особой тщательностью, да и материальная ответственность…

Мой помощник, студент (впоследствии известный археолог) Марк Щукин сказал: «То-то начальница обрадуется! Приедет вас награждать…» «Ох, Марк, – отвечал я, – она примчится меня увольнять». «Как так? За что?» – «Она всю жизнь мечтала о такой сенсационной находке, а досталось открытие не ей». – «А вам нужно это золото?» – «Нет, у меня другая тема работы». – «Так отдадите ей и уедете». – «Никак не могу. Зная ее характер, думаю, что она же подстроит нам какой-нибудь прокол под мотивировку увольнения. С какими глазами я покажусь в университете? Нет уж, придется доводить дело до конца».

Начальницу, я, конечно, вызвал. Она приехала туча-тучей. Отозвав меня в сторонку, сказала: «Ну вот что. Мы с вами не сработались. Передайте мне всю документацию, забирайте своего помощника Марка и тотчас уезжайте в Ленинград». Я отказался. Она предприняла ряд мер, в том числе обратилась в КГБ и заявила, что я возмущался расстрелом Новочеркасского восстания, а кроме того приготовился отправить всю

документацию за рубеж по каналам международного империализма и сионизма. Местный представитель КГБ немедленно арестовал моего фотографа со всей фотодокументацией, но, по счастью, его начальство разобралось в мотивах политического воодушевления моей начальницы, вернуло пленки мне, а я передал всю документацию начальнице только по завершении всех работ. Университет же опубликовал первое сообщение об открытии, после чего я на много лет отошел от обработки этого памятника.

А начальница в своих докладах, воздымая полные руки, восклицала: «Вот этими самыми руками я извлекала сокровища из земли!» Ради этого восклицания она готова была упечь меня в лагеря. Сама же так почти ничего и не смогла из находок извлечь, кроме обнародования фотографий и сведений о залегании. Не хватало образованности и эрудиции (она была из так называемых «выдвиженок»). А информации эти находки содержали чрезвычайно много. Впоследствии ее извлекали из этих сокровищ тот же Марк Щукин, я и мой ученик Борис Раев (о чем вышло много публикаций).

Притязания начальницы на право считаться открывателем всего, что раскапывалось в экспедиции, которой она командовала, покоились на *Открытом листе*. Открытый лист – так по давней традиции называется в России и на постсоветском пространстве документ на право производить разведки и раскопки археологических объектов. Поначалу экспедиции были небольшими, и держатель Открытого листа был действительно реальным руководителем раскопок и, следовательно, открытия по праву принадлежали ему. Автоматически Открытый лист стал среди археологов считаться документом, удостоверяющим авторство открытия, а следовательно – исключительное право на обработку и публикацию. Ведь нельзя же считать открывателем землекопа, впервые увидевшего находку, или чертежника, или фотографа. Или даже помощника-археолога. Вот Открытый лист и помогал обозначить открывателя, стал считаться, по сути, листом Открывателя.

Но экспедиции разрастались, расширялись, стали состоять из отрядов, отстоящих далеко друг от друга, и стали такими, что начальник экспедиции уже не руководил всеми отрядами и даже не бывал во многих из них. Непосредственную работу вели начальники отрядов, профессиональные археологи высокого класса. Я и сам был потом начальником такой экспедиции и неизменно с самого начала объявлял своим подопечным начальникам отрядов, что, хотя Открытый лист и выписан на мое имя, открывателями всего найденного будут они, а я смогу

публиковать сведения только с их разрешения. Если я сам руковожу одним из отрядов – там, разумеется, открывателем буду я.

С моей точки зрения, Открытый лист все-таки – не документ на *авторство открытия*, а только на *право открывания*. А уж воспользовался ли ты этим правом или нет, зависит от обстоятельств работы. Открытие же документируется иначе – свидетельствами реального, идейного и методического, руководства самим исследованием. Это может быть полевой дневник, фотодокументация, удостоверяющая постоянное присутствие и распоряжение техническими исполнителями и т. п.

Все это относится не только к археологии и не только к экспедициям, а к любым исследованиям. Если человек ограничивается общим руководством работами, организационным обеспечением, планированием, финансированием и т. п., то это не дает ему право считаться автором или даже соавтором открытия. Иначе открывателем всего, что сделано в институте, будет его директор вместе со всеми замами, а всего, что сделано в Академии наук, – президент с вице-президентами.

По этой же причине я очень скептически отношусь к коллективным работам, в которых во главе длинного списка стоит фамилия директора учреждения или заведующего отделом. У меня большое подозрение, что он примазался к открытию или хотя бы к проведенной людьми работе. Мне представляется, что в этих случаях в примечаниях нужно точно указывать, какая именно доля работы принадлежит каждому из соавторов, какая функция каждым выполнялась. Если это не оговорено, то нужно принимать (по умолчанию), что начальственному лицу не принадлежит реально ничего и выполнялась им лишь функция примазывания.

№ 15 (845), 28 октября 2008

5. Диссертация для хорошего человека

Для начала одна пространная цитата:

«Дело было в 1965 году, когда со мной завел странный разговор проректор… Он намекнул, что после того, как я успешно защитился, пора подумать и о следующем шаге, то есть о должности заведующего кафедрой. Мне могут предоставить ее, но не просто так, а за помощь одному хорошему человеку. Впрочем, – уточнил он, – ты его знаешь, это секретарь парткома…» На мой вопрос, что же требуется, Ф. объяснил: «только и всего что написать за него диссертацию. Положишь ее на стол – и иди заправляй кафедрой».

Дальше выясняется, что такими диссертациями обзавелись многие – начиная с первого секретаря обкома партии…

Недавно в библиотеку Института истории материальной культуры РАН поступила книга, к археологии отношения не имеющая. В коллекторе перепутали и, увидев фамилию автора – Клейн, направили книгу археологам. Книга написана не мной, а моим младшим братом Борисом, проживающим в Америке, а издана в 2008 году издательством «Лимариус» в Белоруссии. Называется «Недосказанное». Это его мемуары и собрание его очерков о биографиях разных людей родом из Белоруссии. Брат – историк, был профессором в Гродненском университете.

Мемуары его интересны прежде всего тем, что был он другом великого белорусского писателя Василя Быкова и оба вместе они дружили с еще одним белорусским писателем-фронтовиком Алексеем Карпюком, который был и моим другом. Втроем они составляли в Гродно кружок свободомыслящих, который вызывал подозрительность и злобу советских властей. Опубликованы фрагменты письма 1969 года руководителя КГБ Ю. Андропова в ЦК КПСС, где говорится о подготовке мероприятий по обезвреживанию этих лиц. Названы все трое, в том числе «отъявленный антисоветчик и сионист» Б. Клейн (сионизм ему приписали за то, что он отказался написать заказную статью, в которой бы сионизм приравнивался к фашизму).

По-видимому, власти никак не могли взять в толк, как это писатели крестьянского происхождения, «коренной национальности», фронтовики, члены партии сомневаются в верности партийной линии, описывают войну не так, как это велит партия. Не иначе как чуждое влияние. Подозревали, что за этим стоит мой брат, тогда доцент, – мол, еврей, идеолог антипартийной группы. Это совершенно не соответствовало действительности. Духовным лидером кружка был, несомненно,

Василь Быков, брат был значительно младше обоих друзей и не обладал ни таким жизненным опытом, ни таким авторитетом.

При этом Василя Быкова, учитывая его мировую славу, старались не записывать прямо во враги и не бить откровенно (только один раз подослали кулачных бойцов, побили обоих – Быкова и брата), хотя в печати критика была заушательской. Но на Карпюка и моего брата обрушились более серьезные кары. Карпюка, тяжело раненного под Берлином, обвинили в том, что во время войны он был немецким шпионом, а брата, естественно, в сионизме и других грехах (высказывался против ввода войск в Чехословакию, называл политбюро маразматическими старцами – это-то было). Обоих исключили из партии, уволили с работы, перестали печатать, с брата сняли степень и звание. Брату предоставили работу на овощебазе, потом на химкомбинате, Карпюку – никакой. Многие годы спустя их скрепя сердце восстановили в партии, на работе, но режим то давал слабину, то крепчал.

Кончилось все смертью намучившегося Карпюка от рака и эмиграцией двоих других друзей – сначала брата, потом Быкова. Вот долгая история этих событий и составляет стержень мемуаров моего брата (в воспоминаниях Быкова тоже есть теплые строки о моем брате).

Однако в злоключениях моего брата была и еще одна составляющая. Даже когда нашлись во власти люди, пожелавшие не то чтобы помиловать, но смягчить кары (вместо кнута применить пряник), они натолкнулись на сопротивление местной партийной и ученой среды. Те не хотели восстанавливать Клейна. Они очень надеялись, что Клейн сгинет, исчезнет. Тут и уместна цитата, с которой я начал эту заметку. Дело в том, что глубинной причиной гонений на Клейна была даже не политика, а его отказ участвовать в изготовлении диссертаций для партийной верхушки. И беда была еще в том, что, показав свое отвращение к этой практике, он все знал – кто и за кого писал, что за это получил (деньги, квартиру вне очереди, кафедру). А так как образование у него было не историческое, а юридическое, то мог бы все доказать без затруднений. Если, конечно, нашелся бы суд, который бы принял это дело к рассмотрению.

Одно дело с липовым докторским и профессорским дипломом (оно упоминается в книге) все-таки достигло суда. Ну не могло не достичь. Был в Гродненском мединституте заведующий кафедрой хирургии. Читал лекции студентам, делал операции, коллеги учились у мэтра, как резать животы. Как вдруг случайно обнаружилось, что нет у него не только докторского и профессорского диплома, но и медицинского образования

вообще! Просто он прислуживал врачу во время войны и запомнил, где и как тот режет. Как же никто этого не заметил?! Более того, как получилось, что смертность от его операций была такая же, как у других хирургов?! Либо заведующий оказался природным гением, либо медики вокруг него получили свои дипломы и защищали свои диссертации… как бы это сказать, тоже не совсем своими силами.

Помню, мать (она была классным хирургом) показывала мне направление на рентген, подписанное врачом (с Кавказа) и удостоверенное личной печатью, с таким текстом: «Направляется больной такой-то на *еренеген* для *просветления* всех органов тела». Медику легче убедить всех в непрофессиональности подобных направлений или рецептов, а каково гуманитарию? Да еще если с грамматикой будет все в порядке? Да еще если диссертация и в самом деле будет написана настоящим специалистом, только не тем, который получает за нее диплом? Сейчас все судачат о необходимости проверить в вузах тех поступивших, которые поучили 100-балльные аттестаты на ЕГЭ в Дагестане. А как бы проверить тех докторов, которые защитили диссертации, не умея двух слов связать? В Дагестане и Петербурге, в Новосибирске и Москве.

Та косная сила, против которой выступал мой брат и которая ему мстила за свои страхи, за моменты дрожи в поджилках, никуда не исчезла. Даже, пожалуй, расцвела еще больше – не только в Белоруссии, но и в России. Раньше ее называли «продажность», сейчас более элегантно – «коррупция». Ее составляющие – деньги и власть, с одной стороны, нищета – с другой, аморальность – с обеих.

Брата не только всячески давили, но и не выпускали из области. Предупредили, что, куда бы он ни поехал, за ним пойдет уведомление: не брать ни на какую работу! Когда уволенный отовсюду, брат, учитывая, что его знания не используются, спросил у первого секретаря обкома: зачем я вам здесь? я же вам не нужен. Секретарь на это возразил:

– Нет, вы нужны. Вы будете маячить на гродненских улицах, как тень. Чтобы все видели, какая судьба ожидает того, кто пойдет против нас.

В книге названы все фамилии, имена и отчества властителей разного ранга и толка, должности и последующая судьба.

Если бы я был рецензентом, я бы отметил и недостатки книги: нет библиографических ссылок, нет указателей, а они в такой книге нужны, стоило бы разбить текст на эпизоды со своими названиями. От себя я бы добавил, что, несмотря на все бедствия автора, мне кажется необоснованным угрюмое

настроение мемуаров. «Меня не сумели уничтожить, но жизнь поломали». Жизнь ломали многим. Но как раз автору мемуаров повезло больше других. Он вернул себе профессорское звание, публикует книги, сыновья живы и успешны, живет более благополучно, чем большинство коллег, разъезжает на старости лет по всему миру.

Ну не были мы такими уж чистыми трагическими героями. И истовыми борцами с режимом в сущности не были. Брат вступил в партию – частью ради карьеры, частью чтобы усилить в партии либеральное крыло (таких наивных было немало). Я в диссидентских акциях регулярно не участвовал. Мы просто старались вести себя порядочно и в науке быть честными и объективными, и этого было вполне достаточно, чтобы прослыть диссидентами (этого и сейчас с лихвой хватит для раздражения всяческого начальства).

Мы с ним во многом схожи: оба профессора, оба гуманитарии, оба авторы многих книг, обоих в разное время лишали ученых степеней и званий, обоих через много лет восстановили – он добился через ВАК, мне пришлось защищаться «по новой». Меня ломали еще больше, чем его, – побывал в тюрьме и лагере, безработным ходил десять лет, но я не считаю, что мне сломали жизнь. В жизни было много юмора, веселья и успехов, много общения с замечательными людьми. Удалось до старости сохранить работоспособность и здравый рассудок. Я понимаю, что жизнь подходит к концу (это, конечно, очень скверно), но полагаю, что жизнь удалась.

В чем причина различного настроения? Наверное, различны характеры, у меня – более общительный и оптимистичный, у него – более мрачный и желчный. Возможно, сказывается художественная установка его книги: уж если сводить счеты с режимом (и в самом деле отвратительным), то сосредоточенно. Но мне кажется, что очень многое определено местом последних лет его творчества. Брат (прежде всего ради детей и следом за ними) эмигрировал, я – нет. Молодые быстро находят себя в новой среде (если, конечно, подготовлены к этому: знание языков, толерантность, отличное владение специальностью, готовность трудиться). Старикам, как бы они ни были готовы к жизни за рубежом и благоустроены на новом месте, по-настоящему себя там уже не найти. Переселившись полностью и отрезав все пути возвращения, они живут прошлым, живут интересами своей старой родины, и чем более активны они были на родине, тем грустнее им на новом месте.

Как бы мне ни было трудно на родине (несть пророка в своем отечестве), как бы много ни значило признание за рубежом,

гораздо важнее были те связи с друзьями и учениками, та вписанность в культуру, то понимание всех возможностей, которые даются только долгой жизнью в своей стране. Я бы не смог сделать и опубликовать в эмиграции те несколько десятков книг, которые у меня вышли в последние десятилетия жизни здесь. И я не встретил бы того понимания и той солидарности, которые скрашивают здесь материальную убогость нашего повседневного существования и всевластие чиновничества. А то и другое все еще чреваты настойчивыми пожеланиями написать диссертацию «для хорошего человека».

Тут я вполне солидарен с братом: не писал и не напишу. Не хочу давать путевку в науку неучам, направляющим больных на «еренген» и находящих славянскую «руницу» в палеолите.

№ 20 (39), 13 октября 2009

6. Диссертации без обмана. Переписка с мастером

Дорогой Лев Самойлович!

У меня что-то бессонница, и я всю ночь читал Ваши мемуары. <…> По поводу описания защит я подумал вот о чем. Ведь я тоже функционирующий член нескольких ученых советов. То кандидатских, то докторских. И когда человека выпустили на защиту, то, полагаю я, его следует всячески поддерживать. Потому как это всего лишь бюрократическая процедура. А устраивать при этом научные дискуссии просто неуместно. И, этически, непристойно. Я бы в жизни так не поступил.

Дорогой NN,

Спасибо за внимание. <…> Что касается защит, то согласиться не могу. Дискуссия – это же суть защиты. Тогда не нужна защита вообще – присваивайте по совокупности. Продавайте степени (как сейчас и делается). Жалуйте «хорошему человечку». Но тогда науки нет. А уж коль скоро защита – защищайте свои позиции всерьез. На экзамене и на защите я неукоснительно на страже науки. Иное дело, что нужно уберечь диссертанта от недобросовестных нападок, от «организованных» провалов. Нужны честные дискуссии.

Дорогой ЛС!

Наверное, Вы совершенно правы. Наверное, я оказался сам развращен продажностью защит. Это повсеместно. Тем более что сам в этом участвую. Скажем, пишу разным людям диссертации. За деньги, разумеется. Или иные услуги социального характера. Причем я все делаю добротно. И все диссертации защищены. Но, поскольку диссертанты совершенно беспомощны в дискуссиях, то я стараюсь их не допускать. Или чтобы это носило ритуальный характер. Это я выдержу практически любую дискуссию. А они нет. Не умеют.

Я вовсе не думаю, что занимаюсь наукой. Науки, конечно же, нет. Я просто отношусь к этому более снисходительно, чем Вы. Полагаю, что если человеку нужна просто ученая степень и он склонен за это платить, то почему бы и нет? Так что, в отличие от Вас, я в диссертационном процессе вовсе не нахожусь «на страже науки». Возможно, я чрезмерно циничен. Или безнравственен. Не знаю. Но люди довольны.

Что до научных дискуссий, то ведь существуют научные конференции. И сборники научных трудов. Но это не связано прямо с аттестационным процессом.

Дорогой NN,

Вы, к сожалению, не единственный и даже не урод, без которого семья не обходится. Вы – типичны. А я хоть и атеист, но для меня вместо бога – научная истина, а наука – храм, святыня. Проводя в нее нечестивых, Вы делаете скверное дело. Это вовсе не невинная проказа. Это проказа в медицинском смысле. Ваши клиенты не только занимают в науке чужие места, не пуская в нее тех, кто в ней бы должен был быть. Они занимают в ней властные места. Они становятся в ней начальниками, руководителями. И с ними приходится воевать мне. Есть моя статья в «Троицком варианте» – «Диссертация для хорошего человека». Почитайте.

А Вы оказываетесь на полдороге между Петербургом и Махачкалой, ближе к Махачкале. Вас это не смущает? Чего стоят тогда все Ваши филиппики против местных неучей, если Вы плодите таких же? Не понимаю.

Ну что же Вы так, дорогой Лев Самойлович!

Ведь я всего лишь деньги зарабатываю. А эти люди, которым я пишу диссертации, так чем они хуже других? Меня окружает такое количество научных ничтожеств и подонков, которые таковыми стали без всякого моего участия. И имя им легион. А у Вас что – иначе? Не думаю.

По-моему, не нужно ни с кем воевать агрессивно. Разве что защищаться. Так я напложу еще какое-то количество неучей. Они очень легко растворяются в общей среде. И ничем ее не ухудшают. Хотя вряд ли улучшают.

Как утверждают мои студенты, у нас тут вообще нет интеллигенции. Что касается Вашего отношения к науке, как к храму, святыне, то мне это известно и вызывает глубочайшее уважение. Я очередной раз преклоняюсь. Но сам так не умею. Наверное, каждому свое.

Моя подруга КК, когда мы были вместе на конференции в Ж, сказала мне, что, вот, Т-в – настоящий ученый и труженик в науке. А я лишь только играюсь и забавляюсь. И ничего – стал доктором, и профессором, и завкафедрой. А кем стал Т-в? Он обычный доцент Ж-ского университета. Конечно же, он издал множество сборников отчетного характера. Но кто их читает? Это же – братские могилы. А моими книгами все зачитываются. И мне еще за это и платят. А ему не платят ничего. Мало того, он вкладывает в это свои деньги. Которых у него не густо. А у меня их сколько угодно. Так что, полагаю, что все дело в манере жить.

Деньги зарабатывать можно по-разному. Кто как умеет. Бандит и мошенник тоже всего лишь зарабатывают деньги. Причем неплохие деньги. Наверное, даже больше, чем Вы. А потом покупают у Вас диссертацию. Вместе с Вами они могут

похвастаться высокими заработками. Но ни зависти, ни уважения у меня это не вызывает. Ссылка на всех вокруг меня не трогает.

В нашем университетском театре была поставлена такая сценка – выходил на сцену человек и горестно восклицал: Ну что я могу один?! К нему присоединялся еще один, и они восклицали это вдвоем. В конце сцены по ней ходила толпа и орала хором: А что я могу один!!!

Вопрос только в том, к кому присоединиться. А это личный выбор. И по нему определяется человек.

Меня все же немного удивляет Ваша позиция. Я не бандитствую и не мошенничаю. Я же пашу, и это честный труд. И дрянь стараюсь не выпускать. Не понимаю, почему я должен этого стыдиться. Конечно же, многие люди зарабатывают большие деньги, чем я. Но мне достаточно.

У меня не так много знакомых миллионеров, но имеются. Я недавно беседовал с одним на берегу В. Так вот, ему принадлежат все супермаркеты К и Т, а также множество участков на юге страны. И я его спрашиваю: «Миша, мне просто интересно, куда ты деваешь такие сумасшедшие бабки. Я прекрасно понимаю, что наши материальные возможности несопоставимы. Вот я получаю несравнимо меньшие бабки, и не знаю, куда их девать. А ты куда их деваешь?» На что он мне ответил: «Это потому, что ты не покупаешь всякую х…ю. А я покупаю».

Вопрос в том, какую продукцию выпускает Ваш «честный труд». Производитель наркотиков тоже пашет, но его почему-то за это преследуют. И тех, кто сбывает оружие бандитам. Делать диссертацию для дяди – это сбывать оружие бандиту, как Вы этого не понимаете? Просто не хотите понять, потому что Вам это удобно. Вы утешаете себя тем, что оно может попасть и не к бандиту. Может. Может и вовсе сломаться по дороге – случайно. Но предназначено оно бандиту. Нечестному человеку. Потому что честный не станет претендовать на фальшивый диплом. Вы промышляете фальшивыми дипломами в ином формате. Которые не только вооружают мошенников, но и обесценивают мой диплом, честно заработанный. Как я могу к этому относиться?

Дорогой ЛС!

Я совершенно не считаю, что халтура – это та работа, которую следует недобротно производить. Я ведь все же профессионал. И знаю свое дело. Все мои диссертации в советах идут на ура. И я их честно вырабатываю. И что-то бандиты не попадались. Может быть, мне просто везет.

Все мои соискатели, обретя ученые степени, действительно получили дополнительные возможности сделать карьеру. И делают ее. Скажем, последняя моя подзащитная из Ш, защитилась

у нас, вернулась в Ш, сожрала свою заведующую кафедрой, и сама ею стала. А мне-то что? Жалко, что ли? Очень симпатичная девушка. Я ей написал великолепную диссертацию о (том-то и том-то). Все говорят, что великолепная. А мне она еще за это и заплатила. Она ведь честно заработала свой диплом. Просто заплатила, как Вы не понимаете: за-пла-ти-ла.

Что до Вашего огорчения по поводу обесценивания Вашего диплома, то оно, по-моему, не вполне уместно. Вы – великий ученый, это общеизвестно. Все Ваши работы блистательны. И никто и никогда у Вас этого не отнимет. Это же очевидно.

Что же Вы сравниваете свои работы с этими людьми, которые, по-моему, слабо понимают, какую работу они защищают. Они, скорее всего, скоро забудут, на какую тему они защищали диссертации.

И еще одно соображение. Не считаете ли Вы, что это скопище кпссэшников, которые девальвировали нашу науку очень надолго и до сих пор продолжают пребывать на руководящих должностях, не обесценивают наши с Вами докторские дипломы. Конечно же, обесценивают. Но мы же были бессильны противостоять этому явлению. Как бессильны и сейчас.

Поэтому мне это действительно удобно. И выгодно. Просто я приспособился к тому обществу, в котором живу. Кстати, искусством писать диссертации, практически на любые темы, в моем городе, кроме меня, мало кто обладает.

Вы же сами себя опровергаете. «Заплатила» – Вы считаете это и есть «честно заработать свой диплом». «Сожрала свою заведующую и сама ею стала» – это и есть Ваш результат. Вам это симпатично, потому что Вы в этом соучаствовали. Как это выглядит со стороны «съеденной» заведующей и с других сторон – Вам наплевать. Вы действительно адаптировались к воровской (коррупционной) системе, то есть включились в нее. Я был в лагере, как Вы знаете. У меня была возможность адаптироваться, включиться в систему, стать одним из тех, с кем я сидел. Я ушел неадаптированным. Предпочитаю те части системы, которые вокруг меня, адаптировать к себе.

В сталинском обществе адаптироваться – означало научиться доносить, сажать, славить вождя и получать свою пайку. В нынешнем обществе пока требования помягче, но того же рода. Адаптироваться? Нет уж. Вы хвастаетесь тем, что мало кто обладает искусством так писать поддельные диссертации, как Вы. Среди изготовителей фальшивых дипломов и других документов есть, наверное, тоже несравненные мастера. Разницы между Вами не вижу.

Ну вот, ЛС, а Вы в свое время утверждали, что нам не о чем

говорить. А оказалось, что очень даже есть. Конечно же, Вы правы. Практически во всем. Но все-таки у меня есть легкое возражение. Я не пишу плохие диссертации. И очень стараюсь, чтобы они были хорошими. Или хотя бы сносными. По-моему, это и есть приличное научное поведение. И Вы тоже себе немного противоречите. Ведь я тоже адаптировал часть системы к себе.

Единственное, что меня оправдывает в собственных глазах, – это то, что я лишь помог многим людям устроиться в жизни. Как они этим распорядились – меня, в сущности, не спрашивали. И я не могу на это влиять. Я не убежден, что они в результате моей помощи сожрали более достойных людей, чем они сами. Ведь я же не могу контролировать эти процессы. И даже не считаю нужным. Не одни, так другие. Мне-то что? Меня это не касается.

Кстати, у меня возникло ощущение, что моя интеллектуальная аура на них действует. Вот мой предпоследний выкормыш, СВ, стал директором (того-то и того-то). А также доцентом университета. И превосходным преподавателем. Все его хвалят. Студенты его обожают. Так что же я сделал дурного?

Так и та, которая «сожрала» свою бывшую заведующую, является отличным преподавателем. Это не мое мнение, а мнение ее студентов и коллег. В связи с этими мыслями я вспомнил о Поджо Браччолини. Он изготовлял фальшивки, как Вы знаете, для разных дворов Европы. И, ничего, брали. Причем за немалые деньги. И были весьма довольны.

Что Вы помогли устроиться в жизни многим, несомненно. Только кому? Я сомневаюсь в том, что человек, воспользовавшийся чужой диссертацией, будет хорошим преподавателем. Это Вы его видите таким, Вам так приятнее. Он жулик, а не профессор и не учитель. Причем жулик, утвердившийся в своем убеждении, что так и надо. Этому и будет учить других. Коррупция будет шириться – с Вашей помощью. Вы входите в науку (или околонаучную тусовку) во главе команды Ваших питомцев-жуликов. Вас это не смущает. Вам это даже нравится. Вы этим похваляетесь. Это лишь показатель того, насколько ненормальна общая ситуация в нашей науке.

Поджо Браччолини вошел в историю как знаток, но презираемый знаток.

Вы правы. Оказалось, есть, о чем поговорить, и разговор получился общеинтересный. Готовы ли Вы обнародовать эту нашу переписку?

Вы, знаете, дорогой ЛС, я просмотрел нашу переписку. И мне стало за себя стыдно. Конечно же, содеянного не вернешь. Но я категорически не намерен это далее продолжать. И даже думать на эту тему. Я не напишу более ни единой диссертации за деньги.

Тем более что сейчас живу в относительном достатке. Единственное что. Все мои соискатели получили, конечно же, ученые степени, но научными результатами воспользоваться сами не в состоянии. Да они и не собираются. Все это уже спущено в сортир. Так что Ваша тревога преувеличена. В данном случае.

Дорогой Лев Самойлович!

Мне позвонила девушка из Д. и просила написать ей диссертацию. <…> А я под влиянием нашей переписки взял и отказался. Я же ведь обещал Вам, что никогда в жизни не буду писать диссертации за деньги. А я все же человек слова. По крайней мере, таковым себя мню. Тем более пока есть на что жить.

Таких соблазнов будет много. По одному-двум нельзя судить. Это как отказ от водки: уже не пью полдня…

Переписку приняли в «ТрВ». Единственное возражение: не верят, что она подлинная. Что подвиги истинные. Подозревают, что либо я Вас выдумал, либо Вы прихвастнули. То есть что Вы, дорогой NN, классический фанфарон, возводящий на себя напраслину из молодечества.

Мне не совсем ясно, что их смущает. Наверное, у них была другая жизнь. А у меня – такая. Быть может, в чем-то и прихвастнул в своих речах, но, клянусь, не выдумал ничего особенного. Жизнь есть жизнь. У меня она оказалась такой. Никакой напраслины я на себя не возвожу. И никакого фанфаронства.

Вот во что они абсолютно не верят, это что Вы устыдились надолго и действительно забросили это дело.

Насчет неверия в то, что я совсем забросил это дело здесь, они, наверное, правы. В моем возрасте привычки уже менять трудно. Если вообще возможно. Сейчас я отказался от д-й халтурки. От приступа стыда, а отчасти от лени. Тем более что мне сейчас есть на что жить. Так что, если будут поступать заказы и мне станет скучно, то почему бы и не поработать.

Вы будете очень смеяться, дорогой Лев Самойлович!

Но мне поступило еще одно предложение. Из П. И я не устоял. Мне это напомнило старинный анекдот. Человек стоит и писает посреди улицы. К нему подходит мент и говорит: «Спрячь и перестань». А тот на это: «Спрятал. Но не перестал».

Это про меня.

Я обещал своему корреспонденту не называть его имени и изменить названия городов и местностей. От разоблачения нескольких фальшивых диссертаций действительно мало что изменится. Их тысячи. А ведь есть еще и просто купленные дипломы всех видов. Полно объявлений в Интернете о продаже. Нужно думать, как поставить общий заслон всем купленным

диссертациям. Когда диссертант – не автор. И как сделать писание диссертаций «для хорошего человека» невыгодным для ученого-автора. О чести и совести, по-видимому, нет смысла говорить – это для другой эпохи.

№ 16 (60), 17–31 августа 2010

О диссертациях без обмана

В обсуждении статьи Л.С. Клейна «Диссертации без обмана» появилось следующее письмо М. Елиферовой:

«Я очень уважаю Л.С., и мне созвучно все, что им сказано, но, по-моему, его оппонент – лицо, не существующее в природе. Либо Л.С. выдает воображаемого собеседника за реального, а литературный фельетон – за документальную переписку, либо он сам пал жертвой пародии, которую принял за реальное письмо. Письма этого анонимного господинчика – прямо протоколы Сионских мудрецов. Вот, мол, какой я гад. Я не отрицаю, что такие люди существуют. Увы, существуют. Но я не могу себе представить, чтобы они так кокетливо позировали. Халтурщики, скорее наоборот, будут надувать щеки и строить из себя подвижников науки».

Профессор Клейн на это отвечает:

«Уважаемая коллега, спасибо за поддержку. Я не посмел бы выдавать литературный фельетон за документальную переписку. Увы, мой оппонент – реальный персонаж, я его давно знаю, видел воочию (он приезжал в Питер). Он действительно профессор и зав. кафедрой в крупном научном центре. Почему он так бравирует своими художествами? На мой взгляд именно потому, что прекрасно понимает, что они его не красят, а он жаждет признания и симпатии. Строить из себя подвижника науки он может перед неискушенной публикой, но не перед коллегами. Ему нужны аплодисменты. Не удается получить их за научные открытия, так хоть за оригинальность, за откровенность, за смелость – за нахальство. И хочется подразнить чистюль (каковым он меня считает).

С другой стороны, смелости тут мало. Он понимает, что я по разным причинам не могу его выдать. Он все равно тотчас бы выкрутился, заявив, что пошутил, что это был самооговор – и я же буду в дураках. Поди докажи, что это не клевета. Но и я, и Вы понимаем, что в реальности все это так. Контора пишет. Число купленных диссертаций в наших странах (Россия и ближнее зарубежье) соизмеримо с честно сделанными.

Тогда почему я пошел на эту переписку? Именно поэтому. Чтобы понять психологию причастных, выяснить, как с этим бороться, и поделиться этим со всеми.

№ 17 (61) 31 августа 2010

7. Махинации с диссертациями и смысл жизни

Уже после публикации откровенной переписки с мастером по изготовлению диссертаций на продажу он продолжал бомбардировать меня письмами («ТрВ» № 61). Вот продолжение и, надеюсь, завершение этой переписки. Здесь есть и лесть в мой адрес, и попытки обелить себя, но постепенно беседа выходит к смыслу жизни.

Я в эту сумасшедшую жару валяюсь дома и от безделия очередной раз читаю Вашу книжку про археологическую типологию. И очередной раз восхищаюсь. Имею ведь я право Вами восхищаться? По-моему, это мое личное дело. Хотя может стать и общественным.

Так вот, интересно, Лев Самойлович. К нам на кафедру пришла диссертация, которая исполнена под руководством К-го. И я немедленно подготовил отрицательный отзыв. Послал лаборанток, чтобы его заверить. И на этом успокоился. Но я ошибся в диагностике. К-му, конечно же, следовало дать по морде. Вот я и дал. Но девушка-дессертантка-то тут при чем? Поэтому я выкрутился вот каким образом. Мы, де, рассматривали на заседании кафедры не ту диссертацию. А другую. Перепутали. Карапет ошибся. Соответствующая бумага и отправлена в институт. Правильно ли я сделал? Как Вы считаете?

Простите, я не знаю ни К-го (и в чем его вина), ни девушку, ни диссертацию, ни ситуацию. Поэтому ничего не могу сказать.

Ну, дорогой Лев Самойлович!

Он же меня (в свое время) с работы выгнал. И мне было довольно плохо. Так я, что, должен быть ему за это признателен? Конечно же, я с этим отзывом поступил импульсивно и не по-джентельменски. Но, учитывая обстоятельства, я попытался их исправить, чтобы не нанести никому никакой травмы. И, вообще, сводить счеты некрасиво. Тем более с пожилым человеком, у которого умерла жена и он остался один.

Мне даже неловко.

Попробую объяснить. На нашем заседании докторского философского совета специалист и автор книг по синергетике заявила, что с ее профессиональной точки зрения работа совершенно безграмотна. И это, черт знает, что. Я попросил слова, прекрасно понимая, что работа отвратительна. Однако был отзыв от некоего института этнологии из М. А там написано, что диссертация совершенно безграмотна. И это так. Даже

бросается в глаза. В отзыве сделано примерно 185 замечаний. Защитить такую работу не было решительно никаких шансов. Все были склонны голосовать против. Что и произошло. Председатель совета профессор Н. огорчается, но ничего поделать не может. Я решил ему помочь. Вылез на трибуну и говорю, что видел и слышал много околонаучной бредятины, но такой, как этот отзыв, не слышал никогда. Отзыв, с моей точки зрения, совершенно некомпетентен. А дальше все произошло по отработанному сценарию. Я был назначен председателем счетной комиссии, подменил бюллетени, заполнили протокол, чтобы не было более чем двух голосов против. Так оно и произошло. Девушка защитилась.

Вот так у нас наука делается. И это – правда жизни.

Вы пишете, чтобы меня подразнить? Да, конечно, если бы я был в совете, Ваши штучки бы не прошли. Более того, я принял бы все меры, чтобы Вас в совете больше не было.

Я ведь пребываю в совете, потому что очень благожелателен. И меня за это высоко ценят. Вашу позицию я прекрасно понимаю. Она с научной точки зрения совершенно справедлива. Но не до конца. И вот почему. Пребывая членом совета, я полагаю, что эти написанные идиотские диссертации при любых обстоятельствах должны быть защищены. Человек же мучился и старался. Надо же ему помочь? Как Вы думаете?

Когда вор крадет, а бандит убивает, они же очень стараются и мучаются. Надо же им помочь? Как вы думаете?

При любых обстоятельствах эти идиотские диссертации должны быть выброшены на помойку, диссертанты тоже, а сверху на них – члены совета. Я до этого дожить не надеюсь, но, чтобы дожило следующее поколение, готов сделать все, что в моих силах.

Ну, знаете ли, дорогой Лев Самойлович! Вы до этого уже дожили. И, кажется, давно. Меня окружает огромное количество научных ничтожеств, которых вовсе не я создавал. Так если я создам еще парочку им подобных, то что изменится? Люди как люди. Попадаются и приличные.

Это типичное оправдание всякого преступника (я их видел достаточно там, где я был). Множество ничтожеств создается из единиц и парочек. А создаете их Вы и Вам подобные. Каждый ссылается на то, что не он один. Приличных среди них и вас нет по определению. Потому что приличные так не мыслят и на других не ссылаются. Если изгнать из науки Вас, то, конечно, почти ничего не изменится. А если за Вами изгнать второго, то изменится чуть больше. А если это проводить последовательно, то изменится ситуация.

Но поймите меня! Я вовсе не думаю, что занимаюсь наукой в диссертационном процессе. А просто помогаю людям устроиться в жизни. Я не вижу ничего недостойного в этой позиции. Ведь я делаю людям только хорошее. Так за что же Вы меня осуждаете? Они же довольны и счастливы. И мне от этого хорошо.

Главарь банды тоже всего лишь помогает людям своей банды (кстати, «людьми» в воровской среде зовут только воров) устроиться в жизни. Он делает им одно хорошее. Они довольны и счастливы. Не без выгоды для него.

Этой ситуации не изменить. Тут такие, как Вы, просто бессильны. Они что, о науке думают? Не думаю, я уж на них нагляделся. Тем не менее наши ученые советы, типа в-го или б-го, регулярно этим занимаются. Они в этом заинтересованы из своих соображений. Мне эти соображения совершенно безразличны. Лишь бы людям было хорошо. Полагаю или надеюсь, что у Вас просто временное пессимистическое настроение. Оно завтра пройдет. А все эти диссертации завтра будут спущены в унитаз. И памяти от них не останется. А Ваши книги останутся навсегда. Так чего же еще хотеть?

Просто я разборчив, а вы – нет. Точнее вы разборчивы по-своему. «Лишь бы людям было хорошо» – я сначала думаю: каким людям. Если ворам, то я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы им было хорошо. Я хочу, чтобы им было плохо, а остальным хорошо. В этом основная разница между нами. Все дело в том, на какой стороне вы себя ощущаете. Вы – на одной, я – на другой.

Для Вас науки нет, а есть имитация науки. И Вы в ней с удовольствием участвуете. А для меня есть Наука, и она есть вне зависимости от того, что мы делаем. Не она от нас зависит, а мы оцениваемся в зависимости от того, причастны мы к ней или нет, сделаем ли мы что-то для нее или нет, запачкаемся ли мы, ввязываясь в ее искажение или имитацию.

«Все эти диссертации», конечно, «будут спущены в унитаз». Дело, однако, в том, что вместе с ними будут спущены туда же их авторы – как фальшивые, так и истинные. Вам это все равно. А мне не все равно. Я хочу, чтобы мои потомки и ученики могли мною гордиться. И чтобы мне не было за свое поведение стыдно сегодня. Чтобы никто не имел права написать мне то, что я пишу Вам.

Ну знаете ли, дорогой Лев Самойлович. Видимо, у меня такая манера жизни и поведения. Никому и никогда не следует мешать. И я не убежден, что ее следует менять. Людям же в результате же очень хорошо. И людям приятно. Ну и слава Богу. Повторяю, а что я дурного сделал?

То же самое повторял покойный Щ., который стибрил у меня

текст статьи. Клейна же от этого не убудет, говорил он. Клейн даже гордиться может, что у него крадут, а не у других. За что он на меня обозлился? Что я дурного сделал?

Если человек на N-ом десятке жизни этого не понимает (не хочет понять), то объяснять бесполезно.

Кому «очень хорошо»? Ворам и мошенникам, которым не место в науке. А Вы их проводите в науку, стелете им дорожку, приговаривая: «Не я, так другой кто-нибудь». Это всегдашнее самооправдание преступников. Нужно исходить из другого: «По крайней мере, не я. Сам не сделаю и другому помешаю». Тогда число их по крайней мере уменьшится. Это и есть моя позиция.

Ваш Щ. был облит общественным презрением. Я не могу себе представить, как человек может жить в подобном психологическом состоянии. Вот он и умер.

Видите ли, как у меня получилось. Наукой заниматься я уже, наверное, разучился. А, может, никогда и не умел. Вы ведь сами мне говорили, что как ученый я весьма поверхностный. Раз Вы так считаете, то, наверно, это и в самом деле так оно и есть. Но все же одного у меня не отнимешь. Попи. еть я умею практически перед любой аудиторией. И книжки умею писать занимательные. Людям нравится. Так что каждый делает лишь то, на что способен.

У нас прошло очередное заседание совета. Диссертация отвратительна. Но это не повод и не причина, чтобы топить диссертантку. Когда мне предложили выступить, то я выступил весьма комплиментарно с целью склонить всех членов проголосовать «за». И так оно и произошло. Мне вовсе не пришлось подтасовывать бюллетени. Все было в полном порядке. А вот Вы говорите, что меня следует вывести из совета. Так, за что же?

Вывести из совета Вас следует именно за то, что хоть «диссертация отвратительна. Но это не повод и не причина, чтобы топить диссертантку». А что тогда есть причина? Что она вам не дала? Или не заплатила? Вы и Вам подобные превратили науку в лавочку. Вот за это самое. Каждого в отдельности и всех вместе. «Попи. еть» перед аудиторией – это тоже не наука, а шутовство. Шуту же место в цирке или балагане. Или при царском дворе, где ему то ли объедки бросят, то ли на кол посадят.

У ученого, который борется за истину, есть противники и соратники. У Вас нет соратников, а есть только подельники и собутыльники.

Щ. умер во время еды. Живя, он тужил только о том, что разоблачен и нельзя ловчить и мошенничать дальше. Да, Щ. был облит общественным презрением. А чем его следовало обливать?

Вы меня заставляете думать и объясняться по поводу каждого

Вашего очередного художества, и все это весьма однообразно. И бесполезно. Это очень напоминает психологию пьяницы, который ищет собеседника, чтобы тот отговаривал его. Не затем, чтобы бросить пить, а просто психологически ему так комфортнее. Кто-то ему сострадает, заботится о его будущем, вот он вроде и бросается в очередной запой с обеспеченным тылом. А у меня много более нужных и полезных дел. А времени мало. Увольте.

Ну, Лев Самойлович, у меня же были самые добрые намерения. <…> Я никому не желаю зла. И то, что Щ. умер во время еды, у меня всего лишь может вызывать грусть. Но уважения тоже не добавляет. Потому что это было подоночное поведение. Что до моего поведения, то я никого никогда и ни в чем не обокрал. Не было ни необходимости, ни потребности. Я Вам уже говорил, что в науке вовсе не борюсь за истину. А борюсь за интересы людей.

«Самые добрые намерения» – заработать любым способом. Что тут думать? Я уже ответил.

Извините. Я очень рад, что у нас образовалась такая дружеская переписка. <…> У нас через десять дней начинается новый учебный семестр. И я начинаю его с курса археологии. И в очередной раз перечитываю Ваши «Археологические источники», чтобы подготовиться. Ничего лучшего в области археологии я в жизни не читал. Я надеюсь, что если донесу это до студентов, то будет хоть какая-то польза.

Снова о Щ. Мне просто интересно – как можно умереть во время еды. Она, что, была ядовитой?

Нет, просто остановилось сердце.

Вы что, серьезно? Не пугайте меня так. <…> Я сильно встревожен.

Да что ж тут пугаться? Обычная внезапная смерть. Он выпивал, был чересчур энергичен, не берегся, имел основания по многим поводам волноваться. Все думал, что ему остается 20 лет. А ему было за 60. Обычная история. Это даже больше среднего возраста дожития мужчин в России.

Как говорят в Одессе, умер-шмумер, лишь бы был здоров. Меня сильно встревожило Ваше сообщение об остановке сердца. Я плохо понимаю, что это такое. Надо поглядеть в Интернете. Но, независимо ни от чего, очень надеюсь, что обойдется. Я просто примеряю эту историю на себя. Я тоже очень энергичен (как выразилась одна моя приятельница, во мне больше энергии, чем в десяти Днепрогэсах), выпиваю, совершенно не берегусь, и у каждого из нас всегда найдутся основания волноваться. И мне уже тоже за 60.

Просто в возрасте после 60 (учитывая среднюю продолжительность жизни в России) нужно быть готовым к уходу

в мир иной каждый день. Завтра. Сегодня.

А я готов. Потому что мотивация к жизни утрачена. А так работать, как Вы, я не умею. Выдохся на дистанции. А чем заниматься – неясно.

Впервые за все время Вы сказали нечто серьезное. Работать, как я, совсем не трудно, если перед тобой стоят четкие цели. Все дело в целях и ценностях. Если их нет, то увещевать бесполезно.

А у меня нет целей. И так мне печально и одиноко. Жена ушла, отняв все деньги, дети не посещают. Внуков у меня нет. Живу один в огромной заброшенной квартире. Правда, с котом. Ученики порой навещают. Наверное, я всем надоел. Если честно, я растерялся в жизни.

А Вы не думаете, что именно отсутствие высоких целей и ценностей делает Вас по мере старения все менее интересным для людей? Махинации с диссертациями и прочие подобные штучки могут привлечь на время заинтересованных, а потом им хочется забыть свою связь с Вами. Наличие денег привлекает тех, кто только их и ценит. Это тоже на время. Объединяет по-настоящему и надолго высокая цель, единство ценностей. Наличие достойной референтной группы. Но ее выбирает личность.

Боюсь, что Вы правы почти во всем. Но не до конца. Конечно же, я рискую стать менее интересным людям. Но ведь я же помогаю своим аспирантам защищаться. И делаю это совершенно бесплатно. И диссертации они пишут сами. А мои диссертационные махинации уже канули в прошлое. Лекции студентам я читаю, они меня обожают. Пока. А если я перестану быть интересным, то буду продолжать лежать и читать книжки. Тоже неплохое занятие.

Сайт trv-science.ru, «Гайд-парк», рубрика «Бытие науки», 2010–2011

8. Остепененный бандит

Может ли ученый – кандидат или доктор наук – быть преступником? Не будем лукавить: увы, может. Увеличение знаний, к сожалению, не всегда коррелирует с повышением морали. Мы знаем даже медиков, проводивших смертельные опыты над живыми людьми в гитлеровских лагерях – Йозефа Менгеле, Ариберта Хайма и других. И в обычной ситуации может встретиться остепененный ученый, совершивший случайное преступление, – то муж из ревности взбеленился и, забыв о своих ученых степенях и званиях, убил жену, то человек не совладал с управлением автомобиля и наехал на прохожих, то профессор арестован за взятку… наконец, мало преследуются, но нередко совершаются чисто профессиональные преступления – плагиат, фальсификация данных.

Но есть преступления, на мой взгляд, абсолютно несовместимые с ученой степенью. Ну не бывают доктора и кандидаты наук ворами-карманниками или домушниками. Не представляю себе кандидата искусствоведения в качестве медвежатника. Невозможно, чтобы доктор математических наук выходил на разбой. Этого не может быть, просто потому что не может быть никогда.

А если такой казус произойдет, то я ни за что не поверю, что в этом человеке ученая степень и преступление органично уживаются друг с другом. Либо преступление тут приписано невиновному (что бывает), либо ученая степень присуждена неправедно – по блату или за взятку.

Случай с главарем организованной преступной группировки, проще сказать, банды в станице Кущевская, именно таков. Банда прослыла бесчисленными насилиями и убийствами, из которых убийство двенадцати человек, включая детей, было лишь вершиной айсберга. Банда огромная: кто говорит о семидесяти участниках, кто о двухстах. До суда еще далеко, но жертвы преступления – вот они, а о виновниках знало все местное население. Все знали, кто насилует их жен и дочерей, кто убивает родных, кто избивает их самих. В милиции неоднократно оседали заявления, даже заводились дела, но из вышестоящих инстанций, с административных «крыш» протягивалась мохнатая рука и вытаскивала бандитов из неприятностей.

Главарь банды Сергей Викторович Цапок, числящийся охранником в животноводческом предприятии своей матери, одновременно является депутатом районного совета, *научным сотрудником* Ростовского технологического института сервиса и

туризма и *кандидатом социологических наук*. От уголовных дел он спасался в дурдоме (получал оттуда справки о невменяемости), а между бандитскими делами, в декабре 2009 года, защитил диссертацию в Южном федеральном университете на тему «Социокультурные особенности образа жизни и ценности современного сельского жителя». То есть записал свои размышления о культуре и морали!

Степень нужна была ему как украшение, символ статуса, а может быть, и как своего рода щит – на всякий случай. Все-таки к человеку со степенью иное отношение, чем к необразованному бандиту.

Я понимаю, что ВАК найдет формулировку, как без особого шума лишить Цапка ученой степени и диплома: например, в связи с уголовным преступлением, несовместимым с высоким званием российского ученого… Нет, дорогие, это было бы слишком просто. Ведь на деле выявилось не это. Не то, что некий ученый муж Сергей Викторович Цапок сбился с пути и совершил уголовное преступление. А то, что он с самого начала был бандюга бандюгой и, несмотря на это, защитил диссертацию в ученом совете университета и получил ученую степень, которой он изначально не был достоин!

В продолжение моих статей о диссертациях и торговле ими («ТрВ» № 20 (39) от 13 октября 2009, № 16 (60) от 17 августа 2010, № 17 (61) от 31 августа 2010) я обращаюсь в ВАК с просьбой вернуться к этой диссертации и рассмотреть ее на предмет самостоятельности и достоверности. Прежде всего, рассмотреть научную деятельность диссертанта – его печатные и другие работы на данную тему, а также решить, мог ли он сам написать диссертацию? Все документы С.В. Цапка ныне в распоряжении следствия. Теперь можно рассмотреть, есть ли там черновики статей, подготовительные материалы к ним, картотека, конспекты прочитанной литературы, в том числе на иностранных языках.

Далее, нужно подробно расследовать деятельность его научного руководителя – по контролю за его диссертационной работой и руководству ею. Затем я бы обратился к его официальным оппонентам и проверил, по каким критериям они оценивали работу диссертанта и его самостоятельность. Далее, я бы обратился к внешним научным учреждениям, проверявшим эту диссертацию и давшим положительные отзывы. Наконец, я бы поставил на строжайшую проверку весь процесс прохождения диссертации через ученый совет и ВАК. Либо весь совет нужно немедленно раскассировать, либо, если у них все в порядке, если они все делали в соответствии с инструкциями, значит, не

годится вся система проверки работ и присуждения степеней.

Более того, я бы выборочно, но в массовом порядке подверг такой же проверке все другие диссертации, защищенные в этом университете, да и не только в нем. Так, наугад, но именно в массовом порядке. Особенно диссертации по социальным дисциплинам – философии, истории, социологии, культурологии…

Что это за социологические работы, какие «социокультурные особенности образа жизни» в станице Кущевской в них отражены? Какие «ценности современного сельского жителя», убивающего детей, таятся в его диссертации? Что это за кандидаты наук, если в их рядах затесался рейдер и захватчик с говорящей фамилией Цапок?! Что нам делать, если, по признанию губернатора Ткачева, в каждом районе есть своя такая банда?

Как казус Евсюкова потряс всю милицию и подталкивает власть к преобразованиям, так и многолетний бандитский феодализм в Кущевской с ее убийствами и местной вертикалью власти должен перетрясти всю систему администрации и силовых структур в нашей стране – милицию с ее управлением «Э», прокуратуру, суды, губернаторов и так далее, не исключая организацию науки. Коллеги, хотим ли мы и дальше терпеть в своих рядах Цапка и ему подобных? А их, по-видимому, немало! Особенно если взять не только откровенных бандитов, но и просто остепененных карьеристов – депутатов, чиновников и партийных бонз…

Написано в ноябре 2010, не публиковалось

9. Липовые академии

Получил я письмо на красивом официальном бланке, на котором значилось, что в ознаменование моих заслуг перед наукой я избран действительным членом Нью-Йоркской академии наук. Подождите поздравлять. Во-первых, это было шестнадцать лет тому назад. Во-вторых, я не принял этого избрания.

Нет, я не Перельман, я не обиделся на лицемерие коллег и не возгордился, почитая свои открытия выше всех наград. Я уважаю мнение научной общественности. Но награда должна быть действительно наградой, честь должна быть настоящей честью. В приложенном описании Академии я увидел, что в ней состоит несколько десятков тысяч человек. Стало быть, не самые отборные ученые. Далее, оказалось, что вступить в нее может всякий желающий, даже школьник. Кроме того, мне было предложено купить свой диплом за 40 долларов, а если с золотым обрезом и в рамке, то за 100 долларов. Кроме того, нужно платить около 130 долларов в год членских взносов, ожидаются также добровольные пожертвования на нужды Академии. Ну, умножив 130 долларов на 20 000–40 000 членов, получаем доход в 2,6–5,2 миллиона долларов. Я абсолютно уверен, что пользуется этим фондом небольшая кучка лиц (вполне возможно, что тратит их действительно на нужды науки – конференции, премии), остальные же участвуют в финансировании этой кучки в обмен на знаки престижа – звание действительного члена Академии наук и дипломы с золотыми обрезами.

Эта общественная организация была образована в 1817 году группой нью-йоркских врачей вначале как Лицей естественной истории, затем была преобразована в Академию и расширила свой состав и свои задачи, прежде всего – поддержки науки в Нью-Йорке. В ней соглашались состоять на правах почетных членов видные ученые (которые состояли во многих организациях). Позже Академия сообразила, что звонкое звание имеет собственную цену на рынке, и стала этим беззастенчиво пользоваться.

Поскольку я не был уверен, что имеет место злоупотребление финансами, то отказался от избрания вежливо, мотивируя это трудностью уплаты членских взносов в валюте. Что было правдой, так как тогда еще рубль не конвертировался свободно, а сумма в сто долларов была слишком большой для советского ученого. Но другие сочли для себя оправданным обмен такой суммы на знаки престижа, особенно потом, когда рубль стал свободно обмениваться на доллары, а несколько тысяч рублей стали

тратиться легко и свободно… Не учеными, конечно (для них и сейчас это большая сумма), а больше околонаучными деятелями, не отмеченными выдающейся научной активностью, но нередко остепененными и преуспевшими на лоне распиливания бюджета, фондов, грантов, госзаказов и т. п. Этим позарез нужны громкие звания для распахивания дверей в госучреждения, а кто там будет разбираться, какой академик бьет ногой в дверь – настоящий или липовый. Присоединились и просто мошенники, а также разнообразные фрики – лжеученые маньяки, с панацеями от всех болезней и очисткой воды от атомных загрязнений.

И вот в Воронежском университете подвизается целая группа профессоров, возглавляющих кафедры и состоящих в Нью-Йоркской академии наук: В.М. Акаткин (филология), И.И. Борисов (философия), М.Д. Карпачев (история), А.С. Кравец (философия), А.Д. Пряхин (археология), В.С. Рахманин (философия), И.С. Шаршов (экономика). Все они именуются академиками, и, надо полагать, в Нью-Йорке хорошо знакомы с их трудами. Прямо филиал американской науки в Воронеже.

Но академики из Воронежа состоят не только в этой организации. Среди них еще есть академики Международной академии наук Высшей школы (В.В. Гусев, проф., канд. наук; Я.А. Угай, проф., д-р хим. наук); Российской академии естественных наук (РАЕН) – тот же А.С. Кравец, С.Г. Кадменский и другие; Российской академии гуманитарных наук – те же Акаткин, Карпачев, Кравец, Пряхин, Рахманин, Шаршов (а Пряхин, помимо нее, состоит еще и в Международной славянской академии наук); геолог Бочаров состоит в Российской экологической академии; еще группа – в Международной академии информатизации, другие – в Академии коммерческих наук РФ, в Академии науки и практики организации производства РФ. Московский и Петербургский университеты старше Воронежского, но вряд ли могут похвастаться таким созвездием академиков!

Я взял Воронежский университет только для примера. Можно взять и многие другие.

Дело в том, что общественных академий, самодеятельных и самопровозглашенных, развелось у нас неимоверное количество. Есть Российская инженерная академия, Академия военных наук, Московская академия естествознания, Академия нелинейных наук, Международная академия информатизации. Сейчас их более сотни, в каждой – сотни академиков, во многих – более тысячи. Академии стали организовывать неоязычники и прочие секты (Академия тринитаризма). Выходят книги этих академиков с предисловиями таких же академиков.

Когда была объявлена свобода общественных организаций,

многие ученые этим воспользовались. Первым побуждением было благородное желание противопоставить закостеневшей и затронутой блатом, кумовством и коррупцией государственной Академии наук СССР негосударственные организации ученых, близкие по названию и функциям, но свободные от коррупции и государственного омертвления. Все знают, как в Академию наук проходили высшие партийные деятели, печатные труды которых ограничивались передовицами в «Правде», и обласканные властью руководители институтов, а талантливые ученые отвергались с ходу как идеологически чуждые пролетариату и партии.

Кроме того, в отличие от союзных республик российская наука не имела республиканской академии, и с распадом Союза это стало особенно очевидно – образовалась самопровозглашенная республиканская академия, которую вскоре слили со всесоюзной, серьезно понизив общий уровень академии.

В этих условиях возникли РАЕН и Российская академия гуманитарных наук. Поначалу туда вошли в основном серьезные ученые, но в суете демократического энтузиазма никто не озаботился разработкой серьезной процедуры отбора и фильтра, и очень скоро оказалось, что, не будучи связан такой процедурой, каждый из новых академиков тянул за собой своих сторонников и друзей, те – своих, и очень быстро эти организации превратились в бесформенные массы околонаучного люда, озабоченные отнюдь не научными задачами.

Среди членов РАЕН оказываются пресловутый Г.П. Грабовой, воскрешавший погибших и осужденный за мошенничество; его соратник П.П. Гаряев, основатель оккультной «теории волнового генома», утверждающий, что сотрясение воздуха речью воздействует на ДНК и что это можно использовать для исцеления больных; А.Е. Акимов и Г.И. Шипов – открыватели «торсионных полей»; В.А. Чудинов – расшифровщик русской письменности в каменном веке; В.И. Петрик – обладатель совместного со спикером Грызловым патента на нанофильтры для воды, всученного государству за колоссальную сумму в 25 триллионов рублей, но воду не очищающего, и так далее. Апофеозом, показавшим падение научного уровня РАЕН, было пожалование звания академика Рамзану Кадырову, ни в малейшей мере не прославившему себя на ниве естественных наук. И ведь никто из академиков РАЕН не сложил с себя звание академика РАЕН! [Сложил лишь один из основателей Академии Я.А. Шер.] Значит, для них не наука важна, а сами корочки, вне зависимости от их связи с научным сообществом.

«Если углубиться в историю, – говорил академик Б.В.

Раушенбах, – то когорта „бессмертных“, то есть академиков, появилась во Франции во времена Ришелье, и входили в нее в то время сорок человек. Наша Академия наук – бывшая Императорская, бывшая СССР – была создана по желанию Петра I, правда после его смерти. Надо сказать, в Российской академии во все времена, всегда старались выдерживать достойный уровень, чтобы там, по возможности, хотя бы не дураки собирались. Но дуракам-то тоже хочется стать академиками, поэтому, пользуясь нашей нынешней неразберихой, они стали образовывать свои академии на уровне ПТУ, которые я и называю „кошачьими“. Энергичные люди, понимающие, что они никогда не будут избраны в Академию из-за недостатка, скажем, серого вещества, изобрели академии естественных наук, академии неестественных наук, академии зоологии, социологии… Таким образом, они как бы все становятся академиками и подписывают документы и письма: „Академик такой-то…“, что, мягко выражаясь, вызывает улыбку, поскольку большая Академия их всерьез не принимает. Академиками могут называться только действительные члены настоящей Академии наук, а „кошачьи“ могут именовать себя действительными членами такой-то академии».

Затем академик ехидно добавляет:

«Им и самим неудобно всерьез называться академиками, но между собой они с удовольствием так друг друга величают, просто сотрясая воздух своим так называемым званием, и даже платят за то, чтобы быть „академиками“! Мы в Академии получаем зарплату, а они платят своим академиям только за то, чтобы прозвучать. Однажды мне радостно сообщили, что я избран членом какой-то „кошачьей академии“, и потребовали сто рублей за билет и за вступление. Я, естественно, ничего не заплатил и документов никаких не получил, куда уж яснее, все понятно»[50].

Это общее явление. На фоне колоссального падения уровня нашей науки и нашего высшего образования, что связано с радикальным сокращением финансирования (деньги уходят на другое) и нищенскими зарплатами научным работникам и профессорам, – у нас предпочли виртуальное «вставание с колен», на словах. Все пединституты назвали университетами, все училища – академиями, все ПТУ – лицеями и колледжами, вот и подняли науку. А почти все научные общества – конечно, Академиями наук. По числу академиков мы теперь впереди планеты всей. Да только уровень цитируемости по престижным зарубежным индексам не возрос, а, наоборот, упал до уровня африканских стран, и открытий, годных на Нобелевскую, не прибавилось. Как была горстка, так и осталась. А мировую «премию тысячелетия» по математике заслужил Григорий

Перельман, уволенный из Математического института РАН и живущий на пенсию своей матери.

Бесчисленные академии оказались липовыми в том смысле, что за принадлежностью к ним не стоит научный авторитет. Только дипломы, которые ныне можно отпечатать любого вида и в любом количестве. На мой взгляд, дело в том, что есть звания, титулы и награды, которые для обладания весом и для нормального функционирования должны быть защищены от недобросовестного копирования и подражания. Таковы звания Героя России, народного артиста, профессора, академика. Профессор есть профессор и не может быть профессора, утвержденного муниципалитетом даже очень престижного поселения, скажем, Рублевки. Профессор Рублевки – нонсенс. Академик – только тот, кто избран в большую Российскую академию наук. Отраслевые государственные академии (включая сельскохозяйственную, медицинскую, педагогическую и другие) должны предполагать титулы, которые бы резко отличались от титулов, означающих членство в большой Академии (скажем, эндо-академик или секунд-академик); все остальные академии России – вообще не академии, а научные общества. И пора им снять с себя пышные имена.

Это прекратило бы злонамеренное использование липовых дипломов, которые невозможно назвать мошенничеством только потому, что они действительно выданы официально зарегистрированными академиями. Мошенничество здесь замаскировано – оно состоит в самом существовании научных обществ, провозгласивших себя академиями и приравнявших себя тем самым к государственному учреждению, поскольку оно обладает по традиции большим престижем в нашей стране и гарантирует высокий научный ранг приобщенных.

Стоя в длинном коридоре Петербургского университета, уставленном книжными шкафами и памятными изображениями ученых, смотрю и не могу припомнить, кто из них был академиком, кто не был. И скажу в утешение членам дезавуированных академий: важно быть ученым, академиком быть не обязательно. Я как-нибудь переживу, что не стал академиком. Менделеев не был академиком – прокатывали на выборах. И Пропп не был академиком. И Дьяконов не был. Предоставим потомкам решать, кто из нас какого ранга. Кому статую в университетском коридоре, кому бюстик, кому портрет маслом, а кому – забвение. Боюсь, что от последнего не спасет самая пышная коллекция академических титулов.

10. Под оксфордской мантией

У меня давние связи с Оксфордским университетом. Я туда ездил, там преподавали мои британские друзья. Среди моих книг есть изданные в Оксфорде, и сейчас Оксфордский университет выпускает перевод моей книги. Пышных торжественных мантий Оксфордского университета мне не довелось наблюдать. То есть мантий я видел много, там на всех заседаниях и трапезах все в мантиях, но повседневных, черных, из тонкой ткани. А цветные бархатные надеваются только в торжественных оказиях.

Не беда. Их можно увидеть и дома, в Питере. Тут есть виднейшие научные авторитеты, обладающие не только докторскими мантиями Оксфорда, но и титулами, которые Оксфорду и не снились.

Я познакомился с этой возможностью, когда в руки мои случайно попал крупный научный журнал – Вестник Международной академии № 1а (43а) за январь 2010 года, приложение к Межакадемическому информационному бюллетеню «Международная академия», специальный выпуск НИИ Астробиологических проблем и космической безопасности в составе МАИСУ – Международной академии информации, связи, управления в технике, природе, обществе. На с. 3 во весь лист цветной портрет Президента Академии Боровкова Евгения Измайловича, доктора технических наук, профессора, Заслуженного Создателя и испытателя космической техники.

Значительную часть выпуска занимает описание поездки академиков из Петербурга в Казахстан, где они раздавали титулы и звания дружественным казахским ученым. В числе делегатов Солдатенков Юрий Владимирович, гранд-доктор (!) по направлению «Информационные системы и технологии, профессор и завкафедрой МУФО (Международного университета фундаментального образования), Тюрин Владимир Иванович – «полный профессор» в экономике и управлении и «другие официальные лица».

Следуют радостные описания роскошного приема, оказанного казахскими коллегами петербургским академикам, к ним прилагается большая серия цветных фотоснимков, на которых показаны культурная программа (танцовщицы, домбристы) и, конечно, вручение мантий и дипломов. Мантии и головные уборы оксфордские, потому что МУФО декларирует себя как университет, принадлежащий к «оксфордской образовательной сети», а среди академий, титулами которых щеголяют академики МАСУ, есть еще и МАЕН – Международная академия

естественных наук, родственная той РАЕН, что присвоила звание академика светочу науки Рамзану Кадырову, но прописанная в Ганновере.

В Казахстане аттестат доктора философии в области международной безопасности, профессора и академика МАИСУ вручен Касимову Казакбаю Таштемировичу, радушно принимавшему дорогих гостей. В «Слове об ученом» говорится, что он прошел трудовой путь от рабочего-строителя и водителя автомобиля до директора коммерческой фирмы «Аслан». Он член Ассамблеи народов Казахстана и доверенное лицо Назарбаева на выборах. Международную безопасность тут как-то можно приплести (доверенное лицо, возможно, иногда видит Назарбаева), но уж космическая безопасность как-то повисает в космосе. Такие же диплом и мантия, но в области истории и культурологии, вручены сыну писателя Мухтара Ауэзова Мурату Мухтаровичу, главному редактору «Казахфильма». Диплом доктора философии получила также Рысты Атабекова, директор сельской школы и редактор местной газеты, окончившая факультет пропагандистских кадров университета марксизма-ленинизма.

Солдатенков рассказал казахским коллегам о предложенной им новой науке – структурологии. «Предлагается универсальный метод превращения линейной последовательности абзацев текста в двумерную (многомерную) структуру либо иерархическую, либо тетраэдрическую; структура может стать единственной для данной проблемы, либо она становится головной, а другие структуры, раскрывающие более подробно части (аспекты, области…) главной структуры, являются вспомогательными, и их число зависит от необходимой степени основной проблемы. <… > Этот метод является способом познания мира»[51]. Что по сравнению с этим глобальным открытием обнаружение бозона Хиггса!

В выпуске представлен и не ездивший в Казахстан «автор философско-культурологических концепций доктор психологии, профессор МУФО и Оксфордской образовательной сети» Лебедько Владислав Евгеньевич. Он учился в ЛИТМО и на психфаке Петербургского университета, а затем занялся «мифологическим сознанием», «постструктурной алхимией», «драматургией и режиссурой жизненного пути» и его наиболее весомым научным достижением является создание «Магического театра – методологии создания души». Он получил титул гранд-доктора философии.

Вот он:

Межправительственный Высший Ученый Совет

Международный Университет Фундаментального Обучения

Оксфордская образовательная сеть

Международный Парламент Безопасности и Мира

ДИПЛОМ ГРАНД ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ

GPD No. 10 03 00404

Настоящим удостоверяется, что Ректор Университета по рекомендации факультета и Межправительственного Высшего Ученого Совета присуждает

ЛЕБЕДЬКО ВЛАДИСЛАВУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ,

который удовлетворяет всем требованиям, предписанным Университетом, степень

ГРАНД ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ

в области «психологии и культурологии»

Со всеми преимуществами и наградами, имеющими отношение к этому. В доказательство этого нижеподписавшиеся поставили свои имена и приложили официальную печать заведения 22 марта 2010 года

(протокол № 20–024)

Председатель (подпись) Академический секретарь (подпись)

На всех документах подписи президента Е.И. Боровкова и научного эксперта профессора Н.А Несмеянова, «автора двух открытий и двух научных гипотез». С научным творчеством Боровкова тоже можно познакомиться на страницах выпуска.

На с. 55–67 помещена его статья «Альтернативная теория квантовой концепции космической безопасности и оптический критерий землеподобности, как важнейшие механизмы для создания благоприятной среды и направленности сохранения генофонда человеческой цивилизации». Статья изобилует формулами и графиками, в которых я предоставляю разбираться редактору «ТрВ» Борису Штерну, а я как завзятый гуманитарий мог только понять, что черные дыры хотя и далековаты от нас, но воздействуют на Землю, Марс и другие планеты, что Солнце связано с Землей исключительной оптической связью, что для управления живой материей Природа позаботилась о генерации оптического диапазона частот в Космосе, что жизнь возникла на Земле в результате Вселенского эксперимента. Я только не понял, кто проводил эксперимент – Бог или инопланетяне.

Ну, с Боровковым мне все стало ясно из его интервью журналистке Ларисе Бочановой, ярой защитнице Грабового, в

апреле – мае 2007 года. На вопрос о том, как он заинтересовался космической безопасностью, Евгений Измайлович ответил:

«Интерес пришел неслучайно. Почему? Потому что, как это ни банально звучит, но это была подсказка из Космоса заниматься этой проблемой. А к Космосу я действительно подключен с 9 лет, мы жили в Фергане, меня воспитывала бабушка. В детстве я занимался фотолюбительством, любил делать фотографии, и всегда старался, чтобы у меня все растворы, проявители, закрепители находились в хороших бутылочках, с хорошими пробочками. И вот один раз я выточил такую красивую пробочку из дерева и решил загнать ее в бутылку, она зашла в бутылку, но разломила ее пополам, и вот одна из половинок так вонзилась мне в руку, что большой палец был вообще отрезан, держался на кожице.

И тут я слышу голос, как будто мне кто на ухо говорит: „Скажи бабушке, чтобы она купила 3 кг орехов и палец через три дня заживет“. Бабушка, увидев мой палец, была в ужасе, а ей говорю: „ты не волнуйся, мне из космоса сказали, что палец заживет“. Бабушка купила ровно 3 кг орехов, в Фергане рынков много, орехов – тьма. Бабушка послушалась, купила орехи, я их съел, и палец зажил. Хотите верьте, хотите нет. И вот с этого времени у меня установилась связь с Космосом, и она продолжается на протяжении всей моей жизни. Иногда мне даже формулы подсказывают…

Корр. Как Вы думаете, это удел избранных такую связь иметь?

Евгений Измайлович. Я думаю, это связь пришла от экстремальных условий моего детства. Меня воспитывала неграмотная мать, а бабушка вообще писать не умела. Потому что существует научно доказанный факт, что в экстремальных условиях может восстановиться здоровье, какие-то новые способности человек приобретает, а у меня вот так получилось…

Корр. Удивительно! <…> Кстати, и что это за голос такой?

Евгений Измайлович. Голос такой, ни женский и ни мужской, нет аналога этого, может быть какой-то металлический».

Академия действует и в 2012 году. Ее труды и информацию о ней можно найти в Интернете.

Вся эта страсть укрывать под иностранной мантией свое убожество проявляется у нас постоянно – не только в таких клинических случаях. А как мы ищем дорогущих легионеров и заграничного тренера для нашего футбола, а потом с треском продуваем грекам. Как мы строим громадный мост на ничтожный островок, чтобы один раз принять там иностранных гостей с Востока и они ахнули при виде нашего богатства и расточительства. Этой мантией прикроем рухнувшие плотины и

нищее население. А наша аргументация по поводу закона об НКО – принимаем, мол, его в подражание американцам – мантия как у них, только там совсем другой закон…

Друзьям из Оксфорда хочу подарить этот выпуск, да все не решаюсь. Стыдно.

№ 14 (108), 17 шюля 2012

11. О светилах и «неграх»

В предыдущем номере «ТрВ», 4 (48), в своей колонке я поместил заметку о своем «золотом времени», растраченном на рутинную работу (от сверки цитат до уборки картошки), которую более экономично было бы поручать менее квалифицированным работникам. По этому поводу в ЖЖ сразу же прочел отклик ростовского коллеги, скрывшегося за ником torvard. Вероятно, я понадеялся на общепонятность проблемы и изложил свою мысль слишком сжато, скороговоркой. Отклик этот столь важен и, вероятно, типичен, что я считаю необходимым придать ему более широкое звучание и разъяснить свою позицию подробнее.

У коллеги моя мысль «в целом возражений не вызывает», но один пассаж послужил поводом для подробного критического разбора. Это тот фрагмент, где идет речь о необходимости избавления ученого от рутинной работы – такой, «где не нужны мои знания, способности и опыт. Где нужно просто образование, а лучше – хорошее профессиональное образование и желательно – знание языков [для того, чтобы] сходить в библиотеки, сделать выписки, сверить цитаты, справиться о наличии заданных фактов в литературе, отыскать и купить указанные книги, списаться с учреждениями, рассчитать по заданным формулам нужные параметры, сканировать тексты и рисунки и так далее».

На это мой коллега возражает: «если все отмеченное мною не есть научная работа, которой в общем и должен заниматься исследователь вне зависимости от степени своей „светильности“, то что же остается на долю корифея и гиганта мысли? Генерация идей в самом общем виде, выдвижение смелых и теоретически масштабных гипотез, проверка которых перекладывается на плечи исполнительных помощников?»

Мой коллега заподозрил меня в том, что я так и работаю: «Эта заметка Л.С. Клейна вообще открыла мне глаза. Я раньше думал, что использованием „негров“ в основном балуются Фоменко и Ко, однако ж вот получается, что и вполне уважаемые исследователи имеют своих „полунегров“. Чем видимо и объясняется их, с одной стороны, плодовитость, а с другой – мягко говоря, неоднозначность результатов».

Другой участник интернет-дискуссии, sverk, заметил: «М-да, хорошо сказано. Л.С., полагаю, тут открытым текстом озвучил то, что в среде наших „научных светил“ давно уже стало едва ли не нормой». На что torvard замечает: «Судя по результатам, Лев Самуилович освоил эту практику особенно интенсивно» и ссылается на мою «невероятную плодовитость… в самых разных

областях».

Ясно, что оба автора этих высказываний не петербуржцы. Потому что археологи-петербуржцы хорошо знают, что я работал и работаю один. Сам. Не обладая никаким административным ресурсом. Все решительно вклады моих учеников в мои книги ОТМЕЧЕНЫ в этих книгах и помещены ПОД ИХ ИМЕНАМИ (см., например, мою «Археологическую типологию»). У многих из них это их ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ. И мое имя к ним НЕ ПРИПИСАНО – нет ни одного такого случая. В нескольких случаях мне помогли со сканированием и с поисками иллюстраций (и это все отмечено, поименно). Я выражал тоску по освобождению от рутинной работы, но делать ее мне приходилось в основном (за исключением отмеченного) самому.

Что касается операций, которые я считал бы возможным поручить секретарю, если бы он у меня был, то недоумение моих оппонентов вызывают: розыски в библиографии, выписки в библиотеках по заданным темам, сверки цитат и ссылок, справки о наличии неких фактов в литературе. Во-первых, секретарь может напутать, во-вторых, что же остается от научной работы на долю самого мэтра? Отвечаю. Секретаря, способного напутать, не нужно брать в секретари. А научного работника, для которого работа сводится именно к этим операциям, не нужно считать ученым. Потому что ученый должен разобраться в состоянии изученности материала, определить суть проблемы, найти подходящие методы решения, выдвинуть плодотворные гипотезы, наладить их разумную проверку и так далее. Тот гуманитарий, который в основном творчески переделывает старые тексты, – не ученый, а литератор.

Особую иронию и даже испуг вызывает у моих оппонентов поручение рассчитать по заданным формулам нужные параметры. Испуг завзятых гуманитариев понятен. Но я ведь не считаю археологию чисто гуманитарной дисциплиной. К тому же если я выбрал формулы и определил материал, то считать – сугубо рутинная работа.

«Видимо, наиболее „развесистые“ моменты „Анатомии Илиады“ как раз и объясняются склонностью ее автора перекладывать на помощников столь важные вещи», – пишет torvard. Когда я писал «Анатомию Илиады» (1980-е, опубликована в 1998-м), я был только-только выпущен из тюрьмы, и вокруг не было никого, не говоря уж о помощниках. Сотни тысяч вычислений в этой и других работах я проделал сам, когда компьютеров у нас еще не было. В своем критицизме мои оппоненты опираются на негативную рецензию Цымбурского и Файера на эту книгу, напечатанную в «Вестнике древней истории»

(2002, № 1, она очень популярна), где эти историки, совершенно не понимающие законов статистики, указывали, что, применив те же методы к избранному ими случаю, не получили моих результатов. Так примените их к другим явлениям, это же статистика! Я нащупал, вы – нет. Когда эта рецензия была напечатана, я был тяжело болен, но выздоровев, написал ответ, напечатанный в том же «Вестнике древней истории» (2004, № 3), – почитать бы его моим оппонентам!

Надо бы объяснить, что позволяет мне быть «невероятно» продуктивным в своей работе. Да это очень просто. Во-первых, я трудоголик, всегда много работал – не пил, не вел пустые разговоры «за жизнь». Во-вторых, организованность и навык – я споро работаю. В-третьих, долгая жизнь – наработано много. Моя личная картотека – 180 000 карточек (это не только выписки, но и факты, идеи, зарисовки). Плюс знание языков – мне ж не надо переводить, я читаю. Ну, где-нибудь тут, наверное, и талант примешался.

Во всем этом нагромождении конфликтных идей есть две крайности. Одна – использование «негров», делающих научную и литературную работу за сотрудника, обычно занимающего административный пост. Как я уже сказал, у меня никогда не было ни «негров», ни «полу-негров», ни «четверть-негров». Но практика эта у нас широко распространена и распространяется не только на отношения начальства с подчиненными. Нередко, наоборот, научный руководитель пишет диссертацию за своего аспиранта – потому что тот неспособен, но нужно его «остепенить», а то и деньги вмешиваются.

Другая крайность – талантливые и опытные ученые, которым сам бог велел делать открытия и раздавать другим плодотворные идеи, заняты рутинной работой – от громоздкой документации вплоть до уборки помещений. Между тем известно, что небольшая горстка талантов в сущности определяет движение всей науки.

К сожалению, в нашей стране обе эти крайности, оба уклона действуют одновременно.

А нормальное развитие науки, при котором первый уклон заблокирован этикой, а второй – экономикой, остается чем-то, чему мы дивимся за бугром.

№ 5 (49), 16 марта 2010

12. Два скандала в археологии

Скандалы в нашей археологии не так уж часто встречаются, особенно крупные. Я решил рассказать о двух схожих потому, что тот факт, что они разгорелись именно в отечественной археологии, – случайность: они могли вспыхнуть в любой другой науке в нашей стране. Поэтому они должны быть интересны всем.

Роман и гибель Чайлда

Первый произошел в 1956 году. В его центре был крупнейший британский археолог Гордон Чайлд, можно сказать лидер британской археологии, чрезвычайно влиятельный в мире. Этот археолог придерживался марксистских убеждений и был большим другом Советского Союза. Правда, его марксизм отличался от советского, был более либеральным. Трижды он приезжал в Советский Союз, перенимал опыт советских археологов, писал статьи о достижениях советских археологов, радовался признакам демократизации, которые он улавливал в советской жизни. Словом, жизнь его напоминала рыцарский роман, в котором роль возлюбленной исполняла советская археология. Рыцарь был предан идеалам и влюблен и не замечал, что его Дульцинея груба, лжива, цинична, расчетлива и полна необоснованных претензий. При таких условиях роман не мог оказаться счастливым. Большим ударом для Чайлда было разоблачение учения академика Марра как антимарксистского, еще большим – доклад Хрущева о культе личности Сталина. После этого он приехал в СССР в четвертый раз. Посетил Москву, Ленинград и уехал. А вернувшись в Лондон, написал виднейшим советским археологам – Рыбакову, Арциховскому, Артамонову и другим одно и то же горькое письмо о своем разочаровании состоянием советской науки: о плохой методике раскопок, о технической отсталости лабораторий по сравнению с Европой, о скверном уровне публикаций, о бездоказательности хронологических схем и так далее.

Получив это письмо, завкафедрой археологии Московского университета профессор А.В. Арциховский пришел в партбюро, держа конверт за уголок, чтобы не оставить отпечатки пальцев, и сказал: «Возьмите, мне оно не нужно. Вероятно, его вынудили…» Письмо получили и другие ученые. Устроили заседание партбюро Института археологии Академии наук и решили на письмо не реагировать. Гласности его не предавать.

А Чайлд, сложив с себя должность директора Института археологии Лондонского университета, отправился на свою родину в Австралию и там спрыгнул с 70-метровой скалы. Только

его очки остались лежать на уступе. Своему преемнику он оставил прощальное письмо для коллег, в котором писал о своей неудовлетворенности состоянием дел и о решении уйти из жизни.

Письмо его, скопированное некоторыми участниками совещания, тайно разошлось по рукам, и его читали многие молодые советские археологи. И понимали, что все громкие декларации о превосходстве советской науки – показуха.

Формозов примеряет доспехи Чайлда

Через полтора десятилетия, в конце 1972 года, московский археолог Александр Формозов, сын профессора зоологии, обратился к академику Рыбакову, главе советской археологии, с запиской о скверном состоянии нашей первобытной археологии. Рыбаков поставил ее на официальное обсуждение на открытом заседании ученого совета, и совет вынес решение, что все хорошо и никаких реформ не требуется. Завершая заседание, Рыбаков похлопал Формозова по плечу и сказал: «Вам нужно выйти на защиту докторской, Александр Александрович», – то есть свел это все к личному недовольству Формозова своим положением.

Между тем перестройка внесла коррективы в привычку молчать и повиноваться. Я, к тому времени выпущенный из тюрьмы и не работавший, получил возможности выезда за рубеж на преподавание и, взяв с собой имевшийся у меня список письма Чайлда, зачитал его в Лондоне на своем докладе о несчастливом романе Чайлда с советской археологией. Англичане, свято относившиеся ко всему вышедшему из-под пера Чайлда, решили сделать полную публикацию этого письма. Журнал «Российская археология», узнав об этом, поспешил опубликовать русский текст первым. Так письмо Чайлда стало общим достоянием.

Между тем я со своими учениками выпустил на английском языке в 1982 году критический обзор советской археологии (в журнале World Archeology), а в 1993 году на его основе издал на русском языке книгу «Феномен советской археологии», весьма критическую (она переведена в Испании и Германии, сейчас вышла в Англии). Формозов получил заказ «Российской археологии» на рецензию. Руководство, зная скептический и задиристый нрав Формозова, ожидало получить разгромную рецензию. Формозов написал почти разгромную рецензию (1995), но ее главным тезисом был тот, что Клейн оказался недостаточно критичен. По мнению Формозова, я недостаточно остро критиковал зло, причиненное археологии марксизмом и советской властью (я действительно отмечал и некоторые достижения советской археологии).

Аристия Формозова

Сам Формозов в десятилетие между 1995 и 2005 годами

разразился серией книжек об истинном состоянии советской и постсоветской археологии. Из этих книжек главными являются две: «Русские археологи при тоталитарном режиме» (2004) и «Человек и наука. Записки археолога» (2005). В них он поднял вопросы этики ученых, показав, что советская власть обескровила науку, убив и выбросив лучших, а прочих развратила, сделав трусливыми и угодливыми.

И вот тут вспыхнул второй скандал, гораздо более громкий. Потому что Формозов не просто сформулировал ряд абстрактных истин о морали и аморальности ученых, а разобрал все это на конкретных примерах, называя поименно всех конкретных участников, включая самых маститых – академиков, директоров институтов, начальников экспедиций, заведующих кафедрами, всех. Сражаясь против всех (в греческом эпосе такая битва называется аристией), он обвинил многих в некомпетентности, бездарности, сервильности, беспринципности, подтасовках, фальсификациях, пьянстве, растратах, кумовстве, плагиате и так далее. Названы имена академиков Рыбакова («хама и самодура»), Окладникова, Деревянко, Молодина, профессоров Бадера, Крайнова, Герасимова, Киселева, Бернштама, Борисковского, не говоря уж о таких разоблаченных мошенниках, как Матюшин (глава Российского археологического общества) или Будько и Тимофеев. Немедленно головной археологический журнал ответил целым залпом статей с опровержениями – пять в одном номере (Российская археология. 2006. № 3)! Причем журнал заведомо оповестил, что ответа Формозова печатать не будет.

С тех пор журнал молчит о Формозове. Но в рецензиях историков и в блогах общественное мнение на стороне Формозова: наконец-то нашелся один, кто посмел сказать то, что давно нужно было сказать! А 80-летний Формозов умер в январе 2009 года от тяжелой болезни. Остались еще написанные им мемуары, где он наверняка сказал все, что думает обо всех. Они еще выйдут… [теперь уже вышли[52]].

В своих опровержениях известные археологи возмущаются искренне, и нередко их основания убедительны. Формозов частенько судил субъективно, не все указывал точно и не все подтверждал документально, кое в чем основывался на слухах и догадках. Так он писал, что в 1930-е годы, «кажется», археолог Кричевский донес на коллег. Его оппоненты возмущаются: в таких делах нельзя обвинять по догадкам! Ну, мне все старые археологи говорили, что Кричевский был стукачом. Супруга его С.И. Капошина сама хвасталась мне (угрожая в 1962 году), что многих посадила. Но действительно, это лишь слухи и разговоры. Нужны документы, а они далеко не все доступны. Не сомневаюсь, что

целый ряд коллег получил от Формозова щелчок по носу, а то и оплеуху, попросту, зря.

Сужу по себе. Я был с Формозовым в приятельских отношениях 60 лет. Мы окончили университеты в один год (1951): я Ленинградский, он – Московский. Встречались в экспедициях и на конференциях, переписывались. У нас были общие цели и общие недруги. Его отзывы обо мне зависели от перипетий наших личных отношений. Пока все хорошо – отзывы положительные. Обидится он за что-либо – в моих работах тотчас находятся темные пятна. И в печати есть его разные отзывы обо мне.

Но мое недовольство конкретными отзывами не должно заслонять в моем сознании тот факт, что в целом его книги очень нужны и важны, что конкретные факты можно и нужно поправить, а в общем картина слабостей и бедствий нашей науки написана ярко и верно. Это видят все – мы же не с Марса прилетели.

Слово и дело!

Формозов выступал страстно, колоритно, чересчур субъективно и бесконечно наивно. Он полагал, что сказать правду – это основное, что можно сделать в нашей ситуации. Но мы живем в обществе, которое привыкло не обращать внимания на слова, даже самые горькие и правдивые. А уж если есть перебор, если задело невиновных, то под этим флагом и виновные вроде оказываются без вины.

Мне кажется, нужно вынести на обсуждение конкретные меры, которые могли бы искоренить, сделать невозможными или по крайней мере уменьшить те типичные недостатки, которые отмечал в нашей жизни Формозов. Это должен быть некий кодекс научной этики, действующий неукоснительно и поддержанный правительственными постановлениями.

1. Так, приводя в соответствие нашу систему ученых степеней и званий с международной или не приводя, необходимо изгнать из защиты диссертаций коррупцию, чтобы мы были уверены, что докторские дипломы купить невозможно, что каждый доктор написал свою диссертацию сам, а не заказал или получил по блату, что все степени равноценны – в Москве и в Дагестане. Как этого добиться, посредством чиновного ВАКа или иначе, можно обсуждать.

2. Нужно, чтобы занятие ученой должности соответствовало объективным критериям. Это должны быть не столько ученые степени и не просто количество и объем печатных работ (бухгалтерский подход), сколько их ранг, определяемый по критериям, которые предстоит разработать (см. статьи в «Троицком варианте» об экспертных советах и индексах

цитируемости). Равным образом преподавательскую должность должно определять преподавательское дарование, а оно проверяется на студентах (и можно ввести измерение такого рейтинга).

3. Я бы предложил разделить функции начальников и ученых. Если ученый становится директором института или заведующим отдела, кафедры, то это должно быть на ограниченный срок, и в это время (а также некоторое время после того) он не должен иметь право выпускать монографии и ставить свою подпись под коллективными трудами.

4. Если ученый замечен в плагиате, то он не только должен нести уголовное наказание, но должен терять на большой (многолетний) срок право печатать какие-либо труды под своим именем или псевдонимом.

5. Археология принадлежит к числу наук, в которых этика носит не только общенаучный характер, но и заложена в специфике самой науки: в ней почти невозможна экспериментальная проверка, а исследование есть одновременно уничтожение памятника. Поэтому работник, замеченный в фальсификации, подтасовке, намеренном искажении данных, должен сразу и навсегда изгоняться из археологии.

6. Поскольку пьянство ведет в экспедициях к потерям данных и небрежению методикой, оно должно рассматриваться как достаточный повод к увольнению.

Чайлд сетовал на отсталость советской археологии от мировой науки, Формозов – на падение с высот российской археологии царского времени. Сейчас у нас постсоветская археология – только-то что осталось после советской? А есть ли у нее собственные цель, суть и имя? Возможно, начать стоит с собственной этики.

№ 10 (54), 25 мая 2010

13. Где же Шлиман?

В прошлом номере газеты я упоминал высказывание археолога Мэллоуэна в стихотворении Агаты Кристи:

Такой вот у нас, археологов, труд.
Богатство нам не с руки.
Зато археологи долго живут
И здоровые, как быки.

Насчет здоровья, это герой Агаты Кристи прихвастнул, а вот насчет богатства – все верно. В последние годы я много занимался историей археологии и других наук и имел возможность убедиться на многих примерах, что науки эти не приносят богатства, а, скорее, богатства требуют. Графиня Уварова, многолетний председатель Московского археологического общества, говорила: «Археология – наука людей богатых».

Что характерно для всех выдающихся деятелей археологии – это их материальное бескорыстие. Раскапывая то кремни да глиняные черепки, то (изредка) золото и драгоценные камни, они не брали ничего себе. Хищения – редчайшие исключения и все наперечет (раскопки Д.Г. Шульца у станицы Келермесской в начале XX века – самый известный пример).

Богатые люди среди героев археологии были. Это родовитый французский аристократ, граф Кейлюс, участник войны за испанское наследство, чье полное имя звучало так: Анн-Клод-Филипп де Тюбьер де Гримор де Пестель де Леви граф де Кейлюс. Он издал в первой половине XVIII века на свои средства семитомный каталог античных древностей, включая восточные и галльские. Это были его собственные коллекции. Фотографии еще не было. Будучи сам отличным гравером, он стал членом Академии живописи и Академии надписей. Кроме того, Кейлюс нанимал рисовальщиков и чертежников и поручал им делать для его альбомов точные зарисовки (на грани чертежей) множества древних вещей.

Это также самый известный из археологов Генрих Шлиман, раскопавший в 1879–1890 годах предполагаемую Трою Гомера и Микены. И Трою, и Микены он копал на собственные средства – на те деньги, которые он заработал в России. Кораблями он ввозил в Россию краску индиго, промышлял также селитрой для пороха. Пока он жил и работал в России (почти 20 лет), он был

большим русским патриотом. «Мой волшебный Петербург», – писал он. Потом его симпатии несколько сместились. Под конец жизни он жил в Греции. Можно сказать, что он открыл археологии микенскую культуру и придал реальность гомеровским поэмам.

Далее сюда нужно отнести английского офицера Лэйна Фокса, который, получив примерно тогда же в наследство от богатого родственника барона Риверса огромное поместье и имя и став Питтом Риверсом (под этим именем он и прославился), употребил свои новые возможности на развитие археологии и разработал эволюционистскую концепцию. Генерал Питт Риверс заложил также основы полевой археологии – методики раскопок. Он раскопал много памятников, и его называют отцом британской археологии. Человек он был авторитарный, почти всю жизнь не разговаривал с женой и был в ссоре со всеми своими детьми. Он разъезжал по своим раскопкам в высокой коляске, а за ним следовали трое его помощников на велосипедах (еще ранних, с большущими колесами), с лентой фамильных цветов Риверса на соломенных шляпах-канотье и с дневниками в руках для тщательной фиксации всего обнаруженного.

Затем это богатый американец Уолтер Тэйлор (это уже после Второй мировой войны), который мог себе позволить проводить на собственные средства раскопки и создал очень влиятельную концепцию «сопрягательного подхода», с которой функционализм вошел в археологию. Впоследствии это отразилось в разных вариантах контекстуализма. Казалось бы, все просто – связывать не однотипные горшки друг с другом или однотипные кремешки, а горшок с ножом и топором в одном комплексе. А ведь это потребовало работы ума и сдвига целей исследования. За острую критику маститых коллег невзирая на лица его не любили остальные американские археологи и не пускали преподавать в основных университетах США. Но будучи независимым, он не нуждался в этом и работал самостоятельно. Мог бы он это делать, если бы не его собственные изрядные средства?

Но все это богатства, использованные для археологии, а не богатства, добытые археологией. В лучшем случае успехи в ней могли принести скромный достаток и благополучие – в благополучной стране, где профессоров ценят. В большинстве случаев археологи все время – в поиске денег. Некоторым этот поиск удавался – находили спонсоров. Эдуард Ларте, один из открывателей палеолита, нашел своего мецената банкира Кристи, который финансировал его раскопки. Колин Ренфру, нынешний патриарх британской археологии (получивший за свою научную и государственную деятельность титул лорда Кеймсторна), отыскал

своего спонсора – Макдоналда, на средства которого построил в центре Кембриджа новый археологический институт. Кристиан Кристиансен, датский археолог, работающий ныне в Швеции, умел мобилизовать деньги разных фондов. Он основал Европейскую ассоциацию археологии и выпустил много интересных работ.

Теперь и российские археологи узнали искусство этого поиска, но пока еще не поднаторели в нем. Казус Шлимана, когда прирожденный и осознававший свои задачи археолог полжизни копит деньги, а вторые полжизни копает, – это все-таки красивая сказка. Это рассказано в бесчисленных биографиях Шлимана, но все они основаны на его автобиографии. А его автобиография выдумана им самим. На деле же просто богач, обрусевший немец, разочаровавшийся в смысле купеческой жизни, решил сам заняться наукой – и выбрал археологию. До этого он не изучал древних языков, не мечтал о раскопках Трои, даже не думал становиться археологом. На калитке ограды своего дома в Германии мальчиком он вырезал надпись: «Heinrich Schliemann Matrose». Вот о чем он мечтал в детстве – и осуществил свою мечту, сбежав в юнги. Скитания в поисках заработка привели его в Россию, где он разбогател, но где купцы не имели тогда еще высокого статуса. Сдружившись с немецкими профессорами в Петербурге, он поменял жизненные ориентиры и отправился сначала в кругосветное путешествие, а потом уже в гомеровские места. А биографию свою переделал, чтобы унять слухи о себе как заурядном золотоискателе. Придумал себе романтическое жизнеописание…

Подобные переходы – редкость. Бывает и наоборот. Иногда талантливые люди, не найдя себя в науке и не в силах выдержать экономический стресс, уходят из археологии в бизнес и промышленность. Это было в Англии (ученики Хиггза), бывает и у нас. Один из моих учеников, кандидат наук, сотрудник Академии наук, чтобы прокормить семью, уехал в Германию и стал там водителем. Уже двадцать лет водит почтовые автомобили, скоро выйдет на пенсию.

К сожалению, Шлиманов, Кристи и Макдоналдов у нас что-то не сыскать. Археологи у нас часто поругивают Шлимана – и копать учился на памятниках и многое порушил, и часто врал. Но его коллегами были другие, питерские купцы, и их была тьма-тьмущая. Бессмысленностью наживы ради наживы тяготились многие. Богаче его было семейство Пономаревых. Один из них (городские хроники его называют Пронька Пономарев) прославился тем, что на праздник лишил все население Петербурга извозчиков. Он всех их нанял, сам сел в первую

коляску, а всем остальным велел ездить за ним цугом по всему городу. Покуражился – знай наших! Увы, охотников повторить подвиги Проньки у нас немало, а последователей Шлимана среди наших богатеев я не знаю. На церковь дают охотно и много – ну надо же грехи замаливать! А наука не обещает ничего взамен, кроме славы и удовлетворения. Так ведь славой семью не прокормишь, а чтобы открытия приносили счастье, вероятно, нужно быть не потребителем, а творцом.

№ 16 (85), 16 августа 2011

14. Симулякры

В Южной Африке на территории Бофузэтсваны (Бопутатсваны) туристы могут обозревать восстановленный город древней африканской цивилизации: роскошный Дворец правителя, «Мост времени» к нему, уставленный статуями слонов, внушительного каменного леопарда у Храма творения, бассейны, окаймленные пальмами. Некий северный народ проник сюда три тысячи лет назад и возвел все это великолепие, потом землетрясение разрушило город, а окрестные чернокожие племена растащили остатки. И вот английский археолог из поколения Сесила Родса нашел и раскопал Утерянный город, а нынешние технологии позволили датировать его и восстановить все, «как было…».

Тысячи туристов ходят по улицам Утерянного города, любуются экзотикой, но администрация не скрывает от них, что все это – симулякр. Международная группа отелей Sun International построила археологический памятник на пустом месте, в его основу положила миф, тоже сконструированный, но по образцу существующих мифов о Великом Зимбабве, копях царя Соломона, палатах царицы Савской. Главный архитектор калифорнийской команды строителей Джералд Эллисон признает, что все это – чистейшая фантазия, но «окрашенная наследием Африки». Во дворце устроили, естественно, отель. Мартин Холл, археолог из Кейптауна, описавший этот искусственный памятник в начале 1990-х годов, рассматривает его как колониальное создание, утверждающее превосходство северных колонизаторов над черным населением, и одновременно как типичный продукт постмодернизма с его подменой реалий перформансом, инсталляцией, игрой[53].

В 1970-е годы появилась такая тенденция в археологии… нет, не в археологии, а возле археологии – Mock Archaeology (пародийная, поддельная, жульническая археология).

То ли пример оказался заразителен, то ли идеи постмодернизма действуют на археологию одинаково повсюду, но в Англии, мировом центре археологии, была создана подобная же инсталляция. В 1999 году Марк Дайон провел видимость археологических раскопок на берегу Темзы, а затем имитировал с собранным мусором археологические исследования – документировал, зачерчивал, классифицировал, проводил анализы и, наконец, сделал выставку в галерее Тейт. Самый влиятельный профессор Кембриджа Колин Ренфру лорд Кеймсторн сопровождал эту имитацию своей квалифицированной

лекцией.

«Все это, – утверждает он, – явно выглядит очень похоже на археологию, и когда встречаешь энтузиазм некоторых добровольцев, чувствуешь себя тоже, как там. Но есть ли это археология? Подобно этому Марк Дайон называет себя художником, а конечный продукт оказывается на выставке в галерее Тейт (и потом он был приобретен галереей), но есть ли это искусство? <…> Право, археология – то, что делают археологи»[54].

Дайон делал все, что делают археологи, – копал, аккуратно собирал, чертил, классифицировал, выставлял. Правда, он не имеет археологического образования и не является членом археологического учреждения. Но и некоторые славные археологи прошлого – тоже. По сравнению с классическими раскопками сэра Мортимера Уилера середины прошлого века, работы Дайона, отметил Ренфру, выглядели гораздо более похожими на его собственные, профессора Ренфру, археологические раскопки, чем кессонный метод Уилера!

Ренфру здесь не отмечает только одного существенного отличия: Дайон не ставил перед собой задачу отыскать древности и понять по ним прошлое, тогда как Уилер и Ренфру преследовали именно эту цель. Ренфру лишь замечает: «Мы раскапываем прошлое, не правда ли?»[55] Более важным представляются Ренфру не *цели*, а *процесс* археологического исследования. Как у современного искусства – тот же Ричард Лонг, чьи произведения превозносятся профессором Ренфру, бродит по свету и делает не очень трудоемкие, но заметные изменения на местности – тут копнет, там переложит камень, и этот *процесс* есть для него искусство. Правда, для Дайона этот процесс – как археологического исследования, так и искусства – всего лишь забава, пародия, шутка.

Аналогичную, но гораздо более масштабную, шутку предприняли журналисты Петербурга, и их поддержали археологи Эрмитажа. В 2004 году в Эрмитаже была организована грандиозная выставка «Золото болот», все экспонаты которой были продуктами свободной фантазии современных художников. На выставке было представлено некое племя древних болотных карликов, их культура и творчество, золотые статуэтки и украшения, деревянные резные фигурки, планы поселений, дневники археологов, якобы копавших эти поселения, гербарии и коллекции насекомых – образцы фауны и флоры географической среды, чертежи погребений. К выставке был издан роскошный том in quarto, заполненный цветными иллюстрациями в лучшем эрмитажном стиле на глянцевой бумаге, хорошим для научного

издания тиражом (1500 экземпляров)[56]. Тóму предшествует предисловие директора Эрмитажа профессора М.Б. Пиотровского. В статье видного сотрудника Эрмитажа Ю.Ю. Пиотровского приводится цитата из Артуро Перес-Реверте: «По сути, игра – это единственная по-настоящему серьезная вещь».

Когда я был молодым, очень популярен был в журналах раздел «Физики шутят». Вот сейчас и археологи шутят.

Но Mock Archaeology переводится не только как «пародийная, шуточная археология», «археология понарошку», но и как «жульническая, поддельная, фальсифицированная археология». Между тем в археологии подделки только очень неопытными сотрудниками, новичками, воспринимаются как невинные шутки. Ведь в археологии раскопки памятника идентичны его уничтожению. Вторично раскопать и проверить, как там вещи лежали, невозможно. Поэтому за такие шутки (подбросить подделку и т. п.) я немедленно увольнял из экспедиции. Более того, правила раскопок входят в критерии научности. А критерии научности археология привыкла воспринимать всерьез, и размывание этих критериев – на берегах ли Темзы или на берегах Невы – может для нее оказаться рискованной шуткой. Опасной шуткой. Мне вполне доступен юмор, но нужно очень строго разграничивать шутки и серьезное дело. И, пожалуй, не увлекаться культивированием шуток, слишком близких к делу.

Конечно, археология и Эрмитаж – здесь только показатели общего тренда к постмодернизму. Он касается всех искусств и всех наук. Что такое планируемая «Силиконовая долина» в Сколково? Тот же симулякр. Идея в том, чтобы туда потекли из всех стран инвестиции, и мировые светила науки съехались работать там. Но заведомо ясно, что для того, чтобы то и другое произошло, нужно обеспечить атмосферу, в которой инвесторы будут уверены, что затеянное ими дело не отнимет кто-нибудь из госбезопасности или из приятелей властителя, а ученые – что их не обвинят в передаче информации в Зимбабве. А это значит, что нужно сначала выпустить Ходорковского и Сутягина со товарищи и отдать под суд инициаторов и исполнителей этих судебных затей. Без этого можно, конечно, взять Вексельберга за фаберже и побудить его финансировать Сколково, можно привлечь и других домашних миллиардеров, можно вложить государственные миллиарды, но получится не настоящая Силиконовая долина, а Утерянный город Бофузэтсваны.

Если выяснится, что у Вексельберга не ладится, то не назначить ли Анатолия Белкина главой проекта? «Золото болот» всегда на поверку оказывается мишурой, а вот «карлики болот» ближе к реальности и даже умеют мечтать.

15. Жертвоприношение и обрезание глазами скептика (культура, религия, Интернет и коммунизм)

Трудно назвать основную профессию Сергея Эрлиха – то ли он историк-писатель, ставший издателем, то ли питерский издатель, который сам пишет интересные книги и статьи по истории. В толстом археологическом журнале «Стратум-плюс» (города издания: Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест) за 2011 год появилась его статья с замысловатым названием «Траектория футуристории», усиленным объяснительным подзаголовком: «От культуры жертвоприношения к культуре самопожертвования»[57]. По его мнению, история культуры идет от жертвоприношения к будущему, построенному на идее самопожертвования, когда люди откажутся от собственности и авторских прав.

Это туманное будущее, о котором можно гадать и прообраз которого Эрлих видит в Интернете, разрушающем авторское право, меня здесь мало занимает. Но поскольку он стремится проследить всю траекторию этого исторического процесса и аргументировать именно такое его понимание, древние этапы процесса я бы хотел проверить, задавшись вопросом, насколько прочна предъявленная аргументация.

Начинает Эрлих с сентенции «Обнаружение первосмысла, отделившего наших предков от фауны, позволит заложить надежный фундамент для воображения цивилизации, гармоничной природному окружению» (с. 330). Я уже писал о том, что ввиду сильного отставания биологической эволюции от культурной – природному окружению гармонична культура верхнего палеолита, а никак не современная цивилизация. Культуре приходится компенсировать это расхождение, и без современной культуры человек неспособен жить по-человечески. А культура основана на достижениях разума.

Эрлих видит ключ к нашим успехам в ином. Он отрицает, что уникальным качеством людей является разум: ведь и обезьяны способны к знаковой и орудийной деятельности. Добавлю: кое в чем даже птицы. Эрлих полностью игнорирует качественное отличие уровней этого развития. Он прибегает к парадоксу: «… животные слишком рациональны. <…> Инстинкта достаточно для выживания, значит, задействовать разум ни к чему» (с. 30). После чего следует вывод: «От зверя человек отличается не разумом, а верой. Поэтому феномен культуры должен быть объяснен только через религию» (с. 330).

Между тем без разума религия невозможна. Разум необходим для формирования понятий божества и святости, чуда, для представлений о жертве, для молитвы. Собака и кошка почитают человека (если их приучить к этому), доверяются ему, ждут от него помощи и корма, опасаются наказания, но человек для них просто хозяин – более сильный повелитель, чем альфа-самец. Не божество.

Решив, что религия первична, Эрлих занялся вопросом о том, что́ в религии из двух ее основ главное для ранних этапов – слово молитвы или ритуал жертвы? Взяв Пятикнижие Моисея, он с удивлением констатировал: слово *молитва* (с производными от него) употреблено 17 раз, слово *жертва* – 412! Насколько же «погрязла в материализме религия ранних этапов общественного развития. Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие представляют [собой], прежде всего, пособие по забою и разделке мелкого и крупного рогатого скота. Божественные указания 42 раза сопровождаются рефреном: „Это всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу“» (с. 330).

Бога Пятикнижия Эрлих считает не замеченным в чревоугодии, так что «Смысл жертвы заключается не в кормлении Бога» (с. 331). А в чем же? В подтверждении делом своей веры. Из этого Эрлих выводит силлогизм: «Религия лежит в основании культуры. Жертва лежит в основании религии. Следовательно, характер жертвы во многом определяет характер основанных на ней типов культуры» (с. 331).

Подвох в том, что Эрлих начинает свой анализ с Пятикнижия Моисея, а это далеко не начало религии, даже иудейской. У евреев богу Яхве предшествовали боги (Элохим), очень схожие с богами других восточных народов, об этом говорят их фигурки, найденные в доисторической Палестине. Несомненно, первичной функцией жертвоприношений было именно ублажение богов, с том числе и кормление. Идолам мазали губы жиром и кровью, перед ними сжигали мясо, чтобы они насладились его ароматом. Немало от этих жертв перепадало и жрецам. Уже в историческое время в котлы на пиру жрец первым запускал вилообразный крюк и все мясо, которое крюк зацепит, принадлежало жрецу (I Сам. 2, 13–14). Это был зародыш церковной десятины. Люди хитрили, обманывали богов – вместо животных и драгоценностей подсовывали им глиняные изображения положенных жертв (вотивы).

Далее Эрлих выделяет среди жертв жертву кровавую, особенно жертву первенца какой-либо породы скота, и самую ценную – человеческую, первородного сына. Эрлиху желательно доказать ее широкое распространение. Но в Библии указана

только одна такая жертва – Исаака, и то отмененная. Поэтому Эрлих использует подгонку обряда обрезания под кровавое жертвоприношение. Богу жертвуется крайняя плоть младенца и его кровь, вытекшая при этом, – и все это рассматривается как пережиток первоначального заклания младенца. Вот, мол, вначале убивали первородных сыновей, а потом стали вместо убитого подавать только его мизерную частицу – крайнюю плоть. Pars pro toto – известный прием первобытной религии. Это популярное объяснение, особенно если вчитываться в то, как объяснен этот ритуал в тексте Библии.

При этом Эрлих не замечает целый ряд неувязок. Во-первых, жертва имеет в виду первенца, а обрезают всех родившихся. Во-вторых, почему заместителем избрана крайняя плоть полового члена, а не какая-либо другая деталь – мизинец, ухо, зуб, кожа с ягодицы? У множества народов, практикующих обрезание, всегда и неизменно крайняя плоть.

Подвох опять же в «отложенном» начале анализа, обратившемся сразу к библейским евреям. Да, библейских евреев обрезали на восьмой день после рождения, что совпадает с тем фактом, что ягнята, козлята и телята могут приноситься в жертву не ранее, чем через восемь дней после рождения (Лев. 22: 27). Но это подведение обрезания под представление о жертве, данном в Библии. А евреи были не первыми, кто на древнем Востоке стал практиковать обрезание. Значительно древнее был этот обычай в фараоновском Египте, в котором, скорее всего, и заимствовали этот обычай евреи. А у египтян это был обряд инициации – вступления в брачный возраст, подготовки к браку, и производился он на четырнадцатом году жизни. В близкие сроки производится он и у мусульман.

Тут совершенно ясно, почему отрезается крайняя плоть – вовсе не для того, «чтобы не выросло», как выражался один государственный деятель. Это символическое (а часто и реальное) открытие полового члена для готовности к браку. Более того, в Египте и соседних африканских странах обрезание производилось и девочкам (надрезался клитор), а у ряда народов производилась дефлорация, которая считалась необходимой для готовности к браку.

Касательно основного вывода статьи – что самопожертвование станет культурной доминантой будущего, то автору кроме красивых и высокопарных восклицаний предъявить в поддержку своего тезиса нечего. «Творец должен осознать, что творчество – не товар. <…> Когда мы даем миру идею, она остается с нами. Ее невозможно отчуждить. Поэтому идея не продается» (с. 342).

Так и вспоминается Пушкин: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». С укоризной Эрлих поминает Стругацкого. «Человек, всю жизнь думавший о будущем человечества, искренне считает, что бесплатное распространение в сети Интернет его произведений приведет к кончине высокой культуры и окончательному торжеству бездуховного материализма» (с. 342). Да, это Стругацкий думает вместе с Евтушенко, Улицкой и другими. Потому что если не гарантировать интеллектуальную собственность на произведения, то всем этим лицам нужно оставить творчество и заняться чем-то более доходным. А время, когда каждый сможет что-то часок-другой поделать для прокорма себя и всех людей, а потом весь день заниматься творчеством, должно было, как известно, наступить в 1980 году. Но не наступило. Похоже, что оно всегда относится к футуристории, напоминая анекдот советского времени: что общего между горизонтом и коммунизмом? К нему идешь, а он все удаляется…

№ 3 (122), 12 февраля 2013

X. Историческая перспектива

1. В чем научность науки? Гуманитарий – это ученый?

Спор, возникший между моими коллегами по «Троицкому варианту», затронул и мои интересы. Это старый спор о том, что есть наука и как определять научность. Спор, конечно, очень важный в нынешних условиях захирения и обнищания науки, засилья лженаук, когда религия и мистика агрессивно наступают на научные основы жизненной практики.

А.Ю. Азбель, с непосредственностью истинного представителя естественных наук основным признаком науки счел то, что ее результаты исходят из предсказуемости явлений и дают возможность ими управлять. Поэтому он вежливо попросил гуманитариев не называть себя учеными (не говоря уже о философах). Опечалившись этим призывом, языковед и мыслитель Р.В. Фрумкина указала на то, что специалистов по точным наукам объединяет с гуманитариями наличие некоего канона методов и операций, только у гуманитариев этот канон не эксплицитен и имеет форму обычая, основанного на традиции.

Как мне представляется, критерий Азбеля – предсказание и управление – справедлив, но с одной оговоркой. Он справедлив для науки в целом, интегрально, но не годится для определения научности каждого отдельного исследования. И даже каждой отдельной науки. Ну какие предсказания дает математика? Сама по себе она ничего не предсказывает – только математические средства, применяемые в других науках, способствуют предсказаниям. В начале своих исследований Фарадей совершенно не предвидел практических применений электричества. Стоит ввести такой критерий в практику, и тотчас возникнут трудности в оправдании многих фундаментальных исследований. Прикладные дисциплины несомненно выбьются на первый план (они и так успешнее в гонке за финансами), отчего наука в целом проиграет.

Позиция Р.В. Фрумкиной тоже уязвима. Обычаи и традиции – сильный фактор в формировании научных школ. Но, на мой взгляд, выдвигая обычай на роль гуманитарного канона научности, очень уважаемая мною исследовательница, в сущности, присоединилась к мнению естественника – о ненаучности гуманитарного знания. Потому что обычай не отделяет гуманитарное знание ни от философии, ни от религии, ни от лженаук (астрологии, френологии, парапсихологии, «мичуринской» биологии, «нового учения о языке»). У них ведь

тоже все основано на традиции и обычае, старом или новом.

С другой стороны, Томас Кун и физику, и астрономию тоже, в сущности, подчиняет обычаю, формализуя его и называя парадигмой. Парадигма ведь не вырастает из предшествующей парадигмы, а утверждается как новый обычай. Узость парадигмы Томаса Куна, при всей меткости его отдельных наблюдений, давно подвергнута разносторонней критике. Недалеко от идеи парадигмы ушла и идея эпистемы Мишеля Фуко. Все-таки мы понимаем, что развитие естественных наук не сводится к случайной смене парадигм и эпистем, что в нем есть логика и последовательность, есть прогресс. А в гуманитарном знании?

Что английское деление знания на науку (science) и гуманитарные дисциплины (humanities) имеет резон, – несомненно. Но насколько справедлива категоричность этого деления? Ведь для англичан гуманитарии – не ученые. Для них подходят термины scholar, researcher, но не scientist.

Очевидно, нужно попытаться понять, что объединяет естественные, точные и гуманитарные науки (если все они являются науками), отличая их от других областей знания, и что отличает гуманитарные науки от других научных дисциплин.

Все науки требуют эрудиции, знания материала и литературы, но это считается необходимым и для лженаук. Астролог должен знать массу накопленного знания о положениях планет, звезд и созвездий. Все науки описывают материал и конструируют схемы. Во всех науках осуществляется классификация материала. Все науки выдвигают предположения, но и это не отличает их от лженаук. Те даже предполагают и предсказывают с большей степенью уверенности. Отличием науки является научный метод. Метод заключается в способах проверки гипотез для обращения их в достоверное знание или по крайней мере в такое знание, мера достоверности которого может быть установлена. В науке подтвержденная гипотеза становится либо теорией, либо фактом. Хорошая теория в пределе оборачивается частным методом.

В лженауках нет научного метода, а то, что называется в них теориями, настоящими теориями не является, так как вырастает не из проверки гипотез, а из случайных наблюдений и спекулятивных построений. Планета Марс была связана у римлян с богом войны (отсюда и ее имя), значит, его выдвижение в такое-то созвездие грозит войной. Логика есть? Ну, дальнейшее – дело формулировок и убеждения легковерных.

Теория и метод… Я прекрасно понимаю, что не все гуманитарные работы соответствуют этому критерию научности, но ведь и не все естествоведческие исследования ему

соответствуют. В идеале этому критерию вполне могут отвечать какие-то гуманитарные исследования, вот они и должны считаться наукой.

Чем отличаются гуманитарные исследования от «естественно-научных и точных»? Все названия этого круга наук – «гуманитарные», «социальные», «науки о духе» – не вполне совпадают по охвату и вообще вводят в заблуждение. Термин «гуманитарные» подразумевал науки о *человеческом* (искусствоведение, филологию, философию, юриспруденцию), но схожи ли они по методам? Вскоре рядом с ним встал термин «антропологические», по смыслу такой же (только от греческих корней, не от латинских), но совершенно явно он стал охватывать также науки естественные и точные, и даже больше именно эти (наряду с лингвистикой – психологию, физическую антропологию). По-разному можно изучать человека. Немецкий термин Geisteswissenschaften («науки о духе») изначально не совпадал с идеей гуманитарности (например, он не охватывал историю), но потом и вовсе утратил свой критерий включения. Включать ли в так обозначенный круг психологию? А археологию? Это ведь наука о материальных древностях, но также и о культуре.

Самостоятельное определение гуманитарных наук состоятельно, только если удается найти их общность и специфику в основании, то есть в методе исследования. Выдвигались разные критерии. Часто говорят о соотношении субъекта и объекта исследования. Мол, в естествознании субъект исследования (исследователь) четко отделен от объекта (природы), а в гуманитарных науках (или в антропологических) такого четкого отделения нет. Мне это не кажется существенным тезисом. Тут, по сути, все гуманитарные исследования приравниваются к интроспекции. Но этот метод применим лишь в некоторых областях, да и в них не охватывает всей методики. Вопреки утверждениям сторонников «критической теории», даже изучая себя как индивида, ученый, если он ученый и строго соблюдает методику, может рассматривать себя как посторонний объект. С другой стороны, и в естествознании во многих случаях субъект исследования самим своим присутствием и использованием своих инструментов вносит изменения в результат, и приходится добиваться устранения этого эффекта (или пересмотра с его учетом, пересчета).

Другие упирают на меру точности. Естественные науки точные (некоторые вообще предпочитают противопоставлять гуманитарности именно этот термин), а гуманитарные – нет. И это неверно. Да, в естественных науках больше точности. Но и в

гуманитарном знании много точных утверждений, а в самых точных науках есть вероятностные законы и размытые множества. Кроме того, я не вижу здесь принципиального различия в методике.

Есть мнение, что гуманитарные дисциплины основаны на системе ценностей, тогда как естествознание и науки о мышлении (математика, логика) – нет. Система ценностей, конечно, учитывается в гуманитарных науках – таких, как история и искусствоведение, это определяет систему понятий, но на методах исследования это не сказывается. Не должно сказываться. Иначе это не наука, а политика или мораль.

Более существенно другое. Все естественные науки и часть социальных рассматривают массовые объекты и конструируют обобщения. Каждый отдельный объект для них не имеет специального значения. Схожие объекты взаимозаменимы. Факты важны лишь для выведения закона. Скажем, так обстоит дело в социологии – это точная наука, совпадающая по методам с физикой и химией. А в истории не так. Тут каждый объект важен и сам по себе. Юлий Цезарь и Наполеон полководцы и государи, но они не взаимозаменимы. Исследование тут ориентировано на уникальные качества факта. Законы и тут важны, но для объяснения факта. Вот эта уникальность и неповторимость объектов гуманитарного знания является важной особенностью, которая обусловливает всю структуру методики гуманитарного исследования.

В частности, проверка гипотезы в точных науках такова: к неким фактам прилагается гипотеза, из гипотезы выводятся ожидания, эти ожидания сопоставляются с другой, независимой группой фактов, совпадение означает подтверждение гипотезы. Но для действия этого логического механизма нужны сходства многих фактов (начальных с независимыми), нужна их повторяемость и массовость. Иначе невозможно проверить гипотезу на независимых фактах. Что толку подтягивать независимые факты, если они уникальны и никак не могут быть связаны с исходными? Значит, у гуманитариев проверка гипотезы иная. Она может быть дедуктивной, а не индуктивной – по согласию с существующими теориями. Возможно дробление уникального факта на мелкие элементы, которые неизбежно повторяемы. Словом, здесь иная и более сложная процедура.

Но именно наличие этого механизма делает гуманитарное знание наукой. Именно оно создает тот канон, о котором говорит Р.В. Фрумкина, – определенную сумму правил и методов работы, которыми, между прочим, обусловливается воспроизводимость результатов науки. Обычай тут ни при чем. Результаты,

достигнутые одним ученым, в принципе могут быть добыты из того же материала и теми же методами другим ученым, и это есть одно из отличий подлинной науки. Конечно, в гуманитарном знании этого добиться труднее, возможно, здесь совпадение будет не полным, а лишь по основным параметрам, но если его совсем нет, то нет и науки. Степень совпадения, достижимая в данной отрасли, определит меру приближения ее к подлинной науке. Вот ассириология была признана частью научной филологии когда? Когда нескольким специалистам были посланы копии одной и той же надписи и они, работая независимо друг от друга, перевели ее одинаково.

А что у каждого свои подходы, свои навыки, свой талант – да ради бога, но принципы должны быть одни. В науке, разумеется, возможны расхождения и споры. В них сказываются разные идеи, но в плане реализации многие споры основаны на том, что исходные данные обычно неполны, а закрывать лакуны можно по-разному. Однако наличие методического канона всегда позволяет установить коренные причины расхождений и найти пути разрешения спора. Научные споры со временем всегда разрешаются.

Что же до философии, то это, конечно, не наука. Ни воспроизводимости результатов, ни научного метода (постоянной проверки), ни гарантий достоверности хоть какой-то части знания. Способ рассуждения в ней – тот же, что и в религии, только без обязательного признания сверхъестественных сил, богов и чудес. Признавать их в философии можно, хотя и не обязательно, и таким образом возникает шкала постепенных переходов от философии к религии. Как и в религии, философские истины нужно принимать на веру. Проверка возможна только всей практикой человечества, а ее – за исключением самых общих и банальных истин – невозможно ни формализовать, ни как-то убедить оппонента в истинности той или иной формализации. Философские споры – вечны. Философия – это та область знания, в которой человек стремится интуитивно познать наиболее общие и глубокие законы мироздания и мышления – те, для научной проверки которых у него нет средств и которые, по гениальному парадоксу Нильса Бора, столь верны, но и столь глубоки, что противоположные им законы – тоже верны. Поэтому философией могут заниматься только пустомели и гении.

Наука же благодаря своему канону, своим правилам и доказательствам, доступна всем – и гениям, и массам рядовых работников, и, к сожалению, имитаторам. К философии наука обращается за идеями для своих наиболее общих теорий. Она

черпает не самые верные идеи – философия не может гарантировать превосходства в этом – а самые интересные. В надежде, что они окажутся плодотворными.

Но философия никак не является наукой наук, и ее попытки навязывать свои истины в качестве научных теорий плохо кончались, как и попытки со стороны религии. Мы это проходили совсем недавно и не хотим видеть в этой роли ни самую лучшую философию, ни самую правильную религию, ни самую патриотическую мистику. Только без этой давящей надстройки можно удержать науку и ее методы на должной высоте.

№ 6 (25), 31 марта 2009

2. Назад в Ренессанс?

Увидев статью гарвардского профессора Д. Лорда Смэйла «За большим разделением» в майском (2009) номере журнала History Today, я обрадовался. Не то чтобы я поддерживал эту статью, наоборот: впервые взгляд, против которого я выступал издавна, ясно выражен и снабжен аргументами. Теперь есть что опровергать. «Почему у нас есть история и археология? – спрашивает Лорд Смэйл и продолжает, – это вопрос, заставляющий все больше людей скрести свои головы. Поскребя достаточно, они приходят к ясному ответу: нет логического способа отстаивать любое разделение человеческой истории. Самое время воссоединить археологию с историей». Мой призыв двигаться в противоположном направлении был выражен в статье под заглавием «Рассечь кентавра» с подзаголовком: «О соотношении археологии с историей в советской традиции» – она была напечатана в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1991. № 4), а затем переведена в британском журнале Antiquity (1995. Vol. 67).

Дело не только в археологии и истории, это – более общий вопрос.

Лорд Смэйл убежден, что разделение началось с хронологическим переворотом, разрушившим библейскую хронологию и родившим доисторию. Он также считает, что это ненормально, потому что «административное разделение на дисциплины препятствует свободному распространению идей». Что ж, разделение государств препятствует и того больше свободному передвижению идей и людей. Но есть много способов облегчить общение – не дожидаясь мировой революции и без ликвидации государств (по разным причинам необходимых).

В эпоху Ренессанса специализация дисциплин не так сильно чувствовалась, и универсальные по духу ученые общались друг с другом. Но и тогда великие универсалы типа Леонардо да Винчи были редкостью.

Все большее разветвление науки является неизбежной тенденцией научного развития, так как знания и умения имеют безграничный потенциал роста, тогда как индивидуальный человеческий мозг, несмотря на его огромные возможности, имеет свои пределы. Каждая наука растет очень быстро (археология удваивает свои источники каждые несколько десятилетий) и усложняет свой методический арсенал. Так что каждому отдельному профессионалу приходится добывать необходимые знания и навыки, то есть усердно учиться ряд лет,

прежде чем стать готовым действовать профессионально. Специализация – лозунг дня.

Ну конечно, у нее есть свои недостатки. Есть риск утратить широкий взгляд на процессы, связывающие разные стороны жизни. Чтобы преодолевать это, специально возникли обобщающие науки, задача которых – синтезировать разные отрасли знания. Появилось много специалистов, работающих на стыках наук. Но мечта отвергнуть специализацию в принципе – нереалистична.

Вспомним гоголевские «Мертвые души». Всем известен прекраснодушный помещик Манилов, мечтательный и полный грандиозных прожектов. «Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение; впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами».

Но и советская и западная исторические науки старались реализовать маниловские прожекты Лорда Смэйла еще до того, как они были им сформулированы.

В советской науке московский профессор А.В. Арциховский провозгласил в свое время девиз: «Археология – это история, вооруженная лопатой». То есть просто разновидность истории. В этом отразился приоритет исторического материализма над всеми социальными науками, это была реализация часто цитировавшегося изречения Маркса и Энгельса: «Мы знаем только одну науку, науку истории». Увы одна деталь была забыта: это изречение находится в черновике, в котором оно было вычеркнуто Марксом и Энгельсом (так что бородатые классики были не так уж наивны). Имея этот девиз перед глазами, советские идеологи отвергли разработку специальных методов интерпретационного исследования для археологов. Они вычеркнули археологию из официального списка наук и профессий (до сих пор ее нет в нем) и избегали публиковать археологические материалы (только «истории племен» были достойны публикации). А в раннесоветское время были даже закрыты исторические факультеты и кафедры археологии в университетах и взамен учреждены факультеты общественных наук (охватывающие остатки разрушенных дисциплин).

На Западе мы видим слияние археологии с доисторией под именем преистории, prehistory, Vorgeschichte. Они слиты, разделения нет! Археология сохранена только для классических и

ориенталистических занятий. И это понятно: историк, имеющий дело с этими ветвями, должен знать латынь и греческий или древневосточные письменности и языки, а преисторик не может знать соответствующие языки. Так классические история и археология сохранились отдельно, тогда как преистория была слита с первобытной археологией. Видимо, это было следствием притока массы полуобразованных энтузиастов в археологию. Они жаждали решать крупные исторические проблемы, не отрываясь от археологической романтики.

Но археология (как классическая, так и первобытная), с одной стороны, и история с преисторией – с другой, различаются по своей природе. Первая – это изучение материальных древностей для получения информации о прошлой человеческой культуре, а вторая – это изучение происхождения человека с его культурой и последующего хода его социальной деятельности. У каждого из этих направлений – свой предмет, требующий особых методов. На деле нелогичное распределение занятий либо практически игнорировалось, либо оно вредило нормальной научно-исследовательской деятельности и подготовке хороших специалистов. Университеты начинали выпускать дипломированных дилетантов, а журналы обсуждать банальные истины, просто потому что многие читатели-профессионалы их не знали.

Если уж присоединять археологию к истории, почему не добавить сюда нумизматику, текстологию, этнографию, топонимику, многие разделы лингвистики и так далее? Ничто не препятствует этому. Кроме одного: каждая дисциплина имеет свой предмет, столь специфичный, что он требует особых методов для его изучения. Распредмечивание наук – вот к чему призывает Лорд Смэйл.

Все перечисленные дисциплины, которые можно добавить к археологии, имеют нечто общее. Все они – источниковедческие дисциплины, они изучают разные виды источников информации о прошлом, добывают эту информацию и подготавливают ее для истории, преистории, социологии и других синтезирующих дисциплин. Синтезирующая природа истории замаскирована, ибо один вид источников, а именно письменные источники, преобладает над всеми остальными на поздних этапах истории. Это не так сильно проявляется в средневековой и классической истории (где часто необходимо иметь дополнительную информацию от артефактов и топонимов). И она совершенно утрачена в преистории. Здесь синтез многих видов источников необходим и синтетическая природа преистории (и истории) очевидна.

Зато здесь налицо противоположная замаскированность: синтезирующие исторические операции скрыты за богатой и разнообразной археологической деятельностью исследователя, отсюда и слияние археологии с преисторией. Так и кажется, что археолог может легко превращаться в историка и обратно прямо в ходе своей повседневной работы. Но это по крайней мере очень спорно. Такому археологу нужно знать уйму дополнительного материала и владеть методами, обычно ему чуждыми. Это ведь совсем другой набор методов.

И вот что получается. Ни у нас, ни на Западе официально нет двух наук, изучающих первобытное общество. У нас его изучает (первобытная) археология, на Западе – преистория. На деле и там и тут есть исследователи, больше тяготеющие к проблемам археологии или к проблемам преистории. Затемнение специфики профессии и трудности самоидентификации сказываются на их деятельности в том, что туго решаются обе задачи.

Более четко разделяются науки на этапах ориенталистских, классических и средневековых штудий. Тут есть история и есть археология, и они в норме не смешиваются.

Есть горстка археологов, умеющих делать также исторические и даже филологические исследования, но они должны все время держать в уме, что они находятся на территории другой науки. Они должны обучиться новой профессии. Обычно же когда археологи (даже самые маститые) осмеливаются делать вылазки в лингвистику, или письменную историю, или в топонимику, они действуют как сугубые дилетанты. Это выглядит как путешествие в Ренессанс. То же самое, когда историки возомнят себя археологами и начинают копать. Горе памятникам!

Даже объединение истории с преисторией (берем другой ракурс такого объединения) – очень спорная вещь. Во многих отношениях преистория – это промежуточная дисциплина между социальной историей и естественной историей, как по качеству дисциплин (методы, связи с другими дисциплинами и так далее), так и по предмету (где границы того вида, который они изучают?). С той же логикой мы можем объединить преисторию (стало быть, и историю) с биологией.

Археолог – это детектив, который прибыл на место событий с опозданием на тысячу лет. Он обследует ситуацию и готовит факты для судьи. Но он не может садиться в кресло судьи. Суд истории – не его дело. Подобно детективу археолог ставит вопросы: что это за вещи и следы, что за комплексы перед ним, что за связи внутри этих комплексов, он также отвечает на вопросы: когда, где, откуда, куда и кто. Аналогичные вопросы

ставит перед собой текстолог или исследователь топонимики. А историк или преисторик спрашивает себя: почему и как это оценить.

Можно проскрести голову насквозь – и не найти веских фактов для опровержения нужды в хороших специалистах. Именно в специалистах. Если у меня серьезная нужда во враче, я предпочитаю пойти к дантисту, окулисту, онкологу, кардиологу или хирургу, а не к специалисту по всем болезням.

№ 15 (34), 4 августа 2009

3. Гомерическая история: очарование героического эпоса

Был у меня в жизни десятилетний период, когда, выпущенный из тюрьмы и лагеря, я был лишен степени и звания и меня никуда не брали на работу. Кормился я переводами (пригодилось знание языков), а вместо археологии занялся филологией – гомеровскими штудиями. С археологией это связано через раскопки Трои, а для таких занятий не нужны ни инструменты, ни ассигнования на экспедиции, только доступ в библиотеки. Его у меня не отняли. И образование – тоже не смогли отнять.

С самого начала я пришел к выводу, что раскопанный Шлиманом город – не Троя[58]. В Илиаде город называется двумя именами: Троя и Илион. Надписи на камнях в городе найдены: «Илион». Надписей: «Троя» – нет. Сопоставляя эпитеты при этих именах, я увидел, что они резко делятся на две группы: при «Илионе» одни, при «Трое» – другие, и они описывают разные города! Илион – на высоте, крутой, обдуваемый ветрами (Шлиман от них очень страдал), а Троя – на тучной почве, широкоулочная. Специалисты-античники мне возражали: город-то – Илион, а местность, сельская округа – Троя (широкоулочная?). Но в хеттских источниках упоминаются на западе Малой Азии два города: Труиса и Вилюса. В Труисе нетрудно узнать греческую Трою (-са – хеттское окончание), а в Вилюсе начальное *в-* соответствует греческой *дигамме* – звуку, который стоял в начале слова Илиос (Илион) и произносился близко к английскому w (но потом выпал). Значит, для хеттов это разные города! А хетты – современники описываемых событий, Гомер же жил на полтысячелетия позже.

Почему же в гомеровском тексте два города превращаются в один? В гомеровском эпосе полно дублетов и имен-синонимов: река – то Скамандр, то Ксанф; царевич Парис – он же Александр; греки – они же данайцы, ахейцы и аргивяне. Обычные слова тоже нередко образуют пары синонимов, и синонимы эти хорошо сгруппированы: одна группа в одних частях эпоса, другая – в других, третья – в третьих. Ахилл и Диомед совершают одни и те же подвиги, более того, ранены в одно и то же место – в пяту (точнее, в щиколотку). И любопытно: они почти никогда не встречаются друг с другом: появляется Ахилл – исчезает Диомед, возвращается Диомед – нет Ахилла. Так что́, это тоже разные имена одного персонажа? Совершенно очевидно, что Илиада

образована из нескольких – слившихся воедино – песен, повествующих о разных городах. Эпизоды поставлены вперемежку. Гомер был не сочинитель, а компилятор. Об этом я и написал монографию[59].

Но как же тогда с реальностью описываемых событий? А их просто не было. Не было Троянской войны – такой, какую мы знаем по эпосу: с прибытием флота всех греческих царств, с десятилетней осадой Трои, с ее взятием и гибелью. По археологическим данным, ныне достаточно обильным (три многолетних кампании раскопок – Шлимана, Блегена и Корфмана), греки-ахейцы не взяли Илион и даже не штурмовали его. На развалинах нет ни одного греческого наконечника стрел. Да и по эпосу, вспомните: чем заканчивается осада Трои (рассказ в «Одиссее»)? Греки сели на корабли и отплыли несолоно хлебавши. Да и вернулись они домой совсем не как победители: царь Агамемнон был дома убит и власть перешла к другой ветви династии, Одиссей долго странствовал, а дома нашел у своей жены свору женихов и тайком пробирался в собственный дом, многие герои вообще не вернулись домой, а отправились на юго-восток.

Но так как эпический певец не может примириться с такой ужасной концовкой, был приделан совершенно сказочный конец – с хитрой придумкой Одиссея: подарили троянцам деревянного коня, начиненного воинами, глупые троянцы зачем-то внесли его в город, не посмотрев, что внутри, а ночью воины вышли из коня и напали на стражу. Да еще чтобы было надежнее, есть и дополнительное обеспечение: дабы втащить коня, который не проходил в ворота, троянцы сделали пролом в стене, через который ночью вернувшиеся с моря греки и ворвались в город.

Более того, есть и прямые свидетельства археологии, что взятия Илиона не было. Ахейские греки колонизовали весь западный берег Малой Азии (там много греческих колоний – Милет, Смирна и другие), *за исключением северо-западного угла* – Троады с Илионом во главе. Эта территория отстояла свою независимость и стала греческой лишь много позже – когда уже не было ахейских государств (Микен, Пилоса и других). Они все пали на рубеже XIII–XII веков до н. э., а греческой эта территория стала в VIII веке.

Но ведь это все обычно для героического эпоса. Специфика героического эпоса состоит в том, что он возникает в годину величайшего напряжения для народа, в годину испытаний и бедствий. И функция его состоит в том, чтобы поднять дух народа, перетолковать события в выгодном для него свете, превратить поражения в победы. В этом больше всего

заинтересованы правители, элита, дружина, вокруг которой обычно и кормятся певцы.

В сербском героическом эпосе смелые сербские юнаки берут штурмом Стамбул – столицу турецких захватчиков. Это описано со смаком и со всеми подробностями. А на деле, мы знаем: такого никогда не было в истории. На деле было нечто совсем противоположное – сокрушительное поражение сербов на Косовом поле.

В русской истории было поражение русских князей на Калке и несколько веков татарского ига. А в былинах русские богатыри неизменно побивают татар – как возьмет богатырь татарина за ноги, да взмахнет им со всей богатырской силушкой, куда махнул – там улица, в другу сторону махнул – переулочек. Никаким игом, никакой данью, никакими ясаками и не пахнет[60].

Академик Б.А. Рыбаков говорил, что эпос – это история народа, написанная им самим. Профессор В.Я. Пропп, мой учитель, возражал ему, что эпос – это специфический жанр и никак не прямое изложение событий. Чтобы использовать его как исторический источник, нужно учитывать его жанровую специфику. Добавлю, что эпические певцы далеко не являлись непосредственными представителями народа. Наиболее влиятельные из них состояли в свите царей и вождей, ориентировались на них, воспевали их, подлаживали свои песни прежде всего к этой аудитории.

Увы, пожелания элиты и властителей во все времена схожи. Фольклор исчез, растаяла и традиция сложения героического эпоса, а потребность в нем осталась. В сталинское время пытались даже искусственно поддерживать акынов и сказителей, ориентируя их на сложение песен о великом и мудром в народном духе. Но уж очень получалось старомодно, фальшиво и смешно. Тогда функцию акынов и аэдов стали выполнять придворные историки. Образец им подал сам великий и мудрый, сочинив «Краткий курс» в стиле героического эпоса о самом себе.

Теперь в этом духе пишут стандартные учебники истории вдовины и барсенковы – о великом и мудром, который, оказывается, вовсе не был палачом и убийцей (в «Илиаде» ведь тоже полно крови и выпущенных кишок). О постоянных победах и успехах под его благословенным водительством. А если и были какие-то темные пятна, так это потому, что помешали народы-предатели (которых, правда, во Власовской армии не было), и англичанка гадит, не говоря уж о ненавистных евреях, которых всегда и везде слишком много. Ориентировка понятна – на будущих преемников великого и мудрого, жаждущих империи, завоеваний, величия и готовых поставить на реваншистов и

крайних националистов. Им нужна парадная история, очищенная и разукрашенная, с фанфарами и барабанным боем. Это вовсе не фальсификации, и комиссия по противодействию фальсификациям словно в рот воды набрала. Это просто героический эпос.

Требуемого Гомеровского величия почему-то в этом эпосе не получается. Жанр на тысячу лет запоздал. Певцы талантом не вышли. А вот история – она присутствует. Гомерическая история.

№ 19 (64), 12 октября 2010

4. Теория реставрации и новоделы

Я уже рассказывал эпизод с курсом реставрации. Напомню.

Когда я был студентом, лекции по методике *реставрации* археологических объектов нам читал старичок В.Н. Кононов. Читал по-старинке – излагал рецепт за рецептом. Ему порекомендовали предварить курс теоретико-идеологическим введением. На следующий год Кононов, придя на занятия, вытащил брошюру с перепечаткой знаменитой четвертой главы сталинского «Краткого курса» («О диалектическом и историческом материализме») и начал лекцию так: «В своем гениальном труде наш великий вождь и учитель говорит…» Тут лектор прочел сталинский пассаж о том, что в мире идет борьба между зарождающимся, новым, передовым, и загнивающим, отмирающим. Затем лектор завершил чтение собственным выводом: «Вот наша задача как раз и состоит в том, чтобы не дать этому отмирающему отмереть». Кононова попросили впредь читать без теоретического введения.

Между тем теория реставрации очень важна для археологии, искусствоведения и музейного дела. Прежде ценились больше целые находки, и антикварии стремились привести «порченные», ветхие находки в надлежащий вид – соскребали патину, чистили находки до блеска, восстанавливали недостающие детали так, чтобы они как можно меньше отличались от сохранившихся, чтобы различие было незаметным. Даже Микеланджело и Торвальдсен участвовали в такой реставрации античных скульптур. В новое время был провозглашен принцип аутентичности. Он предусматривает приведение археологических, архитектурных объектов и вообще объектов искусства к их прежнему виду и состоянию. Чаще всего дело сводится к восстановлению прежнего облика, насколько он поддается восстановлению.

Принцип аутентичности подразумевает четкое отличие *реставрации* от *реконструкции.* Первая означает надежное приведение к прежнему облику, состоянию и взаимоположению тех частей, которые сохранились; вторая – «возвращение» объекту несохранившихся частей, конечно, гипотетическое (в силу отсутствия или значительной поврежденности деталей). В пределе (в крайнем выражении, в абсолюте) реконструкция – это новодел, декорация, бутафория, муляж.

Реставрация выглядит так. Разбитую вазу нужно склеить из фрагментов, чтобы были видны ее форма и содержание росписи. Упавшие колонны нужно поднять и поставить на сохранившиеся

базы. Строительный и иной мусор надо удалить.

Реконструкция преследует другие задачи – наглядности и пригодности к практическим нуждам. Если какие-то черепки утеряны, реставрация дает неполную вазу и подробности формы останутся недостоверными, а уж содержание росписи может и вовсе ускользнуть. Однако восстановить отсутствующие черепки можно только гипотетически – как бы они ни были похожи на сохранившиеся, они во всяком случае сделаны из другого материала и другим мастером, в другое время, и никогда нельзя поручиться, что на исчезнувшем черепке не было каких-то детали, отпечатка, граффито, которые на новом отсутствуют. У статуи подлежат гипотетическому восстановлению отломанные и недостающие нос и руки. Но как они выглядели, можно только догадываться.

С реставрацией такое «возвращение» деталей никак не связано: реально восполнить события и структуры, сохранившиеся частично, в методическом плане все равно что возродить совсем несохранившиеся явления. То и другое значило бы либо совершать театрализованные представления, либо пытаться вернуть прошлое, повторяя некие ритуальные действия. Словом, для историка (в отличие от археолога или архитектора) реставрация имеет совсем другой, не познавательный, а политический смысл: реставрация Бурбонов во Франции придала название целому периоду господства реакции – периоду Реставрации.

Теория реставрации должна дать основы для решения трудностей, возникающих по ходу дела. Прежде всего, нужно решить, какой именно момент истории комплекса нужно сохранить – самый древний, идейно оптимальный или наиболее документированный. Антикварии охотились именно за материальными остатками *Античности*, и естественно, что они стремились вернуть вещам тот облик, который те имели в античную эпоху. Но до античной эпохи была очень интересная первобытная эпоха, а после античной – Средневековье, не менее интересное. Шлиман считал возможным сносить без особой фиксации византийские слои, коль скоро они его не интересовали, и даже верхние слои древней крепости крушил немилосердно, полагая, что милая его сердцу Гомерова Троя находится в самом нижнем слое. А на деле Илион оказался в одном из верхних!

Далее, заведомо ясно, что сохранять избранный момент нужно в комплексе: нельзя готический собор представить с романскими арками и ренессансными башенками. Получится монстр, далекий от всякой реальности.

К сожалению, у нас ныне реставрацию (аутентичное сохранение памятников истории и культуры) путают с реконструкцией, а реконструкцию (восстановление недостающих деталей) подменяют новоделом. В Москве это Иверские ворота, Красное крыльцо, Казанский собор, дом Трубецких, будущая гостиница «Москва» и так далее. В Питере строится новодел «Новая Голландия», заново сделаны старые читальные залы в историческом здании Публички (Национальной российской библиотеки), ликвидирована уникальная «небесная перспектива» центра города. Мы все больше живем в бутафорской России.

Последний пример вопиющего нарушения правил реставрации подало руководство реставрацией Курской станции московского метро. На отделке станции восстановили надпись: «Нас вырастил Сталин на верность народу…» Надпись не реставрирована – она же была полностью стерта, так что налицо новодел. Почему именно этот момент истории станции избрали для восстановления? Конечно, это политические сигналы. Если крах Советского Союза расценивается властью как геополитическая катастрофа, а Сталин трактуется в стандартных учебниках не как величайший злодей, приведший страну на грань гибели, а как самый успешный «эффективный менеджер», то руководство «реставрацией» угодливо подсуетилось – и появилась строка из сталинского гимна СССР.

Нарушен к тому же и принцип комплексности: уж тогда вернули бы и статую Сталина перед надписью и слова «имени Л.М. Кагановича» на входе!

Вношу предложение: отыскать чиновника, чья подпись стоит под распоряжением о возвращении надписи, и обязать его расчистить это место за свой счет. Боюсь, что это предложение даже не будет рассмотрено. Ведь «реставрация» в данном случае носит не музейный и не архитектурный характер, это реставрация в историческо-политическом смысле – шаг к периоду Реставрации.

№ 18 (37), 15 октября 2009

5. Что за комиссия, Создатель…

В 1990-е годы вместе с несколькими видными питерскими деятелями культуры и науки (Д. Граниным, Б. Стругацким и другими) я опубликовал открытое письмо к президенту Ельцину о той атмосфере преступности, которая тогда захлестывала страну. Реакции не было. Сейчас преступность уголовная поменьше, зато не знаешь, откуда ожидать большей угрозы – от уголовников или от милиционеров и вообще от силовиков. Силовики, руководящие ныне нашим государством, замахиваются не только на владение нефтью и газом, но и на господство над мыслями граждан. Они хотят владеть не только нашим настоящим и будущим, но и нашим прошлым. Берут на себя смелость диктовать ученым, как делать науку, и вторгаются в изучение истории.

Если бы я верил в эффективность писем к президенту, то я бы, наверное, составил такое послание, собрав некоторое количество подписей историков, да и просто образованных людей. Мы бы вместе написали что-то вроде следующего.

Многоуважаемый господин Президент!

Подписанный Вами указ о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» представляется нам недостаточно продуманным. Мы хотим верить, что он подписан Вами опрометчиво и будет отменен. Мы убеждены в том, что этот указ наносит огромный ущерб интересам России.

Основания для этой убежденности следующие:

1. Создание этой Комиссии противоречит статье 13, п. 3, Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Отсюда логически следует, что и единая версия истории не может устанавливаться в качестве таковой, так как в этом случае она немедленно становится идеологией. Указ же исходит из идеи о наличии единой, неприкосновенной и «идеологически правильной» версии исторических судеб Отечества, по отношению к которой любые иные версии, не отвечающие «идеологически правильной», суть фальсификации.

2. Определение того, что есть фальсификация истории, – задача крайне непростая, ее решение требует от историков высокого профессионализма, осторожного и кропотливого труда. В архиве науки имеются доказанные случаи фальсификации фактов – Пильтдаунский череп, корона Сайтафарна, протоколы Сионских мудрецов, Велесова книга. Есть и не намеренные фальсификации, а просто сугубо ошибочные концепции,

несуразность которых ни у кого из специалистов не вызывает сомнений, – «новая хронология» Фоменко, «славянская руница» Чудинова. Но как только дело касается истолкования подлинных фактов и оценки их значения, очень трудно добиться такой же очевидности, отделить фальсификацию от нежеланной и неугодной интерпретации.

3. Вполне правомерно создание экспертной комиссии при президенте для оценки профессионального уровня работы историков (как и любых других ученых). Учрежденная же Комиссия, по нашему мнению, вопиюще непрофессиональна. В ней из 28 членов только три профессиональных историка (занимающих высокие административные посты); условно можно причислить к историкам еще двух-трех человек с историческим образованием и связями в этой среде, ну а остальные члены Комиссии – это генералы-силовики и чиновники администрации. Совершенно ясно, что получился не экспертный совет ученых, обсуждающих научные проблемы, а административный орган контроля над наукой и диктата государственной власти, направленного на науку. Таким образом, за указом явно стоит идея возрождения цензуры.

4. До сих пор попытки представить отечественную историю не такой, какой она была в реальности, – скрыть и замазать одни факты, исказить другие – исходила в основном от государственной власти. Именно она скрывала преступления Сталина и его приспешников против человечности, бесчисленные фальсификации, связанные с политическими процессами, Катынское дело. Свежи в памяти и попытки – в самое последнее время – представить Сталина как «эффективного менеджера» (хорош был бы менеджер компании, который привел бы ее к успеху лишь по некоторым показателям, убив и замучив значительную часть ее коллектива, уморив голодом другую часть и обрекши на убогое нищенское существование третью; очередной такой менеджер подвизается в Северной Корее – не пригласить ли его?). Член Комиссии Сергей Марков известен своим высказыванием: «отрицать, что Сталин был эффективным менеджером, хоть и жестоким, бессовестно». Оригинальное представление о совести у члена Комиссии!

5. В самом названии Комиссии заключена двусмысленность, выдающая сбой ее замысла. Комиссия призвана «противодействовать попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Эта формулировка подразумевает, что Комиссия не будет противодействовать попыткам фальсификации истории, если они *не наносят вред* интересам России, но приносят им пользу – так, как ее понимают фальсификаторы (и коллектив

Комиссии?). Недаром Комиссию эту уже повсеместно прозвали «Комиссией по фальсификации».

А дотошные читатели углядели в Указе ужасную грамматическую ошибку. Речь идет о «предложениях по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации *исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России*» (курсив мой. – *Л.К.*). По прямому грамматическому смыслу этой фразы следует, что ущерб наносят не «попытки фальсификации», а «исторические факты и события». Вот уж не в бровь, а в глаз!

Да, есть опасность того, что профессиональные историки могут получить и исполнить «заказ» на «фальсификацию» истории. Но опасность эта в большей мере исходит от самого факта создания данной Комиссии. Мы понимаем, что могут найтись профессиональные историки, готовые мыслить так, как это нужно «заказчикам» (такие всегда находились), и даже историки, которые сами по себе мыслят именно так, как это нужно «заказчикам» (ведь история – сложная наука и многие ее положения дискуссионны, а в дискуссиях сталкиваются разные идеи). Найдутся историки, готовые использовать эту Комиссию, чтобы утвердить «сверху» свою «единственно верную» версию истории, без участия в изнурительных научных спорах, – просто заставив замолчать своих противников и изгнав их из научных учреждений.

Мы считаем, что долг историков – говорить народу правду, только правду и всю правду. Нам не нужна ни приукрашенная история, ни история искусственно очерненная. Все стороны отечественной и мировой истории должны быть открыты и зафиксированы, светлые и темные. И даже призывы к соблюдению баланса вредны – историк-профессионал не имеет права заведомо нормировать, сколько в истории Отечества должно быть светлого и сколько темного. Их должно быть ровно столько, сколько было в реальности, – не больше и не меньше. А воспитательная роль истории должна быть не в создании для молодежи образа светлого-пресветлого прошлого, а в приучении ее делать разумные выводы из прошлого. Как из светлого, так и из темного. Чтобы не было места прежним ошибкам. Живут же немцы в Германии со своим скверным недавним прошлым – и неплохо живут! Наше прошлое во всяком случае не хуже.

К сожалению, решения нашей государственной власти не раз в течение последнего полувека бывали ошибочными. Вторжение в Афганистан было грубой ошибкой, последствия которой до сих пор чувствуются. Ошибочной была разовая отмена льгот – пришлось давать задний ход, когда сотни тысяч пенсионеров

вышли на улицы. Этих ошибок можно было бы избежать, если бы в стране была настоящая оппозиция и важные решения проходили предварительно широкое обсуждение.

Сотни тысяч историков не выйдут на улицу: они более зависимы, чем пенсионеры. Но мыслить историки будут врозь с Вами. А это разномыслие никакой комиссией не воссоединить. В антиутопии Оруэлла были аналоги Вашей Комиссии – Министерство Правды и Министерство Истории. Вам нравится роль Большого Брата?

Вот что я бы предложил на подпись своим коллегам, если бы надеялся на эффективность обращений и писем. Всем понятно, что, те, кто подпишет такое письмо создателю Комиссии, рискуют благорасположением административных органов, от которых в нашей стране зависит слишком многое. Тем не менее, коллеги, прочитавшие эту рукопись, изъявляли готовность подписать такое письмо.

Дело в том, что нам сказано ясно: все вы, не взирая на степени и звания, быдло и дерьмо! Вы наши псы – к ноге! Писать то, что нам нужно, иначе пшли вон, заменим вас комиссарами из «наших»! А то и обзовем фальсификаторами, то есть мошенниками, и бросим в кутузку на одни нары с Ходорковским. Вот что нам сказано.

От создания этой Комиссии исходит главная опасность фальсификации истории. Мы не можем закрыть на это глаза. Иначе нам будет мучительно стыдно перед детьми и внуками, которые вырастут и будут вправе спросить нас: вы жили в это время, все понимали, как вы могли промолчать?

№ 11 (30), 12 июня 2009

6. Петрики наступают на историю, или Мемориальные законы

> *Лучше мне промолчать, – подумала Алиса. На этот раз, так как она не произнесла ни слова, никто ничего не сказал, но, к величайшему ее удивлению, все хором подумали (надеюсь, ты понимаешь, что значит «думать хором»).*
>
> *Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье*

Я лысый, невысокого роста, а к старости стал еще и сутулым. И мне неприятно, когда заходит речь об этих моих особенностях. Но я решительно протестовал бы, если бы в угоду моей персоне губернатор Петербурга Матвиенко, только что приславшая мне (как участнику войны) поздравление с Днем Победы, издала указ, запрещающий гражданам города упоминать эти мои недостатки, и приказала, чтобы я официально считался чубатым, высоким и стройным. Я прекрасно понимаю, что такой указ лишь подчеркнет мои недостатки и заставит всех только и думать об этом и втайне смеяться надо мной. Как смеялись над брежневской выставкой золотых звезд и орденов на груди. Тем более я считал бы оскорбительным запрет сомневаться в том, что я профессор, доктор наук и написал два десятка книг. Да пусть кто-то и сомневается – в ответ проще всего выложить факты.

Теперь на более серьезную тему. Во Франции принят закон, по которому наказуемым преступлением является высказанное сомнение в Холокосте, то есть в том, что немецкие национал-социалисты осуществляли геноцид евреев. Демократическая Франция хотела выразить свою солидарность с евреями и загладить чувство исторической вины за дело Дрейфуса и деяния Виши. Следом за Францией этот закон приняли некоторые другие европейские государства. В 1944 году я лично побывал в первый день после его освобождения в лагере смерти Лентвариус и видел собственными глазами печи-душегубки, горы срезанных перед смертью волос и вдыхал запах гари. Видел нескольких уцелевших узников. Я знаю, что Холокост был. Но я решительно против законодательного запрета сомневаться в Холокосте: как в числе погубленных евреев (его подсчитывают по-разному) и даже в самом факте геноцида. Тех, кто сомневается, надо убеждать, тех,

кто убеждает в противоположном, надо опровергать. Заткнуть рот – всегда было слабейшим из аргументов.

Законы типа французского закона о Холокосте называются *мемориальными*: они регулируют историческую память. Но если регулировать историческую память, то надо распрощаться с академическими свободами и с объективной историей как наукой. Тогда история становится пропагандой, и польза от нее – мимолетная, рассчитанная на моментальную политическую конъюнктуру, а настоящей пользы – для осмысления исторического опыта – ноль.

Конечно, на практике сомнение в Холокосте есть проявление антисемитизма. Поскольку я – человек еврейского происхождения, мне, естественно, ненавистен антисемитизм. Но я буду возражать против запрета считать, что у евреев как у нации есть недостатки и что в истории евреев были темные пятна. Дайте только возможность опровергать эти взгляды и противопоставлять им факты о положительных качествах и исторической роли евреев. Вообще имеет ли человек антисемитские воззрения и настроения или, наоборот, стыдится их, не должно быть вопросом юриспруденции – это вопрос морали, этики.

Другое дело, что должны караться призывы к изгнанию евреев, лишению гражданских прав, уничтожению и т. п., должны караться практические выводы, что каждый еврей в ответе за мнимые или реальные грехи его предков и сородичей. Это подлежит искоренению, как всякое разжигание национальной розни.

Хотя я по происхождению еврей, по языку, культуре и самосознанию я – русский. Поэтому и не уехал в Израиль. Родина моя в России. И я остро и болезненно воспринимаю также выпады в адрес русского народа, когда такие случаются. К сожалению, русофобия встречается все чаще, хотя обычно не там, где на нее указывают некоторые думские ораторы и некоторые близорукие националисты. Эту реальную русофобию порождают грубые и неотесанные русские нувориши, куролесящие по Европам, и неумная политика наших властей, из-за которой у нас все меньше друзей среди соседей.

А у нас русофобами называют тех, кто болеет за недостатки нашей жизни. Они же налицо. Мне больно сознавать, что русский народ быстро уменьшается, что продолжительность жизни близка к африканской, что русская наука стремительно хиреет и теряет позиции. Колоссальные деньги уходят на фантастические прожекты, один из которых протаскивает пресловутый Петрик, причем протаскивает успешно, потому что патент на гениальное

открытие – как из воды добывать триллионы – вместе с ним подписал спикер и глава единоросов Б. Грызлов. На досуге от государственных дум он, видите ли, вместе с Петриком походя делает выдающиеся научные открытия (только злобствующая комиссия Академии наук по борьбе со лженаукой не признает их за открытия – явно завидует). В любой нормальной стране после обнаружения этого документа глава самой крупной партии и спикер парламента должен был бы немедленно подать в отставку, а Генпрокуратура занялась бы выяснением финансовых потоков, проходивших под его магическими пассами через ловкие руки Петрика. Но не у нас.

Поскольку спикер Грызлов сам объединил себя с гениальным махинатором Петриком, далее я всю команду, сложившуюся вокруг Грызлова, буду для краткости именовать петриками.

Дабы закрыть дымовым облаком и шумом историю с очисткой воды и удержаться у власти, петрики решили сделать ставку на борьбу с русофобией, как они ее понимают, возглавить эту борьбу и перенести ее на поле истории. Как спикер Грызлов знает историю, ясно из того, что он в одной речи приписал Копернику изречение Галилея «А все-таки она вертится!» и отправил его на костер вместо Джордано Бруно. Классическое изречение Грызлова «парламент не место для дискуссий» показывает, что он истинный *спикер* Госдумы: сначала говорит, потом думает.

В истории России, как в истории любой страны, есть всякие страницы – светлые и темные. Вот петрики решили настоять на том, что темных страниц в истории России не было и быть не могло. Петрики утверждают, что враги России спят и видят, как бы очернить ее историю и прежде всего опровергнуть ее победу в Великой Отечественной войне. Нужно, мол, противостоять этому – показать, что советское правительство и Сталин не причастны к развязыванию войны, к захвату территорий независимых государств, к оккупации и созданию марионеточных режимов и т. п.

То есть исправить прошлое петрики не могут: оно прошло и уже неисправимо. Но можно запретить думать… Ах нет, это тоже невозможно – никак не проконтролируешь, ведь чтение мыслей на расстоянии Петрик пока еще вместе с Грызловым не запатентовал. А вот запретить высказываться – говорить и писать так, как люди думают, рассуждая и сомневаясь, – это осуществимо. Чтобы отныне писали и говорили только так, как признано допустимым свыше, властями, которые контролируются петриками, – партийным руководством единоросов.

Фракция петриков в Думе выдвинула мемориальный закон,

запрещающий выражать сомнение в том, что установлено приговором Нюрнбергского трибунала.

6 мая 2009 года (к юбилею победы) следующая поправка к УК была официально внесена в Думу группой депутатов во главе с Борисом Грызловым:

«Искажение приговора Нюрнбергского Трибунала, либо приговоров национальных судов или трибуналов, основанных на приговоре Нюрнбергского Трибунала, допущенное с целью полной или частичной реабилитации нацизма и нацистских преступников, либо объявление преступными действий стран-участников антигитлеровской коалиции, а также одобрение, отрицание преступлений нацизма против мира и безопасности человечества, совершенные публично, наказываются – штрафом в размере до трехсот тысяч рублей, либо лишением свободы на срок до трех лет».

Те же «деяния», совершенные с использованием служебного положения или средств массовой информации, предложено наказывать штрафом до пятисот тысяч рублей или заключением на срок до пяти лет.

В великолепной статье историк Николай Копосов показал, что этот законопроект абсолютно неприменим на практике, так как: а) текст Нюрнбергского приговора составляет целую книгу, недоступную советскому гражданину, б) он ничего не говорит о послевоенной действительности, в) по договоренности между победителями он не признает преступлениями Мюнхенский сговор, пакт Молотова-Риббентропа и приписывает расстрелы в Катыни немцам. Если исходить из опоры на Нюрнбергский трибунал, то пришлось бы судить Путина за признание преступлений НКВД в Катыни[61]!

Мемориальный закон продолжает линию, обозначенную учреждением комиссии по фальсификациям[62]. «Но, – пишет Копосов, – разница между созданием комиссии и принятием закона очевидна: полномочия первой ограничены разработкой предложений президенту, а на основании второго любой судья сможет осудить любого „очернителя прошлого“».

Правительство, видимо, учло несуразность предлагаемого закона, и он был завернут на пути к принятию. Но петрики не унялись. 30 марта 2010 года было объявлено, что его новый вариант подготовлен, а 16 апреля он был внесен в Думу, где опять идет подготовка к юбилею Победы. В новом варианте формально критические замечания учтены, и соответствующие пассажи изъяты, но суть оставлена без изменений. Теперь он звучит так:

«Одобрение или отрицание установленных приговором

Нюрнбергского Трибунала преступлений нацизма против мира и безопасности человечества, совершенные публично, наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей, либо лишением свободы на срок до трех лет».

Копосов иронизирует: «Бонапарт наставлял создателей своей конституции: „Пишите так, чтобы было кратко и неясно“». Под эту статью можно подогнать что угодно. Я бы предложил и номер для статьи подобрать соответствующий – 58: традиция как-никак. Пункты и подпункты появятся потом. Лагеря ждут.

Первым кандидатом на отправку являюсь я. Я сомневаюсь: а была ли победа, если победители до сих пор живут гораздо хуже побежденных, в чем нетрудно убедиться, побывав в Германии. Если день рождения Гитлера празднуется молодежью в городах России, а расистская литература раскупается у нас гораздо успешнее, чем в Германии. Если несколько десятков депутатов Госдумы вносят законопроект о запрете всех еврейских организаций в стране. Если русские марши проходят под знаком, очень похожим на свастику. Если милиция охотнее арестует антифашистов, чем нацистов.

Как только закон будет принят, меня можно сажать. Многих можно заставить молчать. Но все подумают хором. И это будут мысли, не согласные с надеждами петриков. Несогласные.

№ 9 (53), 11 мая 2010

7. Всерьез о судьбах марксизма

В Молдавии есть Высшая антропологическая школа – очень современный вуз с преподаванием на русском языке, в нем есть кафедра антропологии и социальных технологий, которой заведует Леонид Авраамович Мосионжник, романтик и человек энциклопедически образованный. В 2011 году из-под его пера вышел объемистый труд «Классический и современный марксизм». На обложке – Маркс, сидящий за компьютером.

Это детальное описание марксизма как системы научных взглядов, с характеристикой выдающихся деятелей марксизма, написанное с позиций его почитателя. В то же время Мосионжник по своей природе – демократ и человек либеральных взглядов. Он сугубо критически относится к сталинизму и не закрывает глаза на огрехи марксизма, хотя и считает его потенциал далеко не исчерпанным.

«Марксизм – это, безусловно, интересно, – заметит читатель, – но почему посвящать такой узкоспециальной книге отдельную рецензию?» Поясню. Хотя марксизм в целом относится больше к теории социологии, но сегодня можно наблюдать всплеск интереса к «практическому» применению некоторых его постулатов. Книга Мосионжника написана чрезвычайно образованным и знающим человеком, поэтому ее интересно читать и с автором интересно спорить. На мой взгляд, именно такая книга хорошо демонстрирует главные «слабости» марксизма, которые делают это учение утопическим, а его реальные «приложения» – столь кровавыми.

В частности, возьмем вопрос о частной собственности. Ее отмена кажется Мосионжнику необходимой и неизбежной (даже на своем труде он поставил не значок копирайт, а противоположный – свободы пользования). Эта необходимость и даже неизбежность мотивируются марксистской философской истиной: *коренное противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения*. Ладно, уничтожим частную собственность (это уже бывало), исчезнет частный характер присвоения, но частный характер потребления же останется! Значит, останется коренное противоречие! С ним-то что делать? Потреблять коллективно? Это, кстати, понимает и сам Мосионжник. В главе «Научный коммунизм» он рассматривает общество будущего как коммунистическое – без частной собственности. Он понимает, что при человеке современного типа оно существовать не сможет. И Маркс это понимал, потому планировал это общество не для своих

современников. Маркс ставил задачу воспитания нового типа человека. Эту задачу рассматривает и Мосионжник, говоря о построении новой морали, новой этики, о сходстве марксизма с религией. Уж куда ближе: священное писание, жития святых, ереси, инквизиция, списки запретных книг, требования покаяний, казни несогласных, обращение неверных…

Но Мосионжник совершенно упустил один из основных пороков теоретического марксизма: Маркс сводил человека к узлу социоэкономических связей, полностью игнорируя его биологическую природу. У человека есть наследуемые биологические качества, неотъемлемые и неподдающиеся переделке: исключительная любовь к своим детям, любовь и забота о своих родителях и братьях-сестрах – куда большая, чем об остальных людях, чувство солидарности с узкой общиной, ряд инстинктов. Отменив частную собственность на средства производства, мы убираем важнейший стимул к труду – адекватной замены ему нет, это показала вся советская практика. Чтобы создать равенство, нужно отменить право наследования. Это еще более дезорганизует труд.

В одной из глав автор разбирает «российские варианты марксизма: большевизм и сталинизм». Он старается вывести все беды сталинизма из локальных особенностей России – из влияния православия, незрелости рабочего класса и так далее. Но ведь везде, где коммунисты приходили к власти, было то же самое. В России – ЧК, ГУЛАГ и массовые расстрелы, в Камбодже – тяпками отрубали головы значительной части населения, в Китае – хунвейбины, в ГДР – всевластие штази и убитые при попытках преодолеть Берлинскую стену. И везде потрясающие контрасты между убогим и нищим населением и роскошью верхушки – от Кремля до Чаушеску, от династии Кимов в Корее до Туркменбаши. Почему везде одно и то же? Если «виноват не Маркс, а неправильное употребление его идей» (с. 76), то почему за полтораста лет где бы ни применялись его идеи, они всегда применялись неправильно? Может, виноваты все-таки сами идеи? Если эксперимент не удался раз – виноват эксперимент, если два раза – экспериментатор, если три – теория. Марксистский эксперимент провалился десятки раз.

Автор начинает эту главу со споров Ленина с Карлом Каутским, но забывает отметить главное: что в споре с Каутским по основному вопросу – о природе социалистического государства – прав оказался как раз Каутский. Ленин считал (или по крайней мере утверждал), что демократический централизм позволит диктатуре пролетариата служить народу, а Каутский предсказывал, что диктатура пролетариата неизбежно сведется к

диктатуре партии над пролетариатом, а та – к диктатуре ЦК над партией, а в конечном счете к диктатуре одного вождя над всеми, к произволу и бесчинствам. Что и произошло.

Интересно, кстати, что в главе «Марксизм на Западе» автор хочет противопоставить советскому догматическому марксизму его свободные творческие трактовки на Западе (еврокоммунизм и прочие течения). Это любопытно, но не производит большого впечатления. За исключением левацких авантюр, это идеология социал-демократических партий, боровшихся за улучшение экономического положения трудящихся без покушений на строительство коммунизма.

Пытаясь определить позиции коммунистов в современном постиндустриальном мире, где первенство переходит от индустрии к информации, автор называет главными противниками марксизма «неолибералов», причем почему-то анализ ограничивает делами Пиночета и совершенно умалчивает об экономике Тэтчер и Рейгана. Вообще вопросам экономики в книге уделено мало места, а вопрос о месте государственной регуляции в капиталистической экономике надо бы рассмотреть со всей серьезностью – ведь тут капиталистический менеджмент как раз вторгается в ту сферу, в которой марксист чувствовал себя единственным знатоком. Возможно ли достичь нужного эффекта без введения жесткой плановости (мы хорошо знаем ее последствия) и способен ли государственный капитализм конкурировать с новыми типами капиталистической экономики – вот в чем сейчас состоит решение судьбы марксистской политэкономии.

Само название завершающей труд десятой главы формулируется вопросом: «Есть ли будущее у марксизма?» На этот вопрос мы оба отвечаем утвердительно. Но Мосионжник – потому, что верит в осуществимость утопии, а я – потому, что не верю ни в трезвость народных масс, ни в скорую ликвидацию неравенства на земле.

№ 11 (105), 5 июня 2012

8. Царь недавно и встарь

Редко какой фильм приводит к столь явному расколу общества, как лента Павла Лунгина «Царь» с самобытным Мамоновым в роли Ивана Грозного и бесподобным Янковским в роли митрополита Филиппа. С одной стороны, лавры кинофестивалей, с другой – видеообращение писателя Вячеслава Манягина к президенту и его «Комиссии по фальсификации» с просьбой запретить прокат фильма как клеветнический и наносящий урон России.

Ну ясное дело: с одной стороны, профессиональные патриоты вроде того же Манягина или профессора и низложенного декана исторического факультета Петербургского университета И.Я. Фроянова, а с другой, – отъявленные либералы вроде телеведущего Сванидзе. Но ведь и в православной церкви тот же раскол: петербургский священник Алексий Успенский начал в прессе кампанию против этого фильма, а другой церковный деятель, иеромонах Симеон (Томачинский) поместил в Интернете яркую статью в защиту фильма, с подзаголовком «взгляд клерикала». Многие ревнители православия восприняли фильм как апологию идеи о главенстве церкви над государственной властью, а православный журналист Владимир Семенко в статье «Большая ложь Павла Лунгина» открывает им глаза: Лунгин же убивает православную идею о грехе и покаянии, настаивая всей тканью фильма, что греха нет, что человек безгрешен, а идея греховности лишь оправдывает тиранию и деспотизм…

Спор ультрапатриотов с либералами основан на принципиально разной оценке личности Ивана Грозного: великий государь, расширивший страну вдвое и проведший прогрессивные реформы, или тиран и мучитель, после которого население уменьшилось вдвое и наступила Смута. Основан он и на принципиальном различии в оценке российской истории – светлая и вдохновляющая во всех своих эпизодах или кровавая и ужасная по крайней мере в некоторых. Разоблачители Лунгина вытаскивают многие эпизоды, которые на деле выглядели не так: Псков был взят не в те годы, Иван не лично расправлялся с митрополитом Филиппом и так далее. Артисты их не устраивают: Мамонов гораздо старше, чем был Иван в годы введения опричнины, у Янковского в лице недостаточно святости…

Я тоже мог бы указать неточности и художественные просчеты в фильме: царица Мария Темрюковна действует как современная скандальная дива шоубизнеса, шут (Охлобыстин), пожалуй, перебарщивает своими вольностями. Но в целом фильм

производит сильное впечатление, а на неточности жаловаться в «Комиссию по фальсификации» бессмысленно: перед нами художественное произведение, а не диссертация и не учебник истории. Требовать от него достоверности всех деталей – все равно что изучать биографию Ришелье по «Трем мушкетерам». А вот общая картина исторического прошлого все же должна быть верной, и отношение к нему – продуманным.

В поисках этой реальности и справедливости защитники Ивана Грозного всячески преуменьшают число жертв (определяя их по Иванову синодику убиенных) и ссылаются на гораздо большее число погибших при европейских современниках Ивана – на Варфоломеевскую ночь во Франции и т. п. Ну, во-первых, ссылки на чужие зверства не оправдывают зверств домашних, а во-вторых, суть и ужас тирании ведь не в количестве убитых (хотя и это имеет значение), а в атмосфере произвола и террора, случайно падающего на любого, в вечных подозрениях, в неправедных обвинениях, возникающих по капризу властителя, в его наслаждении пытками и казнями. Легко находить оправдание, когда речь идет о муках другого, а вот что если сам оказался бы на дыбе или на костре…

Вся горячность полемики вокруг фильма связана с тем, что в фильме есть еще один, гораздо более современный герой. Фильм – словно «Мастер и Маргарита» разворачивается в двух эпохах. Только в романе Булгакова эпохи сменяются попеременно, советская Москва и древний Ершалаим, а тут все слито воедино и современный герой незримо присутствует во всех сценах. Этот герой – Иосиф Сталин. Это его участие придает такую злободневность фильму об Иване Грозном, потому что все обвинения Ивану в безумии и зверствах адресованы и ему, Сталину, параноику и маньяку. И все аргументы в пользу Ивана как великого государя зато́чены под его, Сталина, защиту. Все восхваления Ивана звучат во славу этого недавнего идола, еще владеющего душами значительной части населения. Почившего фараона, еще почитаемого рабами.

Меня издавна интересовало, почему именно такая личность оказалась во главе нашего государства. Тем более что это было не впервые. Иван Грозный – несомненный прототип Сталина. Оба были самовластны и жестоки, оба проводили политику кровавого террора, оба тиранили своих близких, у обоих погибали жены, оба были причастны к гибели сыновей, оба создали всесильную гвардию – опричников и НКВД – КГБ, оба не раз казнили своих ближайших сподвижников, оба войнами расширили границы своих государств, после обоих государства были повергнуты в Смуту и распад. Сталин был в юности семинаристом, потом

атеистом, крушил церкви, расстреливал священников, потом заигрывал с религией в политических целях. Глубже, чем Сталин, Иван Грозный был привержен религии, истово молился, боялся Страшного суда, хотя это не мешало ему время от времени вырезать церковные верхи.

Сталин не случайно испытывал к нему симпатию. В мои аспирантские годы у нас в университете, выступая перед нами в актовом зале, актер Черкасов рассказывал, как Сталин инструктировал его для исполнения роли Ивана Грозного. «У Ивана был только одын нэдостаток: он был нэдостаточно жесток, – наставлял вождь с легким грузинским акцентом. – Так, например, он, правда, вирэзывал бояр, врагов государства, целыми родами, но потом молился и каялся. Чего, спрашивается, каяться?» Я с наслаждением читал замечательную пьесу А.К. Толстого «Смерть Иоанна» и узнавал атмосферу своего времени. Алексей Константинович Толстой, живя во второй половине XIX века, будто списывал события с века нашего.

В студенческие годы я не раз отвлекался от археологии на изучение истории России эпохи Ивана Грозного. Вчитываясь в изложение исторических событий, я видел, что аналогии не случайны: Сталин в наше время проделал то же самое (в социальном смысле), что Иван Грозный на своем феодальном уровне совершал в царской России.

В самом деле, что проделал Иван Грозный? До него основной слой феодалов составляли *вотчинники* – князья Рюриковичи, бояре. Каждый из них унаследовал свои имения и своих крепостных от *отца* и должен был передать свою вотчину своим же сыновьям. Поэтому вотчинники эксплуатировали своих крепостных умеренно, чтобы оставить сыновьям работоспособное хозяйство. Вотчинники имели свои войска и были в большой мере независимы от государя. Приходилось считаться с их интересами. Иван, учредив опричнину, расправился с вотчинниками, отнял их владения и раздал своим опричникам, поделив на мелкие участки. Он *поместил* их на эти земли, и они стали называться *помещиками*. Чем они отличались от вотчинников? Тем, что они целиком зависели от государя, он их поместил на земли, он же мог их и сместить. И смещал не раз. Сыновьям доставалось не поместье отца, а иное, в зависимости от их службы государю. Помещики не были заинтересованы в процветании своих крестьян и драли с них три шкуры, потому что неизвестно было, кому эти земли достанутся потом, даже через несколько лет.

Таким образом, революции не произошло: *форма* эксплуатации осталась прежней, а вот *норма* эксплуатации резко возросла. Результатом было значительное усиление единовластия

государя (теперь он мог вести завоевательные войны) и обогащение класса феодалов за счет потрясающего обнищания и вымирания крестьянства. Последствиями были разорение страны и последующая Смута. А потом, уже при Петре и Екатерине, помещики постепенно вновь превратились в вотчинников, отвоевали прежние привилегии.

Сталину досталось от Ленина государство на словах революционное, демократическое и социалистическое. А на деле? Никакой демократии не было и в помине. Вся власть принадлежала одной партии, точнее ее верхушке, а раз не было демократии, значит, не было и социализма, потому что социализм – это общественная собственность на средства производства. Коль скоро нет демократии, значит, у народа нет возможности управлять своими средствами производства. Они не принадлежат ему. Земля была лишь на словах отдана крестьянам, а на деле ею распоряжались председатели колхозов и директора совхозов, подчиненные через посредствующие звенья Москве, ЦК, несменяемому вождю. Вот кому принадлежали все средства производства в стране. То есть одному владыке – как в древнем Египте. А крестьяне снова оказались крепостными – ведь из деревни нельзя было уехать: у крестьян не было паспортов. Продразверстка и продналог были типичным оброком, а трудодни – барщиной. Их отличие от прежней барщины было только в большем их количестве на семью. А основной доход крестьянина шел с личного участка, как и прежде, только участок теперь сильно ужался – до нескольких соток (а в царское время был не меньше семи десятин). А поскольку с заводов рабочие не могли уволиться без разрешения начальства, то можно сказать, что существовали и полукрепостные рабочие. Таким образом, успехи 1861 года были ликвидированы, капиталистический уклад был сокрушен, и, как и во время Ивана Грозного, вождь руководил феодальным государством. (Только еще и с элементами рабовладельческого, потому что ГУЛАГ был основан на рабском труде.)

Так что же в социальном смысле сделал на селе Сталин? Он ликвидировал многочисленные самостоятельные хозяйства «кулаков» (а помещики были сметены до него) и согнал всех крестьян в колхозы, где распоряжались поставленные им «председатели». До того «кулаки» были заинтересованы в развитии своих хозяйств, потому что надеялись передать их сыновьям, а теперь каждый председатель был заинтересован только в том, чтобы выполнить спущенный сверху план по сдаче продуктов, выполнить его любой ценой. Государство получило возможность забирать из села все продукты подчистую для

выполнения своих воинственных планов. Это в сущности то же самое, что за четыреста лет до того проделал Иван Грозный. Эти два исторических персонажа функционально, по своей роли в истории, схожи. Отсюда огромное сходство этих исторических фигур и их деяний во всем остальном – опричнина и ЧК-НКВД-КГБ, массовые казни Ивана и сталинский Большой террор, расправы с ближайшими сотрудниками, кровавые драмы в собственных семьях, державная мощь при жизни, Смута и развал после смерти.

Словом, общим для обоих исторических деятелей было то, что лежало в основе их деяний: в сущности, восстание государственной машины против создавшего ее класса, полный его разгром и узурпация ею его функций. Но это ставит под вопрос определение Октябрьского переворота 1917 года как революции. Вот Февральская революция – это была действительно буржуазно-демократическая революция, а Великий Октябрь – какая же это революция? Ликвидация всех партий, кроме одной (которая перестала быть партией и превратилась в религиозно-рыцарский орден), полная отмена демократии и как венец – «Великий перелом» 1929 года.

Так уж получилось, что я оказался не историком, а археологом и не стал подробно разрабатывать эту тему. До своих мемуаров я нигде не публиковал этих мыслей. Сначала это было невозможно, а когда стало возможно, утратило интерес, по крайней мере для меня. Уже после падения советской власти я показал свои старые наработки Даниилу Натановичу Альшицу, известному драматургу, историку и специалисту по Ивану Грозному. Он сказал, что это стоящая идея, но нужно много труда, чтобы ее серьезно разработать. Это я и сам понимал, а времени на такую работу у меня не было – я был занят другими проблемами. Но мысли эти были всегда со мной, я привожу их здесь, потому что, во-первых, они поясняют мои поступки, мой выбор, мою жизнь, а во вторых, они дают представление о моих чувствах при просмотре фильма Лунгина «Царь».

Недавно и встарь в России действовали одни и те же тектонические сдвиги, поднимавшие наверх схожих властителей. Художественно возрождая на экране Россию Ивана Грозного, с опричниной и произволом, Лунгин предупреждает об опасности реального возрождения Сталинского государства, с Большим террором и ГУЛАГом, потому что опьянение властью одних и истовое холопство других остаются в душах слишком многих соотечественников. «Где мой народ?» – вопрошает царь, пригласивший подданных на кровавый пир. Лунгин на этом прерывает повествование, надеясь, что подданные не придут. «А

мы здесь!» – с готовностью отвечают современные апологеты обоих тиранов. Дурачье! Они будут вздернуты на дыбу первыми…

№ 1 (45), 19 января 2010

9. Приглашение к застою

Крутицкий (кивая головой). Готово?

Глумов. Готово, ваше превосходительство. (Подает тетрадь.)

Крутицкий (берет тетрадь). Четко, красиво, отлично. Браво, браво! Трактат, отчего же не прожект?

Глумов. Прожект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается… (с заискивающею улыбкой) и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкий. Так вы думаете, трактат?

Глумов. Трактат лучше-с.

Крутицкий. Трактат? Да, ну, пожалуй. «Трактат о вреде реформ вообще».

А.Н. Островский. На всякого мудреца довольно простоты, действие 4, явление 1

1. «Манифест». Прославленный кинорежиссер Никита Сергеевич Михалков, известный своими православно-монархическими убеждениями и верной службой советской безбожной власти (как и восторженным отношением к власти нынешней), решил заняться обустройством России и выпустил «Манифест просвещенного консерватизма», датированный подобно энцикликам папы Римского римскими цифрами – MMX (2010). «Манифест» обращен не к широкой публике, а к правящей элите («политической гвардии») – издан небольшим количеством экземпляров.

Прежде всего поражает то, каким напыщенным и безвкусным языком написан этот текст – что-то вроде смеси церковной

проповеди с предвыборной агиткой, странно звучащей в устах заслуженного деятеля культуры. Возможно, виной тому слабость аргументов, которую автор «Манифеста» подсознательно должен был ощущать. Кроме того, он оказывается в ложном положении, призывая к христианским добродетелям, когда всем миром читатели наблюдают необыкновенно цепкую борьбу автора за свои доходы (пресловутый «налог на болванки») на фоне традиционной семейной привилегии Михалковых на обслуживание верхнего эшелона власти. Так что скептическое и брезгливое отношение массы читателей вполне понятно, и я не буду здесь подробно развивать эту тему.

2. Имперская история. Рассматривая «*тысячелетний путь от „Святой Руси“ к „Великой России“*», Михалков пишет: «*В каждом периоде российской истории есть белые и черные страницы. Мы не можем и не хотим делить их на свои и чужие. Это наша история! Ее победы – наши победы, ее поражения – наши поражения*». Стоит заметить, что важно не только различать победы и поражения, но и осознавать наличие в нашей истории пороков и преступлений. Хочет ли автор «Манифеста» сказать, что это наши пороки и наши преступления и мы будем оправдывать и отстаивать и эти традиции, поскольку они – наши? От братоубийства Бориса и Глеба до массовых пыток и казней Ивана Грозного и Малюты Скуратова? От покорения Чечни, описанного Львом Толстым, до высылки всех чеченцев и ингушей с Кавказа? От философского парохода до дела врачей-вредителей?

Михалков рассуждает о принятии Русью православия. «*В ту пору*, – пишет он, – *вера органично входила в быт, а быт в веру*». Историки знают об этой органичности некоторые подробности, по которым Владимир крестил где добром, а где и мечом, да и сами славяне воспринимали новую веру не органично и легко, так что долго было распространено двоеверие. «*Государственная идеология была неотделима от православного миросозерцания, от симфонии Царства и Священства*». Ну, пожалуй, и вначале, и временами потом – вполне отделима. Как и на Западе (борьба пап с императорами), порою вспышки борьбы князей с епископами, а потом царей с патриархами принимали весьма острые формы (вспомним хотя бы убийство митрополита Филиппа и никонианство!). Так что симфония-то была полна диссонансов.

«*Российская империя повторяла путь Империи Византийской*», – с восторгом пишет Михалков. Ему, как и клерикальным авторам недавней киноэпопеи о разгроме либералов в Византии, очень бы хотелось, чтобы это было так. Но это не так. Точнее, так лишь отчасти: российская императорская

власть действительно порою вдохновлялась традициями Византии, а в русском гражданском обществе термин «византийский» всегда был синонимом не только застоя и реакции, но и интриганства, подсиживания, подковерной возни. Да стоило бы вспомнить конец Византии (впрочем, и конец российской империи с ее византийскими традициями).

Еще одна историческая цитата: «*Митрополит Филарет (Дроздов), автор Манифеста 1861 года, освободившего крестьянство России от многовековой крепостной зависимости, является ярким примером церковного деятеля просвещенно-консервативного направления*». Может быть, стоило бы тут отметить, что освобождение было без земли, то есть что оно оставило крестьян в экономической зависимости от помещиков? Что это вызвало мятежи и восстания крестьян? И что в конечном счете это и привело к победе большевиков в революции?

Михалков далее повествует: «*В 1914 году, защищая православную Сербию, Россия вступила в Мировую войну*». Историки же полагают, что это было только поводом, а причины вступления России в войну были гораздо более сложными и противоречия интересов ее правящих классов с властями Германии и Австро-Венгрии были гораздо более многообразны.

Советскую власть Михалков изображает ностальгически. В советской России, по Михалкову, были «*побеждены нищета, болезни и голод*». Если они существовали в царской России, то откуда они взялись в идеальной симфонии православия и имперской власти с византийскими традициями, а если они возникли в советское время, то, наверно, не так уж была хороша советская власть? Да и справилась она с голодом очень поздно и очень не до конца. Вспомним «колбасные электрички» из столицы в разные соседние области.

О распаде Советского Союза Михалков пишет: «*Это была геополитическая революция*». Путин выражался прямее: «*геополитическая катастрофа*». Если это замаскированный плагиат, то он не удался: сразу видно, откуда ноги растут.

3. Русская идея. «*В итоге*, – заключает свой пробег по русской истории Михалков, – *мы вступили в XXI век, проживая уже не в „Святой Руси“ и не в „Великой России“*». Он констатирует этот факт как нечто сатанинское и страшное. Между тем все империи распадаются. Распалась Священная Римская империя, Британская империя, Французская, Датская, Испанская, Голландская, Османская, империя Габсбургов… Видимо, пришло время и Российской империи разделить судьбу своих соседей. Распад начался в 1917 году, и еще вопрос, завершился ли в 1991-м. Суть не в том, удастся ли задержать этот распад (если не

понять его причины, то явно не удастся), а в том, чтобы он произошел как можно более цивилизованно, без кровопролитий, и чтобы после распада русским людям было так же удобно жить, как англичанам в Англии, датчанам в Дании, голландцам в Голландии и так далее. Вот в чем вопрос. На мой взгляд, это и есть сейчас насущная национальная идея России. Не стремиться к руководству другими народами, а заботиться о приумножении богатств и благоустройстве своей страны. Не думать о ее исключительности (это утешение отстающих), а учиться у тех, кто успел больше.

Михалков решительно отказывается «*верить сказкам о чудесах рыночной экономики*». Сказкам я бы тоже не хотел верить. Но я вспоминаю, как советские женщины, приехавшие впервые в европейские страны с рыночной экономикой, падали в обморок при виде изобилия, обнаруженного в западных универмагах. Было такое. И главное – зарплаты там и сейчас в десятки раз превышают наши (правда, не Вашу, Никита Сергеевич, и не семейства бывшего мэра Москвы). Это же не сказки. Это жизнь.

4. Просвещенный консерватизм. Панацеей от всех зол Михалков считает «*просвещенный консерватизм*». Он противопоставляет его «*радикальным новациям любого толка*», «*националистическому экстремизму и международному терроризму*». Экстремизм и терроризм добавлены для пущего страха (они вообще ныне стали клеймом для всяких политических противников), а радикализм противостоит не консерватизму, а умеренности. Консерватизм же всегда противостоял движению вперед, прогрессу. Консервировать – значит, сохранить. Что же хочет сохранить Михалков? А он считает, что следовало сохранить российскую монархию, а коли не сохранили, то нужно было сохранять советскую тоталитарную власть, а раз и это не удалось – то авторитарную власть Путина. Мы хорошо помним, как Михалков от нашего общего имени выражал свои всеподданнейшие восхищения и пожелания Владимиру Владимировичу. Чем же «просвещенный консерватизм» отличается от просто консерватизма? Ведь не тем же, чем «суверенная демократия» от просто демократии. Просвещенный отличается цветочком в петлице и надушенными усами.

Кто же является носителем просвещенного консерватизма? Главные носители намечены исторической ретроспективой: это прежде всего Победоносцев. «К просвещенным консерваторам принадлежат выдающиеся представители государственной бюрократии, пережившие свой звездный час в эпоху царствования императоров всероссийских Александра I, Николая I, Александра

II, Александра III, Николая II». То есть те, кто и привел Россию к революции и распаду. «Государственная бюрократия» – вот классовая основа «просвещенного консерватизма». «Главной опорой партии консерваторов» являются и «*избиратели революционной по своей сути партии КПРФ*». На более продвинутые и образованные столицы (Москву, Петербург) Михалков надеется мало – он уповает на более отсталую провинцию. «*Консерватизм, в хорошем смысле слова, провинциален*». После чего следует сентенция общего характера: «*Человек с устойчивой психикой и здравым рассудком, как правило, консервативен. Он хочет жить и умирать так, как жили и умирали его отцы и деды*». Если предки жили при создателе империи Иване Грозном, а затем при «эффективном менеджере» Иосифе Сталине, если деды и отцы жили в ГУЛАГе и умирали в расстрельном подвале с пулей в затылке, то сам Михалков вправе избирать для себя такой консервативный идеал, но не стоит звать к нему соотечественников.

Вот еще одно новое понятие, введенное в политический словарь Михалковым: «гарантийное государство». Когда начинают выявляться особенности этого вида государства, то оказывается, мы его хорошо знаем: «*губернаторы и мэры городов федерального значения должны выдвигаться на должность и освобождаться от должности Президентом страны*», а не выбираться населением. И тут же: «*подкуп и давление властных и олигархических группировок на избирателей – должны окончательно и бесповоротно уйти в прошлое*». Да как же они уйдут, когда чиновники (основные взяточники) ответственны только перед начальством, которое они подкармливают теми же взятками? По Михалкову, количество партий должно быть ограниченным: «*В будущем в России должны остаться три политические партии, могущие реально бороться за власть: консервативная, либеральная и социалистическая*». А если народ захочет, скажем, партию зеленых? Нельзя! А демократическую? Ни в коем случае! А монархическую? И ее никак! А ведь, кажется, Никита Сергеевич объявлял себя монархистом? Вот она жертвенность! Чем не пожертвуешь ради «гарантийного государства»!

5. «Евразийский» реваншизм. По «Манифесту» Михалкова видна его близость к современной разновидности «евразийской» идеологии, разрабатываемой выходцем из пресловутой «Памяти» Александром Дугиным. Эта квинтэссенция «Манифеста» содержится в следующих тирадах артиста:

«*По Божьей Воле сложившийся в России тысячелетний союз многочисленных народов и племен представляет собой уникальную*

русскую нацию… Нам свойственно особое сверхнациональное, имперское сознание, которое определяет российское бытие в системе особенных – евразийских – координат. Ритм нашего развития и территория нашей ответственности измеряются континентальными масштабами… Россия-Евразия – это не Европа и не Азия, и не механическое сочетание последних. Это самостоятельный культурно-исторический материк, органическое, национальное единство, геополитический и сакральный центр мира… Непонимание роли и места, которое занимала, занимает и призвана занимать в мире Россия, по меньшей мере опасно, а по большому счету – губительно, потому что ведет к гибели православной цивилизации, исчезновению русской нации и распаду российского государства».

Обычно центром мира становится не то государство, которое этого усиленно добивается, а то, которое больше других заботится о внутреннем благоустройстве и о счастье своих граждан, о своей технике и науке, о своей промышленности и окружающей среде. Непонимание роли и места России действительно опасно и по большому счету губительно, хотя эту опасность я вижу не там, где ее видит Михалков.

К «просвещенному консерватизму» Михалков добавляет «*здоровый просвещенный национализм*». «*Именно такой тип национализма создавал в мировой истории великие империи с позитивной миссией, которые были свойственны византийской, англосаксонской и российской государственности*». Михалков воспевает «*общенациональную миссию*». Он призывает нас опять обучать весь мир, не говоря уже о Ближнем Зарубежье, особой духовности, государственным нормам и цивилизации.

И в завершение: «*Мы вновь должны стать едиными и сильными, а Россия – Великой*» – восклицает Михалков. Его поддерживают другие борцы за восстановление Российской империи – Проханов, Фроянов, Дугин. Они совершенно не спрашивают, хотят ли этого украинцы, белорусы, молдаване, казахи и прочие бывшие советские люди, не говоря уже об эстонцах, латышах и литовцах. Лозунг Михалкова – это опасный реваншизм, он ведет к тому же, к чему вел и германский реваншизм, и столь же опасен не только для соседей, но и для самой России.

Консервативную традицию от радикальной новации Михалков отличает тем, что «*она не рационалистична, а мистична*». На этом поле я отказываюсь спорить с «просвещенным консерватором». Если его просвещенность – это националистическая мистика, то это разговор для сторонников Блаватской и Дугина. По Михалкову, «культ определяет культуру,

а культура воспитывает нацию». Для византийских царедворцев это было так. Но мы не в Византии. Культура – не от слова «культ», а от слова «colere» – «обрабатывать», «возделывать». Да, я думаю, что в культуре наше спасение, в культуре труда, в культуре как просвещении, в культуре трезвого рассудка.

Михалков прибегает к высокому пафосу: «*Мы служим Богу и Отечеству, а не идолам Теории и Истории, которым наши современники, лишенные веры, надежды и любви, вынуждены приносить кровавые жертвы*». Ох, Никита Сергеевич, ведь эту тираду можно перевернуть, и она будет звучать не менее убедительно, а может быть, и гораздо более убедительно. Мы придерживаемся принципов разумной теории, фактов и уроков истории, а не служим слепо идолам и кумирам, как бы они ни именовались – Богом, Империей, Нацией, Партией, которым наши современники, лишенные разума и совести, готовы приносить кровавые жертвы, как уже не раз бывало.

№ 21 (66), 9 ноября 2010

10. Дурной сон (почти антиутопия)

К пятилетнему юбилею «ТрВ» как всероссийской газеты ко мне обратилась ее редакция с простым предложением – написать статью на тему: «*Что будет с нашей наукой и образованием через 5 лет, если все будет идти как идет*?» Ну, я подумал, что у нас в стране стабильность стала до того напряженной, что предсказать что-либо даже на год вперед вряд ли кто-либо возьмется, кроме разве что Пионтковского. Подумав так, я написал, что не возьмусь за такое трудное предсказание, и лег спать со спокойной совестью. Правда, в полудреме во мне звучал искушающий голос, мягко уговаривающий меня, что мне же ничего предсказывать и не надо, что мне надо только вообразить, что будет с наукой, если все будет идти как идет. А это не предсказание. Это всего лишь игра воображения. С этой мыслью я и уснул.

Утром, взглянув за окно, я увидел, что клены за окном стали гораздо выше. Посмотрев на компьютерный календарь, я удивился: оказывается, на дворе март 2018 года. Ничего себе: у меня провалы в сознании? Вот она, старость. Умывшись и позавтракав, я, как обычно, уселся за компьютер и стал просматривать письма и новости. По ним, а также пролистав архив, сообразил, что я уже не колумнист «Троицкого варианта». Три года назад редакция поблагодарила меня за долгое сотрудничество и проводила на заслуженный отдых. Она вообще сменила многих авторов. Редакция-то новая. Началась ее перестройка с того, что появился разоблачительный фильм НТВ про Гельфанда – как он подделывал свою диссертацию. Редакция намека не поняла и Гельфанда не уволила. Тогда начался спор хозяйствующих субъектов и новые владельцы потребовали сменить ответственного редактора Бориса Штерна. Новый редактор был переведен из газеты «Поиск». Он и стал подстраивать редакцию под стиль «Поиска». Большинство журналистов и ученых из газеты ушло и попыталось по типу «Новых Известий» основать «Новый Троицкий вариант», однако им не понравилось сокращение НТВ, тогда новую газету назвали «Старый Троицкий вариант».

Она стала чисто интернетной. Частично она переняла функции «Эха Москвы». Потому что на «Эхе» главным является по-прежнему Алексей, но не Венедиктов, а Голубев, и радио переименовано в «Эхо православной Москвы». Соответственно аудитория сильно переменилась.

С удовлетворением узнал, что давно разрешен конфликт с американскими хасидами по поводу библиотеки Шнеерсона.

Покойного Шнеерсона решено сделать главным раввином России (если можно судить покойника, то почему нельзя назначать покойника на должность?), а Бер Лазара вернуть в Америку вместо библиотеки Шнеерсона – живая мудрость ведь ценнее книжной! Отпали наложенные на Россию ежегодные штрафы – какая экономия!

Министром образования недавно стала Светлана Игоревна Курицына (из Иванова), перейдя на это место с поста министра культуры и сменив на этом посту Тинатин Гивиевну Канделаки. О Ливанове даже не вспоминают. Дело не в том, что он провозгласил Академию наук и многие университеты неэффективными под предлогом, что они дают мало научной продукции, а в том, что своей проверкой диссертаций (это придет же такое в голову!) подорвал авторитет многих выдающихся ученых из Государственной думы (!). Заместителем министра стал престарелый, но по-прежнему воинственный Проханов. Канделаки выступала против ЕГЭ, а новый министр с подачи Проханова предложила отменить экзамены вообще, заменив их присягой, потому как это *более лучше* («уписаться можно», – душевно добавила министр).

В печати и по телевидению живо обсуждается вопрос о деятельности кафедр теологии во всех технических вузах, не говоря уж об университетах. Ну что ж, успели уже повсюду ввести эти кафедры во главе с митрополитами, – подумал я. – Этого и следовало ожидать.

Чтобы сгладить некоторые неловкости пятилетней давности, всем митрополитам, заведующим этими кафедрами, было рекомендовано обзавестись троюродными сестрами для ведения домашнего хозяйства и уборки нанопыли с мебели, чем они с примерным благопочитанием воспользовались. Разумеется, сестрам этим, как положено лицам, имеющим отношение к науке, надлежало иметь ученые степени. Значит, встал вопрос о диссертациях. Но было бы совершенно неуместно заставлять столь высоких персон самим писать себе диссертации. Есть ведь для этого старая добрая традиция, во-первых, заказывать диссертации опытным сотрудникам, нуждающимся в деньгах и поблажках по службе, во-вторых, копировать готовые диссертации, хранящиеся в архиве и даже студенческие дипломы; в-третьих, можно просто купить дипломы и сварганить все нужные протоколы и другие документы.

Эти задачи натолкнулись на дурную новацию подкупленных Госдепом журналистов, которые стали вытаскивать на свет божий копированные диссертации, реальные протоколы и подвергать сомнению даже диссертации министров и правителей.

Но для исправления ситуации были предприняты все нужные меры: архивы диссертаций были засекречены и закрыты – ведь в них много государственных тайн. Была проведена перестройка ВАК: председателем ее был назначен Сергей Кожугетович Шойгу, переброшенный на это запущенное место с должности министра обороны, а вся комиссия, в свое время переподчиненная (была при Академии наук, стала при Министерстве образования), переподчинена еще раз, на сей раз непосредственно Следственному комитету. Проверка стала для рядовых журналистов затруднительной: только через беседу на окраине леса. Ученые советы разделены на два разряда: открытые и закрытые. В последние журналистам доступ перекрыт.

Кроме того, в Госдуме был недавно принят закон о введении юридических различий между терминами «плагиат» и «творческое копирование». Первое явление подсудное и нерукопожатное, а второе – совсем другое дело! Тут ведь подразумевается следование традициям, товарищеская взаимопомощь и признание достижений коллег, а это всегда было характерно для отечественной науки. И многие государственные деятели и академики показывали нам достойный образец творческого копирования – Мединский, Жириновский, Лебедев, Несмеянов и другие.

Все эти меры были приняты на фоне продолжавшейся борьбы с учеными-предателями, продающими за рубеж наши оборонительные секреты. За истекшие пять лет число этих предателей сильно увеличилось. Ученые ведь изобретательны, они насобачились продавать секреты не только дружественному Китаю и Японии, но и Грузии, Эстонии, Португалии, Венесуэле, Ирану, Нигерии, Индонезии, Мьянме, Буркина-Фасо, островам Зеленого Мыса и многим другим государствам. Дошли до того, что умудрялись продавать тайны, извлеченные из открытой печати. Так что для ученых пришлось завести специальные тюрьмы и лагеря, а уж отсюда недалеко до восстановления традиционных шарашек, сильно продвинувших вперед нашу атомную и космическую науку. Без них она, похоже, откатилась назад.

В свое время нерационально расходуемые ассигнования на науку в виде мелких грантов по 300–500 тысяч рублей были давно уже сосредоточены в нескольких мегагрантах, выдаваемых надежным людям. Теперь решено развить дальше эту инициативу и объединить их в один супермегагрант, который будет выдаваться одному держателю. Например, Академии наук во главе с ее динамичным президентом Рамзаном Ахматовичем Кадыровым. Он сменил на этом посту академика Осипова,

вышедшего из возраста. Правда, недавно был принят указ о продлении предельного возраста для высших должностных лиц государства до 75 лет и готовится указ о его продлении до 80 лет, но Осипову и это не может помочь.

Вообще у нас геронтология становится главной наукой, но ее плоды еще нескоро дождутся общенародного распространения. Пока это наука элитарная. Поэтому, как геронтологи добиваются высоких результатов, хранится в тайне, а среди публики распространено мнение, что тут не обошлось без метода профессора Преображенского и много обезьян лишилось детородных органов.

Коль скоро речь зашла о детородных органах, нельзя не упомянуть, что аборты и противозачаточные средства, а с ними планирование семьи уже три года как объявлены нелегальными ввиду того, что противоречат истинному православию (закон депутата Энтео). С другой стороны, все исследования по сексологии и урологии не запрещены, но объявлены закрытыми, так как подпадают под расширенный закон о запрете пропаганды гомосексуализма и секса вообще в соответствии с консервативными семейными традициями (закон Милонова – Кургиняна).

Возможно, супермегагрант получат особо отобранные ученые, которые сумеют создать православную физику и православную медицину. Вот тут-то и скажется теологическая подготовка в вузах, но, возможно, придется включить в команду разработчиков целую когорту физиков и медиков в рясах, а некоторые храмы и монастыри переоборудовать под физические и медицинские лаборатории. Есть и другой вариант: в больницах и синхрофазотронах построить алтари и ризницы, а исследовательские часы перемежать молитвами и окроплением больных и подопытных святой водой. В связи с этим в Госдуме обсуждается предложение о закрытии раковых институтов в стране как рассадников неверия и оранжевого атеизма.

Возможно, супермегагрант получит бывшее агентство Роскосмос, переименованное в Агентство глубоководных исследований. Конечно, на супермегагрант претендует гранд-академик Петрик, но он еще не решил, на что этот грант пойдет – на графен, суперфильтр или на философский камень – материал, превращающий пустоту (вакуум) в золото. Но в открытии камня у него много конкурентов в лице депутатов Госдумы. Правда, у него есть богатый опыт привлечения начальственных конкурентов к сотрудничеству и превращения их в соавторов открытия с получением двойного патента и делением миллионов пополам.

Вызывает сомнение, достойно ли супермегагранта написание

непротиворечивого учебника, в котором будет устранено противоречие между учением Дарвина, Ветхим Заветом и Кораном. Ведь создание такого учебника и так оплачивается государством. Кроме того, это противоречие не столь большого масштаба. Наши судебные органы массово справляются в своих приговорах и не с такими противоречиями.

Очень важным новшеством было введение отечественных рейтингов для университетов, а для снискания им международного ранга в них были привлечены крупные ученые из Венесуэлы, Ирана, Северной Кореи и Кубы, а также экономически заинтересованные светила из Европы и США – Депардье, Герхард Шредер, Сильвио Берлускони и их последователи. Подсчет рейтингов был поручен прославившемуся своей объективностью профессору Чурову.

По части переименования как приема повышения ранга у нас накоплен значительный опыт. В свое время все ПТУ у нас стали колледжами, школы – гимназиями, училища – лицеями, институты – университетами, а общества – академиями. Этих заведений у нас стало больше, чем во всех европейских странах вместе взятых. Переименовывать вроде больше нечего, ресурс исчерпан. Но нет предела для исследовательской мысли.

Несколько университетов были объявлены исследовательскими и федеральными, затем переименованы в Сколково (Сколково-1, Сколково-2 и так далее), а затем решили не возиться с ненужными ассоциациями и просто назвали их Силиконовыми долинами. В Америке одна такая долина, а у нас сразу десяток. Это, естественно, резко повысило эффективность нашей науки. Лиха беда начало. Сразу же пришла мысль переименовать некоторые наши университеты в Кембридж, Оксфорд и Гарвард. Сначала говорили «филиал Оксфорда в Удмуртии», «филиал Кембриджа в Калмыкии», потом просто удмуртский Оксфорд, калмыцкий Кембридж, Гарвард в Сыктывкаре! И другие Стэнфорды и Йейлы. Как это повысило самосознание ученых и соответственно их научную отдачу!

Выезд за рубеж всегда был острой проблемой в нашей стране. Мы долго не могли справиться с явлением, называемым заграничным термином дрейн брейн. По-русски – утечка мозгов. Мозгов у нас был избыток, согласен, от этого были одни неприятности для государства: они размещались не в тех головах, в которых должны были. Но когда выяснилось, что утекают лучшие, и их утекло уже больше, чем осталось, стало ясно, что надо положить этому конец. Конец пришлось класть на утекание уже не самых лучших. Прежде всего запретили в 2013 году выезжать депутатам без разрешения глав фракций, затем –

сенаторам без «добро» от председательницы Верхней палаты, затем академикам без командировки от президента РАН, затем всем остальным ученым без решения советов ветеранов и парторганизации Единой России или либерал-демократической (другим партиям это было невозможно доверить, они были разоблачены как недостаточно либеральные и совсем не демократические).

Очень крупным упущением предыдущего периода было признано недопустимое отставание нашей страны по части Нобелевских премий. Ведь известно, что премии эти были созданы на деньги, заработанные Нобелем в России, а некоторые зарубежные государства присвоили себе право распоряжаться Нобелевским фондом и раздавать эти премии кому угодно, не учитывая происхождение награждаемых. В порядке преодоления этой вопиющей несправедливости недавно были учреждены Российские Нобелевские премии и Нобелевский комитет в Москве. Премии присуждаются прогрессивным ученым Запада и России, а также выдающимся деятелям Ирана и Сирии.

Руководитель государства давно расширил норму русского литературного языка за счет простонародных выражений типа «замочить в сортире», «жевать сопли» и т. п., а гуманитарные науки пережили невиданный расцвет после выхода в журнале «Русский пионер» его замечательной работы «Патриотизм и вопросы языкознания».

Открыв эту работу, чтобы почитать ее чеканные строки, я проснулся. За окном начиналось утро, и клены стояли те же, какими я их привык видеть. Не выросли ничуть. Так и есть: на компьютере март 2013 года. Значит, все это мне приснилось. Но чем реальная жизнь отличается от моего дурного сна, если все будет идти так, как идет?

№ 6 (125), 9 апреля 2013

11. Мораль Прыгунова, или Уроки истории остаются невыученными

В нашей прессе меня часто занимают не сами статьи, а комментарии анонимных (и не очень) читателей: в этих откровенных и эмоциональных высказываниях не хуже всяких социологических опросов выступают те бытующие в народе мнения и идеи, на которые ученым стоило бы обратить внимание. На сайте «Эха Москвы» в обсуждении блога Ю. Штымова (пост «Дежурный демагог взахлеб о чем-то врет») меня привлек комментарий некоего Прыгунова, который можно было бы принять за первоапрельский текст, если бы не святая искренность автора-патриота. Вот этот комментарий:

«На одной чаше весов – воссоединенный с Россией Крым, на другой – мешок поросячьего визга европолитиканов и угроз педерастов из ПАСЕ. Ну и? Выбирайте свою чашку:) Российская империя не должна отвлекаться на каждый чих обидившихся пигмеев – хрен на них, пусть не стоят на пути. Ну а опущенные внуки Гитлера пусть вообще прикусят язык – им за холокост еще платить и платить шустрым внукам пострадавших. Мы снова вступили в период прозрачной политической юности мира: кто сильнее, тот и прав, кто успел – тот и съел. Ну а кто лох… Тому даже и сочувствовать стыдно!»

В этом комментарии существенны не промахи неопытного полемиста. Ну, стоит ли так презрительно отзываться о «европолитиканах», когда в ответ на «поросячий визг», коего мешок, Путин ночью позвонил президенту США, после чего Керри повернул свой самолет на встречу с Лавровым в Париже? Ну, кто же станет акцентировать внимание на «педерастах из ПАСЕ» после писаний нашей прессы о педерастах из администрации президента одной большой страны, состоящей, кстати, в ПАСЕ? Ну, не смешно ли писать о «чихе обидИвшихся пигмеев», застрявших на пути великой империи, когда производство этой империи в десять раз меньше производства одного из этих «пигмеев» – не на 10 %, а в десять раз! Когда вся финансовая мощь этой империи равна мощи одного из 50 штатов государства-«пигмея». Ни ко «внукам Гитлера» (так он именует нынешний немецкий народ), ни к «шустрым внукам пострадавших» (так он аттестует израильтян) у него нет ни симпатии (ну, ее от него и не ждут), ни уважения (а уважать тех и других есть за что). Ладно, оставим эту его риторику без рассмотрения.

Сердцевина прыгуновского коммента состоит в ликовании по поводу возвращения «прозрачной политической юности мира: кто сильнее, тот и прав, кто успел, тот и съел. Ну а кто лох… Тому даже и сочувствовать стыдно!» Это откровенное провозглашение той политической морали, которую некоторые политические деятели исповедуют тайно, зачитываясь Макиавелли и Лебоном.

Никколо Макиавелли, дипломат XV–XVI веков, в своем главном произведении «Государь», поставив «государственный интерес» над законом и моралью, учил правителя технике удержания государственной власти. Любопытно, что государь просвещенного XVIII века посвятил свою юношескую книгу опровержению Макиавелли, назвав ее «Антимакиавелли». «Я дерзаю ныне выступить на защиту человечества от чудовища, которое желает его уничтожить; вооружившись разумом и справедливостью, я осмеливаюсь бросить вызов софистике и преступлению…» Этим государем был прусский король Фридрих II, прозванный Великим и прославившийся позже мастерским применением поучений Макиавелли. Его биография началась с заговора против отца, и отец отрубил голову его любовнику и соратнику на глазах у Фридриха. Фридрих оказался талантливым полководцем и разбил Саксонию и Австрию, но в Семилетней войне русские войска взяли Берлин, и спасла Фридриха только смена монарха в России (на престол тогда вступил немец Петр III, обожатель Фридриха).

Гюстав Лебон, психолог и социолог XIX – XX веков, изучал феномен толпы. Он пришел к выводу, что, растворившись в толпе, человек становится внушаемым и легко поддается низшим инстинктам, так сказать, звереет. Этим пользуются, выбиваясь в лидеры, личности пассионарные, истеричные и беспринципные. В этих случаях действуют простейшие лозунги и весьма примитивные аргументы, неустанно повторяемые. Эти принципы, по Лебону, лежат в основе революций и выплесков агрессии. Книгу Лебона «Психология народов и масс» очень тщательно изучали многие политические деятели, в том числе В.И. Ленин.

Прыгунов очень ко времени высказал идею, которая движет многими простодушными радетелями территориальных захватов, лишь бы они были «в нашу пользу»: «от них – к нам», не взирая на обстоятельства, на право, на репутацию, на международные связи, на возможности обретения союзников. Тут сказался очень старый, очень примитивный и распространенный принцип этноцентризма, характерный для первобытных племен, но действующий в не столь явном виде до сих пор, проявляясь в наиболее отсталых, консервативных и реакционных режимах. Это деление всего мира на «мы» и «они» и уверенность «простых людей», что все, что

«свое», «нашенское», – отличное, превосходное, правильное, мы всегда и во всем правы, а все, что «чужое», «ихнее», – заведомо скверное, жалкое, смешное, вредное, чужие всегда виновны и неправы, ничего хорошего от них прийти не может. Этноцентризм как явление был впервые открыт только в XIX веке австрийским социологом Гумпловичем, а затем представления о нем были развиты американским антропологом Уильямом Самнером. Ныне чаще говорят не об этноцентризме, а о его конкретном проявлении – ксенофобии.

Ни Прыгунов, ни его подражатели и вдохновители не учитывают фактор времени и уроки истории. Все случаи реализации этой морали, особенно в современной истории, оказывались успешными лишь в короткой перспективе и неизменно проваливались в конечном счете, потому что наталкивались на мобилизацию всего остального мира, осознавшего необходимость остановить и проучить зарвавшегося агрессора. Адольф Гитлер после шести лет успехов своей агрессии («кто успел, тот и съел») – Австрия, Судеты, Чехословакия, Польша, Франция и так далее – имел возможность подумать над краткосрочностью таких успехов в своем бункере в Берлине перед тем, как проглотить яд. Бенито Муссолини также имел время подумать над несколько более продолжительной, но все же краткосрочной чередой своих успехов (Абиссиния, Албания, части Югославии и Греции), когда болтался на виселице, подвязанный за ноги. Впрочем, он тогда был уже мертвецом и думать не мог. Зато в подземном схроне и потом уже перед виселицей имел возможность подумать Саддам Хусейн, припомнив свое нападение на Кувейт.

К сожалению, в жизни – как в школе: уроки истории всегда остаются невыученными.

№ 7 (151), 8 апреля 2014

12. О некоторых исходных понятиях

В истекшем году я занимался составлением теоретического словаря археологии и ныне отдаю его в печать. Поневоле пришлось включить в него и ряд общеисторических понятий: они все время сказываются на теоретическом формировании чисто археологических понятий. Мне кажется полезным вынести те формулировки, к которым я пришел по этим понятиям, на обсуждение моих коллег по «Троицкому варианту». Здесь я отобрал шесть из этих понятий (помещаю их по алфавиту).

Историческая родина – так в современных политических дискуссиях обозначают ту страну, в которой родился не сам человек, а его далекие предки. Скажем, для российских немцев, предки которых прибыли в Россию два века тому назад из Германии, «исторической родиной» называют Германию, несмотря на то что большинство российских немцев ассимилировались. Для российских евреев, большинство из которых не говорит ни на идише, ни на иврите и не придерживается иудейской религии, а предки их покинули Палестину две тысячи лет назад, «исторической родиной» называют Израиль – государство, созданное на земле Палестины во второй половине XX века.

Иными словами, «исторической родиной» для человека называют то, что для народа называется *прародиной*. Из понятия прародины никакие особые права («*историческое право*»), никакие юридические последствия не вытекают. Из понятия «исторической родины» вроде бы вытекают (права на «репатриацию», претензии коренного населения на дискриминацию и депортацию). Стоит, однако, внимательнее изучить обстоятельства конфликтов – и выяснится, что на деле все они вытекают вовсе не из наличия «исторической родины» у части населения, а из социальных неурядиц внутри данной страны с вовлечением этнических, религиозных и культурных различий. Корни этих неурядиц кроются в неравномерном и несправедливом распределении благ, в неэффективном управлении, в провокациях властей, в попытках проводить политику «разделяй и властвуй» и натравливать массы на козла отпущения («внутреннего врага», идентичного внешнему, но находящегося внутри страны).

Всякий человек, как бы он ни был увлечен историей своего этноса и как бы ни был втянут в глобализацию, привязан и адаптирован прежде всего к своей родине – стране, в которой он родился не в качестве гостя. Даже скорее к «малой родине» (если страна велика и разнообразна). Некоторые переселенцы могут

быстро и глубоко адаптироваться к своей новой родине. Так известный археолог Генрих Шлиман, немец, проведший юность в Германии, прожил купцом двадцать лет в России, имел там русскую семью, считал себя русским и любил Россию и свой «волшебный Петербург»; затем учился в Париже, вел раскопки в Турции, а поселился и женился вторично в Греции, назвал своих детей греческими именами, даже своих слуг переименовал на древнегреческий лад. Раскопанные сокровища предлагал Эрмитажу, а когда царь отказался принять их, подарил Берлину.

Историческое право – представление о том, что право народа на землю, занимаемую им ныне или занимавшуюся в прошлом, прямо зависит от древности его проживания на этой земле, и тот народ, который раньше жил на этой земле (*автохтон*), имеет на нее больше прав. Представление это ложное. Его обычно выдвигают агрессоры для обоснования своих территориальных притязаний, а также *националисты* для обоснования притеснений и изгнаний национальных меньшинств. Право такое никем на деле не соблюдается и не может соблюдаться. Ведь все народы не раз меняли территорию своего проживания, а происходят все люди в конечном счете из небольшого региона в Африке. Европа же не раз оказывалась на многие тысячелетия под ледником, так что люди заселяли ее снова и снова, причем сдвигались климатические зоны, а с ними передвигались и населявшие их и адаптированные к ним народы. Если выяснять всякий раз первенство проживания, то придем к совершенно неожиданным и наверняка нежеланным результатам. Венграм придется вернуться в северо-западную Сибирь, Германией владели славяне, а центром Украины – германцы (готы), всей лесной полосой европейской России – финно-угры и так далее.

Россия владеет бывшей Восточной Пруссией не потому, что славяне (кстати не восточные, а западные) некогда владели этой землей, а потому что Германия напала на СССР и была наказана за агрессию. Евреи не потому получили государство Израиль в Палестине, что заселяли эту страну прежде арабов, покинув ее почти две тысячи лет назад, а потому что международное сообщество признало справедливым и целесообразным учредить еврейское государство там после массового уничтожения евреев в Европе, учитывая их традиционное стремление к этой земле (ежедневные молитвы, сионистское движение) и то, что там уже имелись их поселения ко времени решения этого вопроса.

На деле право каждого народа на определенную территорию в современном мире обусловлено живой традицией (ненамного превышающей по длительности жизнь одного поколения) и

системой международных договоров.

Однако, не имея юридической силы, древность проживания усиливает чувства привязанности к своей стране, хотя, как это ни парадоксально, если древности нет, это не ослабляет чувство любви к родине. Ведь родина – это страна, в которой сам человек родился и живет не в качестве гостя, где бы и кем бы ни были его предки.

Национализм в археологии. Национализм – чрезвычайно спорное понятие. Для одних – лозунг прогресса и справедливости, для других – опаснейшая тяга к национальным оскорблениям, унижениям, раздорам и конфликтам. По прямому смыслу слов это программа обеспечения национальной самостоятельности, развития национального государства и культуры. В случае национального угнетения – программа национально-освободительной борьбы. Учитывая, что человечество все еще состоит из этносов (национальностей), связанных по идее (хотя не обязательно в реальности) общим происхождением, то есть в каком-то смысле подобных очень большим семьям, а этносы стремятся к государственному оформлению, национализм представляется естественным и неизбежным.

Но дьявол таится в деталях. За нынешними народами стоят тысячелетия истории, перипетии взаимоотношений, миграции и чересполосица в расселении, груз недоверия. Это усиливается нынешней глобализацией экономики, перемешивающей народы. Национализм бывает разной степени интенсивности. Каждая нация, имеющая свой национализм, сталкивается с проблемами национальных и религиозных меньшинств, застарелых конфликтов с соседями, некоторые имеют дело еще и с имперскими амбициями. Нередко сталкиваются два национализма, скажем, один в форме колониализма, другой – сепаратизма. Мудрости в налаживании мирных связей внутри страны и на ее границах часто не хватает. Поэтому национализм то и дело перерастает в *шовинизм*, иногда в *нацизм* и *расизм*, все три с сугубо негативными последствиями (шовинизм – ненависть к другим народам; нацизм – тоталитарный и агрессивный режим, основанный на шовинистической и расистской идеологии, возведенной в политическую программу). Забота о своем народе выливается в подозрительность к другим народам, в унижения и подавление других народов.

Поэтому рачительным правителям приходится быть очень осторожными в национальной политике – чтобы не уязвить национальные чувства того или иного народа, но и не потакать чрезмерным национальным амбициям, а кое-где и дурным национальным традициям.

В археологии все это сказывается очень заметно. С одной стороны, чувствуется забота разных сил о сбережении и преимущественном изучении именно национальных древностей, *культурного наследия* народа. С другой – то и дело вспыхивает война на *археологических картах* за территории, когда-то принадлежавшие не тому народу, который ныне на ней живет, за знаменитых предков, за памятники высокой культуры – чьим предкам они принадлежали. В начале XX века Густав Косинна в Германии описывал археологию как «чрезвычайно национальную науку» (название его книги) и отстаивал особенно высокую древнюю культуру германцев как обоснование их права господствовать над другими народами.

Между тем это пережиток сословного общества, в котором статус определялся знатностью предков, а фиксация успехов – прецедентами в прошлом. Нередко приходится сталкиваться с отвержением любых «неприглядных» мест в археологическом прошлом своего народа, только потому, что это не зафиксированная письменно история. Скажем, нашествия готов или прихода варягов в отличие от татаро-монгольского нашествия. Любое беспристрастное изучение подобных эпизодов или проявлений в истории русского народа трактуется как «русофобия», хотя аналогичные вещи в истории Франции не подаются как «франкофобия». Это показывает, что порою, в периоды национальных кризисов и после них, национализм воспаляется и какая-то часть народа становится болезненно подозрительной и неуживчивой. На археологах в таких случаях лежит задача способствовать просвещению народа и показывать истинное взаимоотношение культур, состояние и взаимодействие народов в далеком прошлом.

Более подробно эти проблемы описаны в моих работах, а также в книгах Виктора Шнирельмана[63].

Патриотизм в археологии. Патриотизм, по простейшему определению, есть чувство любви к отечеству, к родине. В общественном сознании отношение к патриотизму различается в широких пределах – от признания его самым благородным и благодетельным из чувств до максимы Сэмюэля Джонсона «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Поскольку позитивная оценка любви к родине столь же естественна, как любви к родителям, очевидно, что негативное отношение вызывает не патриотизм сам по себе, а его недостойное использование для прикрытия шкурных и карьерных интересов. Салтыков-Щедрин писал о тех, кто путает родину с вашим превосходительством, и о том, что патриотические разговоры вызывают у него подозрение о воровстве. На патриотических

чувствах спекулируют и те, кто желает послать солдат защищать не родину, а свои богатства. Псевдопатриотической представляется мне и подмена борьбы за серьезные цели борьбой за победы в играх и пустых соревнованиях. То есть на месте патриотизма часто оказывается *псевдопатриотизм*.

В чем проявляется патриотизм в *археологии*? В любви «к отеческим гробам», к памятникам родной древности, в первоочередной ответственности за их сбережение. Как и по отношению ко всякой науке, в заботе о том, чтобы отечественная археология была на высоте. В то же время нужно отличать от патриотических побуждений псевдопатриотические, которых в археологии тоже немало. Патриотическим долгом считалось и сейчас нередко считается отстаивать древность проживания народа на его нынешней территории, так как древность якобы является обоснованием его права на эту землю («*историческое право*»), тогда как на самом деле право проживания покоится на живой традиции и системе международных договоров. Вспомним, кому и почему принадлежат Кёнигсберг и Петербург. Псевдопатриотическими представляются мне демонстративные схватки с «чужаками» по ничтожным и мелким поводам. Псевдопатриотическими побуждениями прикрываются те, кто пытается всячески преувеличивать отечественные достижения только потому, что «свои», кто замазывает недостатки под предлогом борьбы с «чернухой» (как в древности, так и в современной науке), зажимает их критику – и тем препятствует их исправлению. Между тем бороться за их исправление и совершенствование отечественной науки, как и всего общества, – это патриотизм.

Прародина – территория (страна), на которой проживал некогда *пранарод*, говоривший на *праязыке* некой *языковой семьи*. Понятие введено языковедами компаративистской школы (возникла в начале XIX века) как производное от понятия праязыка. Потом его освоили археологи, преимущественно немецкие. В английском термин для него даже употреблялся как немецкое заимствование (Urheimat), без перевода или обозначался описательно (original homeland). *Ареал* прародины отыскивается либо по согласованию словаря праязыка с природной средой определенного региона (названия растений, животных, особенностей ландшафта), либо по согласованию с некой археологической культурой (названия вещей, обычаев, соседей).

Значение прародины для современности нередко преувеличивается, в частности *националистами*: ей приписывается значение аргумента в территориальных спорах.

Якобы обнаружение прародины определенного народа на месте его нынешнего проживания или вне этой территории дает ему особые права («*историческое право*») на владение территорией прародины. Эти претензии несостоятельны. Никаких прав территория, объявленная прародиной, не предоставляет, как не дает их покинутая когда-то жильцом квартира, из которой он был выселен или сам переселился. Если выселение было насильственным или несправедливым, можно предъявлять претензии не к нынешним жильцам, а к тому, кто совершил насилие, и то если это было недавно. Если сменилось несколько поколений, то все приходится оставить за давностью лет.

По отношению к отдельным личностям-«инородцам», то есть принадлежащим не к коренной в данной стране национальности, а к национальному меньшинству, проблема прародины оборачивается проблемой «*исторической родины*».

Этнос – очень спорное понятие социальной жизни человечества, сопряженное с острыми и нередко кровавыми конфликтами. По происхождению слово «этнос» древнегреческое, означавшее «племя», «народность» (преимущественно не греческую, для древних греков – варварскую). В науке стали его использовать для обозначения народа, чтобы избежать многозначности слова «народ» (народ как население страны, как нижний слой общества и так далее) и чтобы отвлечься от политических коннотаций. Но они быстро проникли и в *историю*, и в *социокультурную антропологию*, и в *археологию*. Чтобы обеспечить преимущества или осуждение того или иного этноса, определение проводили по тому или иному признаку или по комплексу признаков. Признаков, способных различать этносы, оказалось много, и определений этноса – тоже.

Значительная часть исследователей (*эссенциалисты, примордиалисты*) видела в этносах жестко разграниченные объективные общности – реальные, первичные сущности[64] и старалась определить их по реальным признакам (общность языка, религии, территории, *культуры*), включая биологические (расовую общность и определяемую расой психологию) и даже географические (ландшафт). Другая часть, более современная (*конструктивисты*), пришла к выводу, что ни один признак не является надежным, потому что все изменчивы, не обязательны, а этносы фиктивны – их конструируют политики по своим надобностям, выдумывают, а население клюет на эту пропаганду[65]. Есть небольшая группа исследователей (к ней принадлежу и я), которая считает, что этнос – не категория объективной реальности (исторической или природной), но и не выдумка, а категория *социальной психологии*. То есть стихийное

объединение людей. В основе этой категории идея *общности исторической судьбы*, преимущественно – *общности происхождения*, неважно истинная или ложная, но подкрепляемая вполне реальными признаками, всякий раз разными[66]. Именно поэтому нет единых признаков для всех этносов. Из этой общности сознания вытекает *этническая солидарность*.

Таким образом, этнос – это устойчивая группа людей, которая обладает общностью некоторых реальных признаков, отражаемой в общественном сознании (не только самих этих людей, но и их соседей) как общность исторических судеб в рамках единого *социального организма* или в связи с ним.

Объединительными и опознавательными признаками могут выступать язык, религия, *раса* и другие критерии, но в демографической практике определяющим служит *этническое самосознание*, формально выраженное в самоназвании и реально объективируемое в социальных отношениях, политических акциях, культурных предпочтениях, идеологических декларациях и т. п. В этническом сознании (и самосознании) отражается корреляция культурных признаков индивида с его социальным положением, связями и возможностями. Общественное сознание выдвигает на роль *этнических признаков* то одни из объективных объединителей, то другие и осмысливает эту общность обычно в форме убежденности в общем происхождении. Вот почему различные объективные факторы способны выступать – то одни, то другие, порознь и в разных сочетаниях – диагностическими признаками этноса. Важным оказывается то, какую реальную солидарность общество ожидает от людей, охваченных данным признаком или данными признаками.

При этом имеется в виду не всякая солидарность (есть ведь и классовая, профессиональная, возрастная и т. п.), а такая, которая направлена на создание, поддержание, возрождение (или сохранение возможности возрождения) социального организма – отдельного общества, способного существовать самостоятельно, обеспечивая постоянное воспроизводство на определенном уровне, самозащиту от стихийных бедствий.

Этнос – это, с одной стороны, отпечаток социального организма (существующего или исчезнувшего) в культуре (включая язык и сознание) и соматике людей, а с другой – это социальный организм в тенденции и в пределе. Пока отпечаток (этнос) не образовался, социальный организм еще не стал этносоциальным; когда социальный организм исчез, его отпечаток (этнос) – уже только *этникос* (по Ю.В. Бромлею); с исчезновением тенденции и потенции образования социального организма – этноса нет.

Связь этноса с теми или иными особенностями материальной культуры не обладает обязательностью и регулярностью[67].

№ 114–115 (158–159), 15–29 шюля 2014

13. «Прекрасная эпоха»

Ностальгенты. Оглянешься вокруг – сам воздух наполнен ностальгией по «прекрасной эпохе». La belle époque – так во французской истории принято называть время перед Первой мировой войной, конец XIX и начало XX века. У нас тоскуют по советскому периоду. Самые убежденные молятся на портреты Сталина. Но большинство с умилением вспоминает эпоху Брежнева, прощая ему и «сиськи-масиськи» и «Малую землю» и многократный героизм, отразившийся на мундире.

А не обратиться ли каждому к своей отрасли и не посмотреть, что означала «прекрасная эпоха» на хорошо знакомом участке, кто и почему о ней тоскует? Мне это сделать несложно на примере археологии.

Более тридцати лет академик Б.А. Рыбаков, украшенный позже «Гертрудой» (звездой Героя социалистического труда), возглавлял Институт археологии АН СССР. Он пережил в этом качестве и Хрущева, и Брежнева, и последующих краткосрочных генсеков. Его идеи об исконном (то есть в течение многих тысячелетий) проживании славян на территории Киевской Руси, об очень древней, докиевской государственности восточных славян, об их «знатных» предках – скифах-сколотах стали наиболее привилегированной концепцией в археологии (хотя другие исключить совсем было уже невозможно). Его гипотеза о том, что Киев на несколько веков старше, чем принято считать, выстроена талантливо, но вязь рассуждений слишком тонка, тогда как прямые факты (культурный слой) говорят против нее, и широким признанием среди археологов она не пользовалась. Однако все возражения противников должны были утихнуть, так как на основе гипотезы академика Рыбакова Правительство СССР и Политбюро ЦК КПСС приняли совместное постановление о пышном праздновании полуторатысячелетнего юбилея Киева, с приглашением иностранных делегаций и прочими торжествами. Разумеется, вышли монументальные археологические труды в честь юбилея, «подтверждающие» столь почтенный возраст города. Правда, до возраста Рима не дотянули, но надо же что-то оставить и будущим исследованиям…

Руководство археологических учреждений не сменялось десятилетиями. Иногда во главе музеев и академических институтов или их отделов оказывались весьма цепкие старцы. (Об одной такой академической даме мой коллега тихо съязвил на заседании: «Для трупа она слишком хорошо держит челюсть».) Они покойно спали в президиумах, глохли, как только речь

заходила о возможности выхода на пенсию, но оказывались очень чуткими к малейшим указаниям свыше и бдительными. В своих подвластных они более всего ценили не талант, а скромность и услужливость. Поэтому наверх пробивались и сменяли умерших руководителей не смелые исследователи, а заурядные работники, а то и серые дельцы (нередко через партийные должности в научных коллективах). Достижение ученых степеней и званий сильно облегчалось административным положением и начальственным расположением.

В отличие от предшествующих периодов в брежневское время никакие гонения на инакомыслящих не могли унять попытки исследователей (в том числе и археологов) выбиться за отведенные идеологией пределы. На любой научной дискуссии раздавались голоса противников одобренной руководством точки зрения, хотя им и трудно было прорываться в печать. Бывало, что в оппозиции к руководству оказывались две-три видные фигуры, и тогда скрепя сердце приходилось признать две-три трактовки допустимыми. В Москве В.В. Седов разрабатывал особую концепцию происхождения славян[68]. В Ленинграде Эрмитаж стал центром осознания подлинной роли готов в истории нашей страны (М.Б. Щукин и его семинар); университетская группа (автор этих строк и его ученики) в 1960-е годы отстаивала значительность норманнского участия в сложении русского государства. Кое-где теоретические и историографические обзоры переросли в переосмысление и критическую переоценку прошлого нашей науки и ее настоящего (книги по истории науки А.А. Формозова, Г.С. Лебедева и мои).

Вообще такие науки, как археология, культурология, социология, лингвистика, фольклористика, в это застойное время все-таки были областями брожения умов, здесь что-то совершалось, и специалистам этих отраслей завидовала молодежь смежных дисциплин.

Отношение к этому периоду впоследствии поляризовалось. Для верхов советской археологии, близких к власти, это было благословенное время. Стоит обратиться к статье В.И. Гуляева и Д.А. Беляева, возглавлявших головной журнал «Советская археология», ставший «Российской археологией» (Гуляев возглавлял также и сектор теории в Институте археологии в Москве). «Едва обернувшись назад, – пишут эти авторы, – ощущаешь опасность впасть в ностальгическое любование „прекрасной эпохой“. Ведь приходится признать, что в эти годы положение археологии, – во всяком случае, ее общественное положение, – было довольно благополучным. <…> Во-первых, археология официально входила в систему общественных,

исторических наук, призванных служить основой советской („марксистской“) идеологии. Это обеспечивало нашей науке поддержку государства, хотя и накладывало на нее, как и на все общественное знание, определенные обязательства. Впрочем, обязательства эти не были особенно обременительными… Говоря в самой общей форме, археология помогала доказывать и пропагандировать материалистическое понимание истории. Очень важно при этом отметить, что получалось это у археологии в отличие от многих других исторических дисциплин довольно естественно и солидно»[69].

Советская империя, отмечают они, уделяла значительные средства археологии и обладала стройной и разветвленной системой археологических учреждений.

Формозов в своих книгах 1995–2005 годов, глядя на всю эту систему и ее функционирование не с академических небес, видел все иначе. Он стремился к познанию истины, а не к удовлетворению идеологического заказа партии и государства. Идеологический гнет и массовые репрессии сталинского времени, правда, отошли в прошлое, но археология, как и все в стране, была устроена по принципу административно-чиновничьего произвола, идеология продолжала насаждаться хоть и менее жесткими методами, господствовали показуха и блат, процветали угодничество и безразличие к историческому наследию. Обеспеченность кадрами и средствами былагораздо меньше, чем в других странах.

Я в своей книге 1993 года («Феномен советской археологии») отмечал некоторые достижения советской археологии, но в целом признавал ее отсталость и прогнившие основы.

Разрядка напряженности закончилась под новый 1980 год, когда советские войска вошли в Афганистан. Академика А.Д. Сахарова уволили и сослали в Горький, в Ленинграде начались аресты либеральных университетских преподавателей. Однако новый зажим свобод уже не удавался: вся верхушка партийной иерархии пребывала в старческом маразме, весь режим – в застое. Партийные вожди приходили к власти уже глубокими стариками и умирали, ничего не успев совершить.

Перестройка. Приход к власти в 1985 году нового лидера, сравнительно молодого Михаила Горбачева, поначалу означал только относительную либерализацию, введение умеренных свобод. Новая внутренняя политика получила название «перестройки», но на деле, кроме введения «гласности» (то есть ограниченной свободы слова) и некоторой демократизации выборной системы, в стране ничего не изменилось. Не перестраивался общественный строй. Контроль над средствами

массовой информации, над печатью, финансами, армией и карательным аппаратом, над кадрами и преподаванием оставался в руках единственной партии, а ее прокламируемая цель, как и цель нового лидера, была все та же – построение социализма. Ему лишь старались придать более цивилизованное обличье. Любопытно, что в археологии за 5 лет «перестройки» ничего принципиально нового не произошло, а археология, как показывает ее история, – довольно чувствительный барометр перемен.

«Лихие девяностые» и археология. Настоящие преобразования начались в стране в бурный 1991 год, когда Ельцин был избран президентом России, когда по примеру бывших соцстран рванулись во все стороны союзные республики и развалился СССР, когда в результате августовского путча рухнула власть коммунистической партии. Новое правительство начало проводить радикальные экономические реформы – приватизацию, либерализацию цен, создание свободного рынка и частного предпринимательства. Ошибки неопытных демократизаторов в условиях резкого падения цен на нефть (основной экспорт страны), развал старой экономической системы при отсутствии новой и разрыв традиционных экономических связей между республиками и странами, вылившийся в военные столкновения между некоторыми из них, оказались неожиданными спутниками демократизации, очень болезненными для населения. Отразилось это и на бедственном положении археологии.

Первое следствие этих событий для изучения древностей – образование самостоятельных национальных археологий. Отделились все бывшие союзно-республиканские археологии – украинская и белорусская, молдавская, прибалтийские, кавказские и среднеазиатские. Памятники, долгое время служившие основными материалами для многих исследователей из России, а равно и соответствующие музеи с коллекциями, оказались за границей, а поездки туда – затруднительными и дорогостоящими.

Второе следствие – децентрализация. Еще раньше на основе экспедиций, связанных с крупными строительными проектами, начали вырастать местные центры археологии – на Урале, в Сибири, на Дону. Теперь, в связи с общей децентрализацией и падением авторитета центра, их роль в изучении местных древностей усилилась. Более того, Институт археологии разделился на самостоятельные институты в Москве и Ленинграде, снова переименованном в Петербург. Петербургский институт демонстративно вернул себе имя Института истории

материальной культуры. Впервые за долгое время профессиональные археологи возглавили основные археологические институты. Но теперь, когда московский институт утратил свое прежнее научное лидерство, роль руководителя свелась к организационному и хозяйственному регулированию.

Третье следствие – резкое сокращение государственного финансирования науки, в частности археологии. В советской России все управлялось сверху и все было государственным. Избавление от власти идеологов лишило археологов и привычной материальной поддержки. Пришлось искать новые источники средств – западные фонды, местные меценаты (по-новому «спонсоры»), фонды, создаваемые новым российским государством. В обстановке экономических трудностей переходного периода это оказалось очень нелегко. Резко сократились количество и размах экспедиций, еще больше – научных публикаций. Сильно уменьшился приток иностранной литературы в библиотеки в силу сокращения ассигнований на приобретение литературы.

С другой стороны, общение с зарубежными археологами стало чрезвычайно интенсивным, а выбор методологии и направления – совершенно свободным. Был переименован головной журнал: теперь он называется «Российская археология», он стал значительно тоньше, захирел, но рядом с ним возникли археологические альманахи в Петербурге и других городах. Самым крупным и интересным на постсоветском пространстве стал толстый археологический журнал «Стратум-плюс», выходящий шесть раз в год на русском языке – в Кишиневе. Восстанавливаются археологические общества, но это оказалось безуспешной затеей: исчезла та среда, которая поставляла членов для этих обществ и делала эти общества сильными и влиятельными. А новые свободные предприниматели еще не имеют ни силы, ни ответственности, чтобы поддерживать археологию, хотя отдельные случаи спонсорства уже есть.

Надо признать, в целом археология оказалась неготовой к этим переменам. Развиваясь понемногу в условиях общего застоя, она приспособилась к маленьким шажкам, мелким подвижкам и совершенно растерялась перед открывшейся бездной проблем. Академик Рыбаков, властно и уверенно державший археологию на службе партии, наложил неизгладимый отпечаток на ее структуры и кадры. Он был отстранен от власти, а родственники отправили его в дом престарелых, где он и умер. Но команда его сохранилась.

Археология в целом не была готова к переменам. Но многие

археологи были к ним готовы. Не случайно кое-где во главе новых демократических и национально-освободительных движений встали именно археологи. В Прибалтике эту роль выполнили общества охраны памятников культуры. В Белоруссии археолог Зенон Позняк возглавил общество «Мартиролог Белоруссии», открыл и раскопал места захоронений жертв НКВД в Куропатах. В Ленинграде археолог Г.С. Лебедев оказался в числе руководителей общества «Мемориал», а молодой археолог А.А. Ковалев стал лидером группы «Спасение», которая в борьбе против сноса исторических зданий (в частности, дома Дельвига и гостиницы «Англетер») начала проводить первые в городе массовые митинги и пикеты. Оба, Лебедев и Ковалев, вошли в новый, демократический Ленсовет в качестве его руководящих деятелей (возглавили комиссии). Еще пять археологов баллотировались в депутаты, большей частью от демократических организаций.

Оставшееся в верхах прежнее руководство растерянно печалилось. Нужно было менять идеологические ориентиры (атеизм на религиозность, интернационализм на шовинизм), но это бы не так страшно – было подозрение, что вообще новые власти не нуждаются в идеологическом обслуживании. Как доказывать свою необходимость? Сменились права собственности на землю и древности, исчезла централизация… Беляев и Гуляев констатировали «кризис археологии»[70].

С другой стороны, демократизация и впрямь не приносила ожидаемых мгновенных улучшений.

Конечно, связи с заграницей укрепились, препоны к выезду исчезли, но зато экономические возможности поездок за границу у наших археологов оказались очень скудны и часто были в унизительной зависимости от иностранных ассигнований. Многие ученые ринулись на запад, однако археологов среди них было очень мало (Лесков, Долуханов, Шилик, еще несколько человек). Некоторые покинули археологию, сменив профессию, – ушли в бизнес. Остальные вошли в массу обездоленных и недовольных.

Кризис археологии? В отличие от денацификации в Германии, у нас декоммунизация не была проведена, и установилось если не двоевластие, то двоемыслие. Особую опасность представляли реваншистские настроения, питаемые чувством национального унижения в связи с потерей империи и утратой оснований для великодержавности. Усмирение Чечни и некоторая стабилизация экономики за счет доходов от экспорта нефти (удачно выросли цены) позволили Путину приступить к завинчиванию гаек. На экономику это оказало скверное

воздействие (гигантская коррупция, показуха, воровство на всех уровнях, бездействие), замаскированное, правда, взлетами экономических показателей. Власть мгновенно срослась с крупным сырьевым бизнесом. Ориентация экономики на экспорт сырья и компрадорскую роль в торговле привела к тому, что фундаментальная наука стала не нужна.

В этих условиях археология тоже оказалась в трудном положении. Бюджетное финансирование почти прекратилось. Но благодаря нефтяным деньгам, вкладываемым в крупное строительство (дороги, каналы, новые кварталы городов, новые ГЭС), (новостроечная) археология получила мощный канал финансирования. Поэтому после катастрофического спада полевой активности в 1990-е годы наблюдается ее беспримерный рост в «нулевые».

Зарплаты археологов, особенно вне полевой деятельности, остаются на уровне массы других ученых, то есть нищенскими. Некогда сильная тяга молодежи к археологии сменилась апатией: другие профессии стали более притягательными – экономические, юридические и политические науки. Только упрямые романтики еще поступают обучаться археологии. Целые школы угасают из-за отсутствия притока молодых научных кадров. Институты заметно постарели. Столь же скудно и снабжение институтов техникой и литературой.

Болезненно перенесла российская археология и разрыв старых связей. «Открытые листы» из Москвы отныне стали действительны только для территории Российской Федерации; Украина, Казахстан, Средняя Азия и другие резко сократили, а то и закрыли возможность для въезда российских экспедиций и запретили вывоз находок в Россию. В результате многие российские археологи были вынуждены сменить специализацию.

Столичные археологи утратили свою былую влиятельность еще и в силу уже обозначенной децентрализации. В целом ряде регионов образовались местные центры археологии (Новосибирск, Иркутск, Томск, Омск, Челябинск, Пермь, Ростов-на-Дону, Казань, Уфа, Волгоград), опирающиеся на самостоятельные университеты, музеи, печатные издания и собственные научные школы, – некоторые из них даже стали посылать экспедиции в соседние регионы[71]. По многим параметрам ведущим академическим научным центром археологии оказался не Институт археологии в Москве и не ИИМК в Петербурге, а Институт археологии и этнографии в Новосибирске. Новосибирский центр явно позиционирует себя как главный археологический центр России: даже по количеству сотрудников он больше, чем московский институт.

Во многом это произошло благодаря роли академика Деревянко в качестве директора института и секретаря Отделения истории и философии Академии наук. Располагая финансами, он смог развернуть в Новосибирском институте междисциплинарные исследования, привлечь специалистов смежных наук из разных стран, приобрести необходимое оборудование, организовывать совместные экспедиции и щедро финансировать поездки археологов за рубеж. Научной молодежи за счет института приобретается жилье, финансируется стажировка в ведущих научных центрах мира. Деревянко изыскал средства на возобновление археологических съездов. При институте учрежден журнал, выходящий на русском и английском языках.

В распадающейся империи со все увеличивающимся экономическим разрывом между богатыми и бедными обострились национальные противоречия, отражающиеся в археологии и культурной антропологии резким усилением войны между национальными археологическими картами, появлением массы расистской литературы – с апологией арийской расы, на наследие которой претендуют разные народы, от славян до кавказцев и тюрок.

Словом, в путинской России расширение археологической активности в регионах и ее рост в целом опасно зависят от колебаний международных цен на нефть, на фоне чего наблюдается увядание традиционных столичных центров и угасание научных школ. Теперь же надо подумать о том, как скажутся на археологии тенденции последнего времени – возвращение многих советских идеалов, взлет имперских амбиций и антизападного изоляционизма при возрождении средневекового мракобесия и глупейшего шапкозакидательства.

В итоге можно вспомнить высказывание Гуляева и Беляева о кризисе археологии в 1990-х. Если взять полевую археологию, то, учитывая бурный количественный рост, дело выглядит так, что этот кризис преодолен, что подкрепляется и ростом региональных центров. Но если обратиться к другим показателям (уровень научных исследований, развитие исследовательских методов, функционирование академических связей, подготовка новых кадров, а главное – воспроизводство научных школ и традиций), то можно сделать вывод о том, что постсоветская археология втягивается в наиболее глубокий кризис за всю свою историю, связанный с общим упадком фундаментальных наук в России.

Мне представляется, что все это закономерные порождения того застоя, в котором прежние академические верхи археологии видят «прекрасную эпоху» и в котором такой отщепенец, как

Формозов, еще тогда углядел гниль и упадок.

№ 22 (166), 4 ноября 2014

14. Аналогия

Поиск аналогий – излюбленный спорт археологов. Нашел какую-то непонятную вещицу – первым делом ищешь аналоги: похожие находки у других археологов, в литературе. Может быть, один из аналогов имеет дату, объяснение или из картирования находок что-то станет понятнее.

Так теоретик археологии Чжан Гуанчжи из Йельского университета в 1967 году провозгласил: «Что касается аналогии, то вся археология есть аналогия»[72]. В самом деле, ведь вся археологическая интерпретация зиждется на сопоставлении с этнографической реальностью и на скрытой аналогии с элементами современного быта.

Но вообще умозаключение по аналогии – не доказательство. Что общеизвестно. Однако авторитетный математик Пойа придерживался другого мнения: «Было бы нелепо из правдоподобия таких догадок выводить их истинность, но было бы так же (и даже более) нелепо пренебрегать этими правдоподобными предположениями. Заключение по аналогии есть самый обычный вид рассуждения, возможно, и самый важный». И продолжает: «Аналогией проникнуто все наше мышление, наша повседневная речь и тривиальные умозаключения, язык художественных произведений и высшие научные достижения. Степень аналогии может быть различной. Люди часто применяют туманные, двусмысленные, неполные или не вполне выявленные аналогии, но аналогия может достигнуть уровня математической точности[73].

Конечно, в аналогии очень важна степень полноты сопоставления и существенность тех признаков, которые кладутся в основу сближения, чтобы получить вывод о том, что и другие признаки должны оказаться схожими.

Например, по степям Поволжья, Украины и Молдавии распространены были в IV тысячелетии до н. э. стилизованные каменные изображения головы животного – то ли коня, то ли собаки. По общей конфигурации они очень смахивают на каменные боевые топоры-молоты более позднего времени. Чем не аналогия? По этой аналогии многие археологи трактовали их как зооморфные скипетры – знаки власти. Но для боевых топоров и скипетров у них нет очень существенной детали – нет проуха, отверстия для насадки на рукоять. То есть ими орудовали, зажав в руке – для этого задняя часть у них всегда шершавая, а передняя – полированная. Еще одно суждение по аналогии – определение изображенного животного как коня или собаки. Но у него

неизменно обозначен один рог на лбу. Это Единорог – животное мифическое. В своей интерпретации этих предметов я исхожу из ритуалов, связанных с культом Единорога.

А вот археологический пример удачной аналогии. В поселении на территории гуннов (хунну) в Сибири была найдена половинка горшка, разбитого вертикально пополам. В этом не было бы ничего странного, но он был разрезан до обжига! Так и обожжен как половинка. Удалось найти точную аналогию – в античной культуре. А там это имело свои объяснения: такие половинки использовались как наколенники при прядении. Ну, прядение было и у гуннов. Так что аналогия, хоть и далека по расстоянию, но работает.

Приведу пример аналогии из древней истории и филологии. Гомеровский героический эпос описывает десятилетнюю осаду, штурм и гибель Трои-Илиона в XIII веке до н. э. Но ни в археологических раскопках, ни в письменных источниках никаких следов этого происшествия нет. Илион погиб от нашествия, но гораздо позже и от других агрессоров, не ахейцев. Там нет ни одного ахейского наконечника стрелы. По историческим источникам известно, что греки-ахейцы захватили значительную часть западного побережья Малой Азии, но в эту захваченную часть Троада не входит. Как раз весь этот угол они так и не сумели захватить до своей собственной гибели.

Все это очень странно. Но далекая аналогия объясняет все. Возьмем сербский героический эпос – он повествует, как отважные сербские юнаки взяли штурмом Стамбул, хотя из истории мы знаем, что такого штурма никогда не было, а на деле было нечто противоположное – полный разгром юнаков на Косовом поле. В русском героическом эпосе – былинах – русские богатыри неизменно побеждают татар. И ни словом не упоминается татарское иго. Это специфика героического эпоса. Он всегда компенсирует воображаемыми победами истинные поражения.

Теперь возьмем самый современный эпизод истории – наш конфликт с Украиной. Для его лучшего понимания часто привлекают аналогии, разумеется, с грузинской кампанией 2008 года. Тоже одна из наших бывших союзных республик, тоже речь идет об оспариваемых территориях, тоже возникшее после войны государство не признал практически никто. Но российско-грузинская война продолжалась несколько дней, Грузия потерпела поражение, Саакашвили проиграл выборы и бежал из страны.

Мне кажется, более подходит аналогия, которую мало вспоминают, разбирая казус с Украиной, – это афганская

авантюра брежневского руководства. По масштабу и сопутствующим обстоятельствам эта аналогия гораздо более близка. В обоих случаях операция была осуществлена в военном отношении (технически) блестяще. В обоих случаях нападение было обосновано как превентивное (чтобы не вторглись американцы). Тогда все осуществлялось под лозунгом интернациональной помощи, сейчас под девизом воссоединения русского мира. В обоих случаях в стране, подвергшейся превентивному нападению, было дружественное нам правительство. В обоих случаях с ним были некоторые нелады. И там и тут был расчет на поддержку части местного населения. Туда был введен ограниченный контингент советских войск, сюда – вежливые человечки, добровольцы и отпускники. И там и тут первые успехи были значительны: тогда были захвачены президентский дворец и столица, сейчас – часть территории присоединена, часть выведена из-под контроля местного правительства. В обоих случаях мы решительно отрицали свое участие (хотя потом его признали), тайно хоронили своих погибших. В обоих случаях реакция мирового сообщества была гораздо сильнее ожидаемой. В случае с Афганистаном международная разрядка напряженности была сорвана, Олимпиада бойкотирована, началась гонка вооружений, которая закончилась известно чем. В данном случае система международных договоров сорвана, Олимпиада забыта, вновь на горизонте гонка вооружений. Та война продолжалась 10 лет и закончилась парадным выводом советских войск из Афганистана под руководством генерала Громова. С развернутыми знаменами. Почти одновременно с падением Берлинской стены, с которой начались известные события.

Последствия Афганской авантюры наглядны: недалеко от наших границ на месте благополучного, хотя и средневекового государства, возник центр «Аль-Каида», возникло движение «Талибан», образовался мощный очаг наркодобычи, нацеленной в том числе и на нашу страну.

Что возникнет на месте дружественной нам Украины, трудно предугадать.

Аналогия, конечно, неполная. Сейчас Россия пребывает в границах допетровской Руси и возрождает некоторые допетровские скрепы. Берлинской стены нет, нет кольца союзных республик, нет и второго кольца Варшавского блока. Нет и той промышленности, которой обладал СССР. И лафа насчет денег также закончилась. Поэтому, наверное, уложимся быстрее, чем в десять лет.

Но это не пророчество. Это всего лишь аналогия.

XI. Этничность

1. Этнос не по Гумилеву

Модное слово. Греческое обозначение народа «этнос» прочно вошло в русский язык как научный термин. Благодаря всеобщности и точности понятие «этнос» все чаще заменяет понятие «нации» в теоретических и политических выступлениях (точнее, слово «этнос» вытесняет слово «нация»). Мы говорим о межэтнических конфликтах, а не о межнациональных – на Кавказе, в Югославии. Мы говорим о праве этносов на самоопределение, обсуждаем (доказываем или отрицаем) право этносов на отделение от того или иного государства, на сепаратизм. Что есть этнос? Каких факторов достаточно для его самостоятельности, для права на выделение, на отделение?

Мы говорим о теории этноса Л.Н. Гумилева: о цикличности, о пассионариях, о стадиях жизни этноса, – а в какой стадии находится русский народ? Гумилев утверждает: есть этносы-паразиты. Это, в частности, евреи, но не в Израиле, а здесь, в России. Там они перестали быть паразитами, а здесь были и остаются ими. Подразумевается, что их труд (в интеллигентных профессиях или в торговле и финансах) – не труд. Трудом достоин называться только труд физический. Совсем как у итальянского ультраконсерватора Юлиуса Эволы или у раннесоветских агитаторов-швондеров.

Советский академик Ю.В. Бромлей (кстати, из рода капиталистов английского происхождения) писал, что признаком этноса является *эндогамия* – браки только внутри этноса. Л.Н. Гумилев утверждал, что браки с инородцами портят нацию. А как быть со смешанными браками, которых все больше? Как вообще тогда определить этническую принадлежность?

Мне однажды паспортистка перепутала местами записи и внесла в графу «национальность» определение «учащийся». Пять лет я был единственным представителем этой национальности в стране. Зато в графу «социальное положение» паспортистка мне закатала: «еврей»! Учитывая тогдашнюю национальную политику, это имело некоторый смысл. Помнится, профессор-историк А.Л. Шапиро рассказывал, что ему паспортист, прочитав в дореволюционном документе на соответствующем месте «иудей» (тогда же отмечали не национальность, а вероисповедание), прочел это по-своему (он был по-советски чужд религиозных тонкостей и вообще не шибко образован) и записал в графу «национальность» черным по белому «ИНДЕЙ». Когда, заметив ошибку, Шапиро вернулся к паспортисту и потребовал исправления на «еврей», тот долго раздумывал, как исправить, не

заменяя документа и не подчищая его, и наконец придумал: нужно дописать слово. И Шапиро получил паспорт, в котором стояло: «ИНДЕЙский еврей».

Можно вообще не вписывать в паспорт ничего, относящегося к этническому, как это и делается во многих странах. Позже российские власти пошли именно по этому пути. Исчезнет ли от этого сама проблема? Перестанут ли люди ощущать свою национальность, различать себя и других по этническим характеристикам? Когда отменили необходимость вписывать в паспорт национальность, ожидалось, что это одобрят все народы России, кроме русского, но оказалось наоборот: возражения раздались именно со стороны бывших «младших братьев» – они почуяли в этом угрозу русификаторского нажима.

По Гумилеву, этнос – природное явление, форма существования вида Homo sapiens. «Этнос в своем становлении – феномен природный». Он тесно связан с ландшафтом, природной средой. Изучать его должна этнология, причем в рамках географии (тут сказалась и личная судьба Гумилева – прибежище, найденное им в географии). Этнос, – утверждал он, – это порода людей, почти вид. Но если «порода», то это уже не география, а биология. И действительно, в другом месте Гумилев добавляет: выделение этноса «отражает некую физическую или биологическую реальность».

С одной стороны, Гумилев был ярым сторонником чистоты этноса. Для устойчивой передачи «стереотипов» важна эндогамия. Он громогласно выступал против смешанных браков, благоразумно не называя это апартеидом. Даже перевирал биологические законы, утверждая вредность и гибельность метисации. Этот тезис за ним сейчас охотно повторяют ультранационалисты и прочие «геополитики» с «евразийцами». Говорил Гумилев и о «народах-химерах», «народах-паразитах». Однако он знал и не отрицал, что в каждом этносе намешано множество компонентов: в русском – финно-угры (меря, мурома, мещера), балты (голядь), сарматы, половцы, татары (откуда пошла и фамилия Ахматовых) и так далее. Как же разрешить это противоречие?

Идея Гумилева такова: смешения только тогда благотворны, когда вдруг обильно, кучно нарождаются особо одаренные и энергичные личности (он назвал их «пассионариями»; на этом термине сказалась, несомненно, партийная кличка лидера испанской компартии предвоенных и военных лет, страстной Долорес Ибаррури – «Пассионария»). Происходит это очень редко и лишь в некоторых местах вследствие биологических мутаций, возникающих под воздействием излучения из космоса. А

ландшафт – это как бы плавильный котел этногенеза.

Что за излучение? Какими физическими приборами оно улавливается? Как воздействует на человеческие яйцеклетки и сперматозоиды? Почему только в некоторых местах земного шара? Почему ее следствием оказывается рождение пассионариев, а не дебилов? Никаких доказательств не приводится. Их нет. Гумилев мог подразумевать вмешательство Всевышнего, но тогда это был бы другой разговор – не научный, а теологический.

Как опознать? Гумилев рассказывал притчу (воображаемый пример – он очень любил воображаемые примеры). Четыре одинаково одетых человека, молча, с одинаковыми газетами под мышкой, едут в автобусе на работу в один институт. На деле сказать, кто из них русский, а кто немец, татарин или грузин, их соседи по автобусу не могут. Хотя сами четверо знают, кто есть кто – и не только каждый о себе самом, но и друг о друге. Проверяется это их поведением: вот при них хулиган обидел женщину. «Грузин, скорее всего, схватит обидчика за грудки и попытается выбросить из трамвая. Немец брезгливо сморщится и начнет звать милицию. Русский скажет несколько сакраментальных слов, а татарин предпочтет уклониться от участия в конфликте». Очень красивый пример, но, к сожалению, не реальный, а основанный на анекдотах – на этнических шаблонах русского народного юмора. Так ведут себя люди в анекдотах, а в жизни – совсем по-другому. Татары промолчат? Вспомним конфликтное поведение крымских татар. А вот русское окружение хулигана очень часто молчит, хотя тоже, конечно, не всегда. Да и пример имеет дело скорее с южным и северным темпераментом, чем с национальным характером.

В науке сложилось представление об *этнических признаках*. Советскую науку отличало представление о четком наборе этих признаков, исходившем из сталинского определения нации. Нация – это этнос эпохи капитализма. Этнос – это нация, но без специфического признака времени – экономической общности. В мировой науке набор был шире и свободнее. Да и в советской науке после смерти Сталина и разоблачения «культа личности» придерживаться стандартного набора стало необязательно.

В американской литературе этнические признаки называются *индикаторами этничности* или *этническими маркерами*. Считается, что они хотя и наследуются, но не биологически (они пребывают не в генах) и в конечном счете определяются персональным выбором. Маркёры – это объективные реалии: они существуют, даже если не признаются самими носителями или другими индивидами.

С самого начала определение этноса через список признаков наталкивается на огромные трудности. В советской науке этот вопрос обсуждался особенно упорно в первые послевоенные и послесталинские десятилетия. Рассмотрим же эти признаки в их определительной функции.

1. Язык – во всех определениях первый признак. Многие придают ему решающее значение в определении этноса и склонны считать, что в подавляющих случаях его одного достаточно. Но на английском языке говорят ныне многие нации – англичане, американцы, австралийцы, канадцы, это также государственный язык в Индии и Южной Африке. На немецком языке говорят немцы Германии, австрийцы, часть Швейцарии. Другие части швейцарской нации говорят на французском и итальянском. Бельгийцы говорят на двух разных языках: французском и валлийском, но считают себя одной нацией. Украина говорит на двух разных языках: западная Украина – на украинском, восточная и южная – на русском. Евреи мира вот уже больше тысячи лет говорили на двух неродственных языках – идише и ладино, оба не связаны ни с древнееврейским, ни с ивритом. Значит, общности языка недостаточно для определения этноса и не всегда она вообще значима.

2. Территория у многих этносов сплошная и единая. Но не у всех. Не говоря уже о том, что у многих народов есть *диаспора* – рассеянная по другим странам часть народа, некоторые народы имеют *анклавы* в других странах (оторванные куски сплошного заселения) – таковы были немцы Поволжья. А есть и народы, вообще не имеющие сплошной территории и живущие только рассеянно, повсюду, как цыгане и как до недавнего прошлого евреи. С другой стороны, единая сплошная территория не гарантирует этнического единства. Немцы Германии и Австрии – это самостоятельные этносы или по крайней мере нации, хотя у них один язык и они заселяют сплошную территорию. Территории румын и молдаван сомкнуты, да и язык у них по сути один, но это разные нации, разные этносы. У них разные государства.

3. Культура, на первый взгляд, столь же характерна для этноса, как язык. Но на деле еще менее показательна, ибо значительно легче заимствуется и распространяется. Это легче увидеть на примере материальной культуры. В Восточной Прибалтике живут три народа – эстонцы, латыши и литовцы. Границы между ними проходят по горизонталям. А в культурном отношении Прибалтику делят на две зоны, граница между которыми проходит по меридиану, прорезая все три этнических ареала. Материальная культура России за послевоенное время

столь кардинально, повсеместно и всесторонне изменилась, что археолог будущего мог бы принять это за завоевание России западноевропейским народом. А на деле было противоположное: в войну Россия победила Германию. С этносом может совпадать не полностью весь комплекс культуры, а только некоторые компоненты, а какие – заведомо не установить.

4. Психика, психический склад – это то, что часто именуют национальным (этническим) характером. Ну, это и вовсе почти неуловимо. Или, скорее, определимо только в общенародном масштабе, а не у каждого отдельного индивида. Иными словами, это признак только интегральный, а не дифференциальный. То есть, можно сказать, что итальянцы в массе, в среднем темпераментнее, чем финны, но любой отдельный финн может оказаться темпераментнее отдельного итальянца, почему и нельзя пользоваться этим признаком для отнесения индивида к конкретному этносу (вспомним гумилевский пример с четырьмя мужчинами). Не говоря уже о том, что в большинстве эти признаки оказываются при ближайшем рассмотрении не объективной реальностью, а традиционными клише, мифическими стереотипами соседей (легкомысленные любвеобильные французы, жадные евреи, глупые чукчи) или националистическими самообольщениями (русские духовность и соборность). А когда в редком случае натолкнешься на реальный, экспериментально установленный признак, он оказывается характерным для нескольких этносов сразу. По словам С.А. Токарева, понятия «психический склад», «национальный характер» в проблему определения этнической общности ничего, кроме тумана, не вносят.

С этим признаком мы окончили стандартный, восходящий к Сталину набор и переходим к признакам из более широкого репертуара.

5. Единство происхождения – признак, выдвинутый С.М. Широкогоровым. Это признак еще библейский – в Библии народы различались по происхождению от единого предка, и это было в древности общим местом. Все скифы – от Скифа, все эллины – от Эллина. Но на деле в русское население вошли балтские народности от Прибалтики до Поволжья, севернее от них – финские народности лесной полосы до Урала, татары и ираноязычные сарматы в степях. Русский народ и сейчас продолжает пополняться из разных источников. Английский народ сложился из нескольких корней: германоязычные англосаксы, кельтоязычные пикты и франкоязычные норманны. Компоненты французского народа – германоязычные франки и кельтоязычные галлы. В то же время евреи и арабы – одного

племенного корня: семитского, но это разные этносы, да и арабы делятся на разные, нередко враждующие этносы.

6. Название и самоназвание – признак, который некоторые считают важным для обособления этноса. Но этнические ярлыки очень непрочно связаны с этносами. Многие названия не являются самоназваниями, а даны соседями. Сами немцы называют себя не «немцами» и не «германцами», а «дойче». «Руоси» было первоначально финским названием «Швеции», а славян они называли «веняя» (видимо, от венедов); только после воцарения в славянских землях норманнской династии Рюриковичей подвластных им славян стали называть «Русью». Французы получили название от германского племени «франков». Осетины раньше назывались ясами, до того – аланами. У Гомера греки не назывались греками, и даже более древнее имя эллины как общее название всего этноса не употреблялось. Греки назывались в эпосе то ахейцами, то данайцами, то аргивянами. Все народности, проживавшие в Северном Причерноморье, назывались у греков скифами. Всех, кто прибывал на Русь с Запада, восточные славяне называли немцами – вероятно, потому, что те не могли разговаривать славянской речью и были для славян немыми. А свой язык был для славян «язык словенеск» – словесный (язык означало на древнерусском и «народ»).

7. Самосознание – вроде бы более присущее этносу свойство. Этнос должен осознавать свое отличие от других, свою общность. Но для больших народов это свойство проявляется отчетливо только на его окраинах. В центральных областях, откуда до границ и не добраться, люди могут жить веками, не имея контакта с чужими для осознанного противопоставления себя другим. Да и не всегда в условиях контакта противопоставление акцентируется. Белорусы западных областей на вопрос об их национальности часто отвечали: «мы тутэйшыя» (здешние), или «вясковыя мы» (деревенские), либо называли себя то русскими, то поляками (в зависимости от ситуации). Самосознание может отличаться от определения по другим признакам. Я уже упоминал, что ощущаю себя русским, но по паспорту (советскому), родству и восприятию меня другими я еврей. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что самосознание – «явление вторичное, производное от объективных факторов», и отказывают ему в ранге «решающего свойства этноса».

8. Религия – то, что сплачивает людей в конфессиональные общности, нередко совпадающие с этническими, и одновременно является разделительным признаком этносов: поляки – католики, русские – православные. Еще сильнее людей одного и того же

языка религия часто разделяет: в Югославии славяне одного языка давно разделились на три этноса: сербы (православные), хорваты (католики) и боснийцы (мусульмане). С другой стороны, немцы-католики и немцы-протестанты не стали двумя этносами, так же как французы-католики и французы-гугеноты. Стало быть, религия важна как признак этноса, но она то сплачивает людей в этносы, то нет, то разделяет этносы, то нет.

9. Экономика – признак, подобающий только нации (по исходной логике рассуждения, идущей от нации к этносу), но возможный при расширительном толковании и для этноса: общность не как связи, а как сходство экономических показателей. Но и это далеко не всегда налицо.

10. Государство – еще один объединительно-разделительный признак, обладающий теми же качествами. Многие национальные государства объединяют в основном людей одного языка, культуры, религии (Франция, Дания, Швеция, Норвегия, Польша). Но есть государства, которые объединяют по несколько, даже по много этносов, – Россия, Индия, в прошлом – Австро-Венгрия, Османская империя. А есть государства, которые разделяют один и тот же этнос: Сербия и Черногория, Албания и Косово, некоторые считают, что таковы Германия и Австрия, Румыния и Молдавия. Я уж не говорю о случаях, когда этнос разорван между инонациональными государствами: курды, живущие в Ираке, Турции и Иране.

11. Раса – признак вроде бы опознавательный. Но опознать по расовым признакам национальность можно лишь иногда, по контрасту с окружением в результате дальней миграции. Евреев по типу лица, носа, глаз можно выделить в России потому, что, происходя генетически от населения аравийских степей, евреи сильно отличаются своим физическим типом от славянского населения Восточной Европы, но в Италии и Испании отделить евреев от местного населения, испытавшего в Средние века сильное влияние арабов, почти невозможно. И наоборот, русские с севера и русские с Кубани и Дона сильно отличаются друг от друга. Совершенно невозможно отличить русского от украинца, белоруса или поляка. Анализируя средние параметры населения, можно выявить тонкие отличия, но в каждом индивиде они неуловимы: индивидуальные расхождения далеко перекрывают различия средних. На Кубе живут разные расы, но все они, включая негров и мулатов, – кубинский этнос. В Мексике и Перу часто уже трудно различить, кто индеец, кто португальского или испанского происхождения, кто метис, хотя там есть и сохранившиеся чисто индейские племена. Даже среди евреев нет расового единства. Несмотря на длительное отсутствие сильных

примесей, среди евреев есть голубоглазые, есть блондины с веснушками, много рыжих, хотя среди родственных арабов таких почти нет (вероятно, это результат нашествия в XIII и XII веках до н. э. из Европы в Палестину и Египет так называемых «народов моря»). Наибольшая расовая чистота наблюдается на окраинах материков (Норвегия, Корея), все остальное население сильно перемешано.

Итак, ни один из признаков, выдвигавшихся на роль этнических показателей, не является ни достаточным для этнического различения, опознания и определения, ни необходимым для него. Он может быть определяющим, может и не быть.

Но если каждый по отдельности не решает, то, возможно, нужно брать все признаки вместе, а если нет всего набора, то нет и этноса. Но коль скоро каждый признак в отдельности не обязателен, то и все вместе тем более не обязательны. Тогда быть может, следует взять какую-то часть набора? Но какую именно часть? Сколько признаков и какие?

Ведь если исходить из обозначенной выше ситуации, то годится любой набор! Это значит: то одно, то другое сочетание, то третье. Похоже, что так. Но тогда какое-то строгое определение просто невозможно. Где же для него основа? Невозможно ясно указать, в каких случаях, с какими сочетаниями признаков есть этнос, а в каких его нет.

В начале XX века в этом духе высказался немецкий марксист Карл Каутский, очень ясно и трезво мысливший: «Национальность – это общественное отношение, которое постоянно меняется, которое при разных условиях имеет различный смысл – словно Протей, постоянно ускользающий из наших рук, когда мы хотим его схватить».

Солидарность. На мой взгляд, этнос – это реальность, но прежде всего это категория социальной психологии. Этнос связан с чувством солидарности или по крайней мере с его ожиданием от индивидов. Нет его – не о чем разговаривать. Но чувством солидарности несомненно обладают и другие социальные общности – класс, сословие, партия, профессия, возраст, даже состояние здоровья.

Так вот, в отличие от других видов солидарности, *этническая солидарность направлена на воспитание или поддержку идеи обособления отдельного социального организма, со всеми классами и слоями, со своим особым управлением, со своей территорией и народонаселением (достаточными для самообеспечения и обороны)*. Имеется в виду *независимое государство или по крайней мере автономное образование*. Всякий этнос, имеющий государственное

оформление, дорожит им. Всякий этнос, не имеющий его, лелеет мечту о нем. Если такой мечты нет, нет этноса. Таким образом, этнос – это категория не биологии и не социологии, а социальной психологии.

Споры о том, являются ли евреи отдельным этносом, шли долго. Те, кто отрицал это, ссылались на отсутствие единого языка и вообще его утрату. Противники ссылались на цементирующую роль религии. Изгнанные две тысячи лет тому назад из Палестины, евреи молились, повернувшись в сторону Иерусалима, а на праздниках твердили формулу: «Сегодня здесь, а завтра в Иерусалиме». По прошествии двух тысяч лет сохранившие свою идентичность собрались в Палестине, отвоевали свою землю и создали государство Израиль. Доказали свое существование как этноса.

Противоположный случай я вижу в Белоруссии. Там стремление к национальной самостоятельности никогда не было сильным. В Белоруссии это всегда был только вопрос национальной культурной элиты – очень тонкого слоя, к тому же изрядно прореженного сталинскими чистками. Масса населения оставалась к этому вопросу равнодушной. Белорусский язык был языком деревни, а деревенская жизнь утратила привлекательность, социальные идеалы ориентировались на жизнь городскую. «Союзная республика» была сформирована искусственно, в большой мере для показухи. Все население говорило и говорит на русском языке, только с белорусским акцентом и небольшой примесью белорусских слов – на «суржике». Белорусский язык – это язык радио и некоторых газет. Мой покойный друг, белорусский писатель и страстный белорусский патриот, дома, в семье, говорил по-русски.

В Западной Белоруссии, в городе Гродно, вскоре после войны было открыто около десятка школ, все русские, одна из них – польская и одна – белорусская. В этой белорусской школе только один из нескольких параллельных классов был действительно белорусским. Когда польскую школу закрыли, ее сделали русской. Потом передумали и 1 сентября объявили, что школа будет белорусской. Услышав об этом, белорусы, родители с детьми, ринулись к дверям. Директор велел запереть двери. Родители с детьми стали прыгать в окна. Так белорусы продемонстрировали свою «приверженность» родному языку.

Демонстративное стремление Белоруссии объединиться с Россией опирается на равнодушие народа к своей особой (нерусской) национальной идентичности. Для национальной элиты это может быть неискреннее стремление (политический маневр), но для народа Белоруссии выбор между двумя

перспективами диктуется исключительно соображениями экономической и политической природы.

Иное дело Украина. Там идея национальной самостоятельности всегда теплилась, и по крайней мере западная часть страны говорит по-украински и стоит на страже своей «самостийности».

Итак, в основе этнического самосознания лежит идея самостоятельной очень-очень большой семьи, обладающей отдельной территорией. Пусть эта самостоятельность и будет относительной (ныне полная независимость от международного сообщества недостижима и не нужна).

В заключение я бы хотел сказать, что белорусский, да и еврейский примеры (если брать не только евреев Израиля, а большинство евреев мира) показательны в одном отношении. Они показывают, что замыкание в рамках этнической идентичности не является непреложным и неизбежным. Замечательный историк И.М. Дьяконов показал, что на Древнем Востоке массы людей, при всей приверженности своему языку, пребывали в неопределенном, диффузном этническом состоянии. Нынешний мир, похоже, движется к такому же положению. Негры в Вашингтоне, евреи в Нью-Йорке, индусы в Лондоне, турки в Берлине, алжирцы в Париже, таджики в Москве, русские в Риге то порождают конфликты, то сосуществуют в гармонии с коренным населением, но не уезжают, медленно ассимилируются, внося свой вклад в местную культуру и быт, и все вместе демонстрируют взаимопроникновение и взаимопереплетение этносов в беспрецедентном прежде масштабе. Не станет ли мир будущего одним многоэтничным мегаполисом? И сохранятся ли в таком мегаполисе этносы в своем нынешнем виде?

Будучи русским еврейского происхождения, находясь на стыке двух этносов, я, быть может, острее многих ощущаю зыбкость этнических рубежей. И учусь понимать, что у человека есть ценности помимо его принадлежности к этносу и что некоторые из них, пожалуй, выше этнических.

Написано в 2011–2013, не публиковалось

2. Евреи и казаки

Свою лекцию об этносе в курсе «Основ культурной антропологии» я начинал с вопроса:

– Как по-вашему, какой я национальности?

Неуверенные голоса с мест:

– Вроде, немец?..

– Нет, скорее еврей.

– Как вы это определили? – спрашиваю.

– Фамилия немецкая…

– Но имя и отчество еврейские.

– Ну, и какие-то внешние признаки: брюнет, нос с горбинкой, глаза на выкате…

Я продолжал:

– Фамилия моя может читаться с немецкого, может с еврейского-идиш, который есть в сущности диалект немецкого. Что касается имени и отчества, то имя чисто русское: Лев Толстой, Лев Гумилев, Лев Пушкин – это имя носили дед, дядюшка и брат поэта… Но после того как Лев Толстой высказался против антисемитских погромов, это имя стало очень популярным среди российских евреев. Отчество, конечно, библейское, а значит, еврейское, но вместе с другими библейскими именами – Иоанн, Иосиф, Мария, Гавриил, Даниил – оно было распространено и среди прочих наций, в том числе среди англичан и американцев (Сэмьюел, дядя Сэм) и среди русских – отсюда русская фамилия Самойловых.

По паспорту я действительно еврей. Сказывается ли это как-то на моем поведении? На моих идейных позициях? На моем социальном положении?.. (*Молчание*.)

Загвоздка в том, что я не чувствую себя евреем – признавался я студентам и повторяю это сейчас. Точнее, чувствую лишь иногда, когда сталкиваюсь с некоторыми бытовыми неудобствами, с проявлениями антисемитизма (что бывает крайне редко). В остальном же я русский. Русский язык – мой родной, это мой первый язык, язык моего детства. Я говорю на нескольких языках, но еврейского среди них нет – ни идиша (языка восточноевропейских евреев), ни иврита (реконструированного древнееврейского языка Израиля). Не было практической надобности изучать эти языки – нужнее были английский, немецкий, другие европейские языки. Я родился в восточной Белоруссии, воспитан в русской культуре, мой дом – в Петербурге. Иудейской религии не придерживаюсь, потому как вообще атеист, и отец, и дед были атеистами.

Дед жил в Варшаве до того, как стал фабрикантом, был заводилой в компании поляков, русских, евреев и стоявших в Варшаве казаков. За проделки, чувствительные для религии, был отлучен от синагоги. Отец поступил в Варшавский университет, а окончил его уже в Ростове-на-Дону: при наступлении немцев университет был эвакуирован, да там и остался до сих пор (в Варшаве же был создан поляками новый университет). По окончании отец оживил семейные связи с казаками – поступил в кавалерийскую школу, весь выпуск которой вступил в Добровольческую армию Деникина. С ней (с белыми то есть) он и прошел Гражданскую войну. Но в конце ее перешел на сторону красных (с Врангелем в Крым не пошел).

Кстати, извечная вражда евреев и казаков – миф. Среди запорожских казаков евреи жили издавна, и не только как торговцы и ремесленники, но и как воины. Польский историк Я. Собесский отмечает тринадцать конных еврейских воинов в казачьем войске, участвовавших в войне 1613 года, в том числе погибшего Бераха из Тырловца. В более поздних войнах отмечен сотник Лейбенко. К крестившимся евреям восходят многие казачьи роды – Боруховичи, Герцыки, Крыжановские, Перихристы и Шафаревичи. Из некоторых этих родов происходят атаманы и гетманы (сведения Г. Винера). Но вернемся к современности.

Мои ближайшие друзья в основном русские. В Израиле евреев, прибывших из Советского Союза, зовут русскими – они в Израиле говорят по-русски, читают (и издают) русские газеты, слушают русское радио, поют русские песни. В Америке американцы не различают среди приехавших из России русских и евреев, все они для американцев – русские. Во всех странах, куда я приезжал с лекциями, я – русский ученый.

Исаак Левитан – русский художник (как и армянин Айвазовский); Павел Антокольский – русский скульптор; основатели Московской и Петербургской консерваторий братья Рубинштейны – русские музыканты; для всего мира Пастернак, Мандельштам, Бродский – русские поэты, Бабель и Эренбург – русские писатели. Вот Шолом Алейхем – еврейский писатель (он писал на идише для евреев).

Те евреи, которые уехали в Израиль, сделали это не по этническим причинам, а по политическим и личным. Бежали от притеснений, от экономических неурядиц, от неудобного для жизни режима. Как многие из них говорили – ради детей. Значительная часть использовала выезд в Израиль как трамплин для эмиграции в Америку. Оставшиеся в Израиле (их много) постепенно будут включаться в народ Израиля, но очень долго будут в нем иммигрантами. Вот их дети органично войдут в

народ Израиля. А те евреи, которые остались здесь, принадлежат русскому народу. Они различимы в русском народе, как различимы некоторые другие его части. Среди русского народа евреи сейчас – нечто вроде касты (не каста, конечно, а нечто вроде). Подобно казакам, но без выделенной территории. Как и тех, их отличает и объединяет особая историческая судьба. Есть у евреев и некоторые другие отличия: предпочитаемые профессии, опознаваемые фамилии, отличимые от остальной массы физические особенности. Но это все.

Так что, кто же я по национальности? Я – русский еврейского происхождения. Как Пушкин – русский африканского происхождения. Как Фонвизин, Фет и Брюллов – русские немецкого происхождения. Как Тургенев, Рахманинов, Карамзин и Аксаков – русские татарского происхождения. У русского композитора Чайковского один дед – француз, другой – поляк. Циолковский и Высоцкий, Дзержинский, Тухачевский и Рокоссовский – польские фамилии (при этом отец Высоцкого – еврей). Брюсов? Нет, шотландское звучание его фамилии обманчиво: его дед из крепостных графа Брюса, петровского сподвижника, а уж тот был из Шотландии. Но вот Лермонтов, скорее всего, не без оснований вел свое происхождение от выходца из Шотландии Лермонта (хотя звучание фамилии – французское). Я уж не говорю обо всех Рюриковичах – датского или шведского происхождения (варяги). Русский народ обладает большими способностями ассимиляции инородных включений. В этом его особенность, его преимущество и его сила. Гонители инородцев были на Руси всегда, но всегда они выступали, в сущности, против торного исторического пути русского народа.

№ 15 (59), 3 августа 2010

3. Работа по-английски?

В «лихие девяностые» я проработал полгода в Даремском университете. Это один из трех университетов Англии, где есть система колледжей (Кембридж и Оксфорд на юге, Дарем на севере). Дарем – небольшой городок, который, собственно, весь работает на университет – как и Кембридж. Большая часть колледжей и кафедр расположена за городом или на его окраинах, в специально для них построенных зданиях, но часть кафедр располагается на городских улицах, в том числе и кафедра археологии (department of prehistory). Полгода я выходил из спального корпуса колледжа (колледж Сент-Мери'с) и шел по шоссе, а затем по улочкам к огромному каменному мосту через ущелье, в котором протекает быстрая речка Уиф. За мостом показывался огромный и знаменитый Даремский собор, строительство которого началось еще при норманнах, а завершилось в готическую эпоху (собственно, этот долгострой так и не был закончен – башни остались без остроконечных завершений). Затем я сворачивал направо на узенькую улочку и подходил к трехэтажному зданию кафедры (сейчас, как я слышал, она переехала в другое здание). У каждого преподавателя был свой кабинет. У меня – тоже. Я никогда не имел его на родине – ни до того, ни после.

Конечно, это был разительный контраст с Ленинградом-Петербургом, где все студенты и все преподаватели кафедры археологии ютились (и до сих пор ютятся) в двух комнатах, одна из которых по совместительству является административным кабинетом (в нем восседают две лаборантки, они же секретари кафедры), а вторая – камеральная лаборатория и депозитарий, и в обеих идут также занятия со студентами.

Поразил и стиль работы англичан. Я привык в Ленинградском университете и особенно в Институте археологии (ИИМКе), что священно только время лекции или доклада, а в остальное время все прогуливаются по коридорам, обмениваются новостями и мнениями, в любое время можно обратиться к любому коллеге. Он всегда рад оторваться от занятий и поболтать часок. Работают же люди не «на работе», а дома. В Англии не так. Дома отдыхают, а все книги держат у себя в офисе. В коридорах пусто: все сидят по своим кабинетам. Когда я постучался за чем-то в кабинет преподавателя Мэтью Джонсона (ныне профессор), он выглянул с выпученными глазами, как если бы я его разбудил среди ночи. Он был несказанно удивлен: это было ЧП. Потревожить кого-то во время его работы!

Я извинился и сказал, что у меня есть к нему один вопрос, который, надеюсь, ему будет нетрудно объяснить. Он спросил: «Это вопрос, требующий времени? Если нет, то через час тридцать у меня будет перерыв – несколько минут, и я смогу Вам ответить. Встретимся внизу в комнате отдыха. Если же на ответ потребуется значительное время, тогда давайте назначим встречу на завтра в 19:10. А сейчас прошу прощения, у меня работа». Даже не «срочная работа», а просто «работа». Этого достаточно, чтобы все понимали: его отвлекать нельзя. На первом этаже есть комната отдыха, там в регулярные перерывы перекусывают, пьют чай или кофе, обмениваются замечаниями с коллегами.

Рассказывают, что когда во время перестройки в ИИМК на пару недель был прикомандирован один англичанин, он сидел на своем рабочем месте, пока все гуляли по коридорам, играли в шахматы и обсуждали политические новости. Когда англичанин уезжал, сотрудники устроили ему обычную «отвальную» с вином и печеньем. В ответном слове англичанин сказал: «Меня чрезвычайно тронуло, что вы меня так дружески провожаете несмотря на то, что я не поддержал вашу *забастовку*!» (Возможно, это было в другом институте, а возможно, это просто анекдот, не помню).

Ничего странного, что нашу работу иностранцы могут спутать с забастовкой. Постоянные перекуры, обсуждения новостей общественных (так сказать, индивидуальные политинформации) и домашних, перемывание косточек коллегам и начальству, игра в шахматы (целые многомесячные турниры), чтение романов…

Здесь сказывается и национальный характер (к сожалению, ни систематичность, ни трудовая дисциплина не входят в число российских добродетелей), и заданные сверху условия. Наши институты и университеты вынуждены ютиться. Им отведены по одной или в лучшем случае по несколько комнат на каждый сектор, отдел, кафедру. Их так и строят. Заведомо ясно, что в таком секторе будут не только проводиться заседания, но и сидеть скопом все сотрудники, выгородив шкафами отдельные закутки. Никому и в голову не пришло запланировать отдельные кабинеты для каждого научного сотрудника, каждого профессора, доцента или ассистента. Я уж не говорю – для каждого лаборанта. Этакие офисные коммуналки – наследие советского быта. Экономия на науке.

Как всякая наша экономия, она выливается в колоссальные затраты. Ясно, что все часы, проведенные в этих коммуналках, выброшены даром, это не работа. А часы складываются в трудодни, а они умножаются на число сотрудников и на годы…

Работать же приходится дома, там у нас и книги стоят, и компьютеры ждут, но работать приходится в свободное от «работы» время, и хорошо еще если администрация это понимает и не требует присутствия от звонка до звонка… Мы живем в перевернутом мире: работаем в свободное время, а в рабочее время – отдыхаем и развлекаемся.

Может быть, это непатриотично, но я мечтаю о том времени, когда все ученые у нас будут работать по-английски. Я готов пожертвовать возможностью справиться о чем-либо в любой момент у всякого. Посижу в своем кабинете и подумаю сам. Я это делаю и сейчас – дома. Да и всех призываю – подумать.

№ 16 (35), 18 августа 2009

4. Самый умный народ и русофобия

По Интернету прокатилась (2008) антропологическая сенсация. Ричард Линн из Ольстерского университета (Северная Ирландия) со своими сотрудниками несколько десятилетий измеряли коэффициент интеллекта населения Европы – жителей 23 государств. Проанализировали результаты тестов IQ более 20 тысяч человек. Результаты для русских неутешительные. Вот перечень средних цифр: немцы, голландцы – 107, поляки – 106, шведы – 104, итальянцы – 102, австрийцы, швейцарцы – 101, британцы, норвежцы – 100, бельгийцы, датчане, финны – 99, чехи, венгры, испанцы – 98, ирландцы – 97, русские – 96, греки – 95, французы, болгары, румыны – 94, турки – 90, сербы – 89.

Русские на 16-м месте в Европе, близко к концу списка.

Сам Линн связывает распределение коэффициентов с воздействием климата: в северных широтах суровый климат заставлял людей больше напрягать смекалку в борьбе с природой и тысячелетиями вырабатывал более изощренный интеллект. Кроме того, считает он, на уровень интеллекта повлиял сложившийся образ питания: на севере больше жили охотой, затем скотоводством, ели больше мяса, а это давало мозгу больше строительного материала для роста. Правда, на это можно возразить, что скотоводство было больше всего развито у кочевников – в степной полосе.

Я далек от того, чтобы придавать этому перечню решающее значение в определении умственных способностей нации. Сразу же утешает то, что такие прославленные в мировой культуре нации, как греки и французы, – еще ниже стоят в этом списке. Я уж не говорю о том, что в целом (это уже вне списка Линна) европейские народы далеко не первенствуют в этом деле, впереди азиаты: китайцы, японцы, корейцы. Правда, позади европейцев – африканцы. Показатели IQ отражают способность решать стандартные задачи-головоломки в соревновании на быстроту. Это главным образом проверка формальной логики, внимания, памяти и умения сосредоточиться. А эти вещи зависят от тренированности, стало быть, от уровня образования. Также от темперамента: сангвиники и холерики опередят флегматиков. Люди творческого мышления останутся невыявленными.

Процветание же нации зависит не столько от ума индивидов, сколько от ума тех, кто окажется у власти, а это зависит не столько от «среднего ума» массы граждан, сколько от их характера. Также от того социального климата, который господствует: от умения общаться, коммуникации, готовности

учиться у других, вообще традиций обучаться.

Поэтому академик Петр Капица предложил считать самой умной нацией на Земле ту, у которой наблюдались самые значительные открытия. Подсчитав успехи европейских народов в XX веке, особенно в науке и спорте, ученый заключал, что самой умной нацией на Земле на сегодняшний день являются англичане. Это тоже может быть оспорено, особенно если исходить из успехов на душу населения. Скажем, евреи составляют четверть процента (0,25 %, то есть одну четырехсотую) населения Земли, но дают 37 % нобелевских лауреатов и 50 % шахматных чемпионов. Опять же и тут удивляться нечему: у евреев за последние две тысячи лет, при всей бедственности положения и статуса, была поголовная грамотность, тогда как, скажем, у русских еще в прошлом веке грамотен был тонкий верхний слой.

Все же я не хотел бы, чтобы мой отклик на исследования Линна был занесен в категорию борьбы с русофобией. Как бы там ни было, исследование проведено, и его итог нужно учитывать тем интернетным блогерам, которые по разным основаниям объявляют русских самой умной нацией на Земле. Итог Линна нужно учитывать и при размышлении над системой народного просвещения.

К сожалению, наглядные недостатки жизни в России остро ощутимы, и значительная их часть обусловлена совершенно очевидными недостатками, по сравнению с которыми некоторое отставание по уровню IQ – это просто булавочный укол. Мы не приучены к систематическому труду, работаем авралом, с бесчисленными перекурами. Мы вообще не очень уважаем труд: работа не волк, в лес не убежит. Мы не почитаем закон, для нас субъективно определяемая справедливость выше закона. Уровень алкоголизма, опирающийся на традиционные обычаи, давно превысил у нас все пределы выживаемости народа. Количество рождающихся дебилов увеличилось в несколько раз, многие дети (алкоголиков и наркоманов) от рождения хоть и не клинические дебилы, но с ослабленными умственными способностями – это видит каждый учитель. До детальных ли подсчетов IQ в такой ситуации?

Когда критикуешь пороки нашего народа, недостатки нашего государства, можешь услышать голоса ультрапатриотов: «Почему Вы так не любите Россию?» Любая критика их раздражает. По мнению этих недалеких людей, готовых во всякой критике видеть русофобию, критика означает нелюбовь, ненависть, а любовь выражается в дифирамбах, и кто любит, закрывает глаза на недостатки.

Я думаю, что тот, кто искренне любит свою страну и свой народ, не может закрывать глаза на недостатки. Он страдает за свой народ и особенно нетерпим к его недостаткам. Он всячески стремится их искоренить.

А люди, наперебой восхваляющие Россию и все, что в ней происходит, всякое событие ее истории, всякое телодвижение ее правителей, на деле либо глубоко равнодушны к ней, либо наивно верят, что если не называть вещи своими именами, то их никто и не заметит. И можно будет жить дальше в состоянии блаженной иллюзии. Равнодушие же к подлинной России основано на том, что они вовсе не Россию любят, не породивший их русский народ, а тот идеализированный образ народа, который создан властями для маскировки неприглядной реальности.

№ 15 (847), 28 октября 2008

5. Сами с усами (к спору о варягах)

Одна моя книжка, написанная почти полвека назад, издается впервые только сейчас. Это редко происходит с научными книгами, в археологии – особенно. Ведь в ней источники удваиваются каждые тридцать лет. А вот не устарела! И я уверен, что книга будет раскуплена сразу. Потому что тема ее – спор о варягах. И книга – не только о фактах, но и о самом споре. О подходе к анализу фактов, об объективности и предвзятости – неумирающая тема. А в споре этом многое было накручено и напутано, причем намеренно, при этом противники обвиняли в этом противоположную сторону. Я написал эту книгу со всей доступной мне объективностью, честно, открыто, не взирая на лица.

Почему же я не опубликовал ее прежде, а решился на это только сейчас? Проанализировав все факты, я пришел тогда к выводу, что варяги – это норманны (шведы, норвежцы и датчане), что они в IX веке захватили все основные восточно-славянские города, посадив там своих князей, что от них происходит имя «русские», что эти события сыграли видную роль в становлении русской государственности. Что летописец был прав («от них же и ны прозвашася»), а все попытки реинтерпретировать его свидетельство исходят из пожелания, чтобы этого факта в русской истории не было. А он был.

Все имена первых русских князей – не славянские (как Святослав, Всеволод), не библейские (как Иоанн, Михаил), не греческие (как Александр), а идущие от скандинавских корней (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга). Арабские источники сообщают, что русы живут на острове, приходят в землю славян, грабят их и берут дань. Византийский император Константин Багрянородный в X веке сообщает два ряда названий днепровских порогов – славянский и русский. Первый ряд звучит близко к современному: Неасит (Неясыть, нынешний Ненасытец), Вульнипрах (Волновой порог), Островунипрах (Островной порог), второй восходит к скандинавским корням (Аирфор – ненасытный порог, Улворси – островной порог). Или взять северный этноним «руосси» – финны долго звали так не славян, а шведов. И так далее. На каждый из этих и подобных фактов есть множество попыток иных толкований, опровержений, возражений. Но фактов в совокупности слишком много.

Через два поколения князья и варяжская часть дружины ославянились, и роль варягов сошла на нет. Я написал эту книгу в 1960 году, получил хорошие отзывы от декана исторического

факультета В.В. Мавродина. Но опубликовать такую книгу было крайне сложно.

Для непредвзятого человека факты были ясны. В том же начале 1960-х в Московском университете студент-историк подал профессорам работу с аналогичным содержанием. Его исключили из Университета, затем он попал в тюрьму и в конце концов оказался за границей. Он стал известным диссидентом – это Андрей Амальрик.

Наш факультет был тогда либеральнее московского. Однако и у нас на мои взгляды многие косились с опаской, а организованный мною славяно-варяжский семинар вызывал возмущение партийных идеологов факультета. Но приходить на занятия и прямо контролировать речи преподавателей у нас было не принято. Меня решили вызвать на дискуссию. Выбор был простой: либо я прямо изложу свои взгляды – тут-то меня и накроют, либо я буду изворачиваться и уходить от прямого ответа – но с какими глазами я назавтра покажусь перед студентами?

На 24 декабря 1965 года была назначена дискуссия – обсуждение только что вышедшей книги И.П. Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке». Кафедре археологии было предписано выдвинуть своего участника. Я и должен был выступить против Игоря Павловича.

Дело в том, что уже больше двух веков шел спор норманистов с антинорманистами. Норманисты – это те, кто признавал участие и роль норманнов, антинорманисты – те, кто отвергал эту точку зрения как вражеское измышление. Спор шел непрерывно, но яркие всполохи возникали с заметной периодичностью в сто лет. Первая вспышка была в 1760-е годы – это знаменитая баталия между М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером. Миллер опирался на летописи и отстаивал объективную науку, а Ломоносов, прославленный открытиями в точных науках, в истории был профаном и основывался на «Синопсисе» – позднем польско-украинском переложении древних источников, а главное – на своих патриотических сантиментах. Он отстаивал идею, что варяги вообще были не норманнами, а западными славянами.

Вторая вспышка спора была в 1860 году. Тогда на дискуссию в актовом зале Петербургского университета приехал из Москвы норманист М.П. Погодин, известный профессор-историк, а антинорманистскую позицию защищал петербуржец Н.И. Костомаров. Стечение публики было огромное. Билеты в актовый зал продавались втридорога. Антинорманизм уже не отстаивал славянскую принадлежность варягов, но выводил варягов из Прибалтики – из жмуди, литовского племени.

С тех пор в дискуссию вступили археологи и обрушили на

антинорманистов бездну норманнских вещей и комплексов, обнаруженных на восточнославянских территориях – гривны с молоточками Тора (священный объект, не предмет для торговли), фибулы, погребения в ладье и так далее. Это я и отразил в своей книге, взвесив все за и против. Уже имея эту рукопись и пять лет дополнительных исследований за плечами, я был готов к дискуссии.

В ней мне и надлежало защищать факты норманнского присутствия против Шаскольского, который отстаивал антинорманизм, но умеренный, осторожный, скептический. Он полагался на уверения патриотически настроенных археологов, что норманнских вещей у нас мало, что это импорт и т. п. Мы провели подсчеты – оказалось, что их мало только в общем объеме древностей, а вот если рассчитать их количество только для IX века, то окажется, что в Северной Руси возле городских центров, в верхнем социальном слое, норманнов было больше, чем славян, а больше всего – местного финнобалтийского населения.

Объявление о дискуссии представляло собой маленькую бумажку, пришпиленную к дверям аудитории № 70 – большой аудитории исторического факультета, но людей набилось со всех факультетов множество, было не продохнуть, и продолжение дискуссии пришлось перенести в лекторий истфака. Я прекрасно понимал, что на все мои факты (сколь бы они ни были весомы) мне скажут, что я их неправильно толкую. Поэтому мы (я с учениками и единомышленниками) припасли также аргументы – не очень весомые в науке, но для моих противников кардинальные: что социополитическая окраска позиций в этом споре не раз менялась местами, что как раз ко времени дискуссии вокруг антинорманистского знамени сплотились противники советской науки; что Маркс… Надо сказать, что во всех учебниках приводилась антинорманистская цитата из Маркса: прибывшие на Русь норманны «быстро ославянились, что видно из их браков и их имен». Цитата была взята из непереведенной тогда рукописи Маркса, не вошедшей в его собрание сочинений. Мы прочли ее в оригинале. Оказалось, что перед ней у Маркса стояло еще четыре слова: «Мне могут возразить, что…». Таким образом обнаружилось, что Маркс был заядлым норманистом.

Наши противники запаслись санкциями обкома на наш разгром: на мое увольнение (в лучшем случае), роспуск семинара и т. п. Но в ходе дискуссии они стали слать в президиум записки с просьбой снять их запланированные выступления. Санкции применить не получилось. Мы отстояли еще лет пятнадцать будущих исследований, а в 1970 году опубликовали

коллективный труд (под редакцией того же Шаскольского!) о состоянии археологических данных по этой проблеме. Четверо моих «семинаристов» тогда уже стали членами кафедры, еще один (несколько позже) – стал заведующим кафедрой и директором Института истории материальной культуры РАН. Все они опубликовали докторские диссертации по этой тематике.

Через тридцать лет после этой третьей «норманнской баталии», в 1995 году, был торжественно отмечен ее юбилей, с докладами и приветствиями. Я тогда сделал доклад, назвав его: «Конец дискуссии». Казалось, все настолько ясно доказано, что спорить уже не о чем, что антинорманизм окончательно перешел из профессиональной науки в сферу поп-науки и стал занятием фанатиков-националистов. Именно поэтому публикация моей старой рукописи с подробным анализом аргументов обеих сторон стала мне казаться излишней, а рукопись безнадежно устарелой. Ну что толку лишний раз доказывать, что земля круглая, что она вращается вокруг солнца, что теория эфира неверна…

Ан нет! Жив курилка! Общественная атмосфера в государстве изменилась. Снова выходят тома, проповедующие антинорманистскую концепцию. Более того, современные антинорманисты-профессионалы вернулись к варианту Ломоносова – опять объявили варягов славянами. Ныне нет недостатка в последователях его панегирического утверждения «Нас рабство под твоей державой украшает», появились и адепты его исторических сочинений. Уже и покойного Шаскольского они считают норманистом. Сторону этих ярых гонителей норманизма занял директор Института истории России РАН А.Н. Сахаров, членкор РАН. По Сахарову, Рюрик был не скандинавом, а нашим, родным калининградским, то бишь южнобалтийским славянином, а варяги – те же славяне вагры.

Этот членкор (который, не забудем, является директором головного института истории страны!) зачисляет всех, кто не согласен с его трактовкой, в норманисты, а о норманизме выражается в следующих формулировках: «норманизм, питаемый в основном политическими импульсами и амбициями из-за рубежа, свил себе гнездо и на русской почве», он возник «в агрессивных и экспансионистских кругах» Запада, а мнение о том, что варяги – скандинавы, «эта сторона норманизма яростно и агрессивно отстаивается в основном небольшой группой филологов», построивших свои конструкции «на глубоко тенденциозной основе»; «определенную поддержку новейшие норманисты имеют среди некоторых ученых Запада»[74]. В другом месте он говорит: «Солидарность и конъюнктурный расчет лежит в основе этого опасного единства, покрывающего душным

туманом русскую науку…» О видной скандинавистке, докторе наук, он отзывается так: «наша историография со времени отпетых норманистов XIX века не знала ничего подобного. Мы снова возвращаемся в эпоху норманистских мифов, затасканных клише прошлого, отсутствия научных аргументов и амбициозной наглости»[75].

Какой знакомый словарь! Как быстро А.Н. Сахаров восстановил свою советскую фразеологию (он в те годы писал о «борьбе с норманистами всех мастей»)!

В этой обстановке я решил, что моя рукопись 1960 года становится вновь актуальной. На место мифов и хитроумных измышлений нужно действительно поставить прямой анализ фактов и аргументов. Оставив рукопись 1960 года без изменений, я добавил к ней сохранившиеся материалы дискуссии 1965 года, последующие статьи на эту тему и современные комментарии.

Предвижу недоуменный вопрос некоторых читателей, воспитанных в традициях антинорманистской борьбы, разоблачений и т. п.: а разве не нужно разоблачать «норманнскую теорию», не нужно преодолевать норманизм?

Подробно я отвечаю на этот вопрос в своей книге. А здесь ограничусь несколькими замечаниями. Никакой норманнской теории нет и не было. Вообще не всякая гипотеза ведет к теории. Есть гипотезы, которые, будучи опровергнуты, исчезают, а будучи подтверждены, превращаются в факты науки. В теории превращаются лишь некоторые гипотезы. Вопрос о реальной роли норманнов к ним не принадлежит. Спор шел о фактах, об их наличии, их объеме, оценке их значения.

Вот антинорманизм, то есть заведомое отрицание этих фактов и их значения, это реальность. Но реальность не объекта науки, а научной жизни. Странное дело, антинорманизм за редчайшими исключениями – реальность исключительно отечественной российской науки. Никто в мире его не признает. Если не придерживаться баек о том, что Россия – единственная обитель истины, что вокруг одни враги и русофобы, то это крайне подозрительный феномен. Ведь нет подобного отвержения ни русского литературоведения, ни русской антропологии, ни русской философии. Только лысенковская антигенетика вызывала подобное же отторжение.

Более того, часть Франции была завоевана норманнами (Нормандия), Англия тоже была завоевана норманнами, причем дважды: один раз – данами, другой – офранцуженными норманнами из Нормандии. Но ни во Франции, ни в Англии местного антинорманизма нет и не было. Он есть только у нас. Почему?

Потому что он является отражением не состояния фактической базы, а состояния умов. Потому что это комплекс неполноценности, основанный на наших реальных недостатках, на болезненном восприятии всего, что о них напоминает. Потому что мы действительно ныне не можем соревноваться с ведущими странами мира в промышленном развитии, вынуждены покупать у них технологии и высокотехнологичные продукты. Где наши форды, пежо, фольксвагены, роллс-ройсы, тойоты и мазды? Где наши компьютеры и мобильные телефоны? Почему наши партии – это пародии на партии, а парламент – «не место для дискуссий»? Антинорманизм – это уродливая реакция на глубокое чувство неудовлетворенности своей позицией в мире, на уязвленность национального самолюбия.

Иллюзии никогда не помогали справиться с трудностями. Думать надо об их причинах. Одни объясняли их суровыми природными условиями России (но в Скандинавии – не мягче), другие – историей (здесь не было Возрождения, Реформации, да и настоящего Просвещения, поздно отменено крепостное право). Так или иначе, это реальность. Антинорманизм – это попытка уйти от нее в иллюзорный и благостный мир славянского мифа.

№ 19 (857), 23 декабря 2008

6. Ярость синих и зеленых. Фанаты и наука

Фанаты и поклонники. После декабрьских волнений футбольные фанаты у всех на слуху. Одни возмущаются их действиями, считают фанатов подонками и быдлом, требуя их усмирения. Другие заигрывают с ними, опасаясь их как темной, но организованной силы, надеясь ее использовать в своих политических интересах. Третьи искренне восхищаются ими, их удальством и солидарностью и готовы присоединиться, влиться в их ряды.

Некоторые вообще обращают внимание на то, что футбол – это 22 человека, которые мыслят ногами, и 22 миллиона человек, которые мыслят задницей. То есть признается, что футбол – никакой не спорт, потому что главная его фигура – не тренер, не вратарь, не судья, не игрок, а болельщик, фанат.

Но ведь фанаты – не наше изобретение (как и сам футбол), они есть везде, да и были прежде. У нас есть свои особенности в фанатском мире и в отношении к нему, но само явление – интернациональное. Значит, есть смысл присмотреться к нему с точки зрения науки. Сначала взглянем филологически. Фанаты (английское «фаны») – сокращение от «фанатики». Фанатики – значит, люди, безоглядно и бездумно увлеченные чем-то, преданные этому делу беззаветно. Чем же они увлечены? Фанатики науки сюда не входят, фанатики искусства тоже. Речь идет о фанатиках спорта, и не всякого, а игрового и командного. То есть, будем откровенны, – зрелищного спорта.

Тут уже есть близко родственные явления, фанаты – увлеченные той или иной звездой шоу-бизнеса: от Элвиса Пресли до Киркорова, от Лолиты до Глюкозы. Наши спортивные фанаты имеют такое же отношение к спорту, как фанаты Лолиты – к пению или к музыке. Они могут быть столь же неспортивными (курящими, пьющими, толстыми), как фанаты певцов – безголосыми и без музыкального слуха.

Но отличие у спортивных фанатов есть: они концентрируются вокруг команд. Поэтому объединяются в клубы против таких же фанатов других команд. В старину почитатели певцов или музыкантов назывались «поклонниками», они поддерживали своих кумиров на концертах, но редко имели возможность выступить против поклонников других певцов или музыкантов. Поэтому не показывали такой воинственности.

Есть еще одна филологическая заметка. У английских спортивных фанатов их основное действие называется не «болеть», a support (поддерживать) или to be a fan (быть фанатом,

фанатеть). А в русском языке это действие рассматривается как достигающее степени болезни, ненормального состояния. Аналогично итальянскому tifare (болеть), при tifico (тифозный), tifosi (болельщики).

Немного истории. Теперь посмотрим, как это было в плане истории. Футбол и хоккей, конечно, дело недавнее. В Древнем Риме на стадионах публика наслаждалась гораздо более грубыми зрелищами – боем гладиаторов и имела возможность криками и знаками решать, остаться ли гладиаторам жить или быть тут же убитыми – у всех на глазах. Кулачный бой стенка на стенку – старая русская забава. В средневековой Европе рыцарские турниры привлекали внимание общества, а оруженосцы рыцарей сражались между собой (та же кулачная забава, но со щитами, гербами и церемониями). Еще раньше в Византии публика напряженно следила за состязаниями колесниц, а они представляли две команды – «синих» и «зеленых». И в конце концов вся страна разделилась на «синих» и «зеленых», между ними происходили стычки и столкновения по всей стране. В V–VI веках «синие» и «зеленые» стали играть серьезную роль в политических делах страны. Значит, в массе публика жадна до таких зрелищ и до таких забав, жаждет в них участвовать. Почему?

Этология человека. Тут нужно обратиться к этологии – науке о биологических основах поведения.

Один из наиболее популярных этологов, Десмонд Моррис, пришел к выводу, что в современном человеке пережиточно сохраняется психофизиологический настрой на участие в племенной жизни. Ему неодолимо хочется участвовать в коллективной охоте, в стычках, где ощутимо плечо стоящих рядом сородичей. Он создает себе искусственно некое племя в виде внесемейной организации сверстников, преследующих общие цели – все равно какие. При этом коллектив должен быть большой, но не слишком большой – обозримый. То есть природа фанатских клубов – та же, что и у подростковых банд и у организаций сверстников в армейской дедовщине. В первобытном племени сверстники тоже были объединены и организованы (вспомним «мужской дом»).

Русский этолог В.А. Дольник (в книге «Непослушное дитя биосферы») выделяет в человеке более древние психологические механизмы, идущие еще от обезьян, эти механизмы и прорываются в молодежных пошумелках, выпускающих энергию, в драках, которые дают возможность установить и утвердить свой статус.

Эволюция и культура. Эти соображения резонны, за ними

стоят трезвые наблюдения. Но у меня накопились свои соображения, несколько отличные от них. Я столкнулся с этой проблемой, наблюдая уголовную среду в тюрьме и лагере и открыв в ней много совпадений с первобытным обществом – предметом моего профессионального изучения. Четкое деление на касты, вожаки и их дружины, наколка – татуировка как система обозначений статуса, система табу («западло»), примитивная речь с заменой многих слов многозначными (матерными), показной культ матери, и так далее.

Размышляя над причинами этого сходства, я припомнил, что биологическое развитие (определяющее психофизиологию) сильно запаздывает по сравнению с социокультурным развитием. Что естественно: для биологического требуется многократная смена поколений, а их не ускоришь, в то время как социокультурное зависит от смены идей, а передача идей требует все меньше времени. Поэтому за последние 40 тысяч лет в Европе (и за 100 тысяч лет вообще) человек не пережил принципиальных изменений – он остался с тем же набором генов, с теми же психофизиологическими особенностями. А в социокультурном плане он прошел часть палеолита, мезолит, неолит, бронзовый век, железный, все последующие социоэкономические формации и вошел в атомный век – с тем же психофизиологическим багажом, который был у него в каменном веке.

Перед этим человек переживал резкие изменения – от обезьяноподобного существа (австралопитеки, Homo habilis, питекантропы и им подобные, неандертальцы), пока не дошел до кроманьонца. Кроманьонец возник около 100 тысяч лет тому назад, а в Европе ему 40 тысяч лет. Кроманьонец – это ископаемый Homo sapiens. Иными словами, кроманьонцы – это мы. Различия между нами на уровне расовых, не видовых. Если бы удалось по ДНК, извлеченной из костей, создать живой плод, он вырос бы в нашей среде абсолютно нормальным современным человеком – во всем подобным многим из нас. Но и он и мы лучше всего приспособлены, как это ни странно звучит, жить в первобытном обществе – в мире палеолита. Ведь всякий тип человека формировался в порядке адаптации к той среде, в которой он формировался. А мы были сформированы именно в той среде, а дальше существовали по инерции и меняли только культуру, но не себя.

Еще Фрейд пришел к выводу о том, что мы не приспособлены к современной культуре (его статья так и называется «Неудовлетворенность культурой»). Сейчас это ясно гораздо больше. Мы рождены, чтобы жить на природе, питаться натуральными продуктами, заниматься охотой, селиться в

небольших жилищах, общаться с небольшими коллективами, а живем – совсем наоборот. Мы смотрим не на мамонтов вдали, а на мелкие буковки у себя под носом – и носим очки. Мы болеем целым рядом болезней (сердечно-сосудистыми, психическими, онкологическими), которыми дикие животные в норме не болеют (болеют лишь домашние). У нас масса проблем, вызванных внутренними психофизиологическими несоответствиями – взять хотя бы так называемые безмотивные преступления. При дефиците культуры изнутри нас выскакивает дикарь.

Но культура важна не только тем, что сдерживает инстинкты, сублимирует (очищает, модифицирует) грубые позывы, но и тем, что в ней отработаны механизмы удовлетворения инстинктов, сравнительно безвредные для окружающих (и для самих вовлеченных).

Компенсаторные механизмы. Оказалось, что многим людям требуется утоление жажды приключений, требуются выбросы адреналина, некие замены коллективной охоты и племенных войн, – напряжения, которых просит организм. Иначе они пойдут совершать безмотивные преступления. И культура порождает эти компенсаторные механизмы – гладиаторские бои, корриду, бокс, футбол, хоккей. Это не просто зрелища. Это зрелища с соучастием. Таким образом, все эти явления – тоже механизмы культуры.

Да, есть и более тонкие механизмы того же порядка – состязания поэтов и музыкантов, дискуссии ученых, политика, наконец… (Сказал «политика» – и сразу подумал: может, лучше уж пусть эти механизмы остаются более грубыми?) Многим гражданам фанатские клубы и фанатская солидарность не так уж нужны. Им достаточно выбросов адреналина в научных и литературных дискуссиях, в политике, в физкультуре и спорте, в военной и правоохранительной работе. Действительно, фанатским движением обычно более всего охвачены подростки, оказавшиеся непричастными ко всем этим сферам, неприкаянные, среди них мало студентов, мало людей умственного труда, зато немало замеченных в криминальном поведении. Но самоорганизация у них есть. Из их среды выделяются как неформальные лидеры, так и легальные, прикормленные властями заправилы клубов.

Оказавшись естественно сколоченными, коллективы фанатов, не обладающие никакой идеологией, кроме дворовой «пацанской», могут быть использованы любыми политическими силами – как дружины или ресурс наемных киллеров, как ватаги националистов или резерв демократии, анархии или реакции. Власти обычно надеются, что фанатский мир помогает

воспитывать патриотизм, натаскивая своих членов в делении мира на «наших» и «чужих». На деле это есть лишь воспитание ксенофобии: патриотизм – это любовь, а не ненависть. К тому же фанаты очень даже способны весьма экспрессивно осуждать свою команду, если она не оправдывает их ожиданий. Так что в дымину «своим» не стоит надеяться на автоматическую поддержку. Фанаты выступают с теми идеями, которые накапливаются в обществе. Они несомненная часть народа, они опьяняются вместе с народом и вместе с народом трезвеют. Для горожан они в пьяном виде опасны, для властей они, пожалуй, куда грознее в трезвом виде.

№ 3 (72), 15 февраля 2011

7. Странная любовь, патриотизм!

В номере 74 «Троицкого варианта» под моей статьей о «правленом прошлом» помещен отзыв неизвестного читателя о моей другой статье, «Фанаты и наука», в номере 72 той же газеты. Отзыв назван «О странностях патриотизма» и посвящен разоблачению патриотизма как эгоистической и неприличной идеологии. Признаться, распространенные у нас высказывания ультрапатриотов, в прошлом именовавшихся «квасными», и казенная пропаганда патриотизма, навязшая в ушах, до того обрыдли, что я с удовольствием прочел трезвый взгляд неизвестного читателя о тех мотивах, которые часто кроются за высокими словами о патриотизме, любви к родине и т. п. Пусть даже неизвестный читатель и уколол меня своим началом: «Утверждая, что природа фанатского движения иная, чем у патриотизма, автор показывает, что сам находится в плену иллюзий». Иллюзией этот читатель называет идею, что патриотизм основан на любви.

Сам он судит трезво и жестко: «Я бы определил патриотизм как увязывание самооценки с престижем страны, с которой человек себя ассоциирует… Патриотизм – это один из способов самообмана с целью поднятия самооценки». Да, это способ укрыть свою пустоту и никчемность за успехами предков или соплеменников, за свершениями страны. Ну а для этого раздуть эти успехи или мнимые успехи как можно шире и громогласнее. Глупое (или хитрое) хвастовство… Я порадовался: вот молодец! Не поддался отупляющей пропаганде, вывел самостоятельное суждение, вытащил на свет божий истинную суть этих требовательных криков об обязательной любви к родине.

Но после первого впечатления я задумался. Пожалуй, в иллюзиях по вопросу о патриотизме меня обвинить трудно. Взять хотя бы мои статьи в «Троицком варианте». А вот мой неизвестный читатель не путает ли патриотизм с тем, что частенько выдает себя за патриотизм? Конечно, есть основания, делающие справедливой максиму Джонсона: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Но сводится ли патриотизм к этому? Может быть, патриотизм – это только чувство связи со страной, в которой родился и вырос, а приобщение к престижу страны – уже от лукавого?

Мой читатель понимает, «что значит любить конкретного человека, конкретное занятие. Но что значит любить народ, государство?» Простите, тут сбой понятий. Любить свой народ – это национализм, его крайнее выражение – шовинизм. А

патриотизм означает любовь к отчизне – и по смыслу слова (patria), и по употреблению. То есть любовь к территории: стране, городу, местности. Когда тебе комфортны и милы привычный пейзаж, климат, архитектура. Когда тебе легче жить с людьми, населяющими эту страну…

А «что значит любить… государство?». Страны не нужно путать здесь с понятием государства, они не идентичны. Любовь к государству – вообще другое дело. Оно искусственно примазывается к патриотизму, но означает нечто иное. Это любовь к власти, к начальству, к его силовому аппарату, чиновничеству. Она бывает заслуженной (очень редко), а чаще искусственно раздувается. Руководители государства обычно очень заинтересованы в этом, в том, чтобы патриотизм выступал именно как любовь к государству. Но это не патриотизм, а нечто не имеющее бытового названия (в чем и сказывается успешность государственной пропаганды). Ну как его назвать? Этакий массовый этатизм что ли? Или, проще говоря, холуйство, возведенное в высшую добродетель?

А так как породить такое обожание нелегко (для этого властям нужно отречься от многих выгод), то власти склонны поощрять и воспитывать ксенофобию – боязнь всего чужого и ненависть к нему.

Иногда приходится выбирать между старой властью и новой, между своей и чужой, между центральной и местной. А родину не выбирают. В ней рождаются и умирают. И к ней привыкают.

Привычка очень много значит в ощущении любви. Человек – территориальное животное, как кошка. И точно так, как мы больше любим своих детей, своих родителей, свою семью, чем чужих, хотя бы и очень милых («зверский инстинкт» – называет это мой читатель), точно так же нам милее, удобнее, уютнее своя страна, своя отчизна – если она не разительно более убога и не приспособлена для жизни, чем другие. Да и в этом случае нам было бы желаннее ее улучшить, а не покидать. Это и есть «странная любовь» Лермонтова, обращенная на «дрожащие огни печальных деревень».

Понятие интернационализма – дружбы народов считается противоположным понятию патриотизма, но не является таковым. Ведь оно основано на признании суверенности каждого из народов-участников и, следовательно, каждого из патриотизмов. К тому же оно было изрядно дискредитировано лицемерным его употреблением в коммунистическом мире.

Больше оснований считать противоположным понятию «патриотизм» понятие «космополитизм» – стремление быть гражданином мира. В борьбе за утверждение патриотизма как

государственной идеологии – этатизма – как только ни честили космополитов, обзывая их «безродными»! А между тем космополитизм может рассматриваться как крайняя разновидность патриотизма – если рассматривать всю планету как свою страну. После двух мировых войн, потрясших человечество, после изобретения атомного оружия, поставившего планету на край гибели, после роста экологической угрозы и осознания космических угроз существованию человечества, это понимание космополитизма становится все более неизбежным и единственно возможным.

В новом мире патриотизм сохраняет смысл лишь как часть космополитического сознания единства человечества, как ступенька к нему, как его начало. Европейские страны и государства на наших глазах постепенно сливаются в одно целое, причем не в целое некой империи, а выступая как федерация, истинный союз. Они все больше объединяются в единое экономическое пространство. Объединения всех государств планеты, меняя свои названия (Лига Наций, Организация Объединенных Наций), становятся неустранимым фактором политической жизни. Процесс глобализации имеет много недостатков и противников, но он идет, сметая все на своем пути. Сметает он и старое понятие патриотизма.

Патриотизм старого толка, избирательный и узкий, действительно становится «странной любовью». Очень странной.

№ 6 (75), 29 марта 2011

8. Сенсация Тягнибеды

На портале интернет-журнала «Свободная пресса» в номере за 4 февраля 2010 года мое внимание привлекла статья «Ученые доказали: цивилизация Европы зародилась в России». Это гордое утверждение выдвинула журналистка с говорящей фамилией Ольга Тягнибеда. Над статьей размещена цветная картинка, на которой голый дикарь, почему-то негр, обрабатывает камнем деревянную палку.

На эту статью полно ссылок на разных форумах, преимущественно патриотических, исторических и вообще образовательных. Правда, авторство обычно не указывают, видимо, фамилия отпугивает. А пугаться бы надо не фамилии, а уровня добросовестности, ответственности и компетентности.

«Группа ученых из России и Германии, – вещает Тягнибеда, – после многолетних исследований пришла к выводу, что именно Российская территория была колыбелью европейской цивилизации. Результаты новейших изысканий доказали, что человек современного европеоидного типа возник к 50–40-му тысячелетию до н. э. и изначально обитал исключительно в пределах Русской равнины и только потом расселился по территории всей Европы». Далее журналистка ссылается на радиостанцию Би-би-си и исследования в лейпцигском Институте антропологической эволюции им. Планка.

Что же послужило основанием для этой журналистской сенсации? В 1954 году под Воронежем в знаменитом палеолитическом комплексе стоянок Костенки в урочище Маркина гора ленинградский археолог Александр Николаевич Рогачев обнаружил захоронение человека кроманьонского типа, то есть ископаемого Homo sapiens, датируемого временем около 32 тысяч лет тому назад (в той же статье журналистка приводит дату 28 тысяч лет назад). По облику антропологи распознали в нем близость к негроидной расе: прогнатизм (выступающие вперед зубы), очень широкий нос и т. п. Однако более тонкие детали говорили, что это не африканец, а тип, более близкий к папуасам[76].

Человек 20–25 лет был похоронен не нагим. Как верно передает описания археологов журналистка, «по сохранившимся на останках рядам костяных бус и песцовых зубов ученым удалось реконструировать одежду древних людей. В целом костюм представляется как глухая одежда арктического типа, состоявшая из кожаной (замшевой) или меховой рубашки типа малицы, надевавшейся через голову, кожаных же длинных штанов и

сшитой с ними кожаной обуви типа мокасинов. Головной убор представлял собой шапку, расшитую песцовыми зубами». Орудий в погребении не было, но в культурном слое, в который было впущено погребение, были орудия ориньякской культуры – это ранняя пора верхнего палеолита.

Палеогенетики из России и Германии в Институте Планка, извлекшие из костей скелета образцы ДНК, пришли к выводу, что человек Маркиной горы принадлежал по своему генетическому коду к очень редкой митохондриальной (то есть передаваемой по женской линии) гаплогруппе Y2, которая, однако, больше распространена в Европе, «нежели в других частях мира». Между тем основное население Европы относится к гаплогруппе H, которая заселила Европу, видимо, чуть позже. Из этого делается вывод, что население, к которому принадлежал человек Маркиной горы, было более ранним в Европе – от него-то и происходит более значительная примесь гаплогруппы Y2 в Европе.

В населении этом были заметные расовые свойства негроидов, в более позднем – таких явно не было (да и сейчас нет). Прибыло ли негроидное население в Европу из Подонья – возможно, хотя вряд ли это был его первоначальный очаг. То, что эта гаплогруппа характернее всего именно для Европы – явная неточность. Эта гаплогруппа – ответвление группы U, южноазиатской, она представлена у японцев, корейцев и народов Юго-Восточной Азии. С генетической близостью папуасам согласуется и физический облик человека Маркиной горы. Вот все, что можно сказать на основе исследований ДНК обнаруженных костей.

Толкование выводов ученых журналисткой – явная натяжка, чтоб не сказать резче. О негроидности скелета молчок – сказано только, что в нем «обнаруживаются некоторые черты, характерные и для тропических групп». Стало быть, прежде всего для европейских – вот новость! Журналистка говорит на основании захоронения, обнаруженного у Маркиной горы, о происхождении именно человека «современного европеоидного типа». А знает ли журналистка Тягнибеда, что такое цивилизация? От Маркиной горы до появления какой-либо цивилизации – русской, индийской, даже египетской – больше 20 тысяч лет! Ставить вопрос о том, что кто-либо прибыл тогда из России, вообще бессмысленно. Не из России, конечно, поскольку ее тогда не было, но с территории нынешней России. Если оттуда прибыло в Европу негроидное население папуасского облика, то следы его в Европе (как, впрочем, и в нашей стране) слишком незначительны, чтобы можно было говорить о том, что вся

европейская цивилизация связана именно с ним.

А вообще энтузиазм и гордость журналистки Тягнибеды по этому поводу очень вписываются в кампанию воинствующих дилетантов, кликушествующих о победах русского оружия десятки тысяч лет назад, о русской рунице, распространенной в палеолите, о происхождении всех языков мира из русского и т. п. «Россия – родина слонов» – лозунг, конечно, заманчивый, но уж больно смешной и потертый.

№ 3 (47), 16 февраля 2010

9. Этнографическая наука и национальный вопрос

То, что статья В.В. Путина по национальному *вопросу* не содержит *ответов*, заметил даже глава его избирательного штаба С.С. Говорухин (в дискуссии на «1-м канале» – «В контексте»). Она содержит только пожелания. Это страстные пожелания сохранить евразийскую империю, еще раз сплотить все ее народы вокруг «старшего брата», не спрашивая их, хотят ли они жить вечно именно в такой семье. И средства для этого старые: запрет сепаратистских национальных движений, сдерживание миграций, внешних и внутренних (напоминающее черту оседлости), культурная ассимиляция. Все – как в царской России, а для этого требуется самодержавие с православием и народностью (в стиле Дугина или Проханова). Напомню, чем это окончилось и что до 2017 года осталась одна пятилетка.

Путин в своей избирательной программе оставил национальный вопрос России без рационального решения, что немудрено. Это вообще трудный вопрос. Для его решения нужен беспристрастный анализ, а человек, охваченный страстной тоской по имперскому величию, оплакивающий распад Союза как «крупнейшую геополитическую катастрофу века», не может рассуждать объективно. Но есть же у нас Академия наук, а в ней есть Институт антропологии и этнографии, глубоко и разнообразно изучающий эту тематику.

Во главе этого Института вот уже четверть века без малого стоит видный ученый Валерий Александрович Тишков. Побывавший в немецком плену отец ученого чудом избежал лагерей, притаившись в глубинке на Урале, но пребывал в постоянном ожидании ареста. В этой обстановке его сын слушал западное радио, окончил школу с золотой медалью и поступил на истфак Московского университета. По окончании преподавал в пединституте на крайнем севере – в Магадане, среди северных народов. С 1973 года принят в Академию наук, не раз выезжал в Канаду и США – изучал национальные отношения в Канаде. Докторская диссертация написана по истории Канады. С 1989 года возглавил Институт этнологии и антропологии вместо тяжело больного академика Ю.В. Бромлея.

Блестяще образованный историк, он не был подвержен советскому этнографическому догматизму, увлекаясь *социальным конструктивизмом*, с 1960-х годов развивавшимся на Западе (П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдье, М. Фуко). Ученые этого

направления считают основные социальные понятия не объективным отражением явлений социального мира, а конструкциями, опосредующими социальное поведение людей.

Поскольку Тишков имел опыт изучения французского сепаратизма и борьбы коренного индейского населения за свои права в Канаде, его быстро стали включать в разные правительственные комиссии и комитеты новой России, раздираемой национальными войнами и конфликтами. Он участвовал в попытках уладить Карабахский конфликт, погасить чеченскую войну (есть его книги с анализом чеченской войны). Со временем у него развилось естественное отторжение национализма и своеобразная неприязнь к самому понятию этноса. Стала выходить серия его статей, среди которых выделяется работа «Забыть о нации»[77], и завершила эту серию книга «Реквием по этносу»[78].

Против него выступили тогда многие этнографы и философы. Тишков в своей книге с юмором вспоминает о настороженности по отношению к работам «главного в стране постмодерниста и конструктивиста: „А Вы, правда не признаете существование этносов?“ – с боязливым придыханием спросил меня однажды один из студентов кафедры этнологии МГУ и как-то импульсивно отстранился. „Ну как же, я Вас знаю, и что – этносов нет?“ – сказал при нашей первой встрече тогдашний руководитель „грефовского“ Центра стратегических разработок Дмитрий Мезенцев, нынешний член Совета Федерации»[79] (потом губернатор и недавний кандидат в президенты России. – *Л.К.*).

Однако критика Тишкова направлена на понимание этноса как некоего организма, сопоставимого с физическим телом, имеющего четкие границы и охватывающего всех людей, к нему принадлежащих (*эссенциалистская концепция этноса*). Он издевается над попытками распределить всех граждан по этносам, построить иерархию этносов, выяснить их происхождение, тогда как в многонациональном государстве и в условиях глобализации есть люди смешанного происхождения, их становится все больше, есть люди, сменившие и меняющие свою этническую принадлежность, усвоившие другой язык и другие нормы поведения, сменившие фамилию и имя, есть масса форм ассимиляции. И все это вместе характеризует этнические процессы современности. Попытки воссоздать этническую целостность и единство, искусственно сколотить этническую солидарность, имеющую приоритет над всеми другими типами солидарности, ведут к вспышкам национализма и сепаратизма. Этнос – вопрос социального сознания и самосознания. Поэтому в большой мере это результат искусственного формирования и

социального конструирования. Национально ориентированное формирование этнического сознания групп, границы которых не совпадают с государственными границами, – это опасная политическая игра, порождающая кровавые конфликты.

В интервью журналу «Дружба народов» Тишков назвал нации «воображаемыми общностями» и заявил: «Мы выделили общности, которых в реальности не существует. Более того, мы снабдили их определенными правами, которых быть не должно, потому что и самих-то этих общностей на самом деле нет. Я считаю, что нам нужно отказаться от несостоятельной формулировки нации как высшей формы этнической общности. И то и другое является метафорой, или очень плохой, неоперациональной академической дефиницией, или традицией политического языка, за которой стоит гораздо более сложная реальность. Вопрос, что такое нация в этническом смысле, – это вопрос процедуры и подхода»[80].

Против эссенциалистской концепции этноса Тишков выдвинул распространенную на Западе концепцию *этничности*[81]. Он отвергает ее «примордиалистский» вариант, при котором этничность рассматривается как первичная, коренящаяся в природе человека потребность в идентификации с крупным коллективом родственных, близко схожих по культуре и языку людей. Гораздо более склонен он к конструктивистскому (*инструменталистскому*) варианту, при котором этничность рассматривается как «символический капитал» (Бурдье), пребывающий в спящем состоянии, но в нужный момент актуализирующийся и использующийся для укрепления коллективной позиции. В собственной интерпретации Тишкова этничность – это форма социальной организации. При этом смысл понятия этничности остается у Тишкова несколько туманным.

Несмотря на слабую поддержку в российском научном мире, концепция Тишкова была поддержана властями, которые нашли в ней удобное идеологическое средство для борьбы с растущим национализмом, особенно – с сепаратизмом национальных окраин. Это одна из важных причин, по которой Тишков в условиях при нынешнем режиме, когда наука жестко контролируется государством, так долго управляет институтом. С точки зрения Тишкова, Советский Союз распался не потому, что все империи в конце концов распадаются, не потому, что одна нация доминировала над остальными, а потому, что в сознании советских граждан стали господствовать эссенциалистские представления об этносе, приравнивавшие его к нации и видевшие нормой национальные государства.

Мне представляется, что многолетнее культивирование

концепции этничности, отстаиваемой В.А. Тишковым, повлияло на тех, кто работал над статьей В.В. Путина по национальному вопросу (или на самого премьер-министра, если он не пользовался помощью спичрайтеров). Между тем представленная концепция этничности выросла из американской политической практики и теории «плавильного котла», и даже в этих специфических условиях не вполне себя оправдывает. Американский народ США сложился из эмигрантов разных наций – англичан, ирландцев, немцев, итальянцев, евреев, русских, живших вперемежку и взаимодействовавших с малочисленными остатками коренного населения, равно как и потомками недавних африканских рабов. Ни одна из представленных народностей не имела достаточной силы и компактной организации для образования основного этноса (разве что язык дали англосаксы). Пришлось создавать нацию в существующих государственных границах, как в плавильном котле. Но это совершенно непохоже на российский случай, где часть народов растворилась в русском народе (меря, мурома, чудь, голядь), а часть, на менее заселенной русскими территории, осталась самостоятельными этносами – отнюдь не воображаемыми и обладающим своими территориями. На Америку похожи только мегаполисы.

Что касается критического анализа у Тишкова традиционных концепций этноса, то в нем много справедливого. Но для устранения жесткости и упрощенности бытующих толкований незачем устранять само понятие этноса (кстати, понятие этничности образовано от него же). Его понимание у сторонников идеи общего происхождения, за которой стоят разные материальные подтверждения, вовсе не предполагает былой ригидности. Вполне возможны этносы с диффузными границами (общее происхождение не обязательно предусматривает общего биологического предка), со смешанными и переходными группами, с адаптацией, ассимиляцией и неопределенными состояниями. Ночь и день не имеют четкой границы, но отрицать их существование нельзя.

Русское слово «народ» обладает несколькими разными значениями – это и совокупность людей (население) страны, отличающаюся от соседних групп языком, обычаями, а иногда и физическим обликом (расовыми особенностями), и массы простонародья в их отличии от высших классов, и племенная общность, объединяемая и отличная от других своим происхождением и исторической судьбой. Для удобства анализа стали различать несколько понятий (взяв их из греческого и латыни): «*этнос*» – это народ в первом смысле (группа, отличная от других по языку, обычаям, религии и прочим

характеристикам), отсюда слова «этнография», «этнология», «этногенез»; «*демос*» – это народ во втором смысле (социальном – народные массы), родственные слова – демократия, демография; «*нация*» – это граждане (или – в монархиях – подданные) государства. Нацией называют также и этнос, когда он созревает до политического самосознания и начинает борьбу за создание собственного государства.

Общее понимание таково. А вот определить точно, что такое этнос, оказалось очень трудно. Дело в том, что конкретные этносы отличаются друг от друга то одним признаком, то другим, то третьим, то несколькими признаками (всякий раз разными), то одним-единственным. У австрийцев и немцев язык один, но это разные нации и, как они настаивают, этносы. Сербы отличаются от хорватов только религией, а язык у них один. Зато швейцарцы составляют один этнос, а говорят на трех разных языках. Русские говорят на одном языке, но северные русские по физическому облику сильно отличаются (в массе) от южных. Еще сложнее с индивидуальным определением.

Я не стану здесь излагать разные предложения по определению этноса – их много. Укажу лишь то, которое мне представляется наиболее соответствующим реальности. Этнос – это большая группа людей, объединяемых убеждением (не обязательно верным) в своем общем происхождении. Они основываются на некоторых реальных признаках, а вот сколько их и какие это признаки – дело случая. В одних случаях язык, в других религия, в-третьих, расовые особенности и так далее. Та или иная традиция вызывает чувства солидарности и взаимозависимости, которые в благополучных условиях реализуются в общих празднествах и обычаях, этим ограничиваясь, но в иных условиях могут привести к конфликтам с другими этносами – в этих случаях требуется выделение этноса в самостоятельное государство. Во всяком жизнеспособном многонациональном государстве (в бывших империях) за ними должно быть признано это право, как и право на национально-сепаратистские движения.

Можно ли в этих условиях предвидеть будущее преобладание одного из народов федерации над другими и их ассимиляцию в его лоне? Вполне возможно, и я не буду сейчас размышлять над тем, хорошо это или плохо. Кто-то сочтет, что это прогресс, кто-то увидит в этом катастрофу. Но ясно одно, способствовать этому будут ни в коем случае не запреты и ограничения, а способность народа, претендующего на экспансию своих ценностей, развивать свой язык, свои литературу и культуру и дарить их своим соседям и гостям.

10. Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат…

Передо мной серия книг, вышедших на рубеже тысячелетий и в последующее время. Авторы – сестра и брат Татьяна и Валерий Соловей. Некоторые книги написаны ими вместе, другие порознь, но со ссылками друг на друга и на общем комплексе идей. Это идеи о природе русского народа и этничности вообще. Все эти идеи даны в проекции на историю и в частности на историю науки. Авторы – известные ученые, с целым рядом высказанных ими наблюдений я согласен, но основные идеи вызывают оторопь.

Рассмотрим сначала книги Т.Д. Соловей, поскольку по тематике они ближе к моим непосредственным занятиям. Недавно я писал в «ТрВ» о трудах многолетнего директора Института этнологии РАН В.А. Тишкова, приводил свою аргументацию против его конструктивистской концепции этноса. В нашей стране это течение западной мысли пока не сильно привилось, концепция Тишкова наталкивается на традиционные взгляды большинства этнографов, да и не только этнографов, хотя и представляет некоторые удобства для борьбы российского государства с сепаратистскими движениями. Большинство же этнографов придерживается традиционной концепции этноса – «примордиалистской», согласно которой этносы существуют в реальности как некие устойчивые социальные общности и с ними приходится считаться. Концепция эта, основанная на идее преимущественной эндогамии этнических групп, была создана в двух вариантах, социальном – в трудах академика Ю. Бромлея, предыдущего директора института, и «ландшафтном», биологизированном, – в книгах Л. Гумилева.

Пороком этой концепции была ее несогласуемость с практикой: никак не удавалось найти реальные признаки, общие для всех этносов. Работал то один набор признаков, то другой, то третий. Некоторые ученые пришли к социопсихологическому (но не конструктивистскому) выводу, что не те или иные реалии, а именно идеи дают этносу жизнь, что этнос является предметом не социологии или антропологии, а социальной психологии. Первичной является идея общего происхождения и общей исторической судьбы, и при этом неважно, реальна она или нет. Более того, эта идея не обязательно требует общего биологического происхождения – достаточно общих культурных предков или общих идейных истоков. Она и порождает этническую солидарность вплоть до стремления к

государственному обособлению. А уж как эта идея мотивируется реалиями – неважно. Может мотивироваться любыми реалиями – то религией, то языком, то экономикой, то чем-то еще. К ученым, думающим так, отношусь и я.

Кроме естественной оппозиции конструктивизму со стороны традиционного понимания этноса, на рубеже тысячелетий обнаружилось еще одно течение, противоставшее ему, – в работах преподавательницы Московского университета Т.Д. Соловей. В двух своих книгах («От „буржуазной“ этнологии к „советской этнографии“»[82] и «Власть и наука. Очерки университетской этнографии…») она рассмотрела историю отечественной этнологии/этнографии, особенно в Московском университете, объяснила смену ее предмета и названия. Соловей проследила, как на переходе от дореволюционной науки к советской название «этнология» сменилось на «этнографию», чтобы провести отличие от «буржуазной». С этим был связан и переход от сциентизма (характерного для эволюционистского направления) к гуманитарному пониманию предмета. Соловей считает, что этнография сформировалась как наука в России не в 1840-х годах, как утверждал С.А. Токарев, а в последние два десятилетия, и особенно в советское время, после чего этнография вернулась от засилья старого эволюционизма, вырядившегося в марксистские одежды, к проблеме этноса.

Но, как добавляет она, в основу новой теории были положены не старые дореволюционные разработки этноса, а сталинская трактовка нации, и это верно. Раннесоветское время Соловей называет «золотым веком отечественной этнологии». А вот это уже вызывает сугубые сомнения. Советская теория этноса была, по мнению исследовательницы, единственным глобальным успехом отечественной этнологии. Соловей радуется тому, что советская теория не стала развиваться по «западному пути». К советскому времени она относит расцвет фундаментальной науки, включая этнографию. Государство нуждалось в этнографии, покровительствовало ей, финансировало ее. «Коммунистическая партия и государство дали советской этнографии все… Говорю без обиняков, коммунистический режим предоставил научному сообществу уникальную возможность заниматься наукой ради науки, при этом отнюдь не бедствуя. Конечно, за эту благодать приходилось расплачиваться»[83]. При этом становится понятным, что эту плату (было репрессировано около 500 этнографов и ученых смежных специальностей) она считает не слишком высокой.

Падение советской власти повлекло за собой исчезновение высокого статуса фундаментальной науки: сырьевой экономике

она не нужна. И это верно. Но это не есть необходимое следствие падения советской власти. Это результат того искушения, которое не смогла преодолеть наша элита, сев на нефтяную иглу. Это результат того искушения имперской идеологией, которое не сумел преодолеть наш народ, потянувшись ради реванша за «сильной рукой» и закрыв глаза на ее спутники – гигантскую коррупцию и колоссальную дистанцию между богатыми и бедными.

Да, сокрушается Соловей, не стало государственного контроля – но не стало и финансирования. Ныне нашу этнографическую науку, по мнению Соловей, финансирует Запад, поэтому она строится по «западным лекалам»[84]. Да и навязываемая идеология не исчезла – просто сменилась другой. В этом ключе Соловей и рассматривает конструктивистскую концепцию этноса Тишкова, якобы навязанную нам Западом. Того, что концепция эта выгодна нашим властям, Соловей не замечает. По ее мнению, эта концепция такая же ошибочная, как и примордиалистская концепция Бромлея. Обе они построены на идеальных типах, метафизичны, обе сталкиваются с тем, что на практике этничность неуловима. В этом Соловей права. Но сама Соловей ищет этничность в коллективном бессознательном, в архетипах Юнга[85]. Стремление к объективному, «нейтральному» знанию Соловей считает невозможным и даже излишним[86].

Т. Соловей отстаивает позицию, которая раскрывается в другой ее книге, «Несостоявшаяся революция», написанной совместно с братом[87]. В.Д. Соловей – профессор Московского государственного института международных отношений и политик националистического толка. В книге «Кровь и почва русской истории» он проповедует русский национализм «с человеческим лицом» – умеренный, без антисемитизма, без требования преференций русским[88]. Он тоже не склонен слишком осуждать советскую власть: вот же он и его сестра выбились из бедноты в люди именно благодаря советской власти, созданным ею социальным лифтам. Да, им повезло. В отличие от сотен тысяч крестьян, погибших от голода. В отличие от миллионов, ставших было на ноги до революции – и раскулаченных. В отличие от тех, кого те же советские лифты отправили в ГУЛАГ или на расстрел.

В своих политических выступлениях В.Д. Соловей критикует новую власть, выдвигая ряд демократических требований, но обычно старательно обходя острые вопросы – как быть с мигрантами, с национальными окраинами, с сепаратистскими движениями, с русскими нерусского происхождения, с примесями инородческой крови. Дело в том, что основой этноса он и его

сестра в гораздо большей мере, чем Гумилев, считают именно расовые данные, кровь, биологию, возлагая надежды на гаплогруппы. Это противоречит всему, что мы знаем о природе этносов и о расовом составе русского народа[89]. Русский народ, как и многие другие, – смешанного происхождения. Да, татарской крови немного, хотя многие из русской знати восходят к татарам, как и к скандинавам (Рюриковичи). Но зато финно-угорской примеси очень много. Все эти летописные народы, заселявшие лесную полосу Восточной Европы до славян, – меря, мурома, мещера, весь, чудь и другие – куда они исчезли? Они никуда не ушли, но превратились… в русских. Голядь (галинды), балтское племя, населявшее Подмосковье, – куда ушло? Никуда, так и осталось тут. А уж сколько намешалось чуть ли не в каждую семью с тех пор – поляков, немцев, латышей, армян, евреев…

Не образует единой расы и славянство в целом. И внешне и даже по генетическим данным: у восточных и западных славян – более распространена одна гаплогруппа, у северных русских – другая, известная у финнов, у южных славян (болгар, сербов) – третья, распространенная на Балканах.

Лучше всего «дипломатическую» позицию профессора МГИМО очерчивает одна его оговорка: «Так что же, автор этих строк пытается доказать, что история России должна писаться в патриотическом ключе вопреки любым фактам? Если угодно, да»[90]. Как мне представляется, для честного историка, желающего блага своему народу, профессиональной задачей является обнаружение правды и доведение ее до сведения этого самого народа. Вопреки любым помехам. Даже если это горькая правда.

Попытка подменить этническую общность расовой ни к чему хорошему привести не может. Это неизбежно поведет к подозрениям и взаимным обвинениям в нечистоте крови, к нацистской идеологии. Как вы мотивируете солдат с «нечистой» кровью сражаться и умирать за страну, в которой они неизбежно становятся людьми второго сорта? Да еще если за этим не стоит правда истории, а только «нужная» политикам идея?

№ 6 (100), 27 марта 2012

11. Четырнадцать евреев?

Вот уже второй год в Интернете висит и множится статья израильского историка и публициста Алека Эпштейна «Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения: штрихи к портрету». Статья эта опубликована в авторитетном журнале «Новое литературное обозрение». В этой статье поставлен любопытный вопрос – *национальная самоидентичность интеллектуальной верхушки гуманитариев еврейского происхождения в России*. Тема эта анализируется на основании их мемуаров и творчества в целом. Для этой цели отобрано четырнадцать выдающихся гуманитариев, в число которых попал и я.

Ну, оценка веса и значения – дело обычно спорное, но, вероятно, высокая оценка не сильно преувеличена, коль скоро многие на слуху, у всех вышли многочисленные монографии и объемные мемуары, которые обратили на себя внимание читателей и рецензентов. Что проблема этнического размежевания и национальной самоидентичности ныне в России достаточно остра, доказывать нет надобности. В этом свете анализ четырнадцати гуманитариев может оказаться интересен многим (не исключая и самих анализируемых – по крайней мере, тех, которые еще живы).

Отобранные четырнадцать персонажей – это два философа и культуролога (Григорий Померанц и Владимир Библер), один социальный психолог и философ (Игорь Кон), один социолог (Владимир Шляпентох), три филолога, изучавших фольклор или литературу (Ефим Эткинд, Елеазар Мелетинский и Юрий Лотман), один философ и писатель (Александр Пятигорский), один лингвист (Ревекка Фрумкина), два историка (Михаил Гефтер и Арон Гуревич), один искусствовед (Борис Бернштейн), один востоковед (Исаак Фильштинский), один археолог, культур-антрополог и филолог (Лев Клейн). Из них со многими последний названный знаком шапочно, с Коном дружил, с Гуревичем был в приятельской переписке, с Бернштейном был сокурсником по университету. Можно было бы включить сюда еще нескольких человек – историков Р.Ш. Ганелина и Я.С. Лурье, этнографа В.Р. Кабо, филолога Л.З. Копелева, археологов Н.Я. Мерперта и М.Б. Рабиновича (все они евреи, все известные ученые, у всех вышли мемуары), но это вряд ли изменило бы общие выводы.

Алека Эпштейна удивило (и, видимо, неприятно удивило) одно обнаруженное им обстоятельство: все означенные лица, не отрицая своего происхождения и не стесняясь его, все же не

исходили в своем поведении из еврейской идентичности, не отождествляли себя с еврейством и не связывали своей судьбы с государством Израиль. Они не интересовались еврейской культурой, не говорили на еврейском языке (ни на идише, ни на иврите) и в нескольких поколениях не придерживались иудейской религии, происходя из семей атеистических. Более того, воспитанные в русской культуре, они явно считали своей родиной Россию, отождествляли себя с русским народом и жили его интересами. «В сложном составе их самоидентичности, пишет Эпштейн, – русская „половина“ явно перевешивала еврейскую». Когда четверо из них эмигрировали (а прибавив тех, кого я предложил, – шестеро), «показательно, что в еврейское государство Израиль не отправился ни один». Франция, Англия, США (Германия и Австралия).

«Зная, что для многих окружающих они, чем бы ни занимались, оставались евреями, – пишет Эпштейн, – сами эти люди в своих многочисленных интервью и выступлениях, как правило, настаивали на том, что их национальное происхождение – малозначимая деталь, которая почти ничего в их жизни не определяла». Он приводит высказывание Померанца: «Я равнодушен к поискам корней, традиций и не слишком много думал, откуда рос, из чего складывался». Эпштейн поражен: «Трудно представить более странные слова в устах выдающегося мыслителя-гуманитария, занимающегося философией истории и культурологией, чем эти мемуарные размышления Г.С. Померанца». И завершает мысль: «Анализу этой показательной модели самоотрекающегося комплекса крупнейших русско-еврейских интеллектуалов второй половины XX века и посвящена эта статья». Эпштейн первым попытался «скомпоновать групповой портрет интеллектуальной элиты „шестидесятников“ русско-еврейского происхождения (первой когорты, выросшей и сформировавшейся уже в послереволюционной, и исключительно советской, среде)».

Эпштейн хорошо понимает, что это «самоотречение» не похоже на комплекс «самоненависти» немецких и центральноевропейских евреев XIX – первой трети XX века. Тот возник в условиях внешнего презрения и стигматизации, и ситуацию эту хорошо отражает старый еврейский анекдот: еврей принимает крещение, а за этим опасливо следит его единоплеменник, чтобы в случае удачи последовать его примеру. Когда операция закончена, он подходит и спрашивает: «Ну, как, Хаим?», а тот отвечает: «Во-первых, я тебе не Хаим, а Иван, а во-вторых, как с тобой разговаривать, когда вы, евреи, распяли нашего Христа!» Но в раннесоветское время евреи были, по

выражению Эпштейна, «сверхпредставленной» нацией в советской элите. Так что это не «самоненависть», это что-то иное.

Сосредоточение инородной этнической группы в верхнем слое городов часто встречается у стратифицированных этносов (норманны и нормандцы в Англии, булгары-тюрки в Болгарии, арабы в Испании), и постоянно повторяется в истории России. До советских евреев это были немцы, к которым принадлежали сами Романовы и значительная часть чиновной знати и ученой братии, до немцев – поляки, одно время сидевшие в Кремле, до поляков – татары (значительная часть дворянства восходит к татарским родам), до татар – варяги-скандинавы (Рюриковичи) и греки (первые иерархи церкви). Обычно это кончалось одинаково: инородные включения либо исчезали, либо через несколько поколений растворялись в местном населении. Религиозный барьер и расовые различия служили тормозящим фактором для растворения, также замедляло этот процесс нередкое поселение инородцев отдельными анклавами, изоляция от среды. Но все эти факторы всегда были временными. Со временем слабела религия, таяли анклавы, уравнивались расы. Барьеры падали, инородцы становились соплеменниками. Только фамилии некоторое время еще напоминали о былом происхождении – Фонвизины, Аксаковы, Ахматовы, Бианки, Пиотровские, Лермонтовы, Дали. Все они русские. А Басилашвили и Сванидзе – что, не русские? А Цой и Ким? А отец Мень?

О своих 14 героях Эпштейн пишет, что все они родились не в местечках «черты оседлости». Оттуда ушли уже их родители, а у многих уже дедушки с бабушками. Мои далекие предки со стороны отца были «балагулами» – еврейскими ямщиками, ездили по дорогам, связывавшим Варшаву с Москвой и Петербургом во времена Наполеона. В семье хранились предания о том времени. Якобы под Москвой прадед моего прадеда встретил отступавшие наполеоновские войска и солдаты его спросили: «Jud', ist es noch weit nach Petersburg?» (Еврей, далеко ли еще до Петербурга?). Это мне рассказывал дед, сам дослужившийся в российской армии до ефрейтора. Я в детстве считал это байками: при чем тут Петербург и почему вопрос был по-немецки? Но, учась на истфаке, понял, что байка очень похожа на истину: в составе Наполеоновских войск было много немецких отрядов, а при отступлении императором был издан приказ не о бегстве, а о наступлении на Петербург!

Так что предки моего отца издавна были связаны со столицами, дед со стороны отца был фабрикантом в Варшаве, а дед со стороны матери был купцом первой гильдии и крупным домовладельцем в Витебске. Отец недаром был в Гражданскую

войну деникинским офицером: ему было что защищать. Но в советское время «военспецы» были нужны, и отцу не вспоминали его белогвардейское прошлое. Всю жизнь он оставался беспартийным, но был директором медицинских учреждений, во время Отечественной войны – руководил госпиталями (репрессии обрушились на него уже по «еврейскому вопросу» – в связи с делом врачей-вредителей, и то под самый конец, так что арестовать его уже не успели).

Почти у всех остальных героев Эпштейна наблюдается та же картина: высшее образование получили уже родители, были они служащими среднего эшелона, а сами герои статьи учились в столичных вузах. «Кухаркиных детей» среди них не было. По академической карьере они превзошли своих родителей, но Эпштейн с некоторым злорадством отмечает, что никто из них, несмотря на свои выдающиеся научные достижения, признанные во всем мире, не получил высшего академического статуса – ни Лотман, ни Кон, ни Гуревич, ни Пятигорский, «для всех докторские корочки остались пределом статусного роста, хотя некоторые не получили и их», никому не было доверено руководство крупным научным учреждением – «все они не были ни ректорами, ни деканами, ни директорами академических институтов». В жизни каждого был период гонений и тягот, изгнания на задворки науки, и именно из-за «пятого пункта» в паспорте.

Тут есть преувеличение. Были и в гуманитарном знании евреи-академики (Минц, Бонгард-Левин и другие), были жестокие гонения и на чисто русскую интеллигенцию (один академик Лихачев, другой академик Лихачев, Флоренский, Жуков и тысячи других). Но верно, что все перечисленные Эпштейном четырнадцать ученых имели большие трудности в карьерном продвижении.

Эпштейн подчеркивает, что для всех его героев родным языком был русский. Уже в доме деда (!) Пятигорского запрещалось говорить на идише. Я бы добавил к этому следующее: многие из них не просто владели прекрасным русским языком – это во второй половине XX века неудивительно. Сейчас в России с еврейским акцентом говорят только антисемиты, желая передразнивать евреев. У многих же из перечисленных русский язык является предметом академического интереса или инструментом литературного творчества.

От религии еврейская по происхождению интеллигенция России также отказалась давно. Лично у меня уже дед со стороны отца в XIX веке был неверующим и был отлучен от синагоги. Дед со стороны матери был набожным, и для него в семье держали

специальный шкаф с посудой, чтобы он не осквернился, но он все равно, приходя в гости и садясь за стол, ничего из поданных яств не ел, а доставал из кармана конфеты, жевал сам и угощал детей. Сам я ни разу в своей долгой жизни в синагоге не был. Для некоторых евреев синагога стала просто очагом сохранения этнической идентичности в период государственного антисемитизма и средством протеста (как для многих русских – православие). Эпштейн приводит характерные слова Померанца: «Среди моих знакомых есть старые интеллигенты, сохранившие верность православию; ни одного – сохранившего верность иудаизму. Образованные евреи сплошь стали атеистами, а когда их захватывала встречная волна возвращения к вере – попадали в орбиту христианства».

По мнению Эпштейна, «самим космополитически настроенным ученым еврейского происхождения было важно доказать „граду и миру“, что они принадлежат к человечеству в значительно большей мере, чем к своему народу». Они не занимались иудаикой, не очень интересовались прошлым своего народа, свое еврейство ощущали, лишь сталкиваясь с проявлениями антисемитизма. По словам сына, М.Я. Гефтер даже теоретически не хотел рассматривать возможность эмиграции. «Об эмиграции никогда речи не было. Он был человеком гиперроссийским. Человеком абсолютно русской культуры и русского языка. Россия для него была предметом всего его интеллектуального и душевного интереса… фокусом всех проблем всемирной истории. Как движется история, чем, что с людьми происходит – он понимал через Россию».

Всему этому Эпштейн противопоставляет жизненную реальность. «Реалии Холокоста, а позднее – государственный запрет на увековечение памяти жертв стали для многих, как им казалось, „переставших быть евреями“ евреев тем зеркалом, в котором они неожиданно увидели, какими их видит их окружение… Постепенно пришло осознание того, что уйти от своего еврейства труднее, чем это казалось изначально».

Несмотря на некоторый подъем, наблюдавшийся в 1990-е годы, – рост количества публикаций, признание и даже популярность, получение некоторых более заметных постов, – Эпштейн полагает, что все это было непрочным и сугубо временным. По его мнению, влиятельность всех этих мыслителей к концу первого десятилетия 2000-х пошла на спад. «По большей части и в 1990-е, и в 2000-е годы эти авторы развивали умеренно-либеральные, гуманистические, сциентистские идеи, сформированные ими „в окрестностях“ диссидентского движения в период брежневского застоя. Их продолжали читать люди с

менталитетом „шестидесятников“, но в общественной полемике даже на (условно говоря) либеральном фланге в горбачевскую, ельцинскую и путинскую эпохи доминировали совершенно другие голоса».

Ну, я хотел бы отметить, что в моей научной деятельности популярность среди околонаучной публики хотя и приятна, но главным критерием самооценки и ориентиром не является. В науке же я ощущаю не спад, а, наоборот, признание и рост влиятельности моих идей. Я могу ошибаться, но, кажется, и сторонние наблюдатели это подтверждают. Думаю, то же касается и других ученых, поставленных рядом со мной в статье Эпштейна.

Теперь о главной идее этой статьи. Идея эта важна не только при анализе еврейского вопроса. В аналогичном положении оказываются русские грузины, армяне, немцы, поляки, украинцы, расселившиеся по России татары, корейцы, да и приезжающие ныне на заработки таджики, молдаване, граждане других постсоветских республик.

Эпштейн сетует по поводу еврейского самоотречения, еврейского отказа вернуться в лоно своего народа. Мне кажется, здесь у него ошибка в определении. Если определять народ по биологическому происхождению, по расе, то все именно так. Тогда прав он и правы те антисемиты, которые настроены против того, чтобы признавать нас соотечественниками. Если же определять этнос по языку, культуре и самосознанию, то мы должны признать себя результатом ассимиляции. Можно осуждать или не осуждать ассимиляцию инородцев средой, доминирующим населением, но она есть реальность.

Мне кажется, что к числу таких ассимилированных евреев принадлежит и сам Алек Эпштейн. Он давно стал израильтянином, но часто бывает в России, пишет о России, живет внутри ее культурной ситуации.

Полагаю, что большинство нынешних евреев в России представляет собой не отдельный этнос, а нечто вроде касты внутри русского народа. Их отличают от остального русского населения только узнаваемые (и то не всегда) фамилии, предпочитаемые профессии и физические особенности.

Самоотречение? Но я ни от чего не отрекался, я таким воспитан. Я здесь рожден, здесь много поколений жили мои предки. Я не православный и не иудей. Точно так же вопреки утверждениям РПЦ, большинство образованного русского народа далеко от православия, по крайней мере в официально декларируемых формах. Отречением для меня был бы отказ от русского языка, русской культуры, русской судьбы. Вернуться к своим истокам? Мои культурные истоки здесь, а к биологическим

истокам возвращаться что-то не хочется – так можно очень далеко зайти.

20 (114), 9 октября 2012

12. Великороссия и Россия – что больше?

Парадоксы топонимики. Топонимика (наука о названиях местностей и географических объектов) в части, касающейся стран, полна парадоксов. «Великая Греция» находится не в Греции, а в Италии. Так называли не Грецию, захватившую окрестные земли и разросшуюся на все Средиземноморье, а всего лишь территорию греческих поселенцев (колонистов) в Италии. «Великая Швеция», по мысли шведского археолога Туре Арне, находилась в России, точнее на Руси. Так в 1917 году он назвал свою книгу о древностях викингов на территории России. Это вызвало возмущенные отклики советских ученых: он объявил русские земли колонией Швеции! Но Арне не был ни дураком, ни провокатором. Он вовсе имел в виду шведские колонии не в смысле «завоеванных викингами стран», а лишь как территории, заселенные викингами в ходе разнообразных стратегий проникновения – где военного, где торгового, где по договорам.

Великороссия по названию должна быть больше просто России. Но она меньше и составляет лишь ее часть. Так получилось, что когда Киевская Русь распалась, разные ее части стали получать разные названия, и Великая Русь отделилась от Малой Руси, а еще образовались Белая Русь и ныне забытые Черная (по реке Неман) и Красная (Галичина), а позже возникла и Новая (Новороссия). С превращением великокняжеской власти в царскую был связан рост национального самосознания и борьба за международный авторитет, что привело в XVI веке к грецизации названия государства, которая стало называться не Русь, а Россия (термин сформировался в Византии под влиянием библейских упоминаний народа рос). Коль скоро русские земли побывали в разных государствах, пережив разделение, язык и культура тоже разделились, и сложились три восточнославянских народа, которых всех вначале именовали русскими (торжественно россами), но с уточнениями: великороссами, малороссами и белорусами. Со временем все они оказались под одной государственной властью.

Империя и колониальная политика. Между тем царская Россия, захватывая все новые и новые окрестные земли, одни завоевывая, другие присоединяя дипломатическими мерами, быстро превратилась в империю. Часть указанных обозначений вошла в официальный царский титул (при Алексее Михайловиче – «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец»). Территория малороссов занимала в Российской империи окраинное положение и называлась соответственно Украина.

Поскольку малороссы не раз претендовали на национальную независимость и самостоятельность, то их часто и называли украинцами, и это название, не носившее пейоративного оттенка, стало самоназванием (выведение самоназвания от неких «укров», провозглашенное ультранационалистами, – это, конечно, дурной анекдот). Тем самым подчеркивалось, что малороссы – не русские, а особый народ. По этим и по другим причинам (притязания имперского центра на русификацию окраин, непризнание малороссов-украинцев отдельным народом) «русские» стало именем только великороссов, и название «великороссы» перестало употребляться в живом обиходе.

Среди присоединенных земель были не только восточнославянские, но и места обитания неродственных народов, с чуждыми религиями и образами жизни. Одни из этих народов и стран удавалось русифицировать, крестить и заселить русскими хотя бы не полностью, другие так и остались отдельными народами, живущими под российской властью. Все они за редкими исключениями (финны, временами поляки, часть среднеазиатских ханств) не получили никакой автономии, а растворились в русских губерниях. Местная элита вошла в русское дворянство.

От других империй (кроме разве Османской и Австро-Венгерской) Российская отличалась тем, что ее колонии территориально к ней примыкали, а от обеих из названных империй – тем, что значительная часть колоний была гораздо ниже метрополии по своему социокультурному развитию. Что облегчало русификацию.

Предпосылки развала. Поскольку большевики, борясь за лидерство в революции, не могли опереться на мощный рабочий класс (такого попросту не было), а крестьянство во многом шло за эсерами, для большевиков огромное значение имела опора на национально-освободительные движения окраин России. Лозунгом, который давал им такую опору, было национальное самоопределение народов, то есть разрушение империи. Так же как большевики пожертвовали победой в мировой войне, они поставили на кон и судьбу империи. Для себя они не зарекались ни от войн и военных побед, ни от расширения своего государства. Но, выиграв на этих лозунгах Гражданскую войну, они оказались перед необходимостью как-то выполнять данные обещания. В результате, собрав под своей властью образовавшиеся самостоятельные государства (правда, не все), они в 1922 году под видом Советского Союза восстановили империю – с единым войском, полицией, дипломатией, партийно-государственной властью.

Но эта империя уже не была разделена на губернии – в ней была сохранена структура самостоятельных республик и других национальных образований. Конечно, это были совершенно фиктивные республики, целиком подчиненные единой партийной диктатуре. Это была безусловная империя, но стеснявшаяся своей имперской сути и старавшаяся сделать вид, что она совсем не империя, а, совсем напротив, союз свободных государств. На это выделялись огромные средства, в национальных якобы государствах строились национальные академии наук, оперные театры, библиотеки, музеи, собирались парламенты. Так что формы будущих государств были созданы, и в любой момент в случае ослабления центральной власти их можно было наполнить реальным содержанием (что впоследствии и произошло). Таким образом, основа разрушения советской империи была заложена еще в 1922 году.

Лучшим доказательством того, что все эти национальные академии, театры и прочие учреждения были фиктивными, было то, что в центральной республике – русской – таких учреждений, отдельных от центральных, не было создано. Зачем? Все их функции отлично выполняли по совместительству центральные учреждения. Вначале, когда еще шла унаследованная от революции борьба с русским великодержавным шовинизмом, отсутствие отдельных институций в РСФСР можно было подверстать к этой борьбе, но уже с конца 1930-х годов эта политика сменилась упором на воспитание патриотических чувств в русском народе, все более интенсивное, но при этом русских учреждений не возникало. Патриотическую и русификаторскую политику вели центральные учреждения.

По отношению к национальным республикам эта политика выражалась в сочетании и чередовании двух противоположных тенденций: одна – поощрение развития национальных традиций, другая – борьба с сепаратистскими искушениями. Для гарантии местные элиты время от времени полностью вырезались и сменялись. Иногда репрессировались и депортировались целые народы.

Следствия национальной политики. Падение советской власти означало разрушение империи. Ослабленная империя собиралась превратиться в рыхлую конфедерацию, но в страхе от провалившейся попытки путча союзные республики рванулись во все стороны, поспешив отколоться. Империя разом лишилась своих территорий, захваченных за три века, и свелась к допетровским границам. Национальные образования более низкого статуса (автономные республики, края и области) остались в составе России, но автономия их укрепилась. Теперь

приходится их задаривать и задабривать – выдавать им крупные дотации, пестовать их элиту, предоставлять ей преференции даже на всей остальной территории империи.

На собственно русских территориях это вызывает недовольство. К оппозиционным силам (демократам, имперцам-реваншистам, консерваторам-монархистам с хоругвями, левакам-коммунистам) добавились националисты. Часть из них следует в кильватере за имперцами, консерваторами-клерикалами или коммунистами, но большей частью они образовали самостоятельную силу, ориентированную на окончательное разрушение империи и построение отдельного чисто русского государства, выдвигая лозунги «Хватит кормить Кавказ!» и «Россия для русских!».

Вот они-то и припомнили, что в России, сохранившей советскую имперскую структуру, русские, теперь уже составляющие больше 80 % населения, в отличие от бывших «младших братьев», не представлены в государственных структурах ни своей Академией наук, ни своими национальными общественными организациями и учреждениями, аналогичными национальным образованиям различных автономных республик. Призывы к дружбе народов они воспринимают как рецидив большевистской «интернациональной» политики и забвение национальных интересов большинства, призывы к толерантности – как потакание чуждым нравам и паразитизму инородцев. Они с болью переживают истощение генофонда и падение рождаемости. Они боятся наплыва некультурных и неквалифицированных мигрантов, меняющих облик больших и малых городов. С негодованием отвергают они наименование граждан нового государства как «россиян». Они отстаивают свою национальную идентичность как русских, то есть в сущности великороссов.

Правительственные идеологи, видимо, стремятся раздробить эту массу по разным политическим платформам, кого-то из них привязать к имперцам-государственникам типа Проханова или Жириновского, другую часть – к православным фундаменталистам и монархистам, к консервативно-клерикальной платформе, третью – к коммунистам, которые издавна освоили националистическую фразеологию (тут фронт широк: от Зюганова до Удальцова и Лимонова).

Осторожные прогнозы. Можно ожидать, что сторонники либеральной и демократической платформы, ориентированные на общемировые ценности, на гражданские права, в ближайшее время перестанут отшатываться от русских национальных проблем и увидят в оппозиционном национализме много целей, общих со своими. И это уже видно в некоторых акциях Каспарова

и Навального. В самом деле, и демократическая интеллигенция с ее либеральными ценностями и основные сторонники русской национальной идеи находятся в явной оппозиции к нынешней власти, равно не желают возвращения коммунистов и холодно относятся к социалистической утопии. Реализация прав народа на самостоятельное национально-государственное существование и отречение от колониальных амбиций равно удовлетворяют обе стороны. Здоровье народа – борьба с алкоголизмом и наркоманией, реальная, а не показная помощь молодым работающим семьям – благодарная задача для обеих сторон, а для этого необходимо выявлять существующие недостатки, а не воспринимать их как русофобию (чем грешат некоторые националисты). Обе стороны могут прийти к консенсусу относительно решительного ограничения незаконной и беспорядочной миграции. Миграция должна быть ограниченной (дабы не составлять конкуренции собственному населению), нормированной, состоять из квалифицированной рабочей силы, рассеивать приезжих по стране для быстрейшей их ассимиляции. Разделение властей и передача контроля над финансами регионам решили бы задачу региональных обид и конфликтов.

Полагаю, что и националистам есть о чем подумать для привлечения сторонников. При обсуждении судьбы России как государства не избежать вопросов о его составе – ведь есть много русских областей, где массово проживают другие народы, не составляющие большинства. Как с ними быть? Придется продумывать вопрос об уважении меньшинств – и не только национальных.

Я думаю, что серьезный и важный разговор предстоит о составе русского народа. Кто вправе считаться русским? В этом вопросе далеко не все националисты делают ставку на измерение черепов и проверку генов. Многие согласятся с либеральным пониманием, что общая историческая судьба и чувство солидарности, а также язык и культура определяют нацию, и в каждой нации есть люди разного этнического происхождения.

Великороссы – это и поморы, и казаки, и чалдоны (первые русские Сибири), не говоря уж о народах, растаявших на нынешней коренной русской территории – куда девались меря, мурома, мещера, весь, чудь, голядь и прочие? А никуда не девались. Они стали русскими. Великороссия вполне сравнима с Великобританией, в которую входят англичане, шотландцы и жители Уэльса. Великобритания не утратила величия, лишившись своей огромной империи. Вот и Великороссия будет по крайней мере не меньше Великой России.

Опубликовано на интернет-портале Полит. ру в октябре 2012

13. Преимущества русского народа

Опасные сравнения. В советское время у нас было запрещено сравнивать народы по способностям и достижениям: интернационализм требовал уравнивать их. Этот запрет был предшественником современной политкорректности, имеющей как достоинства, так и недостатки. Война развязала языки по отношению к немцам – у них появилась масса природных недостатков, но ненадолго. Зато у русских открылась масса достоинств. Ныне, в обстановке резко возросших национализма и ксенофобии стало модно меряться национальными преимуществами и строить на этом идеологию национальных обид и национального возрождения. Поскольку русские составляют подавляющее большинство населения нашей страны, русский национализм, замешанный на русских обидах, здесь наиболее заметен, хотя это и не самый агрессивный из существующих национализмов. Русские марши – одно из его проявлений.

Как мне представляется, ученым воздерживаться от обсуждения достоинств таких народов, как русский, смешно и глупо, когда сравнения и так у всех на слуху. Так же как воздерживаться от выявления недостатков. Нужно лишь соблюдать такт и трезвость при обсуждении этих деликатных материй, стараться найти истинные причины различий и их подлинное значение.

Как археолог я мог бы и не вдаваться в анализ причин крупных исторических процессов: наше дело, как мне кажется, снабжать историков добротными, хорошо проработанными археологическими источниками. Но многие археологи в той или иной мере являются также и историками, закончили исторический факультет. Что касается меня, то я еще и многие десятилетия занимался культурной антропологией. Так что причины и следствия исторических событий и культурных процессов меня занимают до сих пор. В их числе причины одного процесса, явственно проявляющегося благодаря археологическим данным, – процесса расселения славян и чрезвычайно масштабного распространения русского народа.

Рост ареала. Корни славян, связанные с ними археологические культуры остаются для первой половины I тысячелетия н. э. спорными, они располагаются где-то в Восточной Европе, между верховьями Дона и средним течением Дуная и Одера. Но с V–VII веков н. э., за два – три века до возникновения Киевской Руси, достоверно славянские культуры –

памятники пражского типа, корчакского, пеньковского, суковского – известны, выявлены, изучены. Они располагались в лесостепи, протянувшись полосой от Среднего Дуная и Одера до Нижнего Дуная и Среднего Днепра. Юго-восточная часть этой полосы, видимо, уже содержала племена, говорившие в основном на восточнославянских диалектах. Западные и юго-западные племена с тех пор заметно расширили зону своего обитания, но восточные славяне совершили потрясающий захват территорий. В течение двух веков они распространились на север до Ледовитого океана, впитав в себя бесчисленное множество финно-угорских народностей – вепсов, водь, мурому, мещеру, чудь, ижору, а также балтские народности (в частности голядь). На севере они включили в себя пришлых норманнов, от которых, по летописи, получили и название «Русь». Вскоре центр консолидации сдвинулся на юг, к Киеву. Далее пришел черед степных народов, которых славяне Руси частично вытеснили, частично ассимилировали, – речь идет о печенегах, половцах, торках, берендеях. Затем, уже под руководством московского государства, началось освоение Сибири с занятием ряда территорий – вплоть до Дальнего Востока. Затем продвижение на Кавказ с вытеснением и подавлением горцев.

В итоге русский народ занял огромную территорию, как ни один другой народ Европы – по крайней мере до создания Испанской и Британской империй. Его численность тоже сильно возросла, хотя во времена Людовика XIV Франция была вдвое многолюднее. Но в последующие века Франция лишь удвоила свое население, а Россия возросла более, чем десятикратно.

Факты. Некоторые националисты считают, что историческое прошлое дает основания для воспроизводства или восстановления утраченного имперского величия. Что великороссы рождены для доминирования над другими народами. Это сомнительно. Я уж не говорю о том, что границы империи сильно ужались, а численность населения резко уменьшилась. Сейчас уже и японцев больше, чем нас, и американцев, не говоря уже о Китае.

Нет и отсталых народностей вокруг нас, территории которых мы могли бы осваивать и присваивать. Финны и эстонцы живут цивилизованнее нас, всякий, посещающий эти страны, видит это собственными глазами. А корейцы и японцы далеко обогнали Россию в высокотехнологичных областях. Китай стал мастерской планеты.

Русские женщины больше не будут безостановочно рожать. Они стали работать наравне с мужчинами. Что означает один-два ребенка на семью. Да и больших квартир для молодоженов у нас

по крайней мере в ближайшей перспективе не предвидится. Или я ошибаюсь?

Приспособленность к сожительству с другими народами на глазах сменяется насаждаемой сверху агрессивной ксенофобией и самоизоляцией от всего мира. К сожалению, это оказалось очень заразительным.

К сожалению, остается и неумение систематически работать, терпеливость и готовность к взрывным, но краткосрочным сверхусилиям. И этот фактор по-прежнему используется властителями. Общая ситуация в стране превращает это неумение систематически работать в нежелание заниматься физическим и однообразным трудом, в стремление стать чиновником, военным, охранником.

Надеюсь, констатацией этих фактов я никого не обидел. А грандиозные планы, построенные на неверном понимании истории и ложных расчетах, на учете факторов, которые уже не работают, разумнее было бы пересмотреть.

№ 5 (174), марта 2015

XII. Личное

1. Итоговый обзор

Интервью, опубликованное в интернет-издании «Газета. ру» под названием «В гуманитарном знании нам сокращать нечего».

– В СССР Ваши работы часто подвергались критике других ученых, вызывали неприязнь идеологов. Насколько сейчас изменилась ситуация, да и изменилась ли она?

Это впечатление мне кажется неверным. Критика – это нормальное состояние науки, а для ученого критика означает еще и внимание к его работам. Критике мои работы подвергались не меньше других, но и не больше. Другое дело, что некоторые мои новации не находили понимания у других коллег, не использовались, но и это нормальное положение дел. Я ведь утверждаю, что археология – не часть историографии, а прикладная наука, вроде криминалистики, и родственна ей (археолог – это следователь, опоздавший к месту событий на тысячи лет). Это требует пересмотра многого в археологии. Я настаивал на необходимости разрабатывать теоретическую отрасль археологии как основу для построения различных методов. Все это воспринималось туго – как в СССР, так и на Западе. Сейчас все это начинает постепенно утверждаться в науке. Кажется, Планк говорил, что теории побеждают не путем убеждения, просто старые ученые умирают, а молодые с большей легкостью воспринимают новые идеи.

Иное дело, что идеологические догмы в СССР были тормозом для всякого развития, и это было очень трудно преодолевать. «Неприязнь» со стороны идеологов – еще мягко сказано. Скажем, походы скандинавских викингов (норманнов) создавали государственные очаги по всей Европе, нигде это не отрицается, кроме России. Защитникам объективной констатации норманнских древностей на нашей территории приходилось очень трудно в советское время. А ныне вспышка антинорманистских эскапад со стороны нескольких фанатиков натолкнулась на полное отторжение научной общественностью – причем несмотря на поддержку со стороны властей и благоговейное восприятие части обывателей-дилетантов, разогретых ксенофобской пропагандой.

– Прокомментируйте, пожалуйста, Вашу статью «Гипотезы в науке», опубликованную в газете «Троицкий вариант»[91]*. Считаете ли Вы, что в современной науке слишком много гипотез, не имеющих под собой основания, или что научное сообщество слишком скептически относится к оригинальным и смелым идеям, не давая им шанса на существование?*

Статья моя в газете ученых «Троицкий вариант» явилась сокращенным и упрощенным вариантом статьи, напечатанной в «Российском археологическом ежегоднике», а та, в свою очередь, – предварительной публикацией главы о гипотезах из моего двухтомного труда «Археологическое исследование» (первый том только что вышел). Дело в том, что и этот труд, и Ежегодник предназначены для археологов, а мои идеи о гипотезах, как я надеюсь, должны быть интересны и для других ученых. Я знаю, что статьей заинтересовались некоторые физики. Дело в том, что методологи науки разработали так много критериев оценки гипотез, что если их применить, то ни одна гипотеза не окажется состоятельной – будут отвергнуты все. Вот я придумал разделить эти критерии по этапам работы с гипотезой – какие необходимы вначале, для оценки права на гипотезу, какие потом – для оценки ее доказанности.

А «слишком много гипотез, не имеющих под собой основания» – это ведь характерно не для науки, это существует около науки. Вот излишний академический скепсис и призвана сдержать моя статья о гипотезах. Но не благими пожеланиями, а практическими мерами.

– Вы сетуете на то, как сейчас в нашей стране относятся к культурному наследию. Почему, на Ваш взгляд, в России проекты, подобные «Охта-центру» в Санкт-Петербурге (который, к счастью, не будет реализован), могут заходить так далеко?

Это вопрос не о науке, а об обществе. И причины всем понятны – бесконтрольность властей, знаменитая «властная вертикаль», подобная несостоявшейся башне Газпрома – столь же разрушительная для облика города (как башня для изумительного храма Растрелли) и столь же чуждая обществу. Мотивы ее планирования были опять же ясны – демонстрация богатства и власти корпораций, засевших у природных богатств страны и упивающихся их расхищением.

– Схожий вопрос про археологию: возможно ли предотвратить стихийноеразграбление археологических памятников, ограничить деятельность частных коллекционеров? Было ли какое-то конкретное событие, после которого вы начали выступать против поиска сокровищ и археологических ценностей любителями и «металлопоисковиками»?

И это тоже вопрос не столько об археологии как науке, сколько об обществе. Для успешной борьбы с разграблением памятников нужны две вещи: а) просветительская и краеведческая деятельность и б) нормальная судебная система.

Между тем краеведческое движение как было разогнано и разгромлено в начале 1930-х годов, так и не восстановлено до сих

пор. Законы, препятствующие разграблению, у нас есть, но они не применяются. За самовольный снос курганов полагается тюрьма. Курганов снесены тысячи. В тюрьме по этой статье не сидит никто. Суды заняты другим. Законодатели в поте лица трудятся над усовершенствованием тех законов, которые призваны подавлять протестное движение и социальную организованность народа.

А какого-то особого события, которое бы побудило меня вступиться за памятники, не было. Но, пожалуй, об одном событии напомню. Мой ученик Саня Семенов, работавший в Эрмитаже, узнав о том, что на юге страны разграблен клад золотых византийских монет, помчался на юг отбирать монеты у «черных археологов». Вскоре он погиб, пропал без вести.

Еще одно событие стоит упомянуть. Другой мой ученик, археолог Алексей Ковалев, член-корреспондент Немецкого археологического института, многие годы в Законодательном собрании Петербурга отстаивал памятники культуры и представлял город в Совете ЮНЕСКО. На днях его заменили успешной спортсменкой.

– В Вашей статье «Благая весть от диакона» в газете «ТрВ» [92] *Вы, в числе прочего, приводите мнение Е.А. Мусина по поводу акции Pussy Riot в храме Христа Спасителя, но так и не высказываете свою точку зрения. Могли бы Вы высказать свое мнение по поводу современной деятельности РПЦ?*

Я атеист. Значит, к религии отношусь сугубо критически, одинаково ко всем религиям и суевериям (для меня это одно и то же). Я не верю ни в богов, ни в чертей, ни в ад, ни в рай, ни в сглаз, ни в черную кошку. Иное дело, отношение к верующим. Я понимаю, что многим людям, чтобы справиться со своими психологическими проблемами, требуется представить свои надежды и ценностные принципы в виде неких одухотворенных сил. Они по старинке создают себе богов и чертей, ходят в храмы. Я уважаю их чувства.

Достойны уважения и те люди – клирики, которые специализировались на обслуживании этих чувств верующих, независимо от того – веруют ли они сами или нет. Чтобы строить и содержать храмы, нужна и их организация – церковь. За ней есть и добрые дела – благотворительность, образовательная деятельность. Но когда эта организация начинает накапливать богатства сверх разумных потребностей, когда ее верхи утопают в роскоши и начинают вмешиваться в государственное управление обществом, церковь становится антинародной политической силой. Авторитет ее падает, и среди верующих появляется большая категория людей – верующих вне церкви. Вероятно, и в

клире есть недовольные ее руководством и ее политизацией. То есть практически назрело движение православного протестантизма. Думаю, что что-то подобное может в ближайшее время появиться.

Полагаю, что мое отношение к нынешней РПЦ ясно из этой общей оценки ситуации.

Что касается Pussy Riot, то отношение мое к ним, как и у многих, двойственное. Я совершенно не приемлю такие акции как формы искусства, мне претит их примитивная эстетика и грубый художественный язык. Неудачной мне кажется и адресация их выступления: к кому они там обращались, к верующим, к Богородице, к Путину? Но грубого оскорбления религии я тут не вижу. Их выступление вообще было направлено не против религии, а против власти. Это была политическая акция. И точно так же не церковной и не судебной, а политической была реакция на это выступление. Церковь могла призвать их к покаянию. Полиция и суд могли рассмотреть их акцию как проступок – мелкое хулиганство. А их законопатили в тюрьму на годы. Превратили в мучениц борьбы за свободу слова и совести. Поистине, не ведают, что творят.

– Последний вопрос – очень общий, но тем не менее: каким Вы видите будущее гуманитарных наук у нас стране и в мире в целом?

Я недавно делал доклад на эту тему на ежегодном собрании Союза ученых. Я назвал там четыре условия, необходимых для сохранения и развития гуманитарных наук. Первое условие – это *свобода мысли и слова*. Она нужна всем наукам, и не только наукам. Но гуманитарные науки нуждаются в ней значительно больше остальных. Естественным и техническим наукам почти достаточно свободы от религиозных догм. Гуманитарным нужна еще и свобода от всякой идеологии – от политических, социальных и национальных уз. Второе условие, необходимое гуманитарным наукам особенно, – это *информированность*. Постоянный доступ к источникам информации, перманентный контакт с мировой наукой. Всем наукам требуется этот контакт, чтобы не отстать от мировой науки. Но гуманитариям увидеть и понять отечественные источники невозможно без понимания их места в мире, в общих связях. Третье условие – это *международный критерий*. В гуманитарных науках очень сложно отделить пустые словопрения от содержательных теоретических работ. А знакомство и связи здесь особенно много значат. Ориентация на экспертные советы и на мировую литературу – единственное средство объективного отбора ученых-гуманитариев. И четвертое условие – *национальные ориентиры*. Гуманитарное знание по природе своей менее интернационально

и космополитично. Естественные науки – общемировые. Есть русские математики, они славятся в мире, но нет русской математики. А вот гуманитарное знание, по крайней мере нацеленное на изучение отечества, настолько сцеплено с национальной культурой и языком, что их сложно воспринимать порознь. Есть и русская филология, и немецкая философия, и англо-американская политология.

Из этого вытекает несколько следствий. Первое касается *языка изданий*. Язык международного общения ученых – английский. Была латынь, приближался к этому немецкий, русский господствовал на пространстве Варшавского блока, не говоря уже о союзных республиках. Сейчас везде царит английский. Значит, надо осваивать английский язык, печататься в англоязычных журналах мира, издавать свои журналы на английском языке, как это давно делают страны, соизмеримые с нами и даже более крупные. Надо также всячески поддерживать издательства в ближнем зарубежье, выпускающие книги на русском языке, такие еще есть, – давать им гранты, премии, льготы по распространению книг на территорию России, чтобы поддержать экономически.

Во-вторых, в естествознании мы уже не можем содержать *весь фронт наук* – кишка тонка. Это не страшно: различные страны взаимодействуют друг с другом, дополняют друг друга, так что каждая может сосредоточиться на каких-то отдельных науках. Но в гуманитарном знании от полноты охвата отказываться нельзя. Эти науки слишком специфичны для нашей страны. Никто за нас развивать это знание не станет. Поэтому как раз здесь нам сокращать нечего. Нам нужна русская филология во всем ее объеме, вся археология, все искусствоведение, иначе пострадает русская культура как таковая.

В-третьих, перед нами стоит задача *восстановления академических традиций* после тех бедствий, которые наука претерпела за век, – идеологического давления при советской власти, экономического развала и разрухи 1990-х и того небрежения, в каком она оказалась в новой России. Наука вообще не восстанавливается по приказу. Нужна длительная подготовка специалистов, комплектование библиотек, формирование традиций и школ. В естественных и точных науках можно пригласить специалистов из других стран. В гуманитарных – нужны свои. А мы их теряем – целые школы вымирают, молодые ученые массово уехали за рубеж. Они голосуют ногами. Они хотят жить в более комфортных условиях, в другой стране. Не пора ли иначе поставить вопрос: другая страна нужна здесь.

Интервью опубликовано на интернет-портале Газета. ру, 15 шюня 2012

2. Последний выбор

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.

Иосиф Бродский

Я живу на Васильевском острове, где Иосиф Бродский мечтал окончить жизнь. Но ему не довелось. Мой дом – совсем рядом со старинным Смоленским кладбищем, где похоронены члены Академии наук, профессора Университета и Академии художеств, а в лютеранской части – много знаменитых питерских немцев. Меня греет мысль, что, скорее всего, здесь похоронят и меня и мои кости будут лежать совсем рядом с домом.

Поскольку я атеист, мне должно быть все равно, где и как меня похоронят. Это должно интересовать исключительно моих близких, поскольку я был частью их круга, их интересов. Но мне не все равно. Это *моим костям* будет безразлично после моей смерти, где лежать. Но перспектива моей посмертной судьбы переживается мною *сейчас* и вписывается в мои отношения с моими домочадцами, родственниками, друзьями и учениками. Скажем, не хотел бы я, чтобы мой прах сжигали в крематории. Пусть остаются кости, а в них ДНК, которая, может быть, еще когда-то пригодится тому, кто захочет возродить жизнь моего тела, а мои мысли и чувства сохранятся в моих книгах и статьях. «Нет, весь я не умру…»

Между тем за свою жизнь я, археолог, раскопал более тысячи могил – и рядовых ариев бронзового века, и древних славян, и царских могил сарматов (первого века нашей эры – времени Иисуса Христа, Цицерона, сподвижников Юлия Цезаря). Работа с костями – расчистка, зачерчивание, измерение, упаковка – стала для меня рутиной. Я, конечно, обращался с ними бережно – не только из почтения, но и ради науки. Обрабатывая черепа, я, конечно, все время держал в памяти, что некогда это были живые люди, со своими чувствами, мыслями, судьбами, верованиями. Но вырабатывалось профессиональное отстранение, и все больше на первый план выходили мысли об определении пола, возраста, болезней, расы, о датировке, исторической судьбе. Вот этот покойник лежит в могиле ничком, сгорбившись, а на черепе шрам. Видимо, раненного погребли, приняв за мертвого, а уже в

могиле он очнулся, перевернулся и пытался спиной поднять крышку гроба. Помощь пришла лишь через тысячу лет. А вот этот найден вообще не в могиле, а в колодце – держался рукой за край колодца, это обстоятельства штурма крепости… (раскопки Саркела – Белой Вежи).

Археологи – как криминалисты, раскапывают могилы для восстановления событий, извлечения исторической истины. Нарушать покой покойников нехорошо, вне зависимости от верований их наследников – просто из почтения к ушедшим поколениям, это азы культуры. Но ради развития той же культуры приходится раскапывать могилы – и криминалистам, и археологам, и строителям: кладбища мешают расширяться современным городам. Перезахоранивать кости? Но народности на всякой территории неоднократно сменялись, так что верования были самыми разными. Одни хоронят в могилах, другие сжигают покойников, третьи (не только зороастрийцы) выставляют их на съедение собакам и птицам, и так далее, и все это считается священным и необходимым. Так что перезахоранивать их по нашему нынешнему обряду будет святотатством. Скажем, вы его с почтением погребли в земле, а для древнеиранских народностей прикосновение мертвого тела к земле – страшный грех, его должны сначала обглодать собаки. И особенно почитались «четырехглазые» собаки – с желтыми пятнами над глазами.

В последние несколько десятилетий по многим странам прокатились выступления местного населения против археологов под лозунгами «защитим наших предков». Аборигены (индейцы, австралийские аборигены) выступили против белых археологов, раскапывающих могилы. Причем население, не искушенное в датировках и расово-этнических определениях, считает своими предками всех, кто погребен на их территории, – включая неандертальцев. Недовольные требуют не трогать могилы и вернуть из музеев все кости назад в землю. Более того, некоторые американские и европейские археологи, исходя из принципов толерантности и уважения к коренным народам, выступили с покаянными речами – о вине цивилизованных народов перед аборигенами за навязывание своей культуры и цивилизации, тогда как это право самих аборигенов распоряжаться своим прошлым. Развернулась дискуссия о том, «кому принадлежит прошлое».

В дискуссию вскоре втянулись широкие слои общественности. Верующие в передовых государствах присоединились к аборигенам и заявили свои права на могилы, также потребовав вернуть кости из музеев в землю и объявив

раскопки могил кощунством. На криминалистическую эксгумацию это пока не распространяется.

Выходы из конфликтной ситуации предлагались разные – от удовлетворения праведных требований аборигенов и верующих (тут особенно изощрялись политики-популисты) до подавления выступлений полицией и войсками (этими призывами отличились державники и расисты). Среди археологов особенный авторитет получила стратегия Питера Аккоу – британского археолога (недавно умершего). Он отправился в Австралию и стал там проводить «аборигенизацию археологии» – набирать аборигенов в археологи, обучать и просвещать их. Чтобы могилы раскапывали не чужие, не пришельцы-цивилизаторы, а свои собственные археологи.

Но как быть с верующими? По-видимому, и тут просвещение должно выступить на первый план. Нужно распространять знания о том, что отношение к древним костям вообще проблема сложная. Что общекультурное почтение к ним – это основа. Но это не равнозначно тому, чтобы превращать все множество древних костей в современные кладбища. Во-первых, кости умерших бесчисленны, на них буквально стоят наши современные города и поселения. Мы буквально живем на костях. Во-вторых, почтение и любовь к отеческим гробам можно выражать по-разному. Их изучение – это один из способов выразить к ним свое уважение. На мой взгляд, не худший способ.

В современных антропологических хранилищах кости пребывают в гораздо лучших условиях, чем в сырой земле, где они очень быстро превратятся в ничто. Отличаются ли в лучшую сторону монастырские подземелья и камеры (катакомбы в Париже, Кутна-Гора в Чехии), в которых анонимными костями и черепами выложены стены, от хранилищ, где они лежат на полках в коробочках со всеми данными для индивидуальной идентификации? Некоторые ученые (Бентам, Брока и другие) завещали свой скелет научным учреждениям для исследований. Если бы я был уверен, что это не причинит боли моим близким, против такой перспективы я бы тоже не возражал.

Определяя, что делать с обнаруженными древними костями, каждому стоит подумать, а какой выбор он предпочел бы для своих близких – и для себя.

№ 23 (117), 20 ноября 2012

Алексей Ельяшевич [93]
70 лет в науке

Когда мне предложили написать послесловие к книге «Муки науки» я с радостью согласился. Я знаком с автором этой книги более 40 лет, читал многие его книги и публицистические статьи и всегда находил в них много интересного.

При чтении статей Льва Клейна поражает, с одной стороны, свобода мысли, оригинальность его идей, а с другой стороны тщательность, с которой он разрабатывает и обосновывает свои идеи. А при непосредственном общении с ним поражает быстрота его мышления. Один из солидных историков отметил следующее свойство лекций Льва Клейна: «Они учили думать».

«И, и», а не «или, или»?

То, что исследовательский подход Клейна в большей степени свойственен естественнонаучным, чем гуманитарным дисциплинам, проявляется и в широком применении им математических, – в первую очередь, статистических методов. Но самая главная его особенность состоит в опоре на факты. У меня создается впечатление, что во многих работах гуманитариев во главу угла ставится концепция, а затем ищутся факты, подтверждающие эту концепцию. Факты же, противоречащие принятой концепции, часто бессознательно игнорируются. В естественных науках, прежде всего, обращают внимание на факты, не укладывающиеся в уже известные представления. Именно открытие таких фактов двигает науку вперед. Известен принцип фальсифицируемости (принципиальной опровержимости) Карла Поппера, заключающийся в том, что научной может быть признана только гипотеза, для которой можно придумать эксперимент, при определенном его результате приводящий к ее опровержению. Для Клейна характерен именно такой подход. Он особенно тщательно анализирует факты, противоречащие проверяемой гипотезе. Если же говорить о теории, то в естественных науках гипотеза имеет право на существование, если она не только объясняет известные факты, но и предсказывает еще не установленные. Именно такой подход определил успех исследования Клейном текста Илиады.

Однако подход Клейна учитывает и особенности гуманитарных наук. Ньютон когда-то сказал: «Я видел дальше

других только потому, что стоял на плечах гигантов». Но если в естественных дисциплинах главное значение имеют основные законы, открывать которые под силу только гигантам, то в гуманитарных дисциплинах важно учесть множество фактов, в собирании которых участвуют не только, а, может быть, не столько гиганты, сколько обычные исследователи. Не менее важно – рассмотреть множество возможных интерпретаций, выдвинутых различными учеными, также не обязательно гигантами. И Клейн всегда старался не упустить ничего из созданного своими предшественниками и создаваемого современниками, выискивая и находя интересные мысли даже в трудах своих непримиримых оппонентов.

Трудно быть Клейном

В качестве заголовка раздела, посвященного рассказу о жизненном и творческом пути Клейна, я выбрал название его собственной книги, снабженное подзаголовком «автобиография в монологах и диалогах»[94]. Издатель этой книги С.Э. Эрлих в течение десяти лет безуспешно уговаривал Клейна написать мемуары, приводя серьезный аргумент: «Мы хорошо издадим Вашу книгу мемуаров, а в спросе сомневаться не приходится. Ваша жизнь полна драматизма – как хороший роман, даже детектив»[95].

Свои регулярные отказы Клейн мотивировал тем, что для работы над мемуарами нужно свободное время и обстановка спокойного раздумья.

Наконец, был найден компромисс – книга будет включать различные опубликованные и еще неопубликованные материалы, к которым Клейн напишет необходимые комментарии. Через пять лет книга вышла в свет.

В жизни человека существенное значение имеет то, в какой стране и в какой исторический период ему приходилось жить. Жизнь Клейна протекала в период, когда в Советском Союзе, пожалуй, чаще, чем в любой другой стране, происходили события, резко менявшие условия жизни ее граждан.

Родился Лев Клейн в 1927 году, и до начала Великой Отечественной войны главную роль в его жизни, как и у большинства детей, играла семья. Свое детство он характеризует как трудовое и очень благополучное. И тем не менее атмосфера сталинских репрессий не могла обойти стороной и его семью. «Неприятно поражала запуганность взрослых. Когда я заводил с кем-нибудь речь о политике, мой осанистый отец косился на

стены и немедленно начинал петь что-нибудь бравурное, чтобы заглушить мой голос. Мама иронически комментировала: “Он уже поет”. Иногда он нервно пел и без всякого повода: видать, его пугали собственные мысли. Я ловил себя на том, что и сам приучаюсь напевать, когда мысли уходят в опасную сторону, и сердито обрывал мелодию: уж мыслить-то я хотел без ограничения»[96].

Интерес к политике, возникший у Льва Клейна еще в детстве, сохранился у него на всю жизнь. Настоятельная потребность мыслить без ограничения – одна из самых важных и неотъемлемых черт его личности, дающая ключ к пониманию как его поступков, так и особенностей стиля и метода его научной работы. Еще до войны у него появился и интерес к истории, благодаря которому он решительно воспротивился попыткам сделать из него музыкального вундеркинда.

Следующий период в жизни Льва Клейна наступил в эвакуации. Его интерес к истории не угас, и проявилась его главная черта как ученого – стремление открыть новое. «Сохранилось мое сочинение того времени… по русской литературе – “Игорь и Святослав”. Это образы из “Слова о полку Игореве”. Моим побуждением было открыть, кто является автором этого произведения. Вообще работа построена на сравнении образов “Слова” с образами тех же героев в Ипатьевской летописи. Сопоставляя “Слово” с летописью, я пришел к предположению, что автором мог быть Беловолод Просович, от которого Святослав Киевский, по Ипатьевской летописи, узнал о поражении Игоря. Имя у этого монаха или дипломата – западнорусского звучания, и это согласуется с заметным галицко-волынским вкладом в “Слово”»[97].

Любопытно, что это исследование восьмиклассник предпринял еще до работ академика Б.А. Рыбакова на ту же тему и пришел к другим выводам. Детальное сопоставление различных источников осталось одним из основных методологических приемов Клейна, позволивших ему сделать открытия в различных областях науки.

Атмосфера подъема патриотизма, характерная для военного времени, не могла не сказаться на подростке, и в шестнадцать лет он ушел на фронт.

Учеба Клейна сначала в Рославльском вагоностроительном техникуме, затем на филологическом факультете Гродненского педагогического института и, наконец, на историческом и филологическом факультетах Ленинградского государственного университета (ЛГУ) пришлась на послевоенный «сталинский» период. Протекала она весьма успешно. Еще учась в Гродно,

Клейн поступил на заочное отделение ЛГУ. Руководителем его стал знаменитый, но опальный профессор Владимир Яковлевич Пропп, основатель структурного изучения русской сказки и замечательный фольклорист, которого Клейн, говоря о своих учителях, всегда называет первым. Клейн написал курсовую работу объемом в 5 печатных листов «Медведь в народной сказке, языке и обряде сравнительно с материалами археологии». Пропп поставил этой работе оценку «отлично, с характеристикой работы как выдающейся» и рекомендовал ее к печати. Одновременно в сопроводительном письме к отзыву Пропп подробно разобрал недостатки работы и сделал ряд замечаний. Когда читаешь это письмо, трудно поверить, что в нем обсуждается не кандидатская диссертация, а курсовая работа первокурсника. Сам студент отнесся к своей работе еще суровее и не решился отдать ее в печать. А кандидатскую диссертацию он защитил только через 20 лет.

Учась на 4-м курсе, Клейн написал критическую работу о Марре и отдал ее на просмотр своему научному руководителю М.И. Артамонову, который нашел выводы студента настолько интересными, что предложил обсудить его работу на специальном заседании Ученого совета в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР. Такое беспрецедентное обсуждение и состоялось 3 марта 1950 года, причем оппонентами студента выступили такие светила археологии как Б.Б. Пиотровский, А.П. Окладников, А.Н. Бернштам и декан исторического факультета ЛГУ В.В. Мавродин,

Но несмотря на блестящую учебу, красный диплом, высокую оценку его научных достижений М.И. Артамоновым, путь в аспирантуру в обстановке начавшегося в 1951 году разгула антисемитизма Клейну был закрыт. Надо заметить, что выдающиеся способности Клейна были признаны самыми пристрастными судьями – сокурсниками, которые дали ему прозвище «великий». И конечно дело было не только в игре слов (klein по-немецки значит маленький, и Клейн высоким ростом действительно похвастаться не мог), а в том, что он вел себя не как робкий студент, а как имеющий свою независимую точку зрения состоявшийся ученый, умеющий убедительно ее отстаивать.

Почти шесть лет Клейн посвятил работе школьным учителем, сначала в Ленинграде, а затем в Гродно. Однако годы преподавания в школе не были вычеркнутыми из его жизни. Клейн, верный своему принципу (и завидному умению) даже жизненные поражения обращать себе на пользу, совершенствовал свое педагогическое и преподавательское мастерство – серьезно

изучал методику преподавания, проверял ее на практике, тренировался в том, чтобы говорить о сложных вещах просто, доходчиво, занимательно, живо, афористично, владеть аудиторией. Уж если кто с детьми и трудными подростками сладил, то студенческую аудиторию «держать» сможет наверняка. Впоследствии это весьма пригодилось. Многие доктора наук ныне признают, что некоторые лекции Клейна помнят до сих пор и могут повторить их слово в слово.

После доклада Хрущева на XX съезде КПСС начался новый период в жизни страны. Клейн почувствовал оттепель с некоторым запозданием. Весной 1957 года в Гродно пришло письмо, в котором сообщалось, что М.И. Артамонов предлагает ему поступать в аспирантуру при кафедре археологии. Начался период активной научной и преподавательской деятельности Клейна на кафедре археологии ЛГУ, сначала в качестве аспиранта, затем после полутора лет пребывания в статусе безработного, в качестве ассистента, а после защиты кандидатской диссертации – доцента.

Казалось бы, при выдающемся таланте и высокой работоспособности написать и защитить кандидатскую диссертацию для Клейна не составит труда и займет, всего несколько лет. Однако между моментом поступления в аспирантуру и защитой прошло 11 лет. Причина состоит в том, что Клейну было неинтересно пойти по пути развития своего диплома в кандидатскую диссертацию, как это делает большинство аспирантов. Поэтому он взялся за разработку темы, которая больше подошла бы для докторской диссертации, – «Происхождение скифов-царских», а потом сменил ее на новую тему – «Происхождение Донецкой катакомбной культуры». Одновременно он писал книгу «Спор о варягах». В срок диссертация не была защищена: и не столько потому что, по признанию Клейна, «проблема оказалась достаточно трудоемкой (я взял на себя слишком много)», а потому, что по своему характеру он не мог ограничиться разработкой одной идеи. Ему были свойственны, по его собственному выражению, метания – в результате возникали новые оригинальные идеи, требовавшие немедленной разработки.

С 1962 года начинается двадцатилетнее преподавание Клейна на кафедре археологии Ленинградского университета. Он вел там разные курсы – как обязательные: основы археологии (введение в археологию), методика полевых исследований, методика кабинетных (историко-археологических) исследований, методика камеральной обработки, археология бронзового века, история археологических знаний, так и факультативные: археологическая

разработка норманнского вопроса, археология катакомбной культуры, археология культур боевого топора и шнуровой керамики, археологическая типология, теоретическая археология и другие.

В 1980 году после ввода советских войск в Афганистан и срыва политики разрядки напряженности начался самый трудный и драматический период в жизни Клейна – он был арестован. Тогда официально считалось, что в Советском Союзе нет политических заключенных. Поэтому всем арестованным по политическим мотивам предъявлялись чисто уголовные обвинения. Клейн был обвинен в гомосексуальных связях.

Что может быть страшнее для 54-летнего ученого, чем попасть в советскую тюрьму, в общество уголовников с обвинением в гомосексуализме? Это испытание Клейн воспринял как вызов, проявил необычайное мужество и вышел из этого испытания с честью. Своей вины он не признал. После двух недель жесткого обсуждения в тюремной камере его «оправдал» импровизированный суд опытных уголовников, вынесший вердикт: «Дело шьют». А обвинительный приговор районного суда, вынесенный при явном участии в деле КГБ, оказался настолько несостоятельным, что был отменен городским судом. Новый приговор был значительно мягче, так что отсидеть Клейну оставалось всего пять месяцев. Подсудимому даже обещали, что если он подпишет признание, то его отпустят из зала суда. Но он предпочел быть отправленным в лагерь. Когда Клейн вышел на свободу, его лишили ученой степени и звания, а по приговору он еще и не имел права преподавать. Его вообще никуда не брали на работу, но зато принесли домой и вручили под расписку вызов в Израиль, которого он не заказывал и который не могли получить тогда многие жаждущие покинуть Советский союз. Клейн уезжать отказался.

Как парадоксально это ни звучит, как ученый Клейн в результате произошедшего, по его собственному признанию, возможно, больше приобрел, чем потерял. Приведу его высказывание: «…Я действительно благодарен не только партии и правительству, но и их главной опоре – КГБ, потому что они ставили мне такие препятствия, которые сформировали меня как личность и преодоление которых дало мне возможность проверить себя и поверить в себя. Прибавило уверенности в своих силах»[98].

Не имея места работы и зарабатывая на жизнь переводами, которые при его умении необычайно быстро работать, не отнимали много времени, он смог практически полностью отдаться научным исследованиям и литературному творчеству,

причем область исследований он мог выбирать теперь абсолютно независимо, так что ему открылись новые сферы исследовательской деятельности. То, что долгое время ему приходилось писать «в стол», не сказывалось на интенсивности его работы.

Именно в эти годы он освоил новую для себя специальность – гомероведение. Проведенный им комбинаторный и статистический анализ текста «Илиады» позволил установить, что это произведение составлено из пяти разных песен, различающихся своими героями и языком. Клейн доказал, что Троянской войны со взятием Трои ахейцами не было, а Илион и Троя – разные города, причем Троя все еще не найдена. Такой строгий и авторитетный историк древнего мира как И.М. Дьяконов, считал, что с исследований Клейна должна начаться новая эпоха в гомероведении.

Свое пребывание в тюрьме и лагере Клейн воспринял как научную экспедицию в неизведанный мир, и, вернувшись, написал ряд очерков, в которых выявил 14 признаков сходства криминальной среды с первобытным обществом. За один из очерков Клейн получил от журнала «Нева» медаль «Публикация года», очерки его выходили полумиллионными тиражами, а книга «Перевернутый мир» выдержала несколько изданий и переведена на иностранные языки[99].

Новый период в жизни страны наступил с приходом к власти М. Горбачева и началом перестройки. Перед Клейном открылись совершенно новые возможности, которыми он сумел блестяще воспользоваться.

Его начали печатать – сначала под псевдонимом в популярных и публицистических, а затем под своим именем и в научных журналах. Открылись государственные границы. Клейна и раньше приглашали зарубежные университеты, но он был «невыездным». Начались поездки Клейна по иностранным университетам, где он выступал с лекционными курсами и докладами. Первым был Западный Берлин, потом последовали Копенгаген, Вена, Стокгольм, Осло, Париж, Мадрид. Полгода он преподавал в 11 университетах Англии, в основном в Даремском, читал лекции и доклады в Лондоне, Оксфорде и Кембридже. Год читал лекционные курсы в университете Вашингтона (Сиэтл, США). Были еще Любляна (где его основные книги перевели на словенский), Турку, Тромсё.

Изменилось отношение к Клейну и в его родной стране. Ему предложили защитить по одной из его книг («Археологическая типология») докторскую диссертацию – сразу, без защиты кандидатской. Защитил ее он в Институте истории материальной

культуры Академии наук в 1994 году. Голосование было единогласным, и Высшая аттестационная комиссия (та самая, которая лишала его кандидатской степени) моментально утвердила защиту. Санкт-Петербургский университет, не вспоминая о том, что десяток лет тому назад лишил его степени кандидата и звания доцента, быстро вручил ему звание профессора, и ВАК тотчас это утвердила. Когда меняется время, меняется и поведение людей.

Клейна пригласили преподавать на философском факультете ЛГУ культурную антропологию. В начале 1990-х годов он принял активное участие в создании Европейского Университета и после его открытия в 1994 году преподавал там на этнологическом факультете.

В 1998-м в возрасте 70 лет Клейн ушел на пенсию из обоих университетов, занялся написанием книг и новыми поездками за рубеж с курсами лекций. Что привело не к снижению, а, пожалуй, даже к усилению его научной, а в последние годы и публицистической активности.

Победа над временем

Я считаю, что Клейна можно с полным правом назвать человеком, сумевшим победить время. Попытаемся понять, как ему удалось этого достичь и в чем таится секрет его высокой научной производительности и творческого долголетия

Вот как Клейн объяснил издателю свой отказ от написания мемуаров: «Для работы над мемуарами нужно свободное время и обстановка спокойного раздумья. Обычно пишут мемуары те, кто вышел из активной научной деятельности. А я не вышел. У меня именно сейчас – самый творческий период. По одной-две монографии выходит у меня в год. Это не считая довольно больших статей – по полдюжины-дюжине в год. Так получилось, что в советское время издавать книги мне было почти невозможно, и я писал “в стол”. Кроме того, многое я рассеивал по небольшим статьям – теперь это надо собрать в книги, потому что к ним совсем другое отношение. А многие идеи просто не ложились на бумагу, но в голове роились, и материал по ним накапливался. Вот теперь и старые рукописи нужно издавать, но при этом, конечно, перерабатывать, осовременивать, и новые книги создавать – разрабатывать созревшие идеи. Жизнь, к сожалению, подходит к концу, а так много еще остается невыполненных задумок! Так много заготовок! Мою биографию напишут и без меня, возможно, даже более объективно, а вот из

моих исследовательских планов есть немало таких, которые, я это понимаю, не сможет сделать никто, кроме меня – по крайней мере, в обозримом будущем»[100].

Клейн всегда стремился с максимальной пользой использовать отпущенное время. Обращенное к сыну стихотворение Редьярда Киплинга заканчивается следующими словами:

> Наполни смыслом каждое мгновенье,
> Часов и дней неуловимый бег.
> Тогда весь мир ты примешь во владенье.
> Тогда, мой сын, ты будешь человек!

Клейну удавалось и продолжает удаваться наполнять смыслом каждое мгновенье, в какие бы жизненные ситуации он ни попадал, каким бы испытаниям ни подвергался. Ему приходилось много времени тратить на занятия, которые не требовали его квалификации, но то время, которым он мог распоряжаться сам, он использовал с поразительной эффективностью. Работая в ЛГУ, он остро нуждался в помощи секретаря, который взял бы на себя часть рутинной работы. Но этого не могли себе позволить даже профессора. Поэтому Клейн приглашал жить в своей квартире студентов, нуждающихся в жилье. По крайней мере, они становились помощниками по дому, одновременно проходя великолепную школу научной работы. Именно это обстоятельство, по-видимому, навело кагэбэшников на мысль обвинить Клейн в гомосексуализме. Других оснований у них не было. Впоследствии все эти молодые люди благополучно женились и имели детей. Когда появились персональные компьютеры, Клейн сразу понял, как они могут помочь экономить время. Уже в 1990 году одним из первых среди ученых Петербурга он обзавелся персональным компьютером (привез его из Германии). Результат не заставил себя ждать.

Одним из секретов творческого долголетия Клейн является то, что он сохраняет поистине юношеское отношение к жизни. Вот что он написал о себе в 2010 году. «Знаете, есть молодящиеся старики, есть моложавые старцы, ну а я, наверное, молодой старикан. Молодость иногда сохраняется и после 30. Но у одних как болезнь, у других – как характер, у третьих – как профессия. Для меня молодость – это моя природа. Я с грустью наблюдаю, как мимо меня проходят и стареют поколение за поколением. Вот остепенились и отяжелели мои сверстники и однокашники. Вот мои первые ученики поседели и обзавелись собственными учениками. Вот уже и их ученики приходят ко мне со своими

диссертациями и проблемами, а потом и они становятся солидными, сосредоточиваются на чем-то одном – и скучнеют. А я жду следующего поколения, достаточно молодого и открытого, чтобы зажигаться вместе со мной»[101].

Но годы конечно сказываются, и Клейн добавляет: «Разумеется, силы уже все-таки не те. Раньше я не уставал и мог работать сутки напролет. Более того, я делал себе собственные сутки, в которых было 36 часов – 24 на работу, 10 на сон, 2 на все остальное»[102].

А за 30 лет до этого еще не достигший своего сорокалетия Лев Клейн написал стихотворение, посвященное уходу на пенсию директора Библиотеки ИИМК Нины Анатольевны Винберг. В нем есть такие строки:

> Какою мерой годы ни измерьте,
> Вам не изведать вдоволь бытия!
> Как сладко сознавать: мой труд бессмертен!
> Как горько понимать: но смертен я!
> Таков закон. Мы изменить не можем.
> Жизнь коротка – бежит, бежит, бежит,
> Связуя колыбель со смертным ложем…
> И все-таки она бессмертна, жизнь!
> Ни зверь, ни человек, ни гад, ни птица,
> Ни раб, ни царь, ни ангел и ни черт —
> Никто из нас в ничто не обратится,
> и каждый след вовек не будет стерт.
> Кто это понял и свои свершенья
> Не обрывал у видимой межи,
> Тот на вершине завершил движенье,
> И для того – она разумна, жизнь[103].

Китайская пословица гласит: «Надо умереть молодым, но постараться сделать это как можно позже». Лев Самуилович Клейн неуклонно следует этому совету. И он имеет полное право сказать: «Когда бы я ни умер, я умру преждевременно»[104].

Но не только время, данное человеку, оказывает воздействие на него, но и человек, правда далеко не каждый, старается оказать влияние на время, пытается изменить его. Льву Клейну это стремление было присуще с юных лет. В школе он организовал политическую организацию, членам которой только чудом удалось избежать сурового наказания. Уход на фронт был продиктован стремлением внести свой вклад в борьбу с врагом, приблизить час победы. Учась в Гродно и будучи комсомольским активистом, Клейн выступил с критикой начальства, и только

отъезд в Ленинград помог ему избежать наказания. Первая газетная публикация Клейна, появившаяся в 1956 году в газете «Ленинградский университет» называлась «Нужна коренная перестройка». С 2008 года публицистическая активность Льва Клейна связана с газетой «Троицкий вариант», в которой увидели свет более 100 коротких заметок и статей, посвященных не только науке, но и политике. Более 40 000 человек познакомились с его статьей «Приглашение к застою», посвященной верноподданническому манифесту Никиты Михалкова и размещенной на сайте Grani.ru.

Мемуарная часть книги «Трудно быть Клейном» завершается своеобразной исповедью автора: «Трудно ли мне было жить? И да, и нет. С одной стороны, мне было легко и радостно жить – прежде всего потому, что природа одарила меня не только некоторым умом и талантами, но и оптимистическим характером. Затем, существенно, что я родился не уродом и долго обладал хорошим здоровьем. Я получил не только замечательные гены, но и неплохое воспитание и образование, главное – приучен трудиться. Я вырос в атмосфере, пропитанной интеллигентскими традициями (русской и европейской), любовью к учебе и литературе, русской и иностранной. Вообще, в атмосфере терпимости и взаимоуважения. Наконец, мне просто везло в жизни. Везло на интересных людей, на талантливых учеников, на ситуации, в которых можно было проявить себя.

С другой стороны, в бытовом отношении жизнь мою легкой не назовешь. Да и не только в бытовом. Жизнь все время требовала от меня огромных усилий, упорного труда, порою смелости и всегда мужества. Препятствия возникали на каждом шагу, часто непреодолимые. Их приходилось пробивать или обходить. Я, как кошка, падал всегда на четыре лапки. Умел обращать бедствие в добро, извлекать уроки и выгоду из поражений.

Почему было так трудно, труднее, чем многим другим? Потому, что я еврей? Евреев много вокруг, и есть весьма успешные, несмотря на препоны. Потому ли, что интеллигент и стремился им оставаться? Интеллигентов еще больше, а время, когда это слово было у нас ругательством, прошло. Потому ли, что меня воспринимали гомосексуалом? Таких миллионы, и многие – в верхах общества. Потому ли, что обладал талантами и стремился их реализовать? Говорил же Пушкин: “…черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом”. Кондаков в старости говорил, что хотел был прожить еще одну жизнь и готов был бы родиться вторично, однако прибавлял: “Но с одним условием: не в России”. Так может быть, все потому, что я

родился в России? Но я вряд ли мог бы реализовать свои способности в другом месте так, как я это сделал в России. Вероятно, все это сказывалось понемножку, в сочетании, и превращало мою жизнь в бег с препятствиями. Но главное – это то, что я все время стремился их преодолевать. Препятствия того или иного рода есть везде и у всех, они громоздятся со всех сторон, но далеко не каждый стремится их преодолеть, даже если имеет силы для этого. Нужен еще и вкус к преодолению. Так что трудно было главным образом потому, что я – это я, это Клейн. Трудно быть Клейном»[105].

На этом можно было бы поставить точку. Но в Приложении к книге «Трудно быть Клейном» приведен очерк Клейна «Диагноз». В этом очерке Клейн дает глубокий и в значительной мере пророческий анализ положения, в котором находится современная Россия. Он хотел бы думать, что страна находится на подъеме, но понимает, что Россия глубоко больна и не понимает всей глубины своей болезни, не принимает никаких мер, и поэтому болезнь стала смертельно опасной[106]. Заканчиваются же этот очерк и вся книга словами, которые никого не могут оставить равнодушным: «Мне предстоит умереть. Но я хотел бы умереть в сознании, что страна будет жить счастливо и достойно»[107].

notes

Примечания

1

Подробности описаны на сайтах: корпус экспертов http://www.scientific.ru/expertise/; хроника проекта http://www.scientific.ru/expertise/current.html; предлагаемая методика отбора http://www.scientific.ru/expertise/comment2.html.

http://molbiol.ru/forums/index.php?showtopic=236446.

3

Сам этот комментарий к статье «Судьба Академии, судьба страны» см. на сайте газеты «Троицкий вариант»: http://trv-science.ru/2013/08/13/sudba-akademii-i-sudba-strany/comment-page-3/#comment-22047.

См. contextclub.org/.

См. также: *Клейн Л.С.* Заповеди участникам археологического семинара Л.С. Клейна (годы чеканки 1964–1995) // Stratum plus. Санкт Петербург – Кишинев – Одесса. 1999. № 3. С. 389.

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 85–86; *Он же.* Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2004. С. 88.

7

См. главу «Чтение между строк» в моей книге: *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. С. 81–89.

8

Клейн Л.С. Воевода советской археологии // Технология власти. Вып. 2. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 223–237.

Малянов Д. Атеист человечней верующего // Газета. ру. 10.05.2012.

Schlapp M., Smith E. The New Criminology. N.Y.: Boni and Liveright, 1928.

См.: newsland.ru/news/detail/id/993677.

12

Волков П.В. От Адама до Ноя. Археология для православных. СПб., 2010. С. 20.

13

Малинкова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М.: Мысль, 1988. С. 11.

Brandewie E. When giants walked the earth. Freiburg, 1990. P. 73–74.

15

Мусин А.Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Мусин А.Е. Церковная старина в современной России. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010.

17

Мусин А.Е. Кому курицы из Pussy Riot перешли дорогу // Город 812. 2012. № 10 (163). С. 19.

Кадосов Е. Человеческий зародыш на ранней стадии. Богословское осмысление. 2012 (portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=940).

Мюллер Ф., Геккель Э. Основной биогенетический закон. М.; Л., 1940.

Клесов А.А. Что говорит Google Scholar о пчелах и их вкладе в науку // Переформат. ру. 30.07.2013 (http://pereformat.ru/2013/07/google-scholar/).

21

Childe V.G. Is prehistory practical? // Antiquity. 1933. № 7 (28). P. 410–418.

Bibby G. The testimony of the spade. N.Y.: Knopf, 1956 (на русский переведена только его книжка: *Бибби Д.* В поисках Дильмуна. М.: Наука, 1984); *Керам К.В.* Узкое ущелье и Черная гора. М.: Изд-во восточной литературы, 1962; *Он же.* Первый американец. М.: Прогресс, 1979; *Он же.* Боги, гробницы, ученые. М.: АСТ, 2009 (это последнее русское издание, сама же книга вышла в 1949 году на немецком); *Варшавский А.С.* Человек ищет своих предков. М.: Детгиз, 1967; *Он же*. Колумбы каменного века. М.: Знание, 1978.

Федоров Г.Б. Дневная поверхность. М.: Детгиз, 1977; *Берестов В.Д.* Меч в золотых ножнах. М., 1964; *Ларичев В.Е.* Поиски предков Адама. М.: Политиздат, 1978; *Он же.* Сад Эдема. М.: Политиздат, 1980; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. М.: МГУ, 1975; *Формозов А.А.* Археологические путешествия. М.: Наука, 1974; *Он же.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979; *Он же.* Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1989.

Янин В.Л. От редактора // Алешковский М.Х. Повесть временных лет. М.: Наука, 1971. С. 6.

Там же. С. 7.

Eggers H. – J. Einführung in die Vorgeschichte. München: Pieper, 1959.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008; *Шер Я.А.* Археология изнутри. Научно-популярные очерки. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2009.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010.

Воронович В.Н., Козырева М.Г. (ред.) «Живя в чужих словах…»: Воспоминания о Л.Н. Гумилеве. СПб.: Росток, 2006. С. 351.

Там же. С. 387.

31

Там же. С. 308.

Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 228–246.

33

См.: *Воронович В.Н., Козырева М.Г. (ред.)* «Живя в чужих словах…»

Клейн Л. Перевернутый мир. 2-е изд., исправл. и доп. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2010.

Там же. С. 25–27.

Там же. С. 121, 265, 331.

Там же. С. 156.

38

Там же.

Там же. С. 167, 157.

Там же. С. 168–172.

41

Там же. С. 485.

42

Клейн Л. Перевернутый мир. С. 444.

Нестор. 2010. № 14. С. 303–344.

См.: http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/15114.

http://intellect-video.com/415/Rus-iznachalnaya-Proiskhozhdenie-varyagov-normanizm-i-antinormanizm-online/.

Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения / Носов Н.Е., Шаскольский И.П. (отв. ред.). Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв. М.; Л.: Наука, 1970. С. 226–252.

См.: http://my.mail.ru/community/varyagi_i_rus/728B161EB94BB787.html.

http://aklyosov.home.comcast.net.

49

Документ № 10348 (http://www.democrator.ru/problem/10348).

Раушенбах Б.В. Постскриптум. М.: Аграф, 2002. С. 281–282.

51

Вестник Международной академии. 2010. № 1а. С. 15.

Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М.: Гриф и К, 2011.

Hall M. Great Zimbabwe and the Lost City // Ucko P. (ed.). Theory in archaeology. London; N.Y.: Routledge, 1995. P. 28–45.

Renfrew C. Figuring it out: What are we? Where do we come from? The parallel visions of artists and archaeologists. London: Thames and Hudson, 2003. P. 85–86, 88.

Ibid. P. 88.

Белкин А. Золото болот. Собственная версия. Каталог выставки. СПб.: Эрмитаж, 2004.

Эрлих С.Е. Траектория футуристории. От культуры жертвоприношения к культуре самопожертвования // Stratum plus. 2011. № 5. С. 329–344.

Клейн Л.С. Найдена ли Троя? // Знание – сила. 1985. № 3. С. 40–43.

Клейн Л.С. Анатомия Илиады. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

Клейн Л.С. Кто победил в «Илиаде»? // Знание – сила. 1986. № 7. С. 43–45.

61

См.: *Копосов Н.* История и правосудие (http://www.polit.ru/institutes/2010/04/26/koposov.html).

62

См. мою статью «Что за Комиссия, Создатель?» в «ТрВ» № 11 (30) за 12 июня 2009.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. С. 64–69; *Он же*. Археология в седле // Stratum plus. 2000. № 4. С. 88–140; *Он же*. История археологической мысли. Т. I–II. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011; *Шнирельман В.А.* Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф. 2001; *Он же*. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003; *Он же*. Лица ненависти. М.: Академкнига, 2005; *Он же*. Быть аланами. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *Он же*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М.; Л., 1979.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997; *Он же*. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.

Клейн Л.С. Археология и этногенез: новый подход // Методологические проблемы изучения этнических культур. Ереван, 1978. С. 25–33; *Он же.* Этнографическая наука и национальный вопрос // Троицкий вариант. № 3. 14 февраля 2012. С. 7; *Он же*. Этногенез и археология. Т. 1. СПб.: Евразия, 2013.

67

Первая версия этого определения: *Клейн Л.С.* Археологические источники. 2-е изд. СПб., 1995. С. 251–252; см. также: *Клейн Л.С.* Археологическое исследование. Донецк: Донецкий университет, 2013, Т. 2. С. 281–302.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970; *Он же.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.

Гуляев В.И., Беляев Д.А. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки) // Российская археология. 1995. № 3. С. 97–98.

Гуляев В.И., Беляев Д.А. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки). С. 104.

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К., 2008.

Chang K.C. Rethinking archaeology. N.Y.: Random House, 1967. P. 109.

Пойя Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М.: Иностранная литература, 1957. С. 45, 49.

Сахаров А.Н. Рюрик и судьбы российской государственности // Российская газета. 27 сентября 2002.

Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности / Сборник Русского исторического общества. Вып. 8 (156). Антинорманизм. М.: Русская панорама, 2003.

Синицын А.А. Исследование памятников древнейшего этапа верхнего палеолита Восточной Европы. Раскопки стоянки Костенки-14 (Маркина Гора). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2004; *Anikovich M.V. et al.* Early Upper Palaeolithic in Eastern Europe and implications for the dispersal of modern humans // Science. 2007. № 315. P. 223.

Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1999. № 1.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Там же. С. 10.

Тишков В.А. Нация – это метафора // Дружба народов. 2000. № 7.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии в первой трети XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.

Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. С. 346.

Соловей Т.Д. Власть и наука в России. С. 321.

85

Там же. С. 205.

Там же. С. 317.

Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009.

Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008.

Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч, 2007.

Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. С. 7.

91

См.: http://trv-science.ru/2012/04/24/gipotezy-v-nauke/#more-15806.

См.: http://trv-science.ru/2012/04/10/blagaya-vest-ot-diakona/#more-15550.

93

Алексей Михайлович Ельяшевич, доктор физико-математических наук, специалист в области использования математических методов в естественных и гуманитарных науках. В 1992–1996 годы был директором Департамента науки и высшей школы мэрии Санкт-Петербурга. Участник семи археологических экспедиций.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор История, 2010.

Там же. С. 10.

Там же. С. 26.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор История, 2010.. С. 29.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор История, 2010. С. 568.

Клейн Л.С. Перевернутый мир. Донецк: ДонНУ, 2010.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 10.

101

Там же. С. 568.

102

Там же.

103

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 573.

Там же. С. 574.

105

Там же. С. 621.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. С. 650.

107

Там же. С. 669.